В 78
544

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье

Очерки истории

Под редакцией
академика С. Л. Тихвинского,
академика АН Таджикской ССР
Б. А. Литвинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

В 78

Рецензенты
В. Г. АРДЗИНБА,
Б. Х. КАРМЫШЕВА

В монографии впервые в исторической литературе на основе комплексного анализа письменных и археологических данных осуществлена реконструкция истории Восточного Туркестана с древнейших времен до X в. н. э. Подробно прослежена история изучения Восточного Туркестана русскими и зарубежными экспедициями. Дан очерк этнической и политической истории региона в конце I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э.

В $\frac{0506000000\text{-}141}{013(02)\text{-}88}$ 190-88

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Среднюю Азию [393, с. 14—16; 545; 1091, с. 1—5] русские и западноевропейские авторы XVIII — первой половины XIX в. часто называли «Большой Бухарией», земли же к востоку от нее — «Малой Бухарией» [1]. В китайских источниках нового времени последняя область после насильственного присоединения ее в середине XVIII в. к Китаю получила название Синьцзян.

Топонимы «Малая Бухария» и «Синьцзян» — искусственные образования, они не были известны местным жителям и не применялись ими. В XVIII—XIX вв. на Востоке, а затем и в Европе (в том числе в России) Малую и Большую Бухарию вместе называли «Туркестан», причем иногда различали «Бухарский Туркестан» и «Восточный Туркестан» [2].

В 1829 г. Н. Я. Бичурин в одном из своих первых больших трудов («Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем его состоянии») выступил с очень важным утверждением: «Здесь приличнее было бы назвать Бухарский Туркистан западным, а Китайский восточным. Принимаемое у нас название Китайского Туркистана подлежит изменению» [258, с. 12]. В трудах выдающегося русского востоковеда второй половины XIX в. В. В. Григорьева термины «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан» в полной мере обрели права гражданства. В названиях и в тексте его печатных исследований встречается как тот, так и другой термины. Топоним «Восточный Туркестан» распространился и в западноевропейской географической и востоковедной науках, особенно в немецкой («Ostturkestan»). Так как абсолютное большинство исконного населения этой области в новое и новейшее время являлось тюркоязычным, именно этот топоним наиболее оправдан с историко-культурной, этнической и лингвистической точек зрения [3].

Русская наука внесла огромный, по некоторым направлениям — решающий вклад в исследование исторических судеб Во-

[1] В 1697 г. в Тобольской приказной избе казак Федор Скибин, вернувшийся из «Казачьей орды», сообщил некоторые сведения о «Болшей Бухарии» [526, с. 265—266]. В 1696 г. С. Ремезову было поручено «написать степи от Табольска до Казачьей Орды, и до Бухарии Болшей, и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани» (цит. по [526, с. 39]).

[2] Критические замечания против термина «Малая Бухария» в 20-х годах XIX в. неоднократно высказывал, например, Е. К. Мейендорф.

[3] В данной работе Восточным Туркестаном именуется историко-географический регион Центральной Азии, территориально соответствующий современному Синьцзян-Уйгурскому автономному району КНР.

сточного Туркестана, языков и культуры населявших его народов и племен. Достаточно указать на труды В. В. Бартольда, В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга, К. Г Залемана в области истории, лингвистики и археологии. Обобщая результаты своих собственных исследований историко-культурного прошлого Средней Азии и Восточного Туркестана и научные достижения других востоковедов, лингвистов и археологов, наиболее компетентный знаток истории Востока В. В. Бартольд пришел к важным заключениям. Указав, в частности, что новая сводная работа по истории Восточного Туркестана может быть написана лишь в связи с результатами исследования прошлого Средней Азии, В. В. Бартольд обосновывал это следующим образом: «В обеих частях Туркестана жили народы одного и того же происхождения и действовали одни и те же культурные факторы» [122, с. 519].

На протяжении всего XIX в. и вплоть до 70-х годов нашего столетия многочисленные экспедиции (пионерами и здесь выступили русские ученые) собрали огромный фонд археологических материалов, извлекли из земли и изучили памятники искусства и письменности на санскрите и пракрите самого разнообразного содержания. Особое значение имеет открытие группы документов на кхарошти из г. Ния и других областей, а также рукописей на среднеперсидском, парфянском, согдийском, бактрийском (эфталитском), новоперсидском языках. Тогда же были обнаружены огромные серии ценнейших документов в соседних с Восточным Туркестаном районах, прежде всего в Дуньхуане. Другие памятники письменности дали представление о ранее неизвестном индоевропейском языке, который получил в науке название тохарского. Множество вновь найденных памятников письменности было создано на тибетском, китайском, сирийском, тюркских языках.

Эти находки потребовали кропотливой, длившейся десятилетия работы нескольких поколений лингвистов и историков. В ней наряду с русскими и советскими востоковедами участвовали ученые из западноевропейских стран, Японии, Индии и Китая. Дешифровка, издание и интерпретация этих памятников письменности далеко еще не завершены. Но и то, что сделано, имеет огромное значение. Наряду с литературными и религиозными рукописями, на основании которых можно судить об идеологии населения Восточного Туркестана в древности и раннем средневековье, в распоряжении историков оказались обширные серии разнообразных документов, посвященных государственному управлению, дипломатическим делам, географическим обзорам территорий, устройству и функционированию религиозных учреждений, торговле, ремеслу, налогам и податям, земельным отношениям и т. д. Документы содержат бесценные данные этнолингвистического характера.

Прежде сведения об истории Восточного Туркестана в значительной степени основывались на отрывочных сообщениях

китайских хронистов и путешественников, которые отличались неполнотой и ярко выраженной тенденциозностью, очень часто необъективностью. Местные же документы позволяют не только заново критически оценить китайские источники, но и наполнить недавно еще прерывистые силуэты восточнотуркестанской истории конкретным содержанием, не только восстановить во всех деталях внешнеполитические связи региона на протяжении веков, но и воссоздать политическую историю многих государственных образований и владений, существовавших на территории Восточного Туркестана. Оказывается возможным также дать развернутую характеристику экономики и социальных отношений, религий, культурной истории, этнолингвистической ситуации и т. д.

Конечно, сложности анализа этих источников и сопоставления их между собой, а также с китайскими данными необычайно велики; еще бóльшие трудности возникают при попытках использовать для создания широкой панорамы истории народов Восточного Туркестана археологические, нумизматические, иконографические, архитектурные и антропологические материалы. В основном, вероятно, именно вследствие этого до сих пор не существует обобщающей работы по раннесредневековой и древней истории Восточного Туркестана, выполненной на современном научном уровне, хотя имеются добротные исследования истории отдельных народов и владений, например Кучи, уйгурского Турфанского княжества, а также по многим частным проблемам. В результате открывается простор для необъективных, ненаучных построений [519; 520; 521]. Так, в ряде работ, изданных в КНР в 60—70-х годах, история и культура Восточного Туркестана вопреки фактам рассматриваются как «неотъемлемая часть» истории и культуры Китая. В частности, абсолютно неверны утверждения, будто в древности и средние века Восточный Туркестан постоянно входил в состав китайских империй. При этом предается забвению, что первоначальный этнический субстрат населения Восточного Туркестана был индоевропейским. В политическом отношении Восточный Туркестан вплоть до нового времени был связан с Китаем лишь в отдельные, обычно не очень длительные промежутки времени. К тому моменту, когда в конце II в. до н. э. Восточный Туркестан впервые попал в сферу военно-политической экспансии Ханьской империи, племена и народности Восточного Туркестана уже прошли огромный путь исторического развития, уже сложился их этнокультурный облик и возникли местные государства-оазисы. История взаимоотношений восточнотуркестанских государств и империи Хань сводится к попыткам последней подчинить народы Восточного Туркестана, основать там свои военные форпосты с китайскими гарнизонами. Этих целей Китай пытался достичь как дипломатическими средствами, так и путем военной экспансии, причем военные экспедиции нередко завершались неудачей. М. Лоуи, известный западноевропей-

ский знаток древней истории Центральной Азии, с полным основанием пришел к заключению, что результатом попыток завоевания империей Хань Восточного Туркестана «было лишь временное проникновение, зависящее больше от локальных и нестабильных факторов, а не постоянная и твердо установленная оккупация» [969, с. 92—93]. Действительно, основные территории Восточного Туркестана лишь ненадолго и, как правило, номинально признавали суверенитет империи Хань.

После крушения ханьской державы в III в. на полтысячелетия политические связи Китая с Восточным Туркестаном прерываются или сводятся к минимуму. В большей степени Восточный Туркестан оказывается в зависимости от Танской империи, особенно в 630—751 гг., но и в тот период скорее можно говорить о возросшей военно-политической активности танских властей, нежели о прочном подчинении региона центральной имперской власти.

Вместе с тем элементы материальной и духовной культуры Китая проникают в Восточный Туркестан, оказывают серьезное воздействие на культуру местных народов. Здесь распространяются китайский язык и китайская письменность, но сфера их применения ограничивалась средой поселившихся здесь китайцев. На китайском языке составлялись документы, так или иначе связанные с этой средой, велась официальная переписка, создавались буддийские сочинения. В Восточном Туркестане были распространены китайская одежда, текстильные изделия, оружие. Важным каналом их распространения служила торговля, кое-что заимствовалось от китайцев-поселенцев. В ряде случаев наблюдался синтез китайских и местных элементов культуры, причем, как правило, последние доминировали. И если в танскую эпоху (VIII—X вв.) влияние китайской культуры и искусства было весьма заметным, то культура Восточного Туркестана, а через его посредство среднеазиатская и индийская цивилизации оказали очень сильное воздействие на многие области духовной и материальной культуры Китая. Из Восточного Туркестана распространяются новые стили монументальной архитектуры, живописи, музыки, танцев, прикладного искусства; заметно восточнотуркестанское влияние и в сфере сельского хозяйства. Очень тесно и органично был связан Восточный Туркестан с Индией и Средней Азией. Эти связи восходят еще к каменному веку (см. гл. 1).

Даже из тех неполных сведений, которыми мы располагаем о бронзовом веке Восточного Туркестана (они обобщены и проанализированы в гл.2), ясно, что в регионе прослеживаются по крайней мере две культурные традиции. Одна из них связана со степными культурами Евразии, прежде всего с ареалом андроновской и близких ей среднеазиатских культур (тазабагъябской, кайраккумской и др.). Вторая — традиция культур расписной керамики, получившая новый импульс в конце бронзового века, когда возникла серия ее локальных очагов, в том

числе на северо-востоке Средней Азии (Ташкентский оазис и Фергана). Ареалы среднеазиатских и южноказахстанских культур андроновского типа вплотную примыкают к территории Восточного Туркестана; то же самое можно сказать о среднеазиатских культурах расписной керамики. Происходящие из Восточного Туркестана материалы показывают, что на его территории, особенно в западной и северной частях, жили племена, родственные, а отчасти, по-видимому, и идентичные племенам Средней Азии и Казахстана. В условиях экологической и географической близости такая картина для эпохи бронзы представляется естественной. Разумеется, это не исключает наличия местной, восточнотуркестанской традиции и возможности влияний, идущих с востока; однако последние не являлись определяющими [335, с. 263].

Восточнотуркестанские археологические комплексы эпохи бронзы, их облик и генетические связи приобретают серьезное значение в связи с тохарским пластом населения Восточного Туркестана. В 90-х годах XIX в. С. Ф. Ольденбург опубликовал фотографии ряда рукописей из собрания Н. Ф. Петровского, после этой публикации последовали другие, была выделена группа манускриптов, написанных письменностью брахми, но не поддающихся чтению ни на одном из известных тогда индийских или иранских языков. Оказалось впоследствии, что эти рукописи созданы на особых индоевропейских языках (A и B); первоначально они считались диалектами единого языка, названного сначала тохарским (на основании толкования уйгурского колофона одного манускрипта). Ныне, однако, такое название отвергается многими учеными.

Рукописи с текстами на тохарских языках, относящиеся к V—VIII вв., встречаются на севере Восточного Туркестана, особенно в районах Кучи, Карашара, Турфана [527; 831; 942; 961; 963; 965; 1034; 1096; 1098; 1099; 1100]. Однако в начале новой эры эти языки были распространены значительно шире, в том числе и на юго-востоке Восточного Туркестана. Так, в пракритских надписях из Нии и из района оз. Лобнор встречается неиндийская лексика (около 100 слов, свыше 1000 собственных имен) субстратного характера, которую определяют ныне как тохарскую [734; 779]. Исходя из дат указанных надписей, тохарский язык на этой территории должен был распространиться, во всяком случае, еще до рубежа новой эры.

Для более точной датировки прихода прототохарцев на территорию Восточного Туркестана имеют существенное значение несколько обстоятельств лингвистического характера. Большинство лингвистов полагает, что весьма архаические черты тохарских языков можно объяснить лишь в том случае, если предположить, что они очень рано отделились от индоевропейской языковой общности, причем появление на востоке носителей тохарских языков произошло намного раньше, чем позднейшие индоиранцы вторглись в эту область. «Некоторые черты этих

двух (тохарских. — *Б. Л.*) языков, — пишет Т. Барроу, — кажутся очень древними, что указывает на их происхождение от сравнительно древней формы индоевропейского. Отсюда следует, что переселение тохарцев произошло относительно давно; таким допущением лучше всего объясняется большое различие между тохарским и индоиранским. Мы должны предположить, что какая-то восточная индоевропейская диалектальная группа существовала обособленно на протяжении столетий, прежде чем началась более поздняя миграция, которая занесла индоиранский из центрального индоевропейского региона» [101, с. 21].

Отмечавшиеся в лингвистической литературе тохарско-дравидийские соответствия можно объяснить, если признать, что, как отмечал автор этих строк еще в 1963 г., «в эпоху бронзы население юга Средней Азии говорило на протодравидских языках» [335, с. 128] [4]. Анализ китайских источников также свидетельствует, что контакты с тохароязычным населением были очень ранними. По мнению Э. Пуллиблэнка, прототохарцы должны были расселиться в Восточном Туркестане, может быть, проникнуть и далее на восток, вплоть до земель, заселенных китайцами, в то время, когда произошло арийское завоевание Индии — во II тыс. до н. э. или даже ранее [1047, с. 35—36]. Предстоит еще выявить археологические следы этих передвижений [5]. Вероятно, они были составной частью обширных миграций из первоначального ареала расселения индоевропейцев — на восток и юг [555], совпадая по времени с протоиндийской волной или даже предшествуя ей [347, с. 160]. Передвинувшаяся на восток прототохарская этническая общность едва ли была очень многочисленной, но все же достаточно большой, чтобы, расселившись, занять почти весь Восточный Туркестан, а также обширные территории Средней Азии, в частности Ферганскую долину. Таким образом, носители тохарских языков — древнейший этнический пласт восточнотуркестанского населения (разумеется, смешавшийся с еще более древним местным субстратом). Следует добавить, что много позже, в раннем средневековье, по крайней мере часть тохарцев называла свой язык kučaññe — «кучанский» [175, с. 304—308]. Японский специалист по истории Центральной Азии проф. Ханэда Акира следующим образом резюмировал этнический аспект древнейшей истории Восточного Туркестана: «О древних жителях Таримского бассейна можно сказать, что их языки принадлежали к индоевропейской семье, в то время как жители Трансоксании были иранцами. Хотя неизвестно, можем ли мы назвать их аборигенами в строгом смысле слова, именно они со II в. до н. э. до середины IX в. н. э. являлись оседлыми жителями многих маленьких оазисов, которыми окружена пустыня Такла-

[4] Сейчас эту идею воспринял и развил В. М. Массон [381], не указывая, впрочем, источника.

[5] Некоторые предположения по этой проблеме см. [338, с. 128].

Макан» [870, с. 1]. Следует также добавить, что тохарский субстратный пласт был, возможно, доминирующим или, во всяком случае, одним из ведущих компонентов этноса Восточного Туркестана начиная со II тыс. до н. э.

Вторым очень древним этническим пластом был иранский. О его существовании стало известно после открытия и дешифровки группы рукописей, язык которых (принадлежит к сакской группе иранских языков)-назван хотано-сакским или, в соответствии с самоназванием этноса, хотанским. Эти тексты, происходящие из Хотана и Тумшука, записаны индийской письменностью брахми и датируются VII—X вв. (или V—X вв.) [744; 745; 749; 822]. Сакское население указанных районов приняло буддизм задолго до времени написания этих рукописей, которые преимущественно являются переводами буддийских санскритских сочинений, хотя имеются и документы светского содержания. Хотано-сакский язык, относящийся к среднеиранским, в документах имеет особое название hvatanau, hvamno. Памятники на хотано-сакском языке относятся к IV—IX вв. [745, с. 8], они свидетельствуют о том, что данный язык прошел три стадии развития от древнеиранских форм к новоиранским [192, с. 36—37; 748, с. 923; 749, с. 131—133, 135].

Часть рукописей, найденных близ Кашгара, в Тумшуке, Маралбаши и Муртуке, опубликовал С. Конов. Данные хотанские тексты, по словам Г Бейли, свидетельствуют о наличии «двух четко различающихся диалектов» сакского языка [746, с. 650]. Они написаны на тумшукско-сакском языке, родственном хотано-сакскому, но во многих деталях отличающемся от него и в целом более архаичном [750, с. 134—135; 935, с. 1—2]. Кроме того, как явствует из надписей I—III вв. н. э. на кхарошти из области Крорайна (к востоку от Хотана), существовал другой иранский язык, лексика которого существенно отличалась от хотано-сакской. «В Крорайне мы обнаруживаем, очевидно, третью форму родственного иранского (сакского?) языка», — полагал Г Бейли [752, с. 651]. Носители же сакских языков и диалектов появились в Крорайне явно раньше, чем элементы их языка вошли в язык местного населения. Согласно другим данным, уже в III в. во главе Хотана стояли правители хотано-сакского происхождения. По-видимому, может отражать историческую реальность позднейшая традиция, возникшая после VII в. и зафиксированная в разных источниках, согласно которой Хотанское царство было создано в III в. до н. э. [819, с. 167—168]. Мы не имеем пока данных о времени заселения территории Хотана племенами, говорившими на «хотанском» языке. Но несомненно, прав Р. Эммерик, отмечающий в этой связи факты миграций древнейших иранцев во II тыс. до н. э. [818, с. 3]. По авторитетному мнению В. И. Абаева, «тот факт, что сакский (т. е. хотано-сакский. — *Б. Л.*) не разделяет некоторых фонетических процессов, которые в европейско-скифском определялись очень рано, говорит в пользу большой давности

нии, вновь сходит на нет. Но даже в периоды максимальной экспансии китайцы в Восточном Туркестане были в явном меньшинстве. Встречающиеся в современной китайской историографии суждения противоположного характера, на наш взгляд, с научной точки зрения некорректны. В целом ханьцы не играли сколько-нибудь серьезной роли в этногенезе населения Восточного Туркестана; об этом свидетельствует как совокупность письменных источников, так и лингвистические и антропологические материалы. Известные науке краниологические серии из Восточного Туркестана также говорят о том, что там в основном проживало население европеоидного антропологического облика.

Важным аргументом является и сам результат многотысячелетнего процесса этногенеза. По последним официальным китайским данным, население Восточного Туркестана состоит из 13 основных национальностей. Фактически же ныне в регионе проживает свыше 30 наций и народностей. Подавляющее большинство составляют тюркоязычные народы, в первую очередь уйгуры, за которыми следуют казахи, киргизы, узбеки, тувинцы. Монголоязычное население состоит из торгутов, хошутов, чахаров, халхасцев, дахуров и др. Имеется ираноязычное население — сарыкольцы, ваханцы, собственно таджики и др. Зарегистрировано небольшое число тибетцев. Кроме того, в Восточном Туркестане проживают ханьцы, а также дунгане. Массив современного китайского и менее многочисленного маньчжурского населения (собственно маньчжуры, сибо и солоны) сложился после захвата Цинской империей Восточного Туркестана. По данным на 1953 г. (т. е. до начала активной эмиграции ханьцев из восточных провинций КНР), уйгуры составляли 74,7% населения, казахи — 9,7, монголы — 2,5, киргизы — 1,4%. В целом некитайское население Восточного Туркестана достигало тогда 94% [144, с. 91, 93][6]. Если учесть, что по этнографическим характеристикам тюркоязычное население Восточного Туркестана (уйгуры, казахи, киргизы) близко среднеазиатскому, а иногда и неотличимо от него, значимость этногенетической общности народов обоих регионов в ретроспективном отношении еще больше возрастает.

Для понимания исторического развития Восточного Туркестана очень важны природные условия этого обширного региона. Подробная характеристика физической географии Восточного Туркестана содержится в работах В. М. Синицына [499], Э. М. Мурзаева [394], в отчетах многочисленных путешественников. Поэтому ограничимся самыми общими сведениями.

Восточный Туркестан находится в самом центре Азии —

---

[6] В начале 50-х годов китайцы селились в основном в городах, больше половины их проживало в городах Урумчи и Баркуль. По сведениям, относящимся к началу XX в., китайское население Восточного Туркестана насчитывало всего около 8 тыс. человек [340, с. 99—100], его удельный вес колебался в пределах 0,3—0,4% населения региона.

между Алтаем на севере и Тибетом на юге. Регион занимает 1/6 часть территории КНР, его площадь превышает 1,5 млн. кв. км[7] Восточный Туркестан граничит на севере и западе с СССР, на юго-западе — с Афганистаном и Индией, на северо-востоке — с МНР; расположен в умеренных и отчасти субтропических широтах, примерно на тех же параллелях, что и советские союзные республики Средней Азии, а также Южный Казахстан, республики Закавказья, северные районы Афганистана и Ирана. В орографическом отношении регион состоит из двух больших межгорных впадин, Таримской и Джунгарской, окруженных с трех сторон горами: с севера — Монгольским Алтаем, с запада — горами Пограничной Джунгарии и системой Тянь-Шаня, с юга — Куньлунем. Между Таримской и Джунгарской впадинами протянулся хребет Тянь-Шань, суживающийся к востоку и являющийся важным природным рубежом. Джунгарскую впадину соединяют с соседними равнинами Казахстана широкий горный проход Джунгарские Ворота и долина Черного Иртыша; Илийская долина, начинаясь в Восточном Туркестане, постепенно расширяется в западном направлении.

Реки в Восточном Туркестане немногочисленны, отдельные районы вообще лишены поверхностных вод. Как и горные хребты, долины рек имеют широтное и субширотное простирание. На севере имеются крупные реки Манас и Или, на юге Таримская впадина орошается реками Тарим (Яркенд-дарья), Аксу, Хотан и др. Из озер особый интерес представляет оз. Лобнор в Таримской впадине.

Лето в регионе жаркое и продолжительное, зима очень холодная и длинная в Джунгарии и умеренно холодная — в Таримской впадине. Весенний и осенний периоды сравнительно коротки. При этом средние месячные и годовые температуры в Таримской впадине в целом значительно выше, чем в Джунгарии. Сверхтеплыми районами считаются Турфанская котловина, Хамийский оазис, Куча, Аксу, защищенные с севера горами Тянь-Шаня. Полюс жары — Турфан (средняя температура июля +33,6°).

Восточный Туркестан считается одной из самых засушливых областей земного шара и самой аридной частью Центральной Азии (эта особенность климата региона, в частности, способствовала хорошей сохранности археологических памятников). Так, в пустыне Такла-Макан количество осадков ничтожно — 10—15 мм в год. В Джунгарии количество осадков колеблется от 400 мм на восточных равнинах до 200 мм в северных предгорьях. В горах Алтая и Тянь-Шаня гораздо более влажно, там выпадает 500—750 мм осадков в год.

Территория Восточного Туркестана делится на три клима-

[7] В научной литературе приводятся разные величины площади Восточного Туркестана: 1707,2 тыс. км², 1946 тыс. км² и др. В китайских источниках указывается цифра 1600 тыс. км² [1176, 28.10.1962].

тические зоны: северную (Джунгария), южную (Таримская впадина) и высокогорные районы [394, с. 129]. Для Джунгарии характерно преобладание зерновых культур, приносящих один урожай в год, на предгорной равнине Тянь-Шаня культивируют фруктовые деревья, сахарную свеклу и хлопчатник. По климатическим данным к Джунгарии близки тянь-шаньские долины и котловины — Или и др. Здесь очень хорошие пастбища, развиты скотоводство, садоводство и виноградарство. Суровая зима, снегопады заставляют отгонять стада на пастбища в межгорных долинах и межгрядовых котловинах в песках, защищенных от снега и холода. Главный район скотоводства — бассейн р. Или.

В южной части Восточного Туркестана получают по два урожая в год, поскольку безморозный период продолжается 180 дней. Ассортимент культур более широкий, чем в Джунгарии. Славятся своим плодородием оазисы Турфан и Хами. Преобладают зерновые, произрастают технические культуры, в частности хлопок. Сажают много овощей и бахчевых (особенно ценятся турфанские и хамийские дыни), много садов и виноградников. Хотан знаменит своими гранатами, грецким орехом, тутовником, здесь развито шелководство. Следует отметить, что в Восточном Туркестане имеются многочисленные залежи разнообразных полезных ископаемых и минералов, в том числе тех, которые разрабатывались в древности и средневековье. Это, в частности, месторождения железа, меди, серебросвинцовых руд, золота, соли, серы, нашатыря, нефрита.

Таким образом, экологическая ситуация создавала возможности для нескольких систем хозяйства: кочевого, оседлого земледельческого, городского. И в этом отношении Восточный Туркестан сходен со Средней Азией, а различные природные зоны региона находят близкие соответствия в Средней Азии и Казахстане. Мелкооазисное расселение и земледелие, основанное на искусственном орошении, сочетались с кочевым скотоводством. Вслед за сложением двухкомпонентной системы хозяйства (земледельческий оазис — кочевая степь) последовало, как и в Средней Азии [337], образование третьей самостоятельной социальной общности — городского организма. Города постепенно превратились в важнейший центр экономической, административной и социальной (в том числе религиозной) жизни. Социально-экономические модели развития Средней Азии и Восточного Туркестана на всем протяжении древности и средних веков были одинаковыми. В силу этого представляется возможным сделать ряд заключений. В древности Восточный Туркестан неоднократно становился объектом китайской экспансии, особенно в 108 г. до н. э. — 170 г. н. э. и в 630—751 гг. Однако в конце концов войска империй Хань и Тан изгонялись из региона. Восточный Туркестан лишь со второй половины XVIII в. был включен в состав Китайской империи, получив при этом весьма многозначительное наименование

Синьцзян — «Новая граница» или «Новая территория». Однако и после этого господство Цинской империи над Восточным Туркестаном не раз надолго прерывалось в результате восстаний местных жителей.

На территории Восточного Туркестана в древности проживало не китайское, монголоидное, а индоевропейское, в основном ираноязычное, население, составлявшее основной этнический массив в оазисах и степях Восточного Туркестана (саки, тохары, хотано-саки, согдийцы, а также индийцы). В средние века в Восточном Туркестане последовательно оседали несколько больших групп тюркоязычных и монголоязычных народов — тюрок, уйгуров, карлуков, монголов. Все эти народы развивались в теснейшем контакте с этносами Средней Азии, Индии, Южной Сибири и Монголии, в определенной степени — Тибета и Китая.

Сопоставление восточнотуркестанских и среднеазиатских археологических, историко-архитектурных, историко-этнографических и антропологических материалов свидетельствует о том, что оба региона в древности и средние века объединялись одинаковыми моделями экономики и общими этноязыковыми, культурными и историческими традициями. Это обстоятельство повышает значение совместного вхождения Средней Азии и Восточного Туркестана в состав многих государственных образований. Анализ всей совокупности материала приводит к заключению — этнокультурная и историческая общность со Средней Азией была доминирующей константой истории Восточного Туркестана с древнейших времен вплоть до нового времени. В древности и средние века сформировался и существовал среднеазиатско-восточнотуркестанский этнокультурный регион [345].

Таким образом, история Восточного Туркестана — неразрывная часть истории всего обширного региона Центральной Азии.

Советские ученые много и успешно изучают историю этого огромного региона, они создали серию трудов по истории его народов. Однако до сих пор не было написано фундаментальной обобщающей работы по древней и раннесредневековой истории и истории культуры именно Восточного Туркестана, такого труда, впрочем, как выше указывалось, не существует и в зарубежной науке. Разумеется, подобная книга могла стать итогом лишь коллективных усилий ученых разных специальностей. Поэтому авторский коллектив, созданный в 1975 г. при секторе древних историко-культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока ИВАН СССР, включает специалистов по истории и культуре Центральной Азии — иранистов, индологов, тюркологов, индоевропеистов, китаистов, тибетологов, археологов, этнографов, историков религии, историков искусства — крупнейших ученых в соответствующих областях науки. Труд, написанный ими, состоит из отдельных очерков, каждый из которых носит цельный характер. Общую концеп-

цию монографии разработал Б. А. Литвинский [338; 340]. Перед авторами стояла задача: провести глубокое марксистское исследование источников и материалов и дать их строго научное, объективное осмысление. Совершенно исключена полемика с ненаучными или тенденциозными толкованиями, поскольку она может лишь помешать созданию строго выверенного свода фактов.

Хронологические границы труда — с древнейших времен до X в. н. э. Разумеется, последняя дата достаточно условна. Вместе с тем именно к концу I тыс. н. э. завершается формирование развитых феодальных отношений, которые начинают господствовать в Восточном Туркестане и Средней Азии при Караханидах.

Настоящий труд, как отмечалось, имеет очерковый характер, что породило некоторые повторы — в противном случае была бы утрачена цельность отдельных глав и затруднилось бы осмысление обширного исторического материала. Очерки различаются манерой изложения, степенью детализации, что зависит от состояния имеющихся источников и от успехов в их изучении. Сохранены точки зрения авторов, иногда различающиеся между собой.

Специальные тома будут посвящены этнической истории Восточного Туркестана, языкам и духовной жизни населявших его народов; экономике, а также истории материальной культуры, архитектуры и искусства региона.

Авторами труда являются: глава 1 — Б. А. Литвинский, А. П. Терентьев-Катанский (с дополнениями М. В. Крюкова), глава 2 — В. А. Ранов; глава 3 — Е. В. Антонова; глава 4 — М. Н. Погребова, Д. С. Раевский; глава 5 — И. В. Пьянков; глава 6 — М. В. Крюков; глава 7 — А. Г Малявкин (с дополнениями Б. А. Литвинского); глава 8 — Е. И. Лубо-Лесниченко.

Археологические работы на китайском языке использованы в главах 2—4 по переводам, подготовленным Е. А. Беловым. Техническая подготовка тома осуществлена Т. А. Шерковой, иллюстративное оформление — Т. П. Удымой, карты составлены А. В. Седовым.

Академик АН Таджикской ССР
Б. А. Литвинский

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ЭКСПЕДИЦИИ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

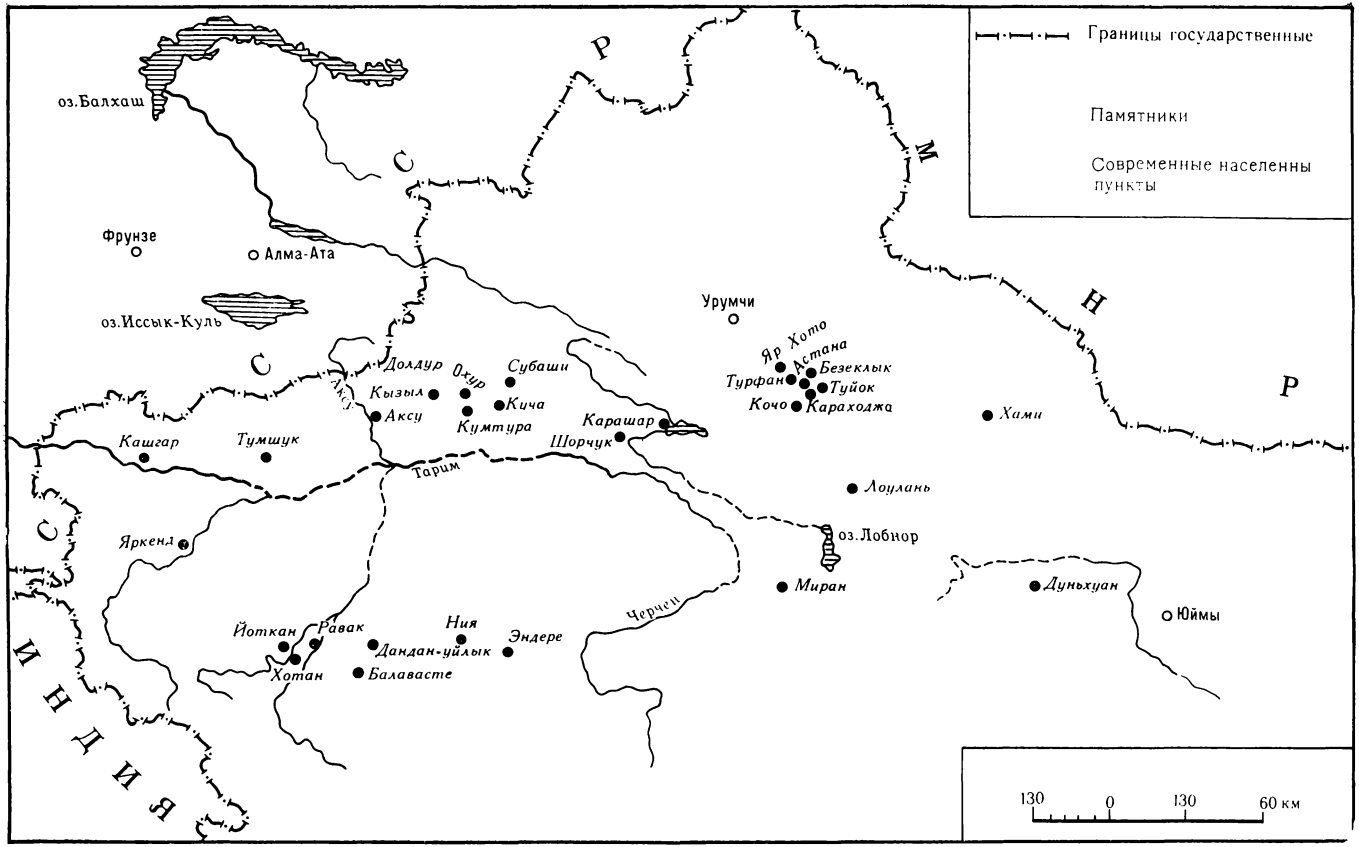
Значительная роль России в деле изучения Восточного Туркестана не подлежит сомнению. Начало знакомства русских с Центральной Азией относится к XVII в. В это время «государевы люди» Василий Тюменец, Иван Петлин и Федор Байков посетили Монголию. В XVIII в. в Кашгаре и Тибете побывал унтер-офицер Филипп Сергеевич Ефремов, человек удивительной судьбы, оставивший описание своего путешествия. Однако подлинный расцвет в изучении Центральной Азии, и в частности Восточного Туркестана, наступает в XIX в. Дело исследования возглавляет Русское географическое общество (РГО, основано в 1845 г.). Экспедиции, посылаемые им, ставили перед собой в основном географические задачи: съемка карт, исследование караванных путей, но попутно также изучение этнографии и археологических памятников.

«Уже со второго года своего существования, — писал П. П. Семенов-Тян-Шанский,— Русское Географическое общество обратило также должное внимание на крупнейшую из предстоявших ему в будущем задач — научное исследование Внутренней Азии» [497, с. 27]. В последующем, особенно с 70-х годов XIX в., экспедиционные исследования Центральной Азии становятся одним из основных направлений деятельности Русского географического общества.

Собственно археологией и историей Восточного Туркестана занималось и Восточное отделение Русского археологического общества. Одним из первых отечественных исследователей, проникших в Восточный Туркестан, был Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865), выдающийся казахский ученый, теснейшим образом связанный с русской наукой. Еще в 1856 г., участвуя в экспедиции М. М. Хоментовского к Центральному Тянь-Шаню и на оз. Иссык-Куль, Валиханов заинтересовался следами древней культуры в Туркестане. Найденные им в Алмалыке (Русская Джунгария) золотые монеты оказались чагатайскими монетами времен хана Ала ад-дина Тармаширина (1326—1334).

В 1858—1859 гг. Ч. Ч. Валиханов осуществил экспедицию в Кашгарию. В Восточном Туркестане Ч. Ч. Валиханов собрал исторические сведения из местных официальных документов и

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

Карта 1. Восточный Туркестан. Археологические памятники

сочинений, ряд уникальных восточных рукописей и нумизматическую коллекцию [152, с. 56]. Он обратил внимание на такой источник по истории Восточного Туркестана, как книга Мухаммада Хайдара «Тарихи-Рашиди» (составлена в 1544—1546 гг.). Ч. Ч. Валиханов обнаружил в Кашгаре продолжение этого сочинения — «Тазкираи Ходжаган» (написано в 1768—1769 гг.) [1]. В горах близ Кучи, отмечал исследователь, «много пещер и летом видны огни. В одной пещере есть иссеченные буддийские кумиры. Устройство их относят к династии Тан» [151, с. 112]. И хотя эти заметки были впервые опубликованы в 1962 г., Ч. Ч. Валиханов является, бесспорно, первым из европейски образованных ученых, получившим сведения о древних буддийских пещерных монастырях Восточного Туркестана.

Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) совершил настоящий научный подвиг, осуществив в 1870—1885 гг. четыре центральноазиатские экспедиции. Он открыл для науки практически неведомые страны. Прежде всего и больше всего он занимался природой Центральной Азии, вместе с тем сделав ряд интересных археологических наблюдений. Вот некоторые из них: «Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о умерщвлении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей, некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев, которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих... Еще и теперь жители Хотана, Керии, Ния и других оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в пески искать оголенные бурями остатки прежних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро» [456, с. 365].

В давние времена, согласно местному преданию, можно было пройти из Кучи на Лобнор «по крышам домов» — так густо было население на пустынном в XIX в. Тариме. В Черчене Пржевальский видел два города, разрушенные — первый якобы в VIII в., другой в XIII в., при Чингисхане.

При раскопках, производимых кладоискателями в Черчене, находили иногда склепы и отдельные деревянные гробы. В тех и других набальзамированные трупы обыкновенно сохранялись очень хорошо благодаря, в частности, необычайной сухости почвы и воздуха. Трупы мужчин были большого роста, с длинными волосами. У женщин волосы были заплетены в одну или две косы. Однажды был открыт склеп с 12 мужскими трупами в сидячем положении. В другой раз был найден гроб с телом молодой девушки. Ее глаза были закрыты золотыми кружками, а голова стянута от подбородка через темя золотой пластинкой. На трупе длинная, но узкая шерстяная одежда, украшен-

[1] Об этих сочинениях см. [509, с. 1202—1206].

шая на груди золотыми звездочками. В том же районе часто находили украшенные золотом одежды, всегда шерстяные и узкого покроя, а также железные вещи, в том числе кетмени.

О древностях на р. Хотан Пржевальский замечает следующее: «По Хотандарье также остатки [городов] встречаются чаще по восточной ее стороне и еще более на соседней Керийской реке (Кериядарья), прежнее русло которой тянется на расстояние 5—6 дней пешей ходьбы. Изредка попадаются древние кумирни, с глиняными, иногда вызолоченными идолами; случается находить золото и серебро; наконец, говорят, что в трех днях пути к востоку от лежащего на низовье Хотандарьи урочища Янгуз-кум стоит в песках целый город» [456, с. 471].

Путешествие русского ботаника А. Э. Регеля в 1878—1879 гг. в Кульджу и Турфан [483; 1062; 1064] имело главным образом естественнонаучные цели. Однако А. Э. Регель отметил и ряд археологических памятников [1062, с. 411, 414]. В Турфане особое внимание он обратил на то, что рядом с Караходжой «находится развалина громадного города, построенного будто бы 2000 лет тому назад мифическим царем Такманусом. Стены этого города чрезвычайно толсты и высоки и имеют с каждой стороны длину более версты. Внутри города помещаются высокие башни со сводообразными окнами или дверями, построенные несколькими уступами, затем высокие памятники и отдельно стоящие высокие толстые стены, в которых расположено несколько этажей сводов, служивших, по-видимому, для жилища». А. Э. Регель составил схематический план этого города и сообщил о нем некоторые сведения ([483, с. 207], см. также [1063]). Кроме того, А. Э. Регель упомянул памятник в Туюк-Мазаре [483, с. 207]. Путешественник собрал «коллекцию остатков из древних городов, курганов и сродных с ними предметов». Как и гербарий, эта коллекция была передана в Императорский ботанический сад [456, с. 215], и местонахождение ее сейчас неизвестно [2].

В числе русских путешественников, обративших внимание на следы древней культуры в Центральной Азии, был Михаил Васильевич Певцов (1843—1902). В организованной РГО экспедиции 1889—1890 гг., в которой участвовали известные впоследствии исследователи Центральной Азии В. И. Роборовский и П. К. Козлов, он неоднократно встречал развалины старинных городов. Краткое описание их М. В. Певцов дал в путевых заметках и в своей книге «Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагория и Чжунгарии» [441].

В сорока верстах к востоку от Яркенда М. В. Певцов обнаружил развалины, называвшиеся местными жителями «Конётатар». Среди руин были явно заметны фундаменты домов, «сохранились пни от больших деревьев, некогда осенявших селе-

[2] О поездках А. Э. Регеля в Восточный Туркестан см. [497, с. 723, 725; 397, с. 226—227].

ние. Туземцы находили в развалинах утварь, обломки разных орудий, иногда золотые и серебряные вещи» [17, с. 96—97].

В окрестностях Хотана М. В. Певцов упоминает еще две группы развалин. Так, в шести верстах к востоку от города были заметны остатки глиняной стены, за которой находились фундаменты домов. Находимые местными жителями в развалинах домашняя утварь и монеты, по мнению М. В. Певцова, относились к глубокой древности [17, с. 181—182]. Другая группа развалин находилась в восьми верстах к юго-западу от Хотана, на месте, где, по преданию, в IX в. стоял дворец хотанского правителя.

Близ западной окраины Черченского оазиса М. В. Певцов отметил развалины древнего города. Китайские власти даже пробовали основать на месте развалин новое поселение, но потерпели неудачу, не сумев наладить орошение [441, с. 255]. По дороге в Карашар М. В. Певцов посетил развалины большого древнего города, который местные жители считали основанным в глубокой древности. Город был окружен высоким земляным валом и рвом. На пространстве, огороженном валом, заметны следы строений и развалин очень большого здания [441, с. 336—337].

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936), посетив в 1889 г. северные районы Восточного Туркестана, обнаружил там немало древностей; интересовался он и историей остальных областей региона. Г. Е. Грумм-Гржимайло подробно описал развалины Ассашар, сделал несколько зарисовок этих руин [207, с. 294—296]. Он отмечал, что древние турфанские буддийские постройки отличались прочностью и солидностью, на него произвели большое впечатление их своды и куполы, скульптура и живопись [207, с. 323].

Так, путешественник писал: «Долина реки Мултук замечательна теми остатками старины, которые сохранились здесь еще с уйгурских времен: в долине заметны следы укрепления, в горах левого берега выбиты капища и монастырские кельи, в которых превосходно разрисованная штукатурка еще не осыпалась и сохранила необыкновенную яркость красок; по выходе же из гор, где река получает название Кара-Ходжа, вдоль нее всюду виднеются развалины городов, надгробные памятники и глинобитные постройки менее определенного типа» [207, с. 273].

В Хали (на р. Раиб в гряде Карлыктаг) ученый описал еще один буддийский храм: «Ряд высоких и круглых зал, вытянутых в одну линию и обращенных дверьми на юг. Сложенные из сырцового кирпича, они были оштукатурены алебастром внутри и по этой штукатурке разрисованы самыми яркими красками. Главные идолы, высотой аршин до 12, стояли против входов. Рядом же, в горной гряде были высечены кельи монахов» [207, с. 273].

Всеволод Иванович Роборовский (1856—1910) не был новичком в деле исследования Азии. Он участвовал в третьей и

четвертой экспедициях Н. М. Пржевальского, а также в экспедиции М. В. Певцова (1889—1890). В этом последнем путешествии В. И. Роборовский обратил внимание на рассказы местных жителей о городе Кок-муна (Зеленая башня) на правом берегу р. Эндере: «Туземцы туда ходят и откапывают из развалин кое-какие золотые и серебряные вещи, а также драгоценные камни», — писал Роборовский [487, с. 383]. В 1893—1895 гг. В. И. Роборовский совершил самостоятельную экспедицию в Восточный Туркестан, в которой также участвовал П. К. Козлов.

Древности Центральной Азии вызывали у В. И. Роборовского живейший интерес. В своем отчете об экспедиции и в краткой заметке о древностях в Люкчунской котловине [18] он дает сравнительно подробное описание их. В окрестностях городов Турфан и Люкчун экспедиция обнаружила много развалин древних уйгурских городов и селений. В. И. Роборовский отметил такие памятники, как пещерные монастыри в Туюке [489, с. 503], в Яр-Хото [489, с. 579] и др. Упоминает он и древние города, например Яр-Хото [489, с. 578—579]. Наиболее подробно путешественник описал Идикутшари: «Город окружен стеною около трех сажен толщиною и до пяти вышиною, выложенною из сырцового кирпича; стена эта около шести верст длиною. Находившиеся тут здания все разрушены; дома имели сводчатые потолки. Большинство зданий были двухэтажные; на внутренних и наружных стенах всюду буддийские рисунки. Много попадалось гигантских разрушенных бурханов и развалин монастырей и храмов. Из всего можно заключить, что здесь некогда процветал буддизм». В. И. Роборовский также описал развалины, находившиеся за пределами городских стен (в том числе большой храм, ступы, руины в сел. Астана). Местные жители находили там старинную керамику, стеклянные украшения, серебряные и медные монеты, рукописи. Образцы этих вещей были приобретены путешественником.

В. И. Роборовский записал легенду о царе Идигоге и пастухе Юнусе, связанную с городом Идикутшари [489, с. 500—502, 503—505]. Он сделал заключение, которое оказалось пророческим: «Вообще вся котловина представляет очень большой интерес для археолога — всюду натыкаешься на остатки обитавших здесь в старину жителей, придерживавшихся иного (т. е. неисламского. — *Б. Л.*) культа» [489, с. 500].

Некоторое, впрочем меньшее, количество сведений о древних памятниках Восточного Туркестана собрали западноевропейские путешественники. Так, в 1873—1874 гг., во время своей миссии в Восточный Туркестан, Т. Форсайт путем расспросов местных жителей собрал сведения о некоторых археологических памятниках Восточного Туркестана. Так, пандит Рам Чанд сообщил Т. Форсайту, что на расстоянии многих переходов к востоку от Хотана есть погребенные песками города; в 6,5 км к северо-западу от города также, по его словам, есть по-

гребенные руины (Йоткан? — *Б. Л.*) [3]. Здесь, по рассказам, местные жители нашли золотое украшение в виде фигурки коровы, маленькую золотую вазу на цепочке и т. д. Т. Форсайту из Керии и Хотана привезли различные предметы, в том числе глиняную статуэтку обезьяны, золотые кольца, скульптурное изображение Будды, греко-бактрийские и византийские монеты. Кроме того, Т. Форсайту рассказывали о пещерах и буддийских изображениях в окрестностях Кучи [833, с. 12—13].

Важные открытия делались порой совершенно случайно, во время военно-политических разведывательных миссий. Так, например, англичанин капитан Боуэр в 1888—1889 гг., выполняя приказ своего начальника, прибыл в Кучу с целью поисков бежавшего преступника. Один местный житель рассказал ему о находящихся неподалеку развалинах древнего города, где была найдена рукопись на бересте. Боуэр осмотрел руины и привез рукопись в Индию. Это оказалась одна из древнейших санскритских книг (ок. V в.), написанных на брахми [413; 415; 808; 893; 897].

В 1890—1895 гг. Центральную Азию, в частности Восточный Туркестан, исследовала французская научная миссия под руководством Ж.-Л. Дютрей де Рена и при участии Ф. Гренара.

Ж.-Л. Дютрей де Рен — путешественник-географ и картограф, Ф. Гренар — географ и ориенталист. Экспедиция была организована при поддержке французского правительства. Проехав Ташкент и Ош, экспедиция вступила в пределы Восточного Туркестана, а затем через Кашгар направилась в Хотан. Из Хотана были совершены поездки на склоны Куньлуня. Они совершили также поездки в оазисы Ния, Керия и Черчен. Затем французские путешественники горными тропами проникли в Тибет, где руководитель экспедиции Ж.-Л. Дютрей де Рен был убит. Ф. Гренар через Восточный Китай вернулся во Францию [813]. Экспедиция собрала обширные материалы по географии, этнографии, языкам Центральной Азии. Занималась она и археологическими изысканиями.

Археологические материалы экспедиции в обобщенной форме опубликовал Ф. Гренар в 1898 г. «Очень важными и, вероятно, очень древними» он называет развалины у маленького селения Йоткан, в районе Бурзахан (9 км к западу от современного Хотана) [851, с. 127]. Были собраны многочисленные древние изделия из нефрита, стекла, а также бусы и особенно много керамики (сосуды, рельефы, статуэтки). Последние «не китайского и не индийского, а греко-бактрийского происхождения и напоминают статуэтки, которые выкапывают в довольно большом количестве в руинах древнего Самарканда» [851, с. 128]. Среди находок — большое количество гемм. Изображения на них, по заключению Ф. Гренара, выполнены в разных стилях, в

[3] Эти данные неизмеримо достовернее более ранних и совершенно неопределенных сообщений У. Джонсона [916, с. 5] и некоего мусульманина — агента англо-индийских властей [999, с. 165].

том числе в греческом; некоторые же имитируют эллинские геммы. Упоминаются, в частности, изображения Аполлона Кифарида, Артемиды и других греческих божеств. Было обнаружено много монет, среди которых три сино-кхарошти, одна кушанская, чекана Хувишки, одна — золотой римский денарий. Большой интерес вызвал бронзовый христианский крест с китайской надписью в перекрестье [851, с. 127—138].

Французская экспедиция обследовала также руины укрепления Аксипил, раскопав там значительное количество керамики, геммы, фрагменты стекла, китайские монеты. Ф. Гренар опубликовал размеры крепости, сделал схематическую зарисовку ее фасада, указал размер сырцовых кирпичей (57×31×8 см), воспроизвел рисунки-знаки на них [851, с. 141, рис. 9—10]. Ученые обследовали пещеру Кумари, откуда происходит рукопись «Дхаммапады», выполненная письменностью кхарошти [851, с. 142—144]. Были исследованы и другие руины [851, с. 145—153].

Значительный вклад в изучение Восточного Туркестана внес и шведский исследователь Свен Гедин, совершивший три экспедиции в Центральную Азию (1894—1897, 1899—1902, 1906—1908). Два первых путешествия ознаменованы крупными археологическими открытиями.

Во время экспедиции 1894—1897 гг. [876, с. 105—106; 877] С. Гедин посетил развалины Йоткана. Он справедливо отметил, что это древнее поселение «благодаря находимым около него остаткам древней культуры является для археологов одним из интереснейших пунктов Центральной Азии» [879, с. 66]. Он дал краткую характеристику и привел несколько фотографий происходящих оттуда находок (523 предмета), полученных главным образом путем покупки. Это были керамические сосуды, терракотовые статуэтки, бронзовые предметы с изображениями будд и др., а также монеты и фрагменты рукописей. Конечно же, характеристики находок не выдерживают критики [879, с. 67—86]. Впрочем, он сам сообщает: «Поводом к тому, что я вообще заинтересовался этой отраслью науки, послужило то обстоятельство, что я еще в Кашгаре у консула Петровского видел подобную коллекцию. Он составил ее из вещей, привезенных ему из Бурузана (т. е. Йоткана. — *Б. Л., А. Т.-К.*) западнотуркестанскими купцами» [879, с. 67].

Кроме того, на окраине пустыни Такла-Макан С. Гедин обнаружил руины еще одного города. «Из всех урочищ Восточного Туркестана ни одно не было похоже на этот оригинальный город, остатки которого лежали теперь перед нами, — писал шведский путешественник. — Обыкновенно местные развалины представляют остатки стен и башен из сырца или в лучшем случае из обожженного кирпича. Здесь же все дома были построены из дерева (тополя), и не было и следа каменных или глиняных построек» [879, с. 94]. Город занимал 3—4 км в поперечнике. От построек остались столбы высотой 2—3 м. В од-

ной из них сохранилась настенная живопись. У другого дома найдены штуковые горельефные фигуры, среди них изображения сидящих и стоящих будд. Были найдены штуковые фризы и карнизы, терракотовые фигурки. Среди других находок — фрагменты керамики, пряслица, каменные жернова и др. [879, с. 95—100]. Эти развалины вошли в литературу как Дандан-уйлык.

В экспедиции 1899—1902 гг. С. Гедин вновь столкнулся с древностями Восточного Туркестана [876, с. 112—114]. В январе 1900 г. Гедин обследовал развалины города между Черченом и Эндере. Он описывает в своих дневниках обнаруженную им массивную каменную стену с башнями. Одна из башен, высотой 10 м и 24 м в окружности, по словам Гедина, не имела внутренних помещений. Вероятно, речь идет о ступе. Был найден след канала, проложенного некогда от ближайшей реки Бостан-тограк [876, с. 72—73]. На юго-запад от р Куруктаг С. Гедин обнаружил развалины древних деревянных зданий на глиняных стилобатах. Сборы в развалинах дали образцы керамики, железные топоры и очень интересные деревянные предметы с резьбой, изображающей, в частности, «правителя в короне, держащего трезубец в руках» [876, с. 99—102], а также резные деревянные колонны. Неподалеку располагались четыре ступы, имевшие форму купола. Далее к юго-западу были найдены другие руины, где обнаружены образцы резьбы по дереву, глиняная посуда, топоры и монеты.

С. Гедин открыл на берегу оз. Лобнор древний город, и его обследование явилось важнейшим археологическим событием этой экспедиции. С. Гедин насчитал здесь 19 домов, вернее, их деревянных каркасов и остатков оплетающего их камыша. Исследователь снял подробный план расположения жилищ. В нескольких километрах находилось другое скопление руин домов и ступы, где были найдены деревянная скульптура Будды, деревянные панели с рядом сидящих в арках будд и другими изображениями. Кроме того, обнаружены керамика, бронзовые изделия, монеты, а также деревянные дощечки с надписями на неизвестном языке (впоследствии выяснилось, что это индийские надписи, сделанные письменностью кхарошти) и китайские документы на бумаге и дереве. Как установил позднее немецкий синолог К. Гимли, некоторые китайские документы датированы концом III — началом IV в. Он же установил, что открытый С. Гединым город — это древний Лоулань [876, с. 210—220].

С. Гедин, превосходный топограф и хороший рисовальщик, во время своих экспедиций снимал планы, делал зарисовки и фотографии остатков древних сооружений и предметов. Однако методика его работы на археологических памятниках была совершенно ненаучной: шведский путешественник посылал рабочих на «свободный поиск» интересных находок; с этой целью они бесконтрольно раскапывали древние сооружения.

Сам С. Гедин не описал детально ни обнаруженные памятники, ни ход их раскопок, ни сами собранные во время экспедиций предметы, монеты и рукописи. Значительная часть его коллекций, поступившая в шведские музеи, была впоследствии опубликована [761; 803; 997; 998].

Этап подготовки русских археологических экспедиций в Восточный Туркестан открыло заседание Восточного отделения Русского археологического общества 18 октября 1891 г. Выступивший на нем С. Ф. Ольденбург высоко оценил индийские рукописи, приобретенные английским лейтенантом Боуэром в Куче. С. Ф. Ольденбург предложил обратиться к русскому консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому с запросом: «1) Не имеются ли в консульстве или не могут ли быть получены путем расспросов сведения об остатках древности в Куче или иных местах Кашгарии? 2) В какой мере отдельное лицо или же экспедиция, направившиеся в Кучу для археологических разысканий, могут рассчитывать на то, что китайские власти и население не будут препятствовать им в работе?» [32, с. 10—11]. Запрос был послан, и в ответ Н. Ф. Петровский подтвердил, что «памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане» [446, с. 293]. Он привел о них некоторые сведения и прислал часть индийской рукописи. Относительно же второго вопроса, затронутого С. Ф. Ольденбургом, Н. Ф. Петровский выразил сомнение, что китайское правительство даст разрешение на археологические раскопки. Он выдвинул совершенно бесспорную идею, что до начала специальных исследований каких-либо отдельных памятников «было бы в высшей степени необходимо сделать общий обзор и самое краткое описание памятников и местностей, интересных в археологическом отношении, обозначив на карте, где они находятся» [446, с. 297]. Он предполагал, что китайское правительство не станет чинить препятствий такой рекогносцировочной экспедиции [446, с. 297—298]. Однако организовать такую экспедицию тогда не удалось. Все же географические исследования продолжались— в Восточном Туркестане в 1893—1895 гг работала экспедиция В. И. Роборовского при участии П. К. Козлова.

Принципиально новый этап в изучении Восточного Туркестана открыла первая специальная археологическая экспедиция в Восточный Туркестан в 1898 г. во главе с Д. А. Клеменцем (1848—1914) [4]. Студент физико-математического факультета Петербургского университета, Д. А. Клеменц не окончил его, так как стал профессиональным революционером. После ареста он отбывал ссылку в Минусинске. Здесь он целиком погрузился в научную работу. Он участвовал в географической экспедиции, а затем, с организацией Минусинского музея (1877 г.), занялся археологией Южной Сибири, выпустил в 1888 г. серьезное обобщающее исследование «Древности Минусинского му-

[4] О Д. А. Клеменце см. [453].

зея». После окончания срока ссылки Д. А. Клеменц переехал в Томск. По поручению Археологической комиссии ученый произвел широкие раскопки (в них участвовала и его жена), которые, по мнению специалистов, явились «первыми и единственными в дореволюционный период исследованиями в Южной Сибири, произведенными на высоком методическом уровне» [243, с. 7]. Широко и глубоко образованный человек, Д. А. Клеменц высказывал передовые для своего времени взгляды на роль и задачи археологии как науки. Именно поэтому академик В. В. Радлов привлек его к участию в качестве археолога в академической Орхонской экспедиции 1891 г. Экспедиционное исследование Монголии Д. А. Клеменц продолжал вплоть до 1897 г. [243, с. 7—8]. Таким образом, назначение его руководителем археологической экспедиции 1898 г. в Восточный Туркестан было совершенно закономерным.

Организация этой экспедиции имеет свою «предысторию». Она может быть начата с 1896 г., когда в РГО поступили фрагменты санскритских, уйгурских и китайских рукописей, приобретенные во время экспедиции 1893—1895 гг. В. И. Роборовским и П. К. Козловым в Турфанском оазисе [488, с. 12]. Акад. В. В. Радлов, участвовавший (вместе с А. О. Ивановским и С. Ф. Ольденбургом) в разборе этих манускриптов, сначала сделал в Академии наук доклад, а затем совместно с К. Г Залеманом и В. Р. Розеном выступил с предложением об организации специальной экспедиции по исследованию древностей Турфана. Срок экспедиции был определен в 4—6 месяцев, главой ее был назначен Д. А. Клеменц, в экспедиции принимали участие его жена и М. С. Андреев[5] (в качестве переводчика). Ход и результаты исследований зафиксированы в дневнике Д. А. Клеменца, записях о древностях Турфана, альбоме с рисунками, фотографиях. Экспедиция из Восточного Туркестана привезла большую коллекцию памятников искусства и письменности, археологических материалов. Был опубликован небольшой по объему, но достаточно детальный отчет [430; 930; 1052][6]. Экспедиция Д. А. Клеменца, работая очень интенсивно, обследовала не менее полутора десятков комплексов, в том числе такие важные, как Идикутшари, Сенгим-Огуз, Безеклык (Муртук), Туюк-Мазар и др. Особое внимание было уделено древностям Идикутшари и Туюк-Мазара. Ученый не имел возможности проводить раскопки, однако описал памятники, фотографировал их, снимал планы, делал разрезы, а также эстампажи с надписей, покупал древние предметы и рукописи. Д. А. Клеменц привез некоторое число настенных росписей, вы-

[5] М. С. Андреев (1873—1948) — впоследствии выдающийся исследователь этнографии и языков народов Средней Азии (прежде всего таджиков), чл.-кор. АН СССР.

[6] Д. А. Клеменц предполагал издать второй выпуск своего отчета с обзором коллекции фресок, затем предполагалось опубликовать уйгурские тексты и надписи В. В. Радлова, санскритские надписи С. Ф. Ольденбурга и т. д. [430, с. 65, 67]. Это намерение, однако, не осуществилось.

полненных в разных манерах. С. Ф. Ольденбург собирался издать научный каталог рукописей и других находок экспедиции Д. А. Клеменца.

Сам Д. А. Клеменц скромно рассматривал свою экспедицию как рекогносцировочную. По сути, такая характеристика верна, но важно подчеркнуть, что русский ученый впервые дал обстоятельный обзор археологических памятников Турфана, выполненный на высоком для своего времени уровне. Некоторые памятники именно он обнаружил и детально описал, собрал и проанализировал обширный материал, высказав много ценных соображений. Материалы экспедиции Д. А. Клеменца и его исследования сохранили свое значение до наших дней, показали, сколь богат Восточный Туркестан первоклассными археологическими памятниками и сколь перспективным может стать его углубленное археологическое изучение. Путешествие Д. А. Клеменца открыло эру собственно археологических экспедиций в Восточный Туркестан, а выход в свет ее отчета, опубликованного на немецком языке, имел и несколько серьезных научно-организационных последствий.

В том же, 1898 г. в Восточном Туркестане работала финская экспедиция в составе ориенталиста О. Доннера и фотографа К. Мунка. Из Семиречья они проследовали в Кульджу. Далее маршрут пролегал в Урумчи и Турфан. Исследователи занимались описанием памятников, особенно много внимания уделив при этом Идикутшари и пещерным монастырям с их настенными росписями. Были сфотографированы и скопированы санскритские надписи — их издал Э. Сенар в «Journal Asiatique» в 1900 г. О. Доннер опубликовал (на шведском языке) отчет — в виде популярной книги [726, с. 101—102; 812]. По своей роли в истории науки, по влиянию на последующие исследования эта экспедиция стояла несравненно ниже экспедиции Д. А. Клеменца; книга О. Доннера в отличие от труда русского исследователя почти не цитировалась учеными.

Вообще следует иметь в виду, что одновременно с русскими исследователями в Центральную и Восточную Азию совершают путешествия зарубежные ученые [808]. В 90-е годы XIX в. из Восточного Туркестана в научные учреждения разных стран усиливается приток древних письменных документов, монет и археологических предметов, причем многие из них имели значительную научную ценность [417; 894; 897; 900].

В кругах русских ученых, востоковедов и археологов экспедиция Д. А. Клеменца 1898 г., как и находки зарубежных ученых породили идею о необходимости систематического исследования Восточного Туркестана с помощью хорошо подготовленных более длительных экспедиций. В Восточное отделение Русского археологического общества в январе 1900 г. была подана «Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима», составленная Н. И. Веселовским, Д. А. Клеменцем, С. Ф. Ольденбургом. Авторы записки конста-

тировали, что открытия экспедиции 1898 г. показали, что Восточный Туркестан «представляет широкое и благодарное поле для изучения» [162, с. 9]. В «Записке» подчеркнуты заслуги деятелей отечественной науки в изучении Восточного Туркестана. Труды русских ученых «в сумме далеко превышали все то, что сделано в этой области иностранцами» [162, с. 11]. Они выдвинули идею о принадлежащих русским ученым «правах приоритета» в исследовании этих областей. Н. И. Веселовский, Д. А. Клеменц и С. Ф. Ольденбург подходили к задачам организации экспедиции вполне реалистически. Анализируя весь имевшийся к тому времени материал, в том числе и рукописную карту, составленную Н. Ф. Петровским, они предложили включить в район экспедиционных работ наиболее важные в археологическом отношении местности. При этом предполагалось сочетать стационарные археологические работы с рекогносцировкой неизвестных науке древностей.

Авторы проекта думали об организации двух последовательно работающих экспедиций. Первая экспедиция в составе пяти специалистов (в том числе одного художника) и пяти рабочих должна была 8—10 месяцев работать в районах Турфана и Кучи. Вторую экспедицию в том же количественном составе предполагалось отправить на рекогносцировку (в течение 12—15 месяцев) древностей обширного района от Турфана до Хотана — в том числе берегов оз. Лобнор, оазисов Черчен и Керия. Общая сумма затрат должна была составить около 30 тыс. рублей. Изучение памятников искусства, раскопки, сбор рукописей, обнаружение и изучение развалин, приобретение у местных жителей найденных ими предметов, рукописей, монет, — одним словом, изучение древней культуры северных и южных оазисов Восточного Туркестана — так представляли себе эти работы составители «Записки», двое из которых (Д. А. Клеменц и Н. И. Веселовский) были прекрасно знакомы с условиями полевой работы в Центральной Азии.

«Записка» была обсуждена на заседании Восточного отделения 27 января 1900 г. и направлена затем в министерство финансов. 26 октября на новом заседании Восточного отделения отмечалось, что «г. Министр финансов не нашел возможным ассигновать ныне суммы, просимые И[мператорским] Р[оссийским] Археологическим Обществом на Турфанскую экспедицию» [251, с. 36]. Так одним росчерком пера русская наука была лишена возможности продолжить дело, с таким успехом начатое русскими учеными, особенно Д. А. Клеменцем, по изучению памятников древней культуры Восточного Туркестана. Как справедливо писал акад. Ф. И. Щербатской: «Во главе предполагавшейся русской экспедиции должен был стать С. Ф. [Ольденбург]. К сожалению, тогдашнее правительство не нашло возможным сразу же ассигновать средства на осуществление этой русской экспедиции, между тем как экспедиции английская, французская, три германских и несколько япон-

ских одна за другой избороздили Сериндию вдоль и поперек. Результатом этого было то, что, когда наконец явилась на место русская экспедиция, значительная часть древностей оказалась увезенной в разные музеи Европы и Японии, а много памятников оказались просто разрушенными при попытке снятия их с места для перевозки» [554, с. 22].

Сам С. Ф. Ольденбург в 1917 г. оценивал этот эпизод следующим образом: «Русским ученым и на этот раз, как бывало и бывает нередко, пришлось отойти на время от начатого ими вполне успешного дела, которое перешло в руки иностранных, в первую очередь немецких, ученых, получивших в своей стране средства на экспедицию. Только много лет спустя, при условиях гораздо менее благоприятных, русским ученым удалось продолжить дело Д. А. [Клеменца]» [416, с. 231].

Отказ министерства финансов, впрочем, не обескуражил русских ученых. Они явились инициаторами организации Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Эта идея обсуждалась на XII Международном конгрессе ориенталистов в 1899 г. в Риме [727], где особенно большой интерес вызвало сделанное на специальном заседании индийской секции сообщение В. В. Радлова, посвященное научным открытиям в Центральной Азии в области индийско-буддийских и уйгуро-буддийских древностей и уйгурским рукописным памятникам, найденным Д. А. Клеменцем в 1898 г. в Турфане. Изучение этой культуры было признано одной из исключительных по своему значению научных задач, выполнение которых было возможно лишь путем международных усилий. «Ввиду изложенных соображений члены XII конгресса признали желательным принять меры к объединению работ по изучению Средней Азии, главным образом восточной и центральной ее части, и образовать для этого всемирный Союз ученых» [30, л. 5]. Инициатором идеи ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии стал выдающийся русский ученый, востоковед, этнограф, лингвист, археолог и организатор науки акад. Василий Васильевич Радлов (1837—1918). Предложение о создании Международного союза на конгрессе (на заседании секции Центральной Азии) внес именно он. По принятии этого предложения были созданы Международная ассоциация для археологических и лингвистических исследований в Центральной Азии и на Дальнем Востоке; Центральный и восточноазиатский исследовательский фонд (Association Internationale pour l'exploration archéologique et linguistique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient; Central and East Asia Exploration Fund) [7] На общем заседании конгресса 14 октября 1899 г.

[7] Секция Центральной Азии XII конгресса выразила также пожелание, чтобы «русское правительство и компетентные научные учреждения организовали и финансировали планомерные исследования в Центральной Азии, которые продолжили и расширили бы исследования Клеменца» [727, с. 263].

это постановление было утверждено [727, с. 261]. Для его выполнения была создана комиссия из представителей различных стран под председательством акад. В. В. Радлова. В состав комиссии вошли видные востоковеды: И. Гольдциер, О. Доннер, Р. Дэвидс, Д. Карабачек, Г. Керн, Г. Кордье, Э. Лейман, С. Ф. Ольденбург, Э. Сенар, В. Томсен, А. Геррманн, Р. Хёрнле, Ф. Хирт, Г Хут, Л. Шредер. Комиссия, в свою очередь, предложила организовать секции союза в соответствующих странах и вместе с тем возложила на русских ученых — акад. В. В. Радлова и С. Ф. Ольденбурга — организацию Русского отдела и подготовку устава проектируемого союза. Решение комиссии было одобрено общим собранием конгресса 15 октября 1899 г., с тем чтобы разработанные ею резолюции были окончательно утверждены следующим, XIII Международным конгрессом ориенталистов.

Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии должна была состоять из ряда полностью автономных местных комитетов, по одному в стране, причем каждый создавался совершенно самостоятельно и расходовал находившиеся в его распоряжении средства по своему усмотрению, вне всяких обязательств денежного характера по отношению к руководству Международной ассоциации. Русский комитет в Санкт-Петербурге должен был стать «объединяющим центром деятельности и компетентным источником сведений по всем вопросам, касающимся деятельности Союза (Ассоциации. — *Б. Л.*)» [41, с. 8], сосредоточивать все сведения о работах и планах местных комитетов и быть посредником при организации таких предприятий, к которым предполагалось привлечь научные силы нескольких стран.

8 сентября 1902 г. в Гамбурге собрались присутствовавшие на XIII Международном конгрессе ориенталистов члены комиссии по организации Международной ассоциации для исследования Центральной и Восточной Азии. Председательствовал В. В. Радлов. Он предложил вниманию собравшихся проект устава, выработанный петербургскими учеными. От имени российского правительства В. В. Радлов объяснил, что Русский комитет Ассоциации будет находиться в Санкт-Петербурге при министерстве иностранных дел. Он предложил собравшимся:

«1. Утвердить устав Ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

2. Уполномочить избранных в Риме русских ученых В. В. Радлова и С. Ф. Ольденбурга организовать центральный комитет названной Ассоциации.

3. Назвать в качестве представителей отдельных стран следующих членов: Франции — Г Кордье, Э. Сенар и М. Фуше; Великобритании — лорд Рей, Т. Рис-Дэвидс, А. Стейн; Германии — Р. Пишель, А. Грюнведель, Э. Кун и Э. Лейман» [28, с. 7]. Были предложены также кандидатуры востоковедов Ни-

дерландов, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Италии, США.

Решения XII и XIII международных конгрессов востоковедов по этому вопросу явились признанием заслуг русского востоковедения со стороны мировых академических кругов. Ведущая роль русского востоковедения в изучении Центральной Азии была закреплена приданием Русскому комитету функций международного руководящего органа.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении был организован в 1903 г. Деятельность комитета направляло бюро, председателем которого был В. В. Радлов (до 1918 г., затем С. Ф. Ольденбург); товарищем председателя — В. В. Жуковский (позже Ф. И. Щербатской), секретарями — В. В. Бартольд и Л. Я. Штернберг. Членами Русского комитета являлись Н. И. Веселовский, К. Г Залеман, Д. А. Клеменц, П. М. Мелиоранский и другие ученые. Одним из основных направлений деятельности Русского комитета стало экспедиционное исследование Восточного Туркестана. Он направил в Восточный Туркестан экспедицию М. М. Березовского (1905—1907), первую экспедицию С. Ф. Ольденбурга (1909—1910), две этнографо-лингвистические экспедиции С. Е. Малова (1909—1911, 1913—1915). Соседнему с Восточным Туркестаном Дуньхуану посвятила свои работы вторая экспедиция С. Ф. Ольденбурга (1914—1915). Русский комитет содействовал зарубежным коллегам в организации их поездок как на территории России, так и Восточного Туркестана — об этом они сами с благодарностью упоминают в своих отчетах [399].

Первая из перечисленных экспедиций имела целью проведение археологических разведок. В конце 1905 г. М. М. Березовский и его брат художник Н. М. Березовский прибыли в Кучу. В 1907 г. ими были присланы кальки, цветные копии фресок и фотографии. К несчастью, архив М. М. Березовского, хранящийся в ЛО ИВАН СССР, невелик. Тем не менее его фонды проливают некоторый свет на интересующую нас проблему [8]. В архиве АН СССР также сохранилось несколько писем М. М. Березовского С. Ф. Ольденбургу.

М. М. Березовский посетил Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. За время путешествия он насчитал 20 древних городищ. Из числа собранных им монет большинство относилось ко времени правления династии Юань (1280—1368). Снимались схематические планы, делались фотографии, акварельные копии и кальки с росписей. В двух городищах около сел. Даванкум (окрестности Таджита) в развалинах буддийских храмов путешественники обнаружили следы

[8] В частности, сохранился список мест, где были найдены древние рукописи во время путешествия М. М. Березовского в Кучу в 1905—1907 гг.: «Онбашский мин-уй; Таджит — главный храм (зачеркнуто карандашом.— *Б. Л.*); Таджит-мин-уй; Таджит — монастырь; Кизылский мин-уй; Кизыл-карга» [8].

фресок, обломки большой глиняной фигуры, фрагменты мелких терракотовых скульптур, обрывок рукописи. В небольшой постройке возле одного из храмов М. М. Березовский нашел обрывки шелковых тканей. В Кызыле ученый собрал много мелких фрагментов рукописей, обломки статуй и деревянной резьбы, бляшки, бусы, монеты. Наибольший интерес представляла находка алебастровых форм для формовки деталей фигур и орнаментов. Три из них предназначались для штамповки голов статуй в натуральный человеческий рост. Там же были обследованы пещеры, игравшие роль подсобных помещений монастыря, — в частности, кладовые с остатками зерна — и пещера, служившая, по мнению М. М. Березовского, темницей [11, л. 818].

В Кумтуре в двух пещерах ученый видел изваяния. По обломкам золоченого дерева и гипса он заключил, что там же некогда находились деревянные и алебастровые фигуры. Около Кириша экспедиция отметила наличие небольшой ступы, под которой, по словам местных жителей, находилась обширная крипта, украшенная фресками. В своих письмах М. М. Березовский подробно говорит о посещении раскопок, производимых П. Пеллио в 1907 г. [14, л. 1].

В архиве ЛО ИВАН СССР хранится дневник М. М. Березовского за 1907 г. Это отрывочные записи, в которых научная информация чередуется со счетами на закупку продовольствия и инструментов. Некоторые интересные планы и описания построек даны без указаний местности. Там же хранится рукопись, в которой исследователь говорит о необходимости составления карты крупного масштаба для нанесения на нее археологических объектов и о порядке снятия плана раскопок [12]. Одним из наиболее интересных документов в фонде М. М. Березовского, хранящемся в архиве ИВАН СССР, является альбом, озаглавленный «Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан. Кучарский округ» [16]. Альбом содержит акварельные зарисовки фресок и их деталей.

О своей работе братья Березовские сообщали в письмах С. Ф. Ольденбургу. Работы были закончены в декабре 1907 г. [128]. К сожалению, предполагаемый доклад М. М. Березовского о результатах исследований на заседании Русского комитета доложил 9 февраля 1908 г. С. Ф. Ольденбург [33]. Впрочем, в ленинградском Архиве востоковедов хранятся материалы, свидетельствующие о том, что М. М. Березовский все же выступил с сообщением о своей поездке в Восточный Туркестан на заседании Академии наук 6 марта 1909 г. [399, с. 64]. Материалы М. М. Березовского поступили в Музей антропологии и этнографии АН СССР, а в 1934 г. были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа.

Наряду с академическими экспедициями большую роль в деле изучения археологии Восточного Туркестана играли частные коллекционеры. Среди них было много дипломатов, под-

державших постоянные контакты с РГО, Русским комитетом, Восточным отделением Русского археологического общества. На первом месте стоит имя уже упоминавшегося выше Н. Ф. Петровского.

Николай Федорович Петровский (1837—1908) с 1874 г., будучи чиновником министерства финансов, служил в Туркестанском крае. В 1882 г. министерством иностранных дел он был назначен консулом в Кашгар, а с 1895 г. стал генеральным консулом в том же городе. Н. Ф. Петровского очень интересовало прошлое Средней Азии и Восточного Туркестана и особенно археологические памятники и находки. Он собрал прекрасную библиотеку русских и западноевропейских изданий по Востоку. Хорошо зная местные языки, он путем личных посещений и сборов накопил значительные археологические коллекции. Значительная часть этих материалов была им отправлена в Санкт-Петербург. Сам Н. Ф. Петровский опубликовал немало статей и заметок [352, с. 283—284], поддерживал тесные научные контакты с ведущими востоковедами того времени, в частности с С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом и др. Как писал С. Ф. Ольденбург, именно Н. Ф. Петровский «первый заставил ученых обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана, это был человек, которым Россия вправе гордиться» [425, с. 8].

Восточное отделение Русского археологического общества, как уже отмечалось, неоднократно консультировалось с Н. Ф. Петровским по вопросам организации экспедиции в Восточный Туркестан. К ответу Н. Ф. Петровского на один из таких запросов (в 1892 г.) был приложен лист старинной рукописи из коллекции ученого. Затем, в течение осени и зимы 1892—1893 гг., Н. Ф. Петровский прислал в Санкт-Петербург свыше ста манускриптов. Приобретал он их у жителей Кучи, Курли, Аксу и других городов Восточного Туркестана. Н. Ф. Петровский затруднялся точно определить место обнаружения присланных им рукописей, но, по мнению С. Ф. Ольденбурга, все манускрипты были найдены в одном месте, вероятно в Кучинском округе; написаны они были на березовой коре, коже и бумаге. Форма этих рукописей — «потхи». Такие рукописи имели отверстия посредине листов для скрепления их шнуром; листы, по индийскому обычаю, зажимались между двумя дощечками. Четыре такие дощечки сохранились целиком. По характеру письма С. Ф. Ольденбург разделил рукописи на две группы — «индийскую» и «кашгарскую» (последняя была известна лишь в рукописях, найденных в Кашгаре) [427, с. 1—2].

В 90-х годах XIX в. Н. Ф. Петровский собрал ряд терракотовых скульптур (Куча), 13 медных изображений божеств и два несторианских креста, глиняное изображение женщины с ребенком, геммы (Хотан), а также рукописи (в их числе одна христианская) [4, л. 14], погребальные маски из глины, сде-

лал фотографии древностей [4, л. 26]. Судя по письму С. Ф. Ольденбурга Н. Ф. Петровскому [12, л. 1—2], последний прислал значительную часть своих коллекций в Санкт-Петербург уже в 1896 г.

В письмах С. Ф. Ольденбургу в 1898—1902 гг. Н. Ф. Петровский сообщил о посылке В. Р. Розену восемнадцати книг, написанных различными индийскими алфавитами [16], и о находке иллюстрированных рукописей [16, л. 44, 46]. Интересуясь древностями Кучи, русский дипломат опросил местных жителей, бывавших там, и отослал результаты опроса в Восточное отделение Русского археологического общества.

Близ Кашгара Н. Ф. Петровский обследовал ступу и пещеру с тремя входами, вырытую на склоне горы по дороге в сел. Артыш. В ступе были найдены обломки «гвоздеобразного стекла» [16, № 459, л. 4], а в пещере — каменное изображение божества. Не имея возможности посетить ряд памятников, Петровский дал их краткий перечень [444, с. 298]. В отношении изучения древностей Центральной Азии Н. Ф. Петровский долгое время был общепризнанным авторитетом. К нему обращались за советами и Туркестанский кружок любителей археологии, и Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии. После смерти Н. Ф. Петровского Русский комитет на одном из своих заседаний поставил вопрос о покупке его коллекций.

После Петровского начали собирать древности секретарь российского генерального консульства в Кашгаре Я. Я. Лютш, горный инженер Л. М. Белинко, С. А. Колоколов (преемник Н. Ф. Петровского на посту генерального консула) [415, с. 386—387]. Последний писал С. Ф. Ольденбургу: «Я позволю себе приложить [к письму] два манускрипта, полученные мною случайно, один на березовой коре из Хотана, по-видимому, сплошная фальсификация, но не лишенная, полагаю, хотя бы и в этом отношении интереса для коллекции, а другой из Кучара, в более поношенном состоянии, и, надо полагать, подлинный» [14, л. 1].

Не меньшую роль в изучении археологии Центральной Азии сыграл и русский консул в Урумчи Николай Николаевич Кротков (1869—1919). Русский комитет неоднократно получал от него рукописи и предметы, найденные в Восточном Туркестане [12, л. 1, 4, 5; 33]. Из писем Н. Н. Кроткова С. Ф. Ольденбургу узнаем, что русский дипломат и ученый обнаружил в окрестностях Кульджи «терракотовые буддийские пластинки» [6, л. 2], которые отослал С. Ф. Ольденбургу. В 1909 г. Кротков посылал письма С. Ф. Ольденбургу, спрашивая, нельзя ли чем-нибудь помочь его экспедиции [6, л. 4]. В письме, датированном 15 марта 1910 г., сообщается о новых материалах, собранных Н. Н. Кротковым: «Кучарский аксакал Хальмухамед прислал мне письмо и два ящика с древностями. Хальмухамед пишет, что в Чархалыке он купил три бурхана, три рукописи и не-

сколько мелких свертков со старыми письменами. Тот молодой китаец, которому [вы] посоветовали показать мне имеющиеся у него древности, был у меня. Я приобрел у него несколько рукописей» [6, л. 34—35].

В письме от 20 мая 1910 г. Н. Н. Кротков сообщает о находках китайско-уйгурских рукописей-билингв и четырех глиняных статуй в человеческий рост. В том же письме он сетует на хищнические раскопки, производимые местными властями [6, л. 36—39]. В недатированном письме В. А. Строковского (врача при консульстве в Урумчи) С. Ф. Ольденбургу указывается, что у Кроткова накопилось большое количество манускриптов и других древностей, в частности две большие статуи (деревянная и глиняная) [8, л. 1]. Это письмо можно с известной долей вероятности отнести к весне 1910 г.

Собственная коллекция археологических предметов Н. Н. Кроткова была столь важна для науки, что Русский комитет выделил на покупку ее 4 тыс. рублей. 1000 рублей в счет этой суммы поступила от Азиатского музея [33, 1907, с. 10]. И после этой покупки Н. Н. Кротков продолжал собирать и посылать в Русский комитет рукописи и этнографические материалы [33, 1911, с. 15].

В начале 1908 г. из Урумчи двинулась небольшая экспедиция под руководством секретаря консульства в Урумчи В. В. Долбежева, окончившего (1897 г.) восточный факультет Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду. Экспедиция была организована по совету и указаниям В. Л. Котвича [9]. Целью экспедиции, по словам ее руководителя, был розыск древних городов и монастырей, в частности развалин северной столицы уйгурского государства Бешбалыка [220, с. 27].

Если верить сообщениям о Бешбалыке китайских и других источников, город этот должен был находиться у северного подножия Восточного Тянь-Шаня, близ г. Джимсара. Еще до прибытия в Джимсар путешественники узнали от встречных китайцев и уйгуров, что в 20 ли (около 11,5 км) к северу от Джимсара, за сел. Хупуцзы, находятся большие развалины, названные местными жителями «Разрушенный город». Обнаруженное городище оказалось огромным. Все его строения поражали своими размерами. Руководитель экспедиции не сомневался, что именно эти развалины и были развалинами Бешбалыка [220, с. 88]. Осматривая храм в Хупуцзы, путешественники нашли четыре каменных предмета, оказавшиеся буддийскими древностями, — огромную голову Будды, головы бодхисаттв меньших размеров, сидящую фигуру Будды с отбитой головой и большой шар. Все эти изваяния были сделаны из песчаника. Установить точно, где были найдены эти предметы перед тем,

[9] В. Л. Котвич (1872—1944) — выдающийся отечественный монголовед, маньчжуровед и китаист, чл.-кор. АН СССР. В 1923 г. при оптации уехал в Польшу.

как они попали в кумирню, не удалось. Некоторые местные жители уверяли, что древности обнаружены при закладке фундамента кумирни. Это обстоятельство как будто свидетельствовало о том, что на месте Хупуцзы раньше был буддийский монастырь.

В 1908 г. секретарь российского консульства в Кульдже А. А. Дьяков доставил в Русский комитет вместе с другими фрагментами две уйгурские рукописи — одну манихейскую (молитва покаяния), другую — буддийскую (отрывок «Авалокитешвара-сутры», переведенный с китайского [33, 1908, с. 8]). В 1909 г. А. А. Дьяков приобрел два шлема, фрагмент панциря и уйгурские одежды [33, 1909, с. 14]. Все это было передано в Музей этнографии при Академии наук. Секретарь консульства в Кашгаре И. П. Лавров совершил поездку от Кашгара на Лобнор и прислал в Русский комитет пять ящиков собранных им «древностей».

Продолжали доставлять сведения о памятниках древности и русские географические экспедиции, а также ученые, отправлявшиеся в рекогносцировочные поездки. Так, много различных археологических материалов было собрано во время географического путешествия по Центральной Азии полковника русской армии К.-Г Маннергейма (1867—1951) в 1906—1908 гг. По инструкции он должен был работать совместно с французской экспедицией П. Пеллио (см. ниже), но фактически исследователи работали раздельно. Приехав из Андижана в Кашгар, К.-Г Маннергейм сначала двинулся в Яркенд и Хотан. Вернувшись затем в Кашгар, он отправился в Маралбаши, Аксу, Кульджу, Карашар, Турфан. Побывал К.-Г Маннергейм также в Караходже и Идикутшари, много времени он провел в Хами, а затем отправился на восток, за пределы Восточного Туркестана. Во время трехмесячного пребывания в крае К.-Г. Маннергейм много времени уделял осмотру, описанию, фотографированию памятников древности, особенно в Карашаре и в районе Турфана; иногда исследователь снимал планы руин. Был собран богатый археологический, антропологический, лингвистический и этнографический материал. Полный дневник экспедиции, описание и анализ материалов (они оказались в Хельсинки) появились в печати лишь три десятилетия спустя [377; 726; 978]. Археологические коллекции, привезенные Маннергеймом из Восточного Туркестана, насчитывали около 900 единиц. Они по преимуществу происходят из Йоткана, в меньшей степени — из других примечательных в археологическом отношении урочищ близ Хотана. Многие древности обнаружены были К.-Г Маннергеймом в Маралбаши, Аксу, Кульдже, Карашаре, Идикутшари, Яр-Хото, Туюке, Турфане. Из Йоткана особенно много привезено керамических рельефов, статуэток и др. [1123, с. 6—42]. Все эти материалы были опубликованы в 1940 г. А. Тальгреном [1123]. Тогда же Д. Рейтер опубликовал привезенные К.-Г. Маннергеймом из Восточного

Туркестана фрагменты буддийских санскритских и хотано-сакских сочинений, Г. Рамстед — уйгурские документы [978]. Позднее были изданы согдийские документы [1102].

К 1909 г. у Русского комитета появились финансовые возможности для организации крупной археологической экспедиции в Восточный Туркестан. На пост ее руководителя был, естественно, назначен С. Ф. Ольденбург (1863—1934). Крупнейший индолог своего времени, он являлся ученым широкого, едва ли не универсального профиля. С. Ф. Ольденбург известен как видный палеограф, издатель восточнотуркестанских текстов на кхарошти и брахми, глубокий знаток индийской литературы, искусства, археологии и буддийской философии. С. Ф. Ольденбург пользовался огромным научным авторитетом как в кругах русских ученых, так и в международном сообществе востоковедов. Его многочисленные печатные работы (см. [499]) вошли в золотой фонд отечественной и мировой ориенталистики. С 1903 г. С. Ф. Ольденбург экстраординарный академик, в 1908 г. он избран действительным членом Российской Академии наук. С. Ф. Ольденбург вместе с тем являлся крупнейшим организатором науки. С 1904 г. на протяжении четверти века он был одним из руководителей Российской Академии наук, ее непременным секретарем.

Экспедиция выехала из Петербурга 6 июня 1909 г. в следующем составе: С. Ф. Ольденбург — руководитель; С. М. Дудин — художник и фотограф; Д. А. Смирнов — горный инженер, топограф; В. И. Каменский — археолог; С. П. Петренко — помощник археолога. По прибытии 22 июня в Чугучак С. Ф. Ольденбург нанял переводчика Б. Т. Хото. Вскоре В. И. Каменский и С. П. Петренко из-за болезни вынуждены были возвратиться в Санкт-Петербург. Ближайшим помощником С. Ф. Ольденбурга в экспедиции стал С. М. Дудин. Скажем о нем несколько слов. С. М. Дудин (1863—1929) за революционную деятельность был сослан в Сибирь, где впоследствии участвовал в Орхонской экспедиции. Затем он вернулся в Санкт-Петербург, где с отличием окончил Академию художеств (учился в классе И. Е. Репина). С. М. Дудин принимал участие в работе Археологической комиссии, Русского комитета, этнографических учреждений, а также в среднеазиатских археологических экспедициях В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского. Будучи не только художником, но и превосходным фотографом, в 1905—1908 гг. С. М. Дудин осуществил фотофиксацию архитектурных памятников Самарканда. Он также опубликовал ряд ценных статей об искусстве народов Средней Азии [222]. Таким образом, С. М. Дудин объединял знания и умение художника, фотографа, археолога, искусствоведа.

Уже по дороге из Чугучака в Урумчи путешественники встретили множество курганов, но раскапывать их не стали [420, с. 1]. В долине реки, на которой стоит Урумчи, они осмотрели развалины старинного города Уланбая, сделали его

общий план, сняли фотографии и немного раскопали один холм, может быть развалины храма. С. М. Дудин сомневался, можно ли считать Уланбай весьма древним городом [2, л. 2]. Любопытно, что ту же мысль высказывал и Н. Н. Кротков, также посетивший эти руины 29—30 августа 1909 г. и проводивший там раскопки. Ольденбург упоминает в своем дневнике раскопки, произведенные экспедицией на вершине холма, где, как предполагалось, в древности располагалась кумирня [2, л. 7]. Были обнаружены фрески, находившиеся в крайне плохом состоянии. Ольденбург считал, что Уланбай состоял из трех частей: торговой, «чиновничьей» (административной) и той, где находилась кумирня. В ходе археологических работ обнаружены черепки красного обжига, следы трех круглых гончарных печей, бусы, монеты.

Намечалось, что из Урумчи экспедиция отправится по маршруту Карашар — Турфан — Карашар — Курля — Куча—Бай—Аксу — Учтурфан — Калпын — Маралбаши — Кашгар.

В Ушактале (близ Карашара) экспедиция обследовала городище, напоминавшее по характеру архитектуры развалины Уланбая, обнаружила обломки сосудов с плотным грубым черепком, а также куски сырцового кирпича и обугленные кости (человеческие, коровьи и лошадиные). По мнению исследователей, перед ними были развалины небольшой крепости.

Местные жители говорили о двух пещерах в ущелье р. Ушактал (одноименной с селением). Ученые обследовали только одну из них, причем обнаружили фрески — изображения многорукого Авалокитешвары, рая будды Амитабхи [2, л. 6—7; 420, с. 2—3]. Близ пикета Чокур путешественники осмотрели руины укрепления. В них были найдены черепки красной и серой керамики. За местечком Тибельгу, в двенадцати верстах от сел. Ушактал, сохранились также развалины небольшой ступы и постройки неизвестного назначения.

Подъезжая к Карашару, исследователи не раз наталкивались на остатки старинных построек. В самом Карашаре экспедиция не задержалась, направившись оттуда в сел. Дензиль, в окрестностях которого находились два древних городища [2, л. 8—9]. За Карашаром, около Шикшина (Шорчука), экспедиция обнаружила развалины небольшого монастыря и следы арыков, занесенных песком. Во дворе монастыря попадалось много фрагментов старинной глиняной посуды. Русские ученые уделили много времени работам в Шикшине, которые начались в августе 1909 г. Д. А. Смирнов снял общий план развалин наземного культового центра и планы отдельных построек, С. М. Дудин фотографировал руины и археологические находки, а сам С. Ф. Ольденбург описывал развалины и руководил раскопками. Последние в основном сосредоточились в здании F-4, где были отчетливо видны следы предшествующих раскопок небольшого масштаба (А. фон Лекок и А. Стейн). Святилище имело вид подквадратной целлы, обрамленной

П-образным коридором. Тыльный его отрезок был шире и длиннее боковых. Помещение носило явные следы пожара. На одной из стен внизу ученые обнаружили старые фрески, поверх которых были написаны новые. Из первоначального живописного убранства сохранились медальоны, в которых видны фигуры с нимбами и деревья; в одном медальоне — пруд и в нем три фигуры. Были также найдены статуи будд на лотосе, сделанные из алебастра, некогда раскрашенные [2, л. 13—14].

При раскопках дверного проема, ведшего в другое помещение, обнаружены статуи сидящих будд, а в мусоре на полу — две монеты и головка бодхисаттвы, исполненная в необычном стиле. Ученые начали расчистку платформы другого здания; по обеим сторонам этой платформы стояли dvārapāla [10], от которых сохранились только ноги [2, л. 15]. В завале строительного мусора было найдено много значительных по величине фрагментов фресок, некоторые с позолотой. Затем С. Ф. Ольденбург приступил к расчистке находившегося поблизости большого храма. Задняя стена (в обходном коридоре храма?) была занята громадной сценой Mahāparinirvāna. В развалинах к югу от Шикшина обследовались руины большой ступы. На восток от них были обнаружены следы других ступ, расположенных по четыре в ряд.

В заднем коридоре одного из храмов нашли огромную статую лежащего Будды с хорошо сохранившимся орнаментом, украшавшим ложе. Против этого изваяния — ряд стоящих фигур. Затем ученые раскопали правый коридор и вход в главное помещение. По обе стороны от входа в зал стояли, вероятно, две статуи. Фрески, обнаруженные в зале, по мнению Ольденбурга, созданы в стиле, близком уйгурскому. В храме К-13 (по классификации А. Грюнведеля) была обнаружена статуя божества, сидевшего, опустив ноги; на полу нашли статую воина в латах [2, л. 17—18]. В здании К-9е Д. А. Смирнов нашел «фрески удивительной свежести, крайне интересные по письму». Здесь сохранились фигуры пяти монахов, двух бодхисаттв и других персонажей. Исследователь отметил разнообразие стилей фресок, покрывавших стены этого строения [416, с. 9]. Экспедиция открыла в Шикшине много других произведений живописи и скульптуры, штампы для изготовления скульптурных фрагментов.

Вслед за А. Грюнведелем русские ученые изучили пещерный монастырь, находившийся к северо-западу от Шикшина. Д. А. Смирнов снял инструментальный общий план пещерного комплекса, планы и разрезы отдельных пещер. Некоторые помещения монастыря были очищены от скопившегося за столетия мусора. С. Ф. Ольденбург составил подробное описание пещер и сохранившихся в них памятников искусства, зафиксировал граффити [420, с. 11—19].

[10] Dvārapāla — божественный страж входа.

Покинув Шикшин, российская экспедиция направилась в Турфан. В окрестностях города ученые вели работы в Яр-Хото, который местные жители называли Коняшар (Старый город). Исследователи расчистили здесь небольшой храм, где обнаружили много фрагментов китайских и уйгурских рукописей, памятники живописи на полотне, а также любопытные сооружения — 101 чайтья на общем постаменте. Были сняты планы этих и других зданий в городе и его окрестностях. Обследовав старый Турфан, экспедиция перебралась в Идикутшари, произвела там расчистку некоторых зданий, что позволило снять более точный, чем у А. Грюнведеля, план. В Идикутшари было найдено также много памятников искусства. С. М. Дудин скопировал ряд произведений живописи, найденных в Идикутшари, или сделал их кальки.

Работы в Яр-Хото и Идикутшари поставили перед С. Ф. Ольденбургом сложные проблемы. Для каждого из этих городищ, как справедливо полагал руководитель экспедиции, нужно было снять крупномасштабный инструментальный план, планы всех руин и описать их, а затем уж начинать раскопки. «Раскопки, носящие характер случайного копания, без съемки планов, особенно вредны здесь», — подчеркивал ученый [420, с. 23]. Очень осторожно и бережно С. Ф. Ольденбург относился и к вопросу о снятии со стен росписей, о перевозке обнаруженных скульптур.

В Турфане экспедиция обследовала кроме перечисленных и другие археологические памятники, прежде всего Сенгим-Огуз, Безеклык, Муртук и Туюк-Мазар. Хотя на первых двух городищах русская экспедиция продолжала дело, начатое немецкими учеными, С. Ф. Ольденбургу удалось во многом уточнить и расширить сведения об этих замечательных комплексах и связанных с ними произведениях искусства. В Сенгим-Огузе и Безеклыке С. Ф. Ольденбург прочитал ряд надписей [429а, с. 37—55].

Затем экспедиция прибыла в оазис Куча, где С. Ф. Ольденбурга поразило обилие памятников и высокая степень их сохранности. Ученые произвели работы в Минг-тен-Ата, Субаши, Сымсыме, Кызыле, Кумтуре [429а, с. 56—73].

По возвращении в Санкт-Петербург С. Ф. Ольденбург сделал доклады об итогах экспедиции в Русском комитете и в Восточном отделении Русского археологического общества. Он охарактеризовал маршрут экспедиции, основные пункты работ, продемонстрировал диапозитивы и планы. «Относительно дальнейших задач исследования Китайского Туркестана докладчик указал на настоятельную необходимость окончательного исследования отдельных мест, вместо имевшего до сих пор место экстенсивного исследования» [429, с. 21]. Выступая в Русском комитете, С. Ф. Ольденбург говорил о необходимости покупки предметов и рукописей на местах, для чего он предлагал снабдить соответствующими средствами Н. Н. Кроткова (в

1910 г. — консул в Урумчи) и С. В. Соколова — консула в Кашгаре [33, 1910].

В 1914 г. был издан, как назвал его сам С. Ф. Ольденбург, «Краткий предварительный отчет» экспедиции [429а]. Полного отчета С. Ф. Ольденбург издать не успел: в 20-е годы не было материальных возможностей для публикации многотомного труда, включающего многочисленные иллюстрации. Сказывалась, видимо, и загруженность С. Ф. Ольденбурга научно-организаторской работой. Однако изучение привезенных из Восточного Туркестана материалов он продолжал. Дополнением к «предварительному отчету» С. Ф. Ольденбурга может служить работа С. М. Дудина [222].

В 1914 г. Русский комитет организовал вторую экспедицию в Восточный Туркестан под руководством С. Ф. Ольденбурга для изучения памятников «Пещеры тысячи Будд» в Дуньхуане [33, 1914, с. 52]. Экспедиция работала с 8 мая 1914 г. по апрель 1915 г., пройдя по маршруту Чугучак — Урумчи — Хами — Аньси — Дуньхуан. Памятники Восточного Туркестана вместе с С. Ф. Ольденбургом изучали С. М. Дудин и Д. А. Смирнов, а также архитектор Б. С. Биркенберг, художник Б. Ф. Ромберг. Исследователи установили, что древние пещеры были вырублены более полутора тысяч лет назад, а стенные росписи относятся к IV—XI вв. и хорошо сохранились благодаря сухому климату [426, с. 58]. В ходе полевых работ удалось собрать значительный материал — до 2 тыс. фотографий стенописи и живописи на холсте, шелке, бумаге, рукописи, 100 тыс. единиц знаков подвижного уйгурского шрифта и небольшие деревянные бруски. Последние находки проливают свет на историю книгопечатания [436, с. 28]. Обнаруженные С. Ф. Ольденбургом уйгурские рукописи большей частью представляли собой фрагменты юридических документов, содержавшие важные сведения о некоторых сторонах социально-экономической жизни древних уйгуров [364, с. 129]. Поездка в Дуньхуан оказалась исключительно плодотворной, а привезенные оттуда материалы и до настоящего времени служат интересам науки [11].

Помимо названных больших археологических экспедиций Русский комитет организовал в Восточном Туркестане и Западном Китае этнографо-лингвистические работы, которые провел С. Е. Малов [361]. В первый раз С. Е. Малов побывал в Восточном Туркестане в 1909—1911 гг. с целью изучения языка и быта тюркоязычных народностей, в частности уйгуров и саларов. Результаты этих исследований оказались весьма полезны

[11] С. Ф. Ольденбург опубликовал краткие заметки об этой экспедиции [414; 426, 432]. Разработка археологических материалов экспедиции велась с тех пор по разным направлениям: исследовались памятники искусства [230; 232] — согдийские [462; 1075; 1076; 1077], уйгурские [364] и особенно китайские — из дуньхуанского собрания [177; 178]. Ныне осуществляется издание разных частей китайской части дуньхуанского фонда. Особенно важное значение имеют работы в этой области Л. Н. Меньшикова [392] и Л. И. Чугуевского [545; 546; 547; 548].

при изучении древнеуйгурских рукописей. Во время путешествия С. Е. Малов побывал в Чугучаке, Урумчи, Турфане, Караходже, Хами. Основные этнографические работы ученый провел в пров. Ганьсу среди частично ассимилированных желтых уйгуров [363], немало внимания уделил изучению их языка [359, с. 96]. Найденные и полученные в дар С. Е. Маловым уйгурские и тибетские рукописи составили ценную коллекцию. Среди них замечательной находкой стала древнеуйгурская рукопись «Altun jaruk» — «[Сутра] Золотого блеска», имеющая огромное значение для изучения истории тюркских языков.

Вторая этнографическая экспедиция С. Е. Малова в Восточный Туркестан состоялась в 1913—1915 гг. Во время поездки ученый записал новые тексты, выявил диалекты уйгурского языка — кучарский, кашгарский, хамийский.

Много внимания С. Е. Малов уделил языкам двух групп желтых уйгуров — монголизированных (*шира-югуры*) и китаизированных (*югуры*). Этнографические исследования затрагивали проблемы этногенеза тюркоязычных народностей и древних верований тюркских народов — шаманизма [360].

Одним из выдающихся исследователей Центральной Азии был Аурел Стейн (1862—1943), выходец из Венгрии, чиновник созданной англичанами индийской гражданской службы. Превосходный знаток санскритской литературы и источников по истории Индии и Центральной Азии, он вместе с тем был археологом и нумизматом, внес значительный вклад в археологическое и источниковедческое изучение Северной Индии. Однако более всего А. Стейна манил Восточный Туркестан [292]. Сам А. Стейн пишет, что с 1891 г., когда ему стал известен манускрипт Боуэра из Кучи (о нем см. ниже), «мои глаза обратились в сторону Восточного Туркестана, поля археологических исследований». В 1898 г., узнав о находке рукописи «Дхаммапады» в Хотане, он окончательно решил провести исследование в районе этого города. О перспективности избранного А. Стейном направления исследований свидетельствовал и нескончаемый приток рукописей и других древностей из Восточного Туркестана (главным образом из Хотана) к известному ученому Р. Хёрнле, также служившему в Британской Индии. При этом, однако, не было достоверной информации «ни о точном происхождении этих находок, ни о характере поселений, откуда они должны были происходить» [1109, т. 1, с. 5]. Возникал также ряд исторических вопросов. Так сам А. Стейн характеризует мотивы, побудившие его организовать (при поддержке англо-индийского правительства) свою первую экспедицию в Центральную Азию. Она продолжалась 14 месяцев — с мая 1900 г. по июль 1901 г.

Отправившись из Кашмира, в пределы Восточного Туркестана экспедиция вступила в районе Сарыколя. В Ташкургане ученый обследовал остатки городища — вероятно, древней столицы Сарыколя. Затем экспедиция проследовала в Кашгар, в окрест-

ностях которого хорошо сохранились следы буддийской культуры. Особенно впечатляла ступа Мауритим, вздымавшаяся на высоту почти 12 м. Из Кашгара вдоль окраины пустыни А. Стейн отправился в Хотан, по дороге фиксируя древности. Он побывал на знаменитой горе Goṣṛṅga, где, по преданию, Будда изрек пророчество об основании Хотана.

Честь идентификации древней столицы Хотана с развалинами в Йоткане принадлежит Ф. Гренару. Прибыв туда, А. Стейн не производил раскопок, ограничившись изучением естественных геологических разрезов. Оказалось, что культурный слой в Йоткане залегает на глубине 3—6 м, что, очевидно, и заставило А. Стейна отказаться от раскопок. Однако ученый собрал и купил множество древностей, в том числе монет. В частности, в руках А. Стейна оказались монеты кушанских правителей Кадфиза I и Канишки, сино-кхароштийские монеты. Собранные в Йоткане китайские монеты были чеканены при династиях Хань, Тан, Северная Сун (II в. до н. э. — XII в. н. э.). Кроме того, было найдено много керамических сосудов и рельефов, терракот, гемм [1109, т. 1, с. 184—222].

Из Йоткана А. Стейн направился в Дандан-уйлык, откуда происходили многие доставленные А. Стейну находки. Развалины Дандан-уйлыка занимают площадь 1,6×2,4 км, на поверхности городища встречались скопления керамических фрагментов, высились руины древних зданий, были отчетливо видны признаки кладоискательских раскопок, на стенах сохранились следы росписей. Полевые работы А. Стейна в Дандан-уйлыке оказались очень удачными. Здесь было вскрыто около 14 сооружений, в основном буддийских храмов с интереснейшими скульптурами из штука, настенными росписями, расписными резными деревянными панелями. На одной из них были изображены три сидящих бодхисаттвы, на другой — сюжет, связанный с местной легендой о начале шелководства в Хотане. Изучение развалин и сопоставление их с сообщениями письменных документов привело А. Стейна к заключению, что китайское наименование этого города — Лисе (Li-hsieh). При раскопках найдено множество хотано-сакских и китайских (датированных 781—790 гг.) письменных документов, а также санскритские сочинения на брахми и монеты. Результаты раскопок дали А. Стейну основания отнести эти развалины к VIII в. [1109, т. 1, с. 236—303; 1125, с. 39].

Затем ученый посетил Равак, где среди руин нашел письменные документы, а оттуда отправился в оазис Ния, где пробыл почти полтора месяца. Экспедиция не только тщательно обследовала развалины, но и раскопала остатки деревянных каркасных построек, обозначенных на поверхности рядами стоящих столбов и стен. То были жилые комплексы. Наиболее важным событием явилось обнаружение документов, написанных на китайском и кхароштн. Даты на монетах и в одном из документов указывали на III в. н. э. [1109, т. 1, с. 316—416].

А. Стейн провел также археологические работы в оазисе Эндере, где сохранились руины нескольких каркасных построек, в том числе буддийского святилища. Техника их сооружения была иной, чем в оазисе Ния. По углам целлы раскопанного храма исследователи обнаружили скульптуры (основание для такой скульптуры находилось и в центре святилища); стены его украшал штуковый орнамент. В храме были найдены тибетские и китайские рукописи, надписи брахми на бересте. На стенах были нанесены тибетское и китайское граффити (последнее датировано 719 г.). А. Стейн также раскопал укрепления городища и расположенное вокруг стен поселение [1109, т. 1, с. 417—442; 1123, с. 106]. Затем ученый посетил руины Карадонг и Аксипил.

В апреле 1901 г. А. Стейн вернулся в Равак, где его внимание привлекли руины ступы, основание которой было погребено под строительным мусором. Раскопанная ступа оказалась звездчатой в плане, с ярусным основанием и лестничными подъемами с четырех сторон. Это огромное сооружение имело 23,8×23,8 м в основании.

Ступу окружали две прямоугольных ограды, часть периметра которых А. Стейн раскопал. Внутреннюю ограду с двух сторон покрывали скульптурные (или горельефные) композиции. Параллельная внешняя ограда была также на всем протяжении покрыта штуковыми горельефами. А. Стейну удалось зафиксировать свыше 90 скульптур разных размеров. Понимая, что их извлечение из земли — без большого штата помощников, без консервации — было бы вандализмом, А. Стейн, сфотографировав и описав обнаруженный памятник, засыпал раскоп. По мнению ученого, древний Равак перестал существовать между III и VII вв. [1109, т. 1, с. 482—506]. А. Стейн специально отметил, что российский генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский оказал ему большую помощь в организации работ [1109, т. 1, с. 517].

Уже первая экспедиция в Восточный Туркестан выявила сильные и слабые стороны А. Стейна (к тому времени он имел богатый опыт археологических работ в Индии). Сам превосходный топограф, А. Стейн взял с собой другого отличного топографа — индийца Рам Сингха. Были сняты точные планы всех поселений, нанесены на карту археологические памятники, сделаны обмеры архитектурных сооружений. Исследователь подробнейшим образом описывал все памятники и находки, приводил их размеры, фотографировал эти объекты. Сильной стороной А. Стейна было глубокое знакомство с письменными источниками. В своих экспедициях А. Стейн уделял значительное внимание экологической ситуации в древности, источникам орошения, следам древних ирригационных сооружений, а также проблемам этнографии и антропологии. Однако он не фиксировал ход раскопок, отсутствовал и стратиграфический анализ раскопов.

Вторая экспедиция А. Стейна (1906—1908) финансировалась англо-индийским правительством и Британским музеем; в ней принял участие топограф-индиец Р. Б. Лал Сингх. В июне 1906 г. А. Стейн достиг Кашгара. Здесь к нему присоединился китайский ученый Е Лисы. В окрестностях Кашгара экспедиция обследовала крепость и ступу Хаканнаит-шахри, пещеры Учмерван (эти пещеры ранее изучали Н. Ф. Петровский и П. Пеллио). Затем А. Стейн отправился в Яркенд и Хотан. Близ Хотана вслед за С. Гедином он детально обследовал Йоткан и собрал там большую коллекцию терракот, керамики, металлических изделий, гемм, монет (всего свыше 200 предметов) [1118, т. 1, с. 97—120]. Были обследованы и другие памятники, и в конце сентября экспедиция двинулась на восток от Хотанского оазиса. В Хадалыке, а затем в Домоко были открыты буддийские святилища, много живописи, скульптуры, рукописей [1118, т. 1, с. 154—210].

Затем А. Стейн отправился в Нию, где он уже проводил раскопки в 1901 г. Один из местных жителей, участвовавший во второй экспедиции, открыл на северо-запад от оазиса большую группу руин. Проведенные здесь весьма обширные новые раскопки не только дали много данных о конструкции, планировке и типах сооружений, но и позволили обнаружить прекрасные архитектурные детали из дерева. В сооружении XXIV был открыт тайник с документами, что явилось подлинной сенсацией. Было найдено также множество других письменных документов, монет, украшений [1118, т. 1, с. 241—269]. Покинув Нию, А. Стейн обследовал древние памятники Эндере, Чархана, Чарклыка. 18 декабря он достиг развалин Лоуланя, которые до него изучал С. Гедин. Здесь, как и в Ние, А. Стейн провел серьезные раскопки, вскрыл несколько каркасных построек (в том числе буддийских храмов), обнаружил капитель индо-коринфского ордера. Большое число найденных А. Стейном документов на кхарошти и на китайском языке обогатило фонд памятников письменности из Восточного Туркестана [1118, т. 1, с. 369—449].

Внушительные руины крепости в Миране (стены и башни-бастионы) также подверглись тщательному изучению. При раскопках зданий, расположенных в юго-восточной части крепости, найдено множество тибетских документов на дереве и бумаге. Здесь же был обнаружен и тюркский манускрипт на бумаге. В полутора милях от крепости, которую А. Стейн отнес к годам тибетской оккупации части Восточного Туркестана (VIII в.), были найдены руины, относящиеся к значительно более раннему времени. Именно здесь исследователь открыл знаменитые памятники живописи, характеризовавшейся явно эллинистическими чертами, а также пилястры гандхарского стиля [1118, т. 1, с. 456—497].

Из Мирана А. Стейн направился в Дуньхуан, где он детально обследовал всю систему средневековых китайских погранич-

ных укреплений. В одной сторожевой башне ученый открыл документы на бумаге, написанные ранее неизвестной письменностью [1118, т 2, с. 675]. Вскоре Р. Готьо доказал [845; 846], что язык этих документов — раннесогдийский. В Дуньхуане А. Стейн подробно исследовал «Пещеру тысячи Будд», собрал очень много рукописей [1118, т. 2, с. 791—806], росписям этих пещер он посвятил специальную трехтомную публикацию.

Затем А. Стейн побывал в Хами и Турфане. Здесь были исследованы такие важные памятники, как Лапчук, Карашахр, Шорчук. После завершения этих работ экспедиция вторично посетила Хотан. Из вновь исследованных памятников следует упомянуть Фархад-бек-яйлаки. Выехав из Хотана на запад, ученый работал в Тумшуке и Маралбаши [1118, т. 3, с. 1151—1316]. В августе 1908 г. А. Стейн отправился в обратный путь. Коллекция древностей — около сотни тяжелых ящиков — поступила в Британский музей, откуда после изучения часть находок вернулась в Индию. Экспедиция привезла около 8 тыс. рукописей (включая дуньхуанские) на 12 языках [1110, с. 58].

Третью археологическую экспедицию А. Стейна в Восточный Туркестан (1913—1916) также финансировало англо-индийское правительство. Ученого сопровождали Р. Б. Лал Сингх и другой военный топограф — Миан Афразгул-хан, а также Е Лисы. Экспедиция через Кашгар в октябре 1913 г. прибыла в Хотан, а оттуда — в Миран. Полевые работы и на этот раз дали много ценных находок, в том числе уникальных. Новые памятники (руины крепостей и городов) А. Стейн обнаружил в районе древней дельты р. Тарим [1111, т. 1, с. 180—213]. Много внимания А. Стейн опять посвятил развалинам древнего Лоуланя, где были найдены, в частности, погребения [1111, т. 1, с. 214—280]. Далее экспедиция направилась на восток, за пределы Восточного Туркестана, затем вернулась для продолжения работ в северных районах края. А. Стейн вел раскопки в Идикутшари, Туюке, Муртуке.

На городище Идикутшари А. Стейн обнаружил настенные росписи, фрагменты рисунков на бумаге и материи, штуковые рельефы, рукописи, написанные уйгурскими, тибетскими, китайскими и манихейскими письменами. Особый интерес вызвала находка клада хорошо сохранившихся металлических изделий, в частности бронзовых зеркал и украшений. Большое количество найденных монет позволило более точно датировать время существования города.

А. Стейн посетил развалины ряда храмов в ущелье р. Туюк. Расчистив внутренние помещения храмов от строительного мусора, ученый обнаружил значительное количество росписей, куски штуковых рельефов, а также много фрагментов китайских и уйгурских рукописей.

Из Туюка экспедиция А. Стейна направилась к интересному в археологическом отношении городищу близ сел. Муртук. Там

ученый исследовал группу буддийских храмов, частично вырубленных в скалах, нашел настенные росписи, представлявшие различные по сюжету и стилю сцены из буддийских легенд. Многие из них А. Стейн считал выдающимися произведениями искусства, далеко превосходившими все, что до тех пор было найдено в Турфане, и приближавшимися по степени мастерства к росписям Дуньхуана.

После раскопок в Муртуке Стейн исследовал большое домусульманское кладбище у дер. Астана. Сухость климата в Турфане обусловила сохранность тел и захороненного с ними инвентаря [1111, т. 2, с. 642—718]. В дальнейшем экспедиция перебазировалась в Кучу, а оттуда в Кашгар [1111, т. 2, с. 803—841]. Из Кашгара в июле 1915 г. экспедиция отправилась на Памир.

А. Стейн проделал колоссальную работу, тщательно документировал все археологические изыскания, записывал все наблюдения. Его раскопки не отвечают современным требованиям и прежде всего, как указывалось, почти полностью отсутствуют стратиграфические наблюдения и фиксация хода работ. Вместе с тем он полностью собирал и документировал комплекс находок. Отлично выполнены топографические планы, общие планы и разрезы архитектурных сооружений. Коллекции в основном хранятся в Национальном музее в Дели, часть выдающихся произведений — в Британском музее. Материалы своих исследований А. Стейн полностью опубликовал в виде 11 огромных томов большого формата. Его перу принадлежат также научно-популярные книги и множество статей.

Большой вклад в изучение древней культуры Восточного Туркестана внесли четыре немецкие экспедиции (1902—1914). Немецкие ученые при организации своих работ в Восточном Туркестане широко использовали опыт своих русских коллег. Так, руководитель первой экспедиции А. Грюнведель писал, что первоначальный план его экспедиции был разработан в 1899 г. «непосредственно после посещения Берлина русскими академиками В. В. Радловым и К. Г. Залеманом, а также путешественником по Турфану Д. А. Клеменцем» [857, с. 3]. Сам А. Грюнведель возглавлял экспедицию, снаряженную берлинским Музеем народоведения. А. Грюнведель завоевал известность как крупнейший индолог и специалист по буддийскому искусству Индии, Юго-Восточной Азии, Монголии и Тибета. Кроме того, он был превосходным художником и лично скопировал огромное количество настенных росписей, сделал зарисовки и чертежи. В составе первой немецкой экспедиции также работали лингвист и этнограф Г. Хут и художник Т. Бартус. Исследователи вслед за Д. А. Клеменцем работали в Турфане, однако провели там более длительное время — с ноября 1902 г. до марта 1903 г. Основное внимание было уделено изучению Идикутшари. Ученые сняли новый план городища, который, при всей его схематичности, дает в целом верное представление о

структуре древнего города. Составлено также описание двух сохранившихся городских стен. На план были нанесены и детально исследованы руины многочисленных (более 30) наземных сооружений из пахсы и сырцового кирпича. В основном это огромные буддийские храмы, ступы и другие буддийские сооружения. Вопросам изучения архитектуры немецкие ученые уделяли серьезное внимание, но, поскольку в составе экспедиции не было архитектора-профессионала, это значительно снизило уровень достигнутых результатов. Подробно исследовались также памятники искусства, сделаны их фотографии и копии (в том числе цветные), тщательно зафиксированы надписи. В одном из помещений обнаружены манихейские рукописи. Менее детально были обследованы руины у Сенгим-Огуза и Муртука, ряд других памятников [857].

Организации второй немецкой экспедиции — во главе с А. фон Лекоком (1860—1930) — способствовал специально созданный Турфанский комитет, который собрал необходимые для экспедиции средства, на эти цели были выделены государственные субсидии. А. фон Лекок отмечает и помощь русских ученых, оказанную ему при посещении Санкт-Петербурга [951, с. 30]. Вторая экспедиция длилась больше года — с сентября 1904 г. по декабрь 1905 г. [12].

А. фон Лекок продолжил изучение Идикутшари. Он вновь детально осмотрел городские укрепления, посетил все развалины зданий. Местные жители принесли изготовленные с помощью специальных форм головы древних глиняных статуй. Вскоре после этого они повели членов экспедиции в центр городища, где находилось большое, похожее на зал сооружение. На одной стене его А. фон Лекок заметил следы росписи. Выяснилось, что здесь изображен Мани в окружении адептов, одетых в белые ритуальные одежды. На груди у каждого — согдийская надпись с его именем [951, с. 43—44]. Эта находка опровергла существовавшее ранее представление, что манихейцы не имели своих культовых построек, украшенных живописью. К сожалению, значительная часть манихейских рукописей, столь ценных для изучения этой своеобразной религии, погибла задолго до прибытия экспедиции. Часть манускриптов все же удалось отыскать. Были обнаружены рукописные фрагменты на бумаге, пергаменте, мягкой коже и шелке, найдены художественно оформленные переплеты из тисненой прессованной кожи с позолотой. Особым великолепием отличался обломок переплета из тонко шлифованного панциря черепахи, подбитый листом золота. Манихейские рукописи отличались и мастерством каллиграфии [951, с. 45].

В одном из зданий экспедиция обнаружила огромное коли-

[12] А. фон Лекок — в то время сотрудник отдела Индии берлинского Музея народоведения, одаренный ориенталист, знал арабский, персидский, тюркский языки, изучал санскрит, впоследствии — один из ведущих немецких тюркологов [343].

чество манускриптов, испорченных водой. Они слиплись и превратились в сплошную массу. Удалось спасти лишь небольшие обрывки текста и фрагменты миниатюр, расцвеченных яркими красками и золотом. На стенах помещения обнаружены фрески, также сильно испорченные. В узком коридоре около хранилища рукописей нашли большое количество кусков тканей, среди них — картины на тканях, изображавшие персонажей в облачении манихейских священнослужителей [951, с. 47].

Ученый исследовал также комплекс из четырех зданий с куполами. В одном из них нашли беспорядочное нагромождение нескольких сотен иссохшихся трупов. Судя по одежде, то были буддийские монахи. На большинстве трупов сохранились следы ран, нанесенных саблями [951, с. 48].

Экспедиция осталась зимовать в окрестностях Идикутшари. Дальнейшие исследования дали много важного материала. Так, А. фон Лекока заинтересовала ступенчатая башня близ восточных ворот древнего города. В многочисленных нишах ее прежде стояли позолоченные и раскрашенные статуи будд. В других местах городища было найдено много фрагментов буддийских произведений, написанных индийскими алфавитами. Небольшое строение на противоположном берегу реки также привлекло внимание А. фон Лекока едва различимым настенным изображением всадника со знаменем, украшенным крестом. Старая роспись на стенах данного помещения была не закрашена, а заложена стенкой толщиной в один кирпич. После того как позднейшую кладку сняли, на основной стене было обнаружено изображение священника с кадилом и три фигуры меньшего размера с зелеными ветвями в руках. По предположению А. фон Лекока, на фреске изображено празднование дня троицы. Манера стенописи наводила на мысль о западных влияниях. А. фон Лекок, естественно, считал, что открыл руины древней христианской церкви [951, с. 64].

В одном из храмов по дороге в Туюк-Мазар Лекок обнаружил интересные буддийские фрески, которые художник Т. Бартус искусно отделил от стены [951, с. 69]. Во время раскопок ежедневно попадались монеты, преимущественно китайские (эпохи Тан) и более древние персидские (сасанидские), а также шелковые и хлопчатобумажные ткани, большое количество разноязычных рукописей.

Обследовав Идикутшари, экспедиция двинулась на север, к ущелью р. Сенгим. На западном берегу реки находился ряд буддийских храмов, а высоты восточного берега изобиловали ступами. В буддийских святилищах были обнаружены остатки сожженных трупов, искусственные цветы, вотивные подношения и множество рукописей. Совершенно неожиданной оказалась находка в одной из ступ, среди множества буддийских манускриптов, листа из манихейской книги [951, с. 70]. Храмы на западном берегу в большинстве случаев были сооружены из сырцового кирпича; экспедиция обнаружила там и ряд пещер-

ных храмов. Эти монастырские комплексы являлись мощными крепостями со стенами и башнями.

В храмах на р. Сенгим ученые обнаружили две библиотеки, причем одну из них — в келье большого монастыря. То были рукописи некоторых драматических действ, отрывки из сутры о Майтрейе на уйгурском языке, а также тохарские сочинения. В пристройке к небольшому храму ученые откопали библиотеку уйгурских переводов буддийских легенд. Попадались порой манихейские и буддийские рукописи (на центральноазиатском брахми. — *Б. Л.*) [951, с. 70].

После посещения ущелья р. Сенгим А. фон Лекок направился в Безеклык. Лучше всего сохранилась северная часть этого селения, где находился пещерный монастырь с наземными частями храмов. Экспедиция начала раскопки с одного из наземных храмов комплекса. В коридорах, окружавших главное помещение, когда их очистили от песка, оказалась прекрасно сохранившаяся роспись [951, с. 73]. А. фон Лекок писал, что лица, изображенные на фресках времен Уйгурского каганата, писались не по трафарету, заметно было явное стремление передать портретное сходство. Расчистив коридоры, члены экспедиции обнаружили пятнадцать изображений Будды. Особенно ценной находкой являлись изображения жертвователей в национальных костюмах [951, с. 75].

Справа и слева от дверей главного помещения находились изображения учредителей храма — уйгуров, мужчин и женщин, судя по одеяниям — представителей знати. Около изображений сохранились надписи уйгурским письмом. Фрески эти, по-видимому, располагались в три ряда. Хорошо сохранился нижний ряд, где особенно выделяются изображения «князя» и «княгини». В Чиканколе также обнаружили несколько пещер и руины на острове, неподалеку от берега. Там нашли большое количество рукописей, буддийских (в том числе на пальмовых листьях и на бересте), манихейских и христианских, фрагмент манускрипта, исполненного руническим письмом, а также вышивки и небольшой деревянный реликварий.

Т. Бартус обнаружил в сел. Сюйпан (Shüi-pang) много христианских рукописей. Среди них — полный псалтырь, легенда о святом Георгии в средневековом тюркском переводе, апокрифы о пришествии волхвов к младенцу Христу, несторианские рукописи, написанные шрифтом эстрангелло, фрагменты евангелия от Матфея, легенда об обретении святого креста императрицей Еленой и другие тексты христианского содержания (в том числе написанные по-согдийски). Строка одной из согдийских рукописей, датируемых IX в., была написана по-гречески.

В декабре 1905 г. А. фон Лекок и Т. Бартус встретились в Кашгаре с прибывшими из Германии А. Грюнведелем и китаистом А. Портом. Так началась третья немецкая экспедиция в Центральную Азию. Ученые прибыли в Тумшук близ Марал-

баши и исследовали там буддийские руины, не предпринимая, однако, широкомасштабных раскопок. Затем экспедиция направилась в Кумтуру и осмотрела минг-уй — скопление древних буддийских храмов. По завершении весьма успешных раскопок в Кумтуре исследователи перебазировались в Кызылский минг-уй (в 15 км к западу от Кумтуры и в 8 км к северу от Кызыла).

Когда по горной тропе путешественники достигли перевала, перед ними открылась «фантастическая долина» с вырубленными в подножии хребтов пещерами. Это был минг-уй у Кызыла, где до них не бывал ни один европеец (Кызыл посетил японский ученый Отани Сёсин). Число пещер в одной лишь главной группе исчислялось сотнями, многие были разрушены, и входы в них засыпаны. А. Грюнведель составил очень приблизительную топографическую схему. Он потратил много времени на изготовление перспективных рисунков горных кряжей, на которые нанес бесчисленные пещеры Кызылского минг-уя. Для обследования пещер приходилось расчищать их от песка и скальных обломков. В этих условиях за два с половиной месяца было детально изучено и кратко описано более двадцати пещерных сооружений, проведены их обмеры, составлены эскизные чертежи, планы и разрезы (степень подробности обмеров, однако, совершенно не удовлетворяет современным требованиям). Описывалось также декоративное убранство пещерных храмов, проводилось, когда это оказывалось возможным, фотографирование, графическая фиксация, снятие копий. В пещерных сооружениях сохранились сложнейшие живописные композиции, насчитывающие десятки, а то и сотни персонажей. Описать каждый из них, указать соотношение с другими — все это потребовало от исследователей огромного труда, глубокого и детального знания буддийской мифологии и иконографии. В результате долгого кропотливого труда были полностью зафиксированы такие шедевры восточнотуркестанского буддийского искусства, как «Гиппокампова пещера», «Пещера художника», «Пещера 16 меченосцев», «Пещера несущих кольца голубей», «Пещера с Майей», «Пещера Нагараджи», «Пещера музыкантов» [854, с. 1920].

Уже в первые дни раскопок экспедиции удалось обнаружить остатки древней библиотеки в одном из пещерных храмов, прозванном «Пещера с красным куполом». В книгохранилище были найдены индийские книги на пальмовых листьях, бересте и бумаге, сброшюрованные в форме «потхи», причем один из них полностью сохранил все свои 60 листов из упомянутых манускриптов.

Пожалуй, еще большую работу провели ученые на раскопках пещерных храмов Безеклыка (Муртука) и фиксации находок. Об этом комплексе писал еще Д. А. Клеменц, посещал во время первой экспедиции А. Грюнведель, однако монографическое описание было предпринято лишь в 1906 г. [854, с. 223—

313]. Кроме того, обследовались памятники в Шорчуке, Туйоке, Караходже, Карашахре и на других городищах.

Четвертой немецкой экспедицией (март 1913 г. — март 1914 г.) руководил А. фон Лекок, технические работы производил Т. Бартус. Подготовка к экспедиции и ее финансирование были обеспечены Турфанским комитетом. Из Кашгара экспедиция направилась в Кучу, сделав остановку в Тумшуке. В минг-уе близ Кызыла А. фон Лекок продолжил изучение пещер, обнаружив новые, ранее неизвестные комплексы, а Т. Бартус снял много росписей со стен [856, с. 58—76].

За Кучой, в урочище Субаши путешественники увидели остатки огромных храмовых сооружений и укреплений (ранее здесь работала экспедиция П. Пеллио). Развалины на восточном берегу р. Куча экспедиции посетить не удалось. Среди руин на западном берегу реки стоял большой храм со ступой, где производили раскопки французы. А. фон Лекок к северу от городища обнаружил пещерный храмовой комплекс, вход в который был украшен орнаментами из обожженной глины (резная терракота?) и остатками статуи. В коридоре за статуей найдена надпись разновидностью кхароштхи и несколько слов, написанных индийским брахми. Там же удалось обнаружить монеты династии Поздняя Хань [856, с. 80—85].

Затем А. фон Лекок производил раскопки в ущелье Аджикилек (Atschig Iläk). В этом урочище он обнаружил руины небольшого города, обнесенного стеной. На запад от него, на берегу ручья находились четыре храма, а также занесенные галькой входы в две пещеры. После раскопок оказалось, что стены храмов покрыты живописью. В южном конце ущелья находилось сводчатое помещение, высеченное в скале. Здесь удалось найти несколько рукописей, написанных индийскими письменами.

Экспедиция А. фон Лекока проникла затем в соседнее с Аджик-илеком ущелье, где были обнаружены пещеры с каминами, явно предназначенные для жилья. В одной из пещер, судя по наличию очага, находилась кухня; там было найдено много бытовых предметов — иглы, шилья, ножницы. Затем ученые работали в Сымсыме, который был бегло осмотрен во время предшествующей экспедиции. Здесь А. фон Лекок изучил и сфотографировал наземные и пещерные храмы. Во многих из них были интереснейшие настенные росписи, в том числе сложные композиции, передающие сцены из джатак. Так, обращали на себя внимание изображения богини со змеями в руках, животных (горного козла, куропаток и обезьян). Гаруды со змеей в клюве, бога Луны, бога Солнца с колесницей, а также горные пейзажи. Манера изображения божеств Солнца и Луны изобличала античное влияние; по мнению А. фон Лекока, эта иконография проникла в Восточный Туркестан через Иран [956, с. 113—118].

В двух километрах к северо-востоку от Кучи немецкая экс-

педиция исследовала развалины буддийского монастыря Кум-Арык. Древние руины лежали ниже уровня земли; самыми заметными строениями на городище являлись восьмиугольная ступа и мусульманская святыня Минг-тен-Ата (как показали раскопки, первоначально — буддийский храм, посвященный тысячерукому Авалокитешваре) [856, с. 119].

Исследователи установили, что ступа была некогда сооружена посреди большого, окруженного стенами двора, вымощенного белоснежным алебастром. Вплотную к стенам теснились частично сохранившиеся кельи монахов [856, с. 119—125].

В Кумтуре А. фон Лекок обследовал комплекс храмов вниз по течению р. Музарт, посетил основные пещеры, высеченные в склонах ущелья, произвел обмер остатков каменных фигур Будды, снял эстампажи наскальных надписей, исполненные шрифтом брахми. Фрагменты статуй Будды представляли собой каменные остовы, которые покрывались штукатуркой. Эта техника была известна по гигантским фигурам стоящих будд в Бамиане (Афганистан). Ученый обратил особое внимание на сооружения и росписи, в которых, на его взгляд, прослеживалось китайское влияние. А. фон Лекок отыскал также в ущелье р. Музарт жилые пещеры, в одной из которых обнаружили китайскую и тюркскую руническую надписи. Последняя, по А. фон Лекоку, не старше конца IX в. [956, с. 133—139]. Раскопки в Тумшуке, который экспедиция посетила на завершающем этапе работ, привели к открытию множества первоклассных произведений искусства [856, с. 140—150].

Немецкие ученые в итоге четырех экспедиций в Восточный Туркестан привезли многочисленные памятники искусства, письменности и материальной культуры. Бесценны сделанные ими на месте описания природы, населения, а также подробные обследования памятников искусства, архитектуры (значительно менее детальные), краткие описания археологических объектов. А. Грюнведель и А. фон Лекок обработали свои наблюдения и собранные материалы (последние — не полностью) и издали большую серию трудов. Первичная документация турфанских экспедиций хранится в Западном Берлине [772, с. 9], значительная часть найденных рукописей — в Академии наук ГДР, памятники искусства и археологии — в западноберлинском Музее индийского искусства.

Гораздо меньшее значение в истории науки имели две последующие немецкие экспедиции. Так, тибетолог О. Франке в 1914 г. предпринял путешествие в Яркенд и Хотан. Коллекция его, частично сохраняющаяся в Музее народоведения в Мюнхене, осталась неопубликованной. По сообщению Г Гроппа, «близ Хотана Франке обнаружил доисторический могильник с неизвестными до тех пор формами керамики», найдены также отдельные сосуды необычных типов, что свидетельствует об обмене с отдаленными от Восточного Туркестана местностями. А. Франке привез из Восточного Туркестана терракотовые и

штуковые скульптуры, деревянные изделия, монеты — китайские, кушанские, сино-кхароштн, арабские. Ученый собрал около 350 фрагментов рукописей (китайских, согдийских, письменностью брахми).

В 1927—1928 гг. была предпринята экспедиция в Центральную Азию под руководством географа Э. Тринклера (1896—1931). В ее состав входили знаменитый геолог Г. де Терра, фотограф и кинооператор В. Босхард. Экспедицию организовали берлинские научные учреждения и сенат Бремена. Исследователи посетили Тибет, затем де Терра остался изучать геологическое строение отрогов Куньлуня, а Э. Тринклер с В. Босхардом из Кашгара направились в Хотан, фотографируя по пути архитектурные и археологические памятники. Из Хотана они прибыли в Аксипил, где провели небольшие раскопки. Затем была раскопана часть ограды ступы в Раваке с ее замечательными штуковыми скульптурами. Ученые также провели шурфовку в Дандан-уйлыке, где обнаружили небольшой буддийский храм с настенными росписями. Исследователи, кроме того, купили немало древних предметов и рукописей. К сожалению, Э. Тринклер не имел никакой археологической подготовки, свои раскопки он совершенно не фиксировал и даже не снабжал находки этикетками, депаспортизировав их. Археологические материалы были в основном переданы в Бременский музей, рукописи — в Прусскую Академию наук [852, с. 13—16; 1141, с. 143—160; 1152, с. 95—96]. Четверть века спустя эти материалы были детально изданы Г Гроппом [842].

В 1905—1906 гг. в Восточном Туркестане работала американская экспедиция Э. Хантингтона (при участии Р. Баррета). Э. Хантингтона интересовали прежде всего вопросы физической географии и палеоклиматологии. Вместе с тем его отчет содержит немало данных о древних памятниках, особенно в районах оазиса Ния и оз. Лобнор, откуда он вывез и некоторое количество памятников древности. Особенно важны наблюдения и соображения об источниках и системе древней ирригации [901].

Не остались в стороне от изучения Восточного Туркестана и французские ученые. По предложению Э. Сенара, руководителя французского комитета Международной ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии, было решено организовать французскую экспедицию. Ее возглавил Поль Пеллио (1878—1945), ученик знаменитого синолога Э. Шаванна, к тому времени уже зарекомендовавший себя как выдающийся исследователь. В состав экспедиции входили также Л. Вайян и Ш. Нуэт. Распределение обязанностей было следующим: П. Пеллио руководил археологическими, историческими и лингвистическими исследованиями (хотя он прежде всего был филологом и лингвистом); Вайян — географическими, топографическими работами, астрономическими наблюдениями; Ш. Нуэт взял на себя фотографирование [996, с. 3—7].

В сентябре 1906 г. французская экспедиция прибыла в

Кашгар. В течение полутора месяцев П. Пеллио изучал древности в окрестностях города, многие из которых были известны или упоминались ранее (в частности, Н. Ф. Петровским). Среди обследованных памятников — Учмерван, Искишахр, Хан-уй, Каптархона, Теджурман, Топатим, Топашахр [1018; 1029; 1140].

Затем французские ученые побывали в Маралбаши и Тумшуке. На развалинах Тумшука были проведены широкомасштабные раскопки и другие работы. Особое внимание П. Пеллио уделил ансамблю буддийских сооружений Токкуз-Сарай. В этом монастырском комплексе выявлено много интересных культовых сооружений. Не менее интересны находки штуковой скульптуры и горельефов разного размера и степени сохранности. Среди них — изображения будд, бодхисаттв, девat, брахманов, аскетов, монахов, светских персонажей (в том числе вооруженных аристократов), а также орнаментальные панно. Менее разнообразна тумшукская живопись [1140, с. 39—418].

В начале января 1907 г. французская экспедиция прибыла в Кучу и работала в этом оазисе восемь с лишним месяцев. Она провела раскопки на руинах буддийского монастыря Долдур-Охур. «Поселение огромное, — записал 17 апреля 1907 г. П. Пеллио в своем дневнике, — я выбрал три места для раскопок; эти места показались мне многообещающими» [813, с. 31]. Как выяснил П. Пеллио, монастырь состоял из обширного комплекса построек, окруженных глухой внешней стеной и группировавшихся вокруг центрального двора, почти квадратного в плане (53×55 м). Ступы находились и в южной, и в восточной части комплекса; одна из них была даже вынесена за его пределы. Стены святилищ были покрыты фресками, обнаружено много штуковых статуй, немало изделий из дерева (статуэток, резных панно). Обнаружены также памятники письменности: не только отдельные граффити (брахми) и рукописи, но даже небольшая библиотека [813, с. 31—36, 43—49].

В первой половине июня экспедиция приступила к работам в урочище Субаши. Там были обнаружены руины стен, ступ, святилищ, монастырей, жилых построек. Обследованы также пещеры на берегу р. Куча, зафиксированы граффити — брахми и китайская, последняя относится к 723 г. В Субаши экспедиция вела значительные раскопки. И хотя 17 июня П. Пеллио в своем дневнике сделал меланхолическую запись: «Наши раскопки продолжаются с абсолютной монотонностью» [813, с. 38], результаты работ были весьма велики: вскрыто и описано несколько крупных ансамблей построек, сняты их планы. Здания украшены настенной живописью и штуковой скульптурой, среди них превосходные произведения искусства, деревянные панно, скульптуры, деревянные реликварии с росписью, целые керамические сосуды, монеты, рукописи и т. д. [813, с. 36—38, 50—59]. В Куче П. Пеллио встретился с М. М. Березовским, обе экспедиции успешно сотрудничали (см. выше).

Из Кучи экспедиция П. Пеллио проследовала через Турфан и Хами, а в январе 1908 г., покинув пределы Восточного Туркестана, направилась в Дуньхуан и затем вернулась во Францию.

Документация экспедиции состоит из дневниковых записей П. Пеллио (весьма суммарных в отношении археологических работ), носящих общий характер топографических планов, обмерных планов, некоторого количества разрезов и превосходных фотографий. Археологические коллекции экспедиции П. Пеллио в основном хранятся в Музее Гиме в Париже, рукописи — в Национальной библиотеке. П. Пеллио издал краткий предварительный отчет [1025; 1030] и отдельные заметки об экспедиции в Восточный Туркестан (не считая работ о Дуньхуане) [1017]. Полное издание и разработка всех приведенных материалов начата уже после смерти П. Пеллио в Центре по исследованию Центральной и Дальней Азии (Институт Азии при Коллеж де Франс). Группу возглавлял проф. Л. Амбис, ныне также покойный. Запланировано издать все археологические материалы (включая надписи и граффити) в 10 томах, четыре из них уже появились в свет (они посвящены раскопкам в Тумшуке, Долдур-Охуре и Субаши), частично изданы и дневники П. Пеллио.

Практически одновременно с английскими, французской и немецкими экспедициями в Восточном Туркестане работали и японские исследователи. Первая японская экспедиция состоялась (очевидно, не без влияния результатов работ А. Стейна) в августе 1902 г. — феврале 1904 г. Вдохновителем ее стал граф Отани Сёсин, участвовали в первой японской экспедиции Ватанабэ Тэсин и Хори Кэндзо. Участники приехали в Восточный Туркестан из Лондона через Россию. Следуя по маршруту Ташкурган — Кашгар — Хотан, они достигли Хотанского оазиса и провели там раскопки. Вернувшись в Кашгар, японские ученые затем уехали в г. Куча, детально изучили Кызыл (прежде всего пещерный монастырь Минг-уй), а затем отправились в Турфан. Произведя там раскопки, они через Урумчи вернулись в Японию. Из Хотана и Кучи было привезено много памятников искусства, археологических объектов, монет и рукописей. К сожалению, дневники японских ученых с полевыми записями утрачены.

Вторая японская экспедиция достигла Урумчи в октябре 1908 г., а покинула Восточный Туркестан в сентябре 1909 г. Ее участниками были Татибана Дзуйтё и Номура Эйдзабуро. Ученые провели раскопки таких важных памятников Турфана, как Караходжа, Муртук и Яр-Хото. Кроме того, они работали в бассейне р. Тарим (городище Лоулань), в оазисе Ния в окрестностях Хотана, в Яркенде и Маралбаши.

Третья японская экспедиция началась в октябре 1910 г. Ее руководитель Татибана провел длительные исследования в Турфане, Куче, Кашгаре, Хотане. Затем вместе с Ёсикава Коитиро

он исследовал памятники Турфана. В апреле 1912 г. Татибана вернулся в Японию, а Ёсикава Коитиро еще пять месяцев вел раскопки в Турфане, особенно много времени уделив могильнику Астана. Затем Ёсикава в оазисе Куча исследовал городища Кумтур и Субаши. Экспедиция была завершена в ноябре 1914 г. [783, с. 141—143].

Как отмечают современные японские ученые, «классификация объектов не была выполнена систематически, а сообщения об археологических характеристиках раскопанных памятников (слои, сопровождающие находки, нумизматический фон) были недостаточными, так что датировка и (относительная) хронология объектов оказалась невозможной» [783, с. 143]. Можно сомневаться, что члены экспедиции производили точную фиксацию в соответствии с научными методами. Часть находок хранится в Национальном музее в Киото, Национальном музее в Токио, музеях Китая и Кореи, в частных коллекциях (например, в поместье Отани Сёсин). Сводного каталога находок не существует [783, с. 143—146].

Выше уже говорилось о географических экспедициях С. Гедина. Последние его путешествия в Восточный Туркестан проходили в 1928—1931 гг. и в 1934 г. (высокогорная автомобильная экспедиция) [773; 876; 878]. Обе эти экспедиции именовались китайско-шведскими, в них участвовали китайские ученые, в частности Хуан Вэньби (в 1928—1930 гг.). Впервые С. Гедин пригласил в экспедицию шведского археолога Ф. Бергмана, который работал в 1928 и 1934 гг. В его отчете нашли отражение археологические наблюдения и находки участников экспедиций. Большая глава посвящена описанию и анализу находок доисторического времени, особенно каменных орудий и крашеной керамики. Основная часть отчета посвящена описанию раскопанных в области оз. Лобнор многочисленных могильников (с одиночными и коллективными погребениями) и найденных в них предметов. Во многих могильниках найдены мумифицированные трупы прекрасной сохранности, полностью сохранилась одежда, интереснейший бытовой инвентарь. Были сделаны описания некоторых других памятников, в том числе поселений, наскальных рисунков [762; 1121]. Археологические обследования и раскопки Ф. Бергман осуществил на несравненно более высоком уровне, чем сам С. Гедин в прежних его экспедициях, однако и описания шведского археолога не соответствуют современным требованиям. Особенно огорчительно отсутствие детальной (а часто и элементарной) графической фиксации.

В начале 30-х годов XX в. в составе рекламной автомобильной экспедиции 1931—1932 гг., организованной фирмой «Ситроен», работал Ж. Акен, ориенталист, крупный специалист в области буддийского искусства. Он имел возможность осматривать, изучать и фотографировать (но не раскапывать) некоторые буддийские памятники. Ученый работал преимущественно в Турфанском оазисе [859; 860; 958]. В составе этой экспе-

диции провел важные исследования по каменному веку Восточного Туркестана выдающийся археолог и палеонтолог П. Тейяр де Шарден [1128]. В 1982 г. австрийские ученые под руководством историка восточного искусства проф. Г Франца организовали экспедицию в Турфан. Исследователи имели возможность ознакомиться с рядом турфанских археологических памятников. Основная заслуга австрийской экспедиции — обмеры (с применением фотограмметрических методов) группы архитектурных памятников, особенно в Яр-Хото. Результаты исследований частично опубликованы в роскошно изданном томе «Kunst und Kultur entlang der Seidenstrasse». HR.sgb. von G. Franz. Graz, 1986 (Искусство и культура вдоль Шелкового пути. Под ред. Г. Франца. Грац, 1986).

Значительный вклад в изучение археологии Восточного Туркестана внесли китайские ученые, прежде всего Хуан Вэньби (1893—1966). Будучи преподавателем Пекинского университета, он принял участие в китайско-шведской экспедиции и уже тогда, несмотря на свою молодость (С. Гедин называл его «юный археолог-китаец»), работал фактически самостоятельно. В 1928—1929 гг. он обследовал в археологическом отношении Таримскую впадину — развалины древнего городища Субаши, буддийские пещерные монастыри в Кумтуре. Серьезное внимание Хуан Вэньби уделил следам древних ирригационных систем, местам древнего рудоплавильного производства, обнаружил некоторые изолированные памятники, в частности наскальные надписи (с них сняты эстампажи), высеченные в утесах изображения будд. Хуан Вэньби собрал помимо предметов материальной культуры большое число памятников письменности (китайских, индийских, хотано-сакских) и монет. Хуан Вэньби снял много планов и эстампажей китайских и иных граффити на стенах пещер. Четверть века спустя материалы экспедиции были полностью изданы [652].

В 1928 и 1930 гг. Хуан Вэньби работал в Турфане. В 1928 г. вдоль южного тракта из Хами в Турфан он зафиксировал несколько памятников, осмотрел пещерные монастыри. По прибытии в Турфан Хуан Вэньби и другие участники экспедиции тщательно обследовали руины городищ Караходжа и Идикутшари, записали со слов местных жителей легенду о Дакы-Юнусе. Удалось также купить фрагменты уйгурских рукописей, предположительно с городища Идикутшари, Хуан Вэньби также обследовал пещерные монастыри, в частности Безеклык, где описал 18 пещер.

В 1930 г. китайский археолог детально изучил руины г. Яр-Хото, где также записал со слов местных жителей легенды о прошлом города. Были произведены раскопки построек у большого монастыря; при этом найдено много остатков уйгурских и китайских рукописей, раскопано около 130 погребений в могильнике городища. Затем ученые вновь обследовали городище Идикутшари, а также могильник Астана. Производились и

другие работы. Экспедиция привезла 30 уйгурских и множество китайских документов и монет, немало керамических, бронзовых и других изделий. Материалы этой экспедиции также изданы [648; 653].

В 1933 г. Хуан Вэньби возвратился в Восточный Туркестан для продолжения археологических работ. Во время войны Сопротивления Японии (1937—1945) он преподавал в университетах Северо-Западного Китая и Сычуани. Затем, с 1943 г. ученый вновь проводил археологические исследования в Восточном Туркестане. В 1947 г. Хуан Вэньби вернулся в Пекин, где работал в Институте археологии. В 1954 г. он публикует капитальный труд «Археологическое обследование Турфана» [653], а в 1958 г. «Археологические исследования в бассейне реки Тарим». В 1958 г. состоялась последняя экспедиция Хуан Вэньби в Восточный Туркестан. Уже посмертно, в 1981 г., в Шанхае был издан его труд «Сборник статей по истории Северо-Западного Китая», а в 1984 г. отдельным изданием опубликованы в Пекине материалы последней экспедиции Хуан Вэньби.

После образования КНР в 1949 г. археологические работы китайских ученых в Восточном Туркестане приобретают систематический характер. В 1953 г. по поручению Управления по делам культуры Северо-Западного Китая была организована Синьцзянская группа по разведке и изучению памятников материальной культуры (Синьцзян вэньу дяоча цзу), которая провела первую довольно всестороннюю археологическую разведку территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Тогда же был создан Музей СУАР. В 1956 г. возникла сеть учреждений, призванных заниматься археологическими исследованиями, а также охраной и изучением памятников материальной культуры как в масштабе всего автономного района, так и на местном уровне. Их персонал комплектовался кадрами, подготовленными с помощью Института археологии АН Китая. В 1957 г. был составлен перечень 118 объектов, подлежащих охране; четыре из них вошли в общегосударственный список главных культурно-исторических памятников Китайской Народной Республики.

Две особенности характеризуют развернувшиеся в 50-х годах систематическую археологическую разведку и раскопки на территории Синьцзяна. Во-первых, эти исследования впервые стали проводиться здесь на основе современной научной методики. Во-вторых, ими были охвачены районы, ранее в археологическом отношении практически совершенно не изучавшиеся. Так, в 1958 г. начались работы по обследованию памятников бассейна р. Или. Выявленные там грунтовые могилы с насыпями раскапывались с 1961 г.; типологическое исследование инвентаря в сопоставлении с абсолютными датами, полученными методом радиокарбонного анализа, позволило отнести эти погребения, принадлежавшие, по всей видимости, усуням, к не-

скольким периодам — с III в. до н. э. до II в. н. э. [1175, 1979, № 5, с. 174—175].

В 70-х годах были осуществлены раскопки древних могильников в восточном Притяньшанье. В Алагоу (близ Урумчи) исследованы погребения с деревянными срубами; сопутствующая керамика и украшения, выполненные в «зверином стиле», обнаруживают здесь близкое сходство с памятниками сакской культуры на территории Казахстана [564, с. 18—22].

Широкомасштабные исследования проведены в связи с изучением древних оазисов в бассейне р. Тарим. В 1957—1958 гг. продолжены разведка и рекогносцировочные раскопки в окрестностях Яньци и Кучи (где в свое время работал Хуан Вэньби), а также в Йоткане. В 1979 г. проводились раскопки в Маликавати (25 км южнее Хотана) [581, с. 33—37].

В результате повторных археологических обследований древнего поселения в Ние, предпринятых в 1959 г., было раскопано погребение первых веков новой эры, содержавшее большое количество предметов одежды, преимущественно шелковой [1175, 1979, № 5, с. 174]. Из культурного слоя поселения извлечены новые документы на китайском языке и на кхарошти (по данным Ма Юна, в настоящее время в Музее СУАР, а также в Музее провинции Ганьсу хранится более ста документов на кхарошти, обнаруженных после 1949 г. [594, с. 82]). В 1980 г. поселение в Ние посетила китайско-японская археологическая экспедиция, приуроченная к съемкам документального многосерийного фильма «Шелковый путь» [698, с. 136—153].

В 1979—1980 гг. в связи с подготовкой посещения съемочной группой памятников в районе Лобнора китайские археологи осуществили в местонахождении L. A. обследование ряда объектов, раскапывавшихся в свое время С. Гедином и А. Стейном. Были уточнены географические координаты городища, снят его план. В ходе работ группа китайских исследователей обнаружила 63 документа на китайском языке [646, с. 155—164]. В окрестностях местонахождения L. A. было раскопано девять погребений, датируемых, согласно данным радиокарбонного анализа, I—II вв. н. э. Они представляли собой грунтовые склепы с несколькими трупоположениями и инвентарем, в котором заметное место занимали шелковые и шерстяные ткани [630, с. 128—133].

Наиболее широкомасштабные и систематические исследования ведутся в настоящее время в районе Турфана. Начиная с 1959 г. здесь осуществляются раскопки двух могильников, расположенных недалеко от сел. Астана и Караходжа. За 13 сезонов было изучено около 400 погребений, относящихся к периоду с конца III до VIII в. Значительная часть их датируется временем существования в Турфане независимого княжества Гаочан. Для исследования истории и культуры региона исключительное значение имеют многочисленные письменные памят-

ники, находимые в погребениях Общее число их к настоящему времени составляет более двух с половиной тысяч, около трети относится к III—VII вв. В 1981 г. была начата систематическая публикация документов из Турфана [627]. Обнаружены в районе Турфана также тексты на древнетюркском языке [576].

В 1973 г. сотрудники Музея СУАР предприняли раскопки одной из крепостей, сооруженных в VII в. близ Мирана. Помимо важных наблюдений, касающихся архитектурных особенностей этого памятника, результатом исследований стала находка архива тибетских документов на деревянных табличках [569, с. 55—61].

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА. ИССЛЕДОВАНИЯ

Первым крупным исследованием по истории народов Восточного Туркестана можно считать труд Ж. Дегиня «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар до и после Рождества Христова». Это пятитомное сочинение, вышедшее в Париже в 1756—1758 гг., позднее было переиздано на немецком языке. В труде содержится пересказ китайских источников, в том числе тех, что повествуют о народах Восточного Туркестана [809]. В 1820 г. появилась книга о истории Хотана, написанная одним из основателей французской синологии, начинающим в то время ученым А. Ремюза (1788—1832]. В предисловии он отмечает большую роль Хотана в истории Азии, подчеркивает, что на протяжении длительного времени Хотан являлся независимым государством. Основная часть книги состоит из расположенных в хронологическом порядке переводов извлечений из китайских династийных хроник, касающихся Хотана. Хронологические пределы изложения — II в. до н. э. — XVII в. Переводы снабжены краткими примечаниями [1065]. Отдельные замечания о Восточном Туркестане, его достопримечательностях и языках народов региона встречаются и в других работах А. Ремюза [1066; 1067; 1069].

В сочинениях Юлиуса Клапрота (1783—1835) наряду с географией и языкознанием исследуется история народов Азии, в том числе и Восточного Туркестана [926—928]. Ему, кстати, принадлежит первая попытка изучения языка и письменности уйгуров [927].

В одной из своих первых крупных книг, «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии» [258], вышедшей в свет в 1829 г., великий русский китаист Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) (1777—1853) дал первую в мировой науке сводку переводов данных из китайских источников о древней и новой истории Восточного Туркестана, причем

древней истории посвящена первая часть книги [258, с. 1—90]— это, собственно, подробный пересказ соответствующих разделов «Цяньханьшу». Весьма важные мысли Н. Я. Бичурин высказал в предисловии к книге: по его мнению, сведения китайских источников о Восточном Туркестане «вообще неудовлетворительны по их неполности и односторонности», однако в условиях, когда другие источники отсутствуют, китайские сообщения приобретают особое значение. Он предсказывал, что в «сердце Азии будут открыты новые, лучшие источники к пояснению Истории древних ея происшествий» [258, с. 5—6]. Н. Я. Бичурин, размышляя над современными ему географическими обозначениями, писал: «Туркистан, простираясь почти от Отрара до Комула (Хами. — *Б. Л.*), по естественному положению разделяется на две половины: западную и восточную, из которых первую составляет владение Кокан, а последнюю Европейцы наименовали Малою Бухариею, словом, неизвестным в Азии» [258, с. 12—13].

Из первой части этой книги впоследствии вырос знаменитый трехтомный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851 г.) [136]. В этот труд помимо сведений «Цяньханьшу» вошли извлечения из «Хоуханьшу», «Цзиньшу», «Вэйшу», «Бэйши», «Суйшу», «Таншу» (хронологически — от II в. до н. э. до IX в.). «Работа, выполненная Н. Я. Бичуриным, — писал советский китаист Л. И. Думан, — была уникальной для своего времени и по своему научному уровню превосходила труды его предшественников. Прежде всего следует иметь в виду, что он перевел основные китайские источники, причем, несмотря на некоторые пропуски и неточности, перевод его стоит значительно выше, чем у авторов XVIII в. — Дегиня, Виделу, которые давали пересказ китайских источников. Уступают труду Н. Я. Бичурина и переводы авторов XIX в., главным образом французских синологов, по точности и полноте использованных материалов. Мы имеем в виду работы А. Ремюза и Ю. Клапрота, из них последний опирался на работы других авторов, включая Н. Я. Бичурина» [224, с. 6]. Но, разумеется, общий уровень востоковедения, и в частности китаистики, в первой половине и середине XIX в. был значительно ниже современного, что нашло свое отражение даже в таком выдающемся труде, как «Собрание сведений». Можно вместе с тем сказать, что Н. Я. Бичурин своей книгой заложил основу для всех последующих исследований в области истории Центральной Азии и вместе с выдающимся французским синологом А. Ремюза явился пионером таких исследований.

Наряду с китаистами к истории Восточного Туркестана с середины XIX в. обращаются специалисты по арабо-персидским и тюркоязычным источникам. Одной из таких работ была статья русского ученого М. А. Казем-бека (1802—1870) «Исследование об уйгурах» [273].

Первым крупным сводным трудом по истории Восточного Туркестана можно с полным основанием считать книгу выдающегося русского востоковеда В. В. Григорьева (1816—1881) «Восточный или Китайский Туркестан» [205], вышедшую в свет в 1873 г. Автор дает широкий исторический обзор, начиная от известий, сообщаемых античными авторами о временах глубокой древности, до 1872 г. Первые три главы книги, посвященные древним временам, объединяют сведения, сообщенные Плинием Старшим, Птолемеем, индийскими источниками и китайскими летописями. В последующих главах излагается история Восточного Туркестана от II в. н. э. до конца правления династии Тан, с учетом исследований А. Ремюза, Н. Я. Бичурина, С. Жюльена. Главы 7—8 дают читателю представление (на основании главным образом арабских источников) о Восточном Туркестане в VII—VIII вв. Глава 9 повествует об истории страны до контактов с арабами. Автор книги в равной степени свободно владел античными и арабо-персидскими источниками, и его анализ сообщений этих источников в некоторых пунктах не потерял своего значения до сих пор.

Книга В. В. Григорьева, по словам В. В. Бартольда, и спустя полстолетия после выхода в свет сохраняла свое значение свода исторических данных о Восточном Туркестане, причем «ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой» [119, с. 461—462]. Следует добавить, что В. В. Григорьев, глубокий знаток исторического прошлого Средней Азии и Восточного Туркестана, сформулировал в своей книге проницательные суждения, оказавшиеся путеводными для последующего изучения истории Восточного Туркестана. Он полагал, что древнее население Средней Азии и Восточного Туркестана было «однородным», принадлежало к числу «арийцев», т. е. индоевропейцев, и достигло высокого уровня материального и духовного развития. «Восточный Туркестан уже в глубочайшей древности был страною, не уступавшею соседней с нею Бактриане ни гражданственностью, ни культурою, и населялся если не искони, то по крайней мере с исторических времен народами Арийской Семьи» [216, с. 16], т. е., в соответствии с современными представлениями, индоиранцами. В. В. Григорьев сам указал на многие пробелы в своей истории Восточного Туркестана, которые, говоря его словами, «остается пополнить — Бог даст, трудами русских исследователей» [206, с. 6].

Вторая половина XIX — начало XX в. знаменуются бурным развитием востоковедения, в том числе синологии, тибетологии, тюркологии, иранистики, совершенствованием исследовательских методов этих дисциплин. Крупнейшим русским китаистом середины и второй половины XIX в. являлся В. П. Васильев (1818—1900) [196; 269; 503]. В. В. Бартольд называл его «гениальным исследователем Дальнего Востока» [119, с. 619]. Из

Китая В. П. Васильев «привез в переводах, извлечениях и обзорах весь китайский так называемый канон буддийских писаний, извлечения из громадного числа китайских и тибетских книг догматического содержания — тысячи листов рукописей, писанных его рукою, в которые была вложена его исследовательская мысль, его понимание буддийских текстов» [424, с. 536]. Это был гениальный ученый, намного опередивший современную ему науку.

В. П. Васильев перевел на русский язык описание путешествий Сюаньцзана и Ицзина, однако, к сожалению, не издал их [423, с. 48]. Действительно, в архиве В. П. Васильева сохранилось 12 тетрадей, озаглавленных «Си-юй-цзи — Описание западных стран», т. е. путешествие Сюаньцзана. Объем рукописи свыше 600 страниц, т. е. полный перевод китайского оригинала. Работа была закончена в Пекине в 1845 г. [196, с. 307—308, 336] [13]. Среди неопубликованных работ В. П. Васильева — «Ицзин», которая включает высказывания древних китайцев об Ицзине и образцы переводов [503, с. 442]. Как и многие другие труды В. П. Васильева, эти работы остались, к сожалению, неизданными.

Почти одновременно с В. П. Васильевым обратил внимание на сочинения китайцев — буддийских паломников крупный французский синолог С. Жюльен (1799—1873). В 1851 г. вышел его перевод «Жизнеописания» Сюаньцзана [918], а затем и «Путешествия» этого паломника [919]. Хотя с момента выхода в свет этих трудов прошло более 125 лет, они широко используются специалистами, которые нередко предпочитают их более поздним английским переводам С. Била.

В 1877 г. опубликован в виде отдельной книги печатавшийся до того в «Journal Asiatique» труд С. Жюльена «Исторические документы о тюрках». В работе собраны, расположены в хронологическом порядке и откомментированы содержащиеся в китайских исторических хрониках сведения о тюрках с середины VI до середины X в. [917]. Следует также упомянуть статью этого французского исследователя об уйгурах — комментированное издание путешествия Ван Яньдэ, посла сунского императора Тайцзуна (976—997), к уйгурам (982 г.) [920].

Наибольший вклад в изучение китайских источников внес крупнейший французский синолог конца XIX — начала XX в. Э. Шаванн (1865—1918), являвшийся, в частности, иностранным членом-корреспондентом Российской Академии наук [89; 124; 805]. Э. Шаванн издал переводы сообщений о Западном крае [14] — извлечения из «Хоуханьшу» и «Вэйлюэ» [792; 793], составил полный, практически исчерпывающий свод сведений ки-

[13] Впрочем, возможно, этот перевод был осуществлен еще раньше. Так, в одном из трудов В. П. Васильева названа дата 1842 г. [154, с. 12].

[14] Западный край (Сиюй) — традиционное наименование Восточного Туркестана и прилегающих районов Средней Азии в древнем и раннесредневековом Китае.

тайских источников о западных тюрках [788; 791], осуществил переводы биографий многих буддийских пилигримов, содержавших сведения о Восточном Туркестане [794; 795; 797; 798]. Французские переводы обширных извлечений были снабжены им превосходными комментариями, многие из которых являлись самостоятельными исследованиями и, кроме того, вводили сведения из параллельных или дополнительных китайских и других восточных и западных источников. Э. Шаванн, кроме того, перевел китайские документы, найденные экспедицией А. Стейна, и издал их в виде приложений к фундаментальным отчетам этого исследователя [1109; 1111; 1118]. Указанные переводы вышли также в свет отдельной книгой [787]. Наряду с этим Э. Шаванн занимался эпиграфикой Центральной Азии [786], историей религий в Центральной Азии [799].

Синологом того же уровня, как Шаванн, был его ученик П. Пеллио (1878—1945). В. П. Васильев назвал его «крупнейшим китаистом нашего времени» [154, с. 103, 122]. П. Пеллио много и успешно занимался историей и культурой Восточного Туркестана. Владея кроме китайского многими другими восточными языками, он занимался изучением этого интереснейшего региона во всеоружии разнообразных письменных и лингвистических источников. Как и для его учителя Э. Шаванна, для П. Пеллио изучение Восточного Туркестана являлось лишь одним из аспектов его разносторонней работы. Однако французский ученый успел сделать очень многое и в этом направлении.

Среди трудов П. Пеллио о Восточном Туркестане — исследования о древних путешественниках [1019], обширные комментарии к переводам исторических источников [1028], глубокие аналитические труды об эпиграфических находках [1023], вопросы исторической топонимики [1024; 1035]. Из древних народов Восточного Туркестана П. Пеллио более всего интересовался согдийцами [1017] и тохарами [1016; 1034]. Занимался он также языками древних центральноазиатских народов [1033]. Вместе с Э. Шаванном он издал большой труд, в котором прослеживаются судьбы манихейства в Центральной Азии и в Китае [799]. Уже посмертно была опубликована монография П. Пеллио по истории христианства в Восточном Туркестане и Китае, а также трехтомный труд о Марко Поло [1029]. Много времени ученый посвятил изучению и изданию дуньхуанских рукописей [1035]. Одним из первых он начал исследовать проблему иранских влияний в Центральной Азии и Восточной Азии [1022]. Для трудов П. Пеллио характерно сочетание скрупулезнейшего исследования источников, их всеобъемлющий охват и острота критического анализа.

Ближайшим коллегой и сотрудником Э. Шаванна был талантливый индолог С. Леви (1863—1935), обладавший глубокими познаниями в индологии и синологии. «Ученый совершенно разносторонний и даровитый, — пишет С. Ф. Ольденбург, — он

стоял в центре парижского кружка ученых, занимавшихся северным буддизмом» [124, с. 639]. С. Леви своими трудами заложил базу для изучения восточнотуркестанского буддизма и его специфики [962]. Велик его вклад в исследование истории Восточного Туркестана, особенно Кучи [965]. Он также являлся одной из ведущих фигур в изучении тохарского языка.

Серьезных успехов добилась в конце XIX — начале XX в. синология и в Англии — достаточно назвать имена Дж. Легга (1815—1895), Дж. Уайли (1815—1887). Был осуществлен перевод разделов о Западном крае из «Ханьшу» [1156]. Другой китаист, С. Бил (1825—1889), перевел «Путешествие» Сюаньцзана, а также описания паломничеств более ранних буддийских пилигримов [1105]. Этот перевод вызвал много критических замечаний [15], но он, безусловно, сыграл важную роль в истории науки.

Энергично работали синологи и в других странах. Заметным явлением стали работы Фридриха Хирта (1845—1928), немецкого китаиста, часть жизни которого прошла в США. Ф. Хирт являлся иностранным членом-корреспондентом Российской Академии наук ([889; 890; 891]; о Хирте см. [123]). Следует также назвать работы О. Франке (1863—1947), прежде всего [836, с. 1904].

Русская синологическая наука конца XIX в. представлена отличной работой «Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам)» Д. М. Позднеева [452]. Русский ученый Э. Бретшнейдер (1833—1901) издал ценный двухтомный сборник китайских известий по истории Центральной и Западной Азии в XIII—XVII вв. [775]. Определенный прогресс был достигнут — прежде всего англичанином Рокхиллом — и в изучении тибетских источников, в том числе освещающих историю Восточного Туркестана.

Однако качественный сдвиг в изучении Восточного Туркестана произошел в 90-х годах XIX в. и особенно в первые два десятилетия XX в. Энтузиасты-собиратели, а затем археологические экспедиции вывезли из Восточного Туркестана множество памятников письменности, археологии и искусства. Согласно оценочным данным, только четыре немецкие экспедиции привезли 30 тыс. документов и их фрагментов [971, с. 5]. По-видимому, соизмеримое количество памятников письменности вывез из Восточного Туркестана А. Стейн, а также японские экспедиции.

После того как английский офицер Боуэр в оазисе Куча открыл санскритскую рукопись (см. выше), последовал непрерывный ряд открытий многочисленных документов, написанных на известных и ранее неизвестных языках. То были памятники письменности на индийских языках, санскрите и пракрите, самого разнообразного содержания, как религиозные, так и свет-

[15] «Труд Била — перевод частью с китайского, частью — с французского» [1150, с. 4].

ские. Особое значение имеет открытие группы документов, выполненных письменностью кхарошти, из оазиса Ния и других областей. Обильными были и находки памятников китайской письменности, удалось обнаружить и некоторое число тибетских рукописей. Найдено также много тюркских, особенно уйгурских, памятников письменности, известны находки сирийских документов. Одновременно произошло сенсационное открытие рукописных фондов Дуньхуана.

Даже первичная систематизация письменных памятников потребовала длительного напряженного труда — многие документы являлись древнейшими образцами той или иной письменности, изучение некоторых из этих письменностей в то время, по существу, лишь начиналось (например, кхарошти, среднеперсидской, рунической, уйгурской). Принципы палеографического анализа большинства письменностей также были разработаны еще слабо. Один и тот же язык иногда был представлен несколькими диалектами, его носители пользовались разными письменностями. Кроме того, к концу XX в. в руках исследователей оказались памятники двух ранее совершенно неизвестных языков, представленных записями на брахми. Они обнаружили также рукописи, написанные сирийским, манихейским письмом и письмом, близким к уйгурскому. Конечно же, расшифровка всех этих памятников была особенно сложной и стала возможной в результате объединенных усилий плеяды блестящих лингвистов [971]. Так, в частности, обстояло дело с неизвестным языком рукописи, исполненной письмом брахми. В начале 90-х годов XIX в. С. Ф. Ольденбург опубликовал фотографию одной рукописи из собрания Н. Ф. Петровского. После этой и других публикаций удалось выделить группу манускриптов брахми, не поддающихся чтению на индийских или иранских языках. Наконец, А. фон Лекок, а затем Ф.-В. Мюллер предположили, что это особый индоевропейский язык. Вскоре, в 1908 г., Э. Зиг и В. Зиглинг определили особенности этого индоевропейского языка, установили наличие в нем двух диалектов А и В (сейчас они считаются родственными, но отдельными языками). Вслед за Ф.-В. Мюллером они предложили называть этот язык тохарским на основании толкования уйгурского колофона одной рукописи, связав его с историческими тохарами [1101]. Последнее, однако, не имеет убедительных оснований (поэтому название «тохарский язык» отвергается многими учеными; позже было установлено самоназвание носителей диалекта В — «кучанцы»). Э. Зиг и В. Зиглинг, а за ними С. Леви, А. Сталь-Гольстейн, Н. Д. Миронов, Х. Педерсен, А. ван Виндекенс, В. Краузе, Э. Бенвенист, В. И. Георгиев, В. В. Иванов издали многочисленные памятники, детально разработали проблемы, связанные с лингвистической характеристикой тохарских языков, их положением в системе индоевропейских языков, происхождением тохарских и их генетическими связями с другими индоевропейскими и неиндоевропейски-

ми языками. Ученые посвятили немало труда и истории носителей тохарских языков [535].

Обнаружен был второй неизвестный язык, также представленный памятниками письменности брахми. При их изучении индолог Р. Хёрнле установил, что тексты написаны языком, близким к иранским, в частности памирским. Изучение этого языка было продолжено Э. Лейманом, который первоначально назвал его североарийским. Французские же лингвисты именовали его восточноиранским. А. фон Лекок в 1909 г. так писал о найденных им во время экспедиции новых рукописях: «Обнаружены также несколько фрагментов (манускриптов. — *Б. А.*), написанных гуптским письмом на языке, названном Э. Лейманом «Sprache II», который, как я предполагаю на основании географических и исторических соображений, является исчезнувшим языком саков» [955, с. 318]. Эту гипотезу поддержал Г Людерс, нашедший близкие соответствия между языками саков индийских и восточнотуркестанских прежде всего в антропонимике [971, с. 406—448]. Дальнейший прогресс в изучении этих письменных памятников связан с трудами норвежского исследователя С. Конова, опубликовавшего, в частности, грамматику вновь обнаруженного языка [935; 936; 937], получившего с тех пор наименование хотано-сакского (в подлинных документах — hvatanau, hwaṃno).

Современный этап в изучении хотано-сакского языка связан прежде всего с именами Г Бейли и Р. Эммерика. Им, а также М. Дрездену, Такубо Сюё наука обязана публикацией текстов, их переводов и громадным количеством исследований, насыщенных не только богатым лингвистическим содержанием, но и сообщающим целое море фактов по истории и истории культуры [819; 822]. Занимались и занимаются хотано-сакским языком и его памятниками также советские ученые — В. С. Воробьев-Десятовский, Л. Г. Герценберг, М. И. Воробьева-Десятовская, В. А. Лившиц.

Третий неизвестный индоевропейский язык привлек пристальное внимание Ф.-В. Мюллера. Работая над манихейскими текстами, он выделил манускрипты, написанные, по его мнению, на пехлевийском диалекте, родном для жителей Турфана, манихеев по религии. Другой лингвист, Ф.-К. Андреас, обратил внимание на совпадение календарных терминов одного из этих текстов с теми, которые Бируни в конце X в. называл согдийскими. На этом основании Ф.-В. Мюллер заключил, что этот язык — согдийский [1005]. Согдийскими оказалось и большинство рукописей, написанных сирийским письмом, а алфавит, напоминавший уйгурский, как позже было установлено, является собственно согдийским [846; 847]. Русский ученый К. Г Залеман заложил основы изучения грамматики согдийского языка [1081; 1082]. Продолжили эту работу своими капитальными трудами Р. Готьо и Э. Бенвенист, а также П. Тедеско, Г Райхельт, В. Хеннинг, О. Хансен, И. Гершевич, М. Бойс, М. Дрез-

ден, В. Зундерман, Н. Симс-Уильямс и другие исследователи.

Огромное значение для дешифровки, издания и интерпретации найденных в Восточном Туркестане тюркских рукописей имели труды великого русского тюрколога В. В. Радлова (1837—1918) [223]. Как писал С. Ф. Ольденбург, «В. В. Радлов никогда не боялся вступить первым в неизведанную страну, не боялся ошибок, памятуя о старинном речении „ошибками учимся“» [424, с. 1235]. Уже будучи академиком (с 1884 г.), В. В. Радлов начал интенсивно заниматься древнетюркскими письменными источниками. Он издал ценнейший памятник XI в. — «Кутадгу билиг», свод рунических надписей Монголии. В. В. Радлов выступал при этом не только как филолог, но и как историк [464; 467]. В невероятно сжатые сроки В. В. Радлов расшифровал и опубликовал документы, привезенные экспедицией Д. А. Клеменца из Восточного Туркестана [1052]. Естественно, что к В. В. Радлову обращались и руководители зарубежных экспедиций (в частности, А. Грюнведель) за помощью в издании обнаруженных ими в Восточном Туркестане памятников древнеуйгурской письменности [1053; 1054]. В. В. Радлов издал серию уйгурских памятников, в том числе уйгурские переводы буддийских сочинений «Дишаствустиксутра», «Суварнапрабхаса» (совместно с С. Е. Маловым), «Гуаньшиин пуса», «Покаянная молитва манихеев». Параллельно с В. В. Радловым над памятниками уйгурской письменности (иногда над теми же) работали зарубежные тюркологи, среди них У Томсен, Ф.-В. Мюллер, В. Банг, А. фон Лекок. Возникавшие между ними дискуссии в целом способствовали прогрессу тюркологии [400].

Выдающийся русский востоковед К. Г Залеман (1849—1916) был по преимуществу иранистом. Его работы получили всеобщее признание в России, в 1889 г. он избирается экстраординарным, а в 1895 г. — ординарным академиком. Мировую известность принесли К. Г. Залеману его работы над грамматикой среднеперсидского (пехлевийского) языка. Он провел большую работу по составлению среднеперсидского словаря, а также каталога парсийских рукописей.

Научной сенсацией явилась публикация в 1904 г. Ф.-В. Мюллером среднеиранских текстов, созданных турфанскими манихеями [1003]. Сразу же вслед за тем К. Г Залеман также выпустил в свет манихейский среднеперсидский фрагмент, происходящий из Турфана и хранившийся в Азиатском музее [1080]. К. Г. Залеман давал новую, более глубокую интерпретацию манихейским манускриптам, опубликованным Ф.-В. Мюллером и Э. Захау, привлекая при этом большое количество дополнительных материалов. Собственно, такому анализу посвящены все пять выпусков залемановской «Манихеики» [1081; 1082]. Характеризуя эту ситуацию, известный лингвист А. Мейе, откликаясь на очередную публикацию Ф.-В. Мюллера, высказал пожелание, чтобы «остальные иран-

ские тексты Турфана были по возможности скорее опубликованы и чтобы после первого издателя, подобного г-ну Мюллеру, они были изучены еще таким мэтром, как г. Залеман» [442, с. 113].

К. Г Залеман вслед за Ф.-К. Андреасом, первым указавшим на связь согдийского с ягнобским (язык небольшой народности в горном Таджикистане, в долине р. Ягноб, современная Ленинабадская область Таджикской ССР), широко привлекал для изучения согдийского языка хорошо известные ему ягнобские материалы из Азиатского музея [16]. К. Г Залеман написал и первый в мировой лингвистике грамматический очерк согдийского языка.

К. Г Залеман активно сотрудничал с зарубежными коллегами, делился с ними своими материалами. При активной поддержке К. Г Залемана французский иранист Р. Готьо получил возможность посетить долины рек Ягноб и Шугнан, чтобы собрать материалы по соответствующим языкам. К. Г Залеман читал корректуру первого тома «Очерка согдийской грамматики» Р. Готьо, и благодарный автор писал русскому ученому: «Я надеюсь, что по моей грамматике будет ясно видно, что Вы — мой соавтор» [442, с. 114—115].

Исследование и издание рунических и уйгурских памятников продолжил ученик В. В. Радлова С. Е. Малов (1880—1957) [388]. Последующие поколения советских тюркологов — А. Н. Бернштам (1910—1956), И. А. Батманов, А. Н. Кононов, А. М. Щербак, С. Г. Кляшторный, Э. Р. Тенишев, Д. И. Тихонов, И. В. Стеблева, Д. М. Насилов, Л. Ю. Тугушева, Д. Д. Васильев и др. — с честью восприняли и продолжили традицию изучения восточнотуркестанских письменных памятников. Через учеников К. Г. Залемана — Ф. А. Розенберга (1867—1934) [510] и А. А. Фреймана (1879—1968) [435] — такая же цепочка протянулась к современным советским иранистам — В. А. Лившицу, М. Н. Боголюбову, А. Л. Хромову.

Несколько иначе обстояло дело с санскритскими, тохарскими и хотанскими источниками. После работ С. Ф. Ольденбурга и его коллег Н. Д. Миронова и А. Сталь-Гольстейна наступил длительный перерыв—до начала 50-х годов XX в. Возрождение этого направления восточнотуркестанских штудий связано с деятельностью талантливого ученого В. С. Воробьева-Десятовского (1927—1956) [132]. «По разносторонности и глубине знаний В. С. Воробьев-Десятовский был единственным в своем роде специалистом. Он самостоятельно возродил ряд индологических дисциплин, замерших в предшествовавшие годы, соединив в своем лице сравнительно-историческое изучение индоарийских языков с чтением центральноазиатских документов, занятием пали и тибетонистикой» [256, с. 130]. Над центральноазиатским рукописным собранием В. С. Воробьев-Десятовский

[16] Ныне установлено, что язык ягнобцев является новосогдийским языком.

работал всего пять лет, но за это время сделал необычайно много для углубленного изучения санскритских, тохарских, тибетских и хотано-сакских текстов, обнаружив и издав ряд уникальных произведений, в том числе фрагмент санскритско-кучанского словаря. Кроме того, В. С. Воробьев-Десятовский «фактически первым начал разбор и систематизацию всех санскритских, сакских, тохарских и тибетских текстов центральноазиатского фонда. Он составил первую инвентарную опись и предварительный каталог» [143, с. 16].

Труды В. С. Воробьева-Десятовского стимулировали исследования Ленинградского фонда центральноазиатских источников, связанных с Восточным Туркестаном. Эту работу продолжили и ныне интенсивно ведут Г. М. Бонгард-Левин, М. И. Воробьева-Десятовская и Э. Н. Темкин [768]. Помимо отдельных фрагментов и памятников Г. М. Бонгард-Левин и М. И. Воробьева-Десятовская издали два выпуска фундаментального труда «Памятники индийской письменности из Центральной Азии». Три раздела этой книги посвящены изданию памятников индийской письменности V—IX вв., которые тем самым впервые введены в научный оборот. Среди них отрывки из важнейших канонических сочинений махаянического буддизма — «Махапаринирванасутры», «Дхармашарирасутры» и «Саддхармапундарикасутры».

Параллельно и взаимосвязано с изучением восточнотуркестанского фонда ведется исследование дуньхуанских рукописных материалов. Часть китайских документов этого фонда фактически происходит также из Восточного Туркестана (Турфана). Их изучением и каталогизацией в 30-е годы занимался К. К. Флуг [533]; работал над ними и А. С. Поляков. Затем под руководством Л. Н. Меньшикова изучение Дуньхуанского фонда возобновилось в 1957 г., выпущено два тома коллективного описания китайских рукописей Дуньхуанского фонда [177; 178]. В настоящее время Л. Н. Меньшиков занимается преимущественно буддийскими, а Л. И. Чугуевский — небуддийскими манускриптами. Помимо отдельных статей Л. И. Чугуевский издал первый выпуск капитального труда «Китайские документы из Дуньхуана» [545], куда включены и некоторые турфанские материалы.

Следует подчеркнуть, что исследование восточнотуркестанских источников развертывается в СССР одновременно с изучением аналогичных источников, найденных на территории Средней Азии. Так, В. А. Лившиц исследовал памятники бактрийской письменности, обнаруженные на юге Средней Азии, а также изучал эфталитские рукописи и граффити, найденные в долине Зеравшана. Тот же исследователь совместно с И. М. Дьяконовым и М. М. Дьяконовым изучал парфянские документы из Южной Туркмении, а вместе с М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой — знаменитый согдийский архив с г. Муг близ Пенджикента. В. А. Лившиц известен исследова-

нием других памятников согдийской и хорезмийской письменности из центральных и северных районов Средней Азии. В Средней Азии обнаружено к тому же значительное число памятников индийской письменности, изучением которых успешно занимались В. В. Вертоградова, М. И. Воробьева-Десятовская, Т. В. Грек [346, с. 17—24, 27—29]. Наконец, следует упомянуть о важных находках в Монголии, изученных С. Г Кляшторным и В. А. Лившицем. Эти находки имеют существенное значение и для изучения истории Восточного Туркестана.

Крупные школы по изучению археологических материалов и памятников письменности из Восточного Туркестана в послевоенное время возникли в Венгрии и ГДР. В Венгрии в этой области много и плодотворно работают, например, Я. Харматта [766], И. Эчеди, К. Цегледи, Г Урай; в ГДР — В. Зундерман, Г Хазаи, Т. Тило, П. Циме и другие ученые. В Центральном институте древней истории и археологии АН ГДР хранится Турфанский фонд, институт издает серию трудов «Берлинские турфанские тексты», в которых ученые ГДР и исследователи из других стран публикуют происходящие из Восточного Туркестана тексты и переводы различных сочинений. В Западной Германии также изучаются и издаются материалы Турфанского фонда (часть их находится в ФРГ). Продолжает работу один из патриархов современной тюркологии, А. фон Габэн, и ее многочисленные ученики; целая группа ученых изучает и публикует санскритские сочинения; В. Винтер, В. Томас и другие продолжили работу Э. Зига и В. Зиглинга по публикации тохарских рукописей и граффити; Р. Эммерик является ведущим специалистом в области хотано-сакских текстов и т. д. Французская школа синологии пережила новый взлет благодаря трудам Л. Базена, П. Демьевиля, Дж. Гамильтона, М. Лалу, Р. Стейна, Л. Амбиса и других ученых. Продолжаются углубленные центральноазиатские источниковедческие штудии в Англии, где работают М. Бойс, Г Бейли, И. Гершевич, Н. Симс-Вильямс. Заслужили известность специалисты по Восточному Туркестану из Дании (Я. Асмуссен), Финляндии (П. Аалто), Турции (Р. Арат) [819; 979; 1044; 1120; 1144; 1164].

Один из крупнейших центров по изучению восточнотуркестанских памятников письменности сложился в Японии. В 1958—1963 гг. там вышел в свет шеститомный труд (на японском языке с английскими резюме) «Monumenta Serindica» [1000], в котором проанализированы документы из Дуньхуана и Турфана на китайском, санскрите, уйгурском, тибетском, тохарском, хотано-сакском и тангутском языках. В «Monumenta Serindica» опубликованы и проанализированы многие документы, помещены статьи, посвященные буддийской философии, социально-экономическим проблемам Восточного Туркестана, а также памятникам искусства региона. Это издание было осу-

ществлено «Группой по изучению Западного края». Авторы некоторых глав, например Нобору Ниида, Нисидзима Садао и Нисимура Гэнъю, впоследствии выпустили монографии, в которых широко использовали дуньхуанские и турфанские документы. В отношении глубины анализа китайских документов из Восточного Туркестана, как отмечает Л. И. Чугуевский, «исследования японских ученых по их количеству и качеству оставили далеко позади как европейскую, так и китайскую науку» [545, с. 55]. Китайские и иные памятники изучаются и учеными КНР; прежде всего следует упомянуть труды ныне покойного Хуан Вэньби, а также недавнее издание китайских документов, обнаруженных в Турфане.

Археологические и иконографические источники — результат деятельности экспедиций и отдельных собирателей. Степень подробности и характер описания памятников различны. Так, А. Стейн результаты своей первой экспедиции в Восточный Туркестан осветил в двухтомнике «Древний Хотан» [1109]. Большая часть этого труда создана самим А. Стейном, каталог находок составил искусствовед и археолог Ф. Эндрюс. Самостоятельную ценность представляют приложения к «Древнему Хотану», принадлежащие перу таких крупнейших востоковедов, как Л. Барнетт, С. Бушел, Э. Шаванн, Ф. Томас, О. Франке, Д. Марголиус, Э. Рапсон. Итоги второй восточнотуркестанской экспедиции А. Стейна были подведены в пятитомном труде «Serindia» [1118] и трехтомном труде, специально посвященном дуньхуанским пещерам. Итогам третьей экспедиции посвящена четырехтомная книга «Глубинная Азия» [1111], написанная А. Стейном совместно с Дж. Алланом, Э. Бенвенистом, С. Коновом, С. Леви, А. фон Лекоком, В. Ленцем, Г. Масперо, Ф. Томасом, О. Франке [280, с. 194—197]. Таким образом, научный отчет о восточнотуркестанских экспедициях А. Стейна был издан в виде 11 томов (не менее 5—6 тыс. страниц общепринятого сейчас для археологических трудов формата). К этому следует еще добавить четыре тома популярных книг, в которых содержались некоторые дополнительные детали.

Немецкие экспедиции А. Грюнведеля и А. фон Лекока представили свой отчет также в виде 11 томов, отдельного труда по этнографии, а также нескольких популярных книг. Однотомный детальный отчет о шведской экспедиции в Восточный Туркестан издал Ф. Бергман [760]. Частному вопросу — анализу остатков шерстяных тканей из Лоуланя — посвятил свою работу другой шведский исследователь, В. Сювен [1121]. Предварительный отчет С. Ф. Ольденбурга, как отмечалось, был опубликован в 1914 г., вскоре после экспедиции [420]. Отчет давал сжатую, но очень емкую характеристику исследованных памятников, к нему были приложены планы раскопанных руин. Ныне Н. В. Дьяконова, используя полевые записи, планы и фото С. Ф. Ольденбурга и его спутников, подготовила издание

материалов русской экспедиции в Восточный Туркестан в 1909—1910 гг.

П. Пеллио опубликовал лишь краткие заметки о своих работах в Восточном Туркестане. Сохранились его полевые дневники, чертежи, зарисовки и фотографии, а также археологические материалы и памятники письменности. В Центре исследований Центральной Азии — Коллеж де Франс под руководством проф. Л. Амбиса (1906—1978) в середине 50-х годов была организована группа по изданию материалов путешествия П. Пеллио (La Mission Paul Pelliot en Asie Centrale). Археологические материалы по Восточному Туркестану, хранящиеся в Музее Гиме, предполагается опубликовать в 10 томах, часть их уже издана.

Несмотря на такое обилие изданных отчетных материалов, наши представления в области археологии Восточного Туркестана остаются недостаточно полными, изобилуют громадными лакунами. Дело в том, что методика археологических работ в первые десятилетия XX в. резко отличалась от современной, причем путешественники не соблюдали даже тех правил, которые были общеприняты в их время. В результате археологические комплексы нередко оторваны от памятников, нет подробных описаний раскопок и шурфов, отсутствуют даже элементарные стратиграфические наблюдения, фиксация неудовлетворительна (иногда она вовсе не проводилась). Так обстояло дело даже у более «благополучного» в этом отношении А. Стейна. В работах же А. Грюнведеля и А. фон Лекока раскопы, слои, датирующие материалы вообще не описаны. Из отчетов этих исследователей практически «выпали» (за небольшими исключениями) все археологические и нумизматические материалы (в отличие от А. Стейна, у которого они скрупулезно описаны). Немецких ученых интересовали лишь памятники искусства (в меньшей степени — архитектуры), а также находки письменных документов. Раскопки китайских археологов, к сожалению, публикуются лишь в виде предварительных отчетов. В опубликованных трудах нет детальной классификации найденных предметов материальной культуры.

Все это в значительной степени затрудняет использование имеющегося в распоряжении мировой науки огромного фонда данных. Мы вынуждены отказаться в большинстве случаев от точных датировок, не можем обоснованно судить об истории отдельных сооружений, архитектурных ансамблей, поселений, уверенно сопоставлять комплексы материальной культуры или выявлять линии ее развития. Тем не менее специальный анализ позволяет обрисовать общую картину материальной культуры отдельных областей Восточного Туркестана. Прекрасным образцом являются две работы М. Майяр по материальной культуре Турфанского оазиса и по архитектуре Восточного Туркестана [976; 977].

В отчетных трудах исследовательских экспедиций опублико-

ван огромный фонд произведений искусства [737; 738; 765]. Во многих случаях было детально описано все художественно-декоративное убранство помещений или даже архитектурных комплексов, а не только отдельные живописные и скульптурные произведения. Особенно много в этой сфере сделал А. Грюнведель, индолог, проникновенный знаток буддийского искусства во всех его проявлениях, от Явы до Монголии и Тибета, к тому же сам являвшийся художником. Уже в отчете о своей первой экспедиции в 1905 г. А. Грюнведель попытался осмыслить открытые им произведения искусства. Он обнаружил в Восточном Туркестане отчетливые проявления гандхарских традиций и разработал четырехэтапную схему развития в регионе буддийского искусства [857, с. 175—176]. Более развернутую характеристику стилей восточнотуркестанского искусства и их относительную хронологию А. Грюнведель предложил в 1909 г., в отчете о своей третьей экспедиции. В упомянутом труде исследователь пишет о пяти последовательно сменявших друг друга стилях:

1. «Гандхарский стиль». К этому направлению относятся произведения искусства, которым присущи те же позднеэллинистические черты, что и памятникам собственно гандхарского искусства.

2. Стиль «всадников с длинными мечами» — вариант предшествующего стиля, развившийся на местной почве. Многие декоративные детали находят аналогии с изображениями на индо-скифских монетах. Произведения этого стиля составляют ряд хронологических вариантов.

3. «Древнетюркский стиль». Сочетаются формы первого и в большей степени второго стиля. Прослеживаются также элементы, присущие китайскому искусству. Резко изменяется одежда местных народов. Надписи на произведениях искусства — китайские и брахми.

4. «Младотюркский», собственно уйгурский, стиль, также синкретический, представлен множеством произведений.

5. Для «ламаистского стиля» характерны явные заимствования из тибетского искусства [856].

Совершенно очевидно, что эта схема основана лишь на материалах северных оазисов (где, собственно, и работали немецкие экспедиции), но даже с учетом этого обстоятельства следует признать большое значение концепции А. Грюнведеля, продолжающей «работать» до настоящего времени. В 1924 г. А. фон Лекок конкретизировал эту схему и разработал хронологию развития восточнотуркестанского искусства [954, с. 22—23]. Развернутую характеристику первых трех стилей, с перечнем относящихся к ним памятников и детальным рассмотрением их датировки, предложил в 1933 г. Э. Вальдшмидт [1146]. К сожалению, не был осуществлен полноценный анализ иконографии, аксессуаров и деталей, что позволило бы существенно уточнить хронологию находок. Отметим, что все исследователи

подчеркивали эллинистические и индоиранские истоки восточнотуркестанского искусства, игнорируя связи со Средней Азией. Дальнейшие открытия показали, однако, что влияния из Средней Азии играли в развитии восточнотуркестанского искусства гораздо более важную роль, чем влияния из Ирана.

В последующие годы продолжалось всестороннее изучение коллекций восточнотуркестанского искусства, публиковались каталоги, описания локальных школ. Этапными стали книги итальянского ученого М. Буссальи (род. 1917 г.) [780] и американского исследователя Б. Роуленда (1904—1972) [17] [1077]. При всем различии между этими изданиями их роднит рассмотрение восточнотуркестанского искусства как неразрывной части центральноазиатского, признание неразрывности связей между Восточным Туркестаном и Средней Азией. В этом духе написал несколько статей Л. Амбис [863; 865; 866]. Та же тема освещена в сводном труде, изданном под его руководством [740]. Много и успешно работают над всем спектром проблем восточнотуркестанского искусства японские ученые [1000].

В отечественной науке также продолжалась работа по изучению восточнотуркестанских коллекций. В конце 20-х годов две статьи на эту тему опубликовал А. С. Стрелков [514а; 515]. Со второй половины 50-х годов и по настоящее время сотрудник Государственного Эрмитажа Н. В. Дьяконова систематически публикует ценные исследования по искусству Восточного Туркестана [230; 234; 235; 236; 238; 239; 240]. Совместно с С. С. Сорокиным Н. В. Дьяконова издала каталог хотанских древностей (в том числе памятников искусства) из терракоты и штука. Н. В. Дьяконова также завершила подготовку к печати трехтомного труда «Первая Русская Туркестанская экспедиция академика С. Ф. Ольденбурга. 1909—1910 гг.» (т. 1— «Шикшин»; т. 2 — «Турфанский оазис»; т. 3 — «Кучарский оазис»).

Принципиально новое направление в изучении искусства Восточного Туркестана возникло в связи с открытием в Средней Азии памятников древнего и раннесредневекового искусства — живописи, скульптуры, резьбы по дереву. Основоположником этих штудий стал М. М. Дьяконов, который вскоре после обнаружения настенной живописи в Пенджикенте подчеркивал: «Открытие советскими исследователями росписей Согда, Бухары и Хорезма позволяет увидеть в новом свете и богатые росписи Синьцзяна. Исследователи искали в искусстве Синьцзяна сасанидские элементы, но теперь нам стало ясно, что все те черты, которые обычно считались „иранскими", являются элементами среднеазиатскими, точнее — согдийскими» [229, с. 148—150]. Впоследствии обнаружение и изучение памятников искусства Бактрии-Тохаристана заставляет внести коррективы в этот вывод: искусство Средней Азии и Восточного Турке-

[17] О Б. Роуленде см. [345].

стана есть результат многоплановых взаимовлияний, причем конкретные их формы неодинаковы в различных историко-культурных регионах Центральной Азии. Над этой проблематикой работают Л. И. Альбаум, В. А. Булатова, Т. И. Зеймаль, Б. А. Литвинский, Б. И. Маршак, Ю. А. Раппопорт.

Переходя к краткой характеристике исторических трудов по Восточному Туркестану в новое и новейшее время, отметим, что огромное значение сыграли монографии по истории древних тюрков и в целом Средней Азии. В этой связи прежде всего следует упомянуть имя наиболее компетентного знатока Востока В. В. Бартольда. Будучи еще молодым ученым, он обратился к изучению орхоно-енисейских надписей, привлекая для освещения соответствующей исторической эпохи, исторической географии всю совокупность арабо-персидских источников, а также китайские свидетельства [113; 114; 115; 753]. Разработку этой проблемы параллельно вели немецкие ученые Й. Маркварт (1869—1930) и В. Банг (1869—1934), причем выводы первого исследователя В. В. Бартольд называл «блестящими». Дискуссия помогла уточнить многие важные вопросы. В многочисленных работах В. В. Бартольда по истории Средней Азии [530] уделяется внимание и Восточному Туркестану. Кроме того, В. В. Бартольд написал для «Энциклопедии ислама» статьи о важнейших историко-культурных областях региона [106; 107; 108; 109; 110]. Через все его работы проходит мысль о близости исторических судеб Восточного и Западного Туркестана (т. е. Средней Азии). В. В. Бартольд писал: «В обеих частях Туркестана жили народы одного и того же происхождения и действовали одни и те же культурные факторы» [122, с. 519].

Крупные исторические труды создал Й. Маркварт [121; 984]. На основании арабо-персидских и китайских источников он проанализировал вопросы, связанные с древнетюркскими руническими надписями, с историей древних уйгуров, занимался также токуз-огузской проблемой [982; 984; 985; 987; 990]. Для древней истории Восточного Туркестана очень важны труды другого немецкого ученого — А. Геррманна, посвященные античным и китайским источникам по Восточному Туркестану, а также археологическим памятникам из региона. А. Геррманна особенно интересовали проблемы, связанные с Великим шелковым путем [883; 887; 885; 886].

В первой половине XX в. историю Восточного Туркестана изучал крупнейший японский ученый Сиратори Куракити (1865—1942). Его перу принадлежат многочисленные работы по истории народов Центральной Азии, статьи по истории усуней, саков, юэчжей, кангюйцев, тюрок. Весьма интересовали Сиратори вопросы географии Западного края, в частности Согдианы [708; 967].

При участии Сиратори Куракити в 1924 г. был организован один из ведущих в Японии центров синологических и централь-

ноазиатских штудий — «Тоё бунко» (Восточная библиотека), в котором он возглавил исследовательский отдел, превратившийся впоследствии в целый научный институт. Был налажен выпуск четырех серийных изданий, в том числе (с 1926 г.) ежегодника «Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko» [824; 826].

Первым японским ученым, обратившимся к изучению культуры Восточного Туркестана на материале, полученном японскими экспедициями, стал Ханэда Тору. Его монографии «Очерки истории цивилизации Западного края» (1931 г.) и «История культуры Западного края» (1948 г.) основаны на глубоком знании китайских источников и детальном анализе археологических данных, оказавшихся к тому времени в распоряжении ученых различных стран [692, с. 18—22].

Одной из особенностей японских исследований по истории Восточного Туркестана был интерес к этническим процессам, происходившим на этой территории в древности и средневековье. После второй мировой войны Япония стала едва ли не самым крупным зарубежным центром по изучению Центральной Азии. В первые послевоенные годы над историей сюнну успешно работал Эгами Намио; с некоторыми его идеями на этот счет полемизировал Эноки Кадзуо, автор многочисленных работ по этнической истории юэчжей, кидаритов, эфталитов, населения Крорайны. На 50-е годы приходятся основные исследования такого известного японского историка Западного края, как Утида Гимпу, внесшего значительный вклад, в частности, в источниковедческое изучение материалов китайских династийных хроник. Утида также много занимался проблемами происхождения и истории сюнну, жужаней, карлуков. Мацуда Хисао наиболее значительные из своих трудов посвятил исторической географии народов, обитавших в древности в Притяньшанье [691], тогда как Нагасава Кадзутоси основное внимание уделял истории оазисов, расположенных вдоль южного тракта Великого Шелкового пути [697; 698].

Как указывает японский востоковед Исэ Сэнтаро, за последние десятилетия в работах японских специалистов по истории Восточного Туркестана все более отчетливо прослеживается ряд общих тенденций. Во-первых, все чаще исторические судьбы населения этого региона анализируются в широком контексте этнической истории Центральной Азии в целом. Во-вторых, если раньше исследователей привлекали прежде всего вопросы древней истории Западного края, то за последнее время стало появляться больше статей и книг, посвященных эпохам средневековья и нового времени. В-третьих, в Японии возникла собственная школа исследований китаеязычных текстов, обнаруженных в разные годы в Дуньхуане и на территории собственно Восточного Туркестана (особого упоминания в этом отношении заслуживают работы Фудзиэда Акира). Наконец, международный авторитет завоевали работы японских тюрколо-

гов (Мори Масао, Ямада Нобуо) и предлагаемые японскими исследователями интерпретации документов на кхарошти (Эноки Кадзуо, Нагасава Кадзутоси) [686, с. 85—87]. Следует отметить, что уникальное исследование роли климатического фактора в истории Восточного Туркестана провел Хоёнага Муцуби [717].

Последние годы отмечены значительным оживлением научно-исследовательской работы в Китае, что привело к активизации разработки ряда кардинальных проблем истории Центральной Азии. В 1979 г. группа китайских специалистов выступила с инициативой создания Общества по изучению культур Центральной Азии, которое должно было войти в Международную ассоциацию по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА) под эгидой ЮНЕСКО. В 1983 г. в г. Урумчи состоялась I научная конференция общества, на которой было заслушано более 40 докладов [595, с. 79].

Наиболее значительны достижения китайских ученых в изучении письменных памятников из Турфана [590; 621а; 634; 647; 656]. Знаменательно также обращение специалистов КНР к систематическому исследованию документов на кхарошти. Начало этому было положено еще в 1963 г., когда сотрудник Синьцзянского института национальностей Ван Гуанчжи перевел на китайский язык работу Т. Барроу. В конце 70-х годов опубликованы статьи Ма Юна и Чжао Лишэна, посвященные некоторым проблемам интерпретации текста документов из Нии и Лоуланя, а также их датировки [593; 666а]. Ученики известных китайских тибетологов Юй Даоцюаня и Ма Сюэляна много работают над чтением и публикацией тибетских документов из Мирана [569].

В 1981—1985 гг. увидели свет исследования китайских ученых по истории усуней [566; 583; 589], сюнну [562; 587; 631], жужаней [657а], древних тюрков [583; 585; 661], древних уйгуров [585], а также по истории Кроранны [596; 646], Хотана [575; 669].

В 1983 г. в Урумчи вышел в свет сборник «Археология Синьцзяна за 30 лет». В нем опубликованы статьи ведущих китайских специалистов, сгруппированные в два раздела — «Археологические разведки и раскопки» и «Исследования». Эта книга подводит своеобразный итог двум десятилетиям работ по изучению истории Восточного Туркестана [599].

В послевоенный период изучение истории Восточного Туркестана вызывает большой интерес ученых во многих странах. Отметим лишь немногие труды. Э. Пуллиблэнк, один из крупнейших синологов-лингвистов современности, в серии статей разработал вопросы этнической истории Центральной Азии и древнейших контактов индоевропейцев и китайцев [1047; 1049; 1050; 1051]. Истории Шаньшаня и буддизма посвятил свою работу Дж. Браф [776]. К взаимоотношениям Китая и народов Центральной Азии в ханьское время обратился в своих серь-

езных исследованиях М. Лоуи [907; 969]. Серия работ по истории хотано-саков и Хотана на основе хотано-сакских документов и тибето-хотанских хроник с привлечением других источников была создана Г Бейли, Р. Эммериком. На немецком языке были написаны труды Лю Маоцзай, в частности по истории Кучи со II в. до н. э. до VI в. н. э. [968]. В посмертном трехтомнике П. Пеллио исследуются сведения о многих владениях и народах Центральной Азии [1029; 1031]. Велико значение трудов Дж. Гамильтона по истории уйгуров (особенно самого капитального из них «Уйгуры эпохи Пяти династий по китайским документам» [868]), А. фон Габэн — по истории уйгурского Турфанского княжества [840]. Труды, в которых анализируются документы из Дуньхуана, книги по истории Тибета, принадлежащие перу французских ученых (Ж. Бако, П. Демьевиль), также содержат весьма существенную информацию о Восточном Туркестане.

Число же опубликованных на западных языках обобщающих работ по истории Восточного Туркестана в отличие от специальных и частных монографий невелико. Это — краткий очерк политической истории региона со II в. до н. э. по XII в., написанный У. Самолином и основанный исключительно на данных китайских династийных хроник [1085]. Значительным явлением следует считать коллективный труд под редакцией Л. Амбиса «Центральная Азия» [740]. Это скорее научно-популярная книга универсального характера, с акцентом на историю культуры. В ней содержатся данные по истории, религии, материальной культуре, торговле, архитектуре, искусству Восточного Туркестана. Имеются и японские обобщающие труды [892].

Среди изданных в КНР работ по Восточному Туркестану заслуживает особого внимания четырехтомный сводный труд по истории этого региона. Он создан группой сотрудников Института изучения национальных меньшинств Академии общественных наук СУАР под руководством Цин Хуа и при участии Го Пинляна и Ван Чжимая. Этот труд был сразу же переведен с китайского языка на уйгурский. Первый том, охватывающий период с древнейших времен до «опиумных войн», носит название «Шиньцзяннинг киск ичэ тарихи. Шиньцзян хэлик нэшрияти» (Урумчи, 1984). Текст труда имеет не строго научный, а скорее научно-популярный характер.

В советской историографии в последние десятилетия центральноазиатские исследования занимают видное место. Исследуется история Средней Азии, Монголии, Южной Сибири, Тибета и других регионов. Широкое признание получили работы Е. И. Кычанова по истории тангутов, С. Г. Кляшторного по истории древних тюрок, Л. И. Чугуевского — о Дуньхуане и его архивах. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны были опубликованы и две работы, касающиеся собственно Восточного Туркестана. Одна из них принадлежала

перу А. Н. Бернштама (1910—1956), крупнейшего знатока истории, археологии, древней культуры Средней и Центральной Азии. Он ясно показал глубину и объем многосторонних историко-культурных связей, объединяющих народы Восточного Туркестана и Средней Азии, писал о нараставшей общности культурного и этнического порядка, о близости судеб культур и этносов [131]. Другой крупный ученый, А. Ю. Якубовский (1886—1953), собрал и проанализировал сведения арабо-персидских источников об уйгурском Турфанском княжестве [557]. После некоторого затишья, с 60-х годов изучение истории Восточного Туркестана идет нарастающими темпами. В 1962 г. была опубликована работа А. Г. Малявкина, посвященная истории уйгурского Турфанского княжества в XIII в. [372]. В 1966 г. появилась книга ленинградского ученого Д. И. Тихонова о хозяйстве и общественном строе уйгурского государства в X—XIV вв., основанная главным образом на анализе уйгурских документов [522]. Вслед за тем последовала серия статей и монографий А. Г Малявкина, посвященных различным аспектам истории уйгуров. Так, одна из книг А. Г. Малявкина представляет собой комментированный свод китайских источников об уйгурах [369]; другая посвящена исторической географии Центральной Азии [367]; еще одна — уйгурским государствам IX—XII вв. [371]. В целом труды А. Г Малявкина — серьезный вклад в историю уйгуров. В коллективной многотомной работе, посвященной истории китайского этноса и культуры, дана предельно краткая, но очень четкая характеристика этнокультурной ситуации в Восточном Туркестане [304; 305; 306; 307]. В сборнике статей «Восточный Туркестан и Средняя Азия» [181] история и культура Восточного Туркестана рассмотрены через призму его историко-культурных связей со Средней Азией и в контексте этнокультурной общности этих регионов.

Предложенный вниманию читателя краткий обзор литературы показывает, что изучение истории и культуры Восточного Туркестана имеет длительные и богатые традиции. Поистине выдающуюся роль в исследовании Восточного Туркестана сыграли отечественные путешественники и ученые.

Глава 2

КАМЕННЫЙ ВЕК

Центральная Азия, за исключением Монголии и прилегающего к ней лёссового плато Ордоса, принадлежит к областям Азиатского материка, наименее изученным в плане исследования памятников каменного века [728]. Не является исключением и Восточный Туркестан. Наличие палеолитических стоянок на этой территории является проблематичным, хотя у нас есть все основания считать, что ископаемый человек освоил эти места еще в глубокой древности. Неолитические памятники, зафиксированные в песках Таримской впадины и ее горного обрамления, дают лишь плохо фиксированные, хронологически точно не определенные сборы. Однако культуры каменного века окружающих областей — Монголии, Северного Китая, советской Средней Азии (особенно расположенного в непосредственной близости Памира) — дают возможность высказать определенные предположения о характере культур каменного века, еще не открытых на интересующей нас территории. Таким образом, настоящая глава посвящена не столько фактическому материалу по каменному веку, известному для Восточного Туркестана, сколько перспективам исследований в этой области.

ЧЕТВЕРТИЧНАЯ ГЕОЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Географическое районирование Восточного Туркестана как западной части центральноазиатской бессточной области решается различными авторами по-разному. Мы принимаем подразделения, предложенные в фундаментальной работе Э. М. Мурзаева [394], где в плане общей схемы рельефа выделяются две большие межгорные впадины — Таримская и Джунгарская, которые окаймляются горами: с севера Алтаем, с северо-запада — горами Пограничной Джунгарии и Тянь-Шанем, с запада — Памиром, с юга — Куньлунем. Между Таримской и Джунгарской впадинами протянулся хребет Тянь-Шань, сужающийся к востоку. С восточной стороны эти впадины от-

носительно открыты, но и здесь возвышаются нагорья Бэйшаня и горы Заалтайской Гоби.

Территория Восточного Туркестана сильно приподнята, ее средняя высота 1980 м над уровнем моря, исключительно велика гипсометрическая амплитуда, достигающая 8765 м (наибольшее значение для земной суши). В рельефе преобладают широтные либо субширотные простирания, предопределившие общую картину расположения гор, больших и малых межгорных депрессий.

Мы не будем специально останавливаться на физико-географических и природных условиях Восточного Туркестана (см. Введение) [1]. В данном случае значительно важнее попытаться хотя бы частично реконструировать историю четвертичного периода в описываемом регионе, представить основные черты стратиграфии четвертичных отложений, а также палеогеографию Восточного Туркестана, т. е. природных условий, в которых мог существовать древний человек на протяжении плейстоцена и голоцена. Эта задача пока может быть решена только в самых общих чертах, поскольку опубликованных на сегодняшний день материалов еще явно недостаточно.

Известный исследователь Центральной Азии В. М. Синицын определяет структурные элементы этой области как решетчато-сотовую структуру, в которой основные разломы образуют решетчатый каркас поясов глубинных разломов Тянь-Шаня, Куньлуня, Алтынтага и других горных хребтов, сотами же, заполняющими этот каркас, служат массивы, имеющие маломощный осадочный чехол, фациально более или менее однородный. Такими массивами являются Таримский, Джунгарский и другие. Глыбовая решетчато-сотовая структура Центральной Азии развивается унаследованно [499, с. 21—23], и уже с конца палеозоя Восточный Туркестан, как и вся Центральная Азия, вступил на путь континентального развития.

Для нашей темы особый интерес представляют лишь отложения, сформировавшиеся в плиоцене и в переходный период от плиоцена к плейстоцену. Этот интерес чисто теоретический, поскольку до сегодняшнего дня еще никому не удавалось найти хотя бы какие-нибудь следы человеческой деятельности или костные остатки гоминидов в отложениях этого периода, даже в значительно лучше изученных неоген-четвертичных отложениях Средней Азии, хотя первые поиски в этом направлении уже осуществлены в Таджикистане [474]. К сожалению, автору осталась недоступной публикация китайских геологов, посвященная третичным отложениям Восточного Туркестана, где достаточно подробно рассмотрены стратиграфия, литология, фауна, растительность третичного периода. Можно только отметить, что в ходе будущих археологических исследований, по-видимому, стоит обратить внимание на верхнеплиоценовую песча-

[1] Детальные сведения о природных условиях Восточного Туркестана см. [292; 394; 443; 454; 499].

но-глинистую палевую свиту, особенно развитую на южных склонах Тянь-Шаня. Эта свита, по всей вероятности, соответствует полизакской свите Афгано-Таджикской депрессии и ее аналогам в других районах Средней Азии. Верхняя часть полизакской свиты заканчивается куруксайской свитой, для которой известна богатая верхневиллафранкская фауна, соответствующая палеомагнитной инверсии олдувай в зоне обратной намагниченности матуяма [402, с. 117], что соответствует возрасту, как минимум, 2,4 млн. лет. Можно предположить, что конгломератовая толща, которая распространена в зоне предгорных прогибов Таримского и Джунгарского массивов, где она достигает мощности 1500—2000 м, соответствует эоплейстоценовым илийским и хоргским валуно-галечникам юго-восточного Казахстана [550]. По мере удаления от гор эти конгломераты постепенно сменяются гравелитами, и затем песчаниками, фациально замещающимися алевраитами и глинами.

В Восточном Туркестане пока не исследованы аналоги нихэваньской и саньмэньской свит, которыми, собственно говоря, начинаются четвертичные отложения Северо-Западного Китая (нижний плейстоцен, согласно классификации китайских авторов, эоплейстоцен — советских). Находки в этих свитах, хотя еще и недостаточно убедительные, придают данным отложениям особое значение и позволяют надеяться на более результативные исследования в будущем [326].

На характер четвертичных отложений, очень разнообразных вследствие сложности устройства поверхности и пестроты ландшафтов Восточного Туркестана, громадное воздействие оказывает аридность климата. В частности, ведущую роль здесь играют эоловые отложения. В. М. Синицын отмечает, что в равнинной части края, находящейся в сфере влияния монголо-сибирского антициклона, широко распространены элювиальные образования и эоловый комплекс, включающий две фации: пески и лёссы. В горных областях развиты осыпи и ледниковые образования, а по окраинам горных областей распространены отложения аллювиально-пролювиальной группы.

Работы, посвященные детальному стратиграфическому подразделению четвертичных отложений, подобные тем, которые проделаны в последние годы в Средней Азии [219], в Восточном Туркестане пока не проведены. Поэтому о подразделении четвертичных отложений региона можно говорить лишь в самых общих чертах.

Так, в горном обрамлении Таримского массива отмечено несколько генераций морен, но, судя по всему, площадь четвертичного оледенения в горном обрамлении страны не была сколько-нибудь значительной. Лишь в горах Кингтау близ Кашгара отметка моренных образований достигает 2000 метров, в основном же она колеблется от 2800 до 3800 м [394, с. 28—30]. Большинство исследователей приходит к заключению о двукратном оледенении гор, окружающих Таримский массив; сле-

ды более раннего, раннечетвертичного, оледенения не сохранились.

Оледенения и особенно межледниковые периоды, когда происходило таяние ледников, оказали большое влияние на формирование отложений крупных и мелких впадин. Именно с таянием высокогорных ледников связана аккумуляция мощной толщи рыхлых осадков — флювиогляциальных, пролювиальных и аллювиальных. Успешные работы геологов и археологов в зоне древних оледенений Восточного Памира [481] позволяют надеяться, что выработанная ими методика вполне применима и в горных районах Куньлуня и Восточного Тянь-Шаня. Крупные впадины Джунгарского массива и массива Такла-Макан заполнены отложениями древних рек и в большей степени элювия, накапливающегося при малом воздействии поверхностных вод, преимущественно в предгорной зоне. Это главным образом песок, озерно-дельтовые отложения, в которых каменный материал практически полностью отсутствует. Поэтому наибольшие площади Восточного Туркестана представляют собой песчаные пустыни. В западной части региона (Кашгария) господствуют песчаные пустыни (кит. *шамо*), в восточной (Джунгария) — песчано-галечные (монг. *гоби*) [443]. Плейстоценовые отложения Таримской впадины в основном погребены под более молодыми эоловыми песками. В долинах и дельтах современных рек бассейна Тарима распространены пространства, сложенные молодыми супесями и лёссовидными суглинками. Эоловые пески, занимающие почти всю современную поверхность пустыни Такла-Макан, образовались главным образом благодаря развеиванию четвертичных аллювиальных и пролювиальных отложений впадины. Выделяются три типа песчаного рельефа: грядовый, барханный, бугристый [531]. Песчаные массивы Джунгарии сложены в основном материалом аккумуляции и сноса с окружающих котловину гор. В целом же Джунгария в значительной степени отличается от Таримской впадины. Это равнинная страна с группами горных кряжей и мелкосопочников, и только внутренняя часть Джунгарии представляет собой плоскую пустыню, покрытую барханными песками.

Оба эти массива интересны для проведения археологических исследований, причем в пустынных районах Такла-Макан и Джунгарии можно ожидать открытия многочисленных стоянок, связанных с древними, ныне не существующими речными руслами и озерами, особенно с отмершими дельтами и руслами крупных рек — Яркенд-дарьи, Тарима, Хотана [2].

Следует обратить внимание и на песчано-галечниковые гоби Джунгарии, близкие по своему характеру и экологии к мелкосопочнику Казахстана. На таких поверхностях, совершенно

[2] О высокой степени вероятности открытия таких стоянок вдоль русел древних рек свидетельствуют результаты работы Хорезмийской экспедиции в пустынных районах Средней Азии.

не изменившихся со времени их образования, могут накапливаться разновременные палеолитические орудия. Желтая кварцитовая галька, распространенная на поверхности речных террас и останцов Джунгарии, могла служить хорошим поделочным материалом для изготовления каменных орудий в эпоху палеолита.

Несомненный интерес для исследования четвертичных отложений представляют подгорные равнины и конусы выноса, которые особенно хорошо выражены по обе стороны Тянь-Шаня (особенно по его северному подножию), а также у Куньлуня. Здесь мощность четвертичных отложений исчисляется многими сотнями метров; совершенно очевидно, что эта адырная полоса формировалась в иных климатических условиях, чем современные предгорные отложения. Наличие мертвых долин и сильное рассечение адыров указывают на перспективность поисков именно в предгорьях наиболее древних следов человеческой деятельности в Восточном Туркестане.

Особого внимания в этом смысле заслуживают и лёссовые отложения, к сожалению, еще недостаточно хорошо изученные. По мнению исследователей [394], лёссовидные породы, распространенные главным образом в Западном и Восточном Куньлуне и в западной части Таримской равнины, имеют сложный эоловый и пролювиально-аллювиальный генезис. Они накапливались в течение значительной части четвертичного периода. Существуют различия и в гранулометрическом составе восточнотуркестанских лёссов, распространенных на разных элементах рельефа. Лёссовидные породы в долинах имеют большую примесь песка и отличаются слоистостью, присущей породам водного генезиса. В горных областях лёссовидные породы почти сплошным покровом перекрывают все элементы древнего, сильно расчлененного рельефа, в том числе морены и флювиогляциальные террасы древнего (рисского?) оледенения. Согласно данным В. М. Синицына, в передовых отрогах лёсс распространяется до водораздельного хребта, достигая высоты 4000 м и более [499, с. 69]. Мощность этих пород здесь — до 20 м. Наибольшие же мощности лёссовидных пород в предгорной полосе — 30 м. В лёссах отмечаются слабые проявления погребенных почвенных горизонтов. Судя по всему, лёссовидные породы Восточного Туркестана сопоставимы лишь с маланьским лёссовым комплексом Северного и Северо-Западного Китая — маланьским хуанту, который соответствует верхнему плейстоцену [90, с. 132—133]. Перспективность исследования древних погребенных почв с целью обнаружения палеолитических стоянок в лёссовых толщах продемонстрирована работами в Южном Таджикистане [470].

Для установления хронологии позднего этапа кайнозоя определенную роль могут сыграть проявления молодого вулканизма, зафиксированные в Куньлуне для позднечетвертичного времени.

Исходя из особенностей четвертичных отложений Восточного Туркестана, можно в общих чертах сделать палеогеографическую реконструкцию, хотя для подробных построений ныне явно не хватает детальных палеоботанических данных.

В целом на фоне нарастающей с миоцена аридности Центральной Азии наблюдаются холодные и влажные периоды, возможно связанные с оледенением быстро растущих в плейстоцене горных цепей. Эти периоды увлажнения фиксируются, в частности, наличием древней гидрографической сети и системы давно отмерших озер [394, с. 38]. Вероятно, в периоды общепланетарных похолоданий и увлажнений условия для существования древнего человека в ныне совсем пустынных районах Таримской котловины, Джунгарии и Турфан-Хамийской впадины были значительно более благоприятными. Вместе с тем, на наш взгляд, В. Е. Ларичев допускает преувеличение, рисуя для соответствующих периодов такие картины: «Открытые пустынные пространства и обширные нагорья центральной зоны Азии представляли собой в относительно влажный период заключительных этапов позднего плейстоцена настоящее зеленое море бескрайних благодатных пастбищ с бесчисленным количеством озер — поистине подлинный рай для табунов степных животных и обитателей каменных склонов плоскогорий» [328, с. 96]. Нельзя забывать, что этапы увлажнений проходили на фоне резко аридного климата центральноазиатских пустынь. Но, во всяком случае, и те скудные данные, которыми мы располагаем, говорят в пользу возможности хотя бы периодического существования плейстоценового человека даже в наиболее пустынных районах Восточного Туркестана. В этом смысле очень интересна дискуссия, которая давно уже ведется между ботаниками. Одна из групп (М. Г Попов, А. А. Юннатов, В. И. Грубов) поддерживает тезис о большой древности пустынь Центральной Азии (позднемезозойском по крайней мере возрасте) и дальнейшем развитии их на протяжении всего кайнозоя. М. М. Ильин возглавил другую группу, которая считает, что Центральная Азия вовсе не была извечной пустыней, а возраст последней очень молодой — не более как четвертичный [262]. И связаны пустыни прежде всего с ростом окружающих гор, отделяющих и изолирующих замкнутые впадины, в том числе и пустыни Восточного Туркестана. И хотя общая концепция М. М. Ильина другими специалистами подвергается суровой критике, нет сомнения в том, что четвертичный период был в целом достаточно суровым и аридным. Существование первобытного человека в зоне пустынь, в отдалении от действовавших в то время водотоков и озер, могло иметь место только в благоприятные периоды времени, например в голоценовый оптимум, когда была заселена Сахара и многие пустынные регионы Ближнего Востока [367, с. 138—141].

ФАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (1900—1934)

Фактический материал по каменному веку Восточного Туркестана пока еще очень немногочислен и, как правило, недостаточно хорошо документирован. Его можно сгруппировать в два раздела, принципиально отличающиеся друг от друга как по времени сборов и публикаций, так и по характеру проведенных исследований.

К первой группе принадлежат сборы, сделанные в процессе неспециализированных экспедиций европейских ученых в Восточный Туркестан, проведенных в первой трети XX в. Этими экспедициями руководили известные путешественники С. Гедин и А. Стейн, которые в разной степени интересовались археологией исторического времени, но были совершенно некомпетентны в области каменного века. Только однажды на этой территории короткое время работал крупный специалист — палеонтолог и большой знаток каменного века Китая — П. Тейяр де Шарден. В двух из этих экспедиций в качестве сотрудников принимали участие и китайские ученые.

Материалы этих экспедиций опубликованы на английском языке, и описания находок каменных орудий даны в общепринятых европейских терминах.

Вторая группа — это исследования китайских археологов. Среди этих ученых преобладали сотрудники Музея СУАР, причем не было ни одного специалиста по каменному веку из пекинских научных учреждений. Работы проводились начиная с 1957 г., все публикации изданы на китайском языке, а также на русском — С. Кучерой [318]. При описании неолитических изделий возникают определенные трудности, связанные со специфической терминологией, которая встречается в китайских публикациях, и недостаточно квалифицированно выполненными рисунками.

Случайные находки изделий каменного века в Восточном Туркестане

С. Гедин (экспедиция 1900—1901 гг.) нашел в районе Лобнора изделия, которые являются, по мнению Ф. Бергмана, первыми из описанных каменных изделий из Восточного Туркестана. Это — микролитический нуклеус, изготовленный из породы типа агата (рис. 1, фиг. 7), и отщеп из желтого кремня (рис. 1, фиг. 6). Возраст находок, по мнению того же автора, установить трудно, поскольку такие типы изделий в Монголии и Восточном Туркестане существовали от палеолита до энеолита, а может быть, и до исторического времени [761, с. 95]. Ф. Бергман сообщает также о находке китаеведом П. Пеллио (экспедиция 1906—1908 гг.) двух топоров в урочище Кумтура близ

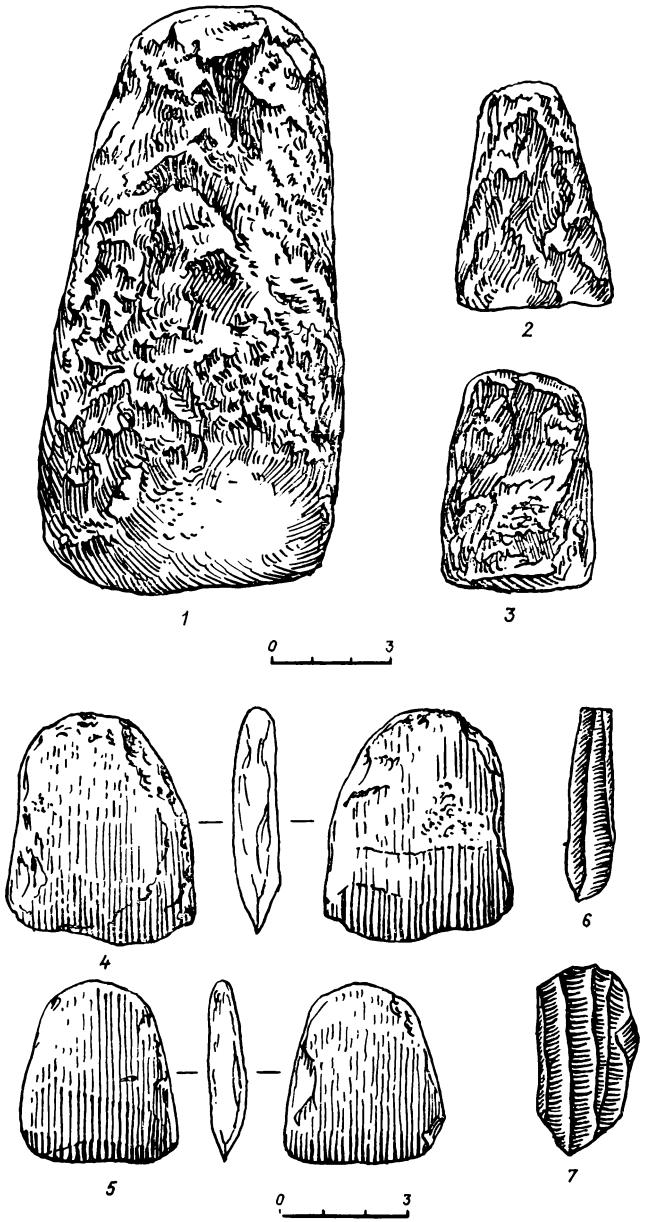

Рис. 1. Отдельные артефакты каменного века, найденные в Восточном Туркестане до экспедиций А. Стейна: 1—3 — шлифованные топоры из жадеита, найдены П. Пеллио в р-не Кучи, 4 — топорик из темно-серого нефрита, куплен в Куче в 1908 г., 5 — топорик из светло-серого нефрита, приобретен С. М. Дудиным в Душанбе, 6 — пластина, 7 — нуклеус (прорисовка по фотографии; находки экспедиции С. Гедина близ оз. Лобнор)

Кучи. В настоящее время эти топоры хранятся в Париже, в Музее французских древностей (Сен-Жермен-ан-Ле) [760, с. 13] (рис. 1, фиг. 1—3) [3].

Следует упомянуть и о сообщении российского генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского, опубликовавшего в 1906 г. в «Туркестанских ведомостях» небольшую заметку, в которой он писал о том, что в Кашгаре у местного жителя были куплены «нефритовый топор неолитического периода и два небольших неотшлифованных скребка» [445]. Другой топорик (длина — 4 см) (рис. 1, фиг. 5) также, по мнению А. П. Окладникова, происходит из Восточного Туркестана [406, с. 178]. Место находки этих вещей неизвестно, но скупщик древностей приезжал в Кашгар из Яркенда или Хотана. Нет ясного представления и о месте находки маленького (длина 5 см) топорика из темно-серого нефрита, хранящегося в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), купленного в Куче в 1908 г. М. М. Брезовским (рис. 1, фиг. 4). Человек, продавший эту вещь, жил неподалеку от Кучи — в Даванкуме [405, с. 179] [4]. Китайско-шведская экспедиция в 1928 г. обнаружила кремневые орудия в урочище северо-западнее Баркуля [760, с. 14].

Экспедиции А. Стейна

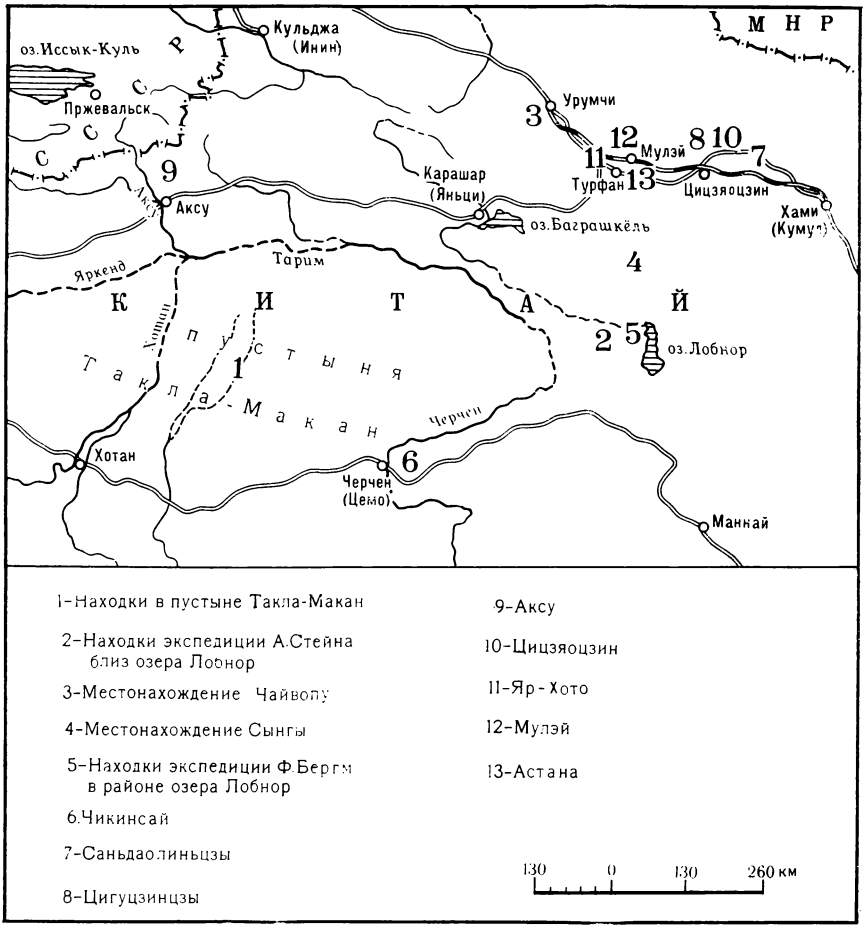
Поиски стоянок каменного века не были главной задачей экспедиций маститого исследователя Центральной Азии, который занимался памятниками исторического времени и в первую очередь археологическими объектами вдоль Великого шелкового пути. Он также широко интересовался вопросами географии, палеографии, составлял топографические карты пройденной местности. Наиболее значительные материалы по каменному веку были получены во время экспедиции 1906—1908 гг. Они дополняются сборами и во время других путешествий А. Стейна в Центральную Азию. Описания условий находок и каменных орудий сделаны А. Стейном очень бегло. Мало меняют положение и две статьи английского археолога Р. Смита, описавшего некоторые находки А. Стейна и сделавшего весьма спорные заключения о культурных связях центральноазиатского неолита [1108, с. 82]. Даже с высоты сегодняшних достижений следует положительно оценить существенный вклад А. Стейна в изучение древнейшего прошлого Восточного Туркестана.

Не останавливаясь подробно на всех пунктах сборов А. Стейна, описание которых разбросано среди сотен страниц

---

[3] Выражаем глубокую признательность сотрудникам музея в Сен-Жермен-ан-Ле, любезно предоставившим возможность опубликовать прорисовки с фотографии этих топоров, которых в хранении не два, а три.

[4] Выражаем глубокую признательность заведующей отделом МАЭ АН СССР Т. А. Поповой, любезно предоставившей А. Е. Матюхину возможность сделать рисунки, предназначенные для данной книги.

Карта 2. Находки каменного века в Восточном Туркестане

увесистых томов его отчетов, сгруппируем их в два района — северо-западная часть пустыни Такла-Макан, южнее оз. Чолькуль, и пустынные районы вокруг оз. Лобнор — своеобразный прямоугольник, заключенный между дельтами Тарима и Черчена на западе, оз. Лобнор на востоке, урочищем Миран и сел. Чарклык на юге и р. Кончедарья (Курукдарья) на севере [1110].

Сделать полный статистический подсчет находок из сборов А. Стейна невозможно, поэтому ниже приводится суммарное описание каменного инвентаря со ссылками на изделия, наиболее типичные и важные для характеристики соответствующих комплексов.

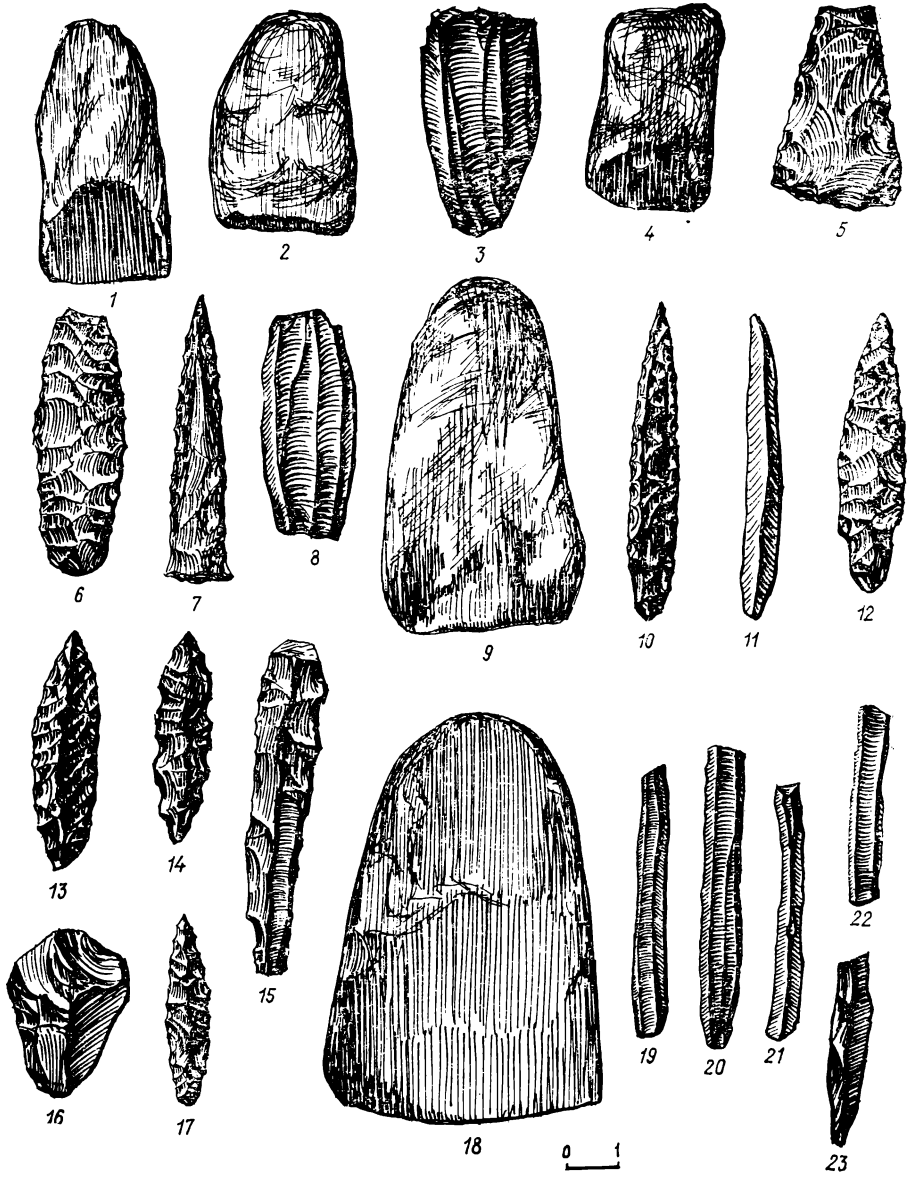

Рис. 2. Изделия каменного века из пустыни Такла-Макан (7) и района оз. Лобнор (1—6 и 8—23), 1, 2, 4, 5 — оббитые орудия типа долота, 3, 8 — микронуклеусы, 6, 7, 10, 12—14, 17 — наконечники стрел, обработанные «струйчатой» ретушью, 9, 18 — шлифованные топоры, 11, 15, 19—23 — ножевидные пластины, 16 — концевой скребок (прорисовка с фотографии, находки А. Стейна)

Пустыня Такла-Макан южнее оз. Чолькуль

Ряд каменных орудий А. Стейн обнаружил, следуя из Кашгара в Хотан. Ученый пересек тогда пустыню Такла-Макан по меридиану, от Маралбаши до Хотана [1111] (рис. 2). Это район, заключенный между возвышенностью Чонтагаш и песками Кумтур, в основном южнее оз. Чолькуль (лагеря № 16 и 17). А. Стейн описывает посещенную им местность как серию крупных (высотой 15—40 м) песчаных барханов (даванов) и понижений типа депрессий между ними. Последние также покрыты крупными барханами, лишь кое-где разделяемыми эродированной поверхностью такырного типа или вскрытыми коренными породами[5]. Именно в этих понижениях и удалось собрать изделия каменного века.

В одной из таких депрессий, протянувшейся с северо-востока на юго-запад, маршрут экспедиции проходил мимо глинистой террасы, перекрытой крупной песчаной дюной. По краю террасы ветровой эрозией образована ложбина глубиной до 16 м, на днище ложбины удалось собрать мелкие обломки камня, часть из которых имеет следы обработки, как, например, определенные А. Стейном микропластинки, нуклеусы и грубые, нерегулярные отщепы.

На половине пути от южного окончания оз. Чолькуль к лагерю № 25 на юг от р. Яркенд на поверхности участка неконсолидированного лёссовидного суглинка найден хорошо обработанный каменный наконечник стрелы.

В районе лагеря № 27, в нижней части склона песчаных дюн и в понижении между ними, обнажается поверхность коренных пород и прослеживаются фрагменты красноцветных каменистых гряд, выходящих на поверхность у хотанского Мазартага. Здесь была собрана небольшая коллекция каменных орудий, среди которых хорошо определяются отщепы из окремненного песчаника, который преобладает на большинстве всхолмлений в пустыне на восток от Маралбаши. Подобный материал известен и на северо-восточной окраине Кумтага.

Условия находок в районах лагерей № 16 и 17 — это песчаные дюны, и лишь кое-где на выдувах имелись небольшие площадки, сохраняющие такырные корочки. Коллекция, собранная на указанных пунктах, не превышает нескольких десятков предметов. Среди них можно выделить нуклеусы, пластинки (преимущественно в обломках), отщепы, очень плохо выраженные боковые скребки, острия, обломки камней со сколами. В целом изделия небольших размеров — от 6 до 1,5 см. Материал — кремнистые породы, а также сланец и кварцит.

Нуклеусы. Представлены двумя экземплярами. Один из них конической формы, частично покрыт длинными и узкими фасетками снятых пластинчатых сколов. Обратная сторона не об-

[5] Описание рельефа пустыни Такла-Макан см. [531, с. 42 и сл.].

работана. Длина 2,22, толщина 0,95 см. Другой нуклеус, хуже выраженный, имеет размеры 2,22×0,95 см.

Пластинки. Узкие пластинки преимущественно с одной гранью на спинке, реже — с двумя; иногда один из концов пластинки уплощен, а второй расширен и утолщен. Сечение треугольное и пирамидальное; встречается ретушь по краям, в одном случае — затупливающая край. Описана как грубая. Это настоящие микропластинки размерами 3,33×1,42×0,25 см, 2,69×1,77×0,47 см, 1,58×0,79 см и т. д.

Отщепы. Отличаются от обломков камня лишь присутствием заметных ударных бугорков и более тонким сечением. Другие элементы заготовок такого типа в описаниях не отмечены. Размеры 4,44×4,76×1,27 см, 4,44×1,90×0,79 см. Размеры обломков породы с нерегулярными сколами на поверхности — 6,04×4,12×0,25 см, 5,71×2,54×4,44 см, 1,9×1,74×0,47 см.

Острия. Кремневое (?) острие, изогнутое с одной стороны, ретушированное по краям, сломано в основании. Размеры 2,69×1,77×0,47 см.

Скребки. Один или два плохо выраженных скребка, выделенных А. Стейном со знаком вопроса.

Наконечники стрел. Один экземпляр с довольно тонкой (струйчатой, судя по рисунку) обработкой поверхности. Наконечник равномерно сужается с обеих сторон, сечение ромбическое, уплощенное к широкой части для удобства соединения с древком. Материал — серый кремнистый сланец. Размеры 6,6×1,4 (в основании) ×0,79 см (рис. 3, фиг. 7). А. Стейн приурочил эту находку к позднему времени, во всяком случае, не раньше энеолита [1111, т. 1, с. 86].

Что касается определения возраста других находок, то любопытно, что первоначальное определение А. Стейна основано не на анализе археологического материала, а на его рассуждениях об условиях существования древнего человека в безводной ныне пустыне. Рассматривая возможные варианты положения русел р. Яркенд, он пишет: «Во всех случаях более влажные климатические условия Таримского бассейна в течение последнего оледенения являются достаточным объяснением существования поселений древнекаменного века в этом районе» [1111, т. 1, с. 86]. Отсюда представление о наличии в Такла-Макане следов «палеолитической оккупации» [1111, т. 1, с. 85], совершенно противоречащее собранному материалу. Впрочем, выделение в голоценовом климате пустынь Средней Азии лявляканского плювиала (VIII—IV тыс. до н. э.), обусловленного глобальными климатическими факторами, снимает, как нам кажется, это противоречие и свидетельствует о широком заселении пустынь Средней и Центральной Азии в голоцене [164].

Что касается единичной находки наконечника стрелы, то его А. Стейн справедливо отнес к значительно более позднему периоду [1111, т. 1, с. 86]. Судя по характеру обработки, находка скорее всего не старше энеолитического времени.

Одним из основных районов деятельности экспедиции А. Стейна была Лобнорская пустыня — четырехугольник, заключенный между Чарклыком и Мираном на юге, р. Кончедарья (Курукдарья) — на севере, дельтами рек Черчен и Тарим — на западе и оз. Лобнор — на востоке. Специальные маршруты проведены от Лобнора к хребту Куруктаг. Это примерно пояс пустыни, заключенный между 40—41° широты и 89—90° долготы [1108, с. 81].

Специальных археологических поисков не проводилось и в этом районе, каменные орудия собирались во многом случайно, на маршрутах, имевших иное целевое назначение, или во время утомительных переходов по пустыне и обширным заболоченным солончакам, окружающим оз. Лобнор. Описывая один из таких маршрутов от лагеря № 121 к оз. Лобнор, А. Стейн отмечает, что «маршрут был прямым, насколько это оказалось возможным, и поиск по сторонам практически не производился» [1118, т. 1, с. 357]. Подобное положение сохраняется и во время других маршрутов и кратковременных остановок. Нет сомнений в том, что более обширные планомерные разведки, осуществленные специалистом по каменному веку, могли бы привести к открытию многочисленных стоянок как в западной, так и в восточной части Таримской пустыни. Вероятным результатом таких изысканий могла бы стать концепция особой цивилизации позднего каменного века Восточного Туркестана, близкой к той, которая обнаружена в нынешних пустынях Средней Азии или в пустыне Тар. Это чувствовал уже английский исследователь, который писал о широком поясе территории, связывающем запад и восток, который был освоен человеком доисторического времени [1111, т. 1, с. 96].

Элементы рельефа Лобнорской пустыни, с которыми связаны находки каменного века, это прежде всего песчаные дюны, дефляционные котловины между ними, такырные, сильно засоленные поверхности, сухие речные русла и дельты с пустынной растительностью и участками мертвого леса, инкрустированные выходами солей поверхности сухих участков оз. Лобнор, а также ярданги — террасы из лёссовидных суглинков или глин, протянутые с северо-востока на юго-запад. Как отмечал А. Стейн, все непесчаные отложения являются озерными и вскрыты более поздней эрозией, преимущественно ветровой.

Общее количество находок, обнаруженных в ходе нескольких экспедиций А. Стейна, установить трудно, так как нет уверенности в том, что все находки попадают в списки предметов, помещенных в конце глав его многочисленных трудов. Р. Смит изучил 140 находок, из которых лишь половина показывает ясные следы обработки [1108, с. 81]. По сообщению Ф. Бергмана, коллекция, собранная А. Стейном у Лобнора, наиболее репрезентативна и состоит из 450 предметов [761, с. 95]. В соответ-

ствии с имеющимися в нашем распоряжении данными, описание находок будет сделано суммарно по отдельным группам. Полную статистику находок можно найти в «Списке объектов», сопровождающем публикации А. Стейна.

Северо-восточнее поселка Чарклык на эродированной поверхности речных отложений собрана небольшая коллекция каменных, в основном кремневых, изделий — маленький, грубо обработанный топор, наконечники стрелок, ножи на пластинках, пилки, сделанные из таких же пластинок, отщепы. Вместе с изделиями из камня собраны фрагменты очень грубой керамики ручной работы, серого и коричневого цвета. Имеются и фрагменты красной керамики, тесто которой содержит шлак. «Несколько наконечников стрел настолько хорошо обработаны, что даже без специалистов я мог сказать, что они действительно принадлежат неолитическому времени» [1116, с. 365].

Между окончанием Тарима и пустынным районом, отделяющим его от дельты Черчена, найдены следы поселений каменного века. На поверхности эродированных глинистых отложений в рассеянном состоянии собраны редкие изделия из камня и фрагменты грубой керамики, возможно, неолитического времени. Обращает на себя внимание хорошо сохранившийся топор-кельт вытянутых очертаний, узкий, с перехватом в верхней части, а также тонкие пластинки из халцедона и яшмы [1118, т. 1, с. 451].

Во время перехода от дельты Тарима до Кончедарьи обнаружено немало изделий и их фрагментов, относящихся к каменному веку. Они были приурочены к всхолмленным эродированным участкам близ пояса подвижных песков, включавших остатки мертвых деревьев. Особенно часто изделия доисторического времени встречались на отпрепарированных ветром участках. Район к северу от лобнорских солончаков вплоть до подножия Куруктага сложен, за исключением подвижных песков, озерными глинами и лёссовыми седиментами. В результате поиска найдены фрагменты грубой керамики ручной работы, коричневого, серого и красного цвета, а также несколько хорошо выраженных нуклеусов, прекрасно обработанные наконечники стрел из яшмы, много отщепов и ножевидных пластин правильной формы. Очень часто края последних несут следы специальной подправки — ретуши, а иногда следы работы [1118, т. 1, с. 357].

Район оз. Лобнор выделен А. Стейном в особый район, давший наибольшее количество доисторических находок, объединенных в группу стоянок у развалин Лоуланя (LA, LK, LL, LM). Стоянки эти расположены на эродированных возвышенностях, часто связанных с сухими руслами древних рек. Археологический материал каменного века очень разнообразен. Он включает в себя остатки исторических эпох: монеты, бусы, украшения, а также следы жизни людей доисторического времени, в том числе шлифованные топоры-кельты из нефрита, яв-

но неолитического возраста, большое число мелких и крупных ножевидных пластин и пластинок из кремня и яшмы, нуклеусы, фрагменты керамики [1111, т. 1, с. 183, 188; 1118, т. 1, с. 393].

Еще один район исследований определяется расстоянием от участка древнего берега Лобнора до сухого русла Курукдарьи. Маршрут пересекал речное ложе, а затем гряду из глины, подвергшуюся воздействию относительно слабой ветровой эрозии и покрытую низкими дюнами и мертвым тамариском. Именно здесь встречаются обработанный камень и грубая неолитическая керамика. Большую часть среди находок каменного века занимают узкие отщепы с острыми краями, ножевидные пластинки, скребки, хорошо сделанные наконечники стрел, нефритовые топоры [1111, т. 1, с. 206].

Перейдем к характеристике основного археологического материала, полученного в результате экспедиции А. Стейна. При этом керамика, часть из которой может действительно принадлежать неолиту, не будет учитываться, так как, во-первых, описание найденных фрагментов сделано А. Стейном слишком скупо, чтобы судить о форме, орнаменте и технике выделки, т. е. совокупности данных, позволяющих сделать определение возраста керамики, а во-вторых, эта керамика большей частью найдена вместе с постнеолитическими предметами и по возрасту может быть намного моложе этого периода.

Материал, служивший для изготовления каменных орудий, найденных в различных местах пустыни Лобнор, не является местным, а, по мнению А. Стейна, принесен первобытными людьми с юга, где в предгорьях Куньлуня еще со времен Марко Поло были известны такие породы, как яшма и халцедон [286, с. 79]. Вопрос о месте добычи нефрита зеленовато-серого цвета, из которого сделаны шлифованные топоры, достаточно сложен. Известны залежи жадеита, близкой к нефриту породы, по берегам р. Раскемдарья на запад от Таримской пустыни [396, с. 459]. Еще ближе к Лобнору яшма известна близ Хотана, в верховьях рек Юрункаш и Каракаш [995, с. 151—152]. В работе В. В. Бека и И. В. Мушкетова приведена карта месторождений нефрита в Куньлуне [127].

Кроме указанных пород А. Стейн упоминает кремень, кремнистый известняк, или сланец, сердолик, серпентин [1118, т. 1, с. 357]. Вопрос об источниках сырья для первобытных мастеров, естественно, очень важен и для выявления зоны обитания древних племен и их миграций. В данном случае он еще ждет своего исследователя. Добавим, что значительная часть собранного материала имеет выветренную поверхность.

Суммируя описания, данные А. Стейном для различных пунктов археологических сборов в районе оз. Лобнор (статистика находок приведена в вышеупомянутых изданиях), можно выделить ряд категорий собранных им артефактов.

Нуклеусы. Судя по фотографиям в публикациях А. Стейна [1111, т. 3, табл. 22; 1118, т. 4, табл. 30], в сборах имеются

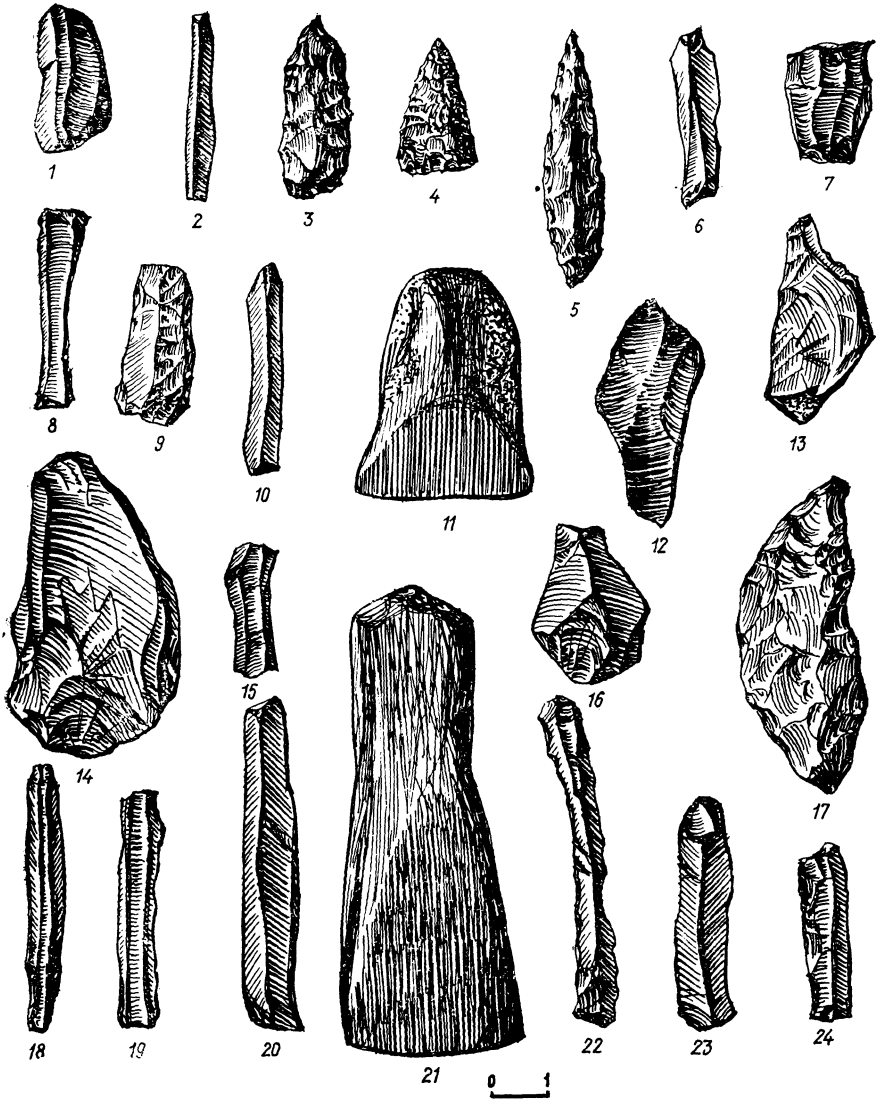

Рис. 3. Изделия каменного века из пустыни Лобнор: 1, 7 — микронуклеусы, 2, 6, 8—10, 18, 20, 23—24 — пластинки и микропластинки, 3—5 — наконечники стрел, обработанные «струйчатой» ретушью, 11, 22 — топоры, частично подшлифованные, 12—14, 16 —отщепы, 15, 17 — выемчатые орудия, 19, 22 — скобели (прорисовка с фотографии, находки А. Стейна)

как мелкие (3,1×2, 2×1,9; 3,7×2, 2×0,3 см), так и сравнительно крупные нуклеусы (5,5×2, 5×1,9; 6,2×4, 1×2,2 см). По форме они подразделяются на конусовидные, карандашевидные, подпризматические. Особенно четко обработаны два из них, имеющие очень правильную форму и четкие фасетки снятых с

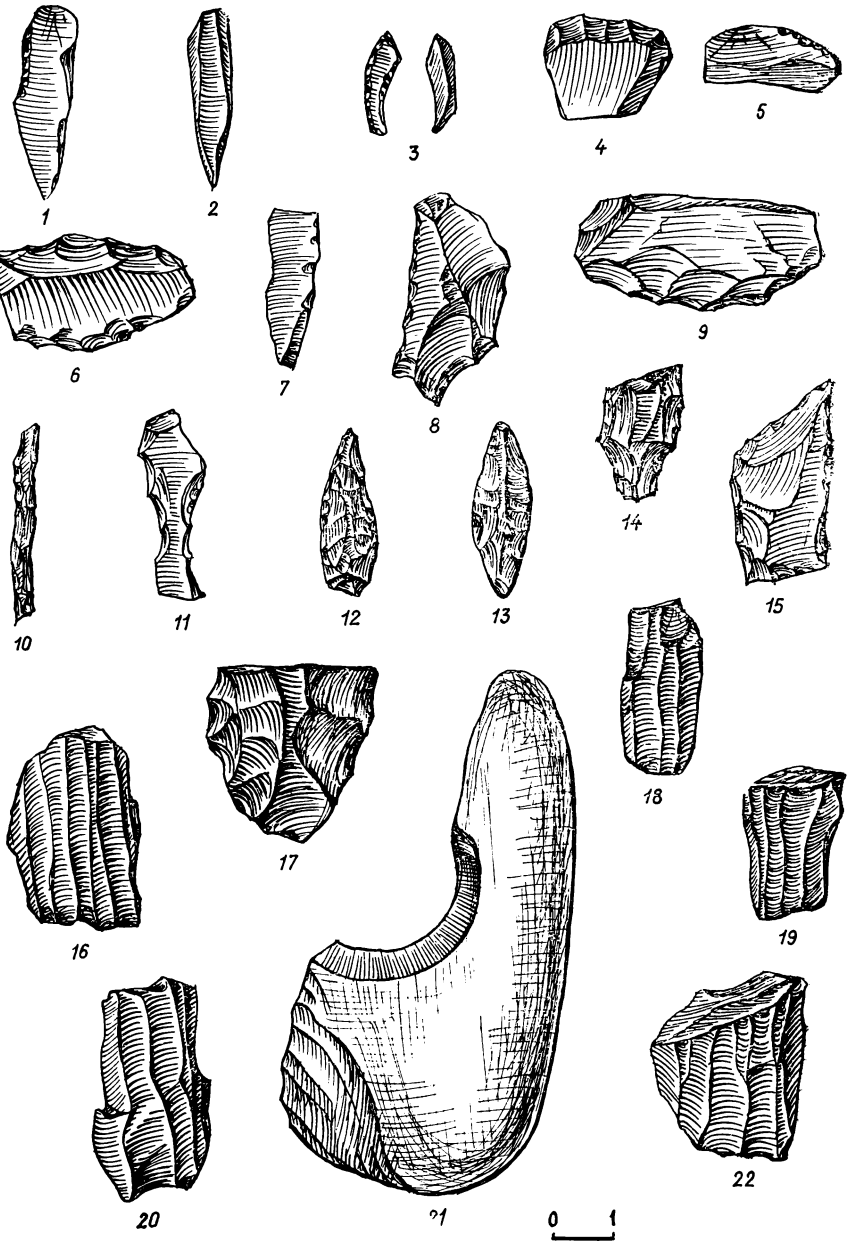

Рис. 4. Изделия каменного века из Мяоэрцзи (21), Сынгыра (1—3, 17), Лобнорской пустыни (6—9, 13—14, 18), местонахождение остальных артефактов не указано: 1—2, 7—8 — сверла, 3 — проколка, 4—5 — скребки, 6, 9, 17 — ножевидные орудия двусторонне обработанные, 10 — микропластинка, 11 — скобель, 12—13 — наконечники стрел, обработанные «струйчатой» ретушью, 14 — основание наконечника стрелы с черенком, 15 — нож, 16, 18—20 — микронуклеусы, 21 — обломок молота (?) со сверлиной, 22 — торцовый нуклеус (прорисовка с фотографии, находки Ф. Бергмана)

них узких ножевидных микропластин. В типологическом плане заметно отсутствие торцовых нуклеусов, столь характерных для мезолитической культуры Восточного Памира, где этот тип нуклеусов был впервые выделен [477, с. 74], (рис. 2, фиг. 3, 8; рис. 3, фиг. 1, 7).

Пластины. Наиболее яркая группа находок — хорошо выраженные ножевидные пластины (в основном микропластины), как правило, узкие (ширина 0,9; 1; 2,2 см, максимально — 2,2 см). Длина пластин вырьирует от 5,9 до 3,4 см. Сечение тонкое — 0,2—0,3 см. На таблицах публикаций А. Стейна обозначены также более широкие пластины и несколько пластинчатых отщепов. Большая часть описанных экземпляров имеет одну грань на спинке, но нередки и двухгранные пластины. А. Стейн отмечает хорошо выраженный ударный бугорок, но ударных площадок не описывает. В отдельных случаях указаны ретушь и забитость краев — следы работы (рис. 2, фиг. 11, 15, 19—23; рис. 3, фиг. 2, 6, 8—10, 18—20, 22—24).

Отщепы. Описаны А. Стейном более скупо. Упомянуты мелкие отщепы (5—3 см длины, 2,2—1,4 см ширины), в редких случаях края имеют ретушь (рис. 3, фиг. 12—14).

Скребки. Выражены не очень четко, описание рабочих краев и формы скребков отсутствует. Судя по всему, ретушь лишена регулярного характера и эта категория представляет собой скребки случайной формы на отщепах (рис. 2, фиг. 16).

Острия листовидной формы. На спинке две грани, соединяющиеся к острию (длина 3,0 см, ширина 1,2 см). Второе острие характеризуется как «грубое». Оно приострено на одном конце, второй же его конец срезан наискосок и слегка округлен. На спинке средняя грань раздваивается (длина 3,1 см, ширина 1,2, толщина 0,4 см).

Наконечники стрел. Очень заметная категория находок. Всего на двух таблицах трудов А. Стейна представлено 8 стрелок, размеры их колеблются от 2,5 до 7 см длины. За исключением нескольких экземпляров, большая часть обработана очень тщательно, «струйчатой» ретушью. Форма разнообразная, но преобладает листовидновытянутая. Имеется одна стрелка с черешком. В нескольких случаях хорошо заметны мелкозубчатые края, что свойственно относительно поздним по времени наконечникам стрел. К сожалению, сколько-нибудь детальное описание ретуши на поверхности стрелки отсутствует, между тем это в какой-то мере помогло бы определить возраст данных изделий (рис. 2, фиг. 6, 7, 10, 12—14, 17; рис. 3, фиг. 3—5).

Шлифованные топоры (кельты). Скупо, к сожалению, описаны и шлифованные топоры. Общее количество их, приведенное в двух таблицах, — восемь (рис. 2, фиг. 1, 2, 4, 5, 9, 18; рис. 3, фиг 11, 21). Упомянем три из них. Топор из нефрита с поперечным рабочим краем, по длинным сторонам топор имеет нерегулярные сколы. Верхняя часть его не шлифована и поло-

мана, длина 6,1 см, ширина 3,0, толщина 1,2 см. Материал — нефрит. Другой топор имеет грубые сколы на поверхности, по длинным сторонам довольно регулярная подправка крупными сколами, отчего топор несколько приострен. Рабочий край изделия прямой, перпендикулярный длинной оси, слегка выгнут в латеральной части (длина 4,7 см, наибольшая ширина 2,8, толщина 0,3 см). Материал автором описаний не указан. Третий кельт упомянут Р. Смитом — удлиненный топор из зеленого нефрита, обе поверхности, кроме верхнего конца, зашлифованы. Переход к слегка расширяющемуся рабочему краю скошен. Судя по фотографии, это удлиненная, хорошо окатанная галька, имеющая с одной стороны естественную выемку, удобную для крепления орудия к рукоятке. Длина 10,8 см.

В сборах имеется также комбинированное орудие, описанное как фрагмент обработанного камня округлой формы, покрытый фасетками сколов, с выемками по краям. Рабочий конец орудия заполирован и также имеет выемку. Возможно, данное орудие служило для полировки, может быть, это зубчатое орудие, высота 1,2 см, диаметр 0,15 см (рис. 4, фиг. 17).

А. Стейн реалистически оценивал сложности, связанные с датировкой собранного материала. Он писал: «Тот же самый физический фактор (ветровая эрозия. — *В. Р.*), который, с одной стороны, позволил нам увидеть эти реликты, с другой — не дает возможность составить сколько-нибудь убедительные суждения по поводу хронологии этих находок» [1118, т. 1, с. 357]. А. Стейн также упоминает находки «неолитического происхождения» [1118, т. 1, с. 393], «периода, предшествующего историческому времени» [1114, с. 131], «каменного века» [1114, с. 131], «конца доисторического времени» [1114, с. 118], а также «палеолитической оккупации» [1111, т. 1, с. 85]. Действительно, найденные на эродированной поверхности археологические предметы, и в том числе каменные орудия, принадлежат к различным эпохам, о которых можно судить по нескольким ведущим, характерным типам изделий. Так, наконечники стрел скорее всего соответствуют эпохе бронзы. Вполне возможен их энеолитический возраст, менее вероятен — неолитический. Подобные наконечники в Средней Азии (если исключить раннеземледельческие культуры) зафиксированы в Хорезме, причем А. В. Виноградов полагает, что наконечники со стоянки Бешбулак I «могут относиться как к неолиту, так и к эпохе бронзы (особенно ранней бронзы)» [164, с. 98—100]. Сходные наконечники стрел добыты в низовьях р. Зеравшан, в могильнике Заманбаба, возраст которого определяется началом II тыс. до н. э. [210, с. 166]. Близкие по форме и характеру обработки изделия найдены при раскопках захоронений вахшской культуры эпохи бронзы в Таджикистане и во многих других районах Средней Азии и Афганистана [1012].

Не столь четко выражены другие категории находок, в частности нуклеусы. Заметим, что такие образцы правильных

очертаний и огранки, как представленные здесь (рис. 2, фиг. 3, 8), могут быть по своему возрасту как мезолитическими (эпипалеолитическими) [91; 808, с. 60], так и неолитическими [167, рис. 15, 24]. Нуклеусы неправильных очертаний, небольшие, с менее регулярными сколами (рис. 3, фиг. 1, 7) очень характерны для стоянок гиссарской культуры, особенно на ранних этапах [556, рис. 12], но встречаются также и в памирских мезолитических стоянках [477].

Диапазон временно́го распространения шлифованных топоров достаточно широк. Наиболее ранними в Центральной Азии можно считать топоры из второго горизонта поселения Туткаул в Южном Таджикистане, которые датируются VI тыс. до н. э. [480, с. 142]. Шлифованные топоры нижних слоев Бурзахома (Кашмир) существовали в начале III тыс. до н. э. [729, с. 3] (рис. 5, фиг. 9). Чуть старше топоры из Каро (Юго-Восточный Тибет), возраст которых определяется концом IV тыс. до н. э. [1139, с. 62—63]. Этот тип орудий не исчезает и в энеолите, а по мнению У Уормана, основная часть шлифованных топоров Индии вообще относится к эпохе металла [1155, с. 181—182].

Если хронологические рамки бытования шлифованных топоров (большая часть их шлифована частично) очерчиваются более или менее уверенно, то их типологию еще нельзя считать сколько-нибудь разработанной, тем более что форма топора зависит скорее от формы первоначальной гальки или скола с нее, чем от стремления мастера к ранее заданным очертаниям. Заметим только, что по характеру обработки поверхности, насколько это можно понять, топоры, найденные в районе оз. Лобнор, отличаются относительно небрежной обработкой поверхности, вторичной реутилизацией или подправкой. Создается впечатление, что перед нами обыденные рабочие инструменты, а не парадные, тщательно обработанные образцы.

Касаясь пластин из яшмы и кремня, в значительной степени определяющих облик любого неолитического инвентаря, подчеркнем прежде всего отсутствие пластинок с затупленной спинкой или скошенным крутой ретушью концом, столь характерных, скажем, для кельтеминарской культуры пустынь Средней Азии [164, с. 67]. Р. Смит отмечает единственную находку обломка такой пластинки, сопоставляя ее, вряд ли справедливо, с мадленскими и тарденуазскими образцами из Франции [1108, с. 82]. Еще более важен факт полного отсутствия в сборах А. Стейна микролитов геометрических форм (сегменты, трапеции, треугольники). В целом же пластины, представленные в описаниях и на рисунках, характерны для любой среднеазиатской или сибирской коллекции. Вместе с тем можно отметить относительно небольшую ширину и зачастую неправильные очертания микропластинок, собранных А. Стейном. Незначительное число орудий и их типологическая невыразительность еще более затрудняют хронологическую атрибуцию данных сборов. К тому же и керамику А. Стейн опи-

сал настолько бегло, что ее невозможно привлечь для уточнения возраста коллекций, в которых она присутствует.

Итоги исследований А. Стейна в восточной части пустыни Такла-Макан подвел Р. Смит, работник Британского музея, который изучил коллекцию из 140 экз., собранную во время маршрутов от Абдала через пустыню Лобнор до Лоуланя и далее, опять через пустыню, до дельты Тарима. Считая, что пункты обнаружения изделий каменного века находятся на линии важного пути с востока на запад Азии, Р. Смит приводит чрезвычайно широкие аналогии — начиная от Японии, Центральной Индии и кончая Ирландией и Чили [1108, с. 82]. Конечно, каменный век Центральной Азии, Китая и Северной Индии практически не был известен. Но эти отдельные аналогии позволили еще в начале нашего века представить относительно высокий уровень неолитической индустрии этого далекого, впервые открываемого для археологов уголка Центральной Азии.

Китайско-шведская экспедиция

Работы участника экспедиции С. Гедина, археолога Ф. Бергмана, посетившего Восточный Туркестан в 1928 и 1934 гг., отличает более высокий по сравнению с А. Стейном уровень профессионализма. Им описаны четыре археологических пункта: Чайвопу в Тянь-Шане, Сынгыр в Куруктаге, пустыня вокруг Лобнора и Астинтаг, по течению Черчена. Вместе с изделиями каменного века здесь обнаружена грубая некрашеная керамика [760, с. 26]. Помимо описаний в тексте дана и полная статистика в кратком, как и у А. Стейна, списке.

Чайвопу

Деревня Даванчин находится на тракте Турфан—Урумчи, там, где последний проходит в депрессии, лежащей между восточными отрогами Тянь-Шаня — хребтами Богдо-Ула и Даванчин. Западнее ее находится маленькая деревня Чайвопу, расположенная в средней части межгорной равнины, оконтуренной на севере горными пиками Богдо-Ула. В одном или двух километрах от деревни, на север от тракта, небольшое количество обработанного кремня было собрано на поверхности.

Согласно списку, приведенному в публикации, имеется 10 предметов. Из них 5 мелких по размерам микролитических нуклеусов (длина 2,0—3,8 см) из кремня, агата и липарита. Форма нуклеусов указана не всегда (выделен экземпляр цилиндрической формы), но отмечены некоторые важные особенности — в одном случае лишь частичная обработка, в другом — обработка выпуклого края, где образовано скребловидное лезвие нуклеуса-скребка, что подчеркивает близость находок данного пункта к гобийской микролитической культуре, как это

отмечает Ф. Бергман [760, с. 26]. Остальные находки представлены скребком из зеленого кремня, тремя мелкими отщепами — в одном случае с ретушированными сторонами — и осколком кремня.

Сынгыр

Сынгыр — самый восточный населенный пункт на северных склонах хребта Куруктаг. Доисторические находки сделаны на западном склоне маленькой дюны, образовавшейся у ключа близ деревни. Здесь отмечено три пятна, расположенных близко друг от друга. Ф. Бергман считает, что эти пятна, представляющие собой покрасневший обожженный песок, содержавший золу от очагов (каждый размером от 1 до 5 м), являются остатками древнего жилища. Одно из очажных пятен содержало некоторое количество фрагментов костей, керамики, а также кварцитовый нож. Эти находки сделаны на глубине 10 см [760, с. 27]. Два наиболее интенсивных пятна возвышались над дневной поверхностью, рядом на песке валялись галька и маленькие валуны, по всей очевидности, служившие для сооружения очага. Обработанный камень собран рядом, на песке, где он находился вместе с обломками и гальками. Керамика представлена фрагментами коричневатых или красноватых сосудов с не очень грубым тестом. Только два из них орнаментированы резными линиями или наложенными зашипками. Артефакты изготовлены из кремня, кварца, кварцита, агата, фельзита, порфира. По мнению геолога Е. Норина, месторождения этих пород имеются между источниками Бурунту и Алтмыш, т. е. в непосредственной близости от описываемой стоянки [760, с. 28].

Нуклеусы. Найдено 23 нуклеуса и их фрагментов из кремня или кремнистых пород: ни их размеры, ни форма не характеризуются.

Отщепы. Более 300 мелких отщепов с острыми или слегка утолщенными краями.

Сверла. Сделаны из этих маленьких отщепов. Их острия ретушированы со стороны брюшка и имеют ромбовидное сечение (рис. 4, фиг. 1—2). Уникальна маленькая, прекрасно выделанная проколка, возможно применявшаяся в качестве шила (рис. 4, фиг. 3). Общее количество 13 экз. Приведенная длина 2—3,5 см.

Наконечники стрел. Наиболее интересны наконечники стрел. 17 из них, изображенные на рис. 6, отличаются весьма хорошей выделкой. Элегантные, тонкие стрелки в форме ивового листа имеют детальную обработку поверхности и очень острые боевые жальца (рис. 5, фиг. 12—17). Вместе с тем, судя по фотографиям, только у некоторых экземпляров имеется безукоризненная «струйчатая ретушь». Встречаются и менее заостренные и менее детально обработанные наконечники, воз-

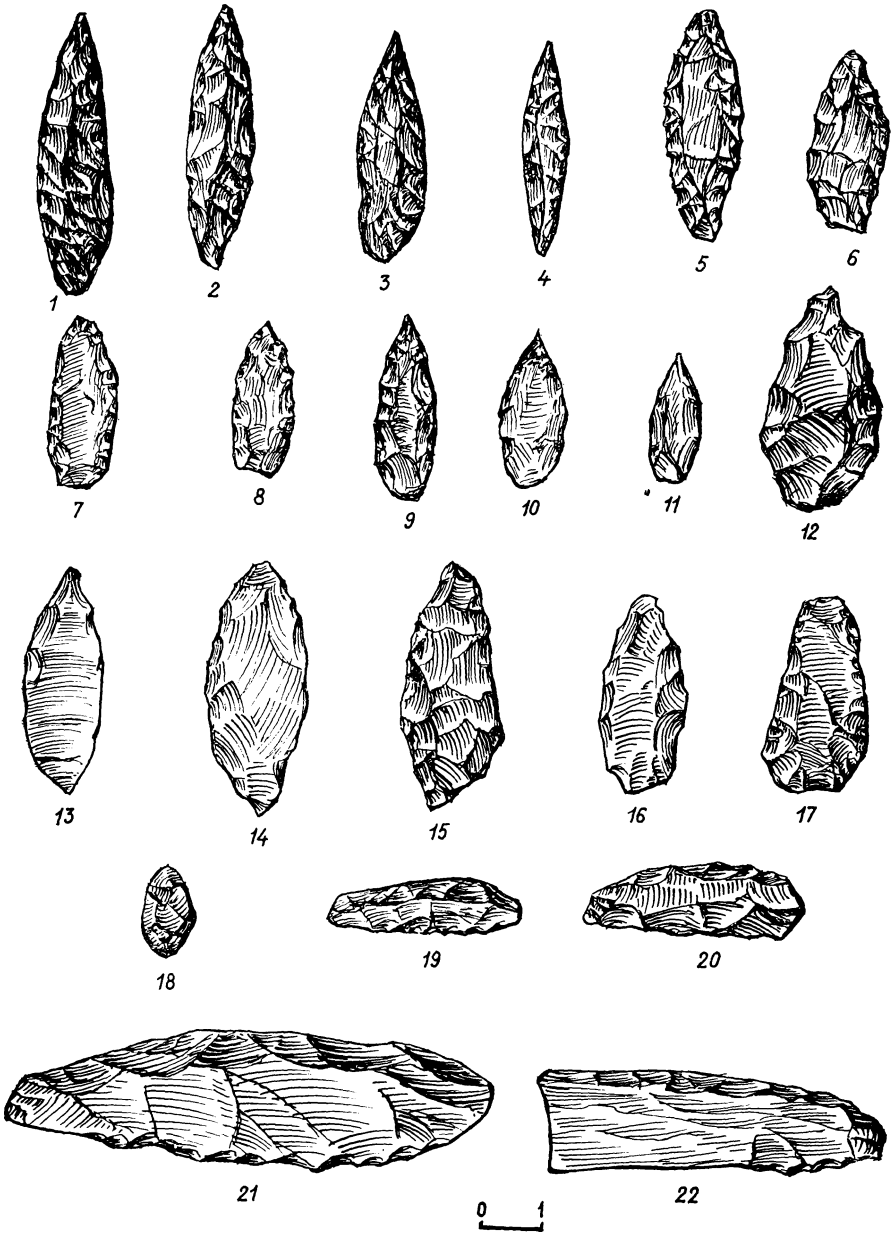

Рис. 5. Изделия каменного века из Сынгыра: 1—18 — наконечники стрел с различной степенью обработки, 19—20 — двусторонне обработанные орудия (ножи?, вкладыши?), 21—22 — крупные двусторонне обработанные орудия (ножи?) (прорисовка с фотографии, находки Ф. Бергмана)

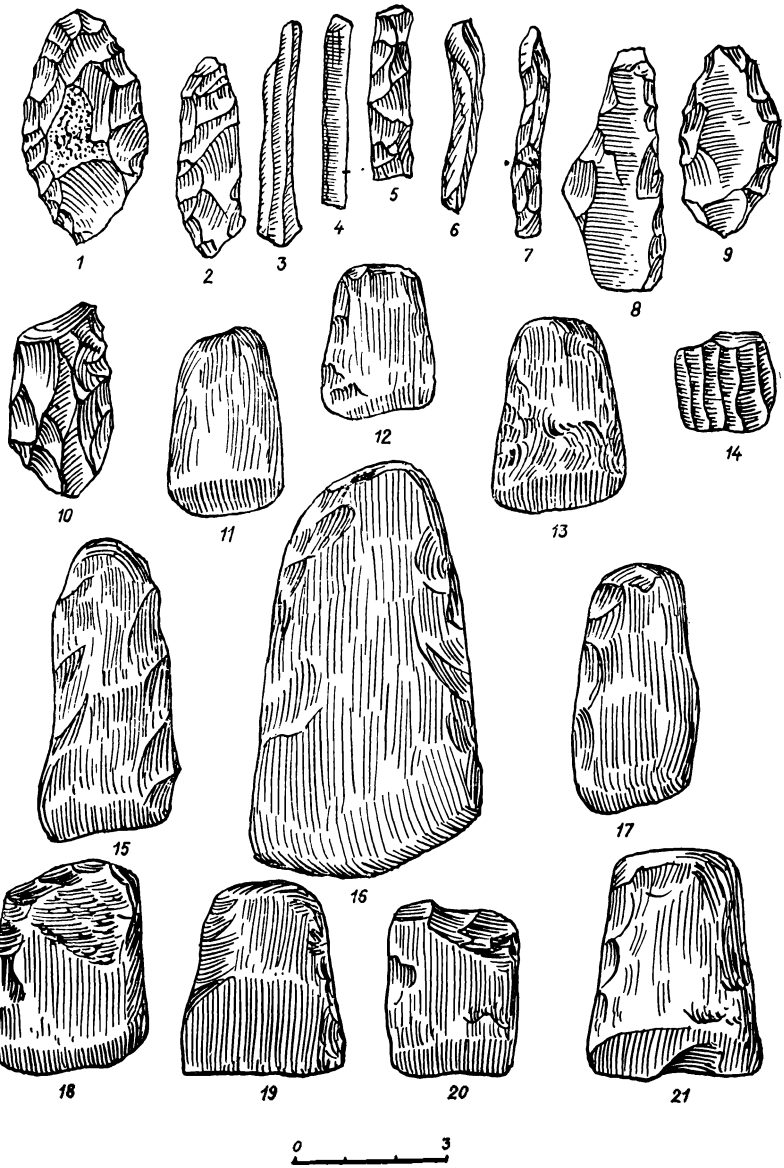

Рис. 6. Изделия каменного века из пустыни Лобнор: 1, 9—10 — двусторонне обработанные орудия, 2 — нож, 3—6 — пластины, в том числе с микроретушью, 7 — ребристая пластинка, 8 — незаконченное острие, 14 — нуклеус, 11—13, 15—21 — топоры (прорисовка с фотографии, находки Ф. Бергмана)

можно не законченные выделкой. Приведенные размеры колеблются по длине от 1,4 до 4,2 см, по ширине — от 0,5 до 2,0 см. Имеется фрагмент наконечника стрелы с хорошо выраженным черенком (рис. 4, фиг. 14). Еще 2 экз. имеют выемки в основании (рис. 5, фиг. 5, 16).

Ножи. Маленькие кремневые предметы (рис. 5, фиг. 19—20) Ф. Бергман называет ножами, поскольку один край у них прямой, другой выпуклый. Судя по фотографии, они обработаны той же или, во всяком случае, сходной ретушью, что и описанные выше наконечники стрел, но вряд ли близки последним функционально. Размеры — 3,9×1,3 и 3,3×0,8 см. Изделия трудно отличить от фрагментов крупных наконечников стрел. Описаны два ножа (один фрагментирован) также с одним прямым, а вторым выпуклым краем с частичной бифациальной обработкой (рис. 5, фиг. 21—22). Размеры сохранившегося экземпляра — 8,3×2,4 см. Общее число двусторонне обработанных предметов — 25 экз., большинство их фрагментировано.

Скребки. Всего 11 экз. (рис. 4, фиг. 4, 5) Сделаны из толстых и широких отщепов, их форма варьирует от овальной до близкой к кругу. Большая часть скребков имеет мелкие размеры: от 1,5×1,6 до 4,0×2,9 см. Судя по рисункам, ретушь преимущественно краевая и не очень регулярная.

Двусторонние инструменты. 3 экз. Материал — кремень и кварцит. Один край у них прямой, другой — выпуклый; ретушь грубая и в двух случаях не покрывает всей поверхности. Размеры 4,2×3,2; 3,6×3,1 и 3,4×2,7 см (рис. 4, фиг. 6, 9, 17).

Разное. В сборах присутствуют грубые отщепы, осколки, кремневые блоки, собранные на поверхности. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что орудия изготовлялись на месте. Плоская плита из гранито-слюдистого сланца, стертая и заглаженная с одной стороны, могла быть использована как зернотерка, тогда как два сильно выветренных фрагмента песчаника, возможно, служили пестами-курантами. Ф. Бергман отмечает, что эти предметы не обязательно свидетельствуют о наличии земледелия, так как они могли применяться и для растирания съедобных семян дикорастущих растений [760, с. 28—29]. В основном же полученный инвентарь, как отмечает этот исследователь, свидетельствует об охотничьем направлении хозяйства. Несмотря на некоторые расхождения, продолжает далее Ф. Бергман, исследуемая культура составляет одно целое с гобийской культурой или монголо-маньчжурским поздним неолитом [760, с. 29]. Не возражая по существу дела, следует заметить, что обычно под гобийской культурой понимается не поздний неолит, а скорее мезолит [778, с. 38].

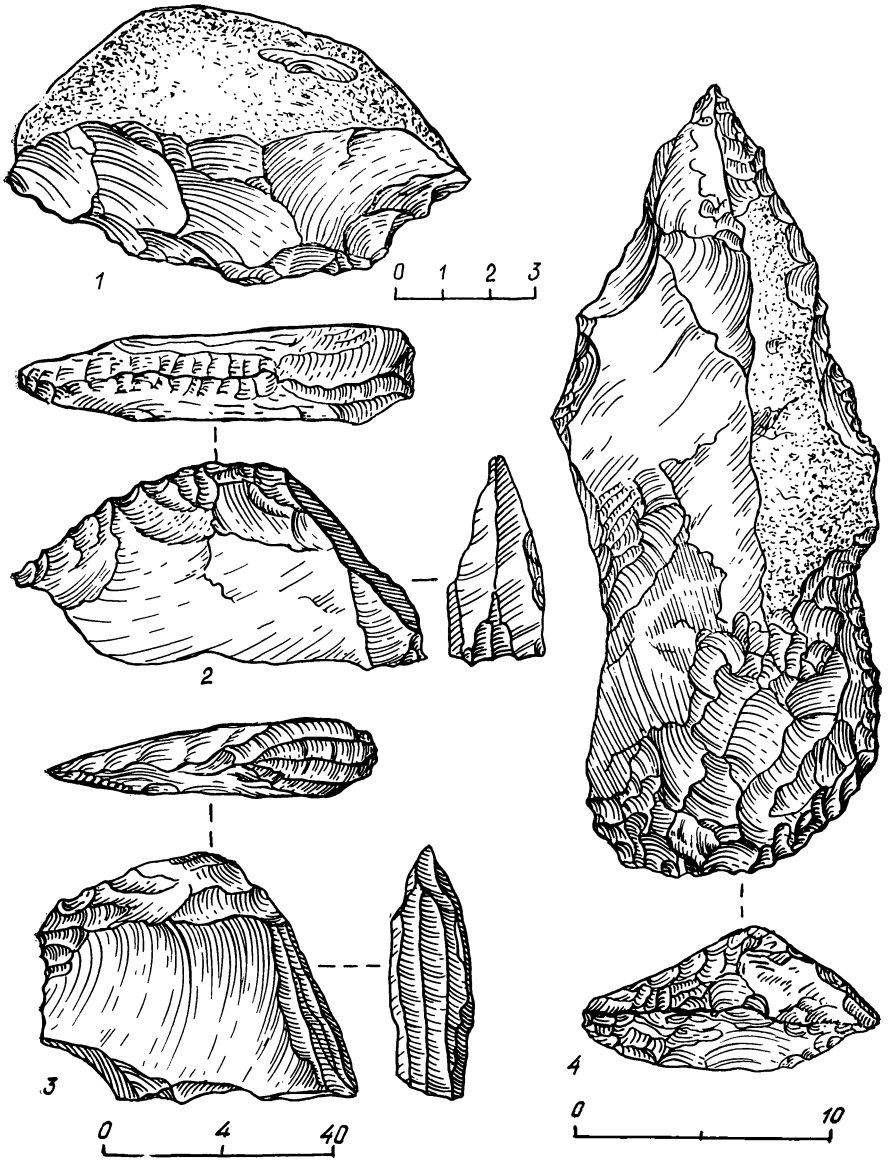

Рис. 7. Изделия палеолита из Саньдаолиньцзы (1) и Цигуцзинцзы: 1 — чоппер, 2—3 — нуклеусы-скребки гобийского типа, 4 — грубо приостренное орудие (прорисовка по публикации В. Е. Ларичева, находки П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня)

Описанная ниже коллекция состоит из сборов участников китайско-шведской экспедиции Э. Хорнера и Чжэн Дэкуня в зимний сезон 1930—1931 гг. В 1934 г. Чжэн Дэкунь вновь сделал несколько интересных находок в низовьях р. Кончедарьи, а Ф. Бергман обнаружил несколько местонахождений обработанного камня, главным образом в пустыне к югу от Ярданг-булака. Судя по карте [760, рис. 36, 37], эти пункты протягиваются вдоль русла Кончедарьи южнее Ярданг-булака и встречаются в Лобнорской пустыне, в северной ее части, западнее распространения сухой соляной корки Лобнора [960, рис. 36—37]. Характер описания находок в этом разделе, который не сопровождается списком образцов, более суммарный, чем в предыдущем случае, что, естественно, отражается и на нашем тексте. Первичный материал, по визуальным определениям Т. Ритца, это разновидности кремня — агат, халцедон, имеются еще яшма, жадеит и лидий. Сырье поступало из близлежащих горных районов, скорее всего с Куруктага.

В первую очередь Ф. Бергман отмечает, что в сборах в пустыне Лобнор почти отсутствует керамика, что создает большие трудности для хронологического расчленения находок. Во-вторых, он разделил описание на две части — стоянки с гипотетическими жилищами, к ним он относит скопления каменных изделий, которые можно локализовать на определенной площади, и находки, рассыпанные на поверхности [760, с. 31—33]. Обработанный камень лишь в редких случаях не смешан с более поздним археологическим материалом — железными предметами и керамикой лоуланьского типа, а также изделиями других эпох.

Пункты сборов № 22 и 25 дали несколько мелких отщепов, нуклеус неправильной формы, грубый нож и двустороннее орудие (рис. 6, фиг. 10), а также два кремневых блока с затесанными поверхностями. Пункт № 28 содержит несколько больше находок. Он связан с рассеченной ветровой эрозией ярданговой поверхностью на южном берегу реки. Находки были рассыпаны по ложбине двухметровой глубины, а также на поверхности соседних глинистых террас-ярдангов и распространялись в диаметре 60 м. Типичных нуклеусов не найдено, обнаружено только три маленьких отщепа. В составе сборов — иволистый наконечник стрелы из агата, с хорошо обработанной поверхностью; и по форме, и по технике обработки близок к подобным артефактам из Сынгыра (рис. 4, фиг. 13). Интересен фрагмент наконечника стрелы из зеленого кремня. Его черешок напоминает черешок целого образца, опубликованного А. Стейном (найден в пункте «форт LE») (рис. 4, фиг. 14). Помимо плохо выраженного скребка найдены и маленькие ножевидные инструменты, обработанные с двух сторон (рис. 4, фиг. 6, 9), а также небольшие двусторонние орудия (рис. 4,

фиг. 17). Два больших кремневых куска являются заготовками для изготовления отщепов.

Пункт № 30 — стоянка, найденная Чжэн Дэкунем на южном берегу Кончедарьи. Четыре нуклеуса и четыре мелких отщепа из агата и кремня, очень схожие с находками, сделанными ближе к Лобнору.

Коллекция Э. Хорнера и Чжэн Дэкуня, собранная в 1931 г., состоит примерно из 280 объектов, и это артефакты, которые, возможно, происходят из пяти стоянок с жилищами.

Пункт № 375. Э. Хорнер нашел богатую инвентарем стоянку в 14 км на юго-запад от развалин Лоуланя. Находки приурочены к песчаной депрессии в затронутой ветровой эрозией глине. Здесь найдены фрагментированный кремневый нуклеус, 65 кремневых отщепов (многие из которых имеют ретушированные края) (рис. 6; фиг. 3, 4) [6], две узкие проколки или шила, сделанные из маленьких отщепов. Кроме перечисленных предметов имеются и необработанные сколы. Совершенно очевидно, что это лишь часть былой стоянки.

Пункт № 395. Сборы состоят из небольшого числа кремневых отщепов, найденных у края дельты Кончедарьи близ Лоуланя.

Пункт № 359. Является частью древней стоянки. Там собрано около 100 образцов обработанного кремня. Артефакты найдены в большой дефляционной котловине 4—5 м глубиной, расположенной около большого соляного такыра. Здесь найдены 3 кремневых нуклеуса со следами снятия мелких пластинок правильных очертаний (рис. 4, фиг. 18) и 29 отщепов, в том числе с ретушированными краями.

Пункт № К-13431. Расположен на восточной окраине самого восточного из трех пресноводных озер в северной части Лобнорской пустыни. Здесь найдены двусторонне обработанный инструмент (нож или топор?) (рис. 6, фиг. 1), сверло (рис. 4, 7) и необработанные отщепы.

Вторая группа именуется «разбросанные находки», и здесь Ф. Бергман описывает обработанный камень, рассеянный в Лобнорской пустыне и не образующий сколько-нибудь значительных скоплений. Изделия описаны по типам (рис. 4, фиг. 16, 22; рис. 6, фиг. 14).

Нуклеусы. Несколько образцов представлены на рис. 6 (фиг. 16, 22; 6, 14). Как правило, эти нуклеусы, считает указанный автор, имеют не очень правильную форму из-за того, что с них заготовки сняты в различных направлениях. К сожалению, на таблицах нуклеусы показаны лишь в одной плоскости, что в значительной степени затрудняет их оценку. Можно, однако, характеризовать эти нуклеусы как микролитические.

---

[6] На фотографии в публикации Ф. Бергмана под данными номерами изображены пластинки [760, табл. 5, 3, 4].

Пластинки. В сборах на различных пунктах обычны пластинки. Как правило, они маленькие, хрупкие и изящные, хотя изредка попадаются и крупные (длина до 8 см). Возможно, что крупные пластины использовались как ножи без специальной рукоятки. Мелкие же пластинки, как полагает Ф. Бергман, были вкладышами составных серпов или ножей [760, с. 33]. Интересно, что, как и А. Стейн, шведский археолог подчеркивает, что нуклеусов, с которых могли быть сняты такие крупные пластины, среди сборов не попадалось, и это говорит о том, что они многократно переоформлялись. На рис. 6, фиг. 6 показана пластинка с ретушированными краями, а на рис. 6, фиг. 7— реберчатая, сильно изогнутая пластинка с выемкой.

Сверла и шилья. Делались из пластин (рис. 4, фиг. 7): их концы обработаны мелкой ретушью, иногда с обеих сторон. Обнаружено сверло из агата, сделанное из пластинчатого отщепа неправильной формы (рис. 4, фиг. 8).

Скребки. В отличие от сборов в Сынгыре в коллекциях из Лобнора имеется лишь несколько нетипичных скребков, отчасти дополняющих представления А. Стейна об этих орудиях.

Наконечники стрел. Наконечники стрел в данном районе встречаются очень редко. Кроме упомянутых стрелка представлена в находках с пункта № 28 (рис. 4, фиг. 12). Она происходит с северных границ дельты.

Ножи (?). Два предмета из кремня трудно определить (рис. 6, фиг. 2, 8). Это либо грубые ножи, либо не законченные обработкой острия.

Шлифованные топоры. Последняя группа доисторических находок в Лобнорской пустыне — это шлифованные топоры, которые изготовлялись из зеленого или слабо-коричневатого сланца и жадеита (серпентина) — породы, близкой к нефриту. Наиболее крупный топор в форме вытянутого овала найден на восточном берегу маленькой речки к югу от Якинлык-Куля (пункт № 2). Длина изделия 18,5 см, сечение его не указывается, лезвие слегка выпуклое, а края оббиты. Форма — вытянуто-овальная. Маленький топор, также овальной формы со слегка выпуклыми краями и таким же лезвием, имеет длину всего 5 см (рис. 6, фиг. 11). Остальные шлифованные топоры, собранные у оз. Лобнор, имеют прямые рабочие лезвия (рис. 6, фиг. 11—13, 15, 18—21). Только один из них имеет полностью зашлифованную поверхность, у других тщательной шлифовке подвергалось лишь рабочее лезвие, тогда как противоположный, как правило суженный, конец не имеет шлифовки. Не отшлифованы и продольные края, большей частью оббитые крупными сколами.

Ф. Бергман отмечает, что три топора, найденные П. Пеллио у Кучи (точное местонахождение неизвестно), соответствуют по размерам описанным выше топорам. «Наибольший из них имеет размеры 14,6×7,4 см и соответствует изображенному на

рис. 6, фиг. 16, другие два соответственно 5,8×4 и 5,7×3,2 см и совпадают с обычными размерами топоров из Лобнора». Далее Ф. Бергман замечает, что, если указанные топоры действительно происходят из района Кучи, можно сказать, что лобнорская культура каменного века распространяется достаточно широко в бассейне Тарима [760, с. 34]. С другой стороны, Г Андерссон находил шлифованные топоры вместе с керамикой яншао, что говорит о значительном временно́м диапазоне этих орудий [735, с. 181].

Следует подчеркнуть, что при большом сходстве описанного инвентаря с артефактами, найденными в других регионах Восточного Туркестана и Внутренней Монголии, лобнорские находки отличаются сильно выветренной, иссеченной песком поверхностью.

Весьма пессимистично был настроен Ф. Бергман относительно возможности определения возраста лобнорских находок. Он правильно указывал на отсутствие палеолитических орудий, которые можно было бы связать с речными террасами. Невозможно также определить, из каких геологических слоев происходят встреченные на поверхности пустыни каменные орудия. Отсутствие керамики не позволяет датировать собранные комплексы на основании различий в их технологии и орнаменте. Типологически, по мнению Ф. Бергмана, собранные коллекции указывают на позднюю фазу доисторической эпохи. Отмечая тот факт, что находки каменного века покрывают ту же площадь, что и находки лоуланьского типа, шведский археолог считает, что между этими историческими этапами не было большого перерыва: «Ничто не противоречит заключению о том, что кремневые инструменты использовались автохтонным населением в то время, когда они впервые вошли в контакт с китайцами около двух тысяч лет тому назад, хотя они к этому времени, вероятно, уже прошли стадию настоящего каменного века» [760, с. 35].

Вряд ли подобное соображение можно принять всерьез. Заселение Лобнорской пустыни было сложным процессом, и, если исходить из среднеазиатского опыта, более детальные археологические работы в пустыне Такла-Макан, в том числе в ее восточной части — Лобнорской пустыне, могут привести к открытию многих, доселе неизвестных этапов заселения бассейна Тарима. Кроме того, совпадение зоны распространения находок обработанного камня и керамики исторического времени может свидетельствовать о не вскрытой еще полностью динамике обводнения данного региона, связанной с прорывами р. Кончедарья в пустыню. Датировка сделанных находок неолитом, в том числе и поздним, существующим, возможно, в III тыс. до н. э., кажется наиболее вероятной.

Находки 1928 г. В 65 км юго-восточнее Черчена, в долине Чикинсай, у подножия горы на небольшой площадке собран археологический материал, состоявший из трех керамических фрагментов, по облику близких к керамике, найденной в Сынгыре. На некоторых из них имеются следы орнамента в виде врезанных линий, сделанных зазубренным инструментом [760, с. 35]. Обработанный кремень представлен 47 мелкими пластинками и отщепами, восемью маленькими скребками и двумя микролитическими нуклеусами. Важность этих находок в том, что Чикинсай — наиболее южная точка распространения неолитической культуры Восточного Туркестана.

В отличие от А. Стейна Ф. Бергман делает обобщения, пытаясь рассмотреть имеющийся у него археологический материал на фоне известных ему доисторических культур ближайших регионов [760, с. 36]. Прежде всего, важен вывод о том, что разница между лобнорским материалом и находками в других районах Восточного Туркестана не является существенной и не выходит за рамки локальных вариантов археологически единой культуры. Ф. Бергман также критикует положение О. Менгина о том, что лобнорские находки соответствуют начальной стадии «всадничества» (Reittierzuchterkreise) [760, с. 36]. Вместе с тем шведский археолог признает, что сходство природных условий Монголии и Восточного Туркестана обусловливает большое сходство археологического материала. Описанные комплексы и уже выделенная к тому времени культура гоби представляют собой лишь локальные варианты единой общности. Экономическая основа общности, по предположению О. Менгина, одинакова — эта культура создана кочевниками-скотоводами, которые обитали на обширных пространствах степей и пустынь Центральной Азии. При этом, однако, неясно, существовали ли в столь древние времена доместицированные животные. Пример анализа материала неолитических памятников приаральских дельт, который проделан А. В. Виноградовым, убедительно показывает, что в сходных природных условиях Хорезма экономической основой хозяйства было не приручение и использование домашних животных, а охота и рыболовство [164, с. 136].

Центральноазиатская экспедиция, организованная фирмой «Ситроен»

В 1931 г. в составе французской экспедиции, организованной фирмой «Ситроен», как геолог работал крупнейший палеонтолог и археолог П. Тейяр де Шарден [1078, с. 28]. Наиболее западным районом работ был Восточный Туркестан, где маршрут проходил от Сучжоу (через Хами, Турфан и Урумчи) до

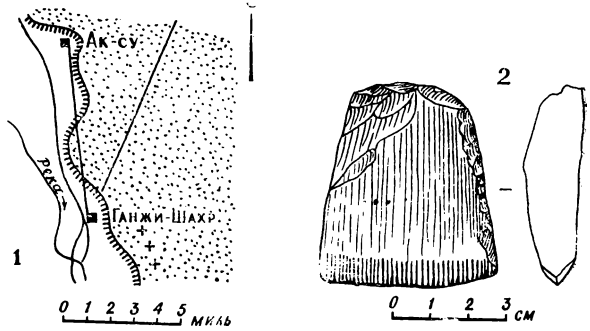

Рис. 8. Местоположение находок на террасах Аксу (исследования П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня; крестиками обозначены неолитические стоянки, точками — район распространения лёссов, прямыми линиями — дороги): 1 — место работ экспедиции П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня, 2 — шлифованный топор, найденный экспедицией С. Гедина в 1931 г.

Аксу. К сожалению, публикация археологического материала ограничилась очень краткой статьей, в которой описаны далеко не все собранные артефакты [1128]. Находки этой экспедиции, которые могут быть отнесены к палеолиту, уже были предметом обсуждения в советской литературе [328].

Первым на интересующей нас территории был пункт № 5 Он расположен по дороге от Хами на Турфан, у небольшой деревни Саньдаолиньцзы, в 80 км на запад от Хами, где серия лёссовых холмов перемежается оврагами, в которых протекают ручьи, связанные с источниками. Здесь, по словам П. Тейяра де Шардена и Ян Чжунцзяня, обнаружена большая стоянка, где много изделий из камня было найдено на поверхности или в самой верхней части лёссовых отложений. Среди находок выделяются крупные, не покрытые патиной скребки (в среднем 12 см длины), изготовленные из риолита. Вместе с ними собраны мелкие пластинки и цилиндрические микронуклеусы из черной кремнистой породы, приуроченные, по мнению указанных исследователей, к маньчжуро-монгольскому неолиту [1128, с. 24]. Интерес представляет чоппер, или чоппинг, выполненный на крупной гальке (длина 10 см), двусторонне обработанный, с хорошо выраженным рабочим краем, имеющим дополнительную подправку (рис. 7, фиг. 1). В. Е. Ларичев полагает, что это орудие можно считать палеолитическим [328, с. 144—145]. Однако местоположение стоянки на лёссовых адырах хребта Баркультаг, связь находок с верхним покровом лёсса, необычное для пустынных стоянок сочетание крупных орудий из галек и мелкого инвентаря микролитического облика скорее говорят о том, что перед нами неолитическая стоянка, близкая по своему характеру к среднеазиатской гиссарской культуре,

которая четко связана с распространением лёссовых покровов в Южном Таджикистане [469, с. 23—25]. К сожалению, археологический материал описан слишком скупо, для того чтобы можно было сделать достаточно уверенное заключение.

В 11 км от дер. Цигуцзинцзы (пункт № 6), вдоль дороги из Хами на Турфан, в песчанистой депрессии у подножия скалистого уступа найдено несколько орудий, нуклеусов, разнообразных скребловидных инструментов, отщепов. Как и в пункте № 5, площадь распространения находок не указана. Авторы исследования описывают три изделия, которые им кажутся наиболее необычными и интересными. Это очень крупная «пика-топор» (длина 31 см), оббитая с одной стороны и приостренная с другой. Приостренное лезвие детально обработано, однако сколы на поверхности этого инструмента значительно грубее тонких стелющихся солютрейских сколов, покрывающих некоторые двусторонне обработанные орудия из Монголии (рис. 7, фиг. 4). Орудие это не серийное и не может быть использовано для выяснения возраста коллекции, какой бы интерес оно ни вызвало у участников экспедиции.

Пристального внимания заслуживают два других изделия, описанные как «тщательно обработанные, хорошо выраженные и специализированные артефакты типа резца» [1128, с. 94] (рис. 7, фиг. 2, 3). Авторы подчеркивают, что подобных изделий они не знают в неолитических культурах Центральной и Восточной Азии. В. Е. Ларичев, очень подробно анализировавший эту находку, идентифицирует ее с хорошо известными теперь нуклеусами-скребками гобийского типа и приходит к выводу, что если эти орудия «относятся к докерамической эпохе, то столь же ранним временем, возможно, следует датировать и две другие находки, изготовленные из зеленой кремнистой породы, — скребловидное орудие, обнаруженное в Саньдаолиньцзы и „пику-топор“ из Цигуцзинцзы» [328, с. 145]. Одним из доказательств он считает сходство материала — зеленой интрузивной (?) окремненной породы в конгломератах шлейфа подгорной полосы, спускающегося в депрессию с запада.

Действительно, оба скребка отличаются превосходной обработкой, не свойственной неолитическим комплексам Центральной и Северной Азии. «Нуклеусы-скребки», или «гобийские нуклеусы», не раз уже были предметом дискуссий [408]. Сложность, однако, состоит в том, что пока в достаточной степени не разработаны ни типологическая классификация, ни стратиграфически обоснованная датировка. Поэтому, на наш взгляд, было бы преждевременным постулировать палеолитический возраст описанных находок (хотя этого нельзя и категорически исключить). Можно присоединиться к мнению Д. Айгнер, которая, суммируя данные о палеолите Китая, пишет о том, что в нашем распоряжении пока нет еще данных для Восточного Туркестана [728, с. 258]. Вместе с тем два описанных выше

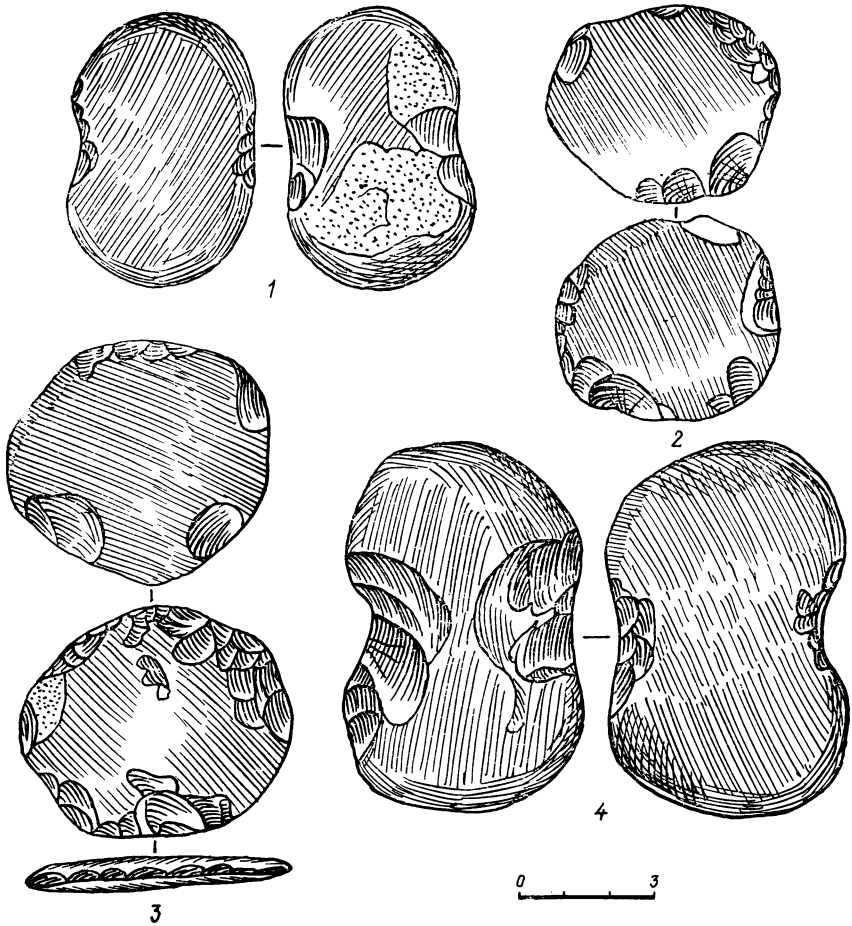

Рис. 9. Изделия каменного века из Аксу: 1, 4 — гальки с выемками, 2, 3 — гальки, оббитые в виде дисков (копия В. А. Ранова, находки П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня)

пункта интересны прежде всего сочетанием двух различных техник производства каменных орудий — микролитической и галечной.

Пункт № 7 — стоянка расположена вблизи г. Аксу, на высоте 20 м над одноименной рекой, где на левом берегу имеется террасовидный уступ, покрытый лёссом (рис. 8). Последний, как подчеркивается авторами, не имеет возрастного палеонтологического обоснования, но, вероятно, принадлежит плейстоцену. На поверхности лёсса были найдены остатки поселений, вернее, жилищ, о которых свидетельствовали многочисленные расколотые камни, фрагменты керамики ручной лепки и — реже — незначительные скопления пепла.

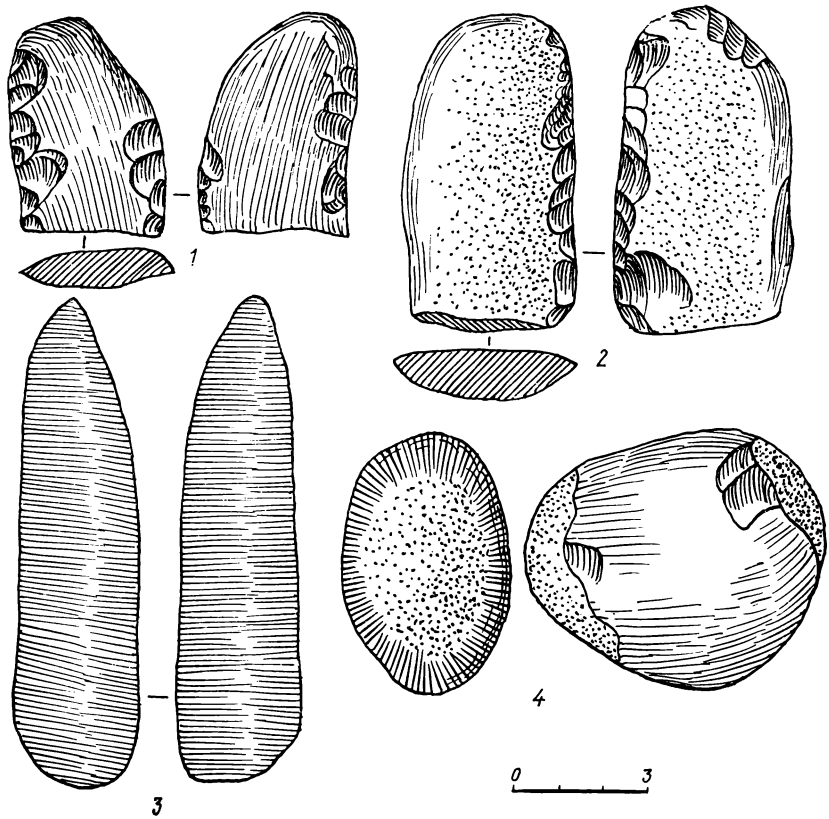

Рис. 10. Изделия каменного века из Аксу: 1—2 — скребла или ножи из гальки, 3 — нож из песчаника, 4 — пест-курант (копия В. А. Ранова, находки П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня)

Каменные изделия могут быть отнесены к галечной индустрии [1128, с. 96]. Материалом для изготовления орудий служили большие и маленькие, хорошо окатанные гальки из плотного песчаника. В отдельных случаях плоские гальки получали выемки с противоположных сторон (рис. 9, фиг. 1, 4). В других случаях они оббивались в виде дисков (рис. 9, фиг. 2, 4; рис. 10, фиг. 1—2) или превращались в скребла и ножи довольно регулярной формы. Многие гальки стесывались в верхней части, где образовывалось вогнутое лезвие. Имеются достаточно хорошо выраженные песты-куранты или удлиненные песты (рис. 10, фиг. 4). Одним из лучших изделий является нож из мягкого песчаника, у которого, возможно, лезвие было пришлифовано (рис. 10, фиг. 3). Керамика, ассоциирующаяся с каменными изделиями, двух типов: красная, с очень грубым тестом в изломе, которое использовалось для изготовления

крупных сосудов, и черная, с более тонко отмученным тестом. В одном случае отмечен матерчатый штамп. Обнаружены обломки керамики с ручками, иногда кольцевыми, в других случаях керамические фрагменты имеют отверстия для подвешивания.

Несмотря на детальный поиск, так и не удалось обнаружить ни микролитических пластинок и нуклеусов из яшмы и халцедона, характерных для маньчжуро-монгольского неолита, ни керамики, могущей быть сопоставленной с культурой яншао.

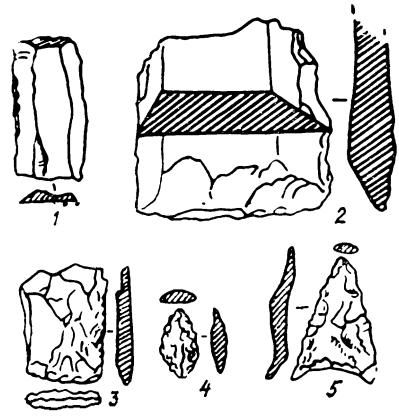

Рис. 11. Изделия каменного века из Мулэя: 1 — пластинка, 2 — тесло, 3 — скребок, 4—5 — наконечники стрел (по С. Кучере); 1—4, 5 — изображено близко к натуральной величине, 2—3 — 1/4 натуральной величины

П. Тейяр де Шарден и его соавтор приходят к выводу, что в Аксу найдена стоянка рыбаков, и предполагают, что такие стоянки должны существовать вдоль всей р. Тарим [1128, с. 100]. Данная культура вместе с тем сильно отличается от всех известных неолитических индустрий, что не позволило исследователям в 1931 г. установить положение вновь открытого памятника среди известных им культур каменного века. Малоудовлетворительными, но возможными являются аналогии с неолитическими индустриями, распространенными в бассейне р. Янцзы [818] или находками Г Боулса на востоке пров. Сычуань и в восточном Тибете [771]. Определенное сходство имеется и с гиссарской культурой, хотя такие формы, как ножи из песчаника, в гиссарских стоянках отсутствуют, а гальки с выемкой-перехватом крайне редки [404].

Работы археологов КНР

Как показано в хорошо составленной и документированной сводке С Кучеры, посвященной ранней истории Восточного Туркестана — неолиту и началу века металла, начиная с 1949 г. и особенно в последние годы эта территория подверглась довольно интенсивному археологическому изучению [318, с. 29—34]. В результате китайские археологи из центральных и местных учреждений обнаружили и обследовали большое количество стоянок и местонахождений. Достаточно сказать, что для указанного периода получено 54 радиоуглеродные даты. Главную роль в этих работах сыграл Музей СУАР. Общее число стоянок, относящихся к эпохам неолита и ранней бронзы, нам неизвестно. На карте, помещенной в работе С. Кучеры, отме-

чено 43 памятника, к сожалению, они не имеют номеров, что затрудняет их идентификацию. Только на отдельных памятниках проведены небольшие по объему археологические работы. Практически нет стоянок с хорошей стратиграфией, полностью отсутствует геологическая привязка, палеогеографические наблюдения, не изучена фауна соответствующего периода. Большинство стоянок дает смешанный, разновременный материал. Серьезным препятствием для осмысления имеющихся данных является терминология, применяемая китайскими специалистами и иногда трудная для перевода (например, «тонко-длинные каменные орудия, крайне мало обработанные» [580, с. 12]; «остроконечник — маленький нуклеус» [632, с. 339, рис. 8]). Оставляют желать лучшего и рисунки, например каменных орудий из стоянок Мулэй, Астана, приведенные в публикациях У Чжэня [318, рис. 3]. На них очень плохо переданы фасетки снятых сколов, грани фасеток, небрежно нарисована ретушь.

Кроме того, если оказывается возможным подыскать китайским наименованиям точный эквивалент в русской терминологии, все же описания каменного инвентаря составлены слишком кратко. Все это в значительной степени затрудняет установление хронологии обнаруженных китайскими археологами стоянок каменного века и разработку возможных культурных связей с соседними регионами.

Археологам КНР не удалось обнаружить следов жизни палеолитических людей [580, с. 12]. Хотя некоторые исследователи, допуская, что среди микролитических артефактов, собранных в разное время в Восточном Туркестане, имеются и мезолитические орудия, объединяют их с мезолитическими материалами чжалайнорского периода [315, с. 20], реальной основы для такого суждения пока нет. Начальные этапы заселения Восточного Туркестана человеком каменного века разные исследователи на сегодняшний день справедливо, на наш взгляд, относят к неолиту. Так, согласно работе Ли Юйчуня, культуру неолита рассматриваемого региона можно разделить на следующие фазы: «культура тонких каменных орудий», «культура цветной керамики», «культура мелких камней», «культура бронзово-каменная». При этом первая фаза является главной и наиболее распространенной [580, с. 12]. В этой схеме вызывает сомнение фаза «культуры мелких камней» (очевидно, микролитов) и ее соотношение с «культурой тонких каменных орудий». Ли Юйчунь неправомерно, по нашему мнению, полагает, что развитие древней культуры Северо-Запада КНР несколько отставало от темпов эволюции центральных районов страны [580, с. 13].

Более четкой представляется периодизация, предложенная С. Кучерой, хотя он обоснованно отказывается от каких бы то ни было хронологических определений для первого, докерамического этапа развития цивилизации каменного века. С. Кучера делит интересующие нас памятники на три разновидности:

первая из них характеризуется наличием микролитических изделий[7]. Это наиболее распространенный тип стоянок. Их известно 27, и они встречаются практически повсеместно, от Кашгара до Кульджи и Хами, в 16 уездах СУАР. Вторая разновидность — это памятники, на которых имеется расписная керамика. Лишь несколько пунктов относится к третьей разновидности, для которой характерны крупные шлифованные орудия [318, с. 33].

Нас интересует прежде всего первый тип культуры каменного века. Строго говоря, к нему относятся всего две из описанных стоянок — Цицзяоцзин и Яр-Хото. Отметим также две стоянки, на которых наряду с микролитами найдена и керамика, в одном случае — расписная (стоянки Мулэй и Астана). Только в двух последних случаях имеются относительно полные описания каменного инвентаря, необходимые для археологического определения «культуры микролитов» Восточного Туркестана.

Стоянка Цицзяоцзин находится в 160 км северо-западнее г. Хами, на развилке дорог, ведущих в Урумчи и Турфан, во впадине между хребтами Богдошань и Баркультаг. Согласно Ши Шуцину, площадь стоянки 6 тыс. м^2. Никаких дополнительных данных об этой стоянке, бегло обследованной указанным археологом в 1959 г., пока не имеется. Всего за полчаса здесь собрано значительное количество скребков, пластинок, отщепов и нуклеусов. Охарактеризованы они в работе Ши Шуцина крайне бегло, качество фотографий, помещенных в публикации, не позволяет это сделать и нам. Столь же скудны сведения и о второй бескерамической стоянке — Яр-Хото, расположенной в 15 км к западу от Турфана, на равнине. Площадь стоянки — около 1 тыс. м^2, в поверхностных сборах, сделанных в 1959 г., имеются скребки, остроконечники, нуклеусы, каменные пластины [318, с. 34; 675, с. 22, рис. 1—2].

Анализировать столь скудные сведения практически невозможно. Помимо отмеченной С. Кучерой особенности — полное отсутствие керамики — можно добавить, что в обоих случаях отсутствуют шлифованные предметы и двусторонне обработанные наконечники стрел, это говорит в пользу ранней (в пределах неолита) даты описанных памятников.

Стоянка Мулэй, обнаруженная в 1958 г. (по данным С. Кучеры — в 1959 г.), находится на восточном берегу р. Мулэйхэ, близ одноименного уездного центра, расположенного в северных предгорьях хребта Богдошань, открывающихся в сторону пустынь Джунгарии. Описание составлено по публикации У Чжэня и С. Кучеры [318, с. 34; 632, с. 333—334]. Сборы сделаны на обработанном поле, поэтому можно предположить, что первоначально находки были связаны с современным почвенным слоем. Размеры стоянки — 1 га. Собрано немного фрагментов

[7] Правомерность употребления термина «микролитическая культура» применительно к восточнотуркестанским материалам достаточно спорна.

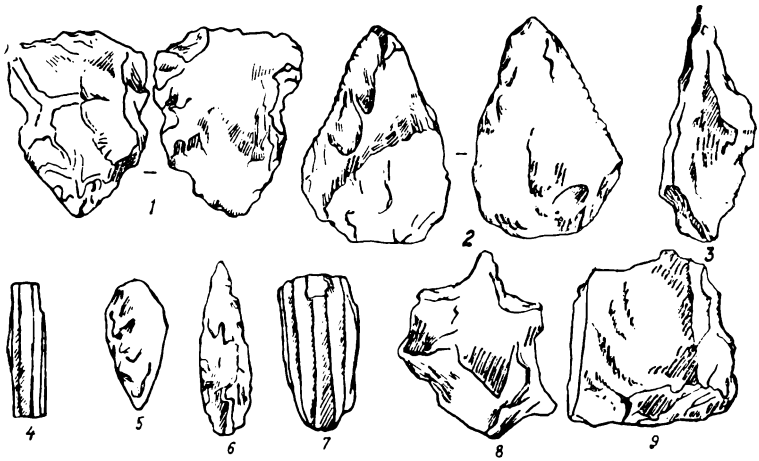

Рис. 12. Изделия каменного века из Астаны (1—8), Мулэя (9): 1 — рубило, 2 — остроконечник-резец, 3, 8 — остроконечники, 4, 7 — нуклеусы, 5—6 — наконечники стрел, 9 — тесло (по С. Кучере)

керамики и 72 изделия из камня. Материалом для производства последних был в основном кремень, но есть также орудия из кварца, кварцита, кремнистого сланца, агата. У Чжэнь выделяет оббитые орудия, тонкие каменные орудия, каменные осколки и отдельно — маленький наконечник (?) и один нуклеус. С. Кучера выделяет среди находок прежде всего оббитые крупные орудия (размером до 6,4×4,2×1,2 см). К этой группе принадлежит трапециевидное тесло и три комбинированных орудия — скребки-резцы. Микролиты представлены четырьмя скребками с прямым или изогнутым лезвием (2,5—4,1×2,1—2,7×0,5—0,8 см), 59 пластинками (0,3—2,5×0,48—1,4×0,1—0,4 см), отщепами. Единственный нуклеус имеет призматическую форму. Рисунки изделий со стоянки Мулэй позволяют получить некоторое представление об этом памятнике (рис. 11, 12). Два двусторонне обработанных наконечника стрел и подпрямоугольное тесло с грубо оббитым лезвием и краями (как и другое тесло меньших размеров) позволяют отнести этот комплекс к относительно позднему времени (рис. 11, фиг. 4—5). Хотя частично обработанные наконечники стрел известны в маркансуйской мезолитической культуре (VIII тыс. до н. э.), в комплексах последней они не сочетаются со столь четко выраженными теслами [471, с. 24]. Для равнинной части Средней Азии бифациально обработанные наконечники стрел — явление, безусловно, позднее; в рамках неолитических индустрий оно относится к концу IV—началу III тыс. до н. э. [164, с. 131]. Особое же распространение подобных изделий фиксируется в начале века раннего металла.

Более подробно описана стоянка Астана, расположенная в

37 км юго-восточнее г. Турфана и исследованная в 1959—1967 гг. Размеры стоянки 1×0,7—0,8 км. Общая площадь, на которой произведены сборы, достигает 80 га. Топография стоянки не описана, геологическая привязка не произведена, нет и стратиграфических и планиграфических данных. Согласно данным, приведенным в публикации С. Кучеры, на стоянке найдено 760 изделий из камня, подвергшихся обработке или несущих на рабочих лезвиях следы использования, а также отщепы и нуклеусы. Материалом служил чаще всего кремнистый сланец, а также кремень, кварц, агат, риолит и более редкие породы типа ортосланца, песчаного туфа и известняка [318, с. 35]. В Астана собрано также 111 фрагментов керамики.

Описания каменных орудий, данные в работе С. Кучеры, наиболее приемлемы и при сравнении с наименованиями в подстрочном переводе статьи У Чжэня, более понятны с профессиональной точки зрения. Однако при сравнении с рисунками, приведенными в статье С. Кучеры, возникают определенные трудности, связанные со своеобразной передачей деталей орудия в графике китайских авторов [318, с. 34—36, рис. 2—3; 632, с. 337—340, фотовкладыш, рис. 7—8]. С. Кучера делит собранные на стоянке орудия с точки зрения техники обработки, размеров и использования на три группы: оббитые орудия, микролиты, «граненые» и украшения (рис. 13).

Первая группа собранных артефактов включает орудия, изготовленные путем оббивки, характеризуемой как ударная ретушь, или «гранение» [8]. Имеется также 197 скребков, выполненных на пластинах и отщепах. Среди этих орудий У Чжэнь выделяет 96 скребков с выпуклым рабочим краем, напоминающим лезвие ножа [632, с. 337], острия (по С. Кучере — остроконечники, по У Чжэню, вероятно более правильно, — острые орудия). В последней группе орудий выделяются 40 экз. шилообразной формы и 7 экз. — с ровными лезвиями (?). Имеются также острия треугольной, ромбовидной и неправильной формы.

Совершенно неудовлетворительна типологическая характеристика так называемых ударных орудий (46 экз.). У Чжэнь считает их рубилами, а С. Кучера — отбойниками. Тесла (3 экз.) представлены обломками. Совершенно неправильно, на наш взгляд, выделять среди нуклевидных орудий (в упомянутых текстах — орудия из нуклеусов) такие формы, как рубила, остроконечники. Четыре нуклевидные скребка («скребки и скребла») выделены правильно, но, к сожалению, нечетко изображены на рисунках. Таким образом, в первую группу выде-

---

[8] Термин, применяемый китайскими исследователями, с трудом поддается переводу. С. Кучера, предполагая, что речь может идти о крупной ретуши, включает в эту группу и такие изделия, как зернотерки, наковальни, песты, т. е. изделия из крупнозернистых пород, выполненные не ретушью, а мелкой оббивкой [776, с. 173].

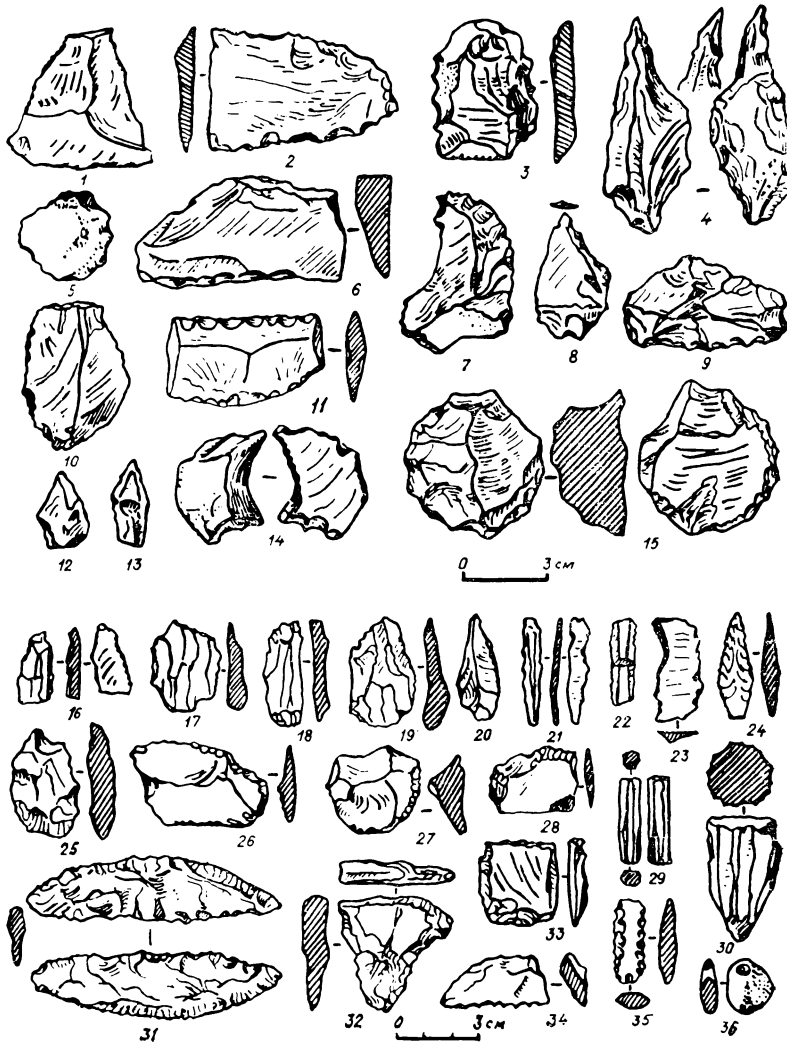

Рис. 13. Каменные (1—15) и микролитические (16—36) орудия из Астаны: 1—2, 5—6, 10—11, 21—23 — скребки из отщепов, 9, 16—19 — скребки из нуклеусов, 25 — скругленно-продолговатый скребок, 26—28 — ножевидные скребки, 27 — полукруглый скребок, 31—33 — скребки, изготовленные техникой отжима, 34 — скребок с пилообразным лезвием, 35 — скребок листообразной формы, 7—8, 12—14 — остроконечники из отщепов, 4—20 — остроконечники из нуклеусов, 3 — теслообразное орудие из отщепа, 15 — рубило из нуклеуса, 24 — наконечник стрелы, 29—30 — нуклеусы, 36 — галечная подвеска с отверстием (по С. Кучере)

лены орудия относительно крупных размеров, выполненные в технике оббивки.

Вторая группа артефактов со стоянки Астана — микролиты (С. Кучера), или тонкие каменные орудия (У Чжэнь). Это прежде всего 117 ножевидных тонких пластинок, часть которых имеет правильную форму (размеры 1—3×0,5—1×0,1—0,2 см), 15 мелких нуклеусов (длина 2—2,5 см, диаметр 0,7—3,4 см), 7 нуклевидных орудий — 7 нуклеусов-скребков и 2 остроконечника. Оба автора выделяют группу изделий, выполненную комбинированной отжимной и сколотой техникой (от 109 до 142 экз.). Большинство их — режуще-скребущие орудия неопределенной формы. Отмечены также скребки с пилообразным рабочим краем (21 экз.), односторонние или двусторонние ножи. Остальные 54 изделия этой группы выполнены исключительно техникой отжима, отличаются высоким качеством обработки и стабильностью форм. Среди них — 21 наконечник стрел, 19 скребков и 14 обломков различных изделий [318, с. 35]. Помимо перечисленных выше орудий У Чжэнь упоминает также 147 обломков, 50 маленьких нуклеусов, 9 нуклевидных орудий. Большая часть нуклеусов — «округлошилообразной» формы, в советской научной терминологии этому термину, по-видимому, соответствует термин «карандашевидный». Имеются и нуклеусы призматической формы. Размеры самого большого нуклеуса — 5,5 см, диаметр 3,4 см, а самого маленького — 2,0, диаметром 0,7 см. Что касается орудий, сделанных отжимом, то они, как правило, неопределенной формы, округлые, полуокруглые, языковидные. Обычная длина 1,8—7,7, ширина 1,2—3,4 см. Среди других изделий приостренные орудия, типологически близкие ножам, скребкам. Указан также 21 наконечник стрел, среди них У Чжэнь выделяет ромбовидный наконечник, 11 наконечников пластинчатых, 4 — приостренных, 2 — треугольных, 7 — с широким острием. Остальные изделия этой группы, согласно У Чжэню, скребки [632, с. 338—339].

В группе «граненых изделий» представлены 5 зернотерок, пест, 11 абразивов, наковальня, 7 шаров и фрагмент орудия с отверстием (топор?). Анализ керамики не входит в нашу задачу. С. Кучера отмечает, что она сходна с неолитической керамикой других районов КНР. Соответственно временные рамки для культуры яншао — 3940—2125 гг. до н. э., для луншаня — 2190—1605 гг. до н. э. [316, с. 62].

Подводя итоги, повторим, что общую характеристику перечисленных артефактов дать достаточно трудно — слишком далека от общепринятой применяемая китайскими авторами терминология. Правда, некоторые технико-типологические данные можно получить, анализируя приведенные в публикации У Чжэня рисунки (рис. 12, 13). Так, в ней изображено орудие типа мотыги с перехватом в средней части (рис. 12, фиг. 1). Крупный отщеп палеолитического облика имеет тонкую краевую подправку-ретушь. Хорошо выражены карандашевидный и

конусовидный нуклеусы с очень узкими фасетками снятий микропластинок. Такие нуклеусы хорошо известны в мезолите и неолите Средней Азии и Монголии. Можно различить обычные по форме двусторонне обработанные стрелки (рис. 11, фиг. 4, 5; рис. 12, фиг. 5, 6). Очень сложно говорить об орудиях, изображенных на рис. 7 в работе У Чжэня, ввиду низкого качества этого рисунка. Можно определить аморфные скребки, скребла, выемчатые орудия. Скребки на нуклеусах очень невыразительны. Значительно лучше просматриваются скребки на отщепах, достаточно ясно можно различить ножевидную пластинку, ромбовидную стрелку, карандашевидный, призматический и конусовидный микролитические нуклеусы, зубчатые орудия. Особого внимания заслуживают два предмета — крупное овальное скребло (?), выполненное отжимной техникой при помощи двусторонней, по всей очевидности, плоской ретуши и нуклеус-скребок гобийского типа[9]. Обе формы встречаются в разновременных (вплоть до палеолита) индустриях как МНР, так и Внутренней Монголии [328, рис. 21; 980, рис. 2, 4]. Редуцированные формы торцовых нуклеусов известны на Памире [477, рис. 3] и в Южном Таджикистане [91, рис. 1, 4] в мезолитическое время. Отметим, что скребок гобийского типа еще со времен американских экспедиций в Монголии в 20-е годы нашего века считается показателем передвижения протомонголоидного населения с места его первоначального возникновения в Новый Свет [329, с. 43]. Близкие формы — двусторонне обработанные орудия (клинки или наконечники копий) и торцовые нуклеусы — распространены в Сибири и Прибайкалье вплоть до неолита [214], так что нахождение таких орудий на стоянках Восточного Туркестана можно считать вполне нормальным. Более архаичные, чем в Астане, нуклеусы-скребки, возможно палеолитические, найдены, как указано выше, П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжунцзянем. Приведенный на рисунке У Чжэня нуклеус-скребок представляет собой редуцированную и, вероятно, хронологически позднюю форму.

Трудно прийти к однозначному заключению по поводу описанных выше археологических материалов. О стоянках Мулэй и Астана С. Кучера пишет: «Мулэй и Астана характеризуются присутствием микролитов, что позволяет причислить их к первой разновидности неолитических стоянок Синьцзяна. Возможно также, что обе стоянки относятся к сравнительно ранним неолитическим культурам» [318, с. 36]. Предположение о том, что население Астаны больше занималось охотой и скотоводством,

[9] Подобные нуклеусы, характеризующиеся скалыванием тонких микропластинок с торцовой части, вытянутостью в сагиттальной плоскости, обработкой, сходящейся на клин со стороны, противоположной рабочей, первоначально назывались нуклеусами-скребками, затем гобийскими нуклеусами или клиновидными нуклеусами. В последнее время за ними закрепилось название торцовых нуклеусов, впервые предложенное нами в 1960 г. [471, с. 74]. Обычно подробно анализируются палеолитические и мезолитические нуклеусы этого типа, значительно меньше уделяется внимания неолитическим формам.

нежели примитивным земледелием, имеет чисто умозрительный характер — на стоянках первого типа пока нет ни костей доместицированных животных, ни доместицированных растений. Орудия же третьей группы встречаются еще на мезолитических стоянках в период интенсивного собирательства [754, с. 312]. Как неоднократно отмечалось, само по себе наличие зернотерок, пестов, курантов не свидетельствует прямо о производящем хозяйстве [490, с. 68; 947, с. 54—55]. С другой стороны, наличие крашеной керамики само по себе уже говорит в пользу сделанного С. Кучерой заключения о неолитическом характере данной индустрии.

Следует также обратить внимание на определенные различия между артефактами, найденными в Восточном Туркестане до 1949 г. (А. Стейном, Ф. Бергманом и др.) и после основания КНР. Материалы эти сопоставимы лишь частично (нуклеусы микролитического облика, двусторонне обработанные наконечники стрел, скребки на отщепах), поскольку хорошо видны и различия: в первом случае мы видим хорошо развитую пластинчатую культуру, присутствуют шлифованные топоры неолитического облика, разнообразные орудия из пластин, более деликатна ретушь и т. д. Скорее всего эти различия экологического, а не хронологического порядка — находки А. Стейна и китайско-шведской экспедиции связаны прежде всего с Таримской и Лобнорской пустынями, находки П. Тейяр де Шардена и Ян Чжунцзяня и китайских археологов — с предгорьями Тянь-Шаня. Проанализировать все памятники в комплексе — задача будущих исследований.

КАМЕННЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ОКРУЖАЮЩИХ СТРАН. ГЕНЕЗИС И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Проблемы генезиса и культурных связей восточнотуркестанских памятников каменного века не могут быть разрешены на основании имеющегося в нашем распоряжении материала. Мы вынуждены оперировать скорее гипотезами, нежели анализировать реальные факты.

Несмотря на то что, за исключением нескольких, не имеющих стратиграфической привязки предметов, найденных экспедицией 1931—1932 гг в восточной части рассмотренной территории, палеолитических находок в Восточном Туркестане не имеется, мы считаем возможным сделать небольшой экскурс в эту область, чтобы показать основные очаги палеолита в окружающих областях и получить представление о теоретически возможном облике палеолитических культур, которые рано или поздно будут найдены и здесь, в чем совершенно не приходится сомневаться. Только после открытия палеолита в Восточном Туркестане и его подробного изучения можно будет гово-

Карта 3. Крупнейшие области распространения культур палеолита на периферии Восточного Туркестана. I — Средняя Азия, II — Казахстан, III — Алтай IV — Монголия, V — Лёссовое плато Китая, VI — долина Ганга, VII — Пакистан, VIII — Афганистан, IX — Тибет

рить о местной эволюции еще не найденного здесь археологами мезолита и описанного выше неолита. Что же касается возможных путей миграции в Восточный Туркестан племен, принадлежащих к различным культурам каменного века, то исходными пунктами могут быть области, находящиеся на востоке прежде всего «лёссовое сердце Китая», — Ордос и долина р. Хуанхэ в ее среднем течении — и области, расположенные западнее Восточного Туркестана, прежде всего Средняя Азия. Только будущее может показать, правы ли исследователи, предполагавшие возможность проникновения в Китай культур европеоафриканского облика [327, с. 32—33; 796], или сторонники замкнутой, изолированной эволюции как культур каменного века так и физического облика их носителей [84, с. 119]. От этого вопроса, в принципе пока еще не могущего иметь окончательного решения, в какой-то мере зависят и позиции будущих ин

терпретаторов палеолитических культур на территории Восточного Туркестана [10]. На карте 3 показаны области распространения палеолитических культур, откуда могли распространяться различные влияния на гипотетический палеолит Восточного Туркестана.

Мы не можем дать здесь даже сжатой характеристики палеолита выделенных регионов (Средняя Азия, Казахстан, Алтай, Монголия, среднее течение р. Хуанхэ, долина Ганга, Западный Пенджаб). Остановимся лишь на районах, непосредственно соседствующих с Восточным Туркестаном.

На примыкающем с запада плато Восточного Памира есть только отдельные находки на поверхности древних морен, которые лишь с большой долей условности можно назвать палеолитическими [473, с. 89]. Ближайшие палеолитические памятники Афгано-Таджикской депрессии находятся примерно на расстоянии 400 км от границ Восточного Туркестана. Еще ближе расположена леваллуа-мустьерская стоянка Тосор — всего в 135 км от истоков р. Аксу [482]. Соседствуют с Восточным Туркестаном и алтайские мустьерские стоянки. Хотя нам не кажется справедливым представление о палеолитическом возрасте поверхностных сборов в южном (Дингири) и северном (Шэньчжа) Тибете, их следует упомянуть в нашем обзоре [739]. Расстояние от этих пунктов до пределов Восточного Туркестана значительно — 700—800 км.

Немногочисленны и плохо документированы палеолитические находки в соседней с Синьцзяном провинции КНР — Ганьсу и в НХАР. Они не дают возможности достаточно точно представить облик местных палеолитических культур, так как на окраинах пустыни Алашань и в Бэйшане пока нет сколько-нибудь значительных палеолитических комплексов [212, с. 416; 328, с. 141—145; 959, с. 64].

Из приведенного обзора можно заключить, что Восточный Туркестан в эпоху палеолита был территорией, на которой, как и в Средней Азии, существовало два типа индустрий. Различия их определялись, как уже неоднократно отмечалось, возможностью описания соответствующих изделий в терминах, применяемых для европейского палеолита (группа А), или в терминах, соответствующих представлениям об азиатском палеолите (группа Б) [473, с. 98—104].

Группа Б, по всей очевидности, является автохтонной, группа А отражает (на каких-то этапах) следы миграций или диффузий [1055, с. 262]. Те же характеристики изделий можно проследить и в палеолитических индустриях Монголии.

[10] Как отмечали некоторые исследователи (И Сенбок, а также Дж. Кларк), касаясь дихотомии северокитайского палеолита, «мы можем описывать эти комплексы теперь более содержательно, но мы не достигли тем не менее уровня, с которого начинается объяснение природы этих комплексов» [1158, с. 190]. С полным правом то же можно сказать и о соотношении автохтонных и пришлых культур каменного века для любого, взятого отдельно региона Центральной Азии в широком понимании этого термина.

В провинциях Северного и Северо-Западного Китая, по свидетельству С. Кучеры, в эпоху мезолита доминировали микролитические культуры [315, с. 17]. Наиболее известной из них является гобийская микролитическая культура [784]. Эти культуры распространены на север от хребтов Алашаня и Наньшаня. Их изучение началось сенсационными находками американской центральноазиатской экспедиции в 1922—1930 гг. [1009, с. 250], было продолжено китайско-шведской экспедицией в 1927—1935 гг. [760; 980]. Основную же лепту в изучение проблемы внесли многолетние работы советско-монгольской экспедиции, начатые в 1960 г. Характерно, что в тех случаях, когда исследователи Центральной Азии имеют дело с мелкими орудиями и соответствующей техникой скалывания, они обращаются к материалам гобийской культуры как к эталону. Как мы видели выше, подобные аналогии имели место и к материалам лобнорской впадины. Следует, однако, подчеркнуть, что как типология, так и хроностратиграфия гобийской культуры остаются абсолютно неразработанными [940]. Поэтому выделение артефактов собственно мезолита из огромного числа микролитических находок в поясе степей от Дунбэя до Восточного Туркестана практически невозможно. Так, Ч. Чард справедливо замечает: «В большинстве случаев атрибуция (раннеголоценовых культур. — *В. Р.*) сделана на основании типологии, многие элементы которой, получив распространение в позднем палеолите, самым лучшим образом сохранялись до неолита» [785, с. 63]. На трудность различения материалов конца верхнего палеолита и мезолита Центральной Монголии указывают и советские авторы, анализирующие верхние слои стоянки Мойлтын-Ам [411, с. 81].

В общих же чертах гобийская культура (которую большинство авторов относит не к мезолиту, а к неолиту) представлена ножевидными пластинками (в том числе правильных очертаний), концевыми скребками, преимущественно на отщепах, коническими, торцевыми нуклеусами и нуклеусами-скребками, скобелями из пластинок и отщепов, остриями, двусторонними наконечниками стрел. В этих условиях, конечно, не представляется возможным, как подчеркивает С. Кучера, выделить мезолитический пласт в материалах Восточного Туркестана [318, с. 43].

Сам термин «микролитическая культура», предложенный для Центральной Азии еще П. Тейяр де Шарденом и Пэй Вэньчжуном [1127, с. 44] и поддержанный А. А. Формозовым [534, с. 42], подвергался критике со стороны В. Е. Ларичева [325, с. 32—33]. Эта критика представляется справедливой, поскольку, несмотря на наличие определенных общих технико-типологических черт, имеющих стадиальный характер, налицо достаточно резкое, бросающееся в глаза различие — присутствие в одном случае (Средняя Азия, Индия, Иранское нагорье) хорошо выраженных орудий геометрической формы и отсутствие их в другом случае (Центральная Азия). Объяснить данный феномен чрезвычайно

трудно. Очевидно, в основе этого различия лежат или естественные причины (средиземноморская флористически-фаунистическая основа) — для большей части территории, занятой культурами с геометрическими микролитами, или же фактор миграции идей «геометрического микролитизма».

Для зоны стыка этих двух больших мезолитических областей (Средняя Азия) характерно существование как культур с геометрическими микролитами, так и без них. Первые мы предложили называть мезолитическими, вторые — эпипалеолитическими [1055, с. 258—260]. Ближайшей к Восточному Туркестану областью распространения мезолита будет Афгано-Таджикская депрессия, эпипалеолита — маркансуйская культура Памира [165; 472]. Никаких микролитов геометрических форм в Восточном Туркестане нет, и это говорит о том, что от Памира, Кашгара и Яркенда, по всей видимости, начинается область эпипалеолитических культур Центральной Азии [11]. Труднообъясним, однако, тот факт, что в типологии маркансуйской культуры и описанных выше находок из Восточного Туркестана так мало аналогий. Конечно, известное значение может иметь и хронологический фактор, и фактор различного исходного материала, и, что, может быть, самое главное, различие экологических условий. Лишь будущие исследования помогут ответить на этот вопрос, но надо думать, что миграции через удобные перевалы Сарыкольского хребта имели место и в конце каменного века. Несколько больше сходства можно отметить для «микролитической» части тибетских артефактов. Однако вплоть до появления достаточно полной публикации конкретные аналогии провести невозможно, если не считать сходства нуклеусов в обоих регионах [739].

Перейдем теперь к собственно восточнотуркестанскому материалу и попробуем, насколько это, конечно, возможно, определить его место среди докерамического неолита окружающих стран.

Соответствующие изделия можно объединить в две группировки, заметно отличающиеся друг от друга. Находки, обнаруженные в районе Лобнорской пустыни и пустыни Такла-Макан, можно, конечно предварительно, назвать лобнорской группой. А. Н. Бернштам еще в 1947 г. правильно определил ее неолитический характер [131, с. 58]. Прозорливый исследователь предсказал открытие в Восточном Туркестане крашеной керамики типа яншао и сходство отдельных каменных орудий, найденных здесь, с раннеземледельческими областями Китая. Он также

[11] Для маркансуйской эпипалеолитической культуры, распространенной на Восточном Памире, прежде всего характерно сочетание палеолитических (крупные орудия с ретушью палеолитического облика) и неолитических черт (пластинки, снятые при помощи отжима, мелкая, приостряющая ретушь, бытование, хоть и редкое, двусторонне обработанных наконечников стрел). Микролиты геометрических форм полностью отсутствуют. О связях маркансуйской культуры см. [475, с. 148—155]. Все сказанное выше можно отнести и к эпипалеолитической обиширской культуре, известной в Фергане [266].

писал: «В песчаных выдувах Такла-Макан, по северным и восточным ее границам, известны единичные пока находки микролитических орудий, органически входящих в круг памятников степного неолита и ранней бронзы, наиболее мощные и ближайшие очаги которых отмечены в Ордосе и Монголии, а также в других местах, прежде всего в Казахстане» [131, с. 58]. В 40-е годы другой выдающийся исследователь Средней Азии, С. П. Толстов, несколько преувеличивавший историко-культурное значение кельтеминарской культуры, отмечал: «Она выступает перед нами как одна из позднеолитических культур с микролитоидной традицией, зона распространения которой охватывает территорию от Приаралья до Синьцзяна и которая, по-видимому, исторически связана в той или иной мере с синхронными культурами от Персидского залива до области Гоби» [524, с. 64].

Распространение изделий различных типов на стоянках Восточного Туркестана свидетельствует, на наш взгляд, о бесспорных аналогиях как для мезолитических и неолитических стоянок Средней Азии, Казахстана, так и гобийской культуры, ее дериватов. Они прослеживаются и для микролитических нуклеусов. Но эта категория индифферентна и не может являться хронологическим показателем. Следует подчеркнуть отсутствие нуклеусов-скребков (гобийских нуклеусов), что говорит в пользу сравнительно поздней даты соответствующей стоянки. Также не дают хронологических определений пластинки и микропластинки. Однако очень существенно, что, за исключением одного случая [1107, с. 82], в сборах отсутствуют пластинки как с затупленной спинкой, так и с притупленным концом, столь характерные для кельтеминарской культуры [166, с. 165—166] [12]. Для кельтеминарской общности характерны и концевые скребки на сечениях пластин, тогда как скребки на отщепах более свойственны восточным комплексам типа шабарак-ус [844]. Острия разных типов и проколки встречаются среди различных комплексов, пластинки же с выемкой и обработанной ретушью (скобели), — очень яркий признак и кельтеминара, и «кремневого элемента» гиссарской культуры [210, рис. 10; 469, рис. 3]. В Восточном Туркестане они очень редки. Показательно, что среди находок лобнорского типа совершенно нет зернотерок, терок, пестов-курантов, т. е. тех орудий, появление которых рассматривается обычно как свидетельство если не существования, то зарождения производящего хозяйства.

Отщепы, ножи, пластинки с ретушью и керамика описаны настолько суммарно, что судить о них невозможно, а вот две оставшиеся категории очень важны. Это шлифованные топоры-кельты, которые определяют, по среднеазиатским аналогиям,

[12] На наш взгляд, техника затупливания спинки или края, очень хорошо отражена в подобных изделиях, так же как и в более ранних остриях типа шательперрон или перочинного ножа. Она всегда соответствует комплексам, куда входят и орудия геометрической формы.

нижнюю границу имеющихся сборов как VI тыс. до н. э., а верхнюю как III тыс. до н. э. [477, с. 172]. Дж. Маринге считает часть шлифованных топоров из Монголии ранненеолитическими [980, с. 190—191]. С другой стороны, наконечники стрел с выделенными черешками, обработанные с двух сторон элегантной струйчатой ретушью, по тем же аналогиям, принадлежат эпохе энеолита и бронзы, т. е. III — началу II тыс. до н. э., скорее, чем собственно неолитическому времени, в период которого такие стрелки встречаются лишь на заключительных этапах. Наконец, двусторонне обработанные орудия совершенно несвойственны горным районам Средней Азии, но спорадически встречаются в неолите равнинной части этого региона [409, с. 173], а также Казахстана [86, с. 7—8]. Они, как уже указывалось, имеют аналогии в монгольских материалах [981, с. 77].

Итак, лобнорская группа изделий объединяет, по-видимому, разновременные находки орудий пластинчатого характера, имеющих определенные аналогии среди пустынных и степных неолитических культур Средней Азии, Казахстана, Монголии и Северного Китая. Эта группа не образует определенного, сколько-нибудь устойчивого комплекса. О хронологической привязке лобнорских и такла-маканских артефактов можно говорить лишь предположительно, большая их часть, как кажется, должна датироваться относительно поздним временем — IV—III тыс. до н. э. Вместе с тем нельзя исключить, что отдельные изделия лобнорской группы могут быть и старше [13].

Еще сложнее интерпретация второй группы находок, отличающейся от лобнорской рядом признаков. Эту группу можно назвать предгорной, так как включаемые в нее памятники располагаются в предгорьях Тянь-Шаня и Алтынтага, зачастую на лёссовых террасах (рис. 7, фиг. 7, 9, 11—13) Лёсс, безусловно, сыграл выдающуюся роль в деле становления производящего хозяйства Центральной Азии. Достаточно указать, что именно с лёссовыми покровами связано распространение самобытной и очень характерной гиссарской культуры в Южном Таджикистане [469]. С лёссами, перекрывающими отложения морены, связаны и раннеземледельческие поселения долин Кашмира [729; 1093]. Но особенно большое значение сыграл лёсс в судьбах неолита Китая [1106]. В этом отношении справедливым остается крылатое выражение Г Андерссона, назвавшего свою книгу, посвященную доисторическим культурам Китая, «Дети желтой земли» [735]. Именно в лёссовых районах должны были существовать предшественники культуры яншао, уже бесспорно земледельческой, хотя и ныне археологи КНР еще очень дале-

[13] Говоря об аналогиях лобнорских артефактов, можно упомянуть и о сборах на Аксай-Чатыркельских сыртах к северу от Кашгара. Здесь находки, обнаруженные на высоте свыше 3 тыс. м над уровнем моря, в отдельных случаях (микролитические нуклеусы, пластины, микропластинки, скребки на отщепах) весьма сходны с соответствующими изделиями, найденными в пустынной части Восточного Туркестана [476; 479]. Датировка этих сборов, конечно сугубо предположительная,— V—IV тыс. до н. э.

ки от ответа на этот вопрос [315, с. 20—24] [14]. В этом отношении большое значение имеют раскопки недавно открытого поселения Каро, обнаруженного в Восточном Тибете на высоте 3100 м над уровнем моря. Радиоуглеродная датировка нижних слоев поселения, оставленного бесспорными земледельцами и охотниками, — 4700—4400 гг. до н. э., а материальная культура в определенном смысле перекликается и с индустрией гиссарской культуры, и с находками в предгорьях Тянь-Шаня и Алтынтага.

Поэтому лёссовые районы Восточного Туркестана, которые охватывают предгорные зоны и межгорные долины как Тянь-Шаня, так и Куньлуня [394, с. 67—71; 357, рис. 2], могут быть территорией, на которой существовало уже на самых ранних этапах не только скотоводческое хозяйство.

С формальной точки зрения можно, конечно, отметить как совпадения, так и различия в типах орудий между лобнорской и предгорной группами. Так, за исключением находок на р. Аксу, в обеих группах присутствуют микролитические нуклеусы и, наоборот, очень редки нуклеусы гобийского типа. Для памятников второй группы менее характерны микропластинки и пластинки. Одинаково развиты и скребки на отщепах, зато пестыкуранты и зернотерки обнаружены лишь в двух стоянках предгорной группы. Острия и проколки одинаково часто встречаются на всех стоянках; в обоих случаях редки зубчатые орудия; двусторонне обработанные орудия есть в двух памятниках первой группы и в двух — второй, но вот наконечники стрел заметно чаще встречаются в пустынных (охотничьих?), чем в предгорных (земледельческих? скотоводческих?) стоянках. То же можно сказать и о шлифованных топорах. Вместе с тем круглые скребла, чопперы и оббитые тесла известны только в коллекциях второй группы. Отщепы присущи обеим группам, керамика встречена на разных стоянках, однако ее качество выше в предгорьях.

Трудно пока сказать, соответствуют ли выделенные нами две группы артефактов реально существовавшим культурам и отражают ли отмеченные индустриальные различия явления культурного, палеоэкологического и хронологического порядка. По причинам, отмечавшимся выше, весьма сложно дать археолого-хронологическую характеристику материалов с указанием стоянок, тем более что каменные изделия часто смешаны с явно более поздней керамикой. Сходны микролитические нуклеусы и двусторонне обработанные наконечники стрел, но среди последних нет позднейших, черешковых форм. Никого не должен вводить в заблуждение кажущийся архаизм отщепов, грубых острий, крупных скребел и оббитых дисков из галек — достаточ-

[14] В своей книге Г. Андерссон указывал, что, хотя открыто около 40 стоянок культуры яншао в Северном Китае, все же не известно ни одного поселения, которое «могло бы стать мостом между ордосским каменным веком и многочисленными яншаоскими памятниками» [735, с. 332].

но вспомнить, сколь хорошо сохранились палеолитические приемы раскалывания камня в гиссарской и маркансуйской культурах Южного Таджикистана и Памира, доживая в первом случае вплоть до эпохи бронзы, а во втором — до развитого неолита, сосуществуя при этом с микролитическим кремневым инвентарем» [469, с. 28; 472, с. 47—49]. Архаизм части каменного инвентаря предгорной культуры не отражает во всей ее полноте экономической основы данной культуры, связанной, видимо, уже с производящим хозяйством. В этом отношении загадочно полное отсутствие на стоянках этой группы шлифованных топоров, хорошо известных для раннеземледельческих культур Средней Азии, Китая и Северной Индии. С другой стороны, прямоугольные тесла имеют явные китайские аналогии. В целом можно предположить, что основная масса находок, описанных китайскими археологами, а еще ранее П. Тейяр де Шарденом и Ян Чжунцзянем, может соответствовать хронологическим рамкам гиссарской культуры (с которой каменный инвентарь восточнотуркестанских стоянок имеет определенное сходство), т. е. относиться к VI—IV тыс. до н. э., а частично и к III тыс. до н. э. Однако более детальная хронология может быть прослежена только после широкомасштабных раскопок и подтверждения стратиграфических наблюдений серией радиоуглеродных дат.

Можно строить различные гипотезы о возможных направлениях культурно-исторических связей цивилизаций каменного века, открытых в Восточном Туркестане (рис. 17). Можно сказать, что эта территория, безусловно испытывавшая влияние ряда крупных центров того времени — Средней Азии, Лёссового плато Китая и пустынь Монголии, сама могла играть роль передатчика заимствованных культурных влияний [810, с. 34—35]. Окончательные выводы — дело будущего и, наверное, не самого близкого, так как углубленные исследования каменного века Восточного Туркестана только начались.

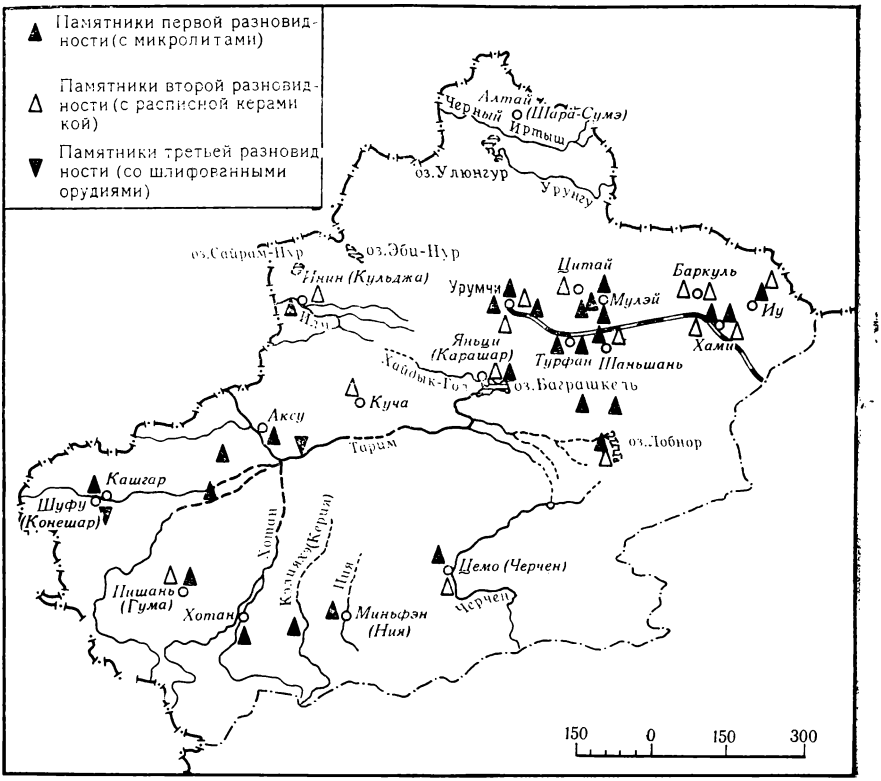
Глава 3

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Археологическое изучение бронзового века и непосредственно предшествовавшего ему периода истории Восточного Туркестана остается до сих пор недостаточно полным. Еще в 1967 г. его именовали terra incognita доисторической археологии Китая [784, с. 519]. В 1947 г. А. Н. Бернштам писал, что остатки древнеземледельческой культуры со столь характерной для нее расписной керамикой совершенно отсутствуют в этом регионе, но при этом считал несомненным существование такой культуры, «во всяком случае, на юге Восточного Туркестана» [131, с. 58]. Экспедиции, работавшие в Восточном Туркестане до провозглашения КНР, ограничивались сборами подъемного материала и крайне ограниченными раскопками. Обнаруженные при таких работах материалы не отличались той информативностью, которая позволила бы отнести их к определенному периоду, к культуре, базировавшейся на той или иной форме хозяйства.

Так, экспедицией А. Стейна в пустыне неподалеку от оз. Лобнор были произведены сборы каменных орудий — ножевидных пластин, ланцетовидных наконечников стрел, обработанных отжимной ретушью, шлифованных тесел. Вместе с ними найдена грубая керамика неолитического облика с углубленным орнаментом, возраст которой, как писал сам А. Стейн, определить невозможно [1111, т. 1, с. 183—184, 205—206; 1118, т. 1, с. 356—357, 361]. В 30-е годы исследования вокруг оз. Лобнор возобновились. Были найдены каменные орудия и керамика, но уже расписная, розового и кремового цвета, с темным орнаментом в виде треугольников и волн [905, табл. 7, фиг. 1]. Эти материалы датировать так же сложно, как и обнаруженные А. Стейном.

Трудности в изучении памятников, лишенных выразительного материала, ясны на примере исследований экспедиции Ф. Бергмана. Ею было изучено несколько местонахождений, в том числе в одном из оазисов в 85 км к востоку-юго-востоку от Хами [760, с. 14]. Здесь вокруг руин сырцовых построек неизвестного времени на площади диаметром около 100 м были собраны фрагменты керамических сосудов. Они находились на поверхности или в верхнем слое лёсса до глубины 10 см. Черепки толщиной от 3 до 13 мм представляют собой фрагменты нерасписных, реже — расписных сосудов красного и красно-жел-

Карта 4. Памятники первобытных культур на территории Восточного Туркестана

того цвета. Встречается орнамент в виде черных или узких красных полос. На петлевидные ручки наносили узор «в елочку». Встречены фрагменты более грубой посуды, на одном из которых под венчиком сделана бороздка. Некоторые черепки этой разновидности имеют выступы в виде арочки с отпечатками пальцев — ручки-упоры.

Сосуды были плоскодонными, открытых форм (стенки образовывали с дном очень тупой угол), а также кувшинообразными. Найдено много ручек петлевидных (с горизонтальным отверстием) и ушковидных (с вертикальным отверстием). Авторы предполагают, что размер сосудов варьировал от небольшой чашки до кувшина среднего размера. Большинство материалов исследователи считали доисторическими, хотя не исключали возможности присутствия среди них черепков ханьского времени и еще более поздних. Помимо керамики найден фрагмент каменного топора, определенного как доисторический.

Второе обследованное шведской экспедицией местонахожде-

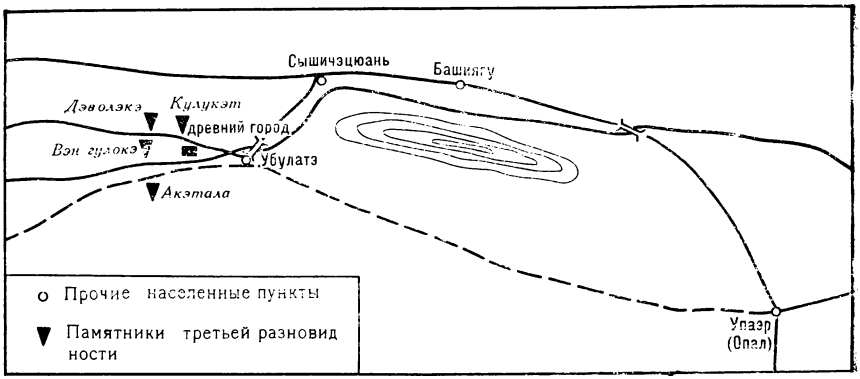

Карта 5. Неолитические и энеолитические стоянки на территории Восточного Туркестана (по У Чжэню)

ние находилось в Сенгим-Огузе, в 33 км к востоку от Турфана и 9 км к северу от Караходжи. На поверхности были собраны фрагменты керамических сосудов, определение возраста которых вызвало колебания. Черепки красного цвета, хорошо обожжены, в тесте — небольшая примесь крупного песка. Некоторые фрагменты покрыты двусторонним ангобом более темного, чем тесто, тона. Орнамент простой, в виде черных полос. Вертикальные полосы, по мнению автора, имеют определенное сходство с орнаментами сосудов из Зхоба [760, с. 16]. Эта аналогия никак не может считаться достаточной для выводов о хронологических или культурных взаимоотношениях обитателей Восточного Туркестана и современного Пакистана.

Расписная керамика, обнаруженная в Токсуне, недалеко от оазиса у главной дороги из Турфана, датирована исследователями в пределах второй половины I тыс. до н. э. [760, с. 17—18], в то время как имеющая с ней сходство «ваза», купленная у купца и происходящая, по его словам, из Карашара, отнесена учеными к более раннему времени, возможно к халколиту, что не представляется убедительным.

Местонахождение нерасписной керамики обследовано шведской экспедицией в Сынгыре (Куруктаг), на дюне. Найдены пятна очагов, фрагменты костей животных, несколько черепков коричневого или красноватого цвета, на некоторых были прочерченные линии или округлые налепы. Эти фрагменты характеризуются как имеющие «неолитический облик». Каменный инвентарь представлен кварцитовым ножом, пластинками, сверлами, стрелами иволистной формы. Для изготовления орудий использовали местные породы — серо-зеленый кремень, кварцит, агат и др. Это местонахождение отнесено к гобийской, или маньчжуро-монгольской, позднеолитической культуре [760, с. 26—28].

Карта 6. Акэтала и другие памятники на территории уезда Шуфу (Восточный Туркестан)

В результате исследований шведской экспедиции выяснилось, что «найденные в Синьцзяне материалы настолько разрознены, что уже одно это обстоятельство указывает на невозможность выявления параллелей с полихромной керамикой из других регионов» [760, с. 22]. Тем не менее был сделан вывод о халколитической принадлежности находок расписной керамики, что, естественно, вызывает вопрос о генезисе этого комплекса. Центром расписной керамики в регионе члены экспедиции считали район Турфана, а расположение местонахождений — свидетельством пути распространения этого комплекса из северо-западной части Китая через Ганьсуский коридор. В то же время они не считали возможным существование в Восточном Туркестане устойчиво оседлой культуры, так как и в историческое время, по их мнению, он был районом лишь транзитной торговли и кочевой культуры [760, с. 25—26]. (К проблеме взаимоотношений насельников Восточного Туркестана с обитателями восточных и западных областей мы обратимся ниже.)

В 50-е годы, с организацией Синьцзянской исследовательской группы по охране и изучению памятников материальной культуры (Синьцзян вэньу дяоча цзу), Музея СУАР, а также ряда других учреждений, археологическое исследование памятников интересующего нас периода проводилось более систематически [318, 1984]. После некоторого перерыва эти работы были продолжены в 70-е годы, причем стали проводиться систематические раскопки, начали отбирать образцы для радиокарбонных датировок. Исследования разной интенсивности осуществляются на обширной территории, включая районы Хами, Баркуля, Мулэя, Турфана, Токсуна, Алагоу, Урумчи, Яньци, Кучи, Синьхэ, Инина, Чжаосу, Хотана, Кашгара, Ташкургана.

Несмотря на расширение диапазона исследований, история

Восточного Туркестана в эпоху неолита и бронзы вырисовывается пока еще слабо. Главное препятствие — неизученность памятников со сложной стратиграфией, отсутствие колонок последовательных культурных напластований, а также детальных публикаций. Это обстоятельство не позволяет наметить относительную хронологию комплексов. Состояние культурного слоя, часто развеянного, не дает возможности выделить комплексы синхронных материалов. Представляется, что и имеющиеся довольно многочисленные радиокарбонные даты недостаточны для установления хронологии отдельных комплексов, поскольку эти даты, как правило, единичны для указанных комплексов и не составляют серий, гарантирующих от ошибок. Проблему представляет хронологизация расписной керамики [Ван Бихуа. Синьцзян чуту цайтао (Расписная керамика Синьцзяна). — Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1986, № 4].

Китайские исследователи тем не менее приступили к систематизации археологического материала и пришли к ряду заключений. Выделенная ими первая постпалеолитическая условная культура характеризуется микролитической индустрией. Местонахождения такого рода весьма распространены, их известно около 30. Вторая культура характеризуется расписной керамикой, третья — относительно крупными шлифованными орудиями [318, с. 36; 580, с. 12].

Различительные признаки культур не являются абсолютными. Так, расписная керамика известна на одном из местонахождений первой группы, а медные изделия — на местонахождениях второй и третьей. Кроме того, на памятниках третьей группы обнаружены и железные предметы. Все культуры охватываются понятием «неолит», но они включают и явно более поздние комплексы, вплоть до железного века. Китайские археологи предполагают отставание в развитии культуры населения Восточного Туркестана по сравнению с древнекитайской. Отставание возможно, однако трудно предполагать, что вплоть до VII в. до н. э. здесь существовали мезолитические и субнеолитические культуры [784, с. 519]. Широкое распространение каменных орудий — еще не свидетельство подобного отставания, поскольку известно, что в ряде регионов Земли они применялись и в эпоху палеометалла. Разумеется, последнее было возможно лишь в условиях относительной изоляции от более развитых в техническом отношении областей.

В данной главе мы касаемся в основном памятников второй культуры, предполагая, что они с наибольшей вероятностью относятся к периоду оседлости, развития производящего хозяйства, к эпохе палеометалла. Будут освещены и некоторые местонахождения третьей культуры. Из стоянок первой культуры мы считаем целесообразным рассматривать лишь немногие.

В 70-е годы проводились раскопки местонахождения Сыдагоу в уезде Мулэй [602], в 10 км к юго-западу от г. Мулэй. Выявлено пять последовательных напластований, из которых

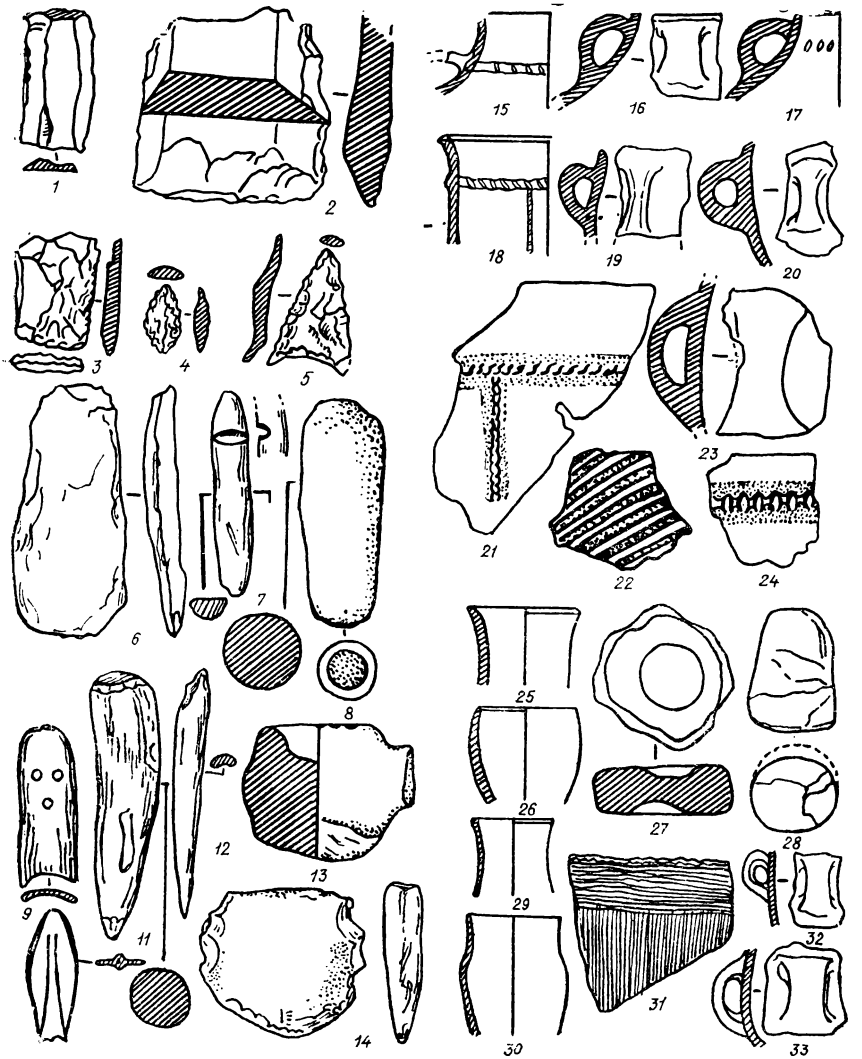

Рис. 4. Артефакты из Мулэя (1—5), Карсаны (6—24) и Шижэньцзы (25—33): Каменные орудия: 1 — пластинка, 2, 6 — тесла, 3 — резец-скребок, 4 — наконечник стрелы (?), 5 — наконечник стрелы, 7 — точильный камень, 8, 28 — пестики, 13 — горшок-*гуань*, 14 — мотыгообразное орудие, 27 — камень с отверстием, не просверленным до конца с обеих сторон, 9 — фрагмент кинжала из кости, 10 — медный наконечник стрелы, 11 — орудие из рога оленя, 12 — костяное шило, 15—26, 29—33 — фрагменты керамики

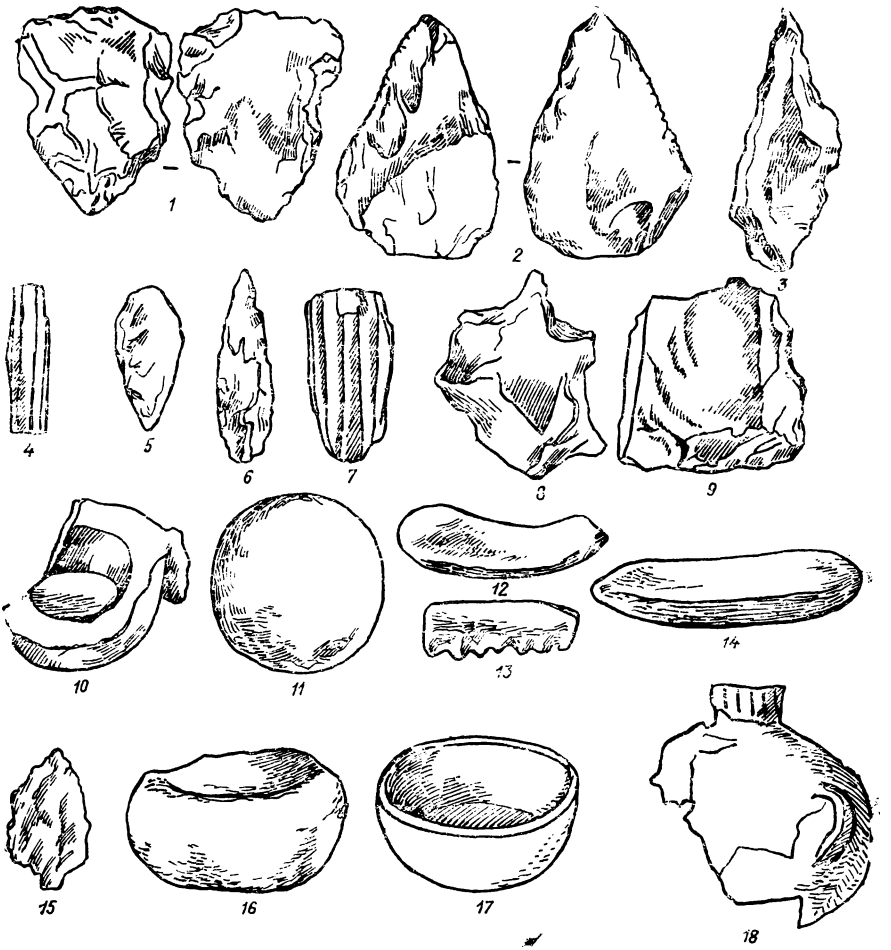

Рис. 15. Артефакты из стоянок, расположенных в Восточном Туркестане — Астана (1—8, 11, 13, 15—17), Мулэй (9), Карсана (10, 14), Шижэньцзы (12, 18). Каменные изделия: 1 — рубило, 2 — остроконечник-резец, 3, 8 — остроконечники, 4, 7 — нуклеусы, 5, 6, 16 — наконечники стрел, 9 — тесло, 10 — горшок-*гуань*, 11 — шар, 12, 14 — зернотерки, 13 — скребок с пилообразным лезвием, 16 — наковальня; керамика: 17 — круглодонная миска-*бо*, 18 — расписной горшок-*гуань*

два нижних (четвертое и пятое) относятся к раннему периоду. Пятый слой датируется по C_{14} 3010±105 лет от наших дней. Здесь найдены многочисленные ямы для хранения продовольствия и обложенные камнями очаги, каменные зернотерки и песты, несколько мелких каменных орудий. Сосуды красного цвета из теста с примесью песка орнаментированы черной краской. Упоминаются котлы, горшки с одной и двумя ручками в виде ушек, чаши и миски, кувшины с более или менее высоким гор-

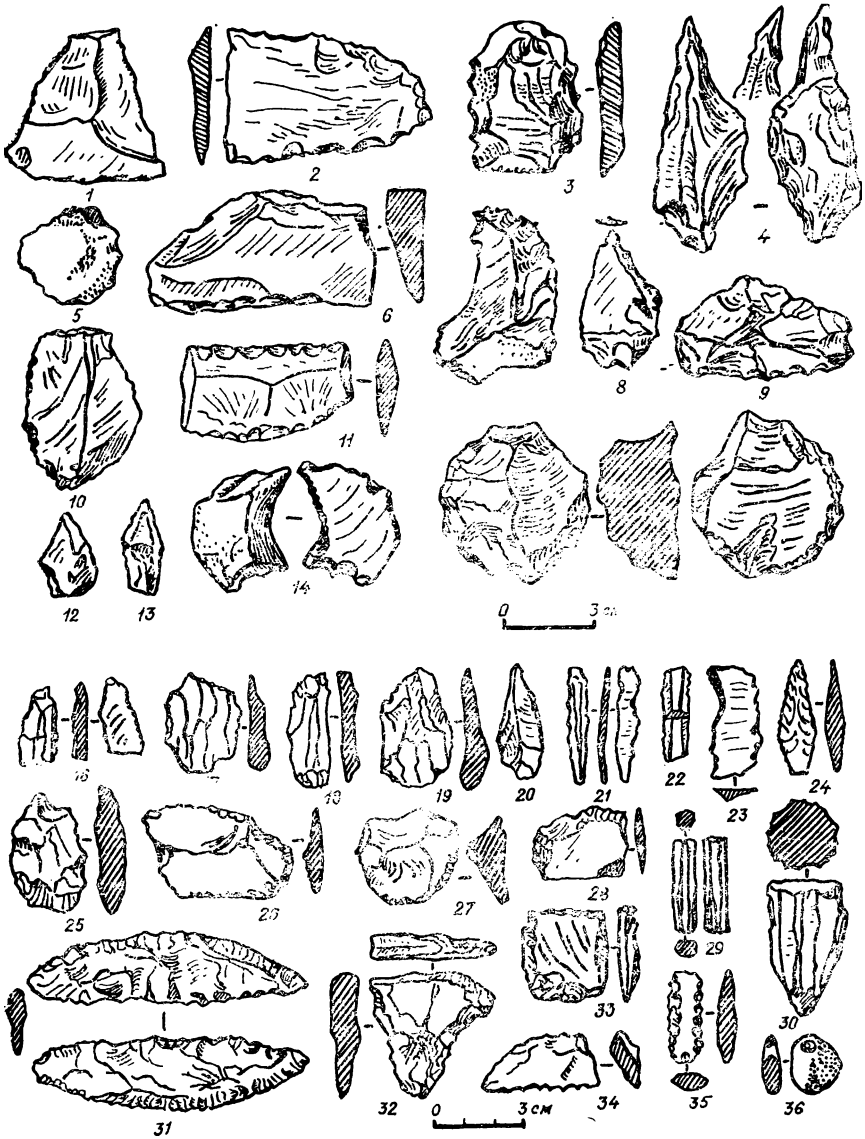

Рис. 16. Каменные (1—15) и микролитические (16—36) орудия из Астаны: 1, 2, 5, 6, 10, 11, 21—23 — скребки из отщепов, 9, 16—19 — скребки из нуклеусов, 25 — скругленно-продолговатый скребок, 26, 28 — ножевидные скребки, 27 — полукруглый скребок, 31—33 — скребки, изготовленные целиком или частично техникой отжима, 34 — скребок с пилообразным лезвием, 35 — скребок листообразной формы, 7, 8, 12—14 — остроконечники из отщепов, 4, 20 — остроконечники из нуклеусов, 3 — теслообразное орудие из отщепа, 15 — рубило из нуклеуса, 24 — наконечник стрелы, 29, 30 — нуклеусы, 36 — галечная подвеска с отверстием

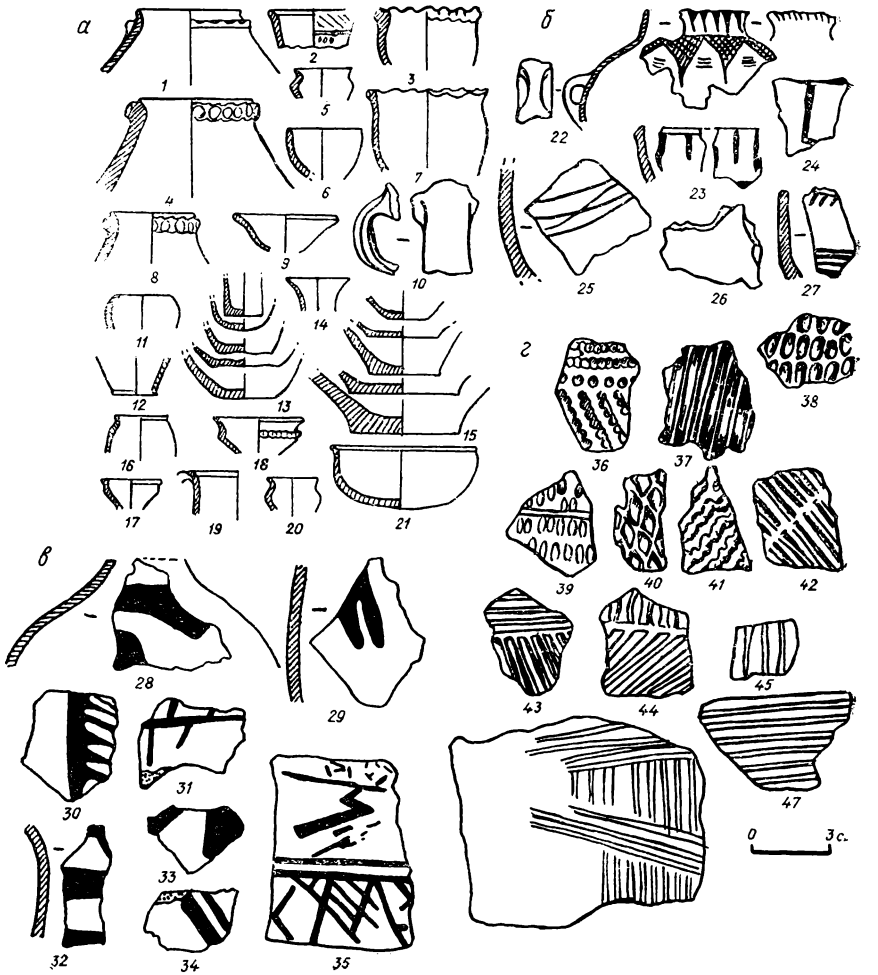

Рис. 17. Фрагменты керамики из Астаны (а, в, г) и Шижэньцзы (б)

лом и шаровидным туловом (рис. 14). Изделия орнаментированы сетками различных форм, полосами, волнами, волютами. К раннему периоду отнесены и три из четырех раскопанных погребений. Костяки лежат вытянуто на спине, головой на северо-восток, запад и север. Ямы прямоугольной формы 0,92—1,8×0,34—0,9×0,2 м. Сопровождающего инвентаря в погребениях не было. Наличие инвентаря и хозяйственные постройки местонахождения Сыдагоу позволяют предположительно относить его к культуре, базировавшейся на производящем хозяйстве. Ее носители употребляли в пищу плоды растений, которые измельчали при помощи зернотерок, готовили пищу в глиняной посуде, хранили запасы в ямах.

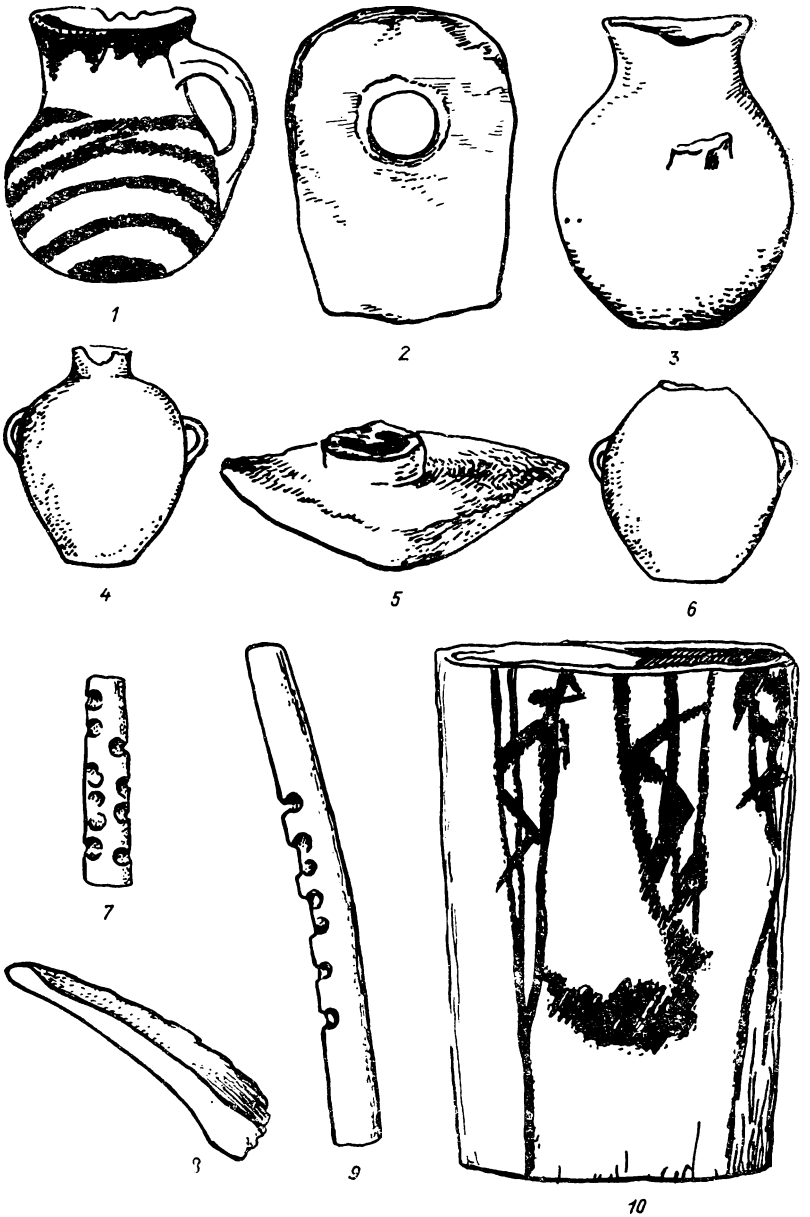

Рис. 18. Находки из Янбулакэ (Саньбао) (1, 6), Шижэньцзы (2—5), Юйэргоу — Алагоу (7, 9), Акэтала (8) и Убао (10): — 1 — расписной кубок-*бэй*, 6 — расписной горшок-*гуань*, 3 — кубок-*бэй* черного цвета, 4 — горшок-*гуань* красного цвета, 5 — сосуд расписной в форме лодки; каменные орудия: 2 — топор, 8 — серп; деревянные изделия: 7, 9 — палочки для добывания огня, 10 — расписная бадья

На берегу р. Мулэйхэ в Мулэй-Казахском автономном уезде на площади около 1 тыс. м² собрано небольшое количество фрагментов сосудов, орудия из кремня и других пород (рис. 15). Кроме микролитических орудий (стрелы, скребки, пластинки) найдено и небольшое тесло [632].

Неоднократно проводились сборы материала на обширном местонахождении в сел. Астана, в 37 км к востоку от г. Турфана (рис. 16) [632]. Помимо орудий из пластин и отщепов — скребков, скребел, остроконечников, ножей, стрел, тесел — найдены зернотерки и песты, свидетельствующие о наличии земледелия. Сосуды изготовляли из глины с примесью песка, более крупного в тесте больших сосудов (рис. 17а, в, г). Обжиг хороший, преобладают фрагменты красного цвета, серой керамики — 5%. Восстановлена лишь одна форма — круглодонная миска (*бо*), хотя преобладали плоскодонные сосуды. Орнаменты, углубленные и расписные, наносили в верхней части изделий; среди первых — оттиски плетенки, полушарные и овальные вдавления, гребенчатые и ногтевые узоры. Расписной орнамент обнаружен на кувшинах с высоким горлом и на мисках. Его наносили черной краской по красному ангобу; орнаментальные мотивы представлены сетками, полосами и другими простыми узорами.

Памятники второй группы, или культуры, обнаружены в восточной (уезды Хами, Иу, Баркуль), центральной (уезд Шаньшань, Турфанская впадина, район г. Урумчи) и западной частях Восточного Туркестана (уезды Куча и Гума) [318, с. 36]. На большинстве стоянок проводились лишь разведывательные обследования, но некоторые из них затронуты раскопками. К довольно основательно изученным памятникам относится Шижэньцзы, в 20 км к востоку от Баркуля [318, с. 37]. Здесь крестьянами на глубине 2 м от поверхности обнаружено погребение с костяком, сосудами и шлифованными каменными изделиями (среди них — топор со сверлиной) (рис. 17б, рис. 18). Сосуды представлены горшком красного цвета с двумя ушками (*гуань*), черноглиняным кубком с ручкой (*бэй*) и лодкообразным закрытым сосудом с горловиной. В траншее площадью 3×1 м найдены фрагменты керамики, каменные орудия, кости животных, кусок меди, шлак и древесный уголь. В тесте сосудов обнаружена примесь крупного и мелкого песка, сами сосуды — красного и серого цвета. Найдены орнаментированные фрагменты: черной краской по красному ангобу нанесены ряды силуэтных треугольников, параллельные и перекрещивающиеся полосы. Орнамент наносили и на внутреннюю поверхность сосудов. Обнаруженные в этом местонахождении зернотерки и обугленные зерна хлебных злаков с очевидностью свидетельствуют о занятии местного населения земледелием. Мощность культурного слоя местонахождения — 1,25 м.

Материал таких поселений, как Караходжа (в 15 км к востоку от Турфана), с находками сосудов, каменных орудий,

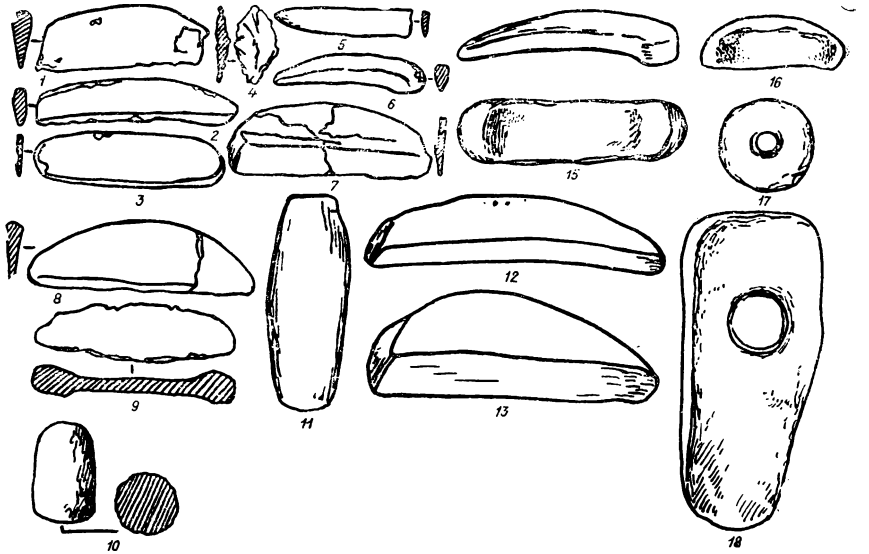

Рис. 19. Каменные орудия из Акэтала (1—7, 11—17), Вэньгулокэ (8—10) и Кулукэтала (18): 1, 3, 7, 8, 13, 16 — ножи, 2, 6, 12, 14 — серпы, 4 — наконечник стрелы, 5 — нож (медный), 9, 15 — зернотерки, 10, 11 — пестики, 17 — кольцо, 18 — молот-топор

наконечника стрелы из меди, костей баранов и лошадей, позволяет отнести его по крайней мере к эпохе поздней бронзы или даже более позднему времени [92, с. 57].

Местонахождения третьей группы известны на западе и юго-западе Восточного Туркестана, в уездах Шуфу и Аксу. В уезде Шуфу обнаружено четыре памятника — Акэтала, Вэньгулокэ, Кулукэтала и Дэволэкэ [318, с. 41]. На этих стоянках производились сборы археологического материала. В Акэтала найдены шлифованные орудия из сланца, песчаника и твердых пород (рис. 19). Среди них ножи двух типов — клинообразные (длина 16 см, ширина в средней части 6,2, толщина спинки 2 см) и плоские (длина 20 см, ширина 7,2, толщина 0,8 см), серпы (длина 15,3 см, ширина 2,8 см), крупные зернотерки, песты, наконечник стрелы, пряслица (рис. 16). Найдены орудия из меди, в частности фрагмент ножа с прямой спинкой (длина 6,7 см, ширина 1,4, толщина 0,3 см). Нож сделан из меди с небольшой примесью олова (1,2%) [318, с. 41—42].

Керамика лепная, с примесью песка в тесте, бурого, серого и красного цвета. Реконструируются следующие формы: круглодонная миска (бо), горшки (гуань, *вэн*), котел (*фу*), чашки (*вань*) и кубок (рис. 20). У венчика иногда делали отверстия или круглые налепы. Материалы, сходные с описанными, найдены и в Дэволэкэ, Кулукэтала и Вэньгулокэ, а также в Калаюйэргуне (в 60 км к востоку от Аксу) [318, с. 42]. В Кулу-

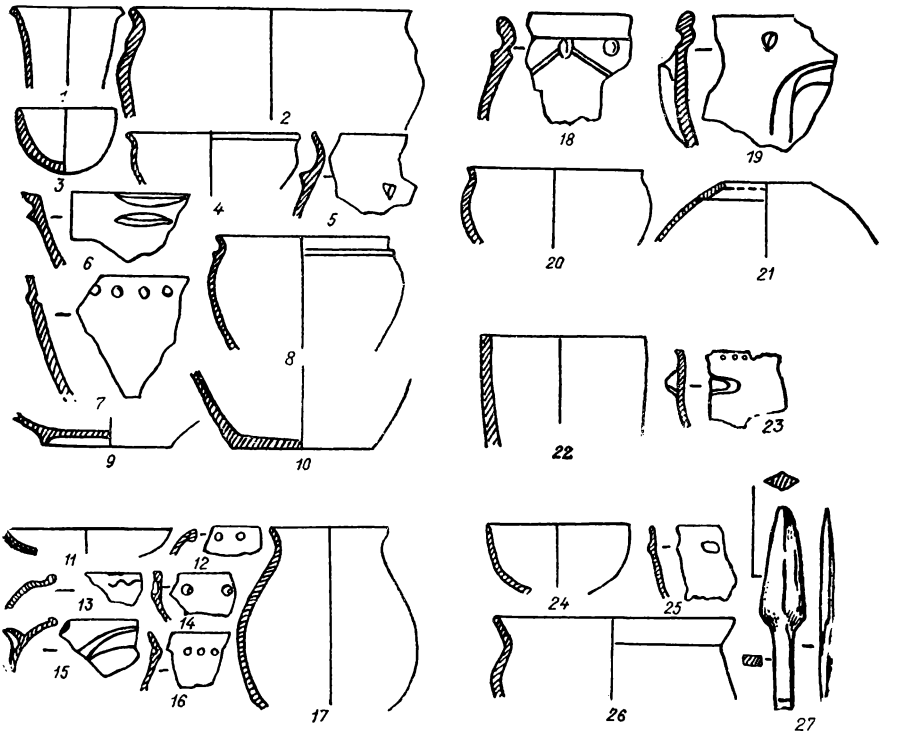

Рис. 20. Керамика и костяные изделия из Акэтала (1—17), Вэньгулокэ (8—21), Кулукэтала (22—23) и Дэволэкэ (24—27): 1 — кубок-*бэй*, 2, 3, 20, 24 — миски-*бо*, 6—8, 14, 19, 25 — миски-*пэнь*, 4 — чашка-*вань*, 5, 16—18, 22, 23, 26— горшки-*гуань*, 9 — поддон, 10 — дно сосуда, 11 — миска-*пань*, 12, 13, 21 — горшки-*вэн*, 15 — котел-*фу*, 27 — костяной наконечник стрелы

кэтала найдена каменная мотыга с отверстием для рукояти (длина 24,9 см, ширина — 6,8—10,3, диаметр отверстия — 4,5 см) [598а, рис. 34]. Оседло-земледельческий характер этих поселений, знакомство их обитателей со скотоводством и использование ими шерсти животных для изготовления тканей не вызывают сомнений.

В 60-е годы проведено исследование могильника в коммуне Кээрмуци в уезде Алтай [600]. Здесь найдены коллективные и индивидуальные захоронения в каменных ящиках и ямах. Погребенные лежали в скорченном положении на боку, животе или спине. Поскольку был опубликован лишь предварительный отчет, пока трудно судить о времени этих захоронений, однако китайские исследователи датировали их эпохой от последних веков I тыс. до н. э. до эпохи Тан. Некоторые находки предполагают более раннюю дату, быть может, они относятся к эпохе бронзы. Так, помимо круглодонных лепных сосудов (датировка которых может быть и поздней) здесь найдены камен-

ные и костяные наконечники стрел, бронзовый нож и, что особенно интересно, две литейные формы, служившие, насколько можно судить по фотографии, для отливки теслообразного орудия и топора.

Итак, можно предполагать, что на территории Восточного Туркестана помимо охотников и рыболовов, культура которых по ряду признаков относилась к мезолиту, в эпоху палеометалла существовали культуры земледельцев и скотоводов. К сожалению, хронологические рамки этих культур остаются пока неясными: возможно, II — начало I тыс. до н. э. Каково же было их происхождение?

В силу природных условий Восточного Туркестана нереально предполагать здесь формирование первичных очагов производящего хозяйства, земледелия и скотоводства. По-видимому, эти прогрессивные формы хозяйства были занесены сюда в готовом виде в ту эпоху, когда в соседних регионах (в частности, в Средней Азии III тыс. до н. э.), где эти формы существовали, создались условия, заставившие часть населения покинуть места своего прежнего обитания и отправиться на поиски новых земель [932, с. 23]. Восточный Туркестан в эпоху, предшествующую времени появления письменных свидетельств, как и позднее, был местом встречи культур и народов разных регионов. Естественно, что для первобытной поры эти контакты документируются с большим трудом, поскольку приходится основываться на отрывочных данных материальной культуры. В настоящее время достаточно хорошо исследованы культуры, базировавшиеся на производящем хозяйстве на соседних с Восточным Туркестаном территориях КНР, а также Советского Союза.

С самого начала исследования земледельческого неолита Китая проблема его происхождения связывалась с влияниями с запада, которые должны были достичь Китая через Восточный Туркестан. Идею о миграции создателей культуры крашеной керамики с Запада в Китай выдвинул Г. Андерссон [736]. В отечественной науке ее поддерживал С. В. Киселев и развивал Л. С. Васильев [158; 159]. С. В. Киселев считал, что элементы анауской культуры Южной Туркмении прослеживаются далеко на востоке, а в орнаментах сосудов, обнаруженных близ Кучи (струйчатая роспись, заштрихованные треугольники), он видел сходство не только с анауской орнаментикой энеолитического времени, но даже с неолитической джейтунской [278, с. 251—252]. В то же время он на основании уже упоминавшихся исследований шведской экспедиции, а также данных Хуан Вэньби предположил, что памятники ганьсуского типа распространялись далеко на запад, доходя до Лобнора [278, с. 252].

Все исследователи, предполагавшие контакты между неолитом Китая и культурами расписной керамики Средней и Центральной Азии, исходили из сходства орнаментальных мотивов. Как признают теперь многие, это сходство преувеличено [784,

с. 512]. Так, в частности, У Уорд считал, что археологические находки свидетельствуют о постоянных связях Китая с Западом вплоть до Средиземноморья, но при этом замечал, что параллели в сравниваемых комплексах носят слишком общий характер, чтобы момент заимствования того или иного явления можно было датировать. Кроме того, он, вероятно справедливо, полагал, что заимствуемые элементы проникали не непосредственно из области своего происхождения, но достигали территории Китая медленно, модифицируясь в пути [1147, с. 133, 140].

Сейчас можно считать признанным, что культура яншао не обязана своим происхождением заимствованиям с Запада: «Мы не располагаем реальными основаниями для того, чтобы, оставаясь на почве объективных фактов, искать прародину культуры яншао или гипотетических групп населения, принявших участие в ее создании, где-то далеко на западе от бассейна Хуанхэ. Анахронизмом выглядит сегодня сравнение этой культуры с анау и трипольем; не может иметь отношения к делу и культура бурзахом в Северной Индии, так как существовала эта культура во второй половине III — первой половине II тыс. до н. э., возникнув более чем на полтора тысячелетия позже яншао» [302; 307, с. 144].

Производящее хозяйство позволило первобытным людям обрести определенную независимость от природы, весьма существенную по сравнению с предшествовавшей эпохой. Увеличение объема производства продуктов питания и их гарантированность приводили к быстрому росту населения. Избыточное население, неспособное прокормиться на старых землях, уходило с насиженных мест на новые, обладая сведениями, необходимыми для освоения угодий. Это расселение шло, конечно, медленно, как, например, в случае с создателями культур крашеной керамики в Китае. Расселяясь, они двигались, как теперь полагают, из бассейна Янцзы в бассейн Вэйхэ (конец V — IV тыс. до н. э.), затем на запад и восток, из современной провинции Шэньси в Хэнань. В начале III тыс. до н. э. носители позднего яншао достигли верхнего течения р. Хуанхэ и заняли территорию современной провинции Ганьсу [307, с. 147—149].

Таким образом, имеющиеся сейчас археологические данные позволяют говорить, что носители культур яншаоского типа связаны происхождением не с отдаленными западными культурами, а со значительно более близкими им южными и что расселение их шло не с запада на восток, как это предполагали первые исследователи, а с юга на север и северо-запад. Насколько можно судить, неолитические мотыжные земледельцы не осваивали систематически земли на запад от Ганьсу. Нельзя исключить отдельных попыток в этом направлении, но, вероятно, природные условия создавали серьезные препятствия. Неясно, в какой степени можно связывать с яншао фрагменты сосудов со штампованным орнаментом, найденные в Астане, близ Турфана. Орнаментика такого типа была распространена на

позднем этапе яншао на территории Ганьсу, но встречается она и на более ранних этапах развития культуры, и на других территориях [274, с. 96—98]. Вероятно, дальнейшие исследования помогут внести ясность в проблему генезиса керамики с углубленным орнаментом из местонахождений в Восточном Туркестане. Необходимо отметить, что такая орнаментация была широко распространена в эпоху бронзы в степных культурах Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

В этих областях керамика с углубленным орнаментом была присуща андроноидным культурам, носителями которых были пастушеские и земледельческие племена. Они обитали в степях и вели относительно подвижный образ жизни. В конце II — начале I тыс. до н. э. памятники с керамикой андроноидного типа располагались вдоль нынешней советско-китайской границы в Казахстане и далее до Ферганской долины [183; 184; 540, рис. 20]. Аналогичная керамика и сопутствующий ей комплекс металлических изделий происходит из Кайраккумов [349]. На востоке Средней Азии, на Восточном Памире и в Центральном Тянь-Шане также обнаружены памятники, принадлежавшие степным андроноидным племенам. К ним относятся, в частности, могильник Бурмачап на р. Арпа [129, с. 19—20; 336, с. 40; неопубликованные находки М. А. Бубновой] и могильник в долине Таласа [182; 287]. Найденные здесь бронзовые предметы обнаруживают явное сходство с южноказахстанскими и датируются эпохой поздней бронзы [311, с. 94—96]. В связи с культурами бронзового века Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири представляют интерес находки отдельных бронзовых предметов в Восточном Туркестане. Таковы два топора из уезда Гунлю, относимые в китайской публикации, по-видимому, ошибочно, к эпохе Чжаньго [598а, рис. 88]. Они принадлежат к вислообушным топорам с гребнем, которые характеризуются длинным, прямым, обычно шестигранным лезвием, вислым обухом, овальной втулкой с валиком в нижней части, переходящей на обушке в гребень [311, с. 12—13]. Такие топоры специфичны для Восточного Казахстана, северо-востока Средней Азии, Алтая (аналогичные изделия найдены также на оз. Иссык-Куль, в Кайраккуме, Ново-Петровском и Сукулуке) [311, табл. 2/206а, с. 23, табл. 12; 311, табл. 2]. Время их бытования — середина — вторая половина II тыс. до н. э. К тому же времени относятся долота, аналогичные найденному в уезде Гунлю [598а, рис. 87]. Долота эти желобчатые, с узким желобком и конической втулкой, снабженной валиком. Подобные изделия найдены на территории СССР в Сукулуке и Садовом [311, с. 26, табл. 3, рис. 3—5]

Углубленный (штампованный) орнамент присущ и керамике карасукской культуры Южной Сибири, носителей которой относят по антропологическим признакам к памиро-ферганскому типу [543, с. 6]. Примечательно, что ножи карасукского типа были найдены в Восточном Туркестане в сел. Чун на канале

Чанъухэ; они хранились в Историческом музее Пекина, где их видел, а затем и опубликовал С. В. Киселев [278, с. 205]. Бронзовый нож с дугообразным обухом и двукольчатым навершием (общая длина — 36 см, длина рукояти — 13,5 см) найден в коммуне Хуаюань (уезд Хами). Этот тип карасукских ножей известен в Минусинской котловине и в Забайкалье, отдельные экземпляры найдены в Монголии [205а, с. 14, табл. 5, рис. 1].

В середине II тыс. до н. э. племена Средней Азии и Южной Сибири переходят к скотоводству, осваивают бронзу. Становятся более тесными контакты между отдельными областями, о чем свидетельствует бытование у их насельников сходных форм вооружения, орудий труда, утвари. Сейчас становится все яснее, что сходство элементов материальной культуры населения Южной Сибири, Центральной Азии и иньского Китая — результат постоянных контактов [174; 403]. Полагают, что именно в итоге таких контактов в иньском Китае появились, например, колесницы [288, с. 138]. Примечательно, что на территории Восточного Туркестана не обнаружено материалов, позволяющих предполагать, что связи между Средней Азией, югом Сибири и Китаем осуществлялись через эту обширную, но трудную для перемещения область. Есть предположение, что обмен культурными достижениями происходил в основном не через Восточный Туркестан, а через лесостепную зону Азии [153]. Весьма вероятно, что Восточный Туркестан в это время был заселен очень неравномерно. Люди обитали в местах, где было возможно заниматься примитивным земледелием и разведением скота, а также охотой и рыболовством. Обширные засушливые пространства перестали быть препятствием лишь для коневодов, кочевников более позднего времени.

Выше мы упоминали ряд местонахождений в Восточном Туркестане, где были обнаружены лепная расписная керамика — типологически ранний признак — и металлические орудия — признак относительно поздний. В Средней Азии проблема формирования расписной керамики времени поздней бронзы связана с изучением взаимоотношений культур степного типа и культур оседлых земледельцев. Одна из культур с лепной расписной керамикой располагалась в непосредственной близости от границ Восточного Туркестана — это чустская культура Ферганской долины [250]. Несмотря на знакомство с расписной керамикой, преобладала нерасписная, с красным ангобом и серолощеная. Кухонные сосуды были сероглиняными. Изготовляли круглодонные кувшины, высокие кубкообразные конические сосуды, миски с выделенной шейкой, полусферические чаши, чаши со сливом. Орнамент наносился черной краской — полосы и ленты, заполненные косой сеткой, треугольники, ромбы.

Подобные орнаменты на лепных сосудах обнаружены во многих поселениях южных и центральных районов Средней Азии и Северного Афганистана: в комплексе Яз I на юге Туркмении

[380], Кучук I на юге Узбекистана [100], в долине Зеравшана [99], в частности в интереснейшем поселении Саразм неподалеку от Пенджикента [265; 266], в Тиллятепе на севере Афганистана [496], Ташкентском оазисе и др.

Ю. А. Заднепровский отмечал сходство чустской керамики и расписной и серолощеной керамики из Северо-Западного Китая [250, с. 67, 106—107]. Однако это сходство имеет слишком общий характер, чтобы на его основании можно было делать выводы о наличии каких-либо контактов между обитателями столь отдаленных друг от друга областей. Кроме того, культура мачан, с керамикой которой усматривалось сходство, сейчас считается на тысячелетие старше чуста [307, с. 110].

В чустской культуре существовали предметы еще одной категории, представляющие интерес в связи с проблемой возможных контактов с населением Восточного Туркестана — каменные ножи серповидной формы. В одном из основных поселений названной культуры их найдено несколько сотен. Чустские ножи не только по форме, но и по размерам (около 15×4,2××0,8 см) [512, с. 200] близки собранным в уездах Шуфу и Аксу. Каменные серповидные ножи встречены также в поселении Кучуктепа [100, с. 60—61], где обнаружены и бронзовые орудия подобной формы. Бронзовые ножи этого типа с отверстиями в рукоятке найдены в Чустском поселении, в Анау, в ряде памятников Восточного Казахстана и Южной Сибири конца II — начала I тыс. до н. э. [313, табл. 11, 18—22, 25—27].

Ю. А. Заднепровский, усматривая аналогии этим орудиям в случайной находке близ г. Аксу и в иньской культуре, считал возможным выводить эту форму именно из иньского Китая [250, с. 76; 335, с. 263]. С. В. Киселев отмечал, что крупные ножи-серпы подпрямоугольных очертаний, изготовленные из сланца, бытовали еще в культуре мяодигоу [278, с. 284]. Вообще, находки орудий такого рода распространены слишком широко, чтобы их происхождение можно было связывать с определенной культурой. На сходство между бронзовым «косарем» из поселения Алексеевское на Тоболе в Кустанайской области и предметами из сосново-мазинского клада указывала О. А. Кривцова-Гракова [298, с. 95, рис. 27, фиг. 3, с. 103]. Е. Е. Кузьмина, считая основной зоной распространения бронзовых ножей (или серпов-косарей) степи Заволжья и Казахстана, датирует их XII—VIII вв. до н. э. [311, с. 55]. Эти массивные орудия служили, видимо, не серпами, а, как предположила В. В. Гольмстен, косарями для расчистки пойменных участков под посевы [195, с. 32].

Неясно, свидетельствуют ли о связях с Китаем находки остатков шелковых тканей в нескольких погребениях на поселении Саппаллитепа на юге Узбекистана [97, с. 133—134], поскольку известно, что коконы тутового шелкопряда найдены в поселениях культуры яншао. Пока невозможно сказать, есть ли генетическая связь между бронзовыми печатями, собранными

христианскими миссионерами в 20-х годах нашего века в Ордосе [1032], и печатями среднего и позднего бронзового века с юга Средней Азии и севера Афганистана. В форме и орнаментике тех и других варьирует мотив креста с расширяющимися рукавами (гаммированный крест). Высказывалось предположение о принадлежности найденных в Китае печатей несторианам, однако оно поставлено под сомнение, поскольку гаммированный крест не был христианским символом [866, с. 279]. Обстоятельства обнаружения этих интересных предметов в Китае неясны; в Средней Азии они, безусловно, принадлежат местной традиции. Очевидно, что лишь находки аналогичных вещей в Восточном Туркестане (где они пока не обнаружены) — и лишь в определенном археологическом контексте — могут пролить свет на проблему появления их в Китае [932, с. 22]. Именно в связи с вероятностью таких находок П. Амье предполагал возможным отодвинуть дату формирования Великого шелкового пути к эпохе бронзы [733, с. 120]. Нельзя исключить и возможность независимого появления печатей с крестообразными и другими подобными мотивами в Средней Азии и Китае, так как в обеих странах с ними связаны представления о мифологизированных четырех сторонах света, широко распространенные в различных регионах, взаимосвязи между которыми маловероятны или вообще невероятны [93, с. 14—16].

Несмотря на малую исследованность Восточного Туркестана, благодаря интенсивным раскопкам памятников II — начала I тыс. до н. э. на территории Средней Азии есть все больше оснований предполагать не только контакты, но и миграции из восточных областей Средней Азии в Восточный Туркестан. Середина — вторая половина II тыс. до н. э. в Средней Азии и соседних областях отмечена движением больших масс населения. Возможности развития старых земледельческих областей на юге на прежней хозяйственной основе, видимо, были исчерпаны, что вынуждало людей переходить на новые территории, а на старых — все более развивать скотоводство. Достижения земледельческой культуры с ее долговременными поселениями и монументальной архитектурой, высокоразвитой металлургией и гончарством продвигаются на север; земледельческая культура проникает в нынешний Узбекистан и в долины Таджикистана [94; 168; 169; 347].

В то же время с севера на юг и на восток продвигались племена степных скотоводов, которых большинство исследователей связывают с индоиранцами[1]. В 1956 г. В. М. Массон высказал мнение о возобновлении традиции расписной керамики в Южной Туркмении (Яз I) в результате влияния украшенной углубленным орнаментом керамики андроновского типа [382,

[1] Такая точка зрения является в настоящее время преобладающей [507; 555], но не единственной. В. И. Сарианиди считает возможным полагать, что носители иранских языков двигались в Среднюю Азию не с севера, а с юго-запада, с территории нынешнего Ирана [496].

с. 313]. Действительно, среди орнаментов того и другого комплексов распространены заштрихованные треугольники, ромбы, полосы.

Можно думать, что в результате столкновения и взаимовлияния культур двух хозяйственных типов — степной, по преимуществу скотоводческой, и оседло-земледельческой — сформировался тот комплекс, который характерен для ряда культур эпохи поздней бронзы: лепная керамика архаичного облика с примитивной росписью, развитая металлургия бронзы, относительно небольшие поселения, население которых занималось земледелием и скотоводством. В то же время формируется тип кочевого скотоводческого хозяйства.

Взаимоотношения продвигающихся с севера племен и местного населения на протяжении многих столетий, вероятно, складывались по-разному. Видимо, были ситуации, когда недавние пришельцы, вступившие в контакт с местным населением и смешавшиеся с ним, вынуждены были переселяться на новые земли, теснимые новыми волнами переселенцев. Какая-то часть двинулась не на юг, а на восток, приспособившись к условиям горного скотоводства, по достоинству оценив высокогорные пастбища Памира и Тянь-Шаня. Продвигались они и на территорию современного Восточного Туркестана, пользуясь традиционными путями — Джунгарскими воротами, долиной р. Или. Возможно, в Восточный Туркестан продвигались и носители карасукской культуры, следы присутствия которых известны во Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии, Ордосе [543].

О том, что продвижение индоевропейцев в Восточный Туркестан имело место уже в бронзовом веке, можно судить не только по археологическим данным. Известно, что здесь в пору, предшествовавшую переселению индоиранцев, появляются носители языков, потомки которых известны как тохары. Древние тохарские языки, по мнению лингвистов, принадлежат к числу самых архаичных языков индоевропейской семьи; они могут быть сопоставлены с хеттским. Характерно, что они обнаруживают следы контактов с дравидийскими языками [297, с. 80]. Между тем есть мнение о дравидоязычности древнеземледельческого населения юга Средней Азии [141; 335; 347; 381]. Возможно, приход индоиранцев или какие-то иные передвижения, пока не идентифицируемые археологически, вынудили прототохаров покинуть Среднюю Азию и продвинуться в Восточный Туркестан, где они расселились сначала на западе региона, а потом продвигались к востоку по долинам рек. Их потомки оставили документы и памятники материальной культуры, относящиеся уже к эпохе железа.

Глава 4

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Проблема этнической и культурной истории Восточного Туркестана в I тыс. до н. э. (по археологической периодизации — в раннем железном веке) имеет принципиальное значение для воссоздания общей картины исторических судеб этого региона. Дело в том, что именно данный период — эпоха, когда впервые в мировой истории обширные пространства Евразии, в том числе в определенной мере и центральноазиатские области, попадают в поле зрения носителей письменных цивилизаций — древнеперсидской, ассирийской, античной, индийской, китайской. Это обстоятельство обеспечивает существование хотя и малочисленных и фрагментарных, но все же весьма существенных письменных свидетельств об обитателях Евразии, об их этнической и географической номенклатуре, о некоторых фактах их истории. Таким образом, I тыс. до н. э. можно рассматривать как начало *исторического* периода в жизни всей Евразии, и в частности Восточного Туркестана.

Не приходится, однако, переоценивать объем и историческую информативность подобных свидетельств ввиду их случайности и зачастую неясности. Поэтому любая историческая интерпретация этих свидетельств требует привлечения широкого спектра дополнительных данных, максимально возможного использования археологических материалов и порой ретроспективных построений. В частности, воссоздание этноисторической ситуации, существовавшей в Восточном Туркестане в I тыс. до н. э., должно осуществляться в тесной связи с анализом двух значительно более широких проблем — вопроса о происхождении и расселении народов ираноязычной группы и вопроса о скифо-сакской этнокультурной общности.

Связь рассматриваемой в данной главе темы с названными проблемами предопределена находками на территории Восточного Туркестана многочисленных документов на хотано-сакском языке и на некоторых других диалектах той же языковой группы [511, с. 233—234]. Большинство этих документов относится к значительно более позднему периоду — преимущественно к VII—X вв.; лишь некоторые из них, возможно, есть основания датировать несколько более ранним временем — IV—V вв. Однако как лексико-морфологические особенности языков этих документов, так и историко-лингвистические соображения более общего порядка заставляют полагать, что сам факт существо-

вания этих текстов оказывает существенное влияние на интерпретацию этноисторической ситуации, существовавшей в Восточном Туркестане в более раннее время — в I тыс. до н. э.

Подробную лингвистическую характеристику и историческую интерпретацию упомянутых текстов, а также сведения об истории их изучения читатель найдет в разделах монографии, посвященных языкам эпохи раннего средневековья. Сейчас же ограничимся самыми краткими сведениями, непосредственно связанными с проблемой этнической истории Восточного Туркестана в I тыс. до н. э. Тексты на хотано-сакском языке найдены в западной части Восточного Туркестана, главным образом в Хотанском оазисе; близкие ему языки существовали в ту же эпоху в смежных районах (Тумшук, возможно — Кашгар) [192, с. 15—16; 437, с. 8; 511, с. 233]. Отдельные слова, заимствованные из языка, близкого к хотано-сакскому, зафиксированы в районах, примыкающих к Хотану с востока, и в значительно более ранний период (II—III вв. н. э.) [192, с. 35]. Уже одни эти данные свидетельствуют о пребывании на территории Восточного Туркестана носителей данной группы языков по крайней мере с начала I тыс. н. э. А потому первостепенное значение приобретают вопросы о времени появления данных этносов в Восточном Туркестане, о том, являются ли эти племена его автохтонными обитателями, или они пришли сюда извне, и если да — то когда и откуда. Вопрос этот проясняется данными об этнолингвистических связях интересующего нас населения.

На ранней стадии исследования хотано-сакского языка была отмечена его определенная близость к языку племен, проникших в I в. до н. э. из Средней Азии и сопредельных областей на территорию Северной Индии и создавших там ряд самостоятельных государственных образований [142, с. 475—476]. Племена эти в индийских источниках именуются «шака», а в китайских — «сэ», что идентично термину «сака» древнеперсидских и «саки» σάκαι) древнегреческих текстов. Именно это обстоятельство и послужило первоначально одним из главных оснований для именования всех наречий Восточного Туркестана данной группы сакскими. Впоследствии их близость к другим иранским языкам «сакского ареала» была подтверждена тщательными лингвистическими изысканиями, в первую очередь трудами Г Бейли. Приходится поэтому обратиться к вопросу об истории и истинном содержании этнонима «саки».

Как уже сказано, этноним этот в различном оформлении представлен в разноязычных источниках I тыс. до н. э. Наиболее детальную картину расселения сакских племен в это время дают древнеперсидские тексты, наряду с общим этнонимом упоминающие различные группировки сакских племен: саков тиграхауда (остроша почных), саков хаумаварга, саков, «которые за Согдом», и саков заморских. Проблема конкретной локализации каждой из этих группировок до сих пор остается весьма дискуссионной, причем расхождения толкований порой очень

значительны [336, с. 158]. В целом же территория, с которой связывается обитание саков, протянулась от Северного Причерноморья на западе (где некоторые исследователи помещают саков заморских, отождествляя их со скифами в конкретно-историческом, а не в применявшемся с древности расширительном понимании последнего этнонима [1129, с. 10—16]) до восточных областей Средней Азии, включая Памир, а иногда и до Восточного Туркестана, в пределах которого, к примеру, Ф. Зарре и Э. Херцфельд локализуют часть саков тиграхауда [1087, с. 30], а Б. А. Литвинский помещает часть саков хаумаварга [336, с. 174].

Античные авторы, заимствовавшие этноним «саки» скорее всего из персидской традиции, применяли его лишь к обитателям азиатской части этого обширного региона, именуя европейские племена скифами и этот же последний термин используя в качестве общего названия всей данной группы народов. При этом и они осознавали этнокультурную близость всех составных частей группы сакских племен, что нашло наиболее наглядное выражение в замечании Геродота (VII, 64), что персы всех скифов зовут саками.

Приведенные данные, дополняемые сведениями индийских и китайских источников, свидетельствуют, что древние авторы называли саками (с теми или иными вариациями) широкий круг народов евразийского степного пояса и примыкающих регионов, который в современной научной литературе обозначается терминами «скифо-сибирское культурно-историческое единство» или «скифский мир» [559, с. 95—96].

Возникает, однако, вопрос, в какой мере аутентично именование населения всего этого региона саками, т. е. для каких народов этот этноним являлся самоназванием, а на какие распространялся лишь инокультурными наблюдателями, исходившими из определенной хозяйственной и культурной (а в отдельных случаях, видимо, и этноязыковой) близости этих народов. В научной литературе предлагались различные толкования этой проблемы. Так, в одной из новейших работ высказывается предположение, что этноним «саки», имевший общее значение «кочевники», сложился в ахеменидском Иране для обозначения подвижных племен северной окраины известной в ту эпоху ойкумены, противопоставляемых оседлому населению Ближнего Востока [1129, с. 45], и, таким образом, всецело является «иноназванием»[1] Напротив, И. В. Пьянков, автор одной из наиболее подробных в отечественной литературе работ по этой проблеме, полагает, что термин «сака» был первоначально самоназванием относительно небольшой части среднеазиатских племен — той, что обитала скорее всего «от Семиречья на севере до Гиндукуша на юге» [461, с. 14—17]. Именно с этими племенами, по его мнению, персы познакомились ранее, чем с дру-

[1] О понятиях «самоназвание» и «иноназвание» см. [226, с. 90].

гими обитателями Средней Азии, и их самоназвание сделали обобщающим наименованием всех близких по культуре и хозяйственно-бытовому укладу племен региона (Plin. VI, 50). От них такое расширительное употребление термина восприняли и греки [461, с. 17—18].

Против обоих этих толкований имеется, однако, серьезное возражение, весомость которого признавал сам И. В. Пьянков [461, с. 18] Дело в том, что срёди ассирийских текстов имеется надпись Ашшурбанипала (669—633 до н. э.), в которой «царем саков» или «царем страны Сака» именуется Тугдамме (Лигдамис античных авторов) — вождь проникших в Переднюю Азию из Северного Причерноморья киммерийских племен [517, с. 240—241]. Если это чтение верно[2], то совершенно очевидно, что абсолютно невозможно ни столь раннее употребление в Месопотамии применительно к степным племенам названия, данного им персами, ни перенесение ассирийскими писцами на различные племена Евразии в качестве обобщенного их обозначения самоназвания далекого (по сути, совершенно здесь неизвестного) среднеазиатского народа. Из изложенного сделан справедливый, на наш взгляд, вывод, что этноним «сака» был распространен и «среди населения степей Юго-Восточной Европы уже в VIII—VII вв. до н. э.» [203, с. 83]. Вследствие этого, а также учитывая признаваемую большинством исследователей этногенетическую близость скифов и киммерийцев [199; 225; 227], есть все основания полагать, что в качестве самоназвания интересующий нас этноним использовался значительно более широким кругом народов «скифского мира», чем это следует из концепции И. В. Пьянкова, — многими (если не всеми) из тех племен, которые именовались так в инокультурных источниках. Поэтому то обстоятельство, что именно так назывались в индийской и китайской традиции народы, вторгшиеся в Индию, вполне может отражать не столько инокультурное расширительное, сколько аутентичное употребление этого этнонима. В таком случае отмеченная близость языков индийских саков-шака, с одной стороны, и языка восточнотуркестанских текстов, — с другой, не позволяет исключать возможности, что именование указанных текстов сакскими — отнюдь не чисто условное допущение; оно в известной мере отражает реальную принадлежность интересующих нас обитателей Восточного Туркестана к сакам[3].

В свете сказанного становится ясно, что этническую ситуа-

[2] В некоторых работах последнего времени это чтение было оспорено: вместо «царь саков» или «царь страны Сака» предлагается читать титул Тугдамме как «царь горного народа» [358, с. 176]. Не будучи компетентными в лингвистической стороне проблемы, отметим лишь, что подобное обозначение именно для царя степняков-киммерийцев выглядит достаточно неожиданным. По устному сообщению Э. А. Грантовского, предлагаемое К. Мазетти чтение встречает и чисто лингвистические трудности.

[3] «Слово „сак" как самостоятельное в хотано-сакских текстах не засвидетельствовано, но встречается в качестве прилагательного» [342, с. 84].

цию, существовавшую в Восточном Туркестане в I тыс. до н. э., следует рассматривать в широком контексте вопросов этногенеза скифо-сакских народов. Их решение должно базироваться преимущественно на данных сравнительного языкознания, поскольку письменными свидетельствами о происхождении и расселении этих народов мы практически не располагаем. Ключевым здесь является то признанное в науке положение, что все связываемые с данными этносами тексты или хотя бы отдельные имена и топонимы, сохранившиеся в иноязычной передаче, надежно определяются как принадлежащие к восточноиранской ветви индоиранской группы индоевропейской семьи языков. Это заставляет при освещении интересующего нас вопроса кратко остановиться на проблеме происхождения и распространения языков указанной ветви.

Вопрос о том, на какой территории происходило их формирование, равно как и других языков иранской (и шире — индоиранской) группы, в последние десятилетия интенсивно разрабатывался в отечественной и мировой науке, хотя во многом еще остается дискуссионным. При любом из предлагающихся его толкований не вызывает, однако, сомнений, что в Восточном Туркестане носители этих языков были пришельцами. Но когда и откуда они пришли сюда? Сторонники различных локализаций прародины ираноязычных народов единодушны в том, что эта прародина должна помещаться в более западных, чем Центральная Азия, областях. Но более конкретное определение ее пределов вызывает споры. Длительное время прародиной всех иранцев считалась территория Средней Азии, где к началу исторической эпохи мы застаем многие народы восточноиранской языковой группы [437, с. 50]. Однако в последнее время развернутую аргументацию получила концепция, согласно которой сложение индоиранской, а позднее собственно иранской группы языков протекало еще западнее — в Юго-Восточной Европе[4]. Точно так же существовавшее в последующий период —

---

[4] Данной проблеме посвящены, например, работы В. И. Абаева, Э. А. Грантовского. Их концепции аргументируются, в частности, существованием во всех индоиранских языках отчетливых изоглосс как с индоевропейскими языками Европы, так и со всем массивом угро-финских языков Евразии, прослеживаемых на общеарийском, общеиранском и восточноиранском уровнях.

В самое последнее время Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов выдвинули иную концепцию места и времени формирования всех индоевропейских языков, в том числе индоиранских, а также путей их распространения [185; 186]. Эта гипотеза еще не подверглась всестороннему обсуждению в научной литературе (см. [228; 332]). Между тем она требует именно комплексного анализа, а не подтверждения или опровержения отдельных ее положений. Представляется, что доводы авторов данной концепции не опровергли аргументов, на которых базируется изложенное выше мнение о Юго-Восточной Европе как области формирования индоиранских языков и народов. Не будучи компетентными в лингвистической стороне проблемы, отметим, что концепция Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова вызывает серьезные возражения историко-археологического плана [312, с. 105].

после отделения западноиранских (протомидийских, протоперсидских и иных) племен — восточноиранское единство, согласно этой концепции, «не представляется возможным локализовать далеко на востоке, в Средней Азии и тем более в ее восточных районах» [203, с. 81]. В частности, анализ языков упомянутых текстов из Восточного Туркестана позволил исследователям отнести предков оставивших их племен к киммерийско-скифской ветви иранских народов, населявшей Юго-Восточную Европу во второй половине II — начале I тыс. до н. э. [78, с. 33]. Именно народы данной ветви в I тыс. до н. э. расселились по обширным пространствам евразийских степей и смежных с ними территорий. К их числу относятся и предки восточнотуркестанских саков. Ряд исследователей полагают, что некоторые характеристики сакских диалектов Восточного Туркестана свидетельствуют о достаточно раннем отделении их носителей от других народов скифо-сакского круга, реликты языков которых нам сколько-нибудь известны. Это позволило, к примеру, В. И. Абаеву считать, что эта группа племен не позднее первой половины I тыс. до н. э. «отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на Восток, до рубежей Китая» [78, с. 37]. В таком случае эта полученная по лингвистическим материалам дата и должна рассматриваться как наиболее вероятное время появления саков на территории если не самого Восточного Туркестана, то соседних с ним областей. Л. Г Герценберг же полагает, что в Восточный Туркестан саки проникли в ходе той их миграции, которая привела их и в Индию; по его мнению, «очевидно, во время переселения из Средней Азии на юг одно из ответвлений устремилось на восток, вдоль северной границы Тибета» [511, с. 233]. В этой связи Л. Г Герценберг упоминает и свидетельства китайских источников, относящих основание Хотана к III в. до н. э.

Итак, ретроспективный анализ историко-лингвистических данных приводит к выводу о высокой вероятности того, что уже в I тыс. до н. э. в Восточном Туркестане обитали племена восточноиранской группы, продвинувшиеся сюда из Юго-Восточной Европы, этнически и культурно близкие народам, обитавшим в тот же период в евразийских степях. Для проверки и по возможности конкретизации этого вывода требуется привлечение сведений иного характера.

Обратимся в этой связи в первую очередь к данным этно- и топонимики. Как известно, самоназванием носителей хотано-сакского языка являлся термин hvatana, родственный топониму «Хотан». История этого последнего наиболее подробно рассмотрена П. Пеллио [1029, т. 1, с. 408], отмечавшим, что, судя по китайским источникам, он известен по крайней мере со II в. до н. э. [1029, т. 1, с. 412]. Его древнейшую форму французский ученый восстанавливает как *Gostāna и трактует как Place (or country) of the *Gow. Для последнего элемента он не предлагает определенного толкования, хотя отмечает, что он

может быть именем страны или народа [1029, т. 1, с. 412—413]. Однако, по наблюдениям Г. Бейли, термин hvatana исконно служил этнонимом, а для образования хоронима к нему прибавлялся элемент Ksīra — «страна» [746, с. 502]. В свете этого предположение П. Пеллио, что сам термин hvatana включает элемент stana, с тем же значением, выглядит маловероятным.

В этой связи наше внимание должен привлечь упоминаемый Птолемеем (VI, 15, 3) народ «хаты-скифы» (Χάται σκύθαι). В научной литературе справедливо указывалось на необходимость крайней осторожности при использовании данных этого источника для реконструкции этногеографической ситуации в древнем Восточном Туркестане.

По словам П. Пеллио, любая идентификация приводимых Птолемеем названий большей частью весьма приблизительна, и потому следует воздерживаться от догматизации любых гипотез [1029, т. 1, с. 413]. Прав и И. В. Пьянков, указывающий, что любые данные античной традиции могут быть приурочены к Восточному Туркестану лишь в значительной мере условно (подробнее см. гл. 5). Тем не менее представляется правомерным в качестве предварительной гипотезы провести некоторые сопоставления.

А. Герман отождествлял хатов-скифов Птолемея с xatis Scythae Марина Тирского, отмеченных на таблицах Пейтингера [885, с. 124]. На сомнительность такого отождествления указал И. В. Пьянков, предложивший, думается, более убедительное сопоставление последнего этнонима. Г Гумбах [908, с. 96] видит в хатах производное (испорченное?) от термина «авхаты» (Αὐχάται), сохраненного как название одного из «родов» причерноморских скифов Геродотом (IV, 6), а в форме «авхеты» (Auchetae) [1042, 4.6, с. 22] — как название одного из обитавших на Гипанисе народов — Плинием (IV, 88; VI, 22). Однако здесь следует учитывать убедительность этимологии термина «авхаты», предложенной В. И. Абаевым [77, с. 186] и семантически объясненной Э. А. Грантовским [203]. Э. А. Грантовский включил этот термин, обозначавший жреческую сословно-кастовую группу, в системный анализ скифской социально-космологической модели. Согласно этому толкованию, греческое Αὐχάται передает иранское *vahu-ta — «благие». В таком случае гипотеза Г Гумбаха об отражении в этнониме «хаты» усеченной формы данного термина предполагает полную утрату исконного его смысла, что вряд ли могло произойти в ираноязычной среде. Поэтому такое толкование правомерно лишь при допущении, что само это усечение было осуществлено лишь в рамках античной традиции. Но тогда сохраненный Птолемеем этноним вообще не отражает подлинной этнической номенклатуры интересующего нас района.

Такому предположению противоречит, однако, несомненная близость этнонима «хаты» к самоназванию носителей хотано-

сакского языка hvatana и к топониму «Хотан»[5] Трудность для их отождествления представляет главным образом наличие греческого χα- при иранском hva-; однако примеры такой передачи исконного иранского hv в иноязычных текстах достоверно засвидетельствованы в аккадском языке [203, с. 98] и даже в самом греческом [77, с. 153]. Сближение интересующих нас этнонимов с фонетической точки зрения не порождает трудностей.

Правомерность такого сближения подтверждается и данными о локализации птолемеевых хатов, конечно, в той ограниченной мере, в какой данные этого источника вообще поддаются сопоставлению с реальной картой Центральной Азии. По Птолемею, хаты принадлежат к числу обитателей «Скифии за Имаем», т. е. самой восточной части того обширного евразийского региона, который античная традиция отводила племенам скифского круга. На востоке этот район Скифии, по Птолемею, граничит с Серикой. Для более конкретной локализации хатов воспользуемся последней — весьма тщательной и достаточно авторитетной — реконструкцией Птолемеевой карты восточной части ойкумены, осуществленной И. Ронка [1073]. Северным соседом хатов-скифов, согласно этой карте, опирающейся в данном пункте на прямое указание Птолемея, является страна Кация, в современной науке традиционно и вполне убедительно отождествляемая с Кашгаром. В широтном направлении зона обитания хатов примерно соответствует границе между Согдианой и Бактрианой, а в меридиональном — Индии за Гангом. Таким образом, практически все имеющиеся в нашем распоряжении ориентиры дают веские основания для локализации хатов-скифов Птолемея как раз на территории современного Хотана. Не следует проходить мимо этой ценной информации, свидетельствующей в пользу того, что именно название упомянутого Птолемеем народа явилось тем этнонимом, который, по Г. Бейли, лег в основу как самоназвания носителей хотано-сакского языка, так и топонима «Хотан». В совокупности со сведениями китайских источников этот пассаж Птолемея как будто указывает, что уже на рубеже новой эры предки создателей средневековых хотанских текстов, имевшие уже то же самоназвание, что и в более позднюю эпоху, обитали на той же территории. Этот вывод вполне согласуется с ретроспективной интерпретацией историко-лингвистической ситуации.

Для дальнейшей проверки и конкретизации полученных выводов необходимо обращение к археологическим материалам. Данная категория источников вообще весьма важна при изучении истории народов скифо-сакского круга. С одной стороны, памятники материальной культуры I тыс. до н. э. как из евра-

[5] Идентичность хатов-скифов Птолемея хотанцам предполагал еще В. В. Григорьев [206, с. 64, 69], не располагавший еще ни текстами на хотано-сакском языке, ни тем более сведениями о самоназвании его носителей. Обнаружение этих материалов, естественно, принципиально по-новому освещает эту гипотезу.

зийских степей, так и с примыкающих к ним территорий подтверждают наличие определенной этнокультурной близости между населяющими всю эту зону народами,— близости, постулируемой на основе рассмотренных выше данных лингвистики и этнонимии. Поскольку же данные письменной традиции и лингвистические материалы не позволяют определить точные границы ареала саков (I тыс. до н. э.) и надежно локализовать на карте отдельные их группы, то в известной мере восполнить этот пробел позволяет лишь археология.

В то же время нельзя не учитывать, что существует реальная опасность переоценить этноисторическую информативность археологических материалов скифо-сакского времени из евразийских степей. Как известно, культурная близость различных народов этого ареала проявляется в археологическом материале по преимуществу лишь в бытовании сравнительно унифицированных форм некоторых категорий инвентаря. Чаще всего в этом смысле привлекается так называемая скифская триада — предметы вооружения, элементы конского убора и памятники искусства, выполненные в «зверином стиле». В последнее время некоторыми исследователями было высказано мнение, что круг черт, сближающих между собой культуры различных частей степного пояса, должен быть несколько расширен [300, ч. 1, с. 121; ч. 2, с. 96]. Но и с учетом данной поправки не приходится доказывать, что этот круг достаточно ограничен и включает по преимуществу те категории предметов, которые наиболее легко заимствуются из культуры в культуру вне зависимости от этнической принадлежности их носителей, особенно в условиях характерного для интересующих нас народов кочевого уклада [200, с. 92; 209, с. 18]. Эти-то культуры, занимавшие в совокупности весьма обширную территорию и характеризовавшиеся, в частности, указанными сходными элементами, первоначально получили в археологической литературе наименование скифских культур, или культур скифского типа. Позже различные исследователи неоднократно обращали внимание на надэтническую природу этого культурного единства и на различный генезис народов, в него входящих. Однако тенденция к прямолинейному отождествлению этого единства с тем или иным этносом в определенной мере проявляется в археологии и до настоящего времени. При этом на смену типичному для предшествующего этапа расширительному употреблению термина «скифы» зачастую приходит столь же широкое употребление этнонима «саки». Так, существует тенденция любой из народов восточной части евразийского степного пояса, культура которого принадлежит к указанному кругу, именовать саками, причем не условно, а в сугубо конкретном этническом смысле со всеми вытекающими отсюда следствиями в отношении этнокультурной интерпретации археологического материала. К примеру, в одном из последних исследований М. И. Артамонова [95] саками без каких-либо оговорок именуются и жители степных областей

Средней Азии, и обитатели юга Западной Сибири, и носители пазырыкской культуры Алтая, и племена, создавшие тагарскую культуру Минусинской котловины. А. И. Мартынов [379, с. 10], полагая, что «скифо-сибирское культурное единство» имело этническую основу, относит большинство входивших в него племен и народов к «индоиранской языковой ветви». А. Д. Грач [204, с. 29, 95] характеризует это единство как «иранскую скифо-сако-юэчжийскую степную ойкумену». Разумеется, в свете всего сказанного выше такая этноязыковая атрибуция евразийских степных народов I тыс. до н. э. отнюдь не исключена. Речь идет лишь о том, что крайне рискованно постулировать ее лишь на основе указанных унифицирующих археологических признаков, без какой-либо дополнительной опоры на лингвистические или исторические данные (хотя бы и весьма скудные) [6].

Все сказанное необходимо иметь в виду при реконструкции этноисторической ситуации, существовавшей в Восточном Туркестане в I тыс. до н. э., в частности при этнической атрибуции происходящих из региона археологических материалов. Однако археологические материалы, относящиеся к интересующим нас территории и эпохе, достаточно скудны. К тому же они в основном не обладают необходимыми для полноценной этнокультурной интерпретации свойствами: планомерных раскопок памятников раннего железного века здесь фактически не проводилось; мы располагаем по преимуществу лишь разрозненными материалами из случайных поверхностных сборов, осуществлявшихся в первой четверти нашего века экспедицией А. Стейна и некоторыми другими иностранными исследователями. Материалы из раскопок китайских археологов последних десятилетий довольно труднодоступны и, насколько можно судить, также освещают главным образом иные исторические периоды. Археологические же материалы I тыс. до н. э., которыми мы располагаем, большей частью включают наименее информативные для этнической атрибуции типы изделий. Однако в совокупности с данными историко-лингвистического плана они дают все же основания для выдвижения некоторых положений, конечно сугубо предварительных и требующих дальнейшей проверки. Любой археологический факт, указывающий на связи Восточного Туркестана в I тыс. до н. э. с народами евразийского степного пояса — носителями культур «скифского типа», в свете этих данных приобретает определенную ценность.

При анализе и интерпретации археологических данных скифо-сакской эпохи приходится также считаться и с характером имеющихся публикаций. Воспроизведения найденных вещей в существующих изданиях зачастую весьма приблизительны и не позволяют при построении типологий оперировать более или

[6] Для установления факта этногенетической близости между разными народами исключительно по археологическим материалам необходимо сходство по признакам принципиально иного порядка, чем те, которые объединяют все культуры евразийского степного пояса.

менее частными, но существенными деталями, такими, например, как форма пера наконечников стрел или сечение их втулки; зачастую нет данных об их размерах. Поэтому речь может идти лишь о самой общей типологизации инвентаря. Даже в тех случаях, когда иллюстративный материал на первый взгляд позволяет оперировать более детализированными признаками, точность воспроизведения этих деталей все же вызывает сомнения. Те сопоставления исследуемого материала, которые предлагались самими авторами публикаций, к примеру А. Стейном, свидетельствуют, что диагностически важные для нас признаки воспринимались ими как несущественные, и поэтому вызывает законные сомнения степень достоверности воспроизведения этих деталей[7] Более чем рискованно поэтому при типологизации имеющегося инвентаря оперировать сопоставлениями и аналогиями, предлагавшимися А. Стейном и другими авторами публикаций. В то же время любые альтернативные им построения, основанные на том же материале, следует рассматривать как предварительные и не поддающиеся конкретизации. С другой стороны, именно в силу общего характера признаков, используемых при систематизации материала, основанные на них выводы представляются достаточно обоснованными.

Среди имеющихся в нашем распоряжении археологических находок встречаются единичные предметы, которые вполне надежно могут быть определены как относящиеся не к собственно скифо-сакскому, а к предшествующему времени — к рубежу эпохи бронзы и раннего железа. Из них обращает на себя внимание прежде всего бронзовый наконечник дротика или небольшого копья [1111, табл. 23, L. 1.05], найденный вместе с каменными орудиями [1111, с. 285, 289]. Он имеет листовидное перо и довольно широкую по всей длине втулку. Соотношение длины выступающей части втулки и длины пера составляет примерно 1 : 2, таково же и отношение ширины пера к его длине. Данный наконечник по общим очертаниям, несомненно, может быть сопоставлен с широким кругом аналогичных предметов, найденных в ареале степных культур Евразии и в среднеазиатских памятниках [221, табл. 54, фиг. 3, 6; 229, рис. 34, фиг. 19—20; 311, табл. 6, фиг. 57—58]. Если доверять рисунку, помещенному в публикации А. Стейна, то рассматриваемый экземпляр обладает специфической особенностью — некоторым расширением ребра-втулки у острия пера. Подобная деталь, в принципе достаточно редкая, прослеживается, к примеру, на уникальном комбинированном орудии (копье-кинжал-секира),

[7] Так, например, сравниваются как однотипные два бронзовых наконечника стрел. Один из них происходит с дуньхуанского лимеса [1111, табл. 47 T. XXII, f 02], другой — из Лоуланя, точнее из Кумкудука [1111, табл. 23, Lal Singh 015, с. 346]. Между тем первый из них, судя по воспроизведению, имеет достаточно вытянутое перо и слабо выраженные шипастые лопасти, а также выделенную втулку, тогда как второй характеризуется четко выраженной подтреугольной формой пера с широким основанием, широкими лопастями, отверстиями на тулове и скрытой втулкой.

найденном в раннесакском кургане № 25 могильника Уйгарак на Нижней Сырдарье [171, табл. 7, фиг. 1]. Наконечики копий интересующего нас типа обычно рассматривают как исходную форму двухлопастных бронзовых наконечников стрел, характерных для Евразии рубежа бронзовой и железной эпох [83, с. 37—38; 389; 505, с. 37—38].

Единичные находки таких наконечников сделаны и на территории Восточного Туркестана. Один крупный экземпляр (длина 57 мм, максимальная ширина пера 20 мм) происходит из коллекции, собранной в начале века С. Гедином [761, с. 132, табл. 10, фиг. 1; 803, табл. 2, фиг. 4]. Для него характерны тот же абрис и то же отношение длины пера к длине втулки, что и у описанного наконечника дротика. По мнению Ф. Бергмана, он принадлежит к типу, известному в качестве наконечников копий уже в раннем бронзовом веке Евразии, а в качестве наконечников стрел представленному в материалах гальштатской культуры, археологических культур Сибири, Монголии и Китая [761, с. 102] (рис. 21).

Из коллекции А. Стейна происходит бронзовый двухлопастной наконечник иного типа — листовидной формы, с широкой, слегка сужающейся к острию втулкой, не выступающей за пределы пера. Острие, судя по опубликованному рисунку, несколько скруглено, скорее всего вследствие коррозийного разрушения [1111, табл. 23 С. XCIII. 069]. По словам А. Стейна, этот наконечник обнаружен «среди находок ханьского времени и непосредственно следующих за ним эпох» [1111, т. 1, с. 207]. Это обстоятельство ни в коей мере не определяет, однако, даты интересующего нас экземпляра ввиду крайней перемешанности совершенно разновременного материала в поверхностных сборах А. Стейна. Поэтому датировать эту находку следует исключительно по аналогиям, в данном случае вполне определенным и достоверным, вне зависимости от характера сопровождающего материала[8] Данный наконечник принадлежит к хорошо известному в степях Евразии типу двухлопастных листовидных наконечников со скрытой втулкой,— к типу II, по классификации К. Ф. Смирнова [505, табл. 1]. Как отмечает этот советский исследователь, формирование данного типа изделий относится к эпохе бронзы. Такие наконечники в тот период распространены по всему ареалу срубной и андроновской культур от Поволжья до Восточного Казахстана и Ферганы, хотя и представлены не слишком многочисленными экземплярами. В скифо-сакское время наконечники этого типа также встречаются на территории от Северного Причерноморья до Южной Сибири и Средней Азии. В последнем регионе они относятся к VII—VI вв. до н. э. К V в. до н. э. стрелы этого типа повсеместно исчезают [341, табл. 31, рис. 65; 392а, рис. 14, фиг. 14; 505, с. 40,

[8] К тому же само отнесение А. Стейном этого сопровождающего материала к ханьской эпохе базируется на достаточно ограниченном круге весьма приблизительных аналогий.

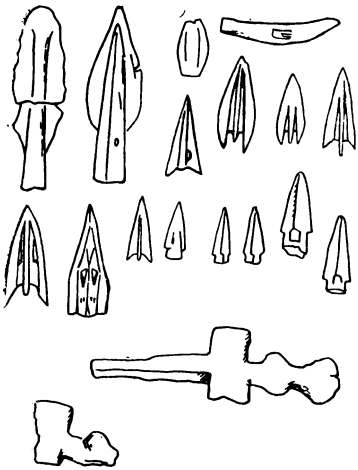

Рис. 21. Отдельные находки из различных районов Восточного Туркестана

рис. 12а]. Эти данные позволяют с уверенностью утверждать, что рассмотренный экземпляр принадлежит по своему происхождению к предметам вооружения, характерным для евразийских степных культур довольно ранней поры.

К эпохе, переходной от бронзы к железу, с полным основанием может быть отнесена и происходящая из сборов А. Стейна небольшая роговая застежка в виде слегка изогнутого стержня с продолговатым узким отверстием в утолщенной средней части [1118, табл. 51. М I. 0020]. Подобные застежки, относимые обычно к деталям конской узды, характерны для памятников Юго-Восточной Европы рубежа II—I тыс. до н. э. Две подобные застежки происходят, например, из кургана № 4 у с. Ягодное в Поволжье [506, с. 29, рис. 3, фиг. 6], еще одна найдена на Кировском поселении на Керченском полуострове [333, рис. 30, фиг. 2]. В связи с той ролью, которую сыграли обитатели евразийских степей в становлении и развитии конской сбруи во II — начале I тыс. до н. э. [313], эта находка, хотя и изолированная, приобретает определенное значение.

Разумеется, нескольких случайно найденных предметов недостаточно для сколько-нибудь широких культурно-исторических выводов. Несомненно, однако, что они указывают на наличие определенных связей между территорией Восточного Туркестана и миром евразийских степей уже на рубеже бронзовой и железной эпох или по крайней мере на заре скифского времени. Заметим, кстати, что археологическая дата этих предметов совпадает как раз с постулируемым по лингвистическим данным временем начала расселения носителей иранских языков.

Более многочисленны данные, относящиеся к собственно скифо-сакскому времени. Материал и здесь в основном достаточно фрагментарен. Наиболее многочисленными являются опять-таки находки наконечников стрел (рис. 21). Попытаемся дать их предварительную классификацию в той мере, в какой, как сказано, это позволяет характер публикаций. По основополагающему признаку — наличию или отсутствию выделенной втулки — все имеющиеся экземпляры делятся на две далеко не равные по объему серии. Первая представлена всего несколькими экземплярами, относящимися к двум типам классификации К. Ф. Смирнова. К типу XI [505, табл. 3] относится единичная

находка из Лоуланя (местонахождение Кумкудук) [1111, табл. 23, Lal Singh. 1015]. Он принадлежит к базисным, треугольным по общим очертаниям трехлопастным бронзовым наконечникам со скрытой втулкой, имеет между лопастями на тулове небольшие отверстия, возможно, для крепления древка. А. Стейн предполагал для этого экземпляра возможность местного, восточнотуркестанского происхождения. Однако, по наблюдениям советских археологов, подобный тип наконечников стрел наиболее характерен для западных частей евразийского степного ареала, преимущественно для Причерноморской Скифии, где он известен уже в начале VI в. до н. э., но наиболее обычен в IV в. до н. э. Отсюда стрелы этого типа распространяются на восток, в том числе в область расселения савроматов и в Южную Сибирь [505, с. 49]. Встречаются они и в сакских памятниках Средней Азии [171, с. 90, табл. 20, фиг. 13]. Здесь преимущественное их распространение приходится на V в. до н. э. Крайняя малочисленность подобных наконечников среди находок из Восточного Туркестана при наличии достаточно массовых аналогий в евразийских степях, явно свидетельствуя против гипотезы А. Стейна о местном происхождении стрел этого типа, подтверждает их северный, степной генезис. Близкие по форме наконечники стрел встречаются и на территории Монголии, где их также сопоставляют со скифскими образцами [173, с. 21, рис. 3, фиг. 12].

Другие наконечники этой серии также характеризуются скрытой втулкой, но отличаются сводчатой формой головки и более [761, табл. 10, фиг. 2; 1109, табл. 124, N0014C; 1111, табл. 29, N XIV 008; 1118, табл. 111, Kucha 069] или менее оттянутыми вниз жальцами [1111, табл. 111. Yul. 040]. О подобных наконечниках, найденных С. Гедином в Восточном Туркестане [803, табл. 2, фиг. 1, 2], уже Ф. Бергман отмечал, что они близки находкам из Венгрии, Южной и Восточной России, Сибири и Монголии [761, с. 102]. Их можно отнести к типу XII, по классификации К. Ф. Смирнова [505, табл. 3]. По данным этого исследователя, указанный тип характерен преимущественно для восточных областей евразийского степного пояса. Появившись в VI в. до н. э., подобные наконечники получают наибольшее распространение в следующем веке, но встречаются — уже значительно реже — вплоть до II в. до н. э. [505, с. 50] [9]. Экземпляры сходного контура, но более удлиненных пропорций известны в Монголии [173, с. 21, рис. 3, фиг. 10—11].

Основная же масса наконечников стрел из сборов на тер-

[9] Интересующие нас экземпляры по общим очертаниям близки и к евразийским стрелам типа XVIII, по классификации К. Ф. Смирнова [505, с. 58], отличающимся от описанного типа XII более отчетливой трехгранностью втулки. К сожалению, характер публикаций А. Стейна не позволяет отдать предпочтение той или иной из названных серий аналогий. Вместе с тем несомненна связь рассматриваемых экземпляров с массовыми находками в евразийских степях; оба сопоставления незначительно влияют на вывод о времени максимального распространения этих стрел.

ритории Восточного Туркестана принадлежит к иным типам — с отчетливо выраженной втулкой, выходящей за пределы пера. Находки подобных наконечников исчисляются несколькими десятками и распределяются по достаточно обширной территории. Среди них можно выделить некоторые стоящие особняком экземпляры, характеризующиеся отчетливо трехлопастной формой, например, из Лоуланя, местонахождения Кумкудук [1111, табл. 23, Kum. 01]. Три широкие лопасти наконечника заканчиваются скошенными, оттянутыми жальцами, головка же отчетливо расширяется книзу. Наиболее близкие аналогии этому экземпляру мы находим в наборах стрел из савроматских комплексов V—IV вв. до н. э. из Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [505, рис. 28А, фиг. 1, 2; рис. 32Б, фиг. 6, 7; рис. 38А, фиг. 10]. Все остальные наконечники стрел характеризуются четко выраженной трехгранностью головки; ее пропорции варьируют в значительных пределах, от широких форм (соотношение максимальной ширины пера и его длины — 1 : 1,5) до сильно вытянутых (то же соотношение — 1 : 3); ребра головки заканчиваются либо слабо оттянутыми жальцами, либо скошены к втулке; сама втулка в некоторых случаях определенно имеет граненую внешнюю поверхность (подобные наконечники известны и в Монголии, см. [173, с. 23, рис. 4, фиг. 10, 11; 761, табл. 30; 1108, табл. 54; 1111, табл. 18, 23, 47, 111; 1118, табл. 6, 29, 36, 53]). Разрабатывать дробную типологию и хронологию всей этой серии наконечников представляется совершенно нецелесообразным ввиду схематичности приведенных в публикациях воспроизведений артефактов и крайней суммарности сопровождающих описаний. Однако в целом связь этой серии с широким набором евразийских образцов представляется достаточно очевидной. В степных культурах Евразии бронзовые втульчатые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел появляются еще в самом начале скифской эпохи (причем генезис их советские археологи связывают преимущественно с западными областями ареала скифо-сакских культур) [390, с. 19; 505, с. 44—45] и в середине I тыс. до н. э. являются доминирующей формой [10]

[10] В свете всех этих данных явно недостаточно аргументированным представляется мнение о восточном, китайском, происхождении трехлопастных и трехгранных стрел, базирующееся лишь на факте изготовления таких стрел в сложной литейной форме, якобы распространившейся из Китая [1149, с. 25]. Последние исследования убедительно показали, что трехлопастные и трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского круга восходят к костяным наконечникам, характерным для степных культур эпохи поздней бронзы, в частности для срубной культуры Юго-Восточной Европы [281]. Что касается сложных литейных форм, то они известны в достаточно раннее время и в западных районах, в частности в ареале той же срубной культуры (например, на Кировском поселении в Крыму) [281, рис. 2; 282]. Это заставляет предполагать если и не приоритет степных культур в распространении такого способа литья, то по крайней мере полицентричное его формирование. Вспомним, что еще Ф. Бергман, анализируя стрелы из Восточного Туркестана, связывал их изобретение и распространение с ираноязычными племенами [761, с. 103].

Достаточно специфичной особенностью стрел из Восточного Туркестана является комбинация втульчатой бронзовой головки и железного черешка, служившего соединительным элементом между наконечником и древком. В евразийских культурах этот прием крепления не имел столь широкого распространения, как сами бронзовые наконечники. Так, неизвестен он в западной части степного пояса. Но на востоке, в частности в сакских комплексах Памира, он засвидетельствован [336, с. 100]. Многочисленны подобные находки в Монголии [173, с. 23—24]. Совершенно очевидно, что само возникновение этого приема крепления должно быть связано с регионом, где имело место соприкосновение традиций использования черешковых и втульчатых наконечников.

В этой связи представляется необходимым остановиться на встречающейся в литературе атрибуции основной массы найденных в Восточном Туркестане бронзовых наконечников стрел как типичного элемента вооружения ханьских воинов [760, с. 149; 761, с. 103; 1118, т. 1, с. 358]. В Китае бронзовые втульчатые стрелы, крепившиеся к древку с помощью железного черешка и сходные с южносибирскими типами, появляются в конце периода Чуньцю [278, с. 265; 349, с. 221] и получают некоторое распространение в эпоху Чжаньго (V—III вв. до н. э.). Однако в свете всех данных о соотношении ареалов втульчатых и черешковых наконечников и об их хронологии логично предположить, что в самом Китае распространение втульчатых стрел происходило под сильным влиянием культур степного пояса; это предположение подтверждается и типологией китайских бронзовых наконечников. Поскольку же как раз Восточный Туркестан был одним из наиболее удобных районов для контактов двух культурных ареалов — китайского и степного евразийского,— то возникновение описываемой гибридной формы, вполне вероятно, может быть привязано именно к этому региону. В этом смысле рассмотренные наконечники приобретают дополнительный интерес.

Остальные предметы из сборов на территории Восточного Туркестана, связанные со скифской эпохой, не отличаются такой массовостью, как наконечники стрел. Это по преимуществу единичные находки или небольшие серии. Остановимся на опубликованных А. Стейном фрагментах двух бронзовых чеканов из Восточного Туркестана. Поскольку в публикации изображение этих предметов крайне нечетко, в приводимом ниже описании мы полностью следуем за данными английского ученого, не имея возможности проверить степень их точности. Первый из этих чеканов — лучшей сохранности (длина фрагмента около 10 см). Он имеет длинный прямой граненый боек и расположенный на одной с ним линии удлиненный обух. Втулка трубчатая, выступающая в обе стороны от бойка, закрытая сверху. Обух имеет два утолщения — на конце и посредине между концом и втулкой,—оформленные в виде скульптурных головок кабанов,

обращенных пастью к втулке, причем задний кабан как бы хватает переднего за шею. Достаточно четко переданы такие детали изображения, как шерстяной покров на головах животных, маленькие стоячие уши, округлые глаза [1111, с. 99, табл. 10, Badr. 0115]. От второго чекана сохранилась лишь удлиненная, трубчатая, закрытая сверху втулка и часть обуха, также оформленная в виде головки какого-то животного, обращенной мордой от втулки [1111, табл. 10, Badr. 0116]. Отливка в обоих случаях довольно небрежная. Чеканы покрыты коричневой патиной. А. Стейн характеризует эти изделия как декоративные или церемониальные. Нефункциональный характер описываемых предметов доказывается прежде всего их миниатюрными размерами.

Эти чеканы в свое время привлекли внимание Б. А. Литвинского, который условно причислил их к типу 2 разработанной им на материалах восточнопамирских могильников сакского времени классификации боевых топоров и клевцов-чеканов. По его мнению, близкие аналогии интересующим нас экземплярам представляют железные клевцы из могильников Тегермансу I (курган № 31, слой 2) [336, табл. 43, фиг. 3] и Тегермансу II (курган № 11) [336, табл. 43, фиг. 4]. Для них также характерна более или менее удлиненная трубчатая втулка (правда, в отличие от туркестанских экземпляров она не закрыта сверху) и расположение на одной оси бойка и обушка. Последний заканчивается биконическим расширением, не имеющим, однако, зооморфного оформления. Именно эта особенность принципиально отличает туркестанские экземпляры от памирских, Б. А. Литвинский полагает, что рассмотренные им клевцы типологически близки большой серии предметов вооружения этого вида, распространенных на широкой территории от Причерноморской Скифии на западе до ареала ананьинской культуры на севере и до Минусинской котловины на востоке [336, с. 123—124]. Однако нам представляется, что включенные в эту обширную серию предметы слишком разнохарактерны и потому столь широкие аналогии дают мало информации для определенных историко-культурных выводов. Но близость туркестанских экземпляров к восточнопамирским неоспорима. Она проявляется прежде всего в таких характерных особенностях, как расположение бойка и обуха на одной прямой (ананьинские экземпляры чаще имеют излом в области втулки) [11] и наличие расширяющейся головки на обушке. Учет именно этих моментов заставляет ощутимо сузить круг значимых аналогий [12], но по-прež-

[11] Это различие принципиально важно, поскольку связано с поисками оптимальной функциональной эффективности этого вида оружия, что наглядно показано исследованиями В. П. Горячкина [198], В. А. Желиговского [247; 248] и В. П. Левашовой [331]. Взаиморасположение оси рукоятки и линии удара определяло кпд боевого топора и его прочность; поэтому эмпирически найденные оптимальные формы данного вида оружия обычно сохранялись в той или иной культуре достаточно устойчиво.

[12] Ближе других к памирским и туркестанским экземплярам клевец из

нему оставляет в силе тезис о сходстве туркестанских чеканов с оружием саков Памира. Впрочем, в памирских экземплярах не находит аналогий такая важная черта, как зооморфное оформление обушков. Подобный прием декорирования чеканов известен в ряде областей Старого Света (так, именно головки кабанов мы находим на клевцах ананьинской культуры), но они слишком удалены от Восточного Туркестана, чтобы одного этого факта было достаточно для каких-либо культурно-исторических построений. Не характерна для памирских чеканов и традиция изготовления миниатюрных их воспроизведений. Зато она известна в памятниках тагарской культуры Минусинской котловины [542, с. 27] и в могильниках Алтая [493, с. 52, рис. 1, фиг. 7—9]. Из всего сказанного следует, что чеканы из сборов А. Стейна демонстрируют определенные черты, характерные для оружия различных культур скифо-сакского ареала, но ни в одной из этих культур мы не находим им прямых аналогий, сочетающих весь набор интересующих нас признаков. Поэтому ни о каких конкретных связях Восточного Туркестана с сакским миром эти находки сведений не дают.

Рис. 22. Бронзовые печати из Восточного Туркестана (по Н. В. Дьяконовой)

Еще одна серия предметов из этого региона, заслуживающая внимания в контексте нашей темы,— специфические бронзовые печати из собрания Государственного Эрмитажа, уже послужившие темой специального исследования Н. В. Дьяконовой [237]. Серия эта включает 11 экз., большинство их происходит из материалов экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 гг. и было приобретено ею в Турфане и Куче; точных сведений о происхождении остальных предметов нет (рис. 22). Печати представляют собой круглые, квадратные или фигурные штемпели, снабженные на оборотной стороне петелькой или скрепленные попарно круглым столбиком. Форма печатей не находит никаких аналогий в материалах культур скифо-сакского круга, однако представленные на них изобразительные мотивы чрезвычайно интересны. Речь идет прежде всего об изображении животного с «вывернутым» крупом — копытные разных видов или фантастические существа, соединяющие черты различных

кургана у с. Дарьевка в Поднепровье [263, рис. 5, фиг. 1], но и он имеет некоторый изгиб бойка и слегка скошенную в сторону бойка втулку.

зверей, представлены с подогнутыми под грудь или вытянутыми передними ногами, задняя же часть их тела перекручена так, что «крестец обращен вниз, а обычно согнутые задние ноги заполняют пространство над спиной зверя» [237, с. 176]. По наблюдению Н. В. Дьяконовой, этот мотив резко отличается от наиболее распространенных в Восточном Туркестане зооморфных изображений, связанных с тремя культурными традициями — гандхарской, иранской (сасанидской) и китайской,— но находит прямые аналогии в «зверином стиле» культур скифского круга, точнее, в материалах из курганов Горного Алтая [237, с. 176—177]. Именно такое сопоставление и позволило исследовательнице интерпретировать эти печати как сакские[13]. Датировала их Н. В. Дьяконова временем от II в. до н. э. до начала новой эры. Впрочем, эта датировка обоснована не характером самих памятников и украшающих их изображений, а исключительно соображениями о времени проникновения саков в Восточный Туркестан, базирующимися на нарративных данных. Однако выше уже шла речь о вероятности того, что такое проникновение имело место в значительно более раннее время. Как рассмотренные ранее, так и анализируемые ниже археологические материалы подкрепляют это предположение. На более раннюю, чем предложенная Н. В. Дьяконовой, дату рассматриваемых печатей указывают и евразийские аналогии упомянутому изобразительному мотиву. Он характерен преимущественно для памятников V—III вв. до н. э., причем не только Алтая, специфическим для которого его вслед за С. И. Руденко [492, с. 315] считала Н. В. Дьяконова, но, как показали исследования последних лет, и для других групп памятников скифо-сакской эпохи, в известных отношениях близких пазырыкской культуре Алтая,— для комплексов саглынской культуры в Туве [204, с. 82], семиреченских курганов [86, с. 70]. Следует, однако, уточнить, что от всех воплощений интересующего нас мотива в ареале названных культур изображение на упомянутых печатях отличается тем, что на них животное представлено свернувшимся в кольцо. Подобная схема также известна в искус-

[13] Более проблематична предложенная Н. В. Дьяконовой трактовка другого представленного на этих печатях мотива, интерпретированного ею как изображение Захака, в котором она видит одного из мифических прародителей саков, опираясь в своих предположениях на иранскую эпическую традицию [237, с. 179—181]. Это антропоморфный персонаж с поднимающимися из-за его плеч парными растительными побегами или, по мнению Н. В. Дьяконовой, змеями. Представляется, что толкование этого персонажа как Захака требует более развернутой аргументации. Однако нельзя не отметить определенную близость данного изобразительного мотива к воплощениям так называемой змееногой богини — мифической прародительнице скифов — на некоторых памятниках из Северного Причерноморья. Тогда нижняя часть фигуры персонажа на печатях скорее должна быть трактована не как поджатые, раздвинутые в коленях ноги [237, с. 179—180], а как растительные побеги. Образ скифской прародительницы обнаруживает определенную семантическую близость к Захаку [468]. Но изображения, подобные ее воплощениям в греко-скифской торевтике, в других районах скифо-сакского мира пока неизвестны.

стве «звериного стиля» от Причерноморья до Тувы, но там она почти никогда не сочетается с перекрученностью тела зверя. Таким образом, на туркестанских печатях мы видим достаточно оригинальную модификацию двух характерных для «звериного стиля» приемов. Прямая аналогия этим памятникам нам известна лишь в пределах самого Восточного Туркестана — в Алагоуском могильнике, о котором речь пойдет ниже.

Предложенные уточнения не снижают, конечно, ценности сопоставлений, осуществленных Н. В. Дьяконовой, так как они расширяют круг археологических свидетельств существования в I тыс. до н. э. культурных связей между Восточным Туркестаном и народами сакского круга, обитавшими в евразийском степном поясе и на смежных территориях. Однако все проанализированные материалы не дают еще ответа на два принципиальных вопроса — во-первых, отражают ли эти связи проникновение сакских племен на территорию Восточного Туркестана или речь может идти лишь о распространении определенных типов вещей и, во-вторых, какие именно области скифо-сакского ареала играли в этих связях наиболее активную роль. Поиски ответов на эти вопросы требуют пристального внимания не столько к разрозненным находкам, сколько к цельным комплексам, позволяющим сопоставлять не отдельные формы предметов и изобразительные мотивы, а цельные совокупности характерных черт, включающих конструкцию погребальных сооружений, особенности погребального обряда, т. е. черты, наиболее информативные при реконструкции этноисторической ситуации. В этом отношении безусловного внимания заслуживают курганные могильники Восточного Туркестана.

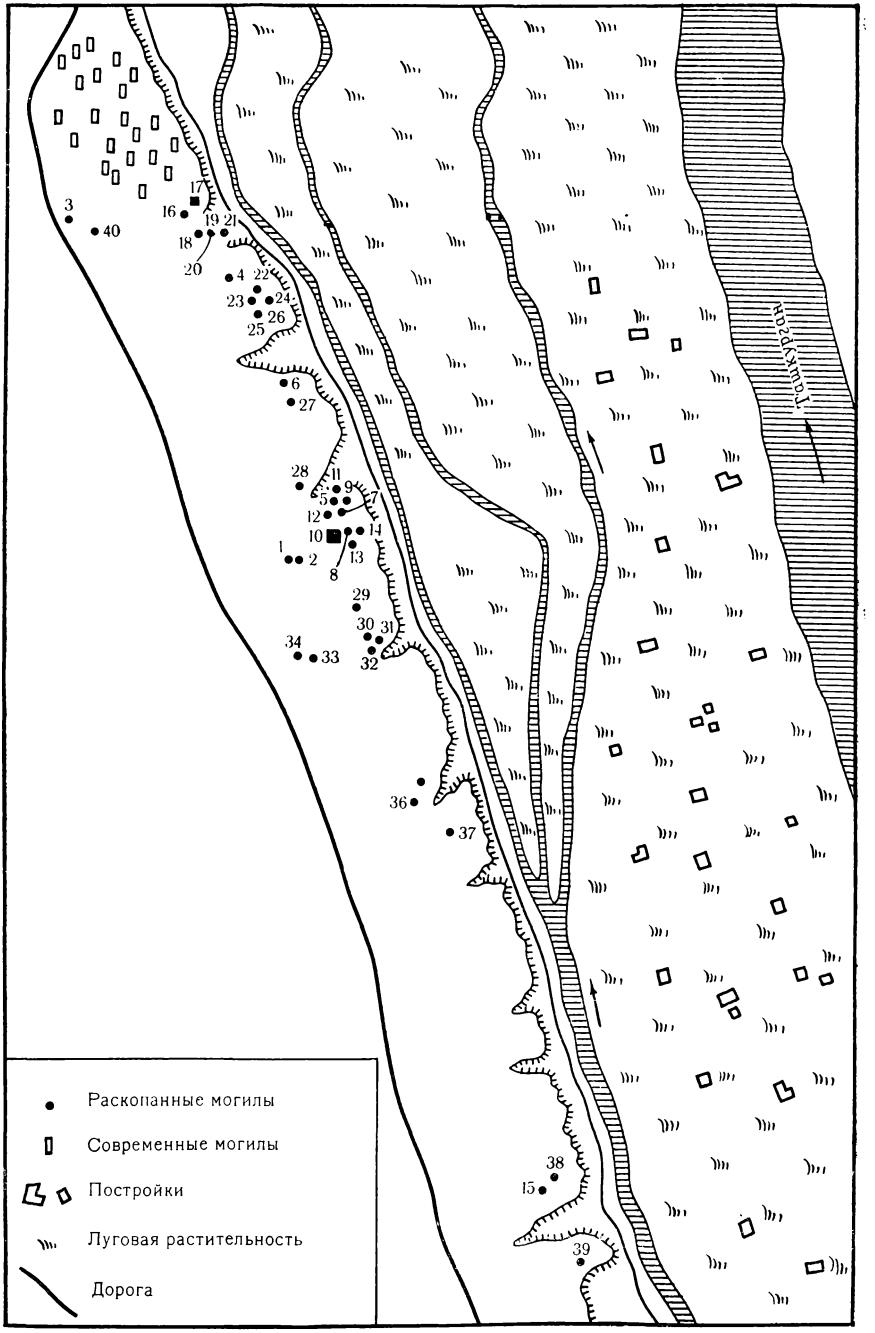
Курганный обряд погребения — черта, в высшей степени характерная для евразийского степного пояса. Сложившись здесь еще на стадии энеолита — в ямно-афанасьевскую эпоху,— он продолжал доминировать на всем протяжении периода бронзы и раннего железа, в частности, в культурах скифо-сакского круга. Курганы этого времени располагаются, как правило, группами от двух-трех до нескольких десятков насыпей, размещенных или беспорядочно, или вытянутыми цепочками. Так, меридиональные цепочки образуют, к примеру, курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана [272, с. 303] или сакские курганы Семиречья [88, с. 98, рис. 73] Зачастую такие группы включают курганы различных эпох от периода бронзы до средневековья.

Подкурганные погребальные сооружения имеют в различных частях степного пояса разную конструкцию. Это и простые ямы разнообразной конфигурации, и подбои, и катакомбы, и бревенчатые срубы, размещенные в ямах или на уровне погребенной почвы, и каменные склепы. Подобное разнообразие при широком хронологическом и территориальном диапазоне использования курганного обряда заставляет при этнокультурных атрибуциях могильников опираться не на само наличие курганов, а на конкретные дифференцирующие признаки.

К сожалению, для территории Восточного Туркестана мы таковыми фактически еще почти не располагаем. Визуальное обследование этой территории выявило наличие здесь достаточно многочисленных курганных могильников. Для примера можно упомянуть несколько таких памятников, обнаруженных в уезде Чжаосу; самый крупный из них включает до 200 насыпей. Курганы здесь расположены группами от трех-четырех до двадцати, а иногда и более насыпей, образующих ряды, вытянутые с севера на юг [667, с. 99]. Однако раскопки таких могильников, судя по доступным материалам, почти не проводились, и хронологическая и культурная их принадлежность остается в значительной степени неясной. В упомянутой самой крупной курганной группе в уезде Чжаосу в 1961 г. были осуществлены разведочные исследования лишь двух курганных насыпей, содержавших, как оказалось, погребения несколько более позднего, чем интересующий нас в данный момент, периода. Проводившие раскопки китайские археологи достаточно обоснованно относят раскопанные комплексы к племенам круга усуней (об истории усуньских племен см. гл. 6, 7) [14]. Однако принадлежность указанных курганов к усуньскому времени отнюдь не исключает наличия в тех же курганных группах и погребений более раннего времени, в частности сакского. Это тем более вероятно, что в самые последние годы китайскими археологами были исследованы в Восточном Туркестане некоторые курганные могильники, непосредственно относящиеся к рассматриваемой здесь проблеме. В нашем распоряжении имеются данные по двум таким могильникам, на описании которых имеет смысл остановиться подробнее.

Первый из них исследовался в 1976—1977 гг., в местности Сяньбяобао в Ташкурган-Таджикском уезде СУАР, близ стыка границ СССР, Китая и Афганистана [340, с. 13; 670]. 19 курганных насыпей и 20 каменных оград, составляющие могильник (над одной могилой нет никакого наземного сооружения), рас-

[14] Некоторые косвенные данные позволяют предположительно отнести к тому же культурному кругу и погребение в деревянном гробу, раскопанное в 1959 г. в уезде Миньфэн в пустыне Такла-Макан [601, с. 9—12]. Суммарность опубликованного описания не дает возможности детально представить устройство погребального сооружения, в частности установить наличие или отсутствие курганной насыпи. Особое внимание должно привлечь наличие в этом комплексе, по всему набору инвентаря датируемом эпохой Восточная Хань, бронзового наконечника стрелы, явно относящегося к значительно более раннему времени. Подобные трехлопастные втульчатые наконечники с неширокими лопастями, несколько сходящимися у выступающей втулки, были весьма характерны для колчанных наборов народов скифского круга в VI—V вв. до н. э. Насколько позволяет судить опубликованное воспроизведение интересующей нас стрелы, наиболее близки ей наконечники типа VII, по классификации К. Ф. Смирнова [505, табл. 3]. Существенно, что практика помещения в могилу одного заведомо архаичного наконечника стрелы была широко распространена у народов сарматского круга [500, с. 198], к которым по всему облику культуры принадлежали и усуни. Это позволяет предварительно интерпретировать данный комплекс как усуньский и констатировать сохранение традиций, характерных для евразийского степного культурного круга.

Карта 7. Ташкурганский могильник. План

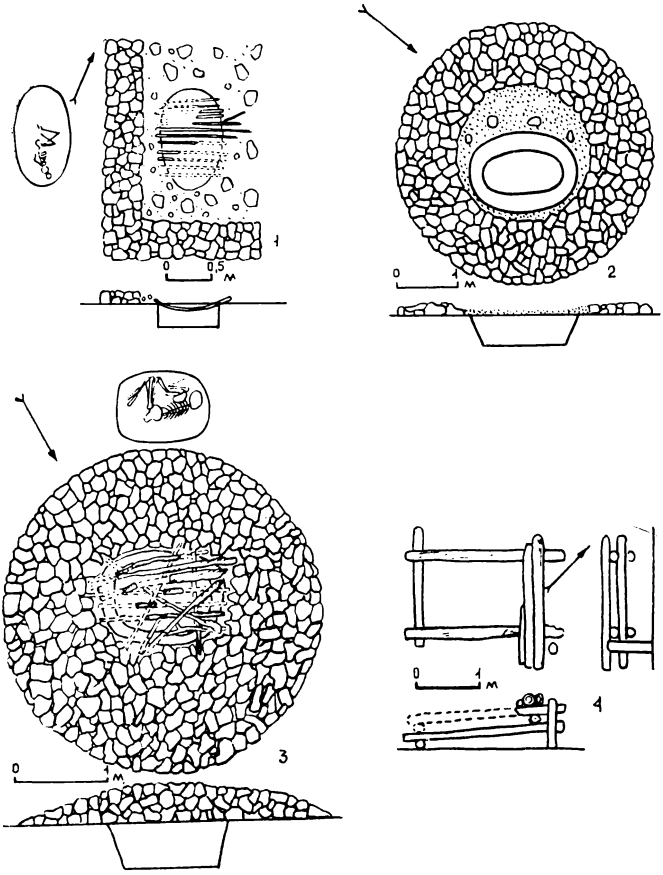

Рис. 23. Ташкурганский могильник. Планы погребальных сооружений: 1 — погребение М. 17, 2 — погребение М. 32, 3 — погребение М 40, 4 — погребение М 1

полагаются на высоких прибрежных террасах р. Ташкурган — притока Яркенда (карта 7). Курганные насыпи диаметром от 1,6 до 5,4 м и высотой от 0,1 до 0,4 м сложены из крупных камней. Каменные оградки различной конфигурации — кольцевые или прямоугольные — имеют в поперечнике от 2,2 до 9 м, в высоту — до 1,1 м. Погребения совершены в грунтовых ямах, чаще всего овальных; борта ям, как правило, вертикальные, но иногда сближающиеся ко дну. Глубина их колеблется от 0,15 до 1 м. В 11 случаях ямы имели перекрытия из бревен, положенных достаточно хаотично, но преимущественно параллельно или крест-накрест. В четырех случаях на дне могилы имеется примитивное подобие деревянного сруба в один-три венца прямоугольной или трапециевидной формы; бревна смежных стенок сруба между собой не связаны и держатся вместе благода-

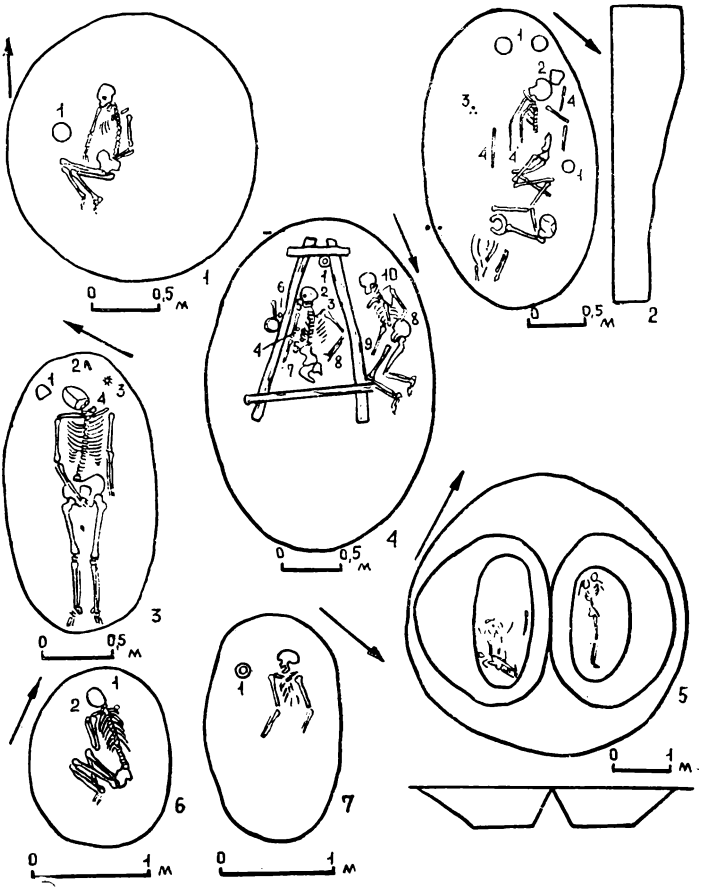

Рис. 24. Ташкурганский могильник. Планы погребений: 1 — погребение М 13, 2 — погребение М 9, 3 — погребение М 21, 4 — погребение М 37, 5 — погребение М 8, 6 — погребение М 4, 7 — погребение М 28

ря собственной тяжести. В отдельных случаях конструкция дополнительно укреплена вертикальными столбиками (рис. 23).

В могильнике преобладают одиночные захоронения; лишь в двух оградках имеется по две могильные ямы, а в пяти могилах обнаружены многократные (до семи костяков) захоронения. Представлено два способа погребения — трупоположение (18 могил) и кремация (19 могил), три сооружения могил не имели, это — кенотафы. Стабильной для Ташкурганского могильника закономерностью является наличие деревянных конструкций лишь в могилах, содержащих трупоположение. Позы костяков разнообразны; преобладает скорченное на боку положение, но есть и вытянутые на спине (2 случая), в одном погребении женщина положена ничком. Ориентация неустойчива. В погребениях

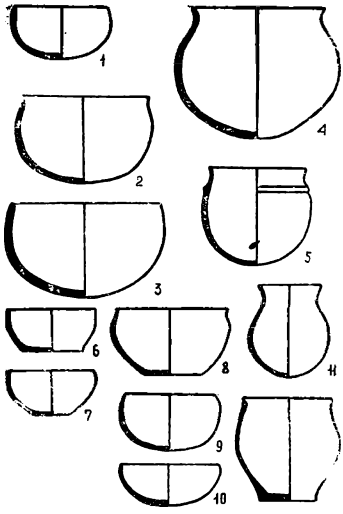

Рис. 25. Ташкурганский могильник. Керамика из погребений

с кремацией преобладает обряд трупосожжения вне могилы, и лишь в одном случае сожжение произведено в самой могиле (рис. 24).

В 20 могилах (6 с кремацией и 14 с ингумацией) имеется погребальный инвентарь, довольно скудный. В основном это керамика — чаши и горшки; кроме того, найдено два бронзовых черешковых наконечника стрел и различные украшения (бронзовые браслет, кольцо, подвеска, бляшки, а также бусы из разного материала) и несколько железных и деревянных предметов (рис. 25, 26, 27)

Проводивший раскопки Ташкурганского могильника Чэнь Гэ сопоставил его с сакскими комплексами, исследованными на Памире А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским. Он отнес могильник к VIII—III вв. до н. э., подкрепив свой вывод полученными для нескольких комплексов радиокарбонными датами, и интерпретировал его как сакский. В самом деле, неоспорима близость этого памятника восточнопамирским могильникам, изученным советскими археологами [336], во всем, что касается конструкции погребальных сооружений и особенностей погребального обряда. Единственным кардинальным отличием данного могильника от сакских (причем не только на Памире, но и во всех других областях расселения саков и распространения культур скифского типа) является достаточно широкое применение в нем обряда кремации вне могилы с последующим подкурганным захоронением праха. В принципе использование огня в погребальном ритуале племен сакского круга засвидетельствовано весьма широко, в том числе на Памире [336, с. 19]. Однако там мы имеем исключительно сожжение подкурганного погребального сооружения вместе с содержащимся в нем захоронением. Происхождение этой специфичной черты погребального обряда Ташкурганского могильника остается пока неясным.

Анализ не слишком богатого и разнообразного инвентаря рассматриваемого могильника, осуществленный Б. А. Литвинским [340, с. 13], подтверждает принадлежность этого памятника той же культуре, что и могильники саков Восточного Памира. Так, совершенно идентичны формы керамических сосудов [340, табл. 6, рис. 9, фиг. 20, 22, 24], близки по формам украшения. Железный нож с отверстием в «кружковом» навершии также

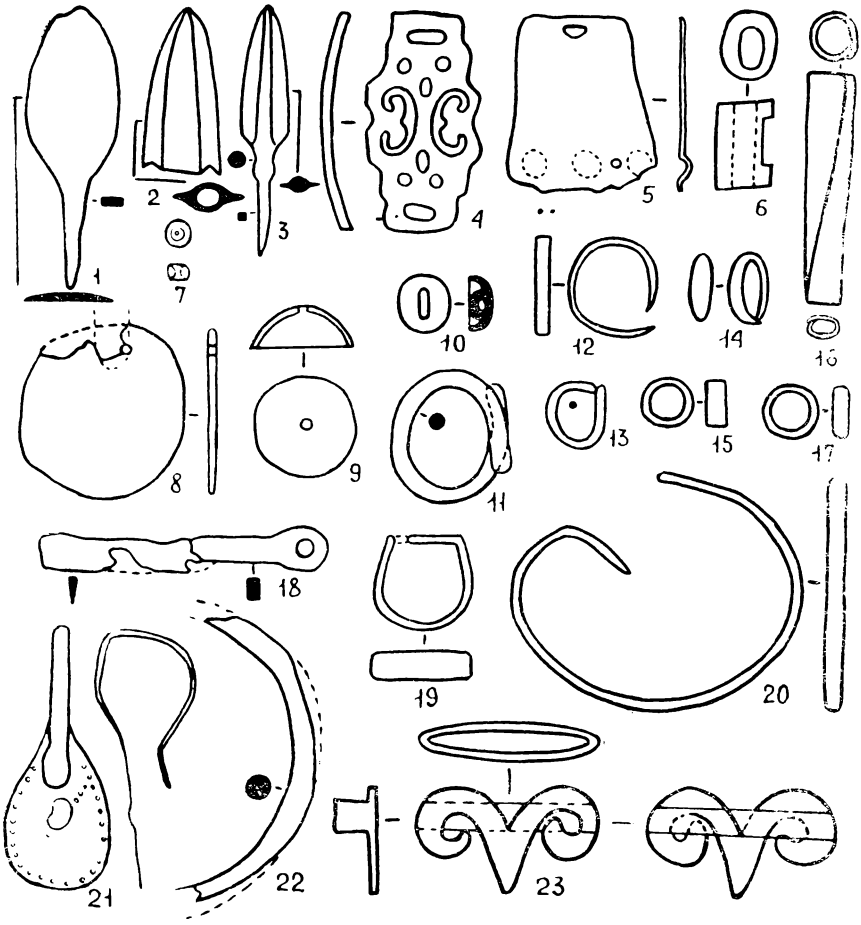

Рис. 26. Ташкурганский могильник. Предметы инвентаря

аналогичен найденным в памирских могильниках [340, с. 31, табл. 2, фиг. 7]. Совпадает с известной у саков Памира и традиция помещения в могилу деревянных дощечек для добывания огня [340, с. 80—82]. Подобная однокультурность вполне естественна, поскольку Ташкурганский могильник располагается в пределах того же памирского историко-географического региона, что и упомянутые сакские памятники. Следует лишь подчеркнуть, что он находится в бассейне притока Яркенда, т. е. уже на юго-восточных склонах Памирского нагорья, откуда по речным долинам открывается прямой путь непосредственно в области Восточного Туркестана. Иными словами, этот памятник документирует факт распространения памирских саков в восточном направлении из основных областей их расселения и тем самым указывает на один из вероятных путей проникновения

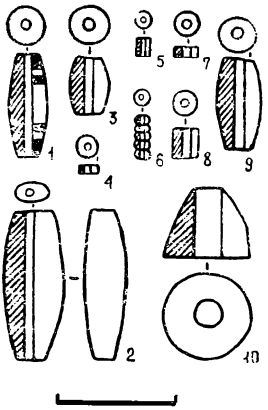

Рис. 27. Ташкурганский могильник: 1—9 — каменные и костяные бусы, глиняное пряслице

сакских племен на интересующую нас территорию — по долинам стекающих с Памира рек.

Не менее интересен в этом плане еще один могильник, исследованный в 1976—1978 гг экспедицией Музея СУАР, в Турфанской котловине, в местности Алагоу, между городами Урумчи, Токсун и Хэцзин [564]. Из 85 раскопанных здесь погребальных комплексов мы в настоящее время располагаем опубликованными подробными данными лишь о двух, но важность этих материалов для рассматриваемой проблемы бесспорна.

Структура погребальных сооружений Алагоуского могильника в основных чертах весьма сходна с той, которая была отмечена в Ташкургане (рис. 28). Они представляют собой каменные оградки, в центре которых располагается могильная яма с бревенчатым срубом на дне. Отличие состоит, пожалуй, в более правильных очертаниях оградки (так, в могиле М18, судя по опубликованному чертежу, она представляет собой широтно ориентированный прямоугольник размером 14,5×11 м; в могиле М30 ее размеры несколько больше), в большей глубине могильной ямы (в могиле М18 она составляет 6,1 м, а в могиле М30 — 7,1 м; такая глубина уникальна для сакских могильников) и в расположении небольшой каменной насыпи не непосредственно над могильной ямой, а несколько к западу от нее, но также в пределах оградки. Более монументальны здесь и деревянные срубы на дне могилы: несколько (до четырех) венцов скрепленных по углам бревен достигают общей высоты до 1 м. Сруб имеет также дно из продольных и перекрытие — из поперечных бревен. Размеры сруба в могиле М30 — наиболее крупного в Алагоуском могильнике — 5,66×1,72 м, а в могиле М18 — примерно 2,5×1 м (рис. 29). Срубные захоронения, подобные алагоуским,— типичная черта могильников сакской эпохи. Наиболее известные примеры являют Пазырыкские курганы на Алтае, Иссыкский и Бесшатырские курганы в Семиречье, хотя следует оговориться, что в Бесшатырском могильнике подобные срубы располагаются не в могильной яме, а непосредственно на уровне погребенной почвы.

Сопоставление погребальных сооружений Ташкурганского и Алагоуского могильников говорит о большей затрате труда при сооружении могил последнего и, следовательно, видимо, о более высоких социальных позициях захороненных, что, как мы увидим, подтверждается и сопоставлением погребального инвентаря. Вообще же, сравнивая два эти могильника между собой и с различными памятниками культур сакского круга, можно

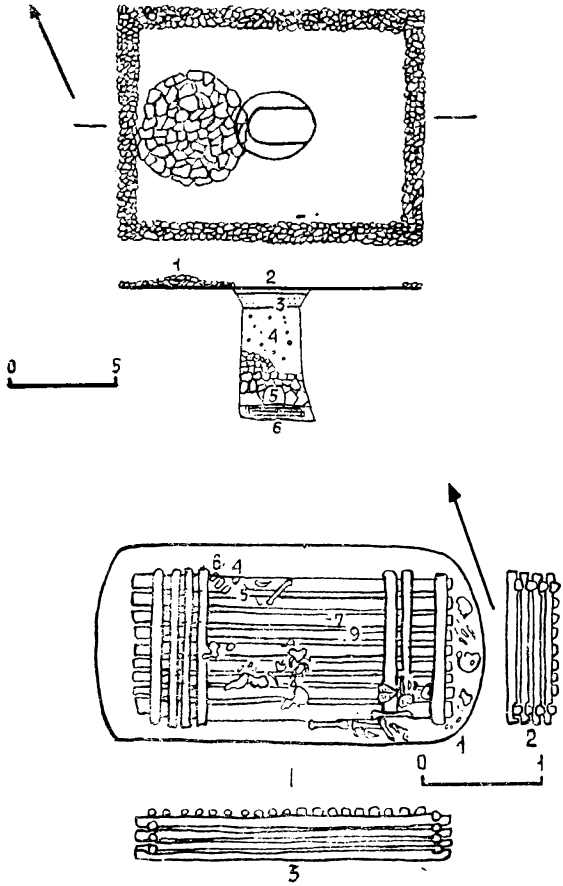

Рис. 28. Алагоуский могильник. Планы и разрезы погребальных сооружений

прийти к выводу, что различия между ними не выходят за рамки вариативности, характеризующей погребальные комплексы внутри сакского ареала. Поэтому достаточно правомерным представляется включение двух названных восточнотуркестанских могильников в число сакских.

Этот вывод получает надежное подтверждение при анализе инвентаря, обнаруженного в могиле М30 Алагоуского могильника. Комплекс этот был разграблен, но и сохранившиеся вещи свидетельствуют о богатстве совершенного в нем захоронения. Хотя данный комплекс пока остается уникальным среди древностей Восточного Туркестана I тыс. до н. э., он заслуживает особого внимания, поскольку обнаруженные здесь находки не только подкрепляют вывод о принадлежности памятника к кругу евразийских культур скифо-сакского типа, но и позволяют конкретизировать представления о направлении связей

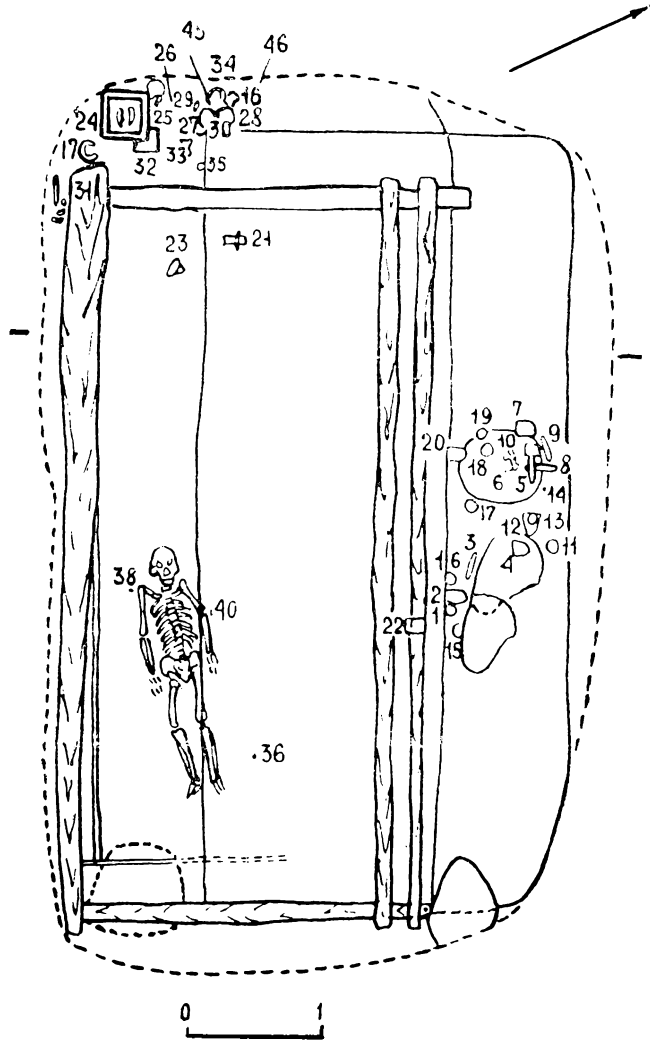

Рис. 29. Алагоуский могильник. План погребения М 30

оставившего его населения, т. е. опять-таки о путях проникновения сакских племен в Восточный Туркестан.

В этом смысле пристального внимания заслуживают найденные здесь — впервые в Восточном Туркестане — изделия, выполненные в традициях евразийского «звериного стиля» (рис. 30). Они весьма разнообразны и находят очень близкие аналогии в сакских комплексах, исследованных советскими археологами. Это относится прежде всего к крупной (длина 20,5, высота 11 см) золотой фигурной пластине, изображающей крылатого хищника семейства кошачьих (льва?) с вывернутой задней

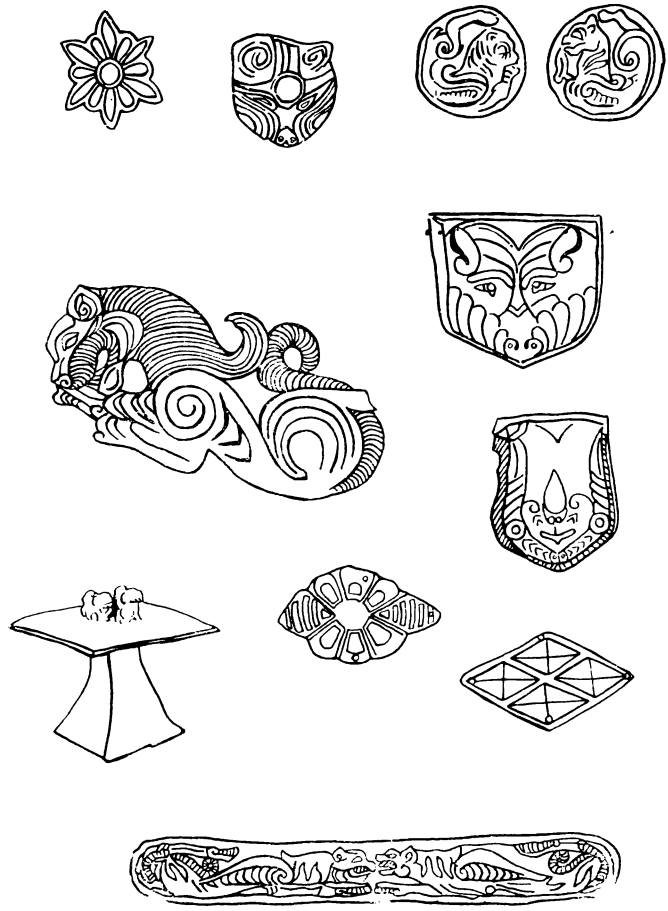

Рис. 30. Алагоуский могильник. Произведения «звериного стиля» и бронзовый алтарик из погребения М 30

частью туловища, т. е. в соответствии с той самой изобразительной схемой, которая упоминалась выше при описании бронзовых печатей. На алагоуской пластине эта поза представлена в ее вполне каноничном варианте — животное не свернуто в кольцо, а вытянуто. Передние лапы зверя протянуты вперед и соприкасаются с мордой, задние подняты кверху. Хвост пропущен между задними лапами, на конце закручен в кольцо, примыкающее к небольшому серповидному крылу, отходящему кверху от лопатки. Параллельные линии, которыми передан «перьевой» покров крыла, продолжают линии, воспроизводящие гриву зверя на шее и загривке. Лопатка и бедро зверя трактованы в виде спиралей. Пасть его оскалена, видны сомкнутые клыки. Щека подчеркнута тройной рельефной линией.

Ближайшую аналогию рассмотренному изображению, несом-

ненно, представляют фигуры крылатого хищника, украшавшие головной убор из погребения в кургане Иссык [86, с. 86, табл. 3]. Совпадают не только общий абрис пластины и изображенная поза животного, но и трактовка отдельных деталей, существенных для выявления стилистического единства. К ним относятся форма и способ передачи крыла, пасти, глаза и главным образом уха, которое имеет сердцевидную форму. Передний край его переходит в спиральный завиток, стилизованно обозначающий внутренний рисунок ушной раковины. Подобная трактовка уха зверя известна также на резных деревянных бляхах из Пазырыкских курганов [492, табл. 52, фиг. 2, 7, табл. 80, фиг. 2], со стилем которых как памятники кургана Иссык, так и алагоуские находки связаны рядом других деталей. Так, уже исследовавший Иссык К. А. Акишев сопоставлял с пазырыкским стилем саму традицию изображать животных с вывернутым туловищем, широко представленную на иссыкских древностях [86, с. 70].

Те же линии связей демонстрируют другие памятники «звериного стиля» из Алагоу, в том числе четыре золотые узкие пластины. На них представлены геральдические пары хищников в той же, что и рассмотренная выше, позе, но с тем отличием, что задние лапы зверя не подняты кверху, а расположены строго горизонтально, параллельно верхнему краю пластины. Идентичную позу видим на прорезной золотой пластине от ножен кинжала из кургана Иссык [86, табл. 25], но там изображена не геральдическая пара, а одиночная фигура лошади. Сходным образом изображен заяц на деревянных пластинах из Пазырыка [492, табл. 54, фиг. 8, 9] [15]

Восемь золотых круглых блях диаметром 5,5—6 см украшены изображением крылатого хищника семейства кошачьих с вывернутой задней частью свернутого в кольцо тела. В настоящий момент эти изображения — единственная полная аналогия той изобразительной схеме, которая была проанализирована при описании «сакских» печатей из Восточного Туркестана. Однако при всей редкости подобной трактовки генетическая связь этого мотива с традициями «звериного стиля» сакских памяников Евразии вряд ли может вызвать сомнения.

Несомненный интерес представляют найденные в той же могиле М30 серебряные бляхи двух типов — широкие и узкие,— по форме напоминающие геральдический щит и украшенные стилизованными масками кошачьего хищника анфас. Серебро в

[15] Чрезвычайно интересной деталью изделия являются три направленных вверх языка, подобных изображению пламени, расположенные на пазырыкских пластинах позади фигуры животного. Смысл их совершенно неясен. На алагоуских же пластинах совершенно так же трактован шерстяной покров на бедре животного. Создается впечатление, что мастер пазырыкских пластин произвольно переместил этот элемент за пределы туловища зверя и тем лишил его смысла. Этот момент весьма существен при решении проблемы хронологического и генетического соотношения памятников алагоуского и пазырыкского «звериного стиля».

качестве материала для изделий, выполненных в «зверином стиле», не характерно для евразийских культур скифо-сакского круга, но как форма этих блях, так и представленный на них мотив и его трактовка находят там прямые аналогии (также главным образом в курганах Иссык и Пазырык). Так, подобная форма блях обильно представлена в Пазырыкских курганах, где она придана изделиям из рога [492, табл. 59, фиг. 8, 13, табл. 61, фиг 11, табл. 81, фиг. 9] и дерева [492, табл. 67, фиг. 3—5, табл. 70, фиг. 4, 5]. В Пазырыке эти бляхи вообще не украшены либо декорированы чисто орнаментальными мотивами [492, табл. 57, фиг. 3—5] или изображениями, очень близкими к алагоуским. Маски животного трактованы здесь таким образом, что образуют строго симметричную композицию с выделенными ушами, глазами и носом зверя, а нижняя часть его морды изображена в виде пальметты с обращенными вверх лепестками [492, табл. 11, фиг. 4, 5]. На пазырыкских бляхах данный мотив представлен с разной мерой стилизации, как правило, более значительной, чем на алагоуских. С другой стороны, в известной мере близкие по стилю маски хищников изобилуют среди материалов кургана Иссык. Здесь они, напротив, стилизованы меньше, чем в Алагоу, их абрис, сохранив контур самой морды зверя, не приобрел обобщенных очертаний геральдического щита; откровенно декоративная пальметта отсутствует, в то же время сходна с изделиями из Алагоу трактовка ушей и глаз зверя [86, табл. 2, фиг. 13, 14]. Близость иссыкских блях к пазырыкским была отмечена К. А. Акишевым [86, с. 66]. Следует учесть то обстоятельство, что все приведенные в качестве аналогий пазырыкские бляхи представляют собой детали конского убора и найдены вне погребальных срубов. Так же вне сруба, у северной стенки могильной ямы, найдены эти бляхи и в могиле М30 Алагоу.

Наконец, особого внимания заслуживает находка в той же могиле — и также у северной стены, за пределами сруба,— бронзового алтарика. Он имеет вид плоского квадратного блюда, укрепленного на квадратной же пирамидальной высокой подставке. В центре блюда помещены две скульптурные фигурки животных. Невозможно определить их вид, так же как и затруднительно уточнить детали их изобразительной трактовки из-за крайней нечеткости опубликованных фотографий. Ближайшую аналогию этому жертвеннику представляет случайная находка из распаханного в 1912 г. кургана в окрестностях Алма-Аты [95, с. 38, рис. 45]. Вместе с некоторыми другими близкими по форме и назначению экземплярами алма-атинский жертвенник образует серию так называемых алтариков семиреченского типа [16], само название которой указывает на достаточно определенный ареал этой категории изделий. Алагоуская находка — первая за пределами указанного ареала. Это к тому же первый

[16] Фигурки крылатых львов, представленные на некоторых предметах этой серии, как будто угадываются и в животных на алагоуском жертвеннике.

случай обнаружения предмета данной серии in situ — в составе инвентаря могилы. Алагоуский алтарик является еще одним — самым ярким — подтверждением специфической близости материалов Алагоуского могильника именно культуре саков Семиречья. Вторая линия связей ведет на Алтай — к пазырыкской культуре. Если и ранее исследователи отмечали определенное родство семиреченских и пазырыкских древностей, то теперь, с открытием Алагоуского могильника, во многих отношениях играющего роль посредствующего звена между этими культурными комплексами, историю культурных связей двух данных племенных групп можно представить значительно более отчетливо. Такое промежуточное положение хорошо согласуется и с местоположением могильника Алагоу у юго-восточной оконечности Тянь-Шаньского горного массива, в его ближайшей к Алтаю части. Ряд долин, прорезающих здесь горные области Центральной Азии, открывает достаточно легкий доступ как из Восточного Казахстана, так и с Алтая в равнинные области Восточного Туркестана. Можно с полным основанием считать, что Алагоуский могильник отмечает этап еще одного пути проникновения племен сакского круга в Восточный Туркестан. Культурный комплекс Алагоу, сверх того, указывает, какие именно из сакских племен скорее всего мигрировали в Восточный Туркестан.

Что касается времени этой миграции, то определенный интерес в этом отношении представляют данные радиокарбонного анализа, полученные для двух образцов из могилы М30 Алагоуского могильника. Они дают для указанного комплекса даты 2345±75 и 2040±95 лет тому назад. В пересчете на обычную хронологию это дает даты: середина V в. до н. э., начало III в. до н. э.; середина II в. до н. э. и начало I в. н. э. Сопоставление этих дат с данными собственно археологической хронологии иссыкского и пазырыкских комплексов, помимо заведомой неприемлемости последней из названных дат, не может, к сожалению, внести необходимую ясность в интересующую нас проблему, прежде всего ввиду дискуссионности вопроса о датировке кургана Иссык. Как известно, он был первоначально датирован К. А. Акишевым [86, с. 39] V в. до н. э. Позже А. К. Акишев [85] радикально омолодил этот комплекс, предложив для него дату «в пределах последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э.» [85, с. 8]. Что касается пазырыкских древностей, то они относятся в целом к V—IV вв. до н. э. При этом, однако, следует учитывать близость, но не полную идентичность воспроизведения одних и тех же мотивов на предметах из Алагоу и Пазырыка.

Вряд ли в настоящее время можно предложить достаточно обоснованную дату Алагоуского комплекса. Однако два вывода следуют из проведенного анализа несомненно. Во-первых, все изыскания по хронологии Иссыка и Пазырыка и по выяснению характера культурно-исторических связей между создавшими их

племенами нужно вести с максимальным привлечением алагоуских материалов. Во-вторых, какие бы уточнения ни вносились в эти вопросы, совершенно очевидно, что названные три культурных комплекса тесно связаны между собой и принадлежат представителям единой в этнокультурном отношении группы племен. Обнаружение Алагоуского могильника наглядно подтвердило то, что можно было предполагать на основе анализа разрозненных материалов, собранных ранее,— спорадические связи между территорией Восточного Туркестана и евразийским степным поясом, возникшие не позднее рубежа II—I тыс. до н. э., где-то в середине I тыс. до н. э. (но никак не позднее) увенчались проникновением в Восточный Туркестан племен, родственных этносам, обитавшим в алтайско-тяньшаньско-памирском регионе. Сопоставление же этих данных со сведениями о носителях хотано-сакского и близких ему языков позволяет видеть в названных мигрантах прямых предков тех саков, которые обитали в Восточном Туркестане в раннем средневековье. Дальнейшие археологические исследования как в самом Восточном Туркестане, так и в ареале скифо-сакских культур Евразии уточнят и дополнят эту картину.

Глава 5

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В СВЕТЕ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Рассматриваемые здесь сведения античных, т. е. греко-римских, источников относятся ко II в. до н. э.— II в. н. э. Сведения эти, конечно, можно приурочить к Восточному Туркестану лишь очень приблизительно, что объясняется как смутностью представлений о стране по причине ее крайней удаленности, так и тем, что античность не выработала понятия, вполне адекватного нашему термину «Восточный Туркестан». В общем, можно сказать, что именно к этой стране относятся сведения о северо-восточной окраине ойкумены. Сведения о серах, тохарах, исседонах и других этносах будут рассмотрены здесь лишь постольку, поскольку они связаны с Восточным Туркестаном. Интерпретацию известных античных источников мы ограничим тем уровнем, который можно назвать филологическим, не обращаясь при этом к реалиям.

Античные сведения о Восточном Туркестане уступают китайским по полноте и точности, но тем не менее содержат ценный материал, дополняющий китайские известия. Возможности этого материала исследователи не всегда используют в полной мере; хотя первые античные сведения о Восточном Туркестане относятся к несколько более раннему времени, чем китайские.

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ОЙКУМЕНЫ

В процессе постепенного расширения географического кругозора античности территория современного Восточного Туркестана была включена в него лишь в эллинистическую и римскую эпохи. В настоящее время нет никаких оснований думать, что античный мир знал о Восточном Туркестане и Китае и поддерживал с ними постоянные торговые связи во времена Геродота (V в. до н. э.) или даже Аристея (VII в. до н. э.). Поэтому в общем обзоре античных сведений о северо-восточной окраине ойкумены мы приводим лишь те данные, которые действительно относятся к Восточному Туркестану.

Мы приводим сообщения лишь тех авторов (пусть даже компиляторов), которые для нас все же являются оригинальными,

так как их первоисточники не дошли до сегодняшнего дня. Это Помпоний Мела (I в. н. э.), Гай Плиний Секунд (Плиний Старший) (I в. н. э.), Дионисий (II в. н. э.) и Клавдий Птолемей (II в. н. э.). Сообщения более поздних авторов, таких, как Солин (III в. н. э.), Аммиан Марцеллин (ок. 330—400), Авиен (IV в. н. э.), Капелла (V в. н. э.), Присциан (V—VI вв. н. э.), не приводятся в настоящей главе. Если оставить в стороне вопрос о посредствующих и дополнительных источниках, то можно сказать, что Солин компилировал данные Плиния Старшего и Помпония Мелы, Капелла — в основном Плиния Старшего, Аммиан Марцеллин—Клавдия Птолемея и Плиния Старшего; Авиен и Присциан являются переводчиками Дионисия.

Следует отметить также, что мы излагаем лишь те сообщения, в которых содержится общий обзор северо-восточной окраины ойкумены.

Помпоний Мела

Помпоний Мела родом из г. Тингентера в Испании (жил, видимо, и в Риме) написал свое сочинение «О хорографии» (De chorographia, или «О положении мира» (De situ orbis) на латинском языке около 43 г. н. э. Цитируемые ниже отрывки из этого труда можно разбить на две части: одна посвящена общему обзору восточного побережья Азии, другая — более подробному описанию северо-восточного участка азиатского побережья (цит. по [91а]).

Книга I. «(9) Азия обращена к востоку огромным сплошным побережьем. Ширина восточной оконечности Азии так велика, что равняется расстоянию от самой южной точки Африки до самой северной точки Европы, а это расстояние включает еще ширину Средиземного моря.

(11) В ней первые люди, начиная с востока, как мы узнаем, это инды, серы и скифы. Серы обитают почти как раз в середине Эойской (т. е. восточной.— *В. П.*) части [побережья Азии], инды [и скифы[1]] — по краям. Оба последние расселены на широком пространстве и омываются не только этим [Эойским] морем, но инды обращены также к югу и сплошь заселяют племенами побережье Индийского моря до тех пор, пока оно не делается необитаемым из-за жары. Скифы же обращены к северу, а именно к Скифскому берегу (т. е. к берегу Скифского океана.— *В. П.*), и, кроме мест, недоступных из-за холодов, населяют его вплоть до Каспийского залива».

Книга III. «(59) Отсюда [от северного побережья земли] путь поворачивает к Эойскому морю,— мы имеем в виду, к берегу земли, обращенному на восток. Он тянется от Скифского мыса

Добавление издателей.

до мыса Колиды и сначала непроходим из-за снегов, а затем невозделан из-за дикости жителей. Там обитают скифы: андрофаги и саки; их разделяет область, изобилующая дикими животными и потому необитаемая.

(60) Далее лежит пустыня, опасная из-за чудовищ; она простирается до горы Табис, находящейся у моря. На большом расстоянии от [этой горы] возвышается Тавр. Между ними живут серы, очень справедливый народ. Они широко известны своим способом торговли, которая происходит в их отсутствие, после того как они оставят свои товары в уединенной местности».

Плиний Старший

Г. Плиний Секунд Старший жил по преимуществу в Италии и Риме. Свое сочинение «Естественная история» (Naturalis historia) он в основном закончил к 77 г. н. э. Приводимые здесь отрывки из этого сочинения посвящены описанию северо-восточного участка побережья Азии [1042; 1167, 1949, № 2, с. 271—317].

Книга VI. «(53) Путь от Каспийского моря и Скифского океана к Эойскому меняет направление, когда внешняя сторона берегов становится обращенной к востоку. Первая от Скифского мыса часть побережья необитаема из-за снегов, а ближайшая к ней — невозделана из-за дикости жителей. Там сидят антропофаги-скифы, питающиеся человеческими телами. Поэтому вблизи — обширные пустыни и множество зверей, подстерегающих людей, сходных с ними по дикости. Затем снова скифы и снова пустыни с дикими зверями вплоть до прилегающего к морю горного хребта, который называют Табисом. Эта страна становится обитаемой не раньше, чем почти с половины длины этого побережья, которое обращено к летнему востоку.

(54) Первыми из людей здесь живут те, которые называются серами. Они известны шерстью, производимой лесами: серую листву, смоченную водой, они расчесывают, тем самым доставляя нашим женщинам двойную работу — распутывать нити и сплетать их снова, т. е. ткать; так многообразен труд и так отдален район земного круга, используемый для того, чтобы матрона могла публично появляться в просвечивающих одеяниях. Серы, хотя и кротки, но подобны зверям, потому что избегают общества остальных людей и выжидают торговлю.

(55) Первая известная у них река — это Псифара, ближайшая — Камбары, третья — Лан, за которой мыс Хриса, залив Кирнаба, река Атиан, залив и племя людей аттакоров, которые, будучи укрыты солнечными холмами от всех вредных дуновений, живут в таком же умеренном климате, как гипербореи. О них составил от своего имени сочинение Амомет, подобно тому как Гекатей — о гипербореях. За племенем аттакоров — фуны и фокары и, уже у индов, касиры внутри страны по на-

правлению к скифам, питающиеся человеческими телами; также номады Индии прикочевывают сюда. Некоторые говорят, что со стороны Аквилона с ними соприкасаются киконы и брисары».

Дионисий

Дионисий, известный под прозвищем Периэгет, написал свое стихотворное сочинение «Периэгеса ойкумены» (Οἰκουμένης περιηγήσις) на древнегреческом языке в Александрии Египетской около 125 г. н. э. Приводимый здесь отрывок из этого сочинения можно назвать описанием земель по Оксу, Яксарту и далее, вплоть до северо-восточных пределов ойкумены [1006а].

«(746) земля (747) Сугдии, через всю середину которой катится священный Окс, (748) который, покинув гору Эмод, впадает в Каспиду. (749) За ним по течению Яксарта обитают (750) саки, носящие луки,— никакой другой лучник не превзошел бы их, (751) ведь у них не в обычае стрелять впустую. (752) И тохары, фруны и варварские народы серов — (753) они, отвергая быков и тучных овец [или коз], (754) собирая пёстрые цветы в пустынной стране, (755) изготовляют одежды искусные, знаменитые, (756) окраской подобные цветам луговой травы; (757) не напрасно бы с этим и труд пауков состязался. (758) Есть и другие многочисленные скифы, которые обитают (759) на окраинах земли. У них страна, сотрясаемая бурями, (760) опустошена зимними ветрами и градом. (761) Столько народов живет вокруг Каспийских волн».

Птолемей

Клавдий Птолемей, живший в Александрии Египетской, написал свое сочинение «Географическое руководство» (Γεωγραφικὴ ὑφήγησις) на древнегреческом языке около 177 г. н. э. При этом «Список известных городов», включенный в восьмую книгу этого труда, написан несколько ранее остальной части сочинения, и содержащиеся в нем сведения могут расходиться с данными других частей труда Птолемея. Интересующие нас материалы помещены в основном в разделах, посвященных Скифии, лежащей по ту сторону горы Имая, а также Серике [1045; 1073].

Книга VI. «15: Расположение Скифии, лежащей по ту сторону горы Имая.

(1) Скифия, лежащая по ту сторону горы Имая, ограничена: на западе Скифией по эту сторону [Имая] и [страной] саков вдоль всей северной ветви гор; на севере неизвестной землей; на востоке Серикой вдоль прямой линии, концы которой лежат под 150° (63°) и 160° (35°); на юге частью Индии, лежа-

щей по ту сторону реки Ганга, вдоль широтной линии, соединяющей названные концы [160° (35°) и 145° (35°)].

(2) В этой области находится западная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 149° (49°), западная часть так называемых Касийский гор, конец которой лежит под 152° (41°), а также западная часть Эмодских гор, конец которой лежит под 153° (36°), а у Авзакийских гор — исток реки Ойхарда, который лежит под 153° (51°).

(3) Северные области этой Скифии населяют абии-скифы, области под ними — гиппофаги-скифы, за ними простираются область Авзакитида и под ней, еще у названного Горметериона,— область Касия, под ней — хаты-скифы, затем область Ахаса и под ней у Эмодских гор — хауранеи-скифы.

(4) В этой области имеются города:
Авзакия — 144° (49° 40′),
Исседон Скифский — 150° (48° 30′),
Хаурана — 150° (37° 15′),
Соита — 145° (35° 20′)».

«16. Расположение Серики.

(1) Серика ограничена: на западе Скифией, лежащей по ту сторону горы Имая вдоль названной линии; на севере неизвестной землей вдоль той самой параллели, которая проходит через Фулу; на востоке неизвестной землей вдоль долготной линии, концы которой лежат под 180° (63°) и 180° (35°); на юге остальной частью Индии, лежащей по ту сторону Ганга, вдоль той же широтной линии вплоть до конца, место которого лежит под 173° (35°), и затем [областью] синов вдоль [той же] продолжающейся линии вплоть до названного конечного пункта у неизвестной земли.

(2) Горы проходят через Серику [такие]: так называемые Аннибские горы, концы которых лежат под 153° (60°) и 171° (56°); восточная часть Авзакийских гор, конец которой лежит под 165° (54°); так называемые Асмирейские горы, пределы которых лежат под 167° (47° 30′) и 174° (47° 30′); восточная часть Касийских гор, концы которой лежат под 162° (44°) и 171° (40°); Фагурская гора, середина которой лежит под 170° (43°); затем восточная часть Эмодских гор, называемых также Серийскими, конец которой лежит под 165° (36°); так называемая гора Отторокора, концы которой лежат под 169° (36°) и 176° (39°).

(3) По большей части Серики протекают преимущественно две реки: Ойхард, исток которого у Авзакийских гор уже указан, а исток у Асмирейских гор лежит под 174° (47° 30′), ветвь же по направлению к Касийским горам [начинается] под 160° (49° 30′), а исток ее в этих горах лежит под 161° (44° 15′), и так называемый Баутис, исток которого, также у Касийских гор, лежит под 160° (43°), исток у Отторокоры — под 176° (39°), ветвь по направлению к Эмодским горам начинается под 168° (39°), а исток в тех же горах — под 160° (37°).

(4) Северные области Серики населяют народы антропофагов, под ними и выше одноименных гор обитает народ аннибов, между ним и Авзакийскими горами — народ сизигов, под ним дамны, затем пиады вплоть до реки Ойхарда и под ней одноименные ойхарды.

(5) И далее, к востоку от аннибов — гаринеи и раббаны, под ними — область Асмирея выше одноименных гор, под ними вплоть до Касийских гор — исседоны, бо́льшой народ, к востоку от них — фроаны, затем под ними — фагуры на восток от одноименной горы, под исседонами — аспакары, снова под этими — баиты, и самые южные, вдоль Эмодских и Серских гор,— отторокоры.

(6) Города Серики, известные по имени, таковы:
Дамна — 156° (51°40′)
Пиада — 160° (49°40′)
Асмирея — 170° (48°20′)
Фроана — 174°40′ (47°40′)

(7) Исседон Серский — 162° (45°)
Аспакара — 162°30′ (42°40′)
Дросаха — 167°40′ (42°30′)
Палиана — 163°30′ (41°)
Абрагана — 163°30′ (39°30′)

(8) Фогара — 171°20′ (39°40′)
Даксата — 174° (39°40′)
Оросана — 162° (37°30′)
Отторокора — 165° (37°15′)
Солана — 169° (37°30′)
Сера — столица — 177° (38°35′)».

Книга VIII. 24: 8-я карта Азии.

(1) Восьмая карта Азии заключает Скифию, лежащую по ту сторону горы Имая, и Серику. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану как 2 к 3.

(2) Ограничивается эта карта с севера и востока неизвестной землей, с юга [страной] синов и частью Индии, с запада [страной] саков и Скифией, лежащей по эту сторону Имая.

(3) Из известных городов Скифии Исседон Скифский имеет самый длинный день в 16 часов и отстоит от Александрии к востоку на шесть часов.

(4) Авзакия имеет самый длинный день приблизительно в 16 часов 15′ и отстоит от Александрии к востоку на 5,5 часа и 6′.

(5) Из известных городов Серики Исседон Серский имеет самый длинный день в 15,5 часа и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 6,5 часа и 20′.

(6) Дросаха имеет самый длинный день в 15 часов 10′ и отстоит от Александрии к востоку приблизительно на 7 часов и 10′.

(7) Отторокора имеет самый длинный день приблизительно в 14 часов 40′ и отстоит от Александрии к востоку на семь часов.

(8) Столица Сера имеет самый длинный день в 14 часов 45′ и отстоит от Александрии к востоку на 7 часов 50′ или полных 8 часов».

«30: (22) Восьмая [карта Азии]: от 140° вплоть до 180°; получается длина в 40°· ширина — от 35° вплоть до 63°; получается ширина в 28°».

Сочинения всех четырех авторов, отрывки из которых приведены здесь, посвящены общему описанию ойкумены. Такие сочинения, разумеется, не могли избежать влияния хотя бы одного из трех основных авторитетов, определявших развитие античной географической мысли в эллинистическую и римскую эпохи: Эратосфена, Гиппарха и Посидония. В главных географических трудах Эратосфена (около 200 г. до н. э.), Гиппарха (до 125 г. до н. э.) и Посидония (до 65 г. до н. э.) разрабатывались в основном теоретические вопросы, но, не говоря уже об Эратосфене, и Гиппарх и Посидоний — подчеркнем это особо — включали в свои сочинения и описательный географический материал, «топографию материков» (Strabo VIII, I, 1). Хотя идеи упомянутых трех ученых и явились фундаментом более поздних географических работ, определить их конкретный вклад в этих работах не так-то просто.

Очень сложен вопрос об источниках Мелы и Плиния. Сравнивая тексты Мелы, книг III и IV «Естественной истории» Плиния, можно сделать вполне определенный вывод: в основе сочинений и того и другого авторов лежит общий источник; сообщения Мелы заимствованы из него почти целиком, у Плиния он обильно дополнен иным материалом. Назовем его «источник А». В нем выделяются две части; одна из них, условно названная нами «перипл», последовательно описывает прибрежные части ойкумены, вдоль которых автор мысленно «проплывает»; другая часть представляет собой описательный материал, соответствующий «периплу». В ней, в частности, содержится описание упомянутых в «перипле» народов. «Перипл» является костяком, «красной нитью» географического повествования и у Мелы, и у Плиния. Очень похоже, по целому ряду признаков, что Мела и Плиний, составляя «перипл», описывали какую-то карту. А сведения о народах, временами прерывающие изложение «перипла», Мела и Плиний заимствовали из текста, сопровождавшего гипотетическую карту.

Задача определения общего источника Мелы и Плиния считается очень трудной и запутанной и в общем не решена до сих пор, хотя, надо сказать, этому препятствовало более всего господство предвзятых мнений. Ранее в большинстве случаев считали, что таким общим источником является одно из сочинений М. Теренция Варрона (116—27 г. до н. э.). Но после появления работы К. Г Залемана [1084] этого мнения нельзя принять. Плиний ссылается на Варрона как раз там, где расходится с Мелой. Мы считаем, что с наибольшими основаниями на роль общего источника Мелы и Плиния может претендовать

карта М. Випсания Агриппы и приложенный к ней текст. Известно, что Агриппе, ближайшему сподвижнику Августа, принадлежала мысль создать в Риме общедоступную карту; смерть (в 12 г. до н. э.) помешала осуществить ему свой замысел. «По указанию (плану)» (ex destinatione) Агриппы, используя оставшиеся от него «записки» (commentarii), Август довел до конца эту работу: карта была выполнена на стене одного из римских портиков (ок. 12 г. н. э.) - (Plin., III, 17), и тогда же, видимо, опубликовали сопровождающий и поясняющий ее текст, известный позднее как «Хорография Августа».

Отмечая бесспорную общность сообщений Мелы (III, 59, 60) и Плиния (VI, 53, 54) о северо-востоке ойкумены, ранее обычно объясняли ее заимствованием того и другого автора у Варрона: такое объяснение давали, например, Д. Детлефсен (1886 г.) и А. Клотц (1906 г.). Когда Ф. Альтхайм высказывает предположение (правда, сопровождая его знаком вопроса) о том, что общим источником сведений Мелы и Плиния о северо-востоке ойкумены является Варрон [731, с. 56; 732, с. 715], то он придерживается общепринятого мнения. Хотя Ф. Альтхайм считает, что Плиний имел перед глазами также карту Агриппы, однако исследователь возводит к ней, видимо, лишь упоминание о Скифском и Эойском океанах. А. Геррманн полагает, что сведения о Скифском мысе, андрофагах, пустынях, серах и горе Табис у Мелы и Плиния восходят к одному источнику и что все эти сведения имелись уже у Агриппы. Тем не менее источником Мелы А. Геррманн считает некую, совершенно гипотетическую греческую обработку карты Эратосфена, а источником Плиния — карту Агриппы, которая является, по его мнению, латинской обработкой карты Эратосфена [885, с. 31, 44, 46, 47]. Тем самым А. Геррманн, на наш взгляд совершенно неоправданно, искусственно осложняет исследуемый вопрос (видимо, находясь под влиянием общих концепций). К. Г Залеман со своей стороны считает описание северо-востока ойкумены заимствованием Плиния (VI, 53) у Мелы (III, 59—60) [1084, с. 146, 147]. Но и такая гипотеза не открывает выход из положения — ведь описание северо-востока ойкумены является органической частью всего «перипла» и Мелы и Плиния. В таком случае пришлось бы весь «перипл» считать заимствованием Плиния у Мелы, что, конечно, невозможно: известно, что, хотя Плиний и упоминает Мелу в числе использованных им авторов, в действительности заимствует у него очень мало [849, стб. 2402; 1084, с. 123].

Описание северо-восточного участка того же побережья Азии у Мелы (III, 59, 60) и Плиния (VI, 53, 54) суть нераздельные части «перипла» того и другого автора, который, как уже было сказано, мы считаем описанием карты М. Випсания Агриппы. Рассказ о серах и их торговле у Мелы (III, 60) и Плиния (VI, 54), видимо, взят из хорографии, сопровождавшей карту. При этом возможно, что сообщение Плиния (VI, 54) о «шерсти» серов, отсутствующее у Мелы, является собственным добавле-

нием первого автора, почерпнутым из ходячих в его время представлений (ср. характерные упоминания в цитируемом тексте Плиния: feminis nostris ac matrona).

После выхода в свет работы П. Шнабеля [1090] нуждается в пересмотре и уточнении мнение А. Геррманна о том, что карта Агриппы была лишь латинской обработкой карты Эратосфена. Карта Агриппы, данными, заимствованными из нее Мелой и Плинием, как будто больше соответствует положениям Гиппарха. Правда, сведения Гиппарха подверглись весьма существенному перетолкованию, судя по некоторым признакам, во время обработки Августом «плана» и «записок» Агриппы. Конечно, установление зависимости Агриппы от Гиппарха не влечет за собой с необходимостью вывода о заимствовании всех сведений Агриппы у Гиппарха: многое могло быть введено и самим Агриппой или Августом.

«Перипл», основа географических книг Плиния, дополнен у него обильным описательным материалом. Большая часть этого материала обнаруживает определенное внутреннее единство и, по-видимому, заимствована у одного автора. Этот второй главный источник Плиния можно назвать «источник Б». Мы считаем, что им скорее всего являлись сочинения М. Теренция Варрона (около 50 г. до н. э.): Агриппа и М. Варрон неизменно фигурируют в числе первых двух-трех имен в списках авторов, чьи сведения Плиний использовал при написании географических книг. Уже сам «источник Б» был компиляцией данных различных авторов.

Так, Плиний дополняет «перипл» сообщениями о землях от Псифары до касиров (VI, 55). Относить их к числу заимствований у Агриппы, как это делает А. Геррманн [885, с. 47], нет оснований, поскольку последние совпадают у Мелы и Плиния. Но если этот дополняющий материал и заимствован Плинием у одного автора — у Варрона, как мы полагаем,— то восходит он в конечном счете к двум разным источникам. Одному из них обязано сообщение о Псифаре — аттакорах, другому — о фунах-касирах.

Сообщение о землях от Псифары до аттакоров — это обрывок какого-то перипла, описывавшего морские берега, простирающиеся «по ту сторону Индии», причем основным объектом внимания здесь являются аттакоры. С серами это сообщение было связано Плинием, видимо, потому, что, судя по тексту Птолемея, описывающему те же места [885, с. 32], рядом с Псифарой в нем должна была упоминаться р. Сер, которая к серам в действительности никакого отношения не имела. Плиний прямо называет автора этого сообщения, Амомета, причем в связи с Гекатеем. Аттакоров Плиний упоминает еще раз, и опять в связи с гиперборейми (VI, 90). Можно думать, что данные Амомета здесь использованы через посредство Гекатея. Гекатей Абдерский, живший при дворе первых Птолемеев (конец IV — начало III в. до н. э.), создавая сочинения «О гиперборейх», собрал

много экзотических сведений не только о «счастливом народе» греческих преданий, но и о других подобных «счастливцах» аналогичных традиций, в том числе об аттакорах, этих индийских гипербореях. Для этого Гекатей использовал, очевидно, сочинение своего современника и земляка Амомета. Однако у нас нет оснований приписывать Амомету, как это делает Ф. Альтхайм, почти все данные Плиния (через посредство Варрона) о северо-восточной части ойкумены [731, с. 55—57]. Еще К. Мюллер ограничивал этот фрагмент сочинения Амомета только сообщением об аттакорах [1006, с. 396].

Сообщение о фунах, фокарах и касирах представляет собой, напротив, часть итинерария по суше от серов к индам. В изложении Плиния получается так, что земля фунов расположена за землей аттакоров. На самом же деле сообщения о Псифаре — аттакорах и о фунах-касирах являются двумя параллельными вставками, каждая из которых непосредственно связана с серами. Мы считаем, что сообщение Плиния о фунах-касирах, как и многие другие, восходит к труду Артемидора (ок. 100 г. до н. э.), хотя аргументировать такое положение здесь нет возможности (об Артемидоре у Плиния см. [1084, с. 64]). Сообщение Артемидора, как и Гекатея, очевидно, дошло до Плиния через посредство Варрона [943, стб. 302; 1084, с. 62], а сам Артемидор заимствовал его у Аполлодора, о чем еще будет речь впереди.

Источником Дионисия являются, как это давно признано, данные Посидония [931, стб. 920]. Те отрывки, которые заимствованы Дионисием у Эратосфена, также могут восходить к Посидонию, поскольку последний во многом возвратился к взглядам знаменитого киренца. Однако Дионисий заимствовал у Посидония не прямо, а через посредничество Александра Лихна, который изложил в стихах географию Посидония [931, стб. 921]. Вопрос же о посредничестве М. Варрона неясен [807а, с. 765].

А. Германн, очевидно, прав, возводя к Посидонию сообщение Дионисия о северо-востоке ойкумены [885, с. 35, 43]. Однако их можно отнести к еще более раннему автору, а именно Аполлодору. Посидоний, несомненно, знал сочинение этого ученого, так как специально собирал сведения о восточных землях [921, с. 72; 946, с. 136]. Хотя, конечно, нет гарантии, что все сообщения Дионисия о северо-востоке ойкумены, прошедшие через несколько рук, непременно восходят к Аполлодору.

Непосредственным источником Птолемея, как он сам писал, являлись сочинения Марина. Марин Тирский (конец I — начало II в. н. э.) был очень начитанным автором и, несколько раз переиздавая свои «Исправления географической карты», рассмотрел множество сочинений предшественников ((Geogr., I, 6). Однако сам он так и не успел начертить карту (Geogr., I, 17, I), а его авторский текст, особенно при удаленных от побережий землях, был бессвязным и часто содержал указание только на

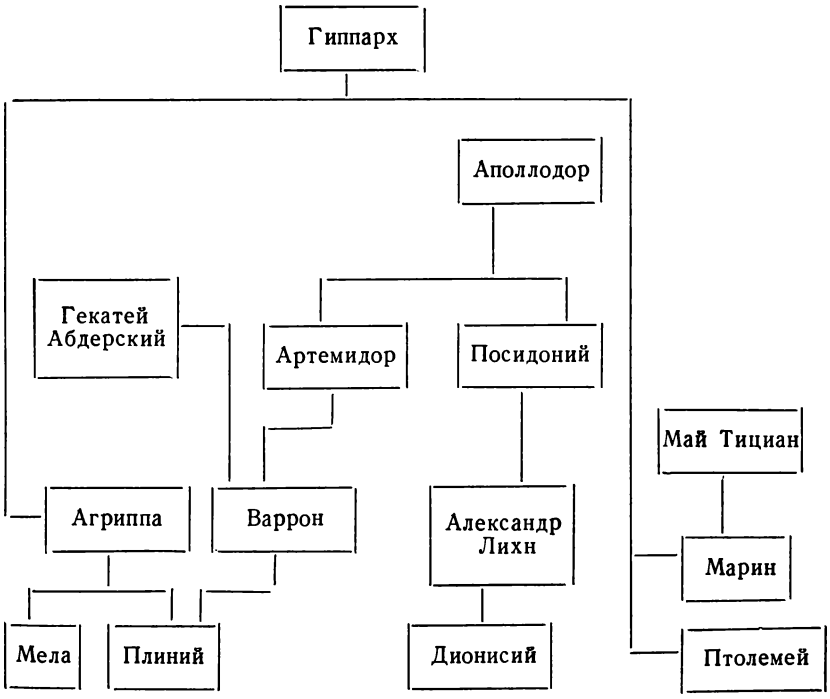
широту или только на долготу того или иного пункта. Птолемей решил на основе этого материала составить карту, хотя подчеркнем, что в большинстве случаев он не имел каких-либо дополнительных данных. Марин в числе новейших источников использовал итинерарий Мая Тициана (Geogr., I, 6). Из этого последнего сочинения и почерпнуто большинство данных для описания страны саков, Скифии «по ту сторону Имая», и Серики — земель, практически неведомых предшественникам Марина и Птолемея.

А. Геррманн выделяет в пределах описания Серики и Скифии «по ту сторону Имая» этнонимы и топонимы, восходящие, по его мнению, к более древним источникам, чем итинерарий Мая. Это антропофаги, гиппофаги-скифы, Отторокора и этнонимы, имеющие, как он считает, соответствия на таблицах К. Пейтингера,— абии-скифы и хаты-скифы [885, с. 124]. Как точнее определить этот более ранний источник? Известно, что и Марин и Птолемей были верными последователями Гиппарха и не только придерживались его теоретических взглядов, но заимствовали у него конкретные данные, в частности по восточным областям [921, с. 55, 57; 989, с. 241]. Как уже отмечалось, на данных Гиппарха построены и карта М. Агриппы, лежащая в основе «периплов» Мелы и Плиния, и таблицы Пейтингера (в дискуссию по вопросу об отношении этих последних к карте Агриппы мы здесь входить не можем). Очевидно, сопоставление сообщений Птолемея — Марина и материалов, заимствованных у Агриппы, поможет выявить их общее наследие, восходящее к Гиппарху. Конечно, в описании Заимайской Скифии и Серики, заполненном почти целиком данными Мая, такое наследие окажется минимальным. Очевидно, к нему можно отнести упоминание антропофагов (Geogr., VI, 16, 4), указанных примерно в тех же местах Мелой (III, 59) и Плинием (VI, 53), а также абиев-скифов (Geogr., VI, 15, 3), отмеченных на таблицах К. Пейтингера. Что касается хатов-скифов, то Xatis Scythae таблиц К. Пейтингера (XII, 4, 5), с которыми их сопоставляет А. Германн, более убедительно отождествляются с яксартами Птолемея (VI, 14, 10, 11) [983, с. 221].

Особую сложность представляют данные об исседонах. Оригинальные сведения о них относятся к VII—V вв. до н. э. и восходят к Аристею, Алкману, Гекатею Милетскому и Геродоту, причем почти каждый автор называл их по-своему (как обычно бывает, когда каждый из них черпает из самостоятельных источников): Ἰϐσηδοί, Ἰσσηδόνες, Ἐσσηδόνες (или Ἀσσηδόνες). Конечно, совершенно невероятно предположение, что спустя полтысячелетия греческие ученые, вновь услышав об этом народе, независимо воспроизвели ту форму его наименования, которую применял Геродот. Ясно, что такой начитанный географ, как Марин, познакомившись с итинерарием Мая, по каким-то признакам «узнал» в одном из описанных там народов «классических» исседонов (знакомство Марина и Птолемея с традицией,

близкой Геродоту, прослеживается и по другим данным). Еще В. В. Григорьев писал: «Представляется нам, что исседоны Птолемея не имеют ничего общего с исседонами Геродота, но что тем не менее исседоны птолемеевские — какое-нибудь malentendu, какое-нибудь qui pro quo, следствие соображений александрийского географа, которых разгадать мы не беремся» [206, с. 73]. А. Геррманн считал, что такие соображения были основаны на фонетическом сходстве наименований, а также на картографических недоразумениях [884, стб. 2240—2242; 885, с. 118, 121, 124, 126, 131, 133, 141; 908, с. 97]. Правда, толкования А. Геррманна несколько натянуты, особенно там, где они касаются появления второго, скифского Исседона. Может быть, объяснение кроется в рассказе о «погребальных» обычаях исседонов? Наиболее характерной, больше всего поражавшей воображение античного читателя частью описания исседонов у Геродота, несомненно, являлся именно этот рассказ. Видимо, в Центральной Азии он был своего рода бродячим сюжетом; во всяком случае, еще Плано Карпини и Рубрук рассказывали о тибетцах почти то же самое, что Геродот говорил об исседонах [450, с. 42, 131]. Не повествовалось ли нечто подобное в итинерарии Мая и о том народе, который Марин (или Птолемей) называл исседонами?

Конечно, в описании Серики и Скифии «по ту сторону Имая»

возможны заимствования и из других путеводителей, помимо итинерария Мая. Так, А. Геррманн считал, что данные Птолемея о р. Баутис и городах Палиана, Оросана и Солана взяты из дополнительного источника, вообще не использованного Марином [885, с. 59, 60].

Источники сообщений Мелы, Плиния, Дионисия и Птолемея о северо-восточных окраинах ойкумены см. на схеме (с. 201).

ИСТОКИ АНТИЧНЫХ СВЕДЕНИЙ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ОЙКУМЕНЫ

Страбон намечает несколько этапов в развитии конкретных географических знаний античного мира, в расширении географического кругозора: времена персов, затем македонян и, наконец, римлян и парфян (Strabo I, 2, 1; XI, 6, 3, 4). То же самое он говорит и относительно познания земель «к востоку от Гиркании вплоть до Согдианы по эту сторону Тавра» (Strabo XI, 11, 6), т. е. северо-восточной части ойкумены. Походы Александра Македонского познакомили греков с обширными пространствами Азии, но сведения историков Александра во многом недостоверны (Strabo I, 2, 1; XI, 6, 4). Кроме того, во времена Александра не совершались походы в наиболее отдаленные от Эллады земли северных и восточных кочевников (Strabo XI, 6, 11), а это значит, что северо-восточные окраины ойкумены остались неизвестными. Обобщил данные историков Александра Эратосфен. Парфяне еще более расширили знания об отдаленных землях, а историки, писавшие о парфянах, рассказали об этих землях достовернее и полнее, потому что видели больше, так что благодаря им значительно пополнились знания о Гиркании, Бактриане и живущих на северо-восток от нее скифах (Strabo I, 2; XI, 6, 4). Именно авторам «Парфики», и прежде всего Аполлодору Артемитскому, мы обязаны многими сведениями об этих отдаленных странах (II, 5, 12). Суммированы были указанные сведения Посидонием и Артемидором.

К этапам, намеченным Страбоном, можно добавить еще один, последний, когда вследствие расцвета торговли географический горизонт вновь значительно раздвинулся. Новые знания о северо-восточной части ойкумены на данном этапе получены главным образом благодаря итинерарию Мая Тициана, а обобщены Марином и Птолемеем.

Итак, сведения о северо-восточных окраинах ойкумены, в том числе и о территории Восточного Туркестана, восходят в конечном счете, во-первых, к сочинениям типа «Парфики», прежде всего к сочинению Аполлодора Артемитского, и, во-вторых, к торговым итинерариям и периплам, преимущественно к итинерарию Мая Тициана. Это основные источники сведений античности о северо-восточных пределах ойкумены; однако некоторые сведения имеют и иное происхождение.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛАДЕНИЙ ЦАРЕЙ ГРЕКО-БАКТРИИ ДО ФАУНОВ И СЕРОВ

Аполлодор в переложении Страбона, видимо через посредство Посидония, рассказывает о могуществе греко-бактрийских царей, подчинивших больше племен, чем Александр. Эти завоевания в Индии совершили Менандр и Деметрий, причем Менандр переправился через Гипанис на востоке и дошел вплоть до Исама; они распространили свое господство также вплоть до серов и фаунов.

Аполлодор отмечает, что владения греческих царей Бактрии вышли за пределы завоеваний Александра в двух направлениях — юго-восточном, в Индии, и, очевидно, северо-восточном, «вплоть до серов и фаунов» [731, с. 347, 348; 1007, с. 36]. Кто именно завоевывал северо-восточные земли Страбон не говорит, но многие исследователи склоняются к тому, что это был Деметрий [105, с. 467; 731, с. 349; 1007, с. 27].

Иногда слова Страбона толкуют почему-то так, будто серы и фауны являлись ближайшими соседями Греко-Бактрии и походы греко-бактрийских царей были направлены непосредственно против них [1124, с. 84—87, 112]. Нам кажется, что контекст сообщения о серах и фаунах не свидетельствует в пользу такого понимания. Серы и фауны, «вплоть» (μέχρι) до которых распространилось господство бактрийских царей, так же как и Исам, до которого дошел Менандр,— не объекты, а пределы завоеваний, причем, видимо, пределы внешние, исключающие [1007, с. 27]. А это значит, что между первоначальными владениями бактрийских царей, с одной стороны, серами и фаунами — с другой, находилось некое пространство. Лишь подчинив себе эту буферную зону, бактрийская держава вошла в контакт с серами и фаунами.

Имеются ли у античных авторов какие-либо данные, позволяющие заполнить это пространство? Выше уже приводились сообщения Плиния (VI, 55) и Дионисия (749—757), связанные с серами и фаунами (фунами, фрунами). Как было отмечено, они восходят к Аполлодору — сообщение Плиния через посредство Артемидора, а сообщение Дионисия через посредство Посидония — и в тексте Аполлодора, несомненно, имели какую-то связь с сообщением о завоеваниях бактрийских царей [983, с. 207].

Нам кажется, что нет необходимости прибегать к предположению, согласно которому Аполлодор вместе с серами и фаунами упоминал также тохаров, а Посидоний, посредник между Аполлодором и Страбоном, исходя из каких-то своих соображений, вычеркнул последних [988, с. 148]. Скорее всего уже Аполлодор называл земли серов и фаунов, а также Исам как пределы завоеваний. Однако трудно сказать, описывал ли он последовательно ход завоеваний сначала в Индии до Исама, а затем в другом направлении, до земель серов и фаунов, или,

указав пределы завоеваний в том и другом направлениях, дал описание путей, ведущих к этим пределам. Пожалуй, вероятнее второе.

Плиний, перечисляя этнонимы — серы, фуны, фокары, касиры,— придерживается определенной пространственной последовательности [105, с. 457]. Касиры являются уже индами, обитающими с «внутренней», т. е. материковой, стороны Индии, обращенной к скифам. Но на этом перечень Плиния не кончается: автор лишь прерывает его, обращаясь на время к «источнику А» и некоторым другим материалам, чтобы определить границы и размеры Индии. Затем Плиний возвращается к прежнему источнику и продолжает перечень, вновь называя касиров, но сопровождая упоминание о них новыми данными: по ту сторону Гемодских гор (которые являются границей Индии) живут исары, косиры [988, с. 297; 989, с. 28], изы; по горному хребту — хиротосаги и многочисленные племена, известные под прозвищем брагманов; реки Прина и Каинна, последняя из которых впадает в Ганг; калинги у моря, мандеи и маллы внутри страны, река Ганг (VI, 64); упоминаются также гангаридские калинги (VI, 65). Что нужно понимать здесь под исарами и изами, которые названы лишь в связи со вторым упоминанием касиров,— неизвестно. Возможно, что исары (Isari) как-то связаны с Исамом (Ἴσαμος), который фигурирует у Страбона в качестве предела завоеваний Менандра в Индии и тоже не получил убедительного объяснения [731, с. 325, 326; 1124, с. 144, 145].

Видимо, с этим же описанием связано сообщение Плиния о том, что зеленоватый камень (callaina) «родится у жителей Кавказской горы позади обратной стороны Индии: фикаров, фокаров, тохаров, саков и дардов[2]» (XXXVII, 110), т. е. у племен, обитающих по ту сторону гор (Эмодские, или Гемодские, горы считались частью Кавказского хребта), ограничивающих Индию со стороны материка [1138, с. 205].

Дионисий перечисляет в общем те же племена, что и Плиний, но в обратном порядке: Эмодские горы в верховьях Окса, саки по Яксарту, тохары, фруны, серы. Конечно, и в основе этого сообщения — итинерарий [105, с. 458, 459]. Вряд ли можно согласиться со скептическим мнением Й. Маркварта об этой гипотезе [988, с. 148, 149]. К такому истолкованию сообщения Дионисия Й. Маркварт прибегал для того, чтобы подкрепить собственные предположения, в общем неудачные, о миграциях тохаров. В соответствии со своей концепцией он даже переводит указание Дионисия (749) на местообитание саков не «по течению Яксарта», а «у устья (an der Mündung) Яксарта» ([988, с. 148], о значении слова προχοή в данном тексте см. также [1006, с. 151]). Дионисий, подобно Плинию, рассказывая об Индии, продолжает перечень, основанный на том же итинера-

[2] Dardas — чтение В. Томашека [1138, с. 205]; другое чтение: Dahas.

рии. Он называет гангаридов, р. Гипанис, Эмодские горы (1144—1147). В данном случае характерно упоминание Гипаниса — эта форма названия индийской реки засвидетельствована, кроме Аристобула, только у Аполлодора [731, с. 323; 1124, с. 32].

Какие-то известия о том же пути Посидоний использовал при создании своей теории зон, в частности при трактовке восточной части того пояса, который простирается вдоль северных склонов горного хребта Тавр—Кавказ. Фрагменты этого учения Посидония отчасти заметны в сочинении Страбона — там, где он говорит о Бактриане и Северной Индии как странах, расположенных на север от горной цепи Тавр, на одних широтах (II, 1, 14; XI, 7, 2). Следует положениям Посидония и Птолемей в своей астрологической географии. Бактриана, Каспирия (т. е. страна касиров, северных индов) и Серика составляют у Птолемея отдельную триаду стран (Tetr., II, 3). Ф. Болл был, несомненно, прав, возводя указанную географию к Посидонию [767, с. 189—217]. К сожалению, это мнение было оставлено после работы К. Трюдингера, который не увидел в астрологической географии Птолемея ничего, кроме непонятного дробления и дублирования географических названий стран, что, по его мнению, исключает научно-систематический источник (т. е. Посидония). Таким образом, К. Трюдингер отверг ценнейший материал, очень полезный для реконструкции учения Посидония о географических зонах [1142а, с. 87]. Видимо, не чуждо теории Посидония и сообщение Равеннского географа (2, 3) об Индии, Серике и Бактриане, в котором Ф. Альтхайм в общем правильно угадал связь с традицией о владениях Деметрия, простиравшихся до земель серов и фаунов [732, с. 352] [3].

Итак, если обобщить данные Плиния и Дионисия, взаимное расположение земель саков, серов и индов будет выглядеть следующим образом:

Плиний	Дионисий
Серы	Серы
Фруны (фауны)	Фуны (фауны)
Тохары	Фокары (тохары)
Саки по Яксарту и Эмодские горы в верховьях Окса	Касиры (каспиры) и Эмодские горы
	Гипанис, Исам (исары?)
	Индийские племена и Ганг

К какому времени относятся эти данные? Деметрий совершил завоевания в начале II в. до н. э., Менандр — в середине того же столетия. Сам Аполлодор происходил из Артемиты, города, расположенного к востоку от Селевкии-на-Тигре, на пересечении дорог, ведущих от Селевкии в Бактрию и Индию. Очень вероятно, что он был близок к торговым кругам Селевкии и много путешествовал [724, с. 17—19; 1124, с. 44, 45]. Нет, однако,

[3] К упомянутой традиции сообщение Равеннского географа восходит скорее всего через посредство теории зон Посидония.

оснований считать, что он писал в I в. до н. э., когда уже процветала регулярная торговля по Шелковому пути [1124, с. 64]. Приведенные выше данные явно относятся к более раннему времени. Для приурочивания труда Аполлодора к определенной дате нет необходимости приписывать ему все упоминания о сакарауках; terminus post quem для его сочинения вряд ли позднее предпоследнего десятилетия II в. до н. э. Видимо, правы те, которые считают Аполлодора современником описанного им вторжения номадов в Согдиану и Бактриану [921, с. 54]. Его рассказ о пути к серам (по которому еще не велось регулярной караванной торговли) относится в таком случае ко времени, непосредственно предшествующему упомянутому вторжению.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАПРОБАНЫ К СЕРАМ

В годы принципата Клавдия (41—54), пишет Плиний, в Рим прибыло посольство, отправленное царем острова Тапробана и состоявшее из четырех человек, главным из которых был Рахия (VI, 85, 86). Они рассказывали в Риме о своей родине и, между прочим, о том, «что сторона их острова, обращенная к Индии, имеет тысячу стадиев и лежит в направлении к зимнему востоку, а позади Гемодских гор они обращены также к стране серов, которые известны им еще и благодаря торговле; отец Рахии торговал там, и, когда он прибывал туда, серы сбегались к нему навстречу; сами же они [серы] превышают ростом обычных людей, имеют рыжие волосы, голубые глаза, язык с резкими звуками, а в торговле обходятся без слов; в остальном они (послы с Тапробаны.— *И. П.*) говорят то же, что и наши торговцы: товары, положенные на другой стороне реки, рядом с тем, что выставили для продажи туземцы, они забирают, если их удовлетворяет обмен» (Plin., VI, 88).

Р Хенниг считает, что посольство с Тапробаны достигло Рима не ранее 54 г. н. э. [538, с. 352]. Дж. Томсон по неясным причинам не доверяет сообщению Плиния о серах, торговавших с жителями Тапробаны [525, с. 427], но оснований для недоверия, на наш взгляд, нет. Между тем эту информацию, полученную, видимо, непосредственно от послов царя Тапробаны, нужно отнести к числу наиболее достоверных материалов Плиния. Непонятно также, почему А. Геррманн считает, что грубый голос, отсутствие речи, пригодной для ведения торговли, и сама немая торговля не могут быть присущи серам и что указанные детали взяты из другого источника, общего для Плиния и Мелы «источника А», имевшего в виду других серов [885, с. 31]. Меновую торговлю действительно приписывает серам и жителям Тапробаны и «источник А». Плиний, однако, замечает по этому поводу, что послы говорят «то же, что и наши торговцы» (eadem quae nostri negotiatores), и, кроме того, добавляет подробность, отсутствующую в «источнике А»,— о пограничной реке (VI, 88).

Неясно, к какому именно народу относится этноним «серы» в данном сообщении. Называли ли так сами жители Тапробаны тот народ, о котором рассказывали, или так назвали его уже в Риме? В. Тарн считает, что информант Плиния назвал данную народность серами потому, что она обитала там же, где жили серы Аполлодора, и, следовательно, серы Рахии и серы Аполлодора связаны друг с другом [1124, с. 3]. Нам кажется, что все это крайне маловероятно. Аполлодор и Рахия получили свою информацию при неодинаковых обстоятельствах, и истоки их традиций совершенно различны. Этноним «серы» связан с континентальными трассами Великого шелкового пути. Скорее всего «серы» появились лишь при переложении Плинием рассказа Рахии. Уже в описании местоположения Тапробаны заметно, что Плиний как бы сверяет свой рассказ с картой «источника А» (т. е. с картой М. Агриппы) и подводит к мысли, что люди, с которыми имел дело отец Рахии, не могут быть никем иным, кроме серов; способ же торговли, практиковавшийся этими людьми, делает для Плиния такое отождествление бесспорным.

ПУТЕШЕСТВИЕ ТОРГОВЫХ АГЕНТОВ МАЯ ТИЦИАНА В СЕРИКУ

Некто Май Тициан[4], македонянин и потомственный купец, посылал своих агентов к серам. С их слов он «записал измерения» пути, т. е. составил итинерарий. Обо всем этом Птолемей сообщает, ссылаясь на Марина (Geogr., I, II, 6); очевидно, и с содержанием итинерария Мая Птолемей был знаком через посредничество Марина.

Путь, описанный Маем, начинаясь от римского пограничного города Гиераполь у переправы через Евфрат, вел далеко на восток через Бактры и Каменную Башню вплоть до Серы, столицы серов. В качестве последнего участка этого пути выделено расстояние от Каменной Башни до Серы. Птолемей дает очень мало сведений, непосредственно относящихся к данному участку итинерария. Сообщается, что путь от Каменной Башни до Серы занимает семь месяцев; здесь бывают сильные бури, задерживающие путников; климат на всем протяжении пути одинаков; в остальном же люди не нашли ничего чудесного и достойного описания (Geogr., I, 3—5, 7; II, 12, 2). Марин установил, что путь от Каменной Башни до Серы проходит по параллелям Геллеспонта (40°55′) и Византия (43°5′) (Geogr., I, 5). Расстояние между этими пунктами Марин определил в 36 200 стадиев, но Птолемей нашел нужным сократить указанную цифру в два раза и определил расстояние от Каменной Башни до Серы в 18 100 стадиев, или 45 ¼ градуса (Geogr., I, 11, 3; II, 12, 1, 2).

Очень мало данных у Птолемея и относительно маршрута

[4] Май Тициан был скорее всего жителем римской Сирии, потомком македонских завоевателей.

пути от Каменной Башни до Серы. Отмечается, что от Каменной Башни «на восток горы, расступаясь, примыкают к Имаю, поднимающемуся от Палимбофр на север» (Geogr., I, 8, 12). Там, где к горе Имаю примыкает гора Аскатанка, находится Горметерион, принадлежащий купцам, ведущим торговлю с Серой; он лежит под 140° (43°) на границе страны саков с Заимайской Скифией (Geogr., VI, 13). Этим ограничиваются непосредственные указания, однако ясно, что бóльшая часть карты Заимайской Скифии и Серики построена на путевых данных Мая Тициана. Возможно, что эти данные относились к итинерарию от Каменной Башни до Серы, представленному на участке от Горметериона до Серы двумя ветвями — северной и южной. Ниже представлен маршрут пути от Каменной Башни до Серы (по реконструкции А. Геррманна) так, как излагал его Марин [885, с. 116—121]:

Северная ветв	*Южная ветвь*
Каменная Башня	—
Горметерион	Горметерион
Авзакия	Сонта
Исседон Скифский	Хаурана
Дамна	Исседон Серский
Пиада	—
Асмирея	и Аспакара к югу от него
Фроана	—
Дросаха	Даксата
Фогара	—
Сера — столица	Сера — столица

Определяя место различных пунктов на градусной сетке Серики и Заимайской Скифии, Марин и Птолемей вряд ли располагали какими-либо иными данными, кроме указаний на протяженность пути и его направление. Эти данные они и переводили в градусы и часы. В большинстве случаев, к сожалению, только эти последние определения, в градусах и часах, и дошли до нас. Делая обратный перевод, необходимо учитывать следующее:

1. Широты от 14 часов 30′ до 16 часов определялись Птолемеем в градусах следующим образом:

параллель Родоса, 14 часов 30′ = 36°,
параллель Смирны, 14 часов 30′ = 38°35′,
параллель Геллеспонта, 15 часов = 40°55′,
параллель Византия, 15 часов 15′ = 43°5′,
параллель «середины Понта», 15 часов 30′ = 45°,
параллель устья Борисфена, 16 часов = 48°30′

2. Отсчет долготы Птолемей вел от Счастливых Островов на восток. Долгота самой Александрии определена им в 60°30′. Каждый час равен 15°

3. Протяженность одного градуса по меридиану и по экватору у Марина и Птолемея определена в 500 стадиев, а по

параллелям Родоса — в 400 стадиев. Исходя из последнего определения, они и переводили данные итинерария Мая Тициана в градусы.

4. Один день пути в итинерарии Мая Тициана Марин приравнивал, видимо, к 170 стадиям [885, с. 107].

Время путешествия торговых агентов Мая Тициана определялось исследователями по-разному. В. Томашек отнес его к 50—70-м годам I в. н. э. [1137, с. 22]. Й. Маркварт — к 92—98 гг. н. э. [991, с. 59], А. Геррманн — примерно к 97—100 гг. н. э. [991, с. 91, 93]. Р. Хенниг почему-то считает, что путешествие совершил сам Май Тициан «между 98 и 107 гг., а еще вернее — между 100 и 105 гг. н. э.»; «чтобы как можно больше узнать о загадочной стране — родине шелка, он посетил серов», занимавшихся, по мнению Р. Хеннига, посреднической торговлей, Май Тициан расспрашивал серов о дорогах; однако сам он дошел только до Каменной Башни [538, с. 401—403]. Как совместить последние два утверждения — непонятно; согласно Птолемею (на основании данных Мая), Каменная Башня расположена между землей серов и Заимайской Скифией. Этноним «серы» у Птолемея не обнаруживает никаких признаков собирательного значения в том смысле, какой приписывает ему Р. Хенниг. Но, к какому бы времени ни относить путешествие людей Мая, ясно, что торговый караванный путь, по которому они следовали, функционировал уже давно, хотя и с перерывами — с 119 г. до н. э. [970, с. 169, 172], с 114 г. до н. э. [885, с. 27] или с 106 г. до н. э. [731, с. 347].

Для установления источников, которыми пользовался Май Тициан при составлении своего итинерария, важны исследования А. Геррманна. Ученый приходит к выводу, что в описании восточной части пути, т. е. участка от Каменной Башни до Серы, Май Тициан использовал не только сообщения своих торговых агентов, но и некий китайско-иранский путеводитель. Этот последний явился переводом того же документа, который лег в основу описания Западного края в «Цяньханьшу». Указанный документ был лишь дополнен сведениями агентов Мая Тициана, которые, по-видимому, были иранцами, так как иначе им вряд ли был бы доступен участок пути от Евфрата до Бактрии, контролировавшийся парфянами. Свой отчет агенты Мая Тициана составили на иранском языке [885, с. 91, 126, 127]. Г. Хауссиг, полагая, что Май пользовался местными итинерариями при описании восточной части пути, выделяет согдийский и индийский источники Мая [874, с. 187, 188]. Однако выводы Г. Хауссига обоснованы значительно слабее.

ПУТИ ИЗ СЕРИКИ В БАКТРИЮ И ИНДИЮ

Приблизительно в то время, когда Май Тициан писал свой итинерарий, другой купец, живший в римском Египте, около

90 г. н. э. составил «Перипл Эритрейского моря». Автор этого труда известен нам под именем Псевдоарриана.

О крайнем северо-востоке известной ему ойкумены Псевдоарриан сообщает следующее: «(64) За этой страной [островом Хриса], уже совсем на севере, где крайнее море соприкасается с неким местом страны серов, у них внутри страны находится очень большой город, называемый Фины. Из него через Бактры доставляются сухим путем в Баригазы, а также через Ганг в Лимирику — серская шерсть, пряжа и полотно[5] Проникнуть в эту область [в Фины] нелегко: из нее изредка приходят отдельные [купцы]. Это место лежит под самой Малой Медведицей, и говорят, что оно граничит с самыми отдаленными частями Понта и Каспийского моря, рядом с которыми лежит Меотийское озеро, которое вместе с Каспийским морем впадает в Океан. (65) Каждый год на границу страны Фин приходит племя, люди которого очень малы ростом, очень широколицы и совершенно курносы[6]; говорят, что их называют сесатами и что они очень похожи [по образу жизни] на диких. Они являются с женами и детьми, таща на спине большие тяжести и плетеные корзины цвета виноградных лоз; некоторое время они остаются на границе между их страной и Финами, в течение нескольких дней справляют праздники; они подстилают себе эти плетеные корзины; затем они уходят дальше, в глубь своей страны. Местные жители, заметив это, приходят тогда же на эти места, собирают их подстилки и вытаскивают оттуда тростники, т. е. петры. Затем они накладывают листья плотно один на другой и, сделав из них шарики, прошивают их волокнами из тростника. Получается три вида: из более крупного листа — т. н. крупнозернистый малабатр, из более мелкого — среднезернистый и из самого мелкого — мелкозернистый. Отсюда эти три сорта малабатра постоянно доставляются в Индию теми, кто его [так] приготовляет. (66) Местности, находящиеся за этими, или малодоступны из-за очень сильных снежных бурь и морозов, или неисследованы по высшему соизволению богов» [1167, 1940, № 2, с. 264—281].

Своеобразные географические представления автора «Перипла Эритрейского моря» являются, конечно, результатом сочетания старых географических воззрений с новыми данными [218, с. 117]. Было высказано и предположение, что его представления о географии северо-востока ойкумены соответствуют данным какой-то карты [885, с. 54]. По-видимому, автор перипла или

---

[5] В тексте: ὀθόνιον τὸ Σηρικόν. В указанном переводе на русский язык: «хлопок» [1167, 1940, № 2, с. 281]. А. Германн дает вариант: «serisches Leinentuch (Fertigseide)» [885, с. 26, 37].

[6] В тексте: ἔν μοι εἰς τέλος. В цитируемом переводе на русский язык: «Племя, люди которого очень малы ростом, очень плосколицы (с кожей белого цвета), но по разуму замечательные» [1167, 1940, № 2, с. 281]. А. Германн предлагает перевод: «ein Volk, körperlich sehr kleine und sehr breitgesichtige, ganz und gar stumpfnasige» [885, с. 37, 38].

его источник имел в своем распоряжении устаревшую карту, отражавшую уровень познания ойкумены, примерно соответствовавший эпохе Эратосфена, когда северо-восток известной суши за Каспийским морем оставался практически неведомым.

К несколько более позднему времени относятся известия о путях к серам, знакомых еще автору «Перипла Эритрейского моря». Птолемей, поправляя некоторые утверждения Марина, ссылается на рассказы своих современников (νῦν ἱστορουμένοι); это показания людей, много плававших вдоль берегов Аравии и Индии и хорошо знавших земли вплоть до Золотого Херсонеса и Каттигары (Geogr., I, 17, 1—4).

«Они говорят,— пишет Птолемей,— что выше синов находятся страна и столица серов, а к востоку (sic!) от них есть неизвестная земля, где имеются болотистые озера, в которых растет высокий тростник, настолько густой, что по нему переправляются [через озера]; и что оттуда дорога ведет не только на Бактриану через Каменную Башню, но и на Индию через Палимбофры» (Geogr., I, 17, 4).

Вполне возможно, что для создания карты Серики и Заимайской Скифии Птолемей в какой-то мере использовал и данные этих своих современников. А. Германн считает, например, что данные Птолемея о баутах (баитах), Палиане, Оросане, Солане и р. Баутис являются добавлением к данным Марина [885, с. 59, 60].

ПЕРЕНОС НА СОВРЕМЕННУЮ КАРТУ АНТИЧНЫХ ДАННЫХ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ОЙКУМЕНЫ

Истолкованием отдельных античных данных о северо-востоке ойкумены занимались многие исследователи, но мы ограничимся обзором лишь основных работ, специально посвященных названной проблеме. В. В. Григорьев в своих дополнениях к переводу «Землеведения» К. Риттера посвятил специальный раздел античным сведениям о Восточном Туркестане [485, с. 57—78]. Любопытно, например, что в этой работе, написанной задолго до открытия знаменитых восточноиранских рукописей, город Фроана локализован лишь с небольшой ошибкой: в Сучжоу вместо Дуньхуана [485, с. 67, 68; 764, с. 252]. Труд В. Томашека [1137] насыщен фактами и ценными наблюдениями по частным вопросам, но в целом неприемлема его концепция, в соответствии с которой еще Аристей знал о Восточном Туркестане.

Из более поздних работ наибольшее значение имеет исследование А. Германна [885], хотя и в нем содержится много спорных положений. Много внимания уделено этой проблеме и в труде А. Бертело [764]. Однако мнение ученого о том, что Птолемей получил свои данные в результате чуть ли не настоя-

щей топографической съемки[7], не могло не привести к существенным ошибкам. Автор стремится во что бы то ни стало следовать указаниям Птолемея и прямо перенести их на современную карту, совсем не учитывая влияния традиции, которая, несомненно, также преломилась в труде Птолемея, еще более исказив его и без того неточные данные. Г Хауссиг же [874] впадает в противоположную крайность. Вырывая данные Птолемея из контекста, он пытается расшифровать их, прибегая главным образом к фонетическим сопоставлениям. Но сопоставления эти настолько поверхностны, а выводы, основанные на них, настолько далеко идущие, что поверить последним очень трудно. Работа Г Гумбаха [908] во многом удачнее. Карта Птолемея получила у него более трезвую и правильную оценку.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ ОТ ГИЕРАПОЛЯ В СЕРИКУ (среднеазиатский участок) ПО ПТОЛЕМЕЮ

Путь от сирийского Гиераполя в г. Серу, столицу Серики, описанный Птолемеем по данным Марина, является античным вариантом Великого шелкового пути, протянувшегося через весь Азиатский материк. Итинерарии с запада в Бактриану и Согдиану и до Птолемея не раз по разным поводам излагались в античной литературе. Дошли до нас и скудные фрагментарные известия о восточном крае ойкумены. Но лишь Птолемей дал описание всей трассы Великого шелкового пути и сообщил о странах, по которым он проходит.

Сведения Птолемея о пути в Серику давно уже привлекали внимание исследователей [254, с. 33—34; 375, с. 104—108]. Интерпретация этих сведений, предлагавшаяся разными исследователями, приводила зачастую к противоречивым результатам. Но все варианты такой интерпретации основаны, как правило, на прямом переносе данных Птолемея на современную карту. Можно несколько иначе подойти к этим данным, уделяя основное внимание предварительному источниковедческому анализу.

Дорога от Гиераполя в Серику, по словам Птолемея (Geogr., I, II, 6), стала известна благодаря торговой поездке: «[Марин] говорит, что некий Май, он же Тициан, македонянин и потомственный купец, записал эти измерения [пути до Серы], не ездивший, однако, сам, а пославший к серам некоторых [людей]».

Птолемей вслед за Марином делит весь путь на две части: от переправы через Евфрат у Гиераполя до Каменной Башни, и от Каменной Башни до Серы. И Птолемей и Марин используют данные о расстояниях на этом пути для определения дли-

[7] А. Бертело уверен, что александрийский Музей, подобно Институту Петермана в Готе или Географической службе французской армии, располагал ко времени Птолемея огромным фактическим материалом, необходимым для определения долготы и широты упомянутых Птолемеем пунктов [764, с. 117].

ны ойкумены по Родосской параллели. По Марину, расстояние от переправы через Евфрат до Каменной Башни составляет 876 схенов, или 26 280 стадиев, а расстояние от Каменной Башни до Серы, которое можно преодолеть за семь месяцев, равно 36 200 стадиям. Птолемей поправляет Марина, указывая, что тот не принял во внимание неравномерность движения и отклонения пути от прямой линии, и соответственно сокращает расстояние, определяя длину первого отрезка в 800 схенов (или 24 тыс. стадиев), а второго — в 18 100 стадиев (Geogr. I, II, 1—4; 12, 1—3).

О пути от переправы через Евфрат до Каменной Башни Птолемей (Geogr., I, 12, 3—8) говорит следующее: «(3) И первое расстояние — я говорю о расстоянии от Евфрата до Каменной Башни — следует уменьшить из-за отклонений дорог в сторону с 876 схенов только до 800 схенов, или 24 000 стадиев. (4) Поверим ему [Марину], что этот [путь] был непрерывным и равномерным и измерен по уже исхоженным местам; однако то, что он имел много отклонений, ясно из того, что излагает Марин. (5) Действительно можно допустить, что дорога от переправы через Евфрат у Гиераполя через Месопотамию к Тигру и оттуда через [область] гарамеев Ассирии и Мидии в Экбатаны, к Каспийским воротам и через Парфию в Гекатомпил примерно совпадает с Родосской параллелью; ведь ее и согласно ему [Марину] следует проводить через названные области. (6) Путь же в город Гиркания от Гекатомпила должен отклоняться на север, поскольку город Гиркания лежит где-то между параллелями Смирны и Геллеспонта, так как параллель Смирны проходит под самой Гирканской областью, параллель же Геллеспонта — через южные части Гирканского моря, которые находятся немного севернее одноименного города. (7) И опять, дорога отсюда в Маргианскую Антиохию через Арию сначала отклоняется к югу, поскольку Ария лежит на одной параллели с Каспийскими воротами, затем к северу, поскольку Антиохия расположена около параллели Геллеспонта. От нее дорога на Бактры тянется к востоку, дорога оттуда до подъема в горную страну комедов — к северу, дорога же по самой горной стране вплоть до ущелья, переходящего в равнину,— к югу; северо-западные части горной страны, где находится подъем, он помещает на параллели Византия, а юго-восточные — на параллели Геллеспонта. Поэтому он говорит, что эта дорога, хотя и проходит почти прямо на восток, отклоняется на юг. (8) Похоже, что дорога оттуда в 50 схенов вплоть до Каменной Башни отклоняется к северу. Ведь после подъема, говорит он, ущелье сменяется Каменной Башней, к востоку от которой горы, расступаясь, примыкают к Имаю, поднимающемуся от Палимбофр на север».

Данные о дороге от Гиераполя в Серику Птолемей использовал при составлении карты. Почти все топонимы, связанные с этой дорогой, фигурируют и на карте. Но в расстояния внесены изменения. Марин определил длину ойкумены на карте в

15 часов (Geogr., I, II, 1), т. е. в 225° и 90 тыс. стадиев. Поскольку расстояние от Счастливых Островов до Гиераполя определено им на карте в 71°55′ и 28 767 стадиев, постольку на расстояние от Гиераполя до Серы осталось 153°5′ и 61 233 стадия, из них на участок Гиераполь — Каменная Башня отведено 63°5′ и 25 233 стадия, а на участок Каменная Башня — Сера — 90° и 36 тыс. стадиев. Птолемей повторяет все это с той лишь разницей, что последний участок сокращает ровно вдвое [885, с. 94]. Ряд указаний в описании карты прямо связан с дорогой от Гиераполя в Серику. У сочленения горы Аскатанка с горой Имай лежит под 140° (43°) Стоянка торговцев, ведущих торговлю с Серой (Geogr., VI, 13, 1). «У саков имеется уже названная горная страна комедов, подъем на которую со стороны согдианов лежит под 125° (43°), части ее при ущельи комедов — под 130° (39°), и так называемая Каменная Башня лежит под 135° (43°)» (Geogr., VI, 13, 2).

Эти же указания Птолемеевой карты в небрежной передаче Аммиана (XXIII, 6, 60) выглядят так: «Над ней [страной саков] высятся горы Асканимия и Комед. Вдоль их подошвы и через селение, которое именуют Каменной Башней, проходит очень дальний путь, используемый торговцами, то и дело ходящими к серам».

Итинерарий Мая Тициана не дошел до нас, но можно полагать, что он представлял собой такое же практическое руководство для купцов, каким являлся «Перипл Эритрейского моря». В научных целях его использовал Марин, который имел дело именно с сочинением Мая Тициана, а не с устными его сообщениями [944, стб. 235]. Птолемей же знал об этом сочинении только через посредство Марина [944, стб. 235]. Итинерарий Мая Тициана интересовал Марина и Птолемея лишь постольку, поскольку его можно было использовать для составления карты. Перенеся данные «македонянина» на карту, Марин и Птолемей безжалостно перетолковывали и искажали их. Поэтому даже то, что осталось от данного итинерария в пересказе Марина и Птолемея, не согласуется с их же картографическими указаниями.

Май написал путеводитель со слов своих агентов. Но в какой мере сами эти агенты основывались на личных наблюдениях? Предположение о том, что их сведения расспросного происхождения и собраны у парфян, базируется на сомнении в реальности их путешествия [105, с. 458]. А. Герман предположил, что агенты Мая Тициана, составляя отчет о своем путешествии на иранском языке, исходили как из собственных наблюдений, так и из данных некоего неизвестного путеводителя по Центральной Азии. Сведения этого путеводителя китайского происхождения конца I в. до н. э., с одной стороны, были использованы составителями для описания орографии Западного края «Цяньханьшу». Извлечения из этого китайского источника, переведенные на один из иранских или «тохарских» диалектов,

послужили итинерарием для купцов, торговавших вдоль Великого шелкового пути. Данные этого путеводителя были использованы агентами Мая для описания пути от Бактрии до границ собственно Китая [874, с. 149; 885, с. 91, 112, 113, 126, 127].

Как измерены расстояния на этом пути? Птолемей и Марин всюду определяют расстояния в стадиях. Относительно величины их стадия существуют разные мнения, например, от 210 до 156 м [525, с. 463]. Но какой стадий подразумевали Птолемей и Марин, для нас в данном случае не имеет большого значения, так как ясно, что они выражали в стадиях иные меры, фигурировавшие, видимо, в итинерарии Мая Тициана. Для участка пути от Гиераполя до Каменной Башни такой мерой был схен, соотношение которого со стадием, принятое Марином и Птолемеем, определяется как 1 30 (Ptol., Geogr., I, II, 3). Вполне возможно, что агенты «македонянина» измеряли расстояние в парасангах, которые при обработке их сведений были заменены на схены [885, с. 91]. Приравнять персидский вариант к схену, принятому в эллинистическом Египте позволили не только близость их абсолютного значения, но и одинаковое соотношение со стадием: (Herod., V, 53, VI, 42; Strabo XI, 5). Значение парасанга колебалось от 4,5 до 6 км. Установить, каков был парасанг агентов Мая Тициана, можно благодаря сообщению о том, что длина ущелья комедов равна 50 схенам (т. е. парасангам.— *И. П.*). Этот отрезок пути, по-видимому, пролегал по современному Каратегину. Если считать, что протяженность этой горной области (от Обигарма до Дарауткургана) — 220 км [991, с. 64], то парасанг агентов Мая Тициана будет иметь минимальное значение. Заметим, что в другом, близком по времени итинерарии — «Парфянских стоянках» Исидора — для измерения расстояний также применен схен, равный 3 римским милям, т. е. примерно 4,5 км [1138, с. 149]. Составляя карту, Марин и Птолемей переносили на нее путевые данные, исходя из такого расчета: 1° по широте Родоса=400 стадиев, 1° по долготе=500 стадиев (Ptol., Geogr., I, II, 2).

Путь, описанный в итинерарии, начинался в сирийском городе Гиераполь, или Бамбика, расположенном к западу от Евфрата, между Зевгмой и Фапсаком. Переправа через Евфрат являлась рубежом между римскими и парфянскими владениями. Гарамеи, территория которых к востоку от Тигра охватывала юг Ассирии вплоть до Диялы и юго-запад Мидии, на востоке граничили непосредственно с областью Экбатаны [447, с. 60]. Упоминание Каспийских ворот, Гекатомпила, Гиркании и Арии показывает, что здесь речь идет о той же дороге в Бактриану и Согдиану, а также и в Индию, которая не раз описывалась античными авторами до Птолемея.

Дорога в Маргианскую Антиохию (Мерв) через Арию (Герат) направляется, по словам Птолемея, сначала к югу, а потом к северу. Ориентация здесь указана правильно, но, судя по тексту, Птолемей определил ее только исходя из того, что

сказал Марин о широте того или иного пункта. Так же и слова Птолемея о том, что «дорога на Бактры тянется к востоку», видимо, основаны на определении широты и Маргианской Антиохии и Бактр как параллели Геллеспонта (40°55′; ср.: Ptol., Geogr., VI, 10, 3: широта Антиохии — 40°40′; VI, 11, 9 — широта Бактр — 41°), а не на описании реальной дороги. В действительности дорога на Маргианскую Антиохию была скорее ветвью основного пути от Арии к Бактрам, прямой же дороги от Мерва на восток к Балху через песчаную равнину не существовало [120, с. 60]. По-видимому, и Птолемей не имел реальных сведений о такой дороге: на карте он отделяет Маргианскую Антиохию от Бактр горным хребтом [1073, табл. 1].

Столь же скудными и, главное, уже истолкованными в том смысле, какой хотел им придать Марин, были сведения, которыми располагал Птолемей об участке дороги от Бактр до Стоянки торговцев. А. Геррманн, видимо, прав, считая, что Птолемей в данном случае без изменений воспроизвел текст Марина [885, с. 101]. Источником же Марина был итинерарий Мая Тициана, базировавшийся в данном случае (по мнению А. Геррманна), на собственных данных агентов «македонянина», хотя этот участок пути не был описан в доставшемся им путеводителе китайского происхождения [885, с. 127, 132]. Исследователями предложено множество интерпретаций описания указанного участка пути, которые можно свести к трем основным: одни ведут дорогу по Каратегину и Алайской долине, другие — через Самарканд и Фергану, третьи — через Памир [375, с. 39—43]. Однако ни один из перечисленных вариантов не объясняет полностью всех данных Птолемея. По нашему мнению, эти сведения и невозможно объяснить, исходя только из современной карты.

Судя по указаниям Птолемея, описательным и картографическим, рассматриваемый отрезок пути представлялся ему, как и Марину, состоящим из последовательных частей: от Бактр до подъема в горную страну комедов, до Каменной Башни, от Каменной Башни до Стоянки торговцев. В этих указаниях бросаются в глаза прежде всего различия в характеристике, которую Птолемей дает пути в горную страну комедов. С одной стороны, дорога туда идет прямо на север от Бактр, с другой — туда попадают от согдианов, и ведет этот маршрут скорее на восток, нежели на север от Бактр (координаты Бактр — 116° (41°), подъема — 125° (43°). Кроме того, после восхождения в горы путник, согласно Птолемею, сразу попадает в ущелье, которое тянется до Каменной Башни и затем переходит в равнину. Вместе с тем из другого фрагмента следует, что подъем ведется в горную страну. Очевидно, Птолемей, сам того не замечая, говорит о двух разных путях в горы. Это наблюдение дает ключ к расшифровке всех данных Птолемея об участке дороги от Бактр до Стоянки торговцев. Само по себе это наблюдение не ново [485], но выводов из него не делали и для

анализа текста Птолемея, насколько нам известно, не использовали.

Историю сведений об участке пути от Бактр до Стоянки торговцев можно представить примерно так. В итинерарии Мая Тициана описывалась на этом участке не одна дорога, а две ее ветви: одна вела от Бактр прямо в страну сакского народа комедов и после подъема в эту страну шла по ущелью мимо Каменной Башни и затем по более широкой горной долине; другая вела к комедам через Согдиану и после подъема шла по горной стране. Марин придерживался распространенной в его время географической схемы, согласно которой Бактриана, Согдиана и страна саков расположены на одних широтах с запада на восток, будучи отделена первая от второй Оксом, а вторая от третьей — Яксартом. Эта схема, заимствованная у Марина Птолемеем, запечатлена на картах последнего (Ptol., Geogr., I, 16). Понятно, что такая схема совершенно исключала возможность непосредственного соседства Бактрианы с саками. Марин, наверное, счел ошибкой указание на такое соседство в описании одной из ветвей дороги, но целиком отбрасывать это описание не стал, а попытался, следуя довольно обычному в античности приему, совместить обе ветви в одном маршруте.

Для того чтобы восстановить и истолковать первоначальное описание двух ветвей дороги, остановимся на основных вехах этого участка пути, к числу которых мы относим Бактры и Стоянку торговцев (начальный и конечный пункты рассматриваемого участка), а также ущелье комедов, Каменную Башню и подъем в страну комедов.

«Бактры — царская столица» (Βάκτρα βασίλειον) (Ptol., Geogr., VI, 11, 9) расположены, видимо, на р. Даргойд [1073, табл. 1]. Эти сведения Птолемея, безусловно, включают данные итинерария Мая Тициана и потому-то, очевидно, Бактры дублируют Зариаспу, а Даргойд — Ох-Зариасп, известные Птолемею по другим источникам [763, с. 8]. Город и река, известные Птолемею под двумя названиями — это г. Балх и р. Балхаб [847, с. 392]. Нам кажется, что нет необходимости искать для них других соответствий, например, для Бактр — Баглан и р. Сурх-Котал, а для Даргойда — р. Кундуз [211, с. 73—75]. Даже и указание на Бактры как на царскую резиденцию необязательно, мы думаем, должно намекать на времена Греко-Бактрийского царства [991, с. 86]. Оно может быть связано и с тохарами, «великим народом» (μέγας ἔθνος) Бактрии (Ptol., Geogr. VI, II, 6).

Стоянку торговцев (Ὁρμητήριον), близ которой, к востоку, лежит область Касия (Ptol., Geogr., VI, 15, 3), помещали в разных местах, но более правомерно, судя по расстояниям, отождествлять ее с районом современного Иркештама, вдоль пути на Кашгар. Хотя тождество «области Касия» (Κάσια χώρα и Касийских гор Ptol., Geogr., VI, 15, 2; 16, 2) области Кашгара и не доказано [376, с. 234], но очень вероятно [991, с. 68].

Ущелье (Φάραγξ) комедов, по которому в северо-восточном направлении идет дорога до Каменной Башни длиной в 50 схенов, протянулось между 130° (39°) (41°— по Марину) и 135° (43°). Это ущелье и дорога отождествлялись с различными современными топонимами в зависимости от того, как накладывалось изображение рассматриваемого участка пути Птолемеевой карты на современную карту. Наиболее убедительным, на наш взгляд, является отождествление ущелья комедов с Каратегином [375, с. 43; 525, с. 428; 991, с. 68].

Каменная Башня (Λίθινος Πύργος) была расположена у выхода из ущелья. Указания Птолемея на ее местоположение противоречивы: в одном случае она помещена под 135° (43°) (Geogr., VI, 13, 2), в другом — на расстоянии 26 280 или 24 тыс. стадиев от переправы через Евфрат (Geogr., I, 11, 3; 12, 3, 9), т. е. соответственно на меридиане 137°30′ или 132° В. Кубичек объясняет такое расхождение тем, что топоним «Каменная Башня» вообще не является индивидуальным именем населенного пункта [944, стб. 233]. Но это расхождение объяснено А. Германном: второе указание основано на данных итинерария Мая Тициана, сопровождаемых поправкой Птолемея, а первое — на картографических расчетах Марина, округлившего длину ойкумены до 9 тыс. стадиев (ср.: Ptol., Geogr., I, II, 1) [991, с. 94] Каменная Башня, представлявшая собой, видимо, селение, возникшее вокруг некоего каменного строения, должна быть помещена в районе Дарауткургана, что и признается большинством исследователей. Действительно, близ Дарауткургана археологи обнаружили каменные фундаменты больших построек селения, существовавшего в кушанское и более раннее время [129, с. 205—207; 250, с. 186]. Другая распространенная локализация Каменной Башни — близ Ташкургана, в отрогах Сарыкольского хребта,— обосновывалась прежде всего смысловой близостью этих двух названий. Однако топоним «Ташкурган» не столь уж редок и, кроме того, довольно позднего происхождения.

«Подъем» (ἀνάβασις) в страну комедов обозначен на карте Птолемея только однажды. На самом деле, как уже говорилось, под этим термином скрываются два разных маршрута. Один подъем расположен прямо на север от Бактр, и от него начинается ущелье комедов. Если считать началом «ущелья комедов» Обигарм [991, с. 63, 64], то подъем должен находиться где-то у Гиссарской долины. Другой подъем, со стороны согдианов, расположен под 125° (43°); те же самые координаты даны для истока Яксарта (Ptol., Geogr., VI, 12, 1). Это совпадение свидетельствует о том, что место, где древние торговцы поднимались в горную страну комедов, действительно находилось неподалеку от истоков реки, считавшейся началом Яксарта [197, с. 27]. На карте Птолемея верхнее течение Яксарта обозначено на север от подъема в горную страну комедов, прямо по меридиану 125° [1073, табл. 2]. Древняя дорога из Согдианы шла вверх по течению р. Куршаб почти прямо в долгот-

ном направлении, а затем сворачивала к перевалу Терекдаван и выходила в долину р. Коксу, а затем к Иркештаму. Очевидно, названный перевал и был вторым подъемом в страну комедов, а р. Куршаб считалась верховьем Яксарта [211, с. 73; 375, с. 37, 38, 65]. По мнению же Й. Маркварта, единственный подъем в страну комедов находился в Каратаге, где горная тропа из долины Зеравшана соединялась с основной дорогой [991, с. 61, 62]. Такая интерпретация явно не согласуется с данными Птолемея.

Сведения о первой части пути из Бактр в Стоянку торговцев содержатся главным образом в описании карты Птолемея. Если провести на карте Птолемея линию от Бактр на северо-восток, то она пройдет через следующие пункты:

Бактра-столица — 116° (41°)
Хоана-на-Оксе — 117° (42°)
Дрепса-столица — 120° (45°)
Кирэсхата-на-Яксарте — 125° (46°20′)

Хоана-на-Оксе (Ptol., Geogr., VI, 11, 7) здесь более всего соответствует району Термеза. Находилась она, очевидно, напротив современного города, у переправы Патахиссар [511а, с. 94; 767, с. 188]. Впрочем, иногда Хоану отождествляли с Кундузом [1136, с. 36] и даже с Ишкашимом [885, с. 145]. А. Геррманн, предложивший последнюю локализацию, считает упоминание Хоаны остатком описания последнего этапа пути, о котором рассказывалось в путеводителе, использованном агентами Мая Тициана,— от Авзакийских гор (Алай и Памир) и сизигов (Алайская долина) до Хоаны. Описание этого этапа было неправильно истолковано и совмещено с собственными наблюдениями агентов «македонянина» [885, с. 10, 132, 133, 145]. Правомерно, на наш взгляд, полагать, что путь к серам, в соответствии с данными Птолемея, пролегал к северу от Балха, через Термез, а затем раздваивался. Южная ветвь пути шла вверх по Сурхандарье через Каратаг к Каратегину [991, с. 61—63]. А. Геррманн, который помещает Хоану в Ишкашиме к югу от Кундуза, также ведет путь в Каратегин через этот пункт [885, с. 106, 145]. Но такая трактовка совершенно не согласуется с данными Птолемея о пути к «северу от Бактр». Северная ветвь этой дороги проходила через Мараканду и Фергану. Нельзя согласиться с мнением, что Птолемей ничего не знал об этих местах [197, с. 28; 991, с. 59, 60]. «Дрепса-столица» согдианов (Ptol., Geogr., VI, 12, 6), по-видимому, тождественная Мараканде; эти два топонима сам Птолемей поменял местами на карте [460, с. 54—56]. А дрепсианы, связанные с Дрепсой и помещенные к востоку от хорасмиев, в области от Окса до Яксарта (Ptol., Geogr., VI, 12, 4), соответствуют, очевидно, собственно согдианам; страна, которая фигурирует как Согдиана на карте Птолемея, является условным образованием, «Трансоксианой» [988, fasc. ½, с. 139], куда Птолемей помещал все то, что, по его мнению, должно находиться между Оксом и Яксартом. Судя

по координатам, путь от Дрепсы шел преимущественно в восточном направлении. Если дорога от Самарканда и в древности выходила к Куршабу в районе Гульчи, то именно здесь следует искать Кирэсхату, помещенную Птолемеем на меридиане истока Яксарта, т. е. Куршаба. Кирэсхата Птолемея, конечно, не имеет ничего общего с Кирэсхатой времен Александра Македонского. Возможно, название Κυρέσχατα подставил Марин вместо какого-то иного, фонетически близкого наименования, приведенного в итинерарии Мая Тициана и сохранившегося доныне в названии р. Куршаб. Есть и другие данные, свидетельствующие о знакомстве Птолемея с верховьями Сырдарьи. Так, к западу от верхнего, меридионального течения Яксарта Птолемей указывает два притока этой реки: Дим и Баскатис (Geogr., VI, 12, 3). Средневековые источники также называют к западу от Куршаба два притока: реки Уреста (или Ош, т. е. Акбура) и Куба [110, с. 212]. Аристеи помещены у Птолемея западнее верхнего течения Яксарта, между Яксартом и Димом (Geogr., VI, 12, 4), т. е. между реками Куршаб и Уреста [1073, табл. 1].

Вторая часть рассматриваемого отрезка пути, проходящая по горной стране комедов в общем направлении (у Птолемея) на юго-восток, от 125° (43°) до 130° (39°). Дорога от Куршаба и перевала Терекдаван до слияния с южной ветвью пути у Иркештама действительно имеет юго-восточное направление. Видимо, Марин, не имея никаких точных сведений о протяженности этой дороги, провел ее через всю горную страну комедов, о которой ему было известно, что она примыкает на юге к Имаю, т. е., по его расчетам, простирается до параллели Геллеспонта (41°) (Ptol., Geogr., I, 16). За описанием дороги по горной стране комедов у Птолемея следует фраза, которой давались самые различные объяснения: «Поэтому он [Марин] говорит, что эта дорога, хотя и проходит почти прямо на восток, отклоняется на юг». Скорее всего и здесь имеются в виду собственные построения Марина: хотя и подъем в горную страну комедов, и Каменная Башня лежат у него на одной широте (43°), дорога, соединяющая их, сначала направляется на юго-восток, а затем на северо-восток [885, с. 103].

Путь по ущелью комедов на северо-восток (от 130°/39° до 135°/43°), до Каменной Башни, и затем по «равнине», где горы расступаются и примыкают к Имаю, на восток (от 135°/43° до 140°/43°), до Стоянки торговцев близ того же Имайского хребта, это путь по Каратегину и Алайской долине через Дарауткурган до Иркештама. Наша интерпретация сведений Птолемея избавляет от необходимости искать здесь отклонений пути сначала к юго-востоку, а потом к северо-востоку. Так, предложенный А. Геррманном маршрут, совершенно невероятный для торговых караванов — от Гарма через хребет Петра Первого в долину Обихингоу, затем в ущелье Муксу и через проход Терсагар к Дарауткургану [885, с. 104],— был придуман только для того, чтобы объяснить эти отклонения.

В целом описание пути от Бактр до Стоянки торговцев является, таким образом, совмещением данных о двух ветвях дороги от Балха до Иркештама: северной, через Самарканд и Фергану, и южной, через Каратегин и Алайскую долину. Соглашаясь с тем, что в источнике Птолемея и Марина, несомненно, описывается дорога через Каратегин и Алайскую долину[8], следует отметить, что данный путь в силу своих природных условий никогда не был главной торговой магистралью, уступая эту роль дороге через Самарканд и Фергану [254, с. 106, 107]. Что же касается памирского варианта истолкования данных Птолемея [254, с. 103—108], то, хотя и нельзя сомневаться в существовании пути через Памир во времена Птолемея и ранее, приходится все же признать, что сведения Птолемея с упомянутой интерпретацией совершенно не согласуются, и, следовательно, торговцы Мая Тициана об этом пути не знали[9]

Некоторые интересные выводы позволяют сделать данные Птолемея о расстояниях на указанном участке пути. Все эти данные, за исключением сообщения о дороге длиной в 50 схенов, содержатся в картографической части сочинения Птолемея:

Бактра-столица — 116° (41°)
Хоана-на-Оксе — 117° (42°)
Дрепса (Мараканда) столица — 120° (45°)
Кирэсхата-на-Яксарте — 125° (46°20′)
подъем в страну комедов у истока Яксарта — 125° (43°)
ущелье комедов — 130° (39°) (41° по Марину)
Каменная Башня — 135° (43°)
Стоянка торговцев — 140° (43°)

Эти указания Птолемей с небольшими исправлениями перенес из труда Марина. Сам же Марин не располагал подробными сведениями о расстояниях. Так, промежутки между отдельными пунктами по широте он вычислил, видимо в среднем, в 5°, а по долготе постарался уложить в им же определенные пределы — параллели Геллеспонта (41°) и Византия (43°). Но вычисленное Марином общее расстояние от Бактр до Стоянки торговцев должно в определенной степени соответствовать действительности. Все сторонники каратегино-алайского варианта пути отмечают, что расстояние, определенное Марином и Птолемеем, значительно превышает действительную протяженность пути по Каратегину и Алайской долине. Так, А. Геррманн определяет расстояние Бактра — Каменная Башня в 8600 стадиев (1800 км), а расстояние Хоана — Стоянка торговцев в 9600 стадиев, при действительном расстоянии Балх — Дарауткурган в 650 км [885, с. 106, 133]. На самом деле разница, видимо, еще

[8] Из числа современных исследователей, занимавшихся данным вопросом, на этом настаивает, например, А. М. Мандельштам [375, с. 43; 376, с. 234].

[9] Противоположная точка зрения — о пути через Вахан,— детально обоснованная в настоящей главе, представляется менее вероятной, но все же ее нельзя исключать.

больше. Такое несоответствие требует объяснения. Предположение А. Геррманна, что здесь сказалась ошибка, допущенная при пересчете ли в стадии [885, с. 107, 111], крайне гипотетично. Скорее всего Марин, совместив две ветви пути в одном маршруте, сложил и их расстояния. О дальнейшем пути на восток Птолемей говорит очень мало. Не вполне ясно даже, где находился конечный пункт пути, Сера-столица: в Ланьчжоу, крупном торговом центре в верховьях Хуанхэ, или в столицах империи Хань — Сиане или Лояне.

Эти сообщения не могут быть датированы ранее середины II в. н. э. Однако невозможно установить, содержали ли они какие-либо подробности, дополняющие восходящие к Маю Тициану сведения Марина. Неизвестно также, чем именно Птолемей обязан в интересующей нас области этому новому источнику. Упомянутая Птолемеем дорога на Бактриану через Каменную Башню, очевидно, та же самая, о которой говорилось в итинерарии «македонянина». Болотистые озера, поросшие тростником, — это, видимо, озера Лобнорской котловины, по которой проходила дорога от Серы к Каменной Башне. Хотя Птолемей говорит, что эти озера находятся к востоку от серов, в неизвестной земле, ограничивающей Серику с востока (Ptol., Geogr., VI, 16, 1), такое утверждение основано, видимо, на недоразумении.

Глава 6

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН
в III в. до н. э.— VI в. н. э.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭПОХИ ХАНЬ

Одной из особенностей истории древнекитайского общества являлось развитие на протяжении длительного времени в условиях относительной изолированности от других ранних очагов цивилизации. На протяжении многих столетий представления древних китайцев о Поднебесной ограничивались территориями, непосредственно связанными с Великой китайской равниной и примыкающими к ней районами. По мере расселения древнекитайского этноса менялась и этническая картина обитаемого мира, существовавшая в его самосознании. Но принципиальные сдвиги в этом смысле произошли лишь в эпоху Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.), когда древние китайцы впервые столкнулись со многими народами и государствами, о существовании которых они дотоле ничего не знали.

Одним из важнейших событий в этом отношении было «открытие» Западного края — земель, примыкавших к западным границам империи Хань и включавших как бассейн Тарима, так и часть территории современной Средней Азии. Готовясь к активным военным действиям против сюнну, император У-ди (140—87 гг. до н. э.) послал в 138 г. до н. э. своего эмиссара Чжан Цяня на Запад, чтобы найти союзников в будущей войне. Вскоре по возвращении Чжан Цяню пришлось повторить свое путешествие; его результатом стал подробный отчет о виденном и слышанном в Западном крае.

Сведения, собранные Чжан Цянем, использованы Сыма Цянем (145—90 гг. до н. э.) при создании выдающегося исторического труда, получившего позднее название «Шицзи» (Исторические записки). То была первая в древнекитайской историографии всеобщая история страны, охватывавшая период продолжительностью по меньшей мере в две тысячи лет. Три основные особенности характеризуют это сочинение. Во-первых, Сыма Цянь стремился использовать максимально широкий круг источников, отнюдь не ограничиваясь письменными памятниками древности, но привлекая также устные свидетельства очевидцев, свои собственные наблюдения, даже портреты исторических деятелей. Во-вторых, он считал своей задачей выявление наиболее достоверных версий и поэтому был строг в отборе заслуживающих упоминания фактов. В-третьих, при написании

своего труда Сыма Цянь отказался от простого хронологического принципа изложения событий и впервые в древнекитайской историографии разделил свою историю на несколько разделов — «Основные записи», «Хронологические таблицы», «Истории наследственных домов» и «Жизнеописания». В последнем разделе Сыма Цянь использует метод исторического повествования через биографию — метод, в его время неизвестный китайским летописцам, но уже применявшийся Феофрастом и перипатетиками, а позднее получивший блестящее воплощение в трудах Светония и Плутарха.

Однако «Жизнеописания» Сыма Цяня нельзя полностью отождествить с биографиями исторических личностей. В тот же раздел им были включены также повествования о некоторых соседних с Китаем народах — сюнну, южных юэ, «юго-западных варварах». Эта и другие особенности архитектоники «Шицзи» были заимствованы у Сыма Цяня последующими историками, в частности Бань Гу.

Бань Гу (32—92) — автор «Ханьшу» (История [династии] Хань), первого сочинения в жанре официальной династийной истории, ставшего столь типичным в традиционной историографии Китая. В отличие от «Шицзи» труд Бань Гу посвящен событиям только эпохи Хань, точнее, первой ее половины (206 г. до н. э.— 9 г. н. э.), предшествовавшей узурпации трона Ван Маном и вошедшей в историю под названием Ранняя Хань.

Бань Гу широко использовал книгу Сыма Цяня: некоторые главы «Ханьшу» текстуально совпадают с соответствующими разделами «Шицзи». Вместе с тем Бань Гу отнюдь не во всем разделял оценки событий и личностей, данные его предшественником. Более того, он прямо и недвусмысленно критикует Сыма Цяня за «ошибочность» его симпатий и антипатий, что объяснялось существенными расхождениями в историко-философских концепциях этих двух ученых.

Проблема соотношения текстов «Шицзи» и «Ханьшу» не ограничивается отмеченными расхождениями. После смерти Сыма Цяня ряд глав его сочинения был утрачен. В I—II вв. предпринимались попытки восстановить отсутствующие части «Шицзи» [620, т. 10, с. 5353—5355]. В начале XX в. Цуй Ши отметил, что частичное или полное совпадение текста этих двух книг может иметь два объяснения: либо, во-первых, Бань Гу использовал «Шицзи» при написании «Ханьшу», либо, во-вторых, позднейшие интерполяторы «реконструировали» лакуны в «Шицзи», переписав соответствующие главы «Ханьшу». Одним из доказательств существования в современном тексте «Шицзи» заимствований из «Ханьшу» Цуй Ши считает послесловие к жизнеописаниям Сыма Сянжу. В обеих книгах они идентичны, но упоминание в них Ян Сюна, жившего с 58 г. до н. э. до 18 г. н. э., указывает на принадлежность текста кисти Бань Гу [563, гл. 1, с. 10]. К числу аналогичных интерполяций Цуй Ши относил, в частности, главу о Давани в «Шицзи» [607, гл. 8,

с. 14]. Мнения китайских ученых, отрицающих подлинность ряда глав труда Сыма Цяня и рассматривающих их как переложение соответствующих частей «Ханьшу», обобщил Ф. Егер [914, с. 21—37].

Среди исторических сочинений, по своему содержанию связанных с событиями Ранней Хань, следует отметить «Ханьцзи» (Анналы Ранней Хань). Эту книгу написал Сюнь Юэ (148—209) по повелению последнего позднеханьского императора Сянь-ди (190—220), считавшего династийную историю Бань Гу громоздкой и неудобной. Сюнь Юэ было предложено составить сокращенный вариант «Ханьшу», что он и осуществил к 200 г. Эта задача не могла быть решена в соответствии с теми принципами изложения, которые Бань Гу заимствовал у Сыма Цяня. Поэтому Сюнь Юэ использовал в своем труде стиль летописи, излагая основные факты в строгой хронологической последовательности. В результате ему удалось сократить объем книги до 30 глав (против 100 у Бань Гу).

Значение «Ханьцзи» как исторического источника определяется прежде всего той его особенностью, которая была сформулирована современниками Сюнь Юэ как «сочетание краткости изложения с насыщенностью фактами». Сосредоточившись на наиболее существенных моментах истории Хань, автор в ряде случаев включал дополнительный материал, отсутствующий у Бань Гу (так дело обстояло, например, при описании народных восстаний в начале I в.: в «Ханьцзи» мы находим неизвестные по другим памятникам сведения о действиях крестьянской армии «Тунма»). С другой стороны, в книге Сюнь Юэ содержатся и прямые цитаты из «Ханьшу». Это чрезвычайно важно, так как зачастую позволяет судить о первоначальном соотношении текстов Сыма Цяня и Бань Гу [907, с. 18].

Основным источником по истории династии Поздняя Хань является «Хоуханьшу» (История [династии] Поздняя Хань) Фань Е. Это также официальная династийная история, в целом следующая традиции Бань Гу. Следует учитывать, что ее автор жил в 398—445 гг. и писал свое сочинение спустя более трех веков после событий I—III вв. н. э. Хорошо известно, что историографы древности и средневековья нередко вольно или невольно переносили на описываемые ими события представления и социальные реалии своей собственной эпохи.

Во всех четырех исторических трудах, кратко охарактеризованных выше, содержатся упоминания о народах, населявших Восточный Туркестан в конце I тыс. до н. э. Именно эти источники и позволяют нам восстановить ту сумму знаний и представлений об этих народах, которой обладали древние китайцы. Некоторые из интересующих нас сведений приводятся в источниках попутно, в связи с изложением событий внутренней жизни империи Хань или ее внешнеполитических акций. В этих сочинениях есть также специальные главы, посвященные преимущественно или исключительно описанию происхождения, быта и нра-

вов, культуры древнего населения Западного края. Данные о государствах, существовавших в бассейне Тарима в ханьское время, будут рассмотрены нами в следующем разделе. Здесь же мы ограничимся анализом сообщаемых древнекитайскими источниками сведений о народах, населявших Западный край или смежные с ним территории задолго до того, как там возникли эти государства. К числу таких этнических групп относятся саки, юэчжи, усуни.

Саки

«Государство усуней это прежние земли сэ. Когда большие юэчжи на западе разгромили и прогнали правителя сэ, он бежал на юг и перешел через Сяньду. Большие юэчжи захватили его земли. Позднее властитель усуней напал на больших юэчжей и нанес им поражение, те переселились на запад и подчинили Дася, а властитель усуней обосновался [на этих землях]. Поэтому среди усуней есть потомки сэ и потомки больших юэчжей». Так описывает Бань Гу последовательные волны миграций различных этнических групп, в разное время населявших земли усуней [563, т. 12, с. 3901].

По данным того же автора, усуни во II—I вв. до н. э. на востоке граничили с сюнну, на северо-западе с Канцзюй, на западе — с Давань (Ферганой), на юге — с государствами бассейна Тарима, рассматриваемая территория, таким образом, располагалась к северу от Тянь-Шаня, главным образом в Семиречье. Как свидетельствуют археологические исследования последних десятилетий, во второй половине I тыс. до н. э. здесь находился один из центров распространения культуры саков, этническое имя которых известно как из древнеперсидских надписей Дария I, так и из свидетельств греческих и римских историков [336, с. 159—162].

За последние годы китайскими археологами получены материалы, подтверждающие представление о том, что ареал сакской культуры V—IV вв. до н. э. охватывает на юго-востоке часть Джунгарской котловины. В 1976—1977 гг. в Алагоу близ Урумчи были раскопаны погребения с деревянными срубами, в инвентаре которых выделяются золотые украшения в «зверином стиле» (некоторые из них обнаруживают близкое сходство с аналогичными предметами из кургана Иссык близ Алма-Аты) [86, с. 24, 29]; сходен с изделиями, найденными в Казахстане и Киргизии, четырехугольный бронзовый алтарь на поддоне, украшенный фигурками животных [564, с. 18—22, табл. 8]. Радиокарбонная дата этого могильника — 2345±75 лет назад, что соответствует V—IV вв. до н. э. [1175, 1979, № 5, с. 173, 183] (подробнее см. гл. 4).

Археологические данные служат дополнительным аргументом в пользу отождествления древнекитайского *сэ* с saka ахеменидских надписей VI в. до н. э. Как отметил еще Сиратори Кура-

кити, эта идентификация правомерна и в свете сопоставления сведений, сообщаемых древнекитайскими источниками о сэ и античными — о sacae [708, с. 361—480]. Фонетическим основанием для сближения обоих этнонимов служит тот факт, что в отличие от современного произношения соответствующего китайского иероглифа [440, с. 119, № 347] древнее его чтение реконструируется как *sək* [922, с. 878] (ср. япон. *soku*, кантон. sak).

Между тем недавно японский исследователь Котани Накао подверг сомнению достоверность отождествления сэ и saka. Он обратил внимание на тот факт, что в «Шицзи» каких-либо упоминаний о сэ нет вовсе, и все наши сведения о существовании в древности этого народа и о его миграциях основываются на данных Бань Гу. Котани предпринял сопоставительный анализ параллельных текстов гл. 61 «Ханьшу» и гл. 123 «Шицзи», которые приводятся ниже.

Бань Гу	*Сыма Цянь*
Сын Неба неоднократно осведомлялся у [Чжан] Цяня о происходящем в Дася. [К тому времени] Цянь уже лишился почетного титула. Он сказал: «Находясь у сюнну, Ваш слуга слышал о том, что правитель усуней именуется Куньмо. Его отец Наньдоумо был правителем маленького царства, расположенного, как и большие юэчжи, между горами Циляньшань и Дуньхуаном.	После этого Сын Неба неоднократно осведомлялся у [Чжан] Цяня о Дася. [К тому времени] Цянь лишился почетного титула. Он сказал: «Находясь у сюнну, Ваш слуга слышал, что правитель усуней именуется Куньмо. Его отец был правителем маленького царства на западных границах сюнну.
Большие юэчжи напали на Наньдоумо и убили его, отняв у него его Землю. Народ его бежал к сюнну.	Сюнну напали на его отца и убили его.
Когда [Куньмо] вырос, [сюнну] отдали ему народ его отца. Он был поставлен командовать войсками и неоднократно одерживал победы. В это время юэчжи уже были разгромлены сюнну. На западе они напали на правителя сэ, который бежал на юг и переселился в дальние края.	Когда [Куньмо] вырос, он был поставлен командовать войсками и неоднократно одерживал победы. Шаньюй снова отдал Куньмо народ его отца, приказал управлять Западным краем. Куньмо заботился о своем народе. Он нападал на соседние небольшие государства и имел несколько десятков тысяч лучников, которых тренировал для наступательного боя.
Юэчжи заняли его земли. Куньмо находился в расцвете сил и попросил у шаньюя разреше-	

ния отомстить за отца. На западе он напал на больших юэчжей и разгромил их. Большие юэчжи снова бежали на запад и переселились на земли Дася. Куньмо захватил их людей и обосновался там. Войско его усилилось.
В это время шаньюй умер. Куньмо не захотел более служить сюнну. Сюнну послали войско и напали на него, но не смогли одержать верх.

Ныне шаньюй начал испытывать трудности в отношениях с Хань, а земли Куньмо пусты. Варвары мечтают о возвращении на свои прежние земли и охочи до ханьских товаров. Если, использовав момент, щедро одарить усуней, послать ханьскую царевну в жены [Куньмо], установить с ними братские отношения, поощрить их к тому, чтобы на востоке они заняли свои прежние земли, то в силу сложившейся обстановки они послушают нас. В этом случае сюнну лишатся своей правой руки. Если же связи с усунями будут установлены, то страны к западу от них, включая Дася, смогут прибыть ко двору и стать внешними подданными империи» [563, т. 9, с. 2691—2692].

Шаньюй умер, и Куньмо, ведя за собой свой народ, переселился в дальние края. Он стал независимым и не хотел являться ко двору сюнну. Сюнну послали конное войско и напали [на него], но не смогли одержать верх.
Ныне шаньюй начал испытывать трудности в отношениях с Хань, а прежние земли [князя] Хунье пусты и не имеют населения.
Привычки варваров таковы, что они охочи до ханьских богатств. Если, использовав этот момент, щедро одарить усуней и поощрить их к продвижению на восток, чтобы они заняли прежние земли [князя] Хунье, а также установили с Хань братские отношения, то в силу сложившейся обстановки они послушают нас. А если это будет так, то сюнну лишатся своей правой руки. Если же связи с усунями будут установлены, то страны к западу от них, включая Дася, смогут прибыть ко двору и стать внешними подданными империи» [607, т. 10, с. 3168].

Сравнение текстов Бань Гу и Сыма Цяня позволяет обнаружить, с одной стороны, их совпадение в общих чертах (в ряде случаев текстуальное), а с другой — некоторые существенные расхождения. В «Шицзи» убийство отца Куньмо приписывается сюнну, в «Ханьшу» — большим юэчжам; согласно версии Сыма Цяня, после смерти Лаошан-шаньюя (174—166 гг. до н. э.) усуни перестали подчиняться сюнну и переселились на другие земли, тогда как Бань Гу не упоминает об этой миграции усу-

ней. Наконец, в «Шицзи» совершенно отсутствуют какие-либо сведения о сэ и в связи с их взаимоотношениями с усунями и большими юэчжами. Более того, в сочинении Сыма Цяня вообще нет ни одного упоминания этнонима «сэ».

Ставя вопрос о том, какая же из этих двух версий событий, происходивших во II в. до н. э., достоверна, Котани Накао утверждает, что вернувшийся из Западного края Чжан Цянь в действительности не располагал какими-либо данными о народе сэ. Пассажи с упоминаниями о нем были вставлены в текст отчета Чжан Цяня автором «Ханьшу» два столетия спустя [689, с. 79—82]. Касаясь же вопроса об источнике версии Бань Гу о существовании народа сэ, Котани обращает внимание на комментарий Янь Шигу к той части гл. 61 «Ханьшу», где впервые встречается этот этноним: «Название государства в Западном крае: в буддийских сутрах именуется Шакья» [563, т. 9, с. 2693].

По мнению Котани, это означает, что на самом деле народ сэ не жил во II в. до н. э. в Западном крае, а Бань Гу был введен в заблуждение буддийскими легендами, получившими распространение в Китае уже в I в. н. э. [689, с. 83—84]. Несмотря на новизну и оригинальность этой точки зрения, она вряд ли может быть принята. Расхождения в тексте доклада Чжан Цяня в вариантах Сыма Цяня и Бань Гу давно уже привлекали к себе внимание специалистов [638, с. 79—82]. Однако решить вопрос о причинах этих различий нельзя, не учитывая сложные перипетии, которые испытал первоначальный текст «Шицзи» [303, с. 109—110].

Как уже отмечалось, еще Цуй Ши высказал убеждение, что биография Чжан Цяня в «Шицзи» (гл. 123) была «попросту списана позднейшим автором с биографии Чжан Цяня и Ли Гуанли в «Ханьшу» [663, гл. 8, с. 14]. Позднее на вероятную недостоверность гл. 123 «Шицзи» указывал П. Пеллио, хотя этот вопрос и не был проанализирован им детально [1021, с. 178]. Хотя Э. Пуллиблэнк высказался в пользу приоритета этой главы по сравнению с текстом «Ханьшу» [1051, с. 154—160], недавние исследования указанной проблемы А. Хулсве и М. Лоуи заставляют вновь обратиться к вопросу о подлинности биографии Чжан Цяня в труде Сыма Цяня.

А. Хулсве и М. Лоуи напоминают, что вплоть до первых веков новой эры основным материалом для письма были в Китае деревянные или бамбуковые таблички. На одной такой табличке шириной 1 см и длиной примерно 23 см помещалась одна строка иероглифов, а несколько табличек, соединенных шнурком, составляли «главу» — основную структурную единицу письменного текста. Такого рода рукописи были подвержены различным повреждениям: постепенно становились неразборчивыми отдельные иероглифы; табличка могла сломаться или потеряться; наконец, мог оборваться шнурок, скреплявший таблички, и они оказывались перемешанными. Поскольку в большинстве случаев

таблички не были пронумерованы[1], при восстановлении рукописи порядок следования табличек нередко нарушался. Последующий переписчик манускрипта, имея дело с дефектным текстом, зачастую оказывался в трудном положении, особенно в тех случаях, когда он не был знаком со стилем и содержанием копируемого сочинения. Лишь в результате тщательного анализа с применением современных приемов оказывается возможным реконструировать первоначальный порядок табличек в тексте. Такого рода исследования неоднократно предпринимали текстологи. Например, Ма Сюйлунь обнаружил соответствующие нарушения в «Даодэцзине» [815, с. 8], Э. Грэхэм — в трактате «Моцзы» [850, с. 140—147]. Китайский ученый XVIII в. Ван Няньсунь указал на непоследовательность в отрывке из гл. 123 в «Шицзи», содержащем 69 знаков (что соответствует трем табличкам). Отталкиваясь от этого открытия, А. Хулсве выявил другие части той же главы, где был нарушен порядок табличек [907, с. 16—17].

Реконструкция облегчалась тем, что в гл. 96 содержится краткое изложение фактов, гораздо более подробно описанных в гл. 61. Кроме того, в «Ханьцзи» Сюнь Юэ есть цитаты из гл. 96 «Ханьшу» [611, т. 3, гл. 12, с. 6—9]. При этом обнаружилось, что нарушения в порядке следования табличек полностью совпадают как в гл. 61 «Ханьшу», так и в гл. 123 «Шицзи». Это можно объяснить только тем, что глава из книги Сыма Цяня была утрачена, а затем неквалифицированный переписчик восстановил ее, скопировав текст Бань Гу.

Еще одним свидетельством в пользу этой версии является то, что в другом месте «Шицзи» мы находим утверждение: среди 14 сподвижников знаменитого военачальника Вэй Цина был лишь один, чья биография включена в труд Сыма Цяня; среди тех, кому в этой книге не посвящена специальная глава, упоминается и Чжан Цянь [607, т. 9, с. 2941, 2944]. Но гл. 123, которая, если судить по ее названию, должна быть посвящена описанию Давани, в действительности представляет собой биографию Чжан Цяня, отвечающую обычным для этого раздела требованиям — в ней излагаются происхождение, карьера и обстоятельства смерти первооткрывателя Западного края [907, с. 25].

Вскоре после того, как А. Хулсве и М. Лоуи опубликовали результаты своего исследования проблемы подлинности текста гл. 123 «Шицзи», с критическими замечаниями по этому поводу выступил известный специалист по истории Западного края Эноки Кадзуо. Он попытался привести некоторые контрдоводы в пользу приоритета современного текста Сыма Цяня. Одним из важнейших доводов стало следующее соображение. Параллельные тексты «Шицзи» и «Ханьшу» в некоторых случаях отличаются в лексическом отношении, причем у Сыма Цяня зача-

[1] Известны отдельные экземпляры ханьских рукописей с нумерацией страниц, например найденный в 1959 г. текст трактата «Или» [635].

стую употребляется «более древняя лексика» [722, с. 135]. В частности, в гл. 123 «Шицзи» описывается осада Давани ханьским войском в 104 г. до н. э. Стало известно, что в городе большие запасы продовольствия и, кроме того, недавно захваченные в плен китайцы владеют техникой рытья колодцев; для обозначения китайцев здесь употреблен термин *циньжэнь* (букв. «люди Цинь») [607, т. 10, с. 3177]. Соответствующий текст «Ханьшу» полностью совпадает с «Шицзи». Однако вместо этнонима «циньжэнь» здесь используется термин *ханьжэнь* (букв. «люди Хань») [563, т. 9, с. 2701]. По мнению Эноки, ханьжэнь — более позднее обозначение древних китайцев, пришедшее на смену первоначальному циньжэнь [722, с. 136]. Тем не менее это соображение вряд ли убедительно. Самоназвание древних китайцев, восходящее к наименованию династии Цинь, было широко распространено не только в начале периода Хань, как полагает Эноки, но и в I—III вв. Достаточно сослаться на текст одного из древнекитайских документов о купле-продаже земли. Он датирован 7-м годом эры правления Гуанхэ (184 г. н. э.) и удостоверяет права нового владельца вне зависимости от того, будет ли кто-нибудь оспаривать их — «чиновник или простолюдин, китаец или варвар» [539, т. 2, с. 208]. Понятие «китаец» передается здесь также через самоназвание цинь (подробнее о самоназваниях древних китайцев см. [306, с. 352—354]).

Современное состояние изученности вопроса о соотношении параллельных текстов «Шицзи» и «Ханьшу» позволяет, таким образом, считать, что отсутствие у Сыма Цяня упоминаний этнонима «сэ» не может быть доказательством недостоверности соответствующих свидетельств об этом народе, зафиксированных в труде Бань Гу. Систематизировав эти данные, мы обнаруживаем ряд ценных сведений о племенах саков, обитавших в конце I тыс. до н. э. в Притяньшанье.

1. Земли, на которых во II в. до н. э. поселились усуни, ранее были этнической территорией саков. Потерпев поражение от больших юэчжей, правитель саков бежал на юг и преодолел горы Сюаньду. На прежних его землях осталось некоторое количество сакского населения, вошедшего позднее в состав усуней.

2. «Некогда сюнну разгромили больших юэчжей. Большие юэчжи на западе подчинили себе Дася, а правитель саков на юге подчинил себе Цзибинь. Сакское племя рассеялось, образовав несколько государств. Сюсюнь, Цзюаньду и другие страны к северо-западу от Сулэ все населены потомками сакского племени» [563, т. 12, с. 3884].

3. «Государство Сюсюнь находится к западу от Цунлина на расстоянии 12 210 ли от Чанъаня, на расстоянии 920 ли к северо-западу от него находится Давань, в 1610 ли на запад — большие юэчжи. Обычаи и одежда сходны с усунями. Разводят скот и кочуют с ним в поисках воды и травы. Это потомки сакского племени» [563, т. 12, с. 3896—3897].

4. «Государство Цзюаньду находится на расстоянии 9860 ли от Чанъаня, на расстоянии 1300 ли к северо-западу от него находится Давань. С севера граничит с усунями. Одежда сходна с усуньской. Кочуют в поисках воды и травы, обосновавшись в Цунлине. Первоначально это было сакское племя» [563, т. 12, с. 3897].

Итак, согласно Бань Гу, под давлением больших юэчжей бóльшая часть саков, обитавших до того времени в Притяньшанье, мигрировала на юг. Преодолев Сюаньду (горный хребет, расположенный между Гилгитом и Дарелом) [689, с. 202—203], саки подчинили себе Цзибинь (согласно идентификации Сиратори Куракити, район от современного Кабула до Пешавара) [708, т. 1, с. 295—308]. На грани новой эры в Цунлине (Западный Памир) существовало несколько государств, созданных саками. Как и раньше, они вели кочевой образ жизни, что определяло сходство их обычаев и некоторых особенностей материальной культуры с кочевниками-усунями.

Усуни

«Изучение истории усуней ставит перед исследователем больше проблем, чем их возможных решений»,— утверждает известный специалист по кочевникам Евразии Д. Синор [1103, с. 239]. Он обратился к рассмотрению одного из интригующих вопросов этнографии усуней — легенды о происхождении этого народа, зафиксированной в двух близких вариантах в сочинениях Сыма Цяня и Бань Гу.

Бань Гу	*Сыма Цянь*
Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец Наньдоумо был правителем маленького царства, расположенного, как и большие юэчжи, между горами Циляньшань и Дуньхуаном. Большие юэчжи напали на Наньдоумо и убили его, отняв у него его земли. Народ его бежал к сюнну. Его сын Куньмо только что родился, и его наставник Буцзюсихоу бежал с младенцем на руках. Положив его в траву, пошел искать еду, а когда вернулся, увидел, как волчица кормит его грудью, а ворон, держа в клюве мясо, летает рядом с	Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец был правителем маленького царства на западных границах сюнну. Сюнну напали на его отца, а когда родился Куньмо, его бросили в поле. Ворон с мясом в клюве летал над ним, и волчица кормила его грудью. Шаньюй подивился этому и счел его существом сверхъестественным, принял и

ним. Счел его существом сверхъестественным, взял его и вернулся к сюнну. Шаньюй полюбил и вырастил его [563, т. 9, с. 2692].

взрастил его [607, т. 10, с. 3168].

Д. Синор усматривает в этой легенде параллель преданию о происхождении древних тюрков. В источниках зафиксировано три его версии, в одной из которых брошенный ребенок оказывается вскормленным волчицей [677, т. 3, с. 2339—2340]. Разница лишь в том, что волчица в случае с усунями спасает их правителя, но вовсе не становится его женой, как о том гласит древнетюркская легенда. С другой стороны, история Куньмо не может не вызвать в памяти приключения Ромула и Рема. Э. Пуллиблэнк склонен связывать сходство усуньского и римского предания с отдаленным генетическим родством этих этнических групп [1051, с. 156]; Д. Синор оставляет данный вопрос открытым [1103, с. 251].

Заметим, что в обоих вариантах, изложенных Сыма Цянем и Бань Гу, помимо волчицы в роли спасителя Куньмо выступает также ворон, принесший ему в клюве кусок мяса. Видимо, не случайно этноним «усунь» передается Чжан Цянем иероглифами, обозначающими словосочетание «внуки (потомки.— *М. К.*) ворона»; П. Даффина допускает, что подобная транскрипция этнического имени усуней так или иначе связана с легендой об их происхождении [807, с. 3]. Что касается самого этого этнонима, то его древняя форма должна быть близка к asuən; некоторые ученые не исключают, что это этническое самоназвание может быть связано с asiani, которых Помпей Трог называл «скифским племенем» [1043, XLI].

Первые европейские исследователи древнекитайских свидетельств об усунях считали этот народ принадлежащим к индоевропейской общности. К сожалению, источники донесли до нас слишком мало слов усуньского языка. Рассмотрев все имеющиеся данные, Э. Пуллиблэнк пришел к выводу, что усуни говорили на языке тохарской группы [1047, с. 29; 1048, с. 458]; напомним, что в специальной работе, посвященной усуням, Сиратори Куракити склонился к признанию их языка тюркским [708, т. 1, с. 47—53], что едва ли вероятно.

В связи с этим ранних исследователей усуньской проблемы привлекал комментарий Янь Шигу, утверждавшего: «Своей внешностью усуни выделялись среди всех варваров Западного края. Нынешние ху имеют голубые глаза и красные бороды, это их потомки» [563, т. 12, с. 3901]. О. Франке показал, что данный текст не может быть доказательством европеоидности внешнего облика усуней [836, с. 17—19]; эту точку зрения решительно поддерживает Д. Синор [1103, с. 240], с сожалением констатирующий, что упоминания о голубоглазых усунях до сих пор время от времени встречаются в научной литературе [853, с. 63].

Хотя проблема этнической принадлежности усуней не может считаться до конца решенной, по своему хозяйственно-культурному типу они, несомненно, принадлежали к кочевникам. Как отмечал Бань Гу, усуни «не возделывают полей и не выращивают злаков; вместе со скотом они кочуют в поисках воды и травы, и в этом их обычаи совпадают с сюнну» [563, т. 12, с. 3901]. Разводили они преимущественно лошадей, и у богатых кочевников были табуны по 4—5 тыс. голов. Кочевой образ жизни усуней определял многие особенности их материальной культуры. Когда в жены усуньскому правителю была отдана китайская девушка из знатной семьи, она никак не могла привыкнуть к своему новому положению и в стихах горько жаловалась на судьбу: «Выдали меня замуж на край света, в далекую чужую страну, за усуньского правителя. *Цюнлу* служит мне домом, войлок — стенами, мясо — едой, кислое молоко — питьем» [563, т. 12, с. 3903]. Мясо и кислое молоко — основа питания кочевников. Что же до цюнлу с его войлочными стенами, то некоторые исследователи склонны видеть здесь юрту [386, с. 143; 688, т. 1, с. 23] [2].

Как и у многих других ранних кочевников Евразии, у усуней существовал обычай левирата. Когда усуньский правитель состарился, он пожелал, чтобы после его смерти супруга-китаянка стала женой его внука и наследника. По древнекитайским понятиям это было абсолютно недопустимо, безнравственно и уподобляемо поведению птиц и зверей. Испуганная таким поворотом дела супруга послала письмо ханьскому императору с вопросом, как ей быть. «Следуй обычаям государства, в котором ты живешь; вместе с усунями я хочу разгромить сюнну»,— был ответ [563, т. 12, с. 3904].

К числу спорных проблем истории усуней принадлежит вопрос об их первоначальной этнической территории и последующих миграциях. В свидетельствах на этот счет мы снова обнаруживаем расхождения между трудами Сыма Цяня и Бань Гу.

Бань Гу

Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец Наньдоумо был правителем маленького царства, расположенного, как и большие юэчжи, между горами Циляньшань и Дуньхуаном [563, т. 9, с. 2691—2692].

Сыма Цянь

Правитель усуней именуется Куньмо. Его отец был правителем маленького царства на западных границах сюнну [607, т. 10, с. 3168].

[2] Действительно, иероглифическая этимология слова «цюнлу» указывает на то, что жилище данного типа имело округлую сводчатую крышу, а каркас его сооружался из ивовых ветвей (в одном из древнекитайских источников о кочевниках-сюнну говорится, что им «сплетенная ива служит домом, а войлочная циновка является крышей» [682а, с. 92]). Однако нет оснований для отождествления цюнлу с юртой в узком смысле слова — переносным разборным жилищем, появившимся, по-видимому, не ранее начала VI в. В отличие от юрты цюнлу представлял собой более примитивный вид кочевнического жилища, названный С. И. Вайнштейном «шалашом сюннуского типа» [145, с. 46].

Версия Бань Гу повторена также в гл. 96 «Ханьшу»: «Вначале Чжан Цянь говорил, что усуни первоначально жили между [Циляньшанем и] Дуньхуаном вместе с большими юэчжами» [563, т. 12, с. 3902]. По-видимому, поэтому все европейские и японские исследователи начиная со времен Ф. Рихтгофена считали, что во II в. до н. э. усуни переселились в долину р. Или из Ганьсу. В 30-х годах эту общепринятую тогда точку зрения поставил под сомнение Като Сигэру. Поскольку в сочинении Сыма Цяня этническая территория усуней нигде не связывается с Ганьсу, Като счел сообщения «Ханьшу» недостоверными, хотя в обоих случаях они были приписаны Чжан Цяню. Такому толкованию, казалось бы, противоречило одно обстоятельство: места обитания усуней в «Ханьшу» названы также «землями Куньмо», а в «Шицзи» — «прежними землями Хунье».

Бань Гу	*Сыма Цянь*
Ныне шаньюй начал испытывать трудности в отношениях с Хань, а земли Куньмо пусты [563, т. 9, с. 2692].	Ныне шаньюй начал испытывать трудности в отношениях с Хань, а прежние земли Хунье пусты и не имеют населения [607, т. 10, с. 3168].

Под «прежними землями Хунье» обычно понимали степной коридор в Ганьсу, ранее принадлежавший сюннускому князю Хунье, а затем отвоеванный Хань. Однако Като предположил, что в тексте «Шицзи» допущена описка, и вместо «Хунье» там, как и в «Ханьшу», следует читать «Куньмо». В некоторых сочинениях ханьского времени Хунье записывается как Кунье (знак «кунь» — тот же, что и в имени Куньмо) [563, т. 6, с. 1613] или Хунье (иероглиф «хунь» отличается от знака «кунь» лишь детерминативом) [611, т. 3, гл. 12, с. 1], в результате эти иероглифы и были перепутаны [687, с. 103—104].

Японский исследователь исходил из казавшегося естественным традиционного взгляда на текст «Шицзи» как более ранний, чем текст «Ханьшу». Если же учитывать текстологические изыскания А. Хулсве и М. Лоуи, о которых шла речь выше, то вариантом, более точно отражающим содержание докладов Чжан Цяня императору, следует считать пассажи из труда Бань Гу. Это снимает сомнения Като Сигэру относительно миграции усуней в долину Или из более восточного района. Большинство современных исследователей считают местом первоначального расселения усуней земли близ оз. Баркуль [862, с. 246, 295—296; 1047, с. 29; 1104, с. 239]. Отсюда они переместились в Джунгарию [807; 1051]. Дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации данных письменных источников являются некоторые упоминания усуней в документах, найденных в развалинах ханьской крепости близ Лобнора. В одном из них сообщается о чиновнике военно-земледельческого поселения, убитом «разбойниками-усунями» [649, с. 183, № 3]. Не исключено,

что это событие произошло именно близ оз. Лобнор. Если это так, то в I в. до н. э.— I в. н. э. там по-прежнему жили усуни.

В 1961—1963 и 1976 гг. в уезде Чжаосу (долина Или) китайские археологи исследовали 19 грунтовых погребений, относящихся к трем последовательным периодам. Инвентарь немногочислен, помимо грубых керамических сосудов в нем представлены мелкие железные предметы, остатки войлока, в который обертывали тело покойного. В наиболее крупных могилах среднего и позднего периодов встречаются золотые перстни и серьги [667, с. 98—102]. По данным радиокарбонного анализа поздние погребения этого типа датируются I—II в. н. э. [623, с. 76, BK 77007]. Авторы раскопок считают, что упомянутые памятники принадлежат культуре усуней.

Юэчжи

Третьим этническим компонентом кочевого населения Западного края в конце I тыс. до н. э. был народ, известный из древнекитайских письменных источников под названием «юэчжи». Очевидно, что, так же как и в случае с сэ и усунями, это иероглифическая транскрипция иноязычного этнонима. Этимологизировать и идентифицировать его пытались многие ученые.

В начале 50-х годов Эгами Намио высказал предположение, что в фонетически близкой форме *юйши* этот этноним встречается в некоторых источниках доханьского времени. В трактате «Гуаньцзы», оформление текста которого можно предположительно датировать V—III вв. до н. э., упоминается о «принадлежащем юйши нефрите». Привлекая некоторые косвенные данные, Эгами толкует наименование «юэчжи» как «народ нефрита», поскольку в последних веках до новой эры населявшие степной коридор Ганьсу юэчжи контролировали торговлю этим полудрагоценным камнем, залежи которого сосредоточены в бассейне Тарима [719, с. 123—132].

Наиболее вероятной среди многочисленных гипотез, выдвигавшихся по поводу этимологизации этнонима «юэчжи», С. П. Толстов считал отождествление «больших юэчжей» с massagetae древнегреческих источников. Последний этноним состоит из двух компонентов, один из которых выступает в качестве определения и соответствует понятию «большой», а второй представляет собой собственно этноним [524, с. 242—243]. Ю. Н. Рерих, кроме того, обратил внимание на то, что буддийский монах Кумараджива, переводивший в IV в. сутры на китайский язык, использовал термин «малые юэчжи» для передачи встречающегося в оригинале этнонима tukhara (тохары) [484, с. 120]. Разделение юэчжей на две группы связано с событиями политической истории этого народа во II в. до н. э. Как явствует из сообщений «Шицзи» и «Ханьшу», примерно до середины II в. до н. э. юэчжи обитали в районе Дуньхуана.

Бань Гу	*Сыма Цянь*
Усуни первоначально жили между [Циляньшанем и] Дуньхуаном вместе с большими юэчжами [563, т. 12, с. 3902].	В начале юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянь[шанем] [607, т. 10, с. 3162].

Местонахождение Дуньхуана не вызывает сомнений, но китайские комментаторы разошлись во мнениях по поводу того, каким горам соответствует топоним Циляньшань. Так, Чжан Шоуцзе писал: «Вначале юэчжи жили к востоку от Дуньхуана и к западу от гор Циляньшань. Округ Дуньхуан — нынешнее Шачжоу; горы Циляньшань — к юго-западу от Ганьчжоу» [607, т. 10, с. 3162]. Это означает, что Чжан Шоуцзе отождествлял Циляньшань с горами Наньшань, ограничивающими с запада котловину Лунси (пров. Ганьсу). В противоположность этому Янь Шигу настаивал на том, что «Циляньшань — это Тянь-Шань. Сюнну называли небо словом „цилянь" [563, т. 8, с. 2481]. Поэтому он определял территорию первоначального расселения юэчжей как район «к востоку от Циляньшаня и к западу от Дуньхуана» [563, т. 9, с. 2692].

Многие китайские историки следовали в этом вопросе версии Чжан Шоуцзе; однако японский исследователь Фудзита Тоёхати показал, что в сочинении Бань Гу горы Наньшань фигурируют именно под этим названием [563, т. 6, с. 1612; т. 9, с. 2689; т. 12, с. 3891]. Это склоняет чашу весов в споре на сторону Янь Шигу. По-видимому, юэчжи кочевали западнее Дуньхуана [638, с. 77].

Первая волна миграции юэчжей на запад описана Сыма Цянем и Бань Гу без значительных расхождений.

Бань Гу	*Сыма Цянь*
Некогда [юэчжи] были могущественны и с презреньем от-относились к сюнну. Шаньюй Маодунь напал и разгромил юэчжей, а шаньюй Лаошан убил [правителя] юэчжей и сделал из его головы чашу для вина. После этого юэчжи ушли далеко [563, т. 12, с. 3891].	В прежние времена [юэчжи] были могущественны и с презреньем относились к сюнну. Когда [шаньюем] стал Маодунь, [он] напал [на юэчжей] и разгромил их. Сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для вина. Когда [юэчжи] были разбиты сюнну, они ушли далеко [607, т. 10, с. 3161—3162].

События, непосредственно последовавшие за этим, известны лишь в изложении Бань Гу: «В это время юэчжи уже были разгромлены сюнну. На западе они напали на правителя сэ, который бежал на юг и переселился в дальние края. Юэчжи

заняли его земли» [563, т. 9, с. 2692]. Таким образом, если признать достоверность сообщений «Ханьшу» о взаимоотношениях юэчжей и сэ, после ухода из района Дуньхуана юэчжи обосновались на прежних землях сэ, т. е. в современной Джунгарии, в долине р. Или. По свидетельству «Ханьшу» юэчжи покинули эту территорию под ударами усуней: «Куньмо находился в расцвете сил и попросил у шаньюя разрешения отомстить за отца. На западе он напал на больших юэчжей и разгромил их. Большие юэчжи снова бежали на запад и переселились на земли Дася» [563, т. 9, с. 2692].

Второй этап миграции юэчжей связан с завоеванием ими государства Дася.

Бань Гу

[Юэчжи] прошли через Давань, на западе нанесли удар по Дася и подчинили эту [страну], учредив столицу правителя к северу от реки Гуйшуй [563, т. 12, с. 3891].

Сыма Цянь

[Юэчжи] прошли через [Да]вань, на западе нанесли удар по Дася и подчинили эту [страну], после чего учредили столицу правителя к северу от реки Гуйшуй [607, т. 10, с. 3162].

Подавляющее большинство современных исследователей единодушно в отождествлении р. Гуйшуй с Амударьей. По данным «Шицзи», после того как юэчжи разгромили Дася (Бактрию), эта река разделяла ее территорию и земли, занятые юэчжами: «Большие юэчжи находятся в 2—3 тысячах ли к западу от Давани (Ферганы), к северу от реки Гуйшуй. К югу от них — Дася, к западу — Аньси» [607, т. 10, с. 3161]. Отмечается также, что «Дася находится более чем в 2 тысячах ли на юго-запад от Давани, к югу от реки Гуйшуй» [607, т. 10, с. 3164], а «Аньси находится в нескольких тысячах ли к западу от больших юэчжей, [ее земли] подходят к реке Гуйшуй» [607, т. 10, с. 3162].

В «Ханьшу» картина взаимоотношений Дася и юэчжей рисуется иначе: «В Дася прежде не было больших правителей, а в отдельных городах существовали мелкие начальники. Народ был слаб и боялся воевать. Поэтому [после того, как] сюда переселились юэчжи, они подчинили всех их. Есть пять наместников. Все эти пять наместников подчиняются большим юэчжам» [563, т. 12, с. 3891].

Дальнейшая история наместничеств на территории Бактрии отражена в «Хоуханьшу» Фань Е. «Вначале юэчжи были разгромлены сюнну,— сообщает этот автор,— и переселились в Дася. [Они] разделили эту страну на пять наместничеств — Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь, Думи. Через сто с лишним лет гуйшуанский наместник Цюцзюси напал на четыре наместничества и уничтожил их. Он объявил себя правителем, назвавшись князем Гуйшуана. Все страны называли его князем Гуйшуана, но Хань, основываясь на его прежнем наименовании, на-

зывала его [правителем] больших юэчжей» [568, т. 4, с. 3248]. Юэчжи I—II вв. н. э., упоминаемые в китайских источниках, могут быть, таким образом, идентифицированы с кушанами.

Не до конца решенным остается вопрос о времени миграции юэчжей на Запад. Район Дуньхуана они покинули после того, как их правитель был убит сюннуским Лаошан-шаньюем. Годы правления первых шаньюев сюнну хотя и не зафиксированы в письменных источниках, но могут быть восстановлены по косвенным данным. Сиратори Куракити считал, что Маодунь умер в 174 г. до н. э., а наследовавший ему Лаошан правил в 174—158 гг. [708, т. 1, с. 24]. Он основывался на следующем сообщении «Шицзи»; «Во 2-м году эры правления Хоуюань [162 г. до н. э.— *М. К.*) император Вэнь-ди (179—155 гг. до н. э.) отправил к сюнну посла с письмом. Через четыре года после этого шаньюй Лаошан [по имени] Цзиюй умер и на престол шаньюя вступил его сын Цзюньчэнь» [607, т. 9, с. 2902, 2904]. Несколько иначе толкуя дату посылки сюнну письма Вэнь-ди, японский историк Кувахара относил смерть Лаошан-шаньюя к 160 г. до н. э.; его мнение разделял Фудзита Тоёхати [638, с. 84]. Однако точная дата убийства Лаошан-шаньюем правителя юэчжей неизвестна: Э. Шаванн считал, что это событие произошло в 165 г. до н. э. [792, с. 189], О. Франке — в 160 г. [836, с. 55], Сиратори — в 158 г. до н. э. [708, т. 1, с. 26]. Принимая во внимание эти расхождения в датировке, можно считать, что начало миграции юэчжей из района Дуньхуана относится к середине II в. до н. э.

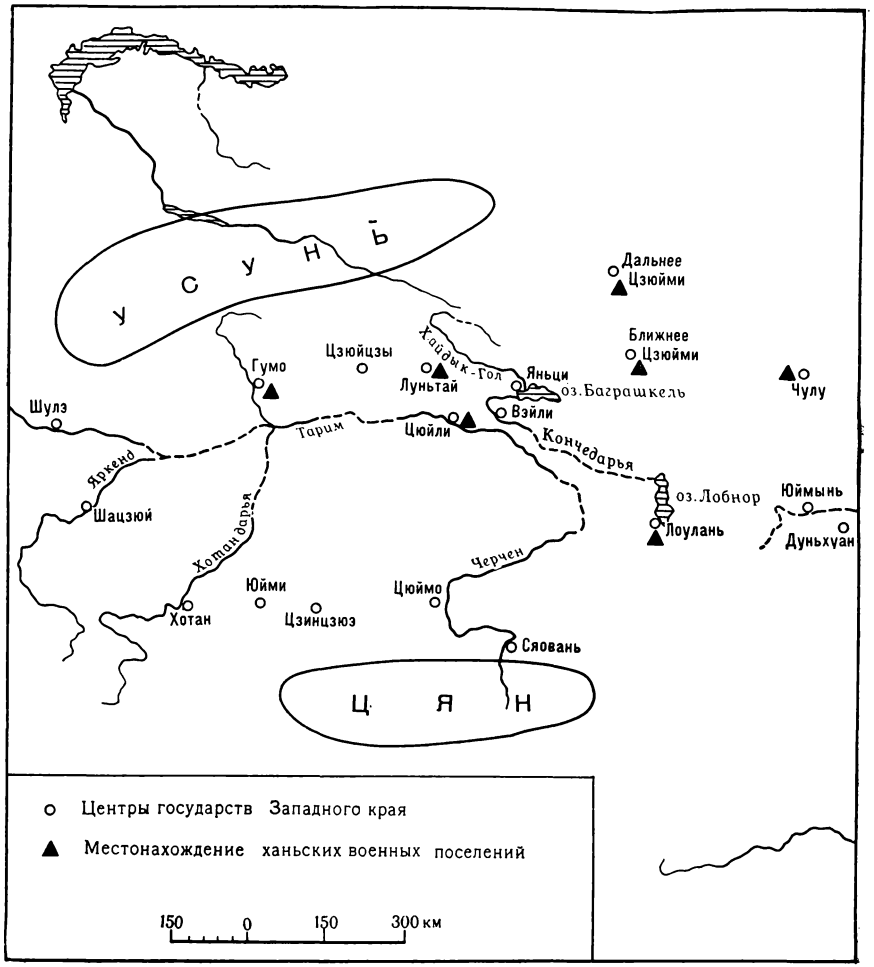
Точно так же в источниках не указывается и время начала второй волны миграции юэчжей с территории Джунгарии. Переселение усуней на запад «Шицзи» и «Ханьшу» относят ко времени «смерти шаньюя». Какой шаньюй имеется в виду? Если движение юэчжей из Ганьсу в Джунгарию началось при Лаошан-шаньюе, то усиление усуней могло совпасть со смертью либо этого правителя сюнну, либо его преемника Цзюньчэня. Дата смерти Цзюньчэня известна — 3-й год правления Юаньшо, т. е. 126 г. до н. э. [607, т. 9, с. 2907]. В этот год из первого путешествия в Западный край вернулся Чжан Цянь, описавший в в своем отчете события, связанные с завоеванием Бактрии юэчжами. Это значит, что переселение юэчжей из Джунгарии началось по крайней мере за несколько лет до смерти Цзюньчэнь-шаньюя. Таким образом, правителем сюнну, смерть которого стала поводом для освобождения усуней от сюннуского господства и их миграции в долину Или, мог быть только Лаошан [638, с. 86]. В таком случае переселение юэчжей из Дуньхуана и пребывание их в Джунгарии было весьма непродолжительным и охватывало лишь годы жизни Лаошан-шаньюя (174—160 или 174—158 гг. до н. э.).

Согласно другой точке зрения, юэчжи покинули Джунгарию в период пребывания Чжан Цяня в плену у сюнну (138—129 гг. до н. э.). При решении этого вопроса необходимо учитывать два

обстоятельства. Во-первых, вскоре после вступления на престол императора У-ди перебежчики-сюнну сообщали, будто большие юэчжи горят желанием отомстить сюнну за убийство их правителя. Однако после переселения в Бактрию юэчжи отказались от своего намерения. Поэтому в годы правления Цзяньюань (140—135 гг. до н. э.) юэчжи еще не покинули пределов Восточного Туркестана. Во-вторых, во время пребывания Чжан Цяня в плену шаньюй сюнну говорил ему: «Юэчжи находятся к северу от нас. Как же может Хань направлять [к нам] послов? Если бы мы вознамерились послать гонца к юэ, разве Хань разрешила бы это нам?» [607, т. 10, с. 3157]. Если шаньюй определял местонахождение юэчжей по аналогии с территорией южных юэ по отношению к Хань, то в это время юэчжи попрежнему находились к северо-западу от сюнну, в долине Или.

Фудзита Тоёхати не считал эти доводы убедительными. Он отмечал, что У-ди расспрашивал перебежчиков-сюнну вскоре после восшествия на императорский престол, однако не исключено что их переход на сторону Хань произошел еще до 140 г. до н. э. и они могли не знать о событиях в Джунгарии. К тому же, шаньюй, разумеется, был против сношений Хань с юэчжами и его аргумент относительно их местонахождения мог быть надуманным. По-видимому, прав был Э. Шаванн, утверждавший, что, «намереваясь установить связи с юэчжами, У-ди не знал, что те уже покинули район Или»; произошло переселение, вероятнее всего, около 160 г. до н. э. [638, с. 88].

Та часть юэчжей, которая мигрировала на Запад, получила наименование «больших юэчжей». В то же время «та небольшая часть оставшихся, которые не могли переселиться, обосновались среди цянов Наньшаня и стали называться „малыми юэчжами“...» [607, т. 10, с. 3162]. В середине I в. н. э. на западных границах империи Хань жили малые юэчжи, располагавшие войском в 2—3 тыс. всадников [568, т. 1, с. 621—622]. В 30-х годах I в. малые юэчжи принимали участие в борьбе за власть между Доу Юном и Вэй Ао на территории Ганьсу [568, т. 2, с. 849]. О происхождении их Фань Е рассказывает следующее: «Юэчжи Хуанчжуна — их предки являются ответвлением больших юэчжей. Некогда они жили на землях Чжанъи и Цзюцюаня. Правитель юэчжей был убит сюннуским Маодунем. Остатки их рассеялись и на западе перешли через Цунлин. Те же, кто был стар и слаб, на юге скрылись в труднодоступных горах и обосновались там, полагаясь на цянов, с которыми вступали в брачные отношения. Когда командующий летучей конницей Хо Цюйбин разгромил сюнну и захватил земли к западу от Хуанхэ, путь в Хуанчжун был открыт. Тогда юэчжи пришли и подчинились, поселившись вперемежку с людьми хань. [Их] одежда, пища и язык в основном сходны с цянами» [568, т. 4, с. 3212]. Таким образом, малые юэчжи, на протяжении нескольких столетий испытывавшие на себе этническое влияние прототибетобирманских племен цянов, в значительной мере изменили свой перво-

Карта 8. Восточный Туркестан в III в. до н. э.— VI в. н. э.

начальный облик, восприняв у своих соседей не только отдельные элементы материальной культуры, но и язык.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА БАССЕЙНА ТАРИМА НА ГРАНИ НОВОЙ ЭРЫ

«Тотчас же урочищем Ваш-шари перед нами явились сыпучие пески. Нечего говорить, что сыпучие пески таримского бассейна представляют собой, как везде, самого страшного врага культуры. Здесь, как и в Западном Туркестане, многие процветавшие в древности местности уничтожены, и вообще район культурных площадей стесняется все более и более; область же сыпучего песка расширяется. Причина столь рокового для ту-

земцев явления заключается во всеобщем усыхании Средней Азии. Не говоря уже про Лобнор, некоторые речки, стекающие с южных окрайних гор, на памяти местных стариков были многоводнее. Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о том же уменьшении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей; некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев, которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих».

Когда Н. М. Пржевальский писал эти строки [454, с. 227—228], археологические изыскания в бассейне Тарима еще не были начаты; многие города, полностью или частично скрытые под песками, оставались неизвестными науке. С тех пор прошло почти столетие. Усилиями ученых разных стран открыта новая страница истории мировой цивилизации, повествующая о некогда процветавших оазисах Восточного Туркестана. Однако и сегодня проблема отождествления названий древних городов, упоминаемых в письменных источниках, с изученными археологическими памятниками представляет определенные трудности.

Одна из причин тому заключается в путанице, связанной с переименованием населенных пунктов после присоединения Таримского бассейна к Цинской империи в последней четверти XIX в. Тюркоязычные названия почти всех городов, ставших уездными центрами вновь образованной провинции Синьцзян, были заменены на китайские, известные из сочинений более чем тысячелетней давности. В частности, г. Керия был переименован в Хотан, хотя первоначально это было владение Жунлу; оазис Вэньсу исторически соответствует современному Ушу, однако уездный город Вэньсу был учрежден в Аксу, где на грани новой эры существовало государство Гумо [641, с. 1].

Проблема идентификации руин древних городов, открытых археологами в XX в., осложняется еще и тем, что под влиянием естественных и иных факторов этнографическая карта бассейна Тарима неоднократно изменялась. Наступление песков нередко заставляло покидать давно обжитые места и переносить поселения; иногда с изменением природно-климатических условий заброшенные городища возвращались к жизни.

Основным источником наших представлений о населении Восточного Туркестана во II—I вв. до н. э. являются китайские исторические сочинения эпохи Хань, прежде всего «Шицзи» и «Ханьшу». В гл. 96 последнего сочинения не только перечисляются государства, существовавшие в то время в Западном крае, но и указывается их относительно точное местоположение.

Первоначально, пишет Бань Гу, в Западном крае было 36 государств, впоследствии же их число превысило 50 [563, т. 12, с. 3871]. Фактически же Бань Гу перечисляет 48 государств, 14 из которых были расположены в Гиндукуше и к северо-запа-

ду от него. На территории Восточного Туркестана расположены, таким образом, лишь 34 государства. Все они, сообщает Бань Гу, сосредоточены на территории, простирающейся с востока на запад более чем на 6 тыс. ли, с юга на север — более чем на 1 тыс. ли. На востоке край граничит с империей Хань, на западе доходит до Цунлина, а на севере и юге ограничен горами. В срединной части страны протекает река, имеющая два истока (один из них — в Цунлине, другой — близ Юйтяня) и впадающая в Соленое озеро (Лобнор). Это озеро имеет 300 ли в поперечнике и находится на расстоянии 300 ли от застав Юймыньгуань и Янгуань — крайней западной точки империи Хань [563, т 12, с. 3871].

Характеризуя отдельные государства Западного края, автор «Ханьшу» указывает название государства и его столицы, численность населения и армии, перечисляет должностные посты государственного аппарата. Для нас в данном случае особое значение имеет тот факт, что Бань Гу указывает в каждом отдельном случае расстояние между данным государством нынешнего Восточного Туркестана и столицей империи Хань — городом Чанъань, а также крепостью Улэй, где в I в. до н. э. находилась резиденция китайского генерал-протектора Западного края.

Важные наблюдения над этими цифровыми данными сделал японский историк Мацуда Хисао. Ему удалось показать, что приведенные Бань Гу расстояния вовсе не представляют собой результат фактических измерений. Они вычислены по определенной формуле, в основе которой лежит исходное число — 100 ли. В эпоху Хань считалось, что такое расстояние можно покрыть за один день пути. Результат соответствующих вычислений отчетливо виден на примере локализации трех пунктов в южной части бассейна Тарима — Цемо, Сяованъ и Жунлу. По данным Бань Гу, первый из них находится на расстоянии 2258 ли от Улэя, второй — 2558 ли, третий — 2858 ли [563, т. 12, с. 3879—3880]. Подобная точность в обозначении расстояний, на наш взгляд, объясняется указанием «Ханьшу», что, выехав из Цемо в южном направлении, можно за три дня достигнуть Сяованя: очевидно, что к числу 2558 были попросту прибавлены 300 ли. Аналогичное явление обнаруживается при анализе указанных Бань Гу расстояний от Улэя до некоторых государств на северо-востоке Западного края:

Название государства	Расстояние от Улэя, ли	Расстояние от Ближнего Цзюйши, ли
Ближнее Цзюйши	1087	—
Хуху	1147	60
Дальнее Цзюйши	1237	150
Билу	1287	200
Цулэй	1387	300
Це	1487	400
Западное Цеми	1487	400
Восточное Цеми	1587	500

В большинстве приведенных примеров расстояние от той или иной точки до Улэя дается с большой точностью, тогда как расстояния этих пунктов между собой, за отдельными исключениями, кратно 100. Вероятно, и в данном случае мы имеем дело с вычислениями, в основу которых положены все те же 100 ли, которые можно преодолеть за день пути [691, с. 487]. Это заставляет с сомнением отнестись к высказывавшемуся в литературе мнению о высокой точности сведений о расстоянии между отдельными городами в Западном крае, приводимых Бань Гу [317, с. 56]:

Название государства	Расстояние от Чанъаня, ли	Расстояние от Улэя, ли	Название государства	Расстояние от Чанъаня, ли	Расстояние от Улэя, ли
Лоулань	6100	1785	Вэйли	6750	300
Цемо	6820	2258	Вэйсюй	7290	500
Сяовань	7210	2558	Яньци	7300	?
Цзинцзюэ	8820	2723	Утаньцзыли	10330	?
Жунлу	8300	2858	Билу	8680	1287
Юйми	9290	3553	Дальнее Билу	8710	?
Цзюйлэ	9950	3852	Юлиши	8830	?
Юйтянь	9670	3947	Даньхуань	8870	?
Соцзюй	9950	4746	Пулэй	8360	1387
Сулэ	9350	2210	Дальнее Пулэй	8630	?
Вэйтоу	8650	1411	Западное Цеми	8670	1487
Вэньсу	8350	1380	Восточное Цеми	8250	1587
Гумо	8150	1021	Хуху	8200	?
Цзюйцзы	7480	350	Шань	7170	?
Улэй	?	—	Ближнее Цзюйши	8150	1807
Цюйли	?	?	Дальнее Цзюйши	8950	1237

Приведенные выше данные, пусть условные и далеко не всегда точные, представляют для нас огромную ценность. Прежде всего, обратим внимание на то, что Бань Гу фактически разбил упоминаемые им государства на три группы. При перечислении первых девяти государств расстояния от Чанъаня и Улэя последовательно увеличиваются, во второй группе — сначала сокращаются от Сулэ до Цзюйцзы, затем вновь начинают возрастать от Вэйли до Утаньцзыли. Наконец, еще одна группа Билу — Дальнее Цзюйши характеризуется тем, что все включенные в нее государства примерно равноудалены от обеих точек отсчета. Если Бань Гу указывает не фактические расстояния между пунктами, определяемые их положением на сетке географических координат, а исходит из длительности пути, связывающего эти пункты, то приведенные данные позволят утверждать, что пункты первой группы были расположены цепочкой вдоль тракта, ведущего на запад, а государства второй группы — вдоль дороги на восток. На грани новой эры в Западный край действительно можно было проникнуть двумя путями. Один из них (южный путь) проходил вдоль северных отрогов Наньшаня (Куньлунь) и, пересекая Цунлин, вел в Парфию. Второй (северный путь) пролегал по южным отрогам Бэйшаня (Тянь-Шань) и по нему можно было достичь Ферганы [563, т. 12,

Таблица 1

Численность населения государств Западного края, абсолютные показатели *

Название государства	Численность		
	семей	«ртов»	солдат
Лоулань	1570	14 100	2 912
Цемо	230	1 610	320
Сяовань	150	1 050	200
Цзинцзюэ	480	3 360	500
Жунлу	240	1 610	300
Юйми	3340	20 040	3 540
Цзюйлэ	310	2 170	300
Юйтянь	3300	19 300	2 400
Пишань	500	3 500	500
Соцзюй	2339	16 373	3 049
Сулэ	1510	18 647	2 000
Вэйтоу	300	2 300	800
Вэньсу	2200	8 400	1 500
Гумо	3500	24 500	4 500
Цзюйцзы	6970	81 317	21 076
Улэй	110	1 200	300
Цюйли	130	1 480	150
Вэйли	1200	9 600	2 000
Вэйсюй	700	4 900	2 000
Яньци	4000	32 100	6 000
Утаньцзыли	41	231	57
Билу	227	1 387	422
Дальнее Билу	462	1 137	350
Юлиши	190	1 445	331
Даньхуань	27	194	45
Пулэй	325	2 032	799
Дальнее Пулэй	100	1 070	334
Западное Цеми	332	1 926	738
Восточное Цеми	191	1 948	572
Цзе	99	500	115
Хуху	55	264	45
Шань	450	5 000	1 000
Ближнее Цзюйши	700	6 050	1 865
Дальнее Цзюйши	595	4 774	1 890

* [563, т. 12, с. 3870—3875].

с. 3872]. Позднее от заставы Юймыньгуань в Западный край был проложен еще один путь, и прежние названия торговых трактов изменились (подробнее см. гл. 8).

Лоулань, Цемо, Сяовань, Цзинцзюэ, Жунлу, Юйми, Цзюйлэ, Юйтянь и Соцзюй были расположены вдоль «южного пути». В Сулэ оба пути сходились и поэтому Бань Гу перечисляет названия государств, находившихся на северном тракте, в обратном порядке, по мере приближения к границам Ханьской империи — Сулэ, Вэйтоу, Вэньсу, Гумо, Цзюйцзы, Улэй, Цюйли, Вэйли. Затем расстояния от Чанъаня вновь начинают расти —

это означает, что Вэйсюй, Яньци, Утаньцзыли находились в стороне от «северного пути». Государства же, выделенные Бань Гу в третью группу, расположены компактно, а не вытянуты в цепочку.

Расстояния от Чанъаня до государств Западного края это, в сущности, расстояния до столиц этих государств, имевших зачастую значительную территорию. Бань Гу не приводит данных об их размерах, однако мы можем составить себе представление об этом по косвенным данным, прежде всего по численности населения. Следуя традиции китайских переписей населения эпохи Хань, Бань Гу указывает два демографических параметра — количество дворов (семей) и «ртов»; важной контрольной цифрой является также численность войска того или иного государства (табл. 1).

Есть основание предполагать, что данные о численности населения государств Западного края не вполне точны. Ошибка могла объясняться как дефектностью исходных статистических данных (китайские чиновники располагали в I в. до н. э. ограниченными возможностями для получения вполне достоверных сведений о населении региона), так и последующими искажениями при переписке и перепечатке источника. Установить наличие искажений мы можем, сопоставляя относительные показатели, вычисленные на основании цифр Бань Гу.

Важнейший критерий оценки этих статистических данных — средний размер семьи. В нашем случае он равен 7,5 человека (что, кстати говоря, в полтора раза выше, чем в Китае той же эпохи [305, с. 63]). Обращает на себя внимание, что в ряде государств Западного края размер семьи значительно превышает этот средний показатель — в Сулэ (12,3), Цзюйцзы (11,7), Улэе (10,9), Цюйли (11,4), Дальнем Пулэй (10,7), Восточном Цеми (10,2). С другой стороны, в Юйтяне и Вэньсу численность «ртов» в семье (5,8 и 3,8) оказывается явно заниженной. Обнаруживаются отклонения от средних показателей также и в соотношении населения государств Западного края с численностью войска и с средним числом воинов, приходящихся на одну семью:

Государства Западного края	Среднее число «ртов» в семье	Число «ртов», приходящихся на одного воина	Число воинов на одну семью
Лоулань	8,9	4,8	1,8
Цемо	7,0	5,0	1,4
Сяовань	7,0	5,2	1,3
Цзинцзюэ	7,0	6,7	1,0
Жунлу	6,7	5,3	1,2
Юйми	6,0	5,7	1,0
Цзюйлэ	7,0	7,2	1,0
Юйтянь	5,8	8,0	0,7
Пишань	7,0	7,0	1,0
Соцзюй	7,0	5,4	1,3
Сулэ	12,3	9,3	1,3
Вэйтоу	7,7	2,9	2,7

Государства Западного края	Среднее число «ртов» в семье	Число «ртов», приходящихся на одного воина	Число воинов на одну семью
Вэньсу	3,8	5,6	0,7
Гумо	7,0	5,4	1,3
Цзюйцзы	11,7	3,9	3,0
Улэй	10,9	7,0	2,7
Цюйли	11,4	9,9	1,1
Вэйли	8,0	4,8	1,7
Вэйсюй	7,0	2,4	2,9
Яньци	8,0	5,3	1,5
Утаньцзыли	5,6	4,0	1,4
Билу	6,1	3,3	1,9
Дальнее Билу	2,5	3,2	0,8
Юлиши	7,7	4,4	1,7
Даньхуань	7,2	4,3	1,7
Пулэй	6,2	2,5	2,4
Дальнее Пулэй	10,7	3,2	3,3
Западное Цеми	5,8	2,6	2,2
Восточное Цеми	10,2	3,4	3,0
Цзе	5,0	4,3	1,2
Хуху	11,1	5,0	2,2
Ближнее Цзюйши	8,6	3,2	2,7
Дальнее Цзюйши	8,0	2,5	3,2
В среднем	7,5	5,0	1,7

Сопоставление всех приведенных выше показателей позволяет высказать предположение, что, например, Бань Гу занизил число семей в Лоулане. Вследствие этого выше средних оказались размер семьи и число воинов, приходящихся на одну семью. Напротив, в Вэньсу численность семей была завышена, что привело к снижению показателей количества «ртов», приходящихся на одного солдата, и числа воинов, приходящихся на одну семью. Что же касается Сулэ, численность его населения, по всей видимости, была завышена. Обращает на себя внимание и тот факт, что, по данным Бань Гу, население Цзюйцзы насчитывало более 80 тыс. человек (это значительно превышало соответствующие абсолютные показатели в других крупных государствах Западного края). Непомерно высоко в указанном случае и приведенное в «Ханьшу» среднее число «ртов» в семье (11,7 против среднего 7,5). Если же считать, что число семей в Цзюйцзы указано правильно, следует считать завышенной также и численность войска этого государства. Исходя из указанной Бань Гу численности семей в Цзюйцзы, его население должно было составлять около 50 тыс. человек, а армия насчитывать примерно 12 тыс. человек. С учетом этих уточнений численность населения наиболее крупных государств Западного края может быть представлена в следующем виде:

Государства	Примерная численность населения, в тыс. человек	Государства	Примерная численность населения, в тыс. человек
Цзюйцзы	50	Юйтянь	20
Яньци	30	Сулэ	20
Гумо	25	Соцзюй	15
Юйми	20	Лоулань	15

Таблица 2

Сопредельные государства Западного края
(по данным Бань Гу) *

Государства	С какой стороны света и с каким государством граничило							
	С	СВ	СЗ	Ю	ЮВ	ЮЗ	В	З
Цемо	Вэйли							
Сяовань							цяны	
Жунлу				цяны			Сяовань	Цзюйлэ
Цзюйлэ	Юйми						Жунлу	цяны
Юйми		Цзюйцзы	Гумо	Цзюйлэ				
Юйтянь	Гумо			цяны				
Вэйтоу				Сулэ				
Гумо	усуни						Цзюйцзы	
Цзюйцзы	усуни	Цемо		Цзинцзюэ		Юйми		Гумо
Цюйли		Вэйли		Цзинцзюэ	Цемо			
Вэйли				Лоулань, Цемо				
Яньци	усуни							
Утаньцзыли				Цемо			Даньхуань	усуни
Дальнее Билу	сюнну			Цзюйши			Юлиши	Цзе
Юлиши	сюнну						Цзюйши	Билу
Шань					Лоулань, Цемо			

* [563, т. 12, с. 3879—3882, 3910—3913].

Рассматривая вопрос о размерах территории государств Западного края в I в. до н. э., необходимо учитывать указания Бань Гу на то, что некоторые из них граничили друг с другом (табл. 2). Выясняется, что общие границы имели также и государства, расположенные на юге и на севере бассейна Тарима. В частности, Цзюйцзы «на юге граничило с Цзинцзюэ, на юго-востоке — с Цемо, на юго-западе — с Юйми, на севере — с усунями, на западе — с Гумо» [563, т. 12, с. 3911]; Юйми «на юге граничило с Цзюйлэ, на северо-востоке с Цзюйцзы; на северо-западе — с Гумо» [563, т. 12, с. 3880]; Юйтянь «на юге граничил с цянами, на севере — с Гумо» [563, т. 12, с. 3881].

Отсюда, в частности, следует, что в центральной части бассейна Тарима в рассматриваемое время находились земли пригодные для заселения. Никто из авторов ханьской эпохи не упоминает о пустынях, которые разделяли бы «южный» и «северный» пути. Бань Гу сообщает лишь о песках между заставой Юймыньгуань и Лоуланем; первые упоминания о песчаной пустыне Такла-Макан появляются в источниках не ранее V в. (записки Фасяня), а в VII в. «Бэйши» и «Чжоушу» повествуют уже о зыбучих песках к северо-западу от восточного участка «южного пути» [993, с. 8].

Реконструируя политическую карту Восточного Туркестана последних веков до новой эры, исследователь сталкивается с проблемой отождествления географических названий, сообщаемых древнекитайскими письменными источниками, и реальных местонахождений, изучавшихся начиная с конца XIX в. европейскими и японскими археологами. На этот счет высказывались различные точки зрения; дискуссия шла главным образом вокруг вопроса о том, совпадал ли караванный путь через южные окраины пустыни Такла-Макан с современным трактом через те же районы.

Основываясь главным образом на сообщении Бань Гу, считавшего Цзинцзюэ южным соседом Цзюйцзы, известный исследователь Центральной Азии Ф. Рихтгофен впервые выдвинул предположение о том, что в древности «южный путь» Западного края проходил не непосредственно вдоль отрогов Наньшаня, как сейчас, а намного севернее [1071, с. 444].

Ф. Рихтгофен, однако не бывал в районе «южного пути» и, не владея древнекитайским языком, пользовался переводом труда Бань Гу. Его последователь А. Геррманн располагал уже гораздо более значительной суммой фактов, в частности, результатами экспедиций С. Гедина и А. Стейна. Все эти данные позволили ему высказать гипотезу о том, что в конце I тыс. до н. э. караванный путь от современного Черчена шел через Эндере, изученное А. Стейном поселение Ния и далее к Узунтагу и Хотану. Именно так представлен этот путь на карте, составленной А. Германном [883, с. 91—99].

Хуан Вэньби в результате своих исследований в окрестностях оз. Лобнор также пришел к выводу, что «южный путь» перво-

начально соединял Черчен и оазис Ния, а далее на западе проходил через Дандан-уйлык [649, 1948].

Долгое время эта точка зрения не встречала возражений специалистов. Но в 1979 г. Хоёнага Муцуби, исходя из наблюдений, сделанных в процессе изучения полученной с американского спутника карты СУАР, выступил с опровержением этой гипотезы. По его мнению дополнительным аргументом в пользу того, что в древности «южный путь» практически совпадал с современным, была находка древнекитайской печати в уездном городе Миньфэн [717, с. 55]. Этот последний довод Нагасава Кадзутоси охарактеризовал как недоразумение, поскольку в действительности печать была найдена в Ние [697, с. 65]. Этот исследователь вновь обращает внимание на свидетельство Бань Гу: Сяовань и Жунлу «находились к югу от [караванного] пути» [563, т. 12, с. 3879—3880]. Это обстоятельство вполне согласуется с тем, что местонахождение Ния, отождествляемое с Цзинцзюэ, расположено в 150 км к северу от современного пути вдоль склонов Куньлуня.

КОЧЕВНИКИ И КИТАЙ В БОРЬБЕ ЗА ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Мы фактически не знаем политической истории государств Западного края, предшествовавшей возвышению сюнну. Первое упоминание об этом районе, известное нам из китаеязычных источников, содержится в письме сюннуского правителя Маодуня, адресованном ханьскому императору Вэнь-ди. Сообщая о своих военных успехах, Маодунь утверждал, что в начале II в. до н. э., после разгрома юэчжей, «Лоулань, усуни, хуцзе и 26 соседних с ними владений оказались под властью сюнну, так что все народы, натягивающие лук, объединены теперь в одной семье» [563, т. 11, с. 3757].

В результате возросшей в начале II в. до н. э. активности сюнну в зависимость от них попали народы, резко отличавшиеся друг от друга как по происхождению, так и по образу жизни. Утверждение о признании кочевниками-усунями власти сюнну было явным преувеличением, но земледельческое население Восточного Туркестана действительно подчинилось Маодуню. Политически разобщенные государственные образования Западного края не смогли противостоять вторжению сюнну в бассейн Тарима. «Каждое государство Западного края имело своего правителя, а их армии были разъединены и слабы, не было никого, кто мог бы повести их за собой» [563, т. 12, с. 3920].

Сюнну, находившиеся на стадии формирования классового общества и государства, испытывали потребность в тех материальных благах, производить которые не умели. В этом отношении население Западного края оказалось примерно в том же положении, что и жители приграничных округов империи Хань,

постоянно подвергавшиеся в III—II вв. до н. э. набегам кочевников. В наибольшей степени это касалось государств, расположенных в Притяньшанье, откуда сюнну время от времени вторгались в бассейн Тарима. Правитель сюнну ввел особую должность «управляющего рабами»; в обязанности этого чиновника входил контроль над населением Западного края и сбор налогов. Его резиденция находилась в районе Яньци, Вэйсюя или Вэйли, откуда он «взимал подати со всех владений, получая от них богатства и средства к существованию» [563, т. 12, с. 3872]. Нуждаясь в ремесленниках, обладавших определенными производственными навыками, сюнну практиковали массовые угоны населения покоренных областей. «Пулэй первоначально был большим государством,— сообщает автор „Хоуханьшу",— но когда Западный край оказался под властью сюнну, правитель [Пулэя] чем-то не угодил шаньюю. Тот разгневался и переселил более 6 тыс. пулэйцев в Аэ, на западную окраину владений сюнну» [568, т. 4, с. 3263].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что контроль над территорией Западного края со стороны сюнну не привел к сколько-нибудь значительным изменениям в традиционной культуре и образе жизни местного населения. «Хотя [владения Западного края] подчинились сюнну, они не были связаны с ними узами близости. Сюнну могли получать там лошадей, скот, кошмы и шерстяные ткани, но не в состоянии были повести их за собой» [563, т. 12, с. 3930].

Во второй половине II в. до н. э. империя Хань, до этого придерживавшаяся политики «мира и родства» по отношению к сюнну, начинает готовиться к войне с ними. Для этого китайцам необходимо было найти союзников; в поисках разгромленных и переселившихся на запад юэчжей император У-ди посылает в Западный край миссию Чжан Цяня. Посол не выполнил своей задачи, но его путешествие стало для китайцев открытием ранее совершенно неизвестного им мира. Чжан Цянь побывал в Фергане, Бактрии, Согдиане и в своем докладе трону сообщил некоторые сведения о государствах Юйми, Юйтянь, Лоулань и Гуши (Цзюйши). Ко времени возвращения Чжан Цяня У-ди уже предпринял первые попытки вытеснить сюнну из степного коридора, пересекающего с востока на запад современную пров. Ганьсу. Эти военные операции закончились успешно: в 115 г. до н. э. на захваченных у сюнну землях был создан новый округ Цзюцюань, а в 111 г. до н. э.— округа Чжанъи и Дуньхуан. Тем самым были созданы условия для проникновения в Западный край, все еще находившийся под властью сюнну. Начался период соперничества китайцев и сюнну за господство в бассейне Тарима.

Военная активность Хань была сначала направлена против небольших государств, расположенных в восточной части Западного края. В 108 г. до н. э. китайский отряд совершил нападение на Гуши, а другой сначала захватил Лоулань и пленил его пра-

вителя, а затем совершил рейд на север и присоединился к действовавшему там войску. Столица Гуши была взята штурмом. Эта демонстрация силы оказала воздействие на усуней, решивших соблюдать нейтралитет в конфликте между Хань и сюнну (внешним проявлением этого явилось согласие усуньского *куньмо* [правителя] взять в жены одновременно и сюннускую и китайскую принцессу) [563, т. 12, с. 3902].

К 104 г. до н. э. относится поход ханьских войск на Фергану, окончившийся неудачей. Однако У-ди не хотел смириться с поражением. «Каждый, кто вернется к заставе Юймыньгуань, будет обезглавлен!» — объявил он. Вновь была собрана огромная армия, насчитывавшая более 60 тыс. солдат; командующий Ли Гуанли, пройдя Лоулань, двинулся на запад по «северному пути», уничтожив при этом пытавшееся оказать сопротивление владение Луньтай. После сорокадневной осады Ферганы был заключен мир, по которому китайцы получили табун коней, необходимых им для войны с сюнну.

Поход на Фергану изменил соотношение сил враждующих сторон на территории Восточного Туркестана. Многие государства региона направили в Чанъань свои посольства и заложников как свидетельство признания вассалитета по отношению к Хань. Главной ареной борьбы с сюнну в этот период остается Гуши. Первая попытка покончить с этим княжеством была предпринята в 99 г. до н. э., когда объединенная армия китайцев и лоуланьцев двинулась на Гуши, но была разбита. Через десять лет в аналогичной ситуации на Гуши собрались походом шесть государств, в том числе Лоулань, Вэйли, Вэйсюй. Столица Гуши была окружена, после чего его правитель сдался на милость победителя. 89 год может быть принят как дата первого подчинения этого владения Китаю [317, с. 50]. Однако сюнну продолжали удерживать свои позиции в Западном крае и лишь в 60 г. до н. э., после ожесточенных сражений, были вынуждены уступить, что фактически означало конец их власти в бассейне Тарима. Должность «управляющего рабами» была упразднена. В 59 г. до н. э. ханьский полководец Чжэн Цзи был назначен на только что учрежденный пост генерал-протектора Западного края (*Сиюй духу*), просуществовавший до 23 г. н. э. [649, с. 180—183]:

Генерал-протекторы	Годы нахождения на должности
1. Чжэн Цзи	60—49
2. Хань Сюань	48—46
3. »	
4. »	
5. »	
6. Гань Яньшоу	36—34
7. Дуань Хуэйцзун	33—31
8. Лянь Бао	30—28
9. »	
10. Хань Ли	24—22
11. Дуань Хуэйцзун	21—19
12. »	
13. »	
14. Го Шунь	12—10
15. »	
16. »	
17 »	
18. Сунь Цзянь	1—3
19. Дань Цинь	4—13
20. Ли Чун	16—23
21. »	

Таблица 3

Численность сановников в государствах Западного края*

Государства	Должности						
	хоу	цзян	дувэй	цицзюнь	ичжан	другие	всего
Лоулань	2	—	2	—	2	3	9
Цемо	1	2	—	—	1	—	4
Сяованьь	1	—	2	—	—	—	3
Цзинцзюэ	—	2	1	—	1	—	4
Юйми	1	2	2	2	2	—	9
Юйтянь	1	2	—	2	1	2	8
Пишань	—	2	2	1	1	—	6
Соцзюй	1	2	2	2	4	1	12
Сулэ	3	2	1	2	2	—	10
Гумо	2	2	1	2	2	—	9
Вэньсу	1	2	2	2	2	—	9
Цзюйцзы	3	2	5	2	4	14	30
Улэй	—	—	1	—	1	—	2
Вэйли	2	2	2	—	2	1	9
Вэйсюй	1	2	3	2	1	1	10
Яньци	3	2	4	—	3	5	17
Утаньцзыли	1	—	2	—	—	—	3
Билу	1	2	2	—	2	—	7
Дальнее Билу	1	2	1	—	1	—	6
Юлиши	1	—	2	—	1	—	4
Даньхуань	1	1	2	—	1	—	5
Пулэй	1	2	2	—	—	—	5
Дальнее Пулэй	1	1	2	—	1	—	5
Западное Цеми	1	2	—	2	—	—	5
Восточное Цеми	1	—	2	—	—	—	3
Цзе	1	—	1	—	1	—	3
Хуху	1	—	2	—	—	—	3
Шань	1	2	2	—	1	—	6
Ближнее Цзюйши	2	2	2	—	2	3	11
Дальнее Цзюйши	1	2	2	—	1	1	7

* [563, т. 12, с. 3926].

Протекторат Ханьской империи над Западным краем означал формальное подчинение всех государств бассейна Тарима власти ханьского императора. Сиюй духу избрал своей резиденцией небольшое княжество Улэй, расположенное в срединной части «северного пути». При генерал-протекторе существовал штат военных чиновников, которые должны были систематически посещать государства Западного края с целью обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов по обоим трактам. Правители княжеств получали номинальную инвеституру от императорского правительства, что находило внешнее выражение в пожаловании им китайских печатей. Упоминание о такой печати, которая была выгравирована специально для правителя Лоуланя в 107 г. до н. э., содержится в «Ханьшу» [563, т. 12, с. 3878]. О внешнем виде их можно судить по

находкам аналогичных печатей, пожалованных ханьским императором правителям царства Дянь (на территории современной пров. Юньнань), одного из древнеяпонских владений, а также вождю цянских племен, признавших вассалитет по отношению к империи Хань [604, с. 7]. Печати жаловались также должностным лицам при правителе того или иного вассального государства. По свидетельству Бань Гу, в общей сложности китайские печати имели 376 сановников владений Западного края [563, т. 12, с. 3926] (табл. 3).

Среди специалистов нет единого мнения о том, были ли эти наименования китайскими кальками местных терминов, или же мы имеем здесь дело с должностями, учрежденными китайской администрацией. Последняя точка зрения (ее выдвинул, в частности, Эноки Кадзуо, возражавший против отождествления китайского названия должности *фугохоу* с ragaharaga, известным по документам на кхарошти из Лоуланя [825, с. 128]) не может считаться доказанной. Против нее свидетельствует, например, существование в Лоулане должности *цюйцюй* [563, т. 12, с. 3875], наименование которой имеет сюннуское происхождение [907, с. 84]. Обратим также внимание на то, что в Лоулане и Цзюйцзы существовали должности *цзи Цзюйши дувэй* (командующие войсками, нападающими на Цзюйши), хотя Ближнее и Дальнее Цзюйши также находились в сфере китайского протектората и в их государственном аппарате были чиновники, носившие китайские наименования [563, т. 12, с. 3875, 3911].

С установлением протектората над государствами Западного края связано также создание там китайских военно-земледельческих поселений. Целью этого мероприятия было обеспечение продовольствием войска и посольства, находившихся на территории Западного края. К I в. до н. э. ханьским правительством был уже накоплен значительный опыт по созданию такого рода поселений в округах Увэй, Цзюцюань, Чжанъи, Дуньхуан. План широкого внедрения военных поселенцев на земли Западного края был разработан сановником Сан Хунъяном, придворным императора У-ди. В 89 г. до н. э. Сан Хунъян подал доклад, в котором отмечал наличие в районе Луньтая (близ Цюйли, на «северном пути») пригодных для орошения земель и предлагал учредить там китайские колонии. Император отверг эту идею, а заодно признал ошибочной всю предшествующую политику Хань, направленную на захват новых территорий на северо-западе.

Этот знаменитый Луньтайский рескрипт У-ди [563, т. 12, с. 3913] подводил своеобразный итог всей его внешнеполитической деятельности, длившейся более полувека [386, с. 117—121]. После смерти У-ди Сан Хунъяну удалось склонить нового императора, Чжао-ди (86—74 гг. до н. э.), к принятию решения об организации военных поселений в Западном крае, хотя и в более скромных масштабах, чем это предполагалось ранее [577, т. 2, с. 867—869]. В 77 г. до н. э. была основана колония

в Луньтае; одновременно отряд ханьских военных поселенцев был направлен в Исюнь (Лоулань) [563, т. 12, с. 3878].

Последняя четверть I в. до н. э. отмечена резким обострением внутренних противоречий в империи Хань. В этих условиях ее правительство уже не могло осуществлять эффективный контроль над территориями, признавшими вассальную зависимость от Китая. В 28 г. до н. э. был ликвидирован аппарат чиновников, занимавшихся ранее вопросами управления зависимыми владениями [563, т. 3, с. 735]. Фактически оказываются предоставленными самим себе и военные поселения в Западном крае. Не случайно один из документов, составленных китайскими чиновниками в Лоулане, датирован 5-м годом правления Юаньянь [649, с. 192], хотя в действительности в начале этого года был учрежден новый девиз правления — Суйхэ, о чем местная администрация не была вовремя поставлена в известность.

Годы правления Ван Мана (9—22) совпали с событиями, которые привели в конечном счете к утрате империей Хань своих прежних позиций в Западном крае. В документах архива, найденного в 1979 г. при раскопках заставы Юймыньгуань, есть датированные временем Ван Мана депеши, поступавшие из соседних владений — Юлиши, Билу, Лоуланя, Вэйли, Яньци, Цзюйши,— но совершенно отсутствуют какие-либо сведения о более далеких государствах Западного края [573, с. 6]. В 10 г. вспыхнул вооруженный конфликт между администрацией генерал-протектора и правителем Цзюйши. Возникли раздоры и среди ханьских чиновников, в результате которых один из них был убит своими подчиненными; вместе с более чем двумя тысячами солдат они перешли на сторону сюнну. В 13 г. в Яньци был убит генерал-протектор Дань Цинь. Спустя три года назначенный на эту должность Ли Чун потерпел поражение от войск Яньци, после чего ханьская администрация на территории Западного края прекратила существование [560, с. 67]. Бóльшая часть бассейна Тарима вновь оказывается в сфере влияния сюнну.

Внутригосударственные проблемы надолго отвлекли китайцев от Западного края. Уже начало правления Ван Мана отмечено крестьянскими восстаниями, а в 18 г. вспыхнуло массовое выступление против узурпатора, приведшее в конечном счете к его низвержению. В 25 г. Лю Сю (император Гуан У-ди; 25—57) объявил о реставрации династии Хань, но ему потребовалось более десяти лет, чтобы преодолеть сопротивление других претендентов на власть.

Между тем в Западном крае первая половина I в. н. э. была периодом возвышения Соцзюя. Это княжество, ранее, не входившее в число сильнейших, предпринимает теперь попытку добиться гегемонии над своими соседями. Находясь далеко от основной территории сюнну, Соцзюй поддерживал Хань и предоставил, в частности, убежище китайским чиновникам из окружения генерал-протектора и их семьям. В 29 г. Доу Юн, сопер-

ник Лю Сю в борьбе за престол, пожаловал Кану, правителю Соцзюя, титул «Великий главнокомандующий Западным краем, подчиняющийся Хань, прославившийся своими заслугами и преисполненный добродетели князь Соцзюя». Это чрезвычайно укрепило авторитет этого княжества, и ему, по свидетельству «Хоуханьшу», подчинились «все 55 государств Западного края» [568, т. 4, с. 32—56]. Утверждение это, по-видимому, не вполне достоверно, потому что владения, расположенные в Притяньшанье и частично на «северном пути», находились в это время под властью сюнну. Номинальная поддержка со стороны Хань на первых порах позволила Соцзюю консолидировать антисюннускую коалицию. Но и сюнну постепенно усиливали свое влияние в Западном крае. Со временем Соцзюй начинает нуждаться в реальной помощи, получить которую он рассчитывал от Китая.

В 33 г. государем Соцзюя становится Сянь, младший брат Кана. С периодом его правления, продолжавшегося почти 30 лет, связаны наибольшие успехи этого княжества в борьбе за главенство в Западном крае. В 38 г. Сянь направляет посольство к ханьскому двору и устанавливает с ним непосредственные сношения. Еще через три года он обращается к Гуан У-ди с конкретным предложением об учреждении в Западном крае китайского протектората, как это было сделано столетием раньше. Доу Юн, ставший к тому времени одним из крупных сановников при дворе Гуан У-ди, высказался за положительное решение, и после некоторого колебания император вручил послу Сяня печать Сиюй духу. Однако наместник округа Дуньхуан выступил против этого, указывая, что «варваров нельзя облекать властью». Тогда Гуан У-ди изменил свой первоначальный эдикт, повелел послу вернуть печать, присвоив взамен князю Соцзюя титул «Подчиненный Хань великий полководец». Возник конфликт — посол, находившийся в это время в Дуньхуане, отказался возвратить печать, и наместнику пришлось применить силу. Это событие, по мнению автора «Хоуханьшу», явилось причиной изменения внешнеполитической ориентации Соцзюя; рассерженный Сянь решает отказаться от попыток заручиться помощью Ханьской империи в его противостоянии сюнну [568, т. 4, с. 32—56].

Тем временем правители Лоуланя, Яньци и ряда других государств по-прежнему рассчитывали сохранить свою независимость, опираясь на поддержку Хань. В 45 г. 18 владений, расположенных в восточной части бассейна Тарима, направили свои посольства в Лоян. Гуан У-ди, сославшись на неустойчивость положения внутри страны, отказался удовлетворить их просьбу о назначении генерал-протектора и о разрешении оставить в столице Китая заложников в знак признания вассалитета. На обратном пути послы оставили заложников при наместнике округа Дуньхуан и вернулись домой с надеждой на дальнейшие контакты с Хань. Однако уже через год правитель Соцзюя потребовал от Лоуланя прервать свои сношения с Хань. Отказ сделать это стал поводом для похода соцзюйских войск на сто-

лицу Лоуланя. Зимой того же, 46 г. армия Соцзюя напала на Цзюйцзы. Правитель этого княжества был убит, а территория присоединена к Соцзюю. Все изложенные события заставили Лоулань вновь обратиться к Хань с просьбой об установлении протектората над Западным краем. Отказ Гуан У-ди был еще более решительным [568, т. 4, с. 3257].

Свои надежды на противодействие агрессии Соцзюя княжества восточной части бассейна Тарима теперь возлагали на сюнну. Тем временем во внутреннем положении сюнну произошли весьма существенные изменения. После катастрофической засухи 22 г., заставившей кочевников оставить районы первоначального расселения, часть сюнну мигрировала на юг и признала сюзеренитет Хань. Для другой их части, переместившейся на северо-запад (их стали называть «северными сюнну»), обладание территорией Восточного Туркестана становится важнейшей стратегической проблемой. Воспользовавшись распрями между государствами Западного края, сюнну к середине I в. резко усиливают свою военную активность в этом регионе. Постепенно складываются две политические группировки, одна из которых возглавляется Соцзюем, другая — сюнну.

В 50-х годах правитель Соцзюя совершает поход на «князя амударьинских саков» и смещает его, а затем возводит своих ставленников на престол в Фергане и Кангюе. Заподозрив заговор, он вызывает к себе князей Цзюйми, Гумо и Цзыхэ и казнит их, а управление территориями этих государств передает своим сановникам.

Вместе с тем конец 50-х годов характеризовался усилением внутренних противоречий в коалиции государств, возглавлявшихся Соцзюем. Сначала вспыхнуло восстание в Цзюйцзы, население которого обратилось за помощью к сюнну. В 60 г. произошел дворцовый переворот в Юйтяне, в результате которого правителем этого княжества объявил себя местный аристократ Сюмоба. В одном из сражений он погиб, но на престол был возведен его племянник Гуандэ, сумевший нанести поражение Соцзюю. Падение гегемонии Соцзюя привело к новой перегруппировке политических сил в Западном крае. Усиливается Юйтянь, и 13 государств в западной части бассейна Тарима признают его главенство. Одновременно укрепляются позиции Лоуланя, так что теперь «на южном пути к востоку от Цунлина крупными были лишь эти два государства» [568, т. 4, с. 32—37]. Но непрерывно продолжающееся усиление сюнну приводит к тому, что и Юйтянь и Лоулань оказываются вынужденными выплачивать дань кочевникам.

В последней четверти I в. в борьбу за подчинение Западного края вновь вмешивается Китай. Новый этап ханьской экспансии в Западном крае, в результате которой они не только восстанавливают свои прежние позиции, но и значительно укрепляют их, связан с именем дипломата и полководца Бань Чао. Миссия Бань Чао началась в 73 г., когда он во главе небольшого отря-

да вступил в пределы Западного края и, двигаясь по «южному пути», прибыл в Лоулань, а оттуда в Юйтянь. Бань Чао удалось преодолеть противодействие сюннуских послов и склонить правителей этих двух государств на сторону Хань. Затем Бань Чао вмешался в борьбу за власть в Сулэ, где он способствовал смещению правителя, являвшегося ставленником Цзюйцзы и сюнну. После этих первых успехов Бань Чао, совпавших по времени с подчинением Цзюйши, был наконец официально восстановлен китайский протекторат над Западным краем. Сиюй духу обосновался в Лючжуне (в Притяньшанье). Ханьская администрация решила воссоздать военные поселения в близлежащих районах. После длительного перерыва возобновились и сношения с усунями [157, с. 108—133].

Сюнну ответили на эти акции решительным наступлением. Лючжун был захвачен, генерал-протектор Чэнь Му убит, а китайские поселенцы в Цзюйши отрезаны от Китая. Неудачи сильно поколебали позиции сторонников активной политики в Западном крае. Только что взошедший на престол император Чжан-ди (76—88) после долгих колебаний склонился к мнению тех, кто советовал ему послать армию для освобождения осажденных, но затем эвакуировать гарнизоны из Западного края. Бань Чао, находившийся в это время в Сулэ, получил приказ вернуться в Китай [568, т. 3, с. 16, 91]. Последующие действия Бань Чао оказались совершенно неожиданными для ханьского двора. Он отказался подчиниться императорскому указу и остался в Западном крае. В 78 г. Бань Чао удается объединить усилия Сулэ, Юйтяня, Цзюйми и нанести поражение Гумо, опиравшемуся на сюнну. Важнейшей целью Бань Чао становится подчинение Цзюйцзы — главной опоры сюнну на «северном пути». Свой план создания коалиции, которая могла бы преодолеть сопротивление Цзюйцзы, Бань Чао сообщает императору и просит его поддержки. Одновременно он вступает в сношения с кушанами, стремясь привлечь их на свою сторону. В результате в 80-х годах I в. в борьбу за влияние в Западном крае наряду с сюнну и империей Хань вступает Кушанская держава. Значительно усилившееся при Кадфизе II, государство кушанов к этому времени расширило свои границы далеко за пределы Бактрии. В 74 г. кушаны выступили на стороне империи Хань в кампании против Соцзюя (в тексте «Хоуханьшу» ошибочно указано Цзюйши, и некоторые современные исследователи принимают это упоминание как достоверное [157, с. 115—116]; Фэн Чэнцзюнем было установлено, что юэчжи-кушаны не могли участвовать в подчинении Цзюйши и что в данном случае речь идет о Соцзюе [639, с. 49—50]). В своем докладе императору Чжан-ди Бань Чао упоминает в 80 г. кушанов, наряду с усунями и несколькими княжествами западной части бассейна Тарима, в числе «государств, вновь пожелавших подчиниться» [568, т. 3, с. 1692]. Но уже в 90 г. кушаны вступают в открытый военный конфликт с Бань Чао. Против него через Памир было двинуто

войско, насчитывавшее, по свидетельству «Хоуханьшу», 70 тыс. человек. Поход был неудачен, но он в какой-то мере подготовил последующие акции Кушанской державы в Западном крае.

Между тем империи Хань удается нанести в 91 г. окончательное поражение сюнну. После этого разгрома они перестали играть сколько-нибудь заметную роль в международных отношениях региона Центральной Азии и «удалились неизвестно куда». Территория, прежде занятая сюнну, вскоре оказалась в руках другого кочевого народа — сяньбийцев. В том же, 91 г. Бань Чао получает назначение на пост Сиюй духу и поселяется в Цзюйцзы, а его помощник *уцзи сяовэй* — в Сулэ. Полное подчинение Западного края завершилось в 94 г., когда власть китайской администрации признали Яньци, Вэйли и Вэйсюй.

Формально китайский протекторат над государствами Западного края просуществовал до 107 г. За это время сменилось три генерал-протектора, последним из которых явился Дуань Си. Ему пришлось выдержать осаду столицы Цзюйцзы, которую окружили войска Вэньсу и Гумо. Сыну Бань Чао Бань Юну было приказано выступить с отрядом из Дуньхуана для того, чтобы помочь Сиюй духу и военным поселенцам вернуться в Китай. Бань Юн настаивал на продолжение в Западном крае политики, начатой его отцом. В 119 г. он предложил послать 500 солдат в Лоулань для восстановления ранее существовавшего там военного поселения. Это, по его мнению, позволило бы «на западе контролировать Яньци и Цзюйцзы, на юге поддержать Шаньшань и Юйтянь, на севере противостоять сюнну, на востоке охранять Дуньхуан» [568, т. 3, с. 1706]. План Бань Юна отвергли, и в 123 г. его назначили на вновь утвержденную должность верховного администратора Западного края (*Сиюй чжаньши*), находившуюся в ведении не центрального правительства (как это было с Сиюй духу), а наместника округа Дуньхуан. Во главе немногочисленного отряда войск Бань Юн оказывается в Лючжуне и закладывает там новое ханьское военное поселение.

В общей сложности с 77 г. до н. э. по 131 г. н. э. китайцы создавали свои земледельческие колонии в одиннадцати пунктах Западного края. Конкретный анализ исторических данных не позволяет согласиться с утверждением, что ханьские военные поселения «охватывали почти всю территорию Западного края» [567, с. 25]. Подавляющее большинство их размещалось в Притяньшанье, на землях Ближнего и Дальнего Цзюйши. Что касается численности ханьских военных поселенцев, то она была совершенно незначительной по сравнению с масштабами аналогичных мероприятий в северо-западных округах самой империи Хань. Так, в одном лишь 119 г. до н. э. во вновь созданные военные поселения на западных границах было переселено 50—60 тыс. человек [606, т. 9, с. 2911]. Сообщения же о создании земледельческих колоний в Западном крае содержат сведения о численности гарнизона колонии в Иу (300—500 человек), но,

Таблица 4

Численность ханьских гарнизонов военных поселений в Западном крае (I в. до н. э.— II в. н. э.)*

Местонахождение поселения	Дата											
	до н. э.						н. э.					
	77	68	67	53	48	30	73	74	91	119	123	131
Исюнь (Лоулань)	40											
Луньтай	?1											
Цюйли		?**										
Цзяохэ			300		?							
Чигу (усуни)				?								
Лючжун (Цзюйши)								?			500	
Гаочан (Цзюйши)									500			
Цзиньмань (Цзюйши)								?				
Цегу (Цзюйши)							?		?			
Иу										1000		?
Гумо						?						

* [563, т. 12, с. 3870—3895; 677, т. 4, с. 917—925].

** В. Луньтае и Цюйли «было по нескольку сот военнопоселенцев» [563, т. 12, с. 3873].

с другой стороны, первое поселение в Лоулане было основано усилиями 40 (!) солдат и офицеров (табл. 4).

В середине II в., в обстановке резкого обострения внутренних противоречий в стране, Китай оказывается не в состоянии контролировать ситуацию в Восточном Туркестане. В 152 г. Сиюй чжанши Ван Цзин был убит в Юйтяне, но это событие было оставлено без последствий ввиду невозможности послать войска для карательной операции. На следующий год китайцы были вынуждены смириться со смещением правителя Дальнего Цзюйши, возведенного на престол ханьской администрацией. В 170 г. Чжан Янь предпринимает безуспешную попытку наказать жителей Сулэ за убийство ханьского чиновника. Начавшееся в 180 г. восстание Желтых повязок до основания потрясло империю. После падения династии Хань страна оказалась в 220 г. разделенной на три самостоятельных царства, лишь одно из которых — Вэй — стремилось к установлению связей с Западным краем.

Ослабление Китая создало благоприятные условия для экспансии кушанов. В настоящее время можно считать общепризнанной гипотезу Дж. Брафа, согласно которой кушаны не только распространили свое влияние на территории к востоку от Памира, как в свое время предполагал А. Стейн, но попросту включили их в состав своей империи. Браф датирует это событие серединой II в., полагая, что кушанское господство над

бассейном Тарима продолжалось вплоть до завоевания коренных территорий кушанов Сасанидами около 230 г. [776, с. 597]. В соответствии с этой точкой зрения Дж. Браф считает, что посольство Потяо, правителя «больших юэчжей», прибывшее ко двору Вэй в 229 г., было отправлено не кушанским правителем, а каким-то владением, образовавшимся на развалинах Кушанской империи [776, с. 598]. Кушанское господство наложило заметный отпечаток на культуру населения южной части бассейна Тарима. Для реконструкции истории стран Западного края этого времени исключительную ценность, в частности, имеют надписи на кхарошти — письменности, привнесенной кушанами и наряду с китайской иероглификой распространенной в этом районе на протяжении нескольких последующих столетий.

В первой половине III в. на политической карте Западного края происходят заметные изменения по сравнению с предшествующим временем. На месте двух с лишним десятков небольших и средних владений образовалось шесть крупных государств, усилившихся благодаря присоединению территории своих соседей. По свидетельству «Вэйлюэ» княжества Цемо, Сяованъ, Цзинцзюэ, Лоулань были присоединены к Шаньшаню; Жунлу, Цзюйлэ, Пишань вошли в состав Юйтяня; Вэйли, Вэйсюй, Шань присоединены к Яньци; Гумо, Вэньсу, Вэйтоу — к Цзюйцзы; Чжэнчжун, Соцзюй, Цзеши, Цюйша, Сие, Инай, Пули, Ино, Юйлин, Цюаньду, Сюсюнь — к Сулэ; Цеми, Даньхуань, Билу, Пулу, Утань — к Цзюйши. Контакты этих государств с Китаем носили в III в. спорадический характер и выражались в том, что их правители время от времени присылали дары императору; исключение составляли лишь Шаньшань и Цзюйши, чья история в указанный период более тесно связана со Срединным государством.

Одним из важнейших экономических мероприятий, проводившихся Вэй в 40—60-е годы III в., стало создание широкой сети военных поселений с целью использования заброшенных земель и повышения уровня сельскохозяйственного производства. Военно-земледельческие поселения были организованы и в восточных районах бассейна Тарима, где они существовали в ханьское время,— в Лоулане и Цзюйши. В III в. Лоулань становится резиденцией Сиюй чжанши, однако сфера деятельности этого сановника была весьма ограниченной. Поэтому отнюдь не случайными являются сетования автора «Бэйши» по поводу того, что «со времен Вэй и Цзинь владения Западного края поглощали друг друга» и последовательность событий тех лет невозможно ясно представить.

Некоторая активизация контактов с государствами Западного края началась после воцарения династии Цзинь, с конца 80-х годов III в., когда Шаньшань, Цзюйцзы и Яньци прислали в цзиньскую столицу своих заложников. В документе, восстановленном Ван Говэем из двух фрагментов, обнаруженных А. Стейном во время раскопок в оазисе Ния, упоминаются государи

Шаньшаня, Яньци, Цзюйцзы, Сулэ и Юйтяня. Все они носят титул «Родственный Цзинь правитель [такого-то государства], Помогающий Цзинь великий владетель, Великий главнокомандующий, выполняющий обязанности цзиньского *шичжуна*» [565, т. 3, с. 865]. Компоненты этого титула имеют параллели в наименованиях, присваивавшихся князьям соседних владений династиями Хань и Вэй. Так, Потяо получил в 229 г. титул «Родственного Вэй правителя больших юэчжей», вождь сяньбийцев Шамохань в начале III в. был пожалован титулом «Родственный Хань правитель», в 239 г. царица древнеяпонского владения стала «Родственной Вэй правительницей ва», а среди печатей, жаловавшихся цзиньскими императорами, имеются экземпляры с надписью «Родственный Цзинь правитель цянов». Известны аналогии и для второго компонента данного титула — в 29 г. почетное наименование «Великий главнокомандующий Западным краем» получил правитель Соцзюя, затем князю Сулэ был пожалован титул «Союзный Хань великий главнокомандующий», а позднее владетеля Дальнего Цзюйши титуловали «Великий главнокомандующий». Что касается должности шичжун, то в табели о рангах эпохи Хань—Цзинь так именовались сановники из свиты императора. Дж. Браф весьма прозорливо отождествил шичжуна с jitugha — частью титула шаньшаньских правителей, известного из надписей на кхарошти из Ния и Лоуланя [776, с. 600—601]. Таким образом, присваивая почетные титулы правителям соседних государств, поддерживавших мирные отношения с Китаем, императоры Цзинь следовали давно сложившейся традиции.

Знаменательно, что в указанном китайском документе упомянуты лишь пять государей Западного края из шести. Отсутствие в списке правителя Цзюйши может быть объяснено тем обстоятельством, что в начале III в. это государство, по всей видимости, было подчинено сяньбийцами и утратило самостоятельность. Во всяком случае, в одном из сочинений, цитируемом в комментарии к «Саньго чжи», упоминается, что «сяньби на западе граничат с усунями», хотя на пути к владениям усуней лежало Цзюйши [565, т. 3, с. 869]. Упоминания о сяньбийцах содержатся в документах кхарошти из Ния, где сообщается о набегах supi на территорию областей на южном тракте (относительно идентификации supi с сяньбийцами см. [1031, с. 716—718]). Указание на территорию, занятую сяньбийцами в начале IV в., есть также в письме Сиюй чжанши Ли Бая, адресованном правителю Яньци, но не отправленном адресату и найденном в Лоулане. Приведем полностью текст этого уникального документа:

«В пятом месяце, седьмого числа, в Хайтоу. Сиюй чжанши Ли Бай, обладатель ранга *гуаньнэйхоу,* приветствует, почтительно склоняя голову. Давно не имея возможности прибыть, никогда не оставлял желания сделать это. Ныне же по приказу властителя прибыл на запад. Второго числа сего месяца приехал

в Хайтоу, но не имел известий от Вас, государь. Надеюсь, что в пределах Вашего государства все обстоит благополучно. Ваш посол Цюнфуло отправился вместе с советником Янем через земли северных варваров и, надеюсь, уже добрался до места. Ныне направляю посла Фу Тая, чтобы осведомиться о происходящем и сообщить новости. Заканчиваю, не высказав всего, о чем хотелось бы поведать. Ли Бай приветствует Вас, почтительно склоняя голову» [693, с. 207]. «Северные варвары» (*бэй-ху*) — обычное обозначение сяньбийцев. Учитывая, что письмо Ли Бая было написано правителю Яньци, можно сделать вывод, что в начале IV в. сяньбийцы владели значительной территорией в восточной части бассейна Тарима и поэтому путь из Лоуланя в Яньци лежал в это время «через земли северных варваров».

Перемещение различных групп северных кочевых народов (сюнну, сяньбийцев, ухуаней), создание ими в начале IV в. своих государств на Среднекитайской равнине привело в 317 г. к падению династии Цзинь. Начинается длительный период непрерывных военных столкновений и ожесточенной борьбы за власть между новоявленными властителями. Вскоре почти вся северная часть Китая оказывается в руках «пяти северных племен». Лишь в Лянчжоу (современная пров. Ганьсу) после крушения Цзинь остался прежний китайский наместник Чжан Цзюнь, продолжавший действовать от имени свергнутой династии, а в 335 г. объявивший себя правителем царства Лян.

В 351—384 гг. Северный Китай объединила под своей властью династия Ранняя Цинь. Ее основатель Фу Цзянь послал в Западный край полководца Люй Гуана, который совершил переход от Гаочана до Цзюйцзы и штурмом взял его столицу. В результате более 30 государств Западного края подчинились Люй Гуану и он сначала планировал даже оставить постоянные гарнизоны в Цзюйцзы. Позднее он принял решение вернуться в Китай, ведя за собой караван в 200 тыс. верблюдов и более 10 тыс. лошадей. Вскоре после разгрома войск Ранней Цинь на реке Фэйшуй (383 г.) Люй Гуан объявил себя правителем нового государства. Позднее Лян со столицей в Гуцане (современный Увэй).

На протяжении последующих десятилетий в Ганьсу существовали независимые государства, неизменно поддерживавшие тесные связи со странами Восточного Туркестана. В 400 г. китаец Ли Хао, бывший наместник округа Дуньхуан, основал там династию Западная Лян. После перенесения столицы в Цзюнцюань усилился закрепившийся в Чжанъи сюнну Цзюйцюй Мэнсунь, который нанес в 420 г. поражение правительственным войскам и сверг династию Западная Лян. Под властью нового правителя оказалась вся территория от Дуньхуана на востоке до Гаочана на западе. Вновь созданное государство Северная Лян (420—439) поддерживало дипломатические отношения с сяньбийским государством Северная Вэй, которому удалось

объединить всю остальную часть Северного Китая, и с обосновавшейся на юге китайской династией Лю Сун. Связи дуньхуанского княжества с Западным краем в значительной мере стимулировались тем обстоятельством, что Цзюйцюй Мэнсунь и его преемник исповедовали буддизм. В тот период в окрестностях Гуцана был построен пещерный храм — прообраз будущих дуньхуанских святынь V—VI вв.,— а в самом Гуцане стали селиться многочисленные буддийские проповедники, выходцы из Западного края. Особенно широкой известностью пользовался уроженец Кашмира Дхармамитра, который прежде жил в Куче, а по прибытии в Дуньхуан основал там буддийский монастырь и занялся переводами сутр на китайский язык. По свидетельству «Вэйшу», начиная с первой трети IV в. в Дуньхуан во множестве переселялись из Западного края и буддийские монахи, и миряне, которые основывали целые поселения и несли с собой «древние обычаи Запада».

В 439 г. Северная Вэй разгромила войска второго правителя династии Северная Лян, Цзюйцюй Муцзяня, и объединила весь Северный Китай. Младшие братья Муцзяня — Ухуэй и Аньчжоу — бежали на запад и укрепились в Гаочане. Власть сяньбийской династии Северная Вэй не распространялась в этот период лишь на крайний северо-запад Ганьсу, где в это время консолидировались тогоны (кит. *туюйхунь*; о происхождении этого термина см. [702, с. 49—80]). В Притяньшанье в V в. распространились жужани, отождествляемые многими исследователями с аварами [713, с. 76—88], а в западной части бассейна Тарима — эфталиты [724, с. 1—29]. Позднее, в самом конце V в., тогоны распространили свое влияние на всю восточную половину края, тогда как западная его половина подпала под власть эфталитов. В 60-х годах VI в. господству эфталитов в районе к востоку от Памира положили конец тюрки, создавшие огромную кочевую империю Первый тюркский каганат (551—630). Воцарение китайских династий Суй (581—618) и Тан (618—907) ознаменовало начало нового этапа развития международных отношений в Центральной Азии, в котором с середины VII в. активно участвует Тибет.

ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОГО КРАЯ во II в. до н. э.— VI в. н. э.

Основные вехи истории наиболее крупных государств, существовавших в бассейне Тарима, могут быть восстановлены преимущественно на основании иноязычных (прежде всего — китайских) источников. Содержащиеся в них сведения лишь в отдельных случаях оказывается возможным корректировать благодаря наличию местной письменной традиции. Поэтому реконструируемая таким образом история этих государств рассматриваемого периода во многом фрагментарна. Более детальное исследование ряда кардинальных ее проблем — дело будущего.

Крорайна

Китайское название государства Лоулань представляет собой транскрипцию местного наименования Kroraimna, определить которое стало возможным после находок текстов кхарошти III—IV вв. [836, т. 3, с. 190; 907, с. 81; 924, с. 57].

Природные условия Крорайны, расположенной в непосредственной близости от оз. Лобнор, характеризовались преобладанием песчаных засоленных почв. К востоку от Лобнора, на полпути между Дуньхуаном и Крорайной, находилась пустыня Байлундуй, где, как об этом сообщают документы I в. до н. э., «на протяжении 500 ли нет воды и травы» [649, с. 196]. Земель, пригодных для возделывания, в Крорайне было мало (исключение составлял лишь район Исюня близ современного Мирана с его «тучными и плодородными почвами» [563, т. 12, с. 3879]). Поэтому Крорайна постоянно нуждалась во ввозе зерна из других районов Западного края. Значительная часть населения (на грани новой эры оно составляло примерно 15 тыс. человек) занималась отгонным скотоводством, разводили ослов, лошадей, верблюдов.

Вопрос о местонахождении столицы Крорайны в течение нескольких десятков лет был предметом оживленной дискуссии. В 1900 г. С. Гедин обнаружил в окрестностях Лобнора (40°31′34″ северной широты и 89°50′53″ восточной долготы) древнее городище, которое в 1906 г. детально обследовал А. Стейн, назвавший его «местонахождением L.A.». Изучение текстов на китайском языке, найденных в пределах городища, привело к открытию в них упоминаний названия Лоулань, что дало Стейну основание отождествить L.A. со столицей древнего Лоуланя (в китайских источниках ханьского времени этот город именуется Юйни). В 1909 г. развалины посетил японский исследователь Татибана Дзуйтё, которому посчастливилось найти здесь хорошо сохранившиеся экземпляры цитировавшегося выше письма Сиюй чжанши Ли Бая, в котором он упоминает о своем пребывании в Хайтоу. К сожалению, в отчете об изысканиях в бассейне Тарима японский археолог не указал точного места находки письма Ли Бая; впрочем А. Стейн (с ним Татибана встречался в Англии еще до возвращения в Японию) в публикации результатов своей второй экспедиции упоминает об этом документе как о найденном в местонахождении L.A.

Изучение китайских текстов, найденных С. Гедином, А. Стейном и Татибаной, привело китайского историка Ван Говэя к убеждению, что данное городище нельзя идентифицировать с древней столицей Лоуланя. По его мнению, в ханьское время это местонахождение называлось Цзюйлуцан (топоним, упоминаемый в «Ханьшу» и «Вэйлюэ»), а в IV в.— Хайтоу. Основанием для такого вывода послужило следующее соображение: среди документов, обнаруженных Стейном, есть депеши, полученные «из Лоуланя». Напротив, письмо Ли Бая еще не было

отправлено и упоминаемое в нем название Хайтоу как раз и соответствует резиденции Сиюй чжанши [565, т. 3, с. 825—828].

Это мнение оспорил японский ученый Мори Сикадзо, попытавшийся доказать, что письмо Ли Бая в действительности было найдено вовсе не в местонахождении L.A. Вскоре после возвращения Татибаны в Японию, как отмечал Мори, появилась статья, в которой находка этого документа связывалась с одним из древних городищ на берегу р. Кончедарья, притока Тарима. Благодаря сличению фотографий, сделанных независимо друг от друга Стейном и Татибаной, Мори утверждал, что письмо Ли Бая было открыто примерно в 50 км к юго-западу от L.A., в развалинах города, обозначенных Стейном шифром L.K. С этой точки зрения содержание данного документа отнюдь не противоречило отождествлению L.A. с Лоуланем [693, с. 208, 217]. Одновременно Мори ссылался на находки, сделанные в 1930 г. сотрудником китайско-шведской экспедиции Хуан Вэньби в 75 км к северо-востоку от L.A. Там были обнаружены документы ханьского времени, в которых упоминается Цюйлуцзыцан, соответствующий топониму Цзюйлуцан [649, с. 192]. Таким образом, полагал Мори, на пути к Исюню находились три города — Цзюйлуцан, Лоулань (Юйни) и Хайтоу [693, с. 220].

Выводы японского ученого подверг сомнению его соотечественник Эноки Кадзуо. Согласно Эноки, письмо Ли Бая было обнаружено именно в L.A., являвшемся столицей Кроранйны вплоть до второй половины IV в. [723, с. 15; 825, с. 170—171]. Правда, Эноки не привел сколько-нибудь убедительных доводов в пользу своей точки зрения, отмечая лишь, что вряд ли можно доверять памяти Татибаны. Более основательно опровергнуть мнение Мори попытался Мэн Фаньжэнь. Он приводит в этой связи следующие доводы.

Во-первых, место, где было найдено письмо Ли Бая, должно было представлять собой резиденцию Сиюй чжанши, а если это так, там непременно должны были быть какие-то следы, указывающие на присутствие там китайского сановника. Но, кроме письма Ли Бая, в L. K. до сих пор не найдено ни одного документа или предмета, связанного с деятельностью Сиюй чжанши. Во-вторых, в письме Ли Бая указывается, что оно было написано в Хайтоу; в переводе это означает «берег моря». Однако L.K. расположено вдали от берегов оз. Лобнор, и поблизости от него нет даже ни одной реки. В-третьих, если L.K. было резиденцией Сиюй чжанши, оно должно было бы выделяться среди прочих мелких поселений своими размерами. Между тем L.K. имеет всего лишь 170 м в длину и 110 м в ширину и намного уступает в этом отношении местонахождению L.A. В-четвертых, как хорошо известно из китаеязычных документов, найденных в L. A., одной из важных сторон деятельности Сиюй чжанши было обеспечение функционирования военно-земледельческих поселений и ирригационные работы. Но поблизости от

L.K. нет никаких следов оросительных сооружений. В-пятых, по традиции резиденции Сиюй духу и Сиюй чжанши находились в пунктах, расположенных на важнейших коммуникациях и имевших стратегическое значение. Однако L.K. расположено вдали как от «северного», так и от «южного» путей. Все это ставит под сомнение версию о том, что письмо Ли Бая было найдено в местонахождении L.K. [596, с. 84—85].

Настаивая на том, что письмо Ли Бая обнаружено в L.A., являвшемся резиденцией Сиюй чжанши, Мэн Фаньжэнь первым из исследователей истории Крорайны высказал сомнения в том, что этот город был одновременно столицей государства. Он ссылается, в частности, на соотношение найденных в L.A. и Ния документов на китайском языке и кхарошти: в первом случае 99% обнаруженных текстов было написано по-китайски, во втором — лишь 1%. Это значит, что L.A. непосредственно подчинялось присланному из Китая сановнику, а Ния — правителю Крорайны. Ния в III в. был одним из городов, входивших в состав этого государства, но делопроизводство там велось почти исключительно на кхарошти. Почему же в таком случае в L.A., если это действительно была столица Крорайны, почти нет документов на кхарошти, да и в китайских текстах не встречается ни одного упоминания о правителе Крорайны или его дворе? Ответ, по мнению Мэн Фаньжэня, может быть только один: столица Крорайны находилась в это время в другом месте, а местонахождение L.A. управлялось китайской администрацией, подчиненной Сиюй чжанши [596, с. 86].

Вопрос о локализации столицы Крорайны стал активно обсуждаться в связи с возобновлением археологических исследований в районе оз. Лобнор. Осенью 1979 г. там побывала японо-китайская археологическая экспедиция [684]. Детальное обследование городища L.A. было предпринято Хоу Цанем, Хуан Шэнчжаном и другими в октябре—декабре 1979 г., а также Му Шуньин в апреле 1980 г. [645]. После тщательного изучения всех выдвигавшихся ранее точек зрения Хоу Цань пришел к выводу, что письмо Ли Бая было действительно обнаружено в местонахождении L.K., которое в III—IV вв. именовалось Хайтоу; столица Крорайны находилась в то время в L.A. [645, с. 167—168].

В связи с этим возникает вопрос о том, почему же письмо Ли Бая, являвшегося Сиюй чжанши, было написано не в столице Крорайны, где находилась его резиденция, а в Хайтоу, расположенном в 50 км к юго-западу? Ответ на этот вопрос связан отчасти с точной датировкой этого письма. Ван Говэй полагал, что оно написано после 345 г. [565, т. 3, с. 871—876]; Ханэда Тору датировал его 328—330 гг., с чем в принципе был согласен и Мацуда Хисао [723, с. 15]. Хоу Цань полагает, что если в этом вопросе прав Ханэда, то письмо было написано Ли Баем по дороге в столицу Крорайны; если же верна датировка Ван Говэя, то резиденция Сиюй чжанши в это время

уже переместилась в Хайтоу. Сам Хоу Цань склоняется к последней версии [645, с. 168—169].

Повторное обследование городища L.A. показало, что его площадь равнялась примерно 108 тыс. м². Территория города делилась на три района. В его северо-восточной части были расположены буддийские храмы и монастыри, в центре — административные здания, в юго-западной части — жилые кварталы. Самым высоким строением являлась пагода, высота которой составляет сейчас 10,4 м (ширина основания 18—19 м). Стратиграфические наблюдения показывают, что пагода была построена в сравнительно поздний период существования города [645, с. 159—161]. Но в непосредственной близости от него в 1914 и 1979 гг. обнаружены погребения, относящиеся к раннему периоду истории Крорайны. В 1914 г. А. Стейн раскопал в 7 км к востоку от городища десять захоронений, в которых найдены остатки изделий из китайского шелка с вытканными иероглифическими благопожеланиями, а также шерстяные ткани с изображением Гермеса [700, с. 137]. В 1979 г. в 5 км к северо-востоку от L.A. раскопаны семь погребений, одно из которых датируется методом радиокарбонного анализа 2040±90, т. е. относится к I в. до н. э.— I в. н. э. [645, с. 161]. Кроме того, вновь исследованы захоронения, открытые А. Стейном; дата одного из них — 1880±85 (I—II вв.) [630, с. 128—133; 645, с. 162—163].

Крорайна занимала чрезвычайно важное стратегическое положение, так как ее столица находилась на пересечении двух путей, ведших из западной части бассейна Тарима на Восток. Именно поэтому Крорайна сразу же оказалась втянутой в ожесточенную борьбу за Западный край, которая разгорелась во II в. до н. э. между империей Хань и сюнну. В 108 г. до н. э. правитель Крорайны был захвачен в плен ханьским полководцем Чжао Пону и вынужден был после этого отправить посольство с дарами ханьскому У-ди. В то же время он не решался порвать с сюнну; в результате один из его сыновей был послан заложником ко двору Хань, другой к сюнну. Позднее сюнну попытались использовать Крорайну для того, чтобы сорвать планировавшийся поход ханьских войск в Давань (Фергану). Узнав об этом, У-ди приказал схватить правителя Крорайны и доставить его в Чанъань [563, т. 12, с. 3877]. Будучи затем отпущен восвояси, крорайнский правитель умер в 92 г. до н. э. В нашем распоряжении нет данных о его имени и имени его преемника, также вскоре скончавшегося. Но в 77 г. до н. э. владетеля Крорайны по имени Аньгуй убил ханьский посол; голову Аньгуя привезли в Чанъань и вывесили для всеобщего обозрения на городских воротах (сообщение о прибытии этого «груза» в Дуньхуан содержится в документе, найденном при раскопках одной из пограничных крепостей [658, с. 66, № 1582].

После смерти Аньгуя на престол был возведен его младший

брат Вэйтуци, который до этого долгое время жил в ханьской столице. Ему устроили пышные проводы, и перед отъездом в Крорайну (переименованную в Шаньшань) Вэйтуци обратился к императору Чжао-ди с просьбой учредить в районе Исюня военно-земледельческую колонию, которая бы снабжала зерном китайских послов в Западном крае, а для самого Вэйтуци была бы гарантией его авторитета. Предложение это было принято, и в Исюне разместился отряд во главе с *сыма*, позднее замененным командующим (*дувэй*). «С этого времени в Исюне появились [китайские] чиновники»,— сообщает «Ханьшу» [563, т. 12, с. 3878].

О деятельности китайских военнопоселенцев в Крорайне мы можем судить на основании документов I в. до н. э., обнаруженных там в 1930—1932 гг. По своему характеру они чрезвычайно близки к тем, которые были открыты в пограничных крепостях близ Цзюйяня [671; 699], и представляют собой разного рода входящую и исходящую корреспонденцию. Из этих источников мы узнаем, что помимо дувэя в Исюне проживали и другие должностные лица [649, с. 188, № 10, 11]. Наряду с поселением в Исюне в то же время к северу от столицы Крорайны был основан китайский опорный пункт Цзюйлуцзыцан, где находился продовольственный склад [649, с. 192, № 13, 15, 17]. Поскольку он находился на пути из Дуньхуана к северному тракту, на его гарнизон одновременно возлагались обязанности по регистрации всех проезжающих, в том числе официальных посольств (в одном из найденных там отчетов говорится о гонце правителя Цзюйцзы [649, с. 189, № 12]). Обнаружены документы, датированные 49, 39, 25 и 8 гг. до н. э.,— вторая половина I в. до н. э., по-видимому, была периодом наибольшей активности китайской военной колонии в Крорайне. Есть основания полагать, что уже в последние годы I в. до н. э. связь с метрополией стала нерегулярной. Поэтому, хотя в 8 г. до н. э. император Чэн-ди (32—7 до н. э.) принял новый девиз правления — Суйхэ, в документах из Крорайны этот год по-прежнему обозначен как 5-й год Юаньянь [649, с. 192, № 17].

Политическая история Крорайны первой половины I в. н. э. нам совершенно неизвестна. Первые сведения о событиях, связанных с этим государством, появляются лишь в 41 г., когда его правитель по имени Ань направил посольство ко двору Гуан У-ди. Вскоре после этого возник вооруженный конфликт с Соцзюем, закончившийся захватом столицы Крорайны. Более тысячи жителей было убито, а сам Ань бежал в горы [568, т. 4, с. 3257].

Последующие годы явились временем постепенного усиления Крорайны. Это связано, в частности, с тем, что контакты Хань со странами Западного края в I в. осуществлялись по «северному пути», а государства, расположенные вдоль «южного пути», получили возможность независимого развития. Еще за два столетия до того правитель Крорайны с горечью признал,

что «маленькое государство, находящееся между двумя большими (Хань и сюнну.—*М. К.*), может чувствовать себя в безопасности только в том случае, если подчиняется одновременно и тому и другому» [563, т. 12, с. 3877]. Отныне Крорайна пытается навязать свою гегемонию соседним владениям. В конце I в. она присоединяет земли княжеств Сяовань, Цзинцзюэ, Жунлу и Цемо [568, т. 4, с. 3228].

В 73 г. в Крорайну прибывает Бань Чао. Правитель Гуан принял его «с большим радушием, однако затем вдруг стал холоден и небрежен» [568, т. 3, с. 1688]. Узнав, что причина тому — находившаяся в то же самое время в Крорайне миссия сюнну, Бань Чао решается на крайний риск: напав на лагерь своих соперников, он убивает их предводителя. Увидев голову сюннуского посла, Гуан объявил о подчинении Хань и для доказательства искренности послал в Чанъань заложником своего сына.

Предложение Бань Юна восстановить китайские военные поселения в Крорайне, выдвинутое им в 119 г., не получило поддержки. После этого Крорайна на целое столетие оказывается вне поля зрения китайских историографов. Информация о Крорайне появляется лишь после того, как княжество освободилось от кушанского господства. Различные стороны жизни Крорайны III—IV вв. нашли отражение в источниках двух различных категорий — китаеязычных документах, имеющих отношение к деятельности Сиюй чжанши, и текстах на кхарошти, отражающих функционирование местной администрации.

Канцелярия Сиюй чжанши находилась в помещении L.A. VI, раскопанном на территории городища А. Стейном. Большая часть найденного там архива — это документы, связанные с жизнью китайских военнопоселенцев: описи казенного имущества, списки поселенцев и членов их семей, ведомости на выдачу довольствия, официальные депеши и т. д. Сведения о партиях поселенцев, направляемых на полевые работы, позволили произвести приблизительный подсчет численности этого военного поселения; по мнению Нагасава Кадзутоси, она составляла в III в. не менее 200 человек [696, с. 30], т. е. была такой же, что и при Ранней Хань. Значительная часть документов датирована, что позволяет наметить хронологические рамки существования китайского поселения в Крорайне — III—IV вв., точнее, 252—330 гг.

Не останавливаясь на анализе содержания текстов на кхарошти, отметим, что сопоставление их с китайскими документами дает возможность в общих чертах решить дискуссионную проблему хронологии правящей династии Крорайны. Действительно, в документах кхарошти зафиксированы имена пяти государей и годы их правления [773, т. 3, с. 323—328]:

1. Таджака — срок царствования 8 лет
2. Пепийа — срок царствования 3 или 8 лет
3. Амкока — срок царствования 5 или 36 лет

4. Махири — срок царствования 4 или 28 лет
5. Вашмана — срок царствования 3 или 11 лет

Дж. Браф установил, что титул jitughi, соответствующий китайскому *шичжун*, употребляется начиная с 17-го года правления царя Амкока [776, с. 601]. Возникает вопрос: в каком году по китайскому летосчислению правитель Крорайны получил этот титул? Браф высказал предположение, что это событие произошло либо в год воцарения династии Цзинь (265 г.), либо в 263 г., поскольку пожалование правителю Крорайны (а также Яньци, Цзюйцзы, Сулэ и Юйтянь) почетного титула должно было принести будущему основателю династии Цзинь авторитет и гарантированные поставки продовольствия [776, с. 603]. Но данное соображение не выдерживает серьезной критики. Невозможно представить, чтобы цзиньский титул был присвоен кому-либо до того, как династия Цзинь официально сменила Вэй. Кроме того, хотя в 265 г. Сыма Янь (265—290) взошел на престол, в Крорайне об этом не знал даже Сиюй чжанши. В двух документах из Лоуланя этот год имеет старое вэйское наименование «3-й год Сяньси». Один из них датирован вторым месяцем — весть о воцарении Цзинь еще не дошла до Крорайны [803, № 51]. И лишь в восьмом месяце указанного года в документах появляется новое наименование — 2-й год Тайши [992, № 246].

Гораздо более убедительной представляется версия, согласно которой титул шичжун был пожалован князю Амкоке в 283 г., когда в столицу цзиньской империи прибыл в качестве заложника его сын. А если это так, то правление Амкоки началось в 267 г. и продолжалось либо до 302 г. (если он находился на престоле 36 лет), либо до 304 г. Соответственно Махири правил в этом случае в 303—330 гг. (или в 305—332 гг.) [723, с. 3—4].

В «Цзиньшу» содержится упоминание о том, что в 331 г. Чжан Цзюнь получил в жены дочь шаньшаньского князя Юань Мэна. Эноки склонен видеть в Юань Мэне крорайнского правителя Вашмана [723, с. 4]. Между тем заслуживает внимания тот факт, что в другой хронике («Шилюго чуньцю») то же событие связывается с шаньшаньским царем Юань Ли. Если учесть, что *юань*, как и maha, имеет значение «большой», «великий», то не следует ли отождествить *Юань* Ли и *Махири*? В этом случае есть основания полагать, что 11-й год правления Вашмана соответствует 343 г.

В 400 г. в Крорайне по пути в Индию побывал Фасянь, записавший в дневнике своего путешествия: «Выйдя из Дуньхуана, шли 17 дней, покрыв примерно 1500 ли пути, после чего добрались до страны Шаньшань. Земля там неровная и бесплодная. Одежда мирян в основном схожа с китайской, но отличается тем, что шьют ее из шерстяной ткани» [865]. Археологические раскопки в Ния подтверждают это свидетельство

Фасяня [660, с. 78—82]. Местная знать носила также одежду из китайского шелка [604, с. 18, № 31].

В начале V в. древняя столица Крорайны была покинута ее жителями и перенесена на юг. Наиболее вероятной причиной тому стало наступление песков. Пустыня Байлундуй, представлявшая препятствие для путешественников еще в ханьское время, стала почти непроходимой. «Над ней нет летящих птиц, на ней нет бегущих животных. Насколько хватает глаз, нет никакого ориентира, и дорогу отмечают лишь кости мертвецов» — так описывает эту пустыню Фасянь [865]. К указанному времени обезлюдели некогда процветавшие оазисы на северо-запад от Крорайны, где «на много сотен ли протянулись сыпучие пески; летом там дует горячий ветер, убивающий путников; только старые верблюды чувствуют приближение ветра и оповещают о нем ревом» [993, с. 62].

Но процесс усыхания района Лобнора начался намного раньше; он давал знать о себе еще во второй половине III в. Интересное наблюдение в этом отношении принадлежит Хоу Цаню. Он обратил внимание на колебания в размерах продовольственного пайка, выдававшегося китайским военным поселенцам в Лоулане. Эти данные можно сопоставить с аналогичными сведениями, содержащимися в ханьских документах из Цзюйяня, в результате получается довольно любопытная картина. Так, в I в. до н. э. в пограничных крепостях Цзюйяня сторожевую службу несли военнопоселенцы, жившие вместе со своими семьями. Каждый солдат получал дневную норму зерна, равную 1 доу 1 шэну (приблизительно 2,2 л) [306, с. 200]. Примерно в то же время в военных поселениях на Лобноре дневной паек составлял 1 доу (об этом можно судить по документу, согласно которому на 2 месяца и 12 дней было выдано 42 доу зерна [650, с. 204, № 40]). В период наибольшей активности китайской колонии на Лобноре, в 60-х годах III в., там выдавали в день по 1 доу 2 шэна на солдата (см. ведомости на довольствие, датированные 266 г. [803, № 50, 51]). Однако позднее норма выдачи начинает сокращаться: упоминается об 1 доу, затем о 8 шэнах в день, а затем даже о 6 шэнах в день на человека [787, № 928]. Хоу Цань приводит тексты документов, где прямо говорится о «сокращении пайка» [645, с. 170]. Причину этого он видит в резком падении производства зерна из-за высыхания оросительной системы; в одной надписи, относящейся, видимо, уже к началу IV в., говорится о том, что в только что вырытом водохранилище «воды мало» [645, с. 170—171]. По данным Хоянаги Минуёси, начало V в. отмечено максимальным падением уровня воды в Тариме [904, с. 95—96].

В начале VI в. в Крорайне побывал китайский паломник Сунъюнь, направлявшийся в Индию. Он отметил, что в 518 г. там еще был правитель, но территория страны находилась уже под властью тогонов [586, с. 252]. Цемо (Чалмадана) являл в

то время печальное зрелище: из-за засухи в городе осталось не более ста семей [586, с. 265]. После воцарения династии Суй китайские войска в 609 г. совершили поход на тогонов и нанесли им поражение. «Земли их опустели, 4000 ли с запада на восток, 2000 ли с севера на юг перешли к Суй» [606, с. 893]. На бывших землях Крорайны были созданы четыре округа, ликвидированные после падения династии; на эту территорию вскоре начали переселяться согдийцы [641, с. 20]. В географическом сочинении, обнаруженном П. Пеллио в Дуньхуане, сообщается о согдийских поселениях, основанных в этом районе в 30—40-х годах VII в. и со всех сторон окруженных пустыней [622, с. 75]. В 644 г. по «южному пути» в Китай возвращался из Индии Сюаньцзан. Прибыв в Чалмадану, он записал: «Это место, где находилось Цемо. Городские стены еще высятся, но жители покинули город» [904]. На расстоянии более 1000 ли к северо-востоку лежал город, который Сюаньцзан называет Набупо, замечая, что он расположен на месте Лоуланя. К этому же топониму восходит и тибетское Ноб (так в тибетских документах из Мирана обозначается вся территория бывшей Крорайны [1118, т. 1, с. 468].

Хотан

Княжество Юйтянь, расположенное на расстоянии 3570 ли к востоку от столицы Крорайны [563, т. 12, с. 3876—3881], находилось в районе современного Хотана, поблизости от того места, где река того же названия стекает со склонов Куньлуня.

Археологические исследования, осуществленные в 1900—1906 гг. А. Стейном и в 1927—1928 гг.— немецкой центральноазиатской экспедицией под руководством Э. Тринклера, выявили большое количество древних городищ, расположенных вдоль течения р. Хотан. Было высказано предположение, что столица древнего Хотана находилась на месте современного Йоткана [852, с. 16—18].

Несомненно, что название Юйтянь представляет собой китайскую транскрипцию местного наименования, которое зафиксировано в тибетских текстах VII—IX вв. в форме Uthen [1132, с. 256], а в документах на кхарошти III—IV вв.— hvatanau или hvamna [935, с. 342]. Сиратори Куракити принадлежит детально обоснованная точка зрения, согласно которой название Юйтянь может быть истолковано из тибетского gyu — «нефрит» и thong — «город», «селение» [708, т. 1, с. 205—206] (вспомним, что еще в I тыс. до н. э. Хотан славился месторождениями нефрита [563, т. 12, с. 3881], не истощившимися до наших дней).

Этимологизация названия Юйтянь из тибетского языка согласуется с наблюдениями над языком документов на кхарошти из Крорайны, в которых обнаружен тибетский слой лексики [1109, т. 1, с. 149]. Нет сомнений в том, что население Крорайны и Хотана исторически было теснейшим образом связано с

прототибетцами (цянами). На грани новой эры Лоулань и Юйтянь непосредственно граничили с владениями цянов [563, т. 12, с. 3881]. Предметы вооружения, производившиеся в Лоулане, не отличались от цянских [563, т. 12, с. 3876]. Как показало изучение костных останков, извлеченных из погребений I—II вв., лоуланьцы по своему физическому типу занимали промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. А. Китс склонен был считать, что этот тип возник в результате естественной эволюции [925, с. 175—176]. Признавая наличие в антропологическом типе лоуланьцев как европеоидных, так и монголоидных черт, Н. Н. Чебоксаров объяснил это явление «смешением местного, по всей вероятности европеоидного, ирано- или тохароязычного населения с проникавшими с востока монголоидами» [306, с. 90—91]. Между тем тот же исследователь допускал, что «американоидные» черты древнего неолитического населения Северо-Западного Китая, до известной степени имитирующие сходство с европеоидами, могут быть связаны с сохранением протоморфных признаков, обнаруживающихся, в частности, в наши дни у восточных тибетцев [307, с. 130]. С этой точки зрения большой интерес представляет свидетельство китайского хрониста, дошедшее до нас в «Чжоушу»: «К западу от Гаочана население различных владений в большинстве отличается глубоко посаженными глазами и высокими носами, и только в этой стране (Хотане.— *М. К.*) люди не очень похожи на варваров и напоминают китайцев» [993, с. 11]. Ряд исследователей считают, что речь идет в данном случае не столько о наличии у хотанцев специфических черт, сближающих их с китайцами, сколько об их монголоидности, обусловленной прототибетским этническим субстратом [708, т. 1, с. 204; 725, с. 9].

В канонических тибетских сочинениях из Дуньхуана были обнаружены тексты, содержащие исторические предания об основании Хотана и о генеалогии его правителей. Исследуя эти предания, Хатани Рётай обращает внимание на совпадение сведений о численности войска, пришедшего в Хотан в момент его основания, и населении Юйтяня, приводимых Бань Гу [643, с. 194—195]. Несомненно, однако, что, даже если в основе этой легенды лежат какие-то исторические факты, ее нельзя принимать за достоверное свидетельство. Стремясь вычленить в ней «рациональное зерно» и позднейшую фантастическую оболочку, Ямадзаки Гэнъити пришел к выводу, что предание об основании Хотана могло сложиться в своем окончательном виде лишь в условиях, когда, во-первых, китайцы распространили свое влияние на бассейн Тарима и, во-вторых, местная хотанская династия обладала значительной реальной властью; в-третьих, наконец, буддизм получил к тому времени в Хотане широкое распространение в среде как господствующего класса, так и простонародья [725, с. 13]. Этим трем условиям отвечает лишь период после освобождения Западного края от кушанского господства.

В I в. до н. э. Хотан, по-видимому, оставался вне сферы влияния Сиюй духу, вследствие чего в «Ханьшу» отсутствуют упоминания о каких-либо событиях в этом государстве. Фань Е сообщает, что, попав под гегемонию Соцзюя, Хотан во второй половине I в. н. э. предпринимает усилия для восстановления своей самостоятельности. В 60 г. Сюмоба объявляет себя правителем Хотана, а после его смерти ему наследует Гуандэ, при жизни которого Хотан заметно усиливается. К тому моменту, когда в Хотан прибыл в 73 г. Бань Чао, это владение хотя и выплачивало дань сюнну, но диктовало свою волю более слабым соседям. Бань Чао удалось добиться изменения во внешнеполитической ориентации Хотана, и поэтому Гуандэ вынужден был поддержать китайского эмиссара. Так, в 78 г. хотанцы вошли в объединенную армию Сулэ и Цзюйми (Юйми), созданную для нападения на Гумо [568, т. 3, с. 1692]; в 84 г. они участвовали в походе против Соцзюя [568, т. 3, с. 1696]. Политику признания сюзеренитета Хань проводил позднее правитель Хотана Фанцянь, пославший в 131 г. своего сына заложником к императору Шунь-ди [568, т. 4, с. 3237].

К этому времени относится обострение отношений между Хотаном и соседним княжеством Цзюйми. В 129 г. Фанцянь убил князя Цзюйми и возвел на престол соседнего владения своего сына, что послужило поводом для наместника Дуньхуана просить санкции на поход против Хотана. Император предложил Фанцяню восстановить независимость Цзюйми, но тот отказался сделать это. Тогда в 132 г. против Хотана был послан правитель Сулэ, которому удалось нанести Фанцяню серьезное поражение. Столица Хотана была отдана на разграбление, несколько сот жителей убито [568, т. 3, с. 3236].

В 145 г. между Хотаном и Хань произошел конфликт, еще более осложнивший их отношения. Находившийся в Хотане Сиюй чжанши Чжао Пин внезапно скончался, и его сын отправился в Западный край за телом родителя. Добравшись до Цзюйми, он узнал от тамошнего правителя, что Чжао Пин был якобы умерщвлен по приказу хотанского князя Цзяня. Когда траурная процессия вернулась в Китай, эта версия стала известна наместнику Дуньхуана. На следующий год в должность Сиюй чжанши вступил Ван Цзин, получивший инструкции отомстить за смерть своего предшественника. Воспользовавшись помощью правителя Цзюйми, Ван Цзин завлек Цзяня в ловушку и убил его, после чего выставил голову своей жертвы на городской стене. Это вызвало взрыв возмущения местных жителей, и вскоре на стене была вывешена и голова Ван Цзина, а на престол взошел сын Цзяня, Аньго. Узнав о случившемся, наместник округа Дуньхуан вознамерился лично возглавить карательный поход на Хотан, однако император Хуаньди (147—167) не только не санкционировал эту акцию, но и сместил ее инициатора. Вновь назначенный наместник стал действовать иначе и объявил награду за голову убийцы Ван Цзи-

на. Тот между тем был уже мертв, и хотанцы решили не искушать судьбу и прислать его голову в Дуньхуан, не уточняя обстоятельств гибели этого человека. Хотя обман вскоре раскрылся, китайские власти так и не послали войска в Хотан, и княжество, говоря словами летописца, «по сему поводу возгордилось» [568, т. 4, с. 3237—3238]. В 175 г. хотанский князь Аньго совершил нападение на Цзюйми, закончившееся расправой над правителем этого владения. Благодаря усилиям Сиюй чжанши независимость Цзюйми была восстановлена, но каких-либо действий против Хотана китайские власти предпринять уже не могли. Ниже приводятся некоторые сведения о правителях Хотана первых веков новой эры [568, т. 4, с. 3236]:

Юйлинь	25—55
Сюмоба	60
Гуандэ	60—86
Фанцянь	129—132
Цзянь	? —152
Аньго	152—175

Хотя события истории Хотана в эпоху кушанского господства нам неизвестны, его последствия отчетливо прослеживаются в политической структуре и культуре этого княжества в III—IV вв. По-видимому, именно к тому времени относится такой ценный источник по истории Хотана, каким являются так называемые монеты сино-кхарошти (табл. 5).

Под таким названием известны монеты с легендой на кхарошти на лицевой стороне и китайской — на реверсе, происходящие из случайных находок и археологических раскопок преимущественно на территории Хотана. Впервые они оказались в поле зрения исследователей в 1874 г., когда сотрудники миссии Т. Форсайта нашли две монеты этого типа в развалинах древнего поселения близ Керии [834, с. 12]. В 1893—1901 гг. Р. Хёрнле удалось получить из окрестностей Хотана 97 таких монет; несколько экземпляров было найдено там же в 1890—1895 гг. французской центральноазиатской экспедицией [851, с. 129—133]; 21 монету привез из Хотана Н. Ф. Петровский и две — М. М. Березовский [253, с. 109]. Большое количество монет сино-кхарошти обнаружил А. Стейн во время первой (1900—1901) и третьей (1913—1916) экспедиций в Восточный Туркестан (в общей сложности 187 экз.) [1109, т. 1, с. 204—205; 1111, т. 1, с. 99, т. 2, с. 988—995; 1113, т. 1, с. 101—102, т. 3, с. 1340—1349]. Наконец, одну монету нашел недалеко от Хотана в 1929 г. Хуан Вэньби [653, с. 111]. В настоящее время наиболее крупные коллекции монет сино-кхарошти хранятся в Британском музее, индийском Национальном музее в Дели и Государственном Эрмитаже.

Точка зрения Ф. Томаса, утверждавшего, что монета эта была выпущена в Соцзюе в период его возвышения в начале I в. [1133, с. 83—98], в настоящее время не разделяется

Таблица 5

Локализация находок монет сино-кхарошти А. Стейном

Годы	Местонахождение	Количество
1900—1901	Хотан (Йоткан?)	50
	Йоткан	8
	Чалмаказан	7
	Хангуя	21
	Аксипил	1
	Мазартаг	1
	Итого	88
1905—1906	Яркенд	1
	Хотан (Йоткан?)	37
	Йоткан	8
	Хотан	10
	Юрункаш	13
	Домоко	7
	Итого	76
1913—1916	Хотан	8
	Кызылъяр	1
	Домоко	1
	Куча	7
	Юлдустаг	3
	Прочие местонахождения	11
	Итого	23
	Всего	187

никем из специалистов, единодушно связывающих эмиссию двуязычного чекана с Хотаном (табл. 5). Вопрос о датировке монет сино-кхарошти был предметом продолжительной дискуссии, в ходе которой высказывались весьма противоречивые точки зрения. Так, Эноки Кадзуо относил их к концу II — началу I в. до н. э. [721, с. 1—55], Мацуда Хисао — к периоду независимого существования Хотана в первых веках новой эры [721, с. 34]. Многие современные специалисты датируют сейчас хотанский двуязычный чекан концом II—III в. н. э. [253, с. 119; 613, с. 63].

Можно согласиться с Е. В. Зеймалем, который, учитывая особенности легенды кхарошти, указал на следующие черты исторической ситуации в Хотане, при которой могли быть выпущены эти монеты: 1) длительное (не менее двух-трех поколений) пребывание у власти местных правителей (*махараджа*

раджатираджа), которым были подчинены более мелкие правители (*раджа*); 2) отсутствие в Хотане китайской администрации; 3) знакомство хотанского рынка с китайской монетой; 4) существование связей с Кушанским царством [253, с. 115].

Все это вполне соответствует обстановке, сложившейся в Хотане после падения кушанского господства. В начале III в. Хотан подчинил себе ранее независимые Жунлу, Цзюйми, Цзюйлэ и Пишань (напомним, что примерно в то же время Цемо, Сяовань и Цзинцзюэ вошли в состав Крорайны). С этой точки зрения кажется вполне закономерным, что правители этих двух «держав», возникших на обломках Кушанской империи, носили пышный титул *махараджа раджатираджаса махатаса* (великий царь, царь царей, всемогущий). Это титулатура, несомненно имеющая кушанское происхождение, зафиксирована как на монетах сино-кхарошти из Хотана, так и в документах на кхарошти из Крорайны. В III в. лишь Крорайна и Хотан противостояли друг другу на «южном пути». Насколько можно судить по документам из Ния, хотанцы постоянно предпринимали военные операции против Крорайны, главным образом на территории Чадоты (Цзинцзюэ). Это княжество в I в. подпало под гегемонию Хотана, но затем вошло в состав Крорайны. Недалеко от главного города Чадоты — Нинъя (совр. Ния) проходила граница между Крорайной и Хотаном; застава на ней контролировалась китайскими солдатами, подчиненными Сиюй чжанши. Споры о границе между двумя государствами были причиной того, что хотанцы время от времени направляли в Чадоту послов для переговоров, а в Хотан приезжали посольства из Крорайны. Переговоры нередко прерывались набегами хотанцев. Упоминается в документах на кхарошти и местность Кхема, подчиненная Хотану (по мнению Э. Пуллиблэнка, этот топоним соответствует Цзюйми китайских источников [1049, с. 88]).

Монеты сино-кхарошти из Британского музея и Национального музея в Дели изданы фототипическим способом лишь частично (коллекция Государственного Эрмитажа полностью опубликована Е. В. Зеймалем [263, с. 109—120]); дальнейшее изучение этих коллекций, несомненно, внесет коррективы в их интерпретацию. Тем не менее ряд специалистов предполагает, что после титула махараджа раджатираджаса махатаса в легенде на кхарошти указано наследственное имя Гугра, а за ним — личные имена князей Майя, Мада, Дама, Тида [613, с. 60—61; 721, с. 23]. Если это чтение достоверно, то после падения кушан в Хотане правила династия Гугра (Gugra, ср. среднеперс. gurga — «волк» [721, с. 19]).

Неизвестно, когда в Хотане произошла смена династии, но в недатированной более поздней надписи из Эндере упоминается Khotana maharaja rajatiraja hinajhasya avijida simhasya, т. е. правитель Хотана Виджая Симха. «Суйшу» упоминает о хотанском правителе из рода Биши, а «Таншу» — о дарах, при-

сланных танскому императору хотанским князем, носившим наследственное имя Вэйчи. Сопоставляя эти данные, Эноки Кадзуо пришел к выводу, что китайские источники донесли до нас несколько вариантов транскрипции хотанской династии Виджая; соответственно документ из Эндере должен относиться к концу VI — началу VII в. [721, с. 38].

В V—VII вв. в Хотане было «пять больших и несколько десятков малых городов» [993, с. 11]. Эти сведения, сообщаемые «Чжоушу», совпадают со свидетельством о «пяти крепостях» на территории этого княжества из документов VIII—IX вв., когда Хотан был завоеван тибетцами.

Сулэ

Владение Сулэ (современный Кашгар) было расположено в крайней западной части бассейна Тарима, к северо-западу от Соцзюя (Яркенд). В Сулэ заканчивался «северный путь», и торговый тракт шел дальше на запад через Памир в пределы Кушанской державы. Через Сулэ, по всей вероятности, проходила в 104 г. до н. э. одна из армий Ли Гуанли, двигавшихся на Фергану. Однако упоминания об этом княжестве в описаниях похода отсутствуют. Надо полагать, что Сулэ был в то время одним из малых городов, население которых при приближении китайской армии пряталось за городскими стенами и не хотели снабжать ее продовольствием [907, с. 228].

В «Ханьшу» содержится лишь весьма краткая сводка основных сведений о численности населения и названиях чиновничьих должностей в Сулэ; данных о каких-либо конкретных событиях, связанных с историей этого государства, там не приводится. Не упоминается Сулэ и в связи с борьбой Соцзюя за гегемонию в Западном крае в начале I в. н. э. По-видимому, впервые в реальные контакты с Сулэ империя Хань вступила лишь в конце I в., когда после посещения Лоуланя и Юйтяня туда прибыл Бань Чао.

К этому времени княжество Сулэ оказалось втянутым в сферу влияния Цзюйцзы, являвшегося главным проводником просюннуской политики в Западном крае. Опираясь на поддержку сюнну, правитель Цзюйцзы в 73 г. убил князя Сулэ по имени Чэн и поставил на его место своего сановника Доути. Весной следующего года Бань Чао, выступив из Хотана, приблизился к Сулэ и стал лагерем в 90 ли от столицы — г. Паньто. Посланному Бань Чао чиновнику удалось без труда захватить Доути, свита которого в решающий момент не стала защищать его. Собрав после этого всех наиболее видных сановников, Бань Чао решил сыграть на скрытом недовольстве населения Сулэ правителем — выходцем из другого княжества. Охарактеризовав действия Цзюйцзы как несправедливые и незаконные, он объявил о своем намерении возвести на престол

в Сулэ племянника убитого правителя — Чжуна [568, т. 3, с. 1690—1691].

Оказавшись отрезанным от Китая после событий 75 г., Бань Чао обосновался в Сулэ. Он был занят планами разгрома Цзюйцзы и рассчитывал создать в Сулэ китайские военные поселения. «Ваш слуга видел, что поля в Соцзюе и Сулэ тучны и привольны, травы и деревья растут здесь в изобилии, и места эти не уступают землям между Дуньхуаном и Шаньшанем»,— писал он в своем донесении императору Чжан-ди [568, т. 3, с. 1693]. Однако замысел этот так и не был осуществлен.

Тем временем деятельность Бань Чао в Сулэ начала вызывать недовольство местной знати. В 80 г. против него открыто выступил полководец Пань Чэнь, но именно в это время к Бань Чао прибыло подкрепление в тысячу солдат и бунт был подавлен. Вскоре в тайный сговор с Соцзюем, вновь попавшим под власть Цзюйцзы, вступил правитель Сулэ Чжун. Он укрепился на западе от столицы, в г. Уцзи. Осада этой крепости китайским отрядом, действовавшим совместно с частью армии Сулэ, продолжалась полгода, но успеха не принесла, так как на стороне Чжуна выступил Канцзюй. Лишь после вмешательства кушанов, заставивших войско Канцзюя вернуться домой, Бань Чао сумел взять Уцзи и захватить Чжуна, а затем обезглавить его [568, т. 3, с. 1696].

В начале II в. в борьбу придворных группировок в Сулэ снова вмешиваются кушаны. Чэньпань, дядя правителя Аньго по материнской линии, попав в опалу, бежит к кушанам. После смерти бездетного Аньго князем стал его младший брат Ифу, а фактическая власть сосредоточилась в руках матери последнего. В этой обстановке Чэньпань предъявил свои права на престол, поскольку он приходился дядей новому правителю. Кушаны поддержали претензии Чэньпаня и отправили его в Сулэ в сопровождении своего войска. Перед лицом кушанской угрозы жители Сулэ лишили Ифу княжеской печати и возвели на престол Чэньпаня. Это было началом возвышения Сулэ. Вскоре ему подчинился Соцзюй, и Сулэ превратилось в государство, сопоставимое по своему положению с Хотаном и Цзюйцзы [568, т. 4, с. 3261]. Уместно напомнить, что на грани новой эры население Сулэ составляло примерно 1,5 тыс. семей [563, т. 14, с. 3898], а к началу II в. оно, по данным Бань Юна, достигло 21 тыс. семей, соответственно численность армии Сулэ увеличилась с 2 тыс. до 20 тыс. солдат [568, т. 4, с. 3260]

В 128, 130 и 134 гг. Чэньпань направлял посольства в Китай, а император Шунь-ди (126—144) пожаловал ему титул «Великий полководец Хань». Однако удаленность Сулэ препятствовала практическому воздействию китайцев на его политику. В 170 г. более чем 30-тысячная армия нескольких государств Западного края под командованием Сиюй чжанши Чжан Яня предприняла карательный поход на Сулэ, но сорокаднев-

ная осада одной из крепостей не дала результата. «После этого в Сулэ неоднократно убивали правителей, но [ханьский] двор не был в состоянии вмешаться» [568, т. 4, с. 3261].

Неизвестно, была ли территория Сулэ захвачена кушанами в период их господства в южной части бассейна Тарима во II—III вв. В настоящее время исследователь не располагает какими-либо местными письменными источниками из района Кашгара, что, впрочем, объяснимо, поскольку здесь еще не проводили систематических археологических раскопок. Случайные находки хотанских монет свидетельствуют о торговых связях между Хотаном и Сулэ в период после падения власти кушан. В начале III в. Сулэ подчинило себе ряд владений, находившихся к западу от бассейна Тарима — в районе Ташкургана; в конце III в. правитель Сулэ стал одним из пяти государей Западного края, носивших почетный цзиньский титул, подобный лоуланьскому. Но фактически Китай почти не поддерживал в этот период связей с Сулэ. Не случайно в истории династии Северная Вэй, составленной в середине VI в., вообще нет раздела, посвященного Сулэ. Что же касается «Бэйши» и «Суйши», то среди немногочисленных сведений о Сулэ мы находим там, например, утверждение, будто в этой стране все нормальные люди имеют на руках и ногах по шесть пальцев, а от родившихся с пятью пальцами родители отказываются [136, т. 2, с. 258, 284],— лучшее доказательство того, что в V—VI вв. Китай не поддерживал регулярных связей с этим районом Западного края [257, с. 73]. Как не вспомнить в связи с этим, скажем, сочинение Помпония Мелы, где наряду с описанием народов, населяющих Египет, Малую Азию, Индию, Британию, мы находим сообщения о племенах, не умеющих говорить, и о людях с копытами и огромными ушами, которыми они пользуются вместо одеял?

Куча

Этимологизировать название Цзюйцзы, обозначавшее расположенное на «северном пути» одно из самых больших государств Западного края, оказалось возможным после прочтения текстов на так называемом языке «тохарском В». Известные в настоящее время памятники, написанные на нем, были созданы в V—VIII вв., но несомненно, что этот язык был распространен на данной территории и в более раннее время. Заслуживает внимание гипотеза, согласно которой название Цзюйцзы восходит к слову kutsi «белый»; по-видимому, не случайно поэтому местные жители называли прилегающие к Куче отроги Тянь-Шаня «Белыми горами», а фамилией правителей этого царства было Бай (китайская калька, передаваемая на письме иероглифом со значением «белый» [747, с. 900]).

В отличие от Крорайны с ее песчанистыми почвами Куча

принадлежала к числу тех стран Западного края, население которых существовало почти исключительно за счет земледелия и «вело оседлый образ жизни, чем было непохоже на сюнну и усуней» [563, т. 12, с. 3872]. Климат в районе Кучи был теплым, а земли — «привольными, богатыми водой и травой». Зерновые вызревали там в те же сроки, что и на Великой Китайской равнине [563, т. 12, с. 3912]. Более поздние источники упоминают о возделывании в Куче проса, пшеницы и риса, а также разнообразных фруктов [968, т. 1, с. 16]. Когда в 384 г. Кучу захватил Люй Гуан, ханьского полководца потрясла роскошь и благосостояние местных жителей, в частности тот факт, что в каждом доме имелся запас виноградного вина, которое не портилось в течение десятка лет [968, т. 1, с. 17]. По мнению ханьского летописца, особого упоминания заслуживал высокий уровень железоделательного производства, характерный для Кучи уже на грани новой эры [563, т. 12, с. 3911]. Источники отмечают также достоинства местных сортов войлока [993, с. 10] и других видов ремесленной продукции.

Исторически Куча связана с районом, расположенным в средней части «северного пути», что определило исключительно важную роль этой территории для судеб всех стран Западного края. Куча была не только естественным перевалочным пунктом при движении из Дуньхуана в западную часть бассейна Тарима и далее на Памир; в окрестностях Кучи начинался путь через Тянь-Шань на север, ведший через перевал Бедель в пределы усуньских владений. Совершенно естественно поэтому, что контакты Хань с усунями были возможны лишь в те периоды, когда посольства могли беспрепятственно проходить через земли Кучи.

На грани новой эры столицей Кучи был г. Янь, о местонахождении которого ханьские источники умалчивают. В географическом трактате «Шуйцзин чжу» (VI в.) содержится довольно подробное описание рек, протекающих в непосредственной близости от «прежнего города Янь». Из этого можно заключить, что к моменту написания данного сочинения столица Кучи находилась уже в ином месте. Хуан Вэньби, предпринявший детальные археологические разведки в этом районе, идентифицировал с Янь городище Пилан, находящееся близ современного уездного города Куча и имеющее квадратную в плане городскую стену с периметром около 30 км. Хуан Вэньби предполагал, что в V в. столица была перенесена, что подтверждается свидетельством «Шуйцзин чжу», а также полным отсутствием на городище Пилан каких-либо предметов, датируемых более поздним временем [651, с. 19]. В районе Пилана в настоящее время находятся руины нескольких десятков больших и малых городов. Есть поэтому основания полагать, что именно здесь располагался политический и экономический центр Кучи.

По своей территории в I в. до н. э. Куча была самым крупным государством Западного края (по свидетельству «Хань-

шу», на западе оно граничило с Гумо, на юге — с княжествами, расположенными вдоль «южного пути»,— Цемо, Юйми (Цзюйми) и Цзинцзюэ [563, т. 12, с. 3911]). Соответственно Куча занимала первое место по численности населения. Хотя, как уже отмечалось выше, цифра 80 тыс. человек, приводимая Бань Гу, по-видимому, завышена.

Уже в конце II в. до н. э. Куча политически доминировала над своими соседями. Княжество Цзюйми, в частности, послало заложником в Кучу наследника престола Лайданя, что вызвало изумление узнавшего об этом полководца Ли Гуанли. С точки зрения древнего китайца лишь империя Хань могла быть сюзереном по отношению к своим соседям. «На каком же основании Цзюйцзы принимает заложников?» — воскликнул Ли Гуанли [563, т. 12, с. 3916]. Ли Гуанли настоял на отправке Лайданя в Китай. Позднее Лайдань был назначен начальником китайского военного поселения в Луньтае, но правитель Кучи по предложению одного из своих сановников решил устранить его: «Лайдань раньше был нашим подданным, а ныне носит на поясе ханьскую печать» [563, т. 12, с. 3916]. Император У-ди, узнав о случившемся, не смог принять каких-либо ответных санкций.

Непосредственные контакты Кучи с Китаем участились в 60-х годах I в. до н. э. Старшая дочь усуньского правителя, матерью которой была ханьская принцесса, отправилась в Китай для обучения игре на струнных инструментах. Когда она проезжала через Кучу, правитель Цзянбинь задержал ее у себя и впоследствии женился на ней. В 65 г. до н. э. Цзянбинь вместе со своей супругой прибыл ко двору императора Сюаньди (73—49 гг. до н. э.) и был пожалован богатыми подарками. После годичного пребывания в Чанъане он вернулся в Кучу, где построил дворец по ханьскому образцу и ввел соответствующие придворные церемонии [563, т. 12, с. 3917].

На городище Пилан в наши дни возвышается глинобитный стилобат, представляющий собой основание дворца. Археологических раскопок здесь не проводилось, и о том, как выглядел этот дворец во времена Цзянбиня, мы не знаем. Все же некоторое представление об этом можно получить благодаря обнаружению близ Абакана в Хакасии «дворца Ли Лина» [245, с. 72—84]. Как показал анализ палеографических особенностей китайских надписей на черепице, это строение возведено в самом начале I в. н. э. и не могло иметь отношения к плененному сюнну полководцу II в. до н. э. Ли Лину. Наиболее вероятным представляется мнение о том, что абаканский дворец был построен для жены сюннуского наместника «правых земель», матерью которой была китайская поэтесса Чжао Цзюнь [146, с. 137—149]. Можно предполагать, что дворец в Пилане имел что-то общее с абаканским. Так или иначе, в III—IV вв. в столице Кучи существовал дворец, поражавший современников своим великолепием [968, т. 1, с. 153]. Заметим попутно, что

традиционное жилище в ряде стран Западного края (вероятно, это относится и к Куче) по своей архитектуре резко отличалось от китайских образцов. «Дома строят из дерева, а крышу засыпают землей» [567, с. 38] — именно такие строения были характерны для Крорайны, как об этом свидетельствуют раскопки в Лоулане и Ния. Можно предположить, что построенный Цзянбинем дворец резко контрастировал с общим обликом кучаской столицы, что, в частности, и обусловило отрицательное отношение местных жителей к нововведениям своего правителя, про которого была даже сложена поговорка: «Осел не осел, лошадь не лошадь, словом, мул вроде нашего кучаского князя» [563, т. 12, с. 3917].

Тесные контакты, существовавшие между Хань и Кучой в период правления Цзянбиня, а также выгодное стратегическое положение этого государства определили выбор резиденции генерал-протектора Западного края, сделанный Чжэн Цзи в 59 г. до н. э. В качестве своей ставки он избрал крепость Улэй (совр. Чадир) на территории Кучи, всего в 350 ли к востоку от ее столицы. Это означало, что Куча оказалась под прямым контролем Сиюй духу.

В 36 г. до н. э. занимавший эту должность Гань Яньшоу возглавил армию 15 государств Западного края (в том числе, конечно, и Кучи) в походе против сюннуского шаньюя Чжичжи, кочевавшего по берегам Таласа. Сюнну были разбиты, и объединенная армия захватила огромное количество пленных, которые были распределены между участниками коалиции [563, т. 9, с. 3014]. Спустя 15 лет правитель усуней прибыл в Кучу для встречи с Сиюй духу Дуань Хуэйцзуном [563, т. 9, с. 3030]. Данное свидетельство можно понимать двояко. Не исключено, что резиденция генерал-протектора была до этого перенесена в столицу Кучи, но возможно также, что Дуань Хуэйцзун попрежнему находился в Улэе и сообщение летописца указывает лишь на местонахождение ставки Сиюй духу на территории Кучи [968, т. 1, с. 47]. Первое предположение все же представляется предпочтительным, потому что в 13 г. н. э. Сиюй духу Ли Чун после военных действий в Яньци «вернулся в Кучу» [563, т. 12, с. 3927].

Когда в начале I в. н. э. началось возвышение Соцзюя, княжество Куча, лишенное помощи Китая, утрачивает прежние позиции. В 46 г. Хун, князь Кучи, погиб от рук соцзюйцев. Затем Куча была разделена на две части: первой стал управлять Цзэло, сын соцзюйского правителя Сяня, вторая отошла к Улэю, получившему независимость под эгидой соцзюйского ставленника. Но в том же году кучаская знать обратилась за помощью к сюнну, которые возвели на престол в Куче местного аристократа Шэньду [568, т. 4, с. 3257—3258].

Лю Маоцзай обращает внимание на это имя, которое совпадает с китайской транскрипцией названия Индии (Sindhu), и высказывает предположение, что Шэньду был либо выходцем

из Индии, либо буддистом. Как бы то ни было, этот факт можно истолковать как одно из первых свидетельств индийского влияния на общественную и культурную жизнь Кучи [968, т. 1, с. 51].

После этого Куча надолго оказывается в лагере сюнну. К моменту, когда в Западном крае появляется Бань Чао, Куча была главным оплотом сюннуского влияния в регионе. В 73 г. с их помощью правителем Кучи становится Бай Цзянь, подчинивший себе Сулэ, а затем вместе с Яньци совершивший нападение на находившегося в Лючжуне Сиюй духу Чэнь Му. «Ныне Цзюйми, Соцзюй, Сулэ, юэчжи, усуни и Канцзюй вновь имеют намерение подчиниться,— писал в 80 г. Бань Чао.— Я хочу объединить их силы, разбить и уничтожить Кучу. Если Куча будет захвачена, то непокорившихся в Западном крае останется не более одного из ста» [568, т. 3, с. 1692].

Для осуществления этого плана китайцам потребовалось более десяти лет: лишь в 91 г., после окончательного разгрома северных сюнну, Куча (а также ее союзники Гумо и Вэньсу) вынуждены были подчиниться Хань. Правителем царства был посажен Бай Ба, бывший заложник Кучи при дворе ханьского императора. Бань Чао был назначен Сиюй духу с местом постоянного пребывания в Куче [568, т. 3, с. 3229]. Он избрал своей резиденцией крепость Тогань [568, т. 3, с. 1698]. По мнению Хуан Вэньби, это название носило тогда городище Даванкум, расположенное к северо-западу от Шаяра; во время археологических разведок там были найдены монеты и печать ханьского времени [655, с. 13, 21].

В 106 г. Сиюй духу Дуань Си предпринял попытку перенести ставку из крепости Тогань непосредственно в столицу Кучи и добился согласия со стороны Бай Ба. Однако кучаские военачальники воспротивились этому, и генерал-протектор был осажден в занятом им г. Янь. Эти события непосредственно предшествовали официальной отмене в 107 г. протектората над Западным краем [568, т. 3, с. 1710—1711].

II в. н. э.— период истории Кучи, очень слабо отраженный в источниках. Между тем тогда это государство после длительного перерыва получило возможность независимого развития: и китайцы и сюнну фактически ушли из Западного края, влияние сяньбийцев еще не простиралось так далеко на запад, а кушанское завоевание, судя по всему, не затронуло стран, располагавшихся вдоль северного тракта.

Когда в начале III в. Куча возобновляет посольские отношения с Китаем, она была сильным самостоятельным княжеством, одним из шести наиболее крупных в бассейне Тарима. В 285 г. правитель Кучи Бай Шань направил своего сына заложником к цзиньскому двору [968, т. 1, с. 157]. По-видимому, с этим актом связано пожалование ему титула, упоминаемого в документе из Ния. Впрочем, несколько лет спустя Куча ненадолго попадает под власть Яньци [968, т. 1, с. 151].

Судьба государства Ранняя и Поздняя Лян, возникших в Ганьсу в период «смутного времени» после падения династии Цзинь, во многом зависела от их успехов в Западном крае. Сначала Ян Сюань по повелению Чжан Цзюня (335 г.), а затем Люй Гуан (384 г.) совершают походы на Кучу. Последний поход имел немаловажное значение для Китая не только в военном отношении. Люй Гуан вывез из Кучи местных музыкантов, а также знаменитого Кумарадживу, открывшего своими трудами новую эру в истории переводов буддийской литературы на китайский язык.

В V в. Куча вынуждена была строить свои взаимоотношения с соседями, исходя из реального соотношения сил между эфталитами на западе, жужанями на севере и табгачской династией Северная Вэй на востоке. В 437—479 гг. Куча регулярно поддерживала посольские отношения с Северной Вэй. Но в начале VI в. кучаский правитель посылает дары поочередно и Северной Вэй, и Лян, противостоявшим друг другу на севере и юге Китая (табл. 6).

В начале VII в. Куча попала в сферу влияния западных тюрков и попыталась препятствовать завоеванию Яньци китайским войском. После разгрома, учиненного в Куче танскими войсками, здесь было учреждено наместничество, ставшее центром дальнейшего проникновения Китая в Восточный Туркестан.

Яньци

Восточным соседом Кучи было владение Яньци, расположенное в центральной части Восточного Туркестана, близ оз. Бостан-Нор. Географическое положение Яньци было своеобразным. Это государство лежало на путях, связывавших Кучу с Гаочаном, что определяло роль Яньци во взаимоотношениях местных правителей. С другой стороны, территория Яньци находилась на равнине, со всех сторон надежно защищенной горами, и это в значительной мере обеспечивало безопасность его границ. «С четырех сторон этого государства расположены высокие горы,— сообщает Фань Е.— Оно граничит с Цзюйцзы; дороги труднопроходимые, и их легко оборонять» [568, т 4, с. 3262]. «Дороги здесь узкие, и сто человек могут защищаться от тысячи»,— добавляет автор «Цзиньшу» [677, т. 2, с. 1337].

Источники сообщают о том, что столицей Яньци был г. Юаньцюй [563, т. 12, с. 3917] (в «Хоуханьшу» он назван Наньхэ [568, т. 4, с. 3262]). Хуан Вэньби, проводивший в 1929—1930 гг. археологические разведки в бассейне Тарима, высказал предположение, что древнее городище близ Карамудэна (к северо-западу от совр. Карашара) и есть остатки Юаньцюя. Соответственно развалины укреплений на северном берегу Бостан-Нора были определены им как столица владения

Таблица 6

Посольства Кучи в Китай во II в. до н. э.— VI в. н. э. *

Год	От кого	Кому	Цель посольства	
			преподнесение даров	посылка заложников
101 до н. э.		Западная Хань	+	+
65 до н. э.	Цзянбинь	Западная Хань		
45 н. э.		Восточная Хань	+	+
78	Бай Ба	Восточная Хань		+
94		Восточная Хань		+
222	сын князя	Вэй		+
285		Цзинь		+
326?		Ранняя Лян	+	
346—353		Ранняя Лян	+	
376—377	Бай Чэнь	Ранняя Цинь	+	
381		Ранняя Цинь	+	
435		Северная Вэй	+	
437		Северная Вэй	+	
439		Северная Вэй	+	
449		Северная Вэй	+	
457		Северная Вэй	+	
475		Северная Вэй	+	
477		Северная Вэй	+	
478		Северная Вэй	+	
479		Северная Вэй	+	
503		Лян	+	
510		Северная Вэй	+	
518		Северная Вэй	+	
521		Лян	+	

* [968, с. 148—163].

Вэйсюй, а городище близ Сышили, у юго-западной оконечности этого озера,— как Вэйли (по сообщению Бань Гу, «от Вэйсюя на запад до Яньци 100 ли, а от Яньци до Вэйли 100 ли на юг» [563, т. 12, с. 3918]). Хуан Вэньби оспаривал мнение Сюй Суна, отождествлявшего Юаньцюй с крепостью Богодаби близ Сышили [653, с. 8].

В 1976—1980 гг. экспедиция под руководством Хань Сяна провела повторные разведки в районе Карашара. Их результаты заставили исследователей усомниться в правильности выводов Хуан Вэньби. По их данным, наиболее вероятной представляется версия о том, что городище Богодаби на юго-западном берегу Бостан-Нора представляет собой древний город Юаньцюй. Стена его, сохранившаяся лишь частично, имеет в плане форму прямоугольника с периметром более 3 тыс. м. В пределах городской стены — два холма, под которыми скрыты остатки дворцовых или храмовых зданий. Хуан Вэньби утверждал, что среди подъемного материала с этого городища нет вещей дотанского времени [653, с. 6]. Но Хань Сян обнаружил там ханьские монеты и обломки ханьских зеркал [642, с. 8—11].

Географическое положение Яньци определяло специфику его хозяйства. Близость оз. Бостан-Нор давала возможность местным жителям заниматься рыбной ловлей, поскольку «рыбы там много» [563, т. 12, с. 3918]. По сообщению «Вэйшу», Яньци «изобильно рыбой, солью и тростником» [677, т. 3, с. 2128]. Прохладный климат и относительно плодородные почвы благоприятствовали развитию земледелия. Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были рис, просо, пшеница, бобы. По-видимому, выращивали также и виноград, потому что «виноградное вино было там в почете» [677, т. 3, с. 2129]. В Яньци разводили верблюдов и лошадей. Занимались выращиванием тутового шелкопряда, но шелкоткачества не знали, используя шелк-сырец в качестве ваты для изготовления теплой одежды.

Письменные источники содержат некоторые сведения об обычаях и материальной культуре жителей Яньци. Они сообщают, что «брачные правила там в основном схожи с китайскими»; после смерти человека сжигали и захоранивали пепел, в течение семи дней справляя траур по покойнику. Мужчины «выбривают волосы на голове, полагая это украшением» [677, т. 3, с. 2128].

В «Вэйшу» и более поздних источниках содержится упоминание о том, что жители Яньци пользуются письменностью, которая «одинакова с брахманской» [993, с. 9]. Памятники письменности, найденные в районе Карашара, действительно написаны на брахми. Их язык получил наименование «тохарского А»; он обнаруживает значительную близость к языку письменных памятников из Кучи. Тексты на «тохарском А» — это преимущественно сочинения буддийского содержания (одна из наиболее ценных находок последних лет — рукопись пьесы «Встреча с Майтрейей», насчитывающая 88 страниц [582, с. 39—41]). В 1918 г. Э. Зиг открыл в тохарских текстах из Карашара этноним arsi, к которому, по всей вероятности, восходит китайское название Яньци; проблема эта широко дискутировалась в специальной литературе [747, с. 898—917; 1016, с. 266—284].

Относительная изоляция Яньци объясняет нам, почему во II—I вв. до н. э. это владение практически не принимало участие в борьбе между сюнну и китайцами за господство в Западном крае. В «Ханьшу» не сообщается каких-либо сведений по истории Яньци; первые упоминания о нем встречаются в связи с событиями 70-х годов I в. н. э., когда Яньци и Куча участвовали в нападении на резиденцию генерал-протектора Чэнь Му, закончившемся полным разгромом китайской администрации в Лючжуне [568, т. 4, с. 3262]. После того как Сиюй духу стал Бань Чао, он направил объединенную армию вассальных государств Западного края против Яньци и одержал победу над ним. Правителей Яньци и Вэйли пленили и казнили, а головы «мятежников» отправили в Лоян, где они были выставлены напоказ в квартале для иноземцев. Тем вре-

менем Бань Чао возвел на престол Яньци местного аристократа Юань Мэна.

Когда в начале II в. сын Бань Чао, Бань Юн, занял пост Сиюй чжанши и выступил против местных правителей, отказавшихся подчиняться Хань, среди последних был и Юань Мэн. Лишь в 127 г. Бань Юну совместно с наместником округа Дуньхуан удалось одержать верх над ним, и Юань Мэн послал к ханьскому двору своего сына с дарами [568, т. 4, с. 3262].

Ко II в. территория и численность населения Яньци значительно увеличились по сравнению с тем временем, когда первые сообщения об этом владении были зафиксированы Бань Гу. В «Ханьшу» количество семей в Яньци определялось равным 4 тыс., общая численность населения — 32 тыс. 100 человек [563, т. 12, с. 3917]. По данным Бань Юна, использованным при написании «Хоуханьшу», население Яньци возросло во II в. до 52 тыс. человек (15 тыс. семей). Соответственно войско Яньци увеличилось с 6 тыс. до 20 тыс. воинов [568, т. 4, с. 3262].

Территорию Яньци в III в. можно уподобить квадрату со стороной в 400 ли [677, т. 2, с. 1337]. Соседние княжества Вэйсюй, Вэйли и Шань были присоединены к Яньци, благодаря чему это государство становится одним из шести крупнейших в Западном крае. В 80-х годах III в. Лун Ань, правитель Яньци, послал своего сына заложником в столицу империи Цзинь и был пожалован (вместе с князьями Крорайны, Кучи, Сулэ и Хотана) титулом «Родственный Цзинь правитель Яньци, Помогающий Цзинь владетель, Великий главнокомандующий, выполняющий обязанности цзиньского шичжуна» [565, т. 3, с. 865].

Сын Лун Аня, Хуэй, был назначен наследником престола, и отец, умирая, сказал ему: «Некогда я подвергся оскорблению со стороны кучаского правителя Бай Шаня и не могу забыть об этом. Ты можешь отомстить за меня». Лун Хуэй, взойдя на престол, разгромил Бай Шаня и захватил его земли. По свидетельству летописца, новый правитель Яньци был смел и дальновиден, благодаря чему «стал гегемоном среди западных варваров, и все государства к востоку от Цунлина подчинились ему» [677, т. 2, с. 1337]. Конец III—начало IV в.— период наивысшего могущества Яньци. Правление Лун Си, сына Лун Хуэя, совпало с событиями, приведшими к падению династии Цзинь. Обосновавшийся в Ганьсу наместник Чжан Цзюнь предпринял в 335 г. вторжение в Яньци силами армии под командованием Ян Сюаня. Лун Си сразился с передовым китайским отрядом, но потерпел неудачу. Когда же был захвачен район Вэйли, правитель сдался вместе со своим войском. После этого между Чжан Цзюнем и Лун Си устанавливаются отношения, о характере которых можно, в частности, судить по уже неоднократно упоминавшемуся письму Ли Бая. Оно адресовано «правителю Яньци Луну», каковым в это время мог быть только Лун Си; в письме Сиюй чжанши осведомляется, все ли благо-

получно в его государстве [693, с. 207]. Когда Чжан Гуй, сын Чжан Цзюня, объявил о создании династии Ранняя Лян, он признал Лун Си правителем Яньци [677, т. 3, с. 2340]. В 384 г. в пределы Яньци вторглась армия Люй Гуана, направлявшаяся в Кучу. Силы были неравны, и Лун Си вынужден был отказаться от сопротивления. Если это сообщение «Цзиньшу» [677, т. 2, с. 1337] достоверно, Лун Си пробыл на престоле более 50 лет.

В 400 г., после посещения Кроранйны, в Яньци по пути в Индию прибыл Фасянь. Среди местного населения в то время еще была распространена вера в «небесных духов», но буддизм уже пустил в Яньци глубокие корни. Наиболее популярными календарными праздниками стали 8-й день 2-го и 4-го месяцев, связанные с буддийской традицией [677, т. 3, с. 2128]. Примерно в 10 км к юго-западу от столицы Яньци существовал пещерный храм, рядом с которым находились два монастыря. Тем не менее пребывание Фасяня в Яньци было омрачено негостеприимным отношением к нему со стороны буддийских монахов. Объяснялось оно тем, что сам Фасянь исповедовал махаяну, а в Яньци господствующее положение занимали последователи хинаяны [657, с. 37—38].

После объединения Северного Китая династией Вэй император Тай У-ди (424—451) предпринял попытку подчинить Яньци. Отряд под предводительством Вань Дугуя вступил на территорию Яньци с востока и захватил два города. Убедившись в невозможности защитить столицу, правитель Лун Цзюхубина бежал в Кучу. Тамошний владетель, зять Цзюхубина, оказал тестю теплый прием [677, т. 3, с. 2128]. Известно, что в начале VII в. в Яньци правил князь той же династии Лун. Но могущество Яньци было позади: в то время его армия насчитывала не более тысячи воинов.

Гаочан

Владение Гаочан было расположено в Турфанской впадине, на месте, где на грани новой эры существовало княжество Ближнее Цзюйши. «Резиденция его правителя находится в городе Цзяохэ,— сообщает Бань Гу.— Река разделяется там на два рукава и опоясывает город» [563, т. 12, с. 3921]. Остатки крепости сохранились до настоящего времени в 10 км к западу от уездного города Турфан. В 40 км к юго-востоку от Турфана, близ современного урочища Караходжа, возвышается городище, известное с XV в. как Хочжу. П. Пеллио показал, что это название представляет собой китайскую передачу тюркского Кочо, которое, в свою очередь, восходит к древнекитайскому Гаочан [1024, с. 579—603]. Первое упоминание «крепости Гаочан» встречается в «Ханьшу» под годами правления Юаньши (1—5 гг. н. э.) [563, т. 12, с. 3924]. К северу от Турфана было рас-

положено Дальнее Цзюйши с центром в «долине Уту» [563, т. 12, с. 3921], т. е. в районе Джимсара (в 10 км к северу от этого уездного города есть древнее городище, отождествляемое со столицей Дальнего Цзюйши).

В 1980 г. в Турфанской впадине раскопаны погребения II—I вв. до н. э. со своеобразной красной керамикой и железными изделиями, а также многочисленными остатками шерстяных тканей. Изучение инвентаря и особенностей погребального обряда (покойника здесь принято было класть на невысокий деревянный топчан, покрытый ковром) позволило высказать предположение, что эти памятники оставлены земледельцами, имевшими тесные контакты с кочевниками. Учитывая ареал этих погребений, Ли Юйчунь связал их с населением Ближнего Цзюйши [604, с. 372].

Уникальные природные условия Турфана издавна благоприятствовали развитию здесь земледелия. Поэтому борьба за обладание этим районом, развернувшаяся между китайцами и сюнну во II—I вв. до н. э., имела большое значение для решения проблемы обеспечения продовольствием армий, действовавших в Западном крае. В I в. до н. э. Ближнее Цзюйши, население которого насчитывало всего 6 тыс. человек, захватили сюнну. Ханьским войскам время от времени удавалось принудить Цзюйши к капитуляции, но после их ухода прежнее положение восстанавливалось. Первый раз местный правитель признал себя вассалом Китая в 89 г. до н. э. [317, с. 50], но после смерти У-ди сюнну послали в Цзюйши 4 тыс. воинов, которые стали заниматься там «полевыми работами» [563, т. 12, с. 3922]. В 72 г. до н. э. связи Цзюйши с Китаем были восстановлены, а пришлые землепашцы изгнаны. Однако после того, как правителем стал некто Угуй, Ближнее Цзюйши вновь выступило на стороне сюнну. В связи с этим в 68 г. будущий генерал-протектор Западного края Чжэн Цзи приступает к созданию в Цюйли военного поселения с целью накопить достаточное количество продовольствия для нападения на Цзюйши. После сбора урожая все полторы тысячи находившихся под началом Чжэн Цзи военнопоселенцев были включены в коалиционную армию государств Западного края. Главный город Цзяохэ был взят, а правитель бежал к усуням. Цзюйши оказалось в руках китайцев, и проблема заключалась лишь в том, какими силами удержать эту территорию.

Затем последовал императорский указ о необходимости осваивать пригодные для земледелия районы в Цюйли и Цзюйши. Чжэн Цзи направил в Цзюйши 300 поселенцев, но, поскольку сюнну не намерены были уступать, вскоре пришлось послать туда 1,5 тыс. воинов. И все же силы были неравными: при приближении сюнну китайским военнопоселенцам пришлось ретироваться под защиту городских стен. Сюннуский предводитель передал Чжэн Цзи: «Шаньюй непременно захватит эти земли, прекращайте работать на них!». Учитывая сложность по-

ложения, Чжэн Цзи обратился к императору с просьбой увеличить число поселенцев, однако в Чанъане решили отказаться от освоения Цзюйши. Чжэн Цзи вернулся в Цюйли и сосредоточил усилия на организации военной колонии в этом районе, а население Цзюйши во главе с назначенным китайцами правителем было переселено в Цюйли. Территория Цзюйши оказалась в руках сюнну [563, т. 12, с. 3922—3923].

К осуществлению первоначального плана хозяйственного использования Цзюйши китайцы смогли вернуться лишь после официального установления протектората над Западным краем. В 48 г. Сиюй духу Хань Сюань учредил должность коменданта военных поселений (*уцзи сяовэй*) со штаб-квартирой во вновь очищенном от сюнну г. Цзяохэ [563, т. 3, с. 738, т. 12, с. 3924]. В датированных второй половиной I в. до н. э. документах из Лоуланя мы находим упоминание о существовавшем тогда в Цзяохэ складе, где, по-видимому, хранилось собранное тамошними поселенцами зерно. Администрация этого склада вела переписку с соответствующими чиновниками в Лоулане [649, с. 192, № 16]. Военное поселение в Цзюйши прекратило свое существование в 16 г. н. э., когда последний уцзи сяовэй Го Цинь вернулся на пограничную заставу в Дуньхуане. Район Цзюйши более чем на полстолетия после этого попадает в руки сюнну.

Борьба с Цзюйши снова разгорелась уже в 70-х годах I в. н. э., когда империя Хань предпринимает решительные шаги к окончательному вытеснению сюнну из Западного края. В этой связи следует учитывать тот факт, что в самом начале I в. был проложен еще один путь в Западный край, получивший название «новый путь». Для того чтобы достичь Цзюйши, теперь не нужно было пересекать труднопроходимую пустыню Байлундуй и двигаться на запад до Лоуланя; от заставы Юймыньгуань «новый путь» шел прямо на север до Турфанской впадины. Благодаря этому китайцы получили возможность проникать в Притяньшанье, минуя государства восточной части бассейна Тарима. Ключевыми пунктами на этом пути были Иу (более 1 тыс. ли на север от Юймыньгуаня), крепость Гаочан (12 тыс. ли к северу от Иу) и Цзиньмань (500 ли к северу от Гаочана). Гаочан, таким образом, наряду с Кроранной становился «воротами Западного края» [568, т. 4, с. 3234].

Практически одновременно с началом миссии Бань Чао в Западном крае в район Гаочана были посланы войска под командованием Доу Гу и Гэн Бина. Достигнув оз. Баркуль, они захватили Иу, а затем в 74 г. нанесли поражение правителям Ближнего и Дальнего Цзюйши [568, т. 1, с. 746]. В тот же год были восстановлены должности Сиюй духу и уцзи сяовэя. Под началом коменданта военных поселенцев были заложены китайские колонии в Лючжуне (Люкчун) и в Цзиньмане (Джимсар).

На следующий год сюнну предприняли нападение на рези-

денцию генерала-протектора и военные поселения китайцев. Гэн Гун, командовавший колонией в Цзиньмане, был осажден войсками сюнну и Дальнего Цзюйши. На помощь Гэн Гуну пришел экспедиционный корпус. Однако вскоре при дворе возобладала точка зрения на проблему борьбы за Западный край, которую позднее сформулировал Бань Гу: «Получение его не будет приобретением, отдача его не будет потерей» [563, т. 12, с. 3930].

Очередной тур борьбы за район Гаочана начался в 89 г., а к 91 г. китайцам удалось достичь здесь значительного превосходства над сюнну. После того как Бань Чао стал Сиюй духу, в Гаочане обосновался уцзи сяовэй с пятью сотнями колонистов. Этим годом датирована найденная в 1957 г. в Баркуле каменная стела с надписью, в которой упоминается имя Жэнь Шана, участника разгрома кочевников и будущего Сиюй духу [580, с. 98—99]. Эти события склонили чашу весов в сторону китайцев, получивших возможность контролировать ситуацию в большей части Западного края.

В 96 г. уцзи сяовэй предпринял попытку сместить правителя Дальнего Цзюйши, что привело к серии столкновений между двумя владениями Цзюйши. В последующие десятилетия события развиваются здесь с переменным успехом: в 107 г. Западный край был оставлен Китаем, но в 112 г. Цзюйши вновь на некоторое время становится вассалом Хань. Сообщение об антиханьском выступлении 120 г. должно быть, по всей вероятности, понято в том смысле, что между 112 и 120 гг. Цзюйши в очередной раз подчинилось Китаю [317, с. 51].

Несмотря на сложные перипетии борьбы, китайские поселения в районе Гаочана продолжали существовать. Этим можно объяснить тот факт, что в I—II вв. здесь, несомненно, происходит процесс этнического смешения китайцев с местным населением. Так, женой Аньдэ, правившего в Дальнем Цзюйши во второй половине I в., являлась женщина, «предки которой были китайцами» [568, т. 1, с. 751]. Контекст данного свидетельства позволяет предполагать, что супруга правителя китаянкой себя уже не считала, хотя и происходила из китайской семьи, в течение нескольких поколений жившей в Цзюйши.

В лоуланьских документах III в. содержатся сведения о военных поселениях в Гаочане, которые, как и в I в. до н. э., поддерживали регулярные связи с китайской администрацией в Крорайне [696, с. 33]. При династии Вэй Гаочан продолжает оставаться местопребыванием уцзи сяовэя.

После падения династии Цзинь и создания Чжан Цзюнем княжества Ранняя Лян уцзи сяовэй Чжао Чжэнь отказался повиноваться ему. Сиюй чжанши Ли Бай вызвался привести «мятежника Чжао» (так Чжао Чжэнь назван в одном из набросков письма Ли Бая князю Яньци) к покорности, но потерпел поражение. Разгневанный Чжан Цзюнь снова послал войска против Чжао Чжэня, разбил его и в 327 г. учредил на

землях Цзюйши округ Гаочан. За всю историю проникновения китайцев в Западный край во II в. до н. э.— VI в. н. э. это был единственный случай непосредственного включения части бассейна Тарима в систему административного деления Китая.

В 384 г., когда Люй Гуан возвращался из похода на Кучу, наместник округа Гаочан попытался воспрепятствовать ему, но вынужден был подчиниться. Позднее Люй Гуан, учитывая важное положение Гаочана, отправил туда своего сына, назначенного на должность генерал-протектора Западного края [641, с. 54].

Важным источником по истории Гаочана в III—VI вв. являются китайские документы, обнаруженные в погребениях близ Астаны и Караходжи. Первые из них были получены А. Стейном и Татибана Дзуйтё, новые важнейшие находки сделали китайские археологи начиная с 1959 г. [627; 628]. Большинство этих документов датировано — в них указываются девизы правления, официально принятые той или иной династией, что дает в руки исследователя ценный материал для анализа политической ситуации в Гаочане рассматриваемого времени.

Наиболее ранняя надпись [604, с. 26, № 42] датирована 9-м годом правления Тайши (273 г.). Это купчая крепость, формуляр которой (гарантии прав нового владельца, обозначение его статуса, присутствие свидетелей сделки) полностью соответствует традиционным ханьским прототипам [539, с. 207—209].

Текст, датированный 36-м годом правления Цзяньсин [624, с. 12], интересен тем, что этот девиз правления был утвержден последним правителем цзиньской династии, находившимся на престоле всего пять лет. В 317 г. на смену ему пришел девиз Цзяньу, введенный в Южном Китае. Но Чжан Цзюнь не признавал его и продолжал вести прежнее летосчисление еще в течение 31 года, что, естественно, находило отражение в делопроизводстве округа Гаочан. В другом тексте [624, с. 12] мы встречаем ссылку на 14-й год Цзяньчу — девиз правления китайской династии Западная Лян, пришедшей к власти в Дуньхуане в 400 г. и считавшей себя правопреемницей Ранней Лян. Гаочан продолжал оставаться округом в составе этого княжества, и в данном документе говорится поэтому о «жителе общины Сяоцзинли волости Дусян уезда Гаосянь округа Гаочан». В 434 г. династия Северная Лян, пришедшая на смену Западной Лян, приняла систему летосчисления табгачской империи Северная Вэй, вскоре объединившей Северный Китай, что также нашло отражение в текстах из Турфана [633, с. 29].

В 442 г. Гаочан был захвачен Цзюйцюй Ухуэем, объявившим себя государем Лян. Наследовавшего ему Цзюйцюй Аньчжоу убили жужани, которые возвели на престол Кань Бочжоу, бывшего наместника округа Гаочан. Кань Бочжоу стал первым князем независимого Гаочана, наивысший расцвет которого связан с периодом правления другой династии — Цзюй (499—640).

Изучение китайских документов V—VII вв. из Гаочана устранило многие неясности, связанные с генеалогией династии Цзюй. Определенный вклад в исследование этой проблемы внесли А. Масперо и Отани Сёсин. Сделанные в 1973 г. новые находки создали дополнительные возможности для уточнения хронологии Гаочана. В частности, был решен спорный вопрос о том, в каком году пришел к власти первый правитель династии Цзюй [634, с. 44]:

Имя правителя	Годы правления	Девизы л
Цзюй Цзя	500—523	—
Цзюй Гуан	524—530	—
Цзюй Цзянь	531—548	Чжанхэ (1—18)
Цзюй Сюаньси	549—550	Юнпин (1—2)
Цзюй (?)	551—554	Хэпин (1—4)
Цзюй Баомао	555—560	Цзяньчан (1—6)
Цзюй Ганьгу	561—601	Яньчан (1—41)
Цзюй Боя	602—613	Яньхэ (1—12)
	619—623	Чунгуан (1—4)
Цзюй Вэньтай	624—640	Яньшоу (1—17)
Цзюй Чжишэн	640	—

По сообщению «Чжоушу», в это время на территории Гаочана, простиравшейся на 300 ли с запада на восток и на 500 ли с севера на юг, насчитывалось 16 городов. Население Гаочана было смешанным. Здесь жило коренное население, говорившее на местном языке, а также китайцы; наряду с китайской иероглификой использовалась «варварская» письменность, памятники которой до сих пор не открыты. Сообщение китайского хрониста о том, что в школах Гаочана изучали классические книги «Щицзин», «Луньюй», «Сяоцзин» [993, с. 7], подтверждается находками рукописей этих сочинений [626, с. 25]. Китайский летописец, однако, отмечает, что, хотя читали данные тексты по-китайски, толковали их на местном языке. В одежде гаочанцев прослеживались две различные традиции: мужчины одевались на «варварский» манер, а женщины в основном по-китайски [993, с. 7]. «Суйшу» уточняет это свидетельство указанием на то, что женщины в Гаочане носили плахту и короткую кофту. Действительно, именно эти предметы костюма наиболее характерны для женской одежды в Китае III—VI вв. [305, с. 140—144]. Учитывая, что женская одежда обычно бывает более консервативной, чем мужская (такая закономерность, совершенно не характерная для нашего времени, была свойственна эпохе древности и средневековья), можно объяснить отмеченный в «Чжоушу» факт различий в мужской и женской одежде постепенной «варваризацией» китайского населения Гаочана.

Начиная с V в. Гаочан испытывает значительное культурное влияние древних тюрков. Первые свидетельства этого — в китаеязычных гаочанских текстах 60—80-х годов V в., где упоминаются местные жители с именами, включающими тюркский компонент *тегин* [625, с. 5]. В тех же погребениях, где были

найдены эти документы, обнаружены надписи на тюркском языке, сделанные согдийским письмом [576, с. 63].

Взаимоотношениями с тюрками определялись и события, произошедшие в Гаочане в период царствования восьмого правителя династии Цзюй — Боя. Его бабка была дочерью тюркского кагана, и под давлением тюрков он ввел у себя в стране их обычаи. В 609 г. Боя отправился ко двору Суй, а затем принял участие в походе китайской армии на Корё. Вернувшись в 612 г. в Гаочан, он издал указ о запрете на ношение кос по тюркскому образцу и левый запáх верхней одежды (в отличие от китайцев, которые всегда носили халаты так, что левая пола была наверху [146, с. 182—184]). Однако ввести китайскую одежду все же не удалось. Как заключает У Чжэнь, одной из причин неудавшейся реформы стал государственный переворот, осуществленный противниками правящей династии и поддержанный населением, которое выступало за сохранение тюркских обычаев. Цзюй Боя пришлось бежать из Гаочана и лишь через шесть лет ему удалось вернуть себе трон, что было ознаменовано учреждением нового девиза правления — Чунгуан [634, с. 38—46]. Но с воцарением в Китае династии Тан судьба Гаочана была предрешена: в 640 г. район Турфана захватили китайские войска. Так закончилась история почти полуторавекового независимого существования Гаочана.

Глава 7

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА в VII—X вв.

ИСТОЧНИКИ

Письменные источники по раннесредневековой истории Центральной Азии разнообразны и довольно многочисленны. Их можно разделить на две большие группы. Это прежде всего материалы местного происхождения — многочисленные рукописи религиозного и светского содержания (чаще фрагменты их), написанные на различных языках, имевших распространение в регионе. Другая группа — это источники внешнего происхождения, прежде всего капитальные многотомные труды историографов Китая и Тибета, а также сочинения арабо-персидских авторов.

Письменные источники местного происхождения, в свою очередь, могут быть подразделены на три локальные группы, а именно — источники на индоевропейских языках, тюркоязычные письменные памятники, китайские рукописи и документы, обнаруженные в Турфанском оазисе и некоторых других городских центрах Восточного Туркестана, а также в Дуньхуане. К этой же категории относится и некоторое число тибетских эпиграфических памятников и документов, обнаруженных в Западном крае.

Памятники, составленные на различных индоевропейских языках (тохарских, среднеперсидском, парфянском, согдийском, бактрийском, новоперсидском, хотано-сакском, санскрите), большей частью опубликованы. Часто такие издания, помимо перевода и комментария, содержат и факсимиле. Эта гигантская работа дала возможность заполнить часть пробелов в истории Восточного Туркестана.

Письменные памятники, оставленные различными тюркскими народами, населявшими районы Центральной Азии, различаются по алфавитам, на которых они составлены. Это прежде всего рунические тексты Монголии и районов Верхнего Енисея. Эти документы не столь многочисленны, как другие группы памятников, но имеют совершенно исключительное значение, особенно надписи историко-биографического характера. Их содержание восполняет многие пробелы в политической и социально-экономической истории кочевых народов, в наших знаниях об их связях с соседями. Главный источник по истории второго Восточнотюркского каганата — это орхонская руника [155; 156;

284; 293]. Ценные надписи и документы, выполненные руническим письмом, найдены в Восточном Туркестане.

В VII—VIII вв. появилось уйгурское (происходящее от согдийского) курсивное письмо. На территории Восточного Туркестана (преимущественно в Турфане) найдено большое количество уйгурских рукописей и ксилографов, а также эпиграфических памятников. Хотя среди них преобладают религиозные сочинения, имеется огромное число административно-политических и хозяйственных документов. Расцвет уйгурской письменности приходится на IX—XIII вв., хотя применение этой письменности продолжалось много позже. С XI—XII вв. в тюркской среде распространяется арабская письменность [522; 839; 843].

Учет населения ханьских колоний в Восточном Туркестане, несение общинных повинностей, налогообложение, торговые сделки требовали составления большого количества разнообразных документов, а также издания религиозных текстов. Многое из этой обширной документации сохранилось до наших дней, было обнаружено археологами и поступило в фонды различных научных учреждений мира. Наиболее богатые коллекции документов собраны в развалинах буддийских храмов, монастырей и других культовых сооружений. Документы светского содержания находили в развалинах жилищ. По мере расширения археологических работ в Восточном Туркестане количество обнаруженных документов увеличивается. Так, например, раскопки могильников Астана и Караходжа способствуют пополнению коллекций все новыми рукописными памятниками [352, с. 112].

Тибетские письменные памятники найдены в различных пунктах Восточного Туркестана, а также в Дуньхуане. Это хозяйственные и юридические документы и письма; дуньхуанские тибетские царские хроники (в них содержатся сведения о событиях с 629 (?) до 764 г.); буддийские тексты. Многие события, связанные с Восточным Туркестаном, нашли отражение в тибетском буддийском каноне и в тибетских исторических трудах XIV—XVII вв. Наряду с некоторыми другими трудами следует также указать на тибетские эпиграфические памятники. Особое значение имеют шесть тибетских работ, переведенных с санскрита или с трудов, базирующихся на санскритском оригинале. Все эти сочинения посвящены истории буддизма в стране Ли (Хотане.— *А. М.*) и содержат множество исторических сведений [1143].

Среди источников не восточнотуркестанского происхождения наибольшее значение имеют некоторые китайские исторические труды. Сочинения китайских историографов в истории и практике летописания — явление уникальное. Они практически без перерыва охватывают всю историю Срединного государства почти за 2,5 тыс. лет. Большинство сочинений, имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей, писалось их авторами на основании очень подробных и в основном достоверных

записей штатных придворных историографов, современников регистрируемых событий. Сбор материалов при дворе осуществлялся в соответствии с четко разработанной системой и по заранее утвержденному плану, что способствовало накоплению необходимой информации. Эти же принципы были положены и в основу подготовки к публикации официальных сочинений.

Китайские средневековые официальные и неофициальные сочинения отличаются очень большим объемом, содержат громадное количество самого разнообразного материала. Они не имеют многих недостатков, присущих, например, произведениям мусульманских авторов. Так, в них практически нет экскурсов на чисто религиозные сюжеты. Материалы, носящие мифический характер, встречаются редко, большая часть их — повторение текстов, извлеченных из древних сочинений. К недостаткам следует отнести китаецентризм, пронизывающий все без исключения исторические труды. Более серьезным недостатком средневековых китайских хроник является целенаправленный подбор информации, касающейся зарубежных народов. Авторы и составители, а также и историографы, накапливавшие первоначальный материал, практически не интересовались внутренней жизнью своих соседей, их отношениями с соседними государствами и народами, если эти явления и события не были тем или иным образом связаны с интересами Китая. В этом проявлялся предельный практицизм, конкретизировавшийся также и в том, что официальные династийные хроники являлись важнейшим учебным пособием при подготовке государственных служащих в рамках системы экзаменов.

Характерной особенностью китайских источников, которую можно рассматривать как недостаток, является и то, что среди них мало записок путешественников. Большинство имеющихся средневековых отчетов очень кратки, напоминают дорожники, в которых подробно излагается маршрут следования, перечисляются пункты, через которые проехал автор, и лишь минимальное внимание уделяется описанию социально-экономических отношений и другим вопросам внутренней жизни стран и народов, упомянутых в отчете. Исключение, пожалуй, составляет только религиозная жизнь и культовые учреждения стран, через которые следовали путешественники (послы), многие из которых были представителями буддийского духовенства.

Китай со времени династии Хань пытался установить контроль над торговыми путями, ведущими на Запад. Вместе с тем в источниках мы не находим материалов, которые позволяли бы говорить о наличии обширной торговли с западными странами и существовании крупных торговых корпораций. Возможно, некоторые ханьские купцы занимались внешней торговлей, однако существование в стране государственной внешнеторговой монополии, при которой все товары, поступавшие из зарубежных стран, оказывались в руках казны, ставило китайских купцов в невыгодное положение по сравнению с иностранными.

Известно, что очень ценная информация о зарубежных странах во все времена поступала от купцов. Неучастие ханьцев в торговле с Западом лишало власти возможности пользоваться этими сведениями. «Варварские» послы и купцы, конечно, использовались для получения необходимой информации, но этот источник, по-видимому, не всегда был достаточно надежным.

Следует остановиться еще на одной очень существенной особенности средневековых китайских источников — переносе текстов из одного сочинения в другое. При этом переносимые тексты практически не изменялись, а их происхождение не указывалось. Речь идет об оригинальных трудах, таких, как династийные хроники и т. п., а не о компилятивных сочинениях типа «Вэньсянь тункао» (составитель Ма Дуаньлин), полностью состоящих из подобранных по определенному плану цитат. В качестве примера можно указать на совпадение текстов «Повествование о теле» в хронике «Суйшу» [606, с. 18а—19а], охватывающей период 518—581 гг., и в «Бэйши» [677, с. 18а—19а] (386—581). Также совпадают тексты «Повествования о Гаочане», помещенные в «Вэйшу» [677, т. 3, с. 22б—26а] (386—556) и «Бэйши» [677, с. 7б—11а]. И таких примеров можно привести множество. В данном случае большой беды нет, так как хроники относятся приблизительно к одному времени, следовательно, и описание также относится к этому времени.

Совсем иные последствия может повлечь за собой почти дословное повторение ранних текстов в более поздних источниках. Часто такое повторение осуществляется со значительными сокращениями, чисто механическими. В качестве примера можно привести сочинение Е Лунли «Цидань го чжи» (История государства киданей). Е Лунли, копируя до некоторой степени структуру официальных хроник, в конце своего труда приложил краткие описания иностранных государств [244, с. 331—336], которые он сам не сочинял, а заимствовал из более ранних трудов. Часть этих повествований взята из «Бэйши» — «Повествование о народе шивэй» [677, т. 3, гл. 94, с. 21а—23а], «Повествование о синьло» [677, т. 3, гл. 94, с. 14б—15б] — и из упоминавшегося «Повествования о Гаочане». В. С. Таскин в своих комментариях к переводу «Цидань го чжи» отмечает, что Е Лунли значительно сократил некоторые тексты и при этом допустил множество ошибок при переносе соответствующих пассажей в свой труд [518, с. 536—541]. Таким образом, можно констатировать, что в сочинении, посвященном государству киданей и охватывающем период с 907 по 1125 г., добавлены разделы о «варварах» из сочинения «Бэйши», которое охватывает период с 386 по 581 г. и было составлено, по-видимому, между 626 и 649 гг. Следовательно, данные описания по крайней мере на 300 лет моложе основного текста книги.

Китайские источники, прежде всего династийные хроники, повествующие о средневековой истории народов Центральной

Азии, весьма многочисленны. Ниже приведен список этих хроник.

«Вэйшу» (История государства Вэй) охватывает период существования княжества Дай (338—376) и государства Тоба Вэй (Северное Вэй, или Юань Вэй, 386—634). Гл. 100—103 посвящены соседним народам, причем гл. 101—103 были утеряны, но позднее восстановлены по другим источникам. Текст их во многом совпадает с соответствующими главами «Бэйши». Западному краю посвящена гл. 102, в ней приведены сведения о 60 государствах и отдельных племенах. В остальных главах повествуется, в частности, о туюйхунях (государство Тогон), цянах, жужанях, сюнну и народе гаогэ (гаоцзюй). Повествования, помещенные в гл. 102, сильно разнятся по объему. Так, например, Карашар и Андераб описаны на 5—6 страницах, но большинство государств фактически лишь упоминается, так как им отведено по 2—3 строчки.

«Бэйшу» (История династии Северная Ци) повествует о годах существования этого государства (550—577). Специального раздела о соседних народах нет.

«Чжоушу» (История династии Чжоу) посвящена истории государства Северное Чжоу (557—581). Последние две главы (49 и 50) посвящены соседним странам. В гл. 49 помещены 10 повествований, в том числе о цянах и ди. В гл. 50 описаны или упомянуты тюрки-туцзюэ, Тогон, Гаочан, Шаньшань, Карашар, Куча, Хотан, Яда, Согдиана, Парфия и Персия.

«Суйшу» (История династии Суй) освещает период существования этого государства (581—618), объединившего под своей властью всю страну после почти четырехвековой раздробленности. Главы 81—84, посвященные соседним народам, очень содержательны, хотя династия Суй правила всего 37 лет. Это объясняется активным вмешательством суйских правителей в дела тюрков и попытками установить контакты со странами Запада. Гл. 63 «Суйшу», включающая 22 повествования, посвящена Западному краю.

«Бэйши» (Хроника Северных государств) описывает годы существования государств Тоба Вэй, Северное Ци, Северное Чжоу и Суй. Этот труд можно рассматривать как сокращенное изложение хроник указанных государств. Вместе с тем ее составитель Ли Яньшоу добавил ряд важных материалов, отсутствующих в отдельных источниках. Главы 94—99 посвящены соседним странам.

«Цзютаншу» (Старая хроника династии Тан) и «Синьтаншу» (Новая хроника династии Тан) охватывают период существования государства Тан (618—907). В VII—VIII вв. правители империи Тан проводили весьма активную внешнюю политику, чем и объясняется обширность и содержательность материалов о зарубежных странах и народах. Так, в «Цзютаншу» их описанию посвящены главы 194А—199Б. В «Синьтаншу» «варварам» посвящены главы 215А—222Б. Главы 215А и Б «Синьтан-

шу» посвящены тюркам-туцзюэ, главы 216А и Б — Тибету, главы 217А и Б — уйгурам, гл. 218 — племени шато, гл. 219 — северным варварам (киданям, шивэй и др.). В главах 221А и Б описаны 25 государств и народов Западного края.

«Цзю Удай ши» (Хроника периода Пяти династий) и «Удай шицзи» (Записки о периоде Пяти династий; также называется «Синь Удай ши» — Новая хроника периода Пяти династий) описывают события истории Срединного государства с 907 по 960 г. Обе хроники содержат небольшие разделы о соседних народах; в «Цзю Удай ши» — главы 137 и 138, а в «Удай шицзи» — главы 72—74. Наибольшее внимание уделено северо-восточным соседям Китая — киданям, Корее, Бохаю. Среди западных соседей в обеих хрониках описаны тангуты, ганьчжоуские уйгуры. Из государств Западного края упомянут только Хотан.

«Сунши» (Хроника династии Сун) освещает существование империи Сун (960—1279). Соседние народы и государства описаны в главах 485—496, причем глава 490 посвящена девяти государствам и народам Западного края, в том числе Хотану, Индии, Гаочану, Куче, уйгурам и т. д. Связи империи Сун с Западом практически пресеклись из-за враждебного отношения тангутов, в руках которых после гибели в 1028 г. уйгурского Ганьчжоуского княжества оказались почти все континентальные торговые пути из Китая.

Столь пристальное внимание к династийным хроникам объясняется тем, что в них содержится до 90% сведений, касающихся «варваров», остальные же 10% можно почерпнуть из других исторических сочинений.

Громадное значение имели бы сочинения современников событий, но, к сожалению, большинство их утрачено и лишь отдельные цитаты встречаются в энциклопедиях. Из числа сохранившихся трудов современников можно упомянуть географическое сочинение танского первого министра Ли Цзифу «Юаньхэ цзюньсянь чжи» [Трактат об округах и уездах лет правления Юаньхэ (806—821.— *А. М.*)]. К этой же группе относится сочинение «Тайпин хуанъюй цзи» [Описание вселенной в годы правления Тайпин синго (976—983. — *А. М.*)]. Оба эти труда широко используются исследователями.

Значительное развитие начиная со второй половины I в. получило составление и издание различных энциклопедий (*лэйшу*). Средневековые ученые, трудившиеся над составлением тех или иных энциклопедий, не перерабатывали материалы, которые они намеревались поместить в свой труд. Цитаты из привлеченных ими сочинений они распределяли по тексту энциклопедии в соответствии с заранее определенным планом и задачами. Позднее, когда многие древние и средневековые сочинения были утрачены, их оказалось возможным восстановить по текстам многочисленных энциклопедий. Так, например, была восстановлена хроника «Цзютаншу».

Упомянем также энциклопедию «Цэфу юаньгуй» (Сокровищница знаний). Это хорошо известная энциклопедия была составлена в 1005—1015 гг. и охватывает период с древнейших времен до середины IX в. Пользуется также вниманием и энциклопедия «Тайпин юйлань» (Энциклопедия, просмотренная императором в годы Тайпин синго). Существенное значение имеет труд Сыма Гуана «Цзычжи тунцзянь» (Всеобщее зерцало, управлению помогающее). Это сочинение, написанное в 1066—1085 гг., освещает историю Китая с древнейших времен до 960 г. и содержит отдельные ценные подробности, касающиеся «варваров». Упомянем также сводные обозрения важнейших событий, происходивших во время правления той или иной династии (*хуэйяо*). Среди сочинений последнего типа — «Тан хуэйяо» (завершено в 961 г.), посвященное годам существования империи Тан.

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН НАКАНУНЕ ТАНСКОГО НАШЕСТВИЯ

Изменение политической ситуации в Северном Китае в VI в. в конечном счете сказалось и на Западном крае. В начале 40-х годов империя Тоба Вэй распалась на два государства — Западное Вэй и Восточное Вэй. В 550 г. в Восточном Вэй произошел переворот и возникло новое государство Северное Ци (550—580), а в 557 г. аналогичный переворот произошел в Западном Вэй, где возникло государство Северное Чжоу (557—581). Все эти события были связаны с серьезными волнениями в Северном Китае, и, конечно, всякие связи с Восточным Туркестаном пресеклись. Новые попытки возобновить их были предприняты при династии Суй (581—618), впервые за несколько столетий объединившей всю страну [677, т. 3, с. 3а].

Суйский император Ян-ди (605—616) направил на Запад своих эмиссаров Ван Цзе и Ду Синманя, которые побывали в Кашмире, Балхе и Кеше и вернулись с экзотическими подарками. Нам неизвестны конкретные результаты этого вояжа, но сам факт посылки императорских послов в страны, которые пользовались в свое время повышенным вниманием со стороны ханьских владык, может свидетельствовать о далеко идущих планах Ян-ди.

Более очевидны последствия акций суйской дипломатии на северных и северо-западных границах империи. В Тюркском каганате в это время разразился серьезный внутриполитический кризис, вызвавший междоусобицу. Правители Суй активно вмешались во внутренние дела каганата, что способствовало его распаду на два враждебных государства — Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты. Дальнейшего развития этот успех не получил, поскольку в результате переворота династия Суй пала, и на ее месте утвердилась династия Тан.

Попытаемся дать общую характеристику положения в Западном крае, сложившуюся накануне танской экспансии, хотя наши возможности существенно ограничены состоянием китайских источников. Остановимся на сведениях о Западном крае, содержащихся в труде знаменитого буддийского паломника Сюаньцзана. Младший из четырех братьев, он родился в 603 г. в пров. Хэнань. Его отец был знатоком классической литературы. Сюаньцзан в 13 лет стал послушником буддийского монастыря, а в 20 лет принял монашеский сан. Он много учился, глубоко освоил учение махаяны. И хотя слава о Сюаньцзане как о знатоке буддизма распространилась по столице, для него самого многое оставалось неясным. 26-летний монах в 629 г. решил предпринять путешествие в Индию. Путь его пролегал по северным оазисам Восточного Туркестана, назад же Сюаньцзан вернулся в 645 г. «южным путем», через Хотан. Знаменитый паломник привез в Китай статуи Будды и больше 600 коробов с буддийскими сочинениями. Подробные сведения о путешествии Сюаньцзана содержатся в его книге «Сиюй цзи» (Записки о Западном крае) [609]; некоторые конкретные историко-географические факты можно найти и в «Жизнеописании» Сюаньцзана, составленном одним из его учеников [966]. Из этих трудов мы немало узнаем о ряде крупных владений Восточного Туркестана. Так, о княжестве Яньци (Карашар) сообщается, что его столица имела в окружности 6—7 ли (2,4—2,8 км). Поля орошались с помощью ирригационных каналов, в княжестве возделывались всевозможные злаковые культуры, было много виноградников и фруктовых садов. Жители одевались в хлопчатобумажные и шерстяные одеяния. В обращении были золотые, серебряные и бронзовые монеты. В стране было свыше десятка буддийских обителей, продолжал китайский паломник, и письменность подобна индийской. Еще более подробно описывает Сюаньцзан другое владение — Куча. Его столица имела 17—18 ли (6,8—7, 6 км) в окружности. Недра богаты полезными испокаемыми (золото, медь, железо, свинец). Жители носят и шелковые одежды. В Куче имели хождение золотые, серебряные и бронзовые монеты. При местном правителе всеми делами занимался могущественный министр. В государстве насчитывалось около сотни буддийских монастырей. У западных ворот города Сюаньцзан видел две огромные статуи Будды. Письменность индийская, с незначительными отличиями. Так же обстояло дело и в соседнем княжестве (ныне Аксу).

Во владении Цюйша (Шулэ; Кашгар), продолжает Сюаньцзан, земли тщательно обработаны и плодоносны. Здесь производятся ковры весьма тщательной выделки, особый вид головных уборов. И в этом княжестве письменность следовала индийским образцам. Сюаньцзан пишет о сотнях буддийских святынь.

Цюйсаданьна (Хотан), согласно описанию Сюаньцзана, большая и богатая страна. «Добрая половина [ее] — это пески и

камни, но остальное пригодно для злаков и обильно плодами. [Там] производят ковры, тонкий войлок, искусно и чрезвычайно тонко ткут. Есть в земле много белой яшмы и черной яшмы. Нрав [людей] спокоен и миролюбив, в обычаях знакомы с церемониалом, высоко ценят учение и любят музыку, обычаи их справедливы и непохожи на повадки варваров. Письменность отдаленно напоминает индийскую, но слегка видоизменена. Почитают закон Будды. [В стране есть] сто *целаней* (буддийских святынь. — *Б. Л.*) и около пяти тысяч монахов. По большей части следуют [учению] Большой Колесницы. Их правитель отважен и мудр, доблестен в бою и высоко почитает достойных. Характер жизни жителей городской, они любят музыку, песни и танцы» [392, с. 129—131; 966, с. 36—41, 195—205; 1105, с. 17—26, 306—323].

Таким образом, в первой трети VII в. Восточный Туркестан представлял собой систему самостоятельных и независимых княжеств. Это были государственные образования с высокоразвитой процветающей экономикой, многочисленными городскими и сельскими поселениями. Степные просторы занимали кочевые племена. Торговые пути соединяли эти княжества между собой, они активно участвовали во внешней торговле. Местное население развило своеобразную культуру, на весь облик которой оказали значительное воздействие влияния, идущие из Индии и Средней Азии (прежде всего буддизм).

Но Восточный Туркестан стоял в то время перед весьма серьезными испытаниями, над ним нависла угроза нового вторжения с востока. Объединение Китая под властью новой династии — Тан привело к стабилизации внутреннего положения в стране, что, в свою очередь, стимулировало (наряду с серией мероприятий новых властей) укрепление ее экономического потенциала. Все это способствовало росту военного могущества Танского государства. Накопив стратегические запасы и почувствовав себя достаточно сильными, танские императоры предприняли попытку восстановить контроль над Великим шелковым путем.

Можно выделить четыре основных этапа танской экспансии в Центральной Азии: 1) упрочение позиций Китая на рубежах Западного края в результате крушения Восточнотюркского каганата в 630 г., чему активно способствовали танские войска; 2) уничтожение в 640 г. (при помощи тюркской конницы) независимого государства Гаочан; 3) разгром Западнотюркского каганата в 657 г. при помощи уйгуров и тюрок; 4) длительная борьба танских властей за упрочение и расширение своего влияния в Восточном Туркестане с 657 г. до середины VIII в.; 5) разгром танских войск на р. Талас в 751 г. и ликвидация всех позиций Китая в Западном крае.

Междоусобица в Срединном государстве, вызванная падением династии Суй и борьбой дома Ли за верховную власть, дала возможность Восточнотюркскому каганату оправиться от последствий войны с Западнотюркским каганатом и неудач, постигших его в борьбе с суйскими войсками. По-видимому, в это время не произошло значительного усиления Восточнотюркского каганата, хотя на фоне бурных событий в Китае это и выглядит так. Используя возраставшие трудности империи Суй, Восточнотюркский каганат стал вмешиваться в его внутренние дела, а когда создалась угроза падения этой династии, тюрки выступили в качестве ее союзника. После гибели Суй большому числу ее сторонников предоставили убежище на территории каганата, а представители свергнутой императорской фамилии были объявлены законными претендентами на власть в Срединном государстве.

Однако внешнеполитическая активность Восточнотюркского каганата продолжалась недолго. Внутриполитическая обстановка приняла угрожающий характер. Тяготы войны легли тяжелым бременем на население страны, в том числе и на зависимые от тюрок племена теле (сеяньто, уйгуры, байирку), кочевавшие к северу от пустыни Гоби. В 628 г. телеские племена восстали против своих поработителей, одновременно на южных границах каганата появились танские войска. Такое выступление было не простым совпадением, а результатом упорной работы танской дипломатии. Тюрки не смогли оказать серьезного сопротивления, и каганат развалился [370, с. 107].

Что касается участия танских войск в ликвидации каганата, то по этому вопросу как в отечественной так и в зарубежной литературе существует упрощенное и недостаточно точное представление. Подавляющее большинство исследователей считает, что основные усилия по разгрому каганата легли на войска Танской империи, которые с целью ликвидации тюрков предприняли ряд успешных походов в степи [269, с. 76; 548а, с. 210]. На наш взгляд, именно восставшие телесцы, главную роль среди которых в это время играло племя сеяньто, нанесли тюркам ряд сокрушительных ударов и обратили их в бегство. Танские же стратеги для борьбы с тюрками создали шесть армейских групп, которые по различным направлениям должны были выступить против Восточнотюркского каганата. Нам не удалось найти сообщение, позволяющее составить представление о численности этих войск. Однако общая обстановка, важность для Танского государства поставленной задачи — ликвидация тюркской опасности — и назначение видных военачальников, таких, как Ли Шицзи и Ли Цзин, позволяют смело утверждать, что то были очень крупные воинские соединения. В китайских источниках очень мало сведений о боевых операциях этих войск. Сообщается лишь о небольших столкнове-

ниях вдоль границы Танского государства в районе Линчжоу (район современного уезда Линьу в НХАР), а также в горах Иньшань [370, с. 107; 597а, гл. 2, с. 5а].

Потерпев ряд серьезных поражений на севере от коалиции телеских племен, тюрки стали отходить на юг, и тут их встретили свежие танские войска. Вступать в борьбу с новым противником было равносильно самоубийству, и тюркские вожди почли за лучшее капитулировать. Источники сообщают, что некоторая часть тюрков, отказавшись от капитуляции, ушла на запад. Все же под контролем танских властей оказалось значительное число тюрок во главе с правящим домом, всего более ста тысяч человек. Известно, что китайские военачальники в докладах императору часто преувеличивали свои успехи и сообщали завышенные цифры. Однако в данном случае если и было преувеличение, то самое незначительное [370, с. 107, 108; 597а, гл. 215А, с. 7б].

В энциклопедии «Тайпин хуанъюй цзи» о расселении тюрок после гибели Восточнотюркского каганата говорится следующее: «[Ашина] Сели потерпел поражение, его племена ушли или к сеяньто, или в Западный край, но и капитулировавших было множество» [673, с. 588].

Что же произошло в дальнейшем с тюрками, попавшими под контроль Танского государства? Из источников нам ничего не известно о репрессиях против бывших подданных Восточнотюркского каганата, которые представляли серьезную опасность для Китая. Правда, при дворе императора Тайцзуна (627—649) высказывались мнения о необходимости уничтожить тюрок и таким путем в корне ликвидировать «тюркскую опасность». Однако Тайцзун не пошел по этому пути, он расселил тюрок в приграничных районах, сохранил родо-племенную организацию сдавшихся племен. Многие вожди получили награды, а наиболее влиятельные были поселены в столице империи Чанъане. Право вождей управлять своими племенами было подтверждено соответствующими актами танских властей [370, с. 109].

Все сказанное выше позволяет прийти к заключению, что основная цель мобилизации шести армейских групп заключалась в захвате возможно большего числа тюрок, откатившихся на юг под ударами телеских племен. В Чанъане не только опасались усиления сеяньто-уйгурской коалиции благодаря поглощению тюрок, но и намеревались заполучить превосходную тюркскую конницу и в дальнейшем использовать ее в интересах империи. Танские власти предоставили тюркам возможность кочевать по обе стороны границы от Ордоса и далее на восток, однако районирование этих территорий в связи с появлением здесь нового кочевого населения так и не завершилось. По-видимому, дело ограничилось обсуждениями при дворе и широковещательными декларациями [370, с. 110—112]. Юридическое положение тюрок в это время напоминает положение федератов в Римской империи [284, с. 22].

Танские войска, проникшие на территорию Восточнотюркского каганата, после завершения кампании вернулись на юг к своим базам. Включение в состав империи земель распавшегося каганата потребовало бы введения нового административного деления, создания аппарата управления и гарнизонов для защиты присоединенных территорий. Ни одно из этих мероприятий, однако, не было осуществлено, и после ухода тюрок страна какое-то время оставалась совершенно незаселенной [597а, гл. 215А, с. 7б; 621, гл. 67]. Более того, танские власти тогда не претендовали, по крайней мере официально, на территории к югу от Гоби. В послании Тайцзуна кагану сеяньто говорится, что пленение Сели имеет целью избавить его народ от бед, а «совсем не захват его земель и скота и обогащение за счет его людей» [136, т. 1, с. 261; 370, с. 110; 597, гл. 215а, с. 89; 618, гл. 195; 622, гл. 197]. Таким образом, можно констатировать, что после гибели Восточнотюркского каганата границы Танской империи в этом регионе существенно не изменились.

После ликвидации господства тюрок в степях к северу от пустыни Гоби там началось формирование нового кочевого государства, во главе которого стал вождь племени сеяньто Инань. Это кочевое объединение, несомненно, создавалось по образцу и подобию Восточнотюркского каганата, но в отличие от тюркской в новой державе выделялись два господствующих племени — сеяньто и уйгуры,— что и привело ее вскоре к падению.

После крушения Восточнотюркского каганата почти в течение 11 лет, вплоть до 641 г., на границах Танской империи сохранялось относительное спокойствие. Танские власти в это время не предпринимали попыток к дальнейшему расширению своего влияния, что можно объяснить необходимостью переформирования тюркских отрядов, которые сильно пострадали в борьбе с телесцами. Танские стратеги прекрасно понимали, что установление контроля над Великим шелковым путем немыслимо без использования конницы. Поскольку же китайская кавалерия была сравнительно малочисленна и непригодна для глубоких рейдов в пределы Восточного Туркестана, без кочевников-тюрок обойтись было невозможно.

Однако вовлечение тюрок в осуществление активной внешней политики императора Тайцзуна оказалось не такой простой задачей, как это могло сначала показаться. Возможно, провал попыток танских властей расселить тюрок по различным административным округам и установить над ними эффективный контроль объясняется именно сопротивлением кочевников. В то же время на покинутые тюрками земли обратили внимание сеяньто и, по-видимому, стали постепенно заселять их. Расширение и укрепление сеяньтоского каганата, препятствующего внешнеполитической экспансии Танской державы не могло не обеспокоить императорский двор.

Между тем брожение среди тюрок вылилось в заговор.

В 639 г. была предпринята попытка выкрасть основного претендента на верховную власть над землями павшего каганата — Хэлоху, сына кагана Тули,— и откочевать в степи. Однако заговор провалился, часть его участников погибла, некоторые же были казнены вместе с самим Хэлоху [136, т. 1, с. 247—317]. Репрессии проводились только против племенной верхушки заговора, а не против всего тюркского народа; более того, танские власти не воспрепятствовали бегству тюрок на север. Несомненно, такое в общем благоприятное для тюрок развитие событий связано с усилением сеяньто и попытками освоения ими степей к югу от пустыни Гоби [370, с. 112, 113]. Однако, чтобы не утратить полностью контроля над тюрками, Тайцзун назначил каганом откочевавших на север родов талантливого политического деятеля Ашина Сымо. Вокруг кагана объединились многие другие представители правящей верхушки тюрок, выступавшие за союз с Танской державой. Вероятно, в распоряжении этих вождей были значительные силы, что давало возможность танским властям довольно долго контролировать тюрок и использовать их как ударную силу в своих попытках проникнуть на Запад.

В 640 г. мишенью экспансионистских планов Тайцзуна стало небольшое государство Гаочан, расположенное в плодородном Турфанском оазисе[1]. В 500 г. власть в Гаочане захватил представитель клана Цзюй, потомки которого правили в течение 140 лет (подробнее см. гл. 6). Именно Гаочан стал препятствием на пути обширных внешнеполитических планов Тайцзуна. Однако в данном случае невозможно было мотивировать нападение необходимостью положить конец набегам. Поэтому танские дипломаты предъявили следующие обвинения: 1) Гаочан чинит препятствия связям Танского государства со странами Запада; 2) предоставляет убежище членам свергнутой династии Суй и ее сторонникам; 3) принимает меры по укреплению обороны; 4) заключил союз с западными тюрками; 5) напал на «друзей и союзников» Танского государства (Карашар, Хами); 6) проявляет неуважение к Сыну Неба [136, т. 1, с. 290—294; 591, с. 109, 110]. Эти «преступления» гаочанских властей, как видим, были обычными мероприятиями суверенного государства, обеспокоенного возрастанием угрозы со стороны сильного соседа. Правители дома Цзюй сознавали, что успешная акция Танской державы против Восточнотюркского каганата была лишь первым шагом Китая на Запад.

Остановимся на первом пункте обвинений танского двора в адрес Гаочана. Его злонамеренность очевидна. Действительно, торговые пути между Востоком и Западом, проходившие через территорию Гаочана, приносили значительный доход правителям этой страны. Поэтому когда власти Карашара предложили Танской империи открыть еще один тракт через их территорию,

[1] В отечественной и зарубежной литературе это государство также часто именуется Кочо (Qočo).

то Гаочан воспротивился этому, прибегнув к военной силе. Целью такой акции было сохранение торговой монополии, а вовсе не изоляция Танского государства от Запада [597а, гл. 221А, с. 8б; 659, гл. 198, с. 8б].

Военная кампания Танского государства против Гаочана продолжалась недолго. Полководец Хоу Цзюньцзи получил приказ о выступлении 7 января 640 г., а 21 января 641 г. уже «доложил о победе в дворцовом зале Гуаньдэ» [659, гл. 3, с. 6а, 7а]. Очевидная молниеносность военных действий, по-видимому, объясняется участием в них отрядов кочевников. Правда, сообщения китайских источников о действиях тюркской конницы скупы и не совсем точны. Можно только констатировать, что в этой операции принимали участие отряды восточных тюрок, телеского племени киби, а также западных тюрок во главе с их вождем Ашина Шер. Что касается численности этих кочевников, то в «Синьтаншу» говорится о нескольких десятках тысяч всадников [109, с. 2а, гл. 198, с. 4а; 597а, гл. 110, с. 3а, 4б, гл. 221А, с. 4а—4б; 659, гл. 104, с. 2а, гл. 198, с. 4а].

После оккупации Гаочана были осуществлены меры, продемонстрировавшие серьезность намерений танских властей прочно и надолго обосноваться в Турфанском оазисе. В побежденном княжестве учредили китайские административно-территориальные единицы, причем то не были фиктивные образования, столь часто создававшиеся на «варварских» территориях. Территория Гаочана составила отдельный округ Сичжоу, разделенный на пять уездов. В важнейших пунктах были размещены гарнизоны и создан административный аппарат. Однако этим танские правители не ограничились; уже 2 октября 640 г. они учредили в Гаочане наместничество Аньси (Умиротворенный Запад), одно из шести наместничеств, созданных Танским государством в различных зонах контакта с кочевым миром [365, с. 40, 199; 659, гл. 40, с. 37б]. Аньси стало плацдармом танской экспансии в Восточном Туркестане. В 10-м месяце 18-го года правления Чжэньгуань (5.11.— 4.12.644 г.) наместник Го Сяокэ ночью внезапно атаковал г. Карашар, столицу одноименного государства, занял его и пленил владетельного князя. Эти вероломные действия, предпринятые против союзника, в «защиту» которого Танское государство якобы выступало против Гаочана, вызвали конфликт с западными тюрками и Кучой. Однако союзники Карашара действовали нерешительно, потеряли время, и им пришлось отступить [659, гл. 63, с. 1б].

Как уже отмечалось, танские власти не препятствовали возвращению восточных тюрок в степи к северу от Великой Китайской стены. Это вызвало неудовольствие сеяньто. Начались столкновения, переросшие в большую войну. 24 декабря 641 г. каган сеяньто Инань предпринял большой поход на юг, но уже через месяц, 24 января 642 г., потерпел сильное поражение от союзных войск тюрок и Танской империи и вынужден был ретироваться на север. В этом походе вместе с сеяньто участво-

вали уйгуры, тонра, боку и другие телеские племена. Начавшиеся переговоры о мире, основанном на установлении «дружбы и родства», продолжались более трех лет и закончились провалом. Этот промежуток был использован танским Китаем для накопления сил и подрыва союза сеяньто с уйгурами и другими телескими племенами.

После смерти кагана Инаня его сын Бачжо предпринял новый поход на юг и вновь потерпел поражение 25 декабря 645 г. В 646 г. война закончилась полным разгромом сеяньто. Значительная часть этого племени погибла, часть попала в плен, а остальные кочевники рассеялись [597а, гл. 2, с. 9а; 659, гл. 3, с. 7а—7б, гл. 68, с. 6б; 664, гл. 985, с. 11б, гл. 995, с. 12б]. По свидетельству «Цэфу юаньгуй», в отличие от отца каган Бачжо выступил без союзников; более того, уйгуры, боку, тонра воевали против сеяньто [370, с. 113, 114; 664, гл. 991, с. 10а]. Наряду с танскими войсками в борьбе с сеяньто активное участие принимали и восточные тюрки [136, т. 1, с. 340, 341; 597а, гл. 217Б, с. 4а—5б; 664, гл. 985, с. 12а, гл. 199Б, с. 2а]. Однако Танской державе не удалось добиться всех стоявших перед ней целей. Во всяком случае, после уничтожения сеяньтоского каганата к северу от пустыни Гоби стала оформляться и набирать силу новая коалиция телеских племен во главе с уйгурами.

В 647 г. большая танская армия, ударную силу которой составляли кочевники, вторглась на территорию Кучи. По сведениям «Цзютаншу», войском командовал представитель тюркского правящего рода Ашина Шер, который в 635 г. перешел на службу к Танскому государству. Под его началом состояло пять танских военачальников, а также более 100 тыс. всадников из 13 племен теле [597а, гл. 221А, с. 9а; 659, гл. 198, с. 4б]. Данные цифры, конечно, неточны, но это не имеет большого значения. Важно то, что успешный поход в Западный край был осуществлен с помощью тюркской конницы, рекрутировавшейся из представителей зависимых (восточные тюрки) и независимых (уйгуры) племен, союзников Танского государства.

Танские стратеги придавали очень большое значение победам, одержанным в Восточном Туркестане. В Кучу из Гаочана перевели резиденцию наместника Аньси. Однако вскоре все приобретения Танской империи в Западном крае были утрачены в результате восстания в конце 650 г. видного вождя западных тюрок Ашина Хэлу. Западнотюркский каганат ко второй четверти VII в. переживал очень трудное время. Борьба за престол переросла в тяжелую междоусобную войну между племенными союзами дулу и нушиби. В мае—июне 646 г. (по другим сообщениям — 2 марта 648 г.) из Западнотюркского каганата бежал Ашина Хэлу [659, гл. 40, с. 38, гл. 3, с. 11а; 672, с. 24, 26]. Танские власти очень высоко расценивали переход на их сторону Ашина Хэлу, и не только потому, что вместе с ним пришли его сторонники, составлявшие внушительную силу. Так, по данным «Цэфу юаньгуй», Ашина Хэлу привел несколь-

ко тысяч воинов [664, гл. 995, с. 12б, гл. 998, с. 7б]. Тюркский вождь стал первым крупным деятелем Западнотюркского каганата, перешедшим на службу к империи Тан. Этим объясняется и оказание ему при дворе почестей, и назначение на пост командующего крупной армейской группировкой. Все это показывает, что танские власти готовились к борьбе с Западнотюркским каганатом.

Одна из первых попыток поставить западных тюрок под свой контроль была предпринята Тайцзуном в 647 г., когда танские эмиссары с помощью карлуков пытались принудить кагана Чеби «прибыть ко двору». Чеби отказался от этой «чести», и в последовавшей затем стычке танские послы были убиты [597а, гл. 215А, с. 9б; 659, гл. 194А, с. 9а]. Это событие произошло незадолго до похода на Кучу, вскоре после которого император Тайцзун умер, и готовить нападение на кагана Чеби пришлось новому императору Гаоцзуну (650—683). В середине 650 г. полководец Гао Кань, посланный против западных тюрок во главе большой армии, состоявшей главным образом из телеских конных отрядов, нанес сильное поражение кагану Чеби и взял его в плен [597а, гл. 3, с. 1б; 664, гл. 986, с. 1а]. Этот успех (как и победоносные действия к югу от Тянь-Шаня) не получил своего развития из-за восстания Ашина Хэлу.

Выступление Ашина Хэлу началось вскоре после пленения кагана Чеби. На наш взгляд, между этими событиями существует прямая связь; другими словами, Ашина Хэлу нашел данный момент подходящим для новой попытки захватить власть в Западнотюркском каганате. Выступление началось в 12-м месяце 1-го года правления Юнхуэй (29.12.650—26.1.651) и на первых порах было очень успешным. В «Цзютаншу» говорится, что Ашина Хэлу сам назвался каганом и объединил все земли Западного края [659, гл. 4, с. 2б]. Борьба с Ашина Хэлу продолжалась долго, носила упорный характер, и только участие уйгурской конницы и отряда других кочевых племен на стороне Танского государства предопределило ее исход.

В китайских источниках довольно подробно описаны мероприятия танских властей в связи с организацией борьбы с Ашина Хэлу. Эта борьба преподносится как карательные акции против бунтовщика. Совершенно нет сведений о деятельности Ашина Хэлу как кагана Западнотюркского каганата. Он объединил все земли каганата, однако события второй половины VII—начала VIII в. позволяют высказать предположение, что не все враждебно настроенные к Танскому государству вожди поддержали Ашина Хэлу; они продолжали выжидать.

Военные действия на первом этапе развивались не так, как планировали в Чанъане. Танские военачальники увлеклись борьбой с отдельными небольшими племенами и городами; некоторые из них даже не были в союзе с Ашина Хэлу (так, например, была разгромлена согдийская торговая колония Даду) Такое промедление с решительными мерами для ликвидации

основного противника вызвало недовольство при дворе. Так, сановник Ло Хунъи в докладе императору советовал «прежде всего искоренять корень зла; нельзя сначала лечить ветви и листья». Последовавшая затем смена командующих войсками вторжения не привела к коренным изменениям военной обстановки. По-прежнему против Ашина Хэлу не вели решительных действий [136, т. 1, с. 289—292; 597а, гл. 215Б, с. 6а, 6б; 959, гл. 194Б, с. 4б—5б; 664, гл. 986, с. 4а, 4б]. Положение резко изменилось после назначения Су Динфана командующим всеми силами, брошенными против Ашина Хэлу. Су Динфан имел богатый опыт организации и проведения боевых действий против кочевников, он участвовал в 629—630 гг. в войне с Восточнотюркским каганатом. До назначения командующим он уже сражался с Ашина Хэлу в качестве командира передового отряда в армии Чэн Чжицзе.

Под командованием Су Динфана сосредоточились большие силы. Помимо регулярных частей центрального подчинения он получил в свое распоряжение силы и ресурсы яньжаньского наместничества [365, с. 129] во главе с наместником Жэнь Ясяном и его помощником Сяо Сые. Ему также был подчинен вождь ханьханьских тутук-уйгуров Пожун и два предводителя западных тюрок Ашина Мишэ и Ашина Бучжэнь. Наиболее подробно боевые действия этой армии изложены в жизнеописании Су Динфана [597, гл. 111, с. 4б, 5а, гл. 215Б, с. 5б—7а]. Су Динфан получил назначение 11 марта 657 г., и уже через год положение на театре военных действий коренным образом изменилось. В январе 658 г. Ашина Хэлу потерпел сокрушительное поражение в горах Борохоро (один из отрогов Тянь-Шаня в Восточном Туркестане) и бежал на запад. Вскоре мятежный вождь был захвачен в плен, отправлен в Чанъань, где и умер в 659 г. Китайские источники приводят разноречивые сведения о пленении Ашина Хэлу. В «Синьтаншу» говорится, что Ашина Хэлу с небольшой свитой бежал в княжество Шаш (Чач), затем был схвачен владетелем г. Сутрушана (Уструшана) и выдан преследователям [597а, гл. 111, с. 4б, 5а, гл. 215Б, с. 5б—7а; 788, с. 37]. В других источниках сообщается, что тюркского вождя настиг Сяо Сые — один или вместе с отрядом Ашина Ваньшуана [597а, гл. 215Б, с. 7а, гл. 111, с. 5а; 659, гл. 194В, с. 5б, гл. 83, с. 4е]. И лишь «Цзютаншу» указывает, что в поимке Ашина Хэлу участвовал только уйгурский вождь Пожун [659, гл. 195, с. 2б]. Противоречия здесь кажущиеся. Дело в том, что проникнуть так далеко на запад мог только конный отряд Пожуна. Кстати, о Пожуне говорится, что он командовал «различными рабами», другими словами, под его началом находились не только уйгуры, могли быть подчинены ему и западные тюрки во главе с Ашина Ваньшуаном [597а, гл. 111, с. 4б]. Что касается Сяо Сые, то, по-видимому, Пожун находился у него в подчинении, поэтому некоторые авторы и приписывают первому достижения уйгурского военачальника.

Успешное завершение кампании против Ашина Хэлу в 658 г. совершенно справедливо рассматривается исследователями как окончательный распад и гибель Западнотюркского каганата. Но когда отдельные авторы пишут, что при этом его территория была оккупирована танскими войсками и даже включена в состав Танской империи, то они грешат против истины. Впрочем, ликвидация тюркского государства стала выдающимся достижением танской дипломатии и военного искусства; после 658 г. по степям кочевали уже лишь разрозненные орды, зачастую враждовавшие друг с другом. Именно такую ситуацию в Центральной Азии всегда стремились создать политики Срединного государства. Другим важным результатом экспедиции Су Динфана явилось размещение танских гарнизонов в наиболее важных стратегических и торговых пунктах вдоль восточного участка Великого шелкового пути. Вся же остальная территория каганата оказалась в руках отдельных племен или небольших племенных объединений. Некоторые вожди активно сотрудничали с танскими захватчиками, другие лишь номинально признавали свою зависимость и занимали выжидательную позицию, третьи активно боролись против попыток дальнейшего расширения сферы влияния Танского государства. Иногда они выступали самостоятельно, но чаще блокировались с другими претендентами на господство над территориями бывшего Западнотюркского каганата. Такими претендентами были тибетцы, тюргеши и второй Восточнотюркский каганат. Таким образом, на развалинах Западнотюркского каганата развертывалась четырехсторонняя борьба за гегемонию.

В стремлении расширить и упрочить свою власть на землях бывшего Западнотюркского каганата танские стратеги решили прибегнуть к услугам представителей правящего рода Западнотюркского каганата Ашина, изъявивших желание служить Срединному государству. Основное внимание привлекали два вождя из этого рода — Ашина Мишэ и Ашина Бучжэнь, а позднее — их потомки. Оба деятеля участвовали в междоусобной войне в каганате и вынуждены были бежать в империю Тан. В Чанъане приютили беглецов, присвоили им высокие военные чины, поручили командовать отрядами в борьбе против соседей империи. Мишэ и Бучжэнь были смертельными врагами, что было гарантией покорности обоих танскому двору.

После пленения Хэлу танские правители, в соответствии с давней традицией, учредили «новое административное деление» бывшего Западнотюркского каганата и «создали» два наместничества для управления этими территориями. Поскольку танские войска заняли незначительную часть территории Восточнотюркского каганата, провозглашенные меры остались фиктивными. Почти одновременно были созданы два вассальных каганата, во главе которых встали танские марионетки Ашина Мишэ и Ашина Бучжэнь. Это обстоятельство свидетельствует о двойственном характере политики Танской империи в Запад-

ном крае. «Создание» наместничеств предназначалось для внутреннего потребления и должно было продемонстрировать населению Срединного государства величие и всемогущество Сына Неба. Создание же каганатов, адресованное местному населению, было призвано показать «незаинтересованность» Танского государства в территориальных приобретениях, повысить престиж своих вассалов из рода Ашина [368, с. 140].

Новоиспеченные каганы (одновременно наместники), а позднее и их наследники даже на непродолжительное время не смогли установить эффективного контроля над вверенными им территориями. Кочевники не хотели подчиняться ставленникам чанъаньского двора. Остановимся подробнее на маневрах танских властей вокруг своих марионеток, а также на судьбе представителей этой ветви рода Ашина. Ашина Мишэ и Ашина Бучжэнь были поставлены каганами марионеточных каганатов в 658 г., но уже в 662 г. танский полководец Су Хайчжэн, заманив в свой лагерь Мишэ, которого Бучжэнь ложно обвинил в измене, убил его и всю его свиту. В 667 г. умер и Бучжэнь. В течение нескольких лет посты каганов пустовали, подчиненные им степняки откочевали. В «Цзютаншу» по этом поводу говорится: «К моменту воцарения императрицы Цзэтянь (У-хоу, 684—690) десять племен уже в течение нескольких лет находились без вождей, и многие племена рассеялись» [659, гл. 194Б, с. 6б].

В начале правления императрицы У-хоу, по-видимому в 685 г., чанъаньские придворные вспомнили о сыновьях Мишэ и Бучжэня. Оба — Ашина Юаньцин и Ашина Хусэло — получили титул каганов. Однако вскоре после их выдвижения значительно усилились тюргеши, и два марионеточных кагана вынуждены были бежать в танскую столицу. Точная дата этого бегства неизвестна, но мы знаем, что уже в 692 г. Ашина Юаньцина обвинили в заговоре и казнили [597а, гл. 215Б, с. 7б; 659, гл. 194Б, с. 6б], а его сына Ашина Сяня сослали в современную пров. Гуандун. Заговор, в котором участвовал Ашина Юаньцин, был обычной дворцовой интригой, не связанной с делами кочевников.

В 703 г. Ашина Сяня возвратили из ссылки и поставили каганом. При этом он был назначен «уполномоченным по умиротворению и привлечению десяти племен, великим наместником в Бэйтине», а позднее — «генерал-губернатором территорий к западу от пустыни». Выдвижение Ашина Сяня в 703 г. было не случайным. К этому времени империя растеряла всех своих кочевых союзников, и танским властям пришлось вспомнить об опальном представителе рода Ашина. Ашина Сянь, несомненно, уже утратил какие-либо связи со своей родней и практически превратился в танского придворного. Даже его родовое имя Ашина подвергли сокращению и зачастую именовали Ши Сянем. Его деятельность не принесла никаких результатов, и Ашина Сянь вновь ретировался в Чанъань.

Примерно одновременно с возвышением Ашина Сяня, в 704 г. на политической арене появился сын Ашина Хусэло — Ашина Хуайдао. Никаких сведений о деятельности Хуайдао обнаружить не удалось. Последняя попытка использовать марионеток, по-видимому, связана с сыном Ашина Хуайдао, Ашина Сянем, которого в 739 г. объявили «каганом десяти племен». В сопровождении воинского отряда он был направлен на запад вместе с супругой, принадлежавшей к правившему в Китае дому Ли, и сыном. Их сопровождал воинский отряд. В районе Суяба Ашина Сяня захватил в плен и казнил тюргешский каган Багатархан. Жена и сын тюркского вождя вернулись в Чанъань.

Очень подробно деятельность танских политиков в связи с использованием ими вассальных тюркских каганов рассмотрена в статье «Марионетки из рода Ашина», опубликованной в 1984 г. [368, с. 138—155]. Тщательный анализ китайских источников показал, что Западнотюркский каганат был разрушен в 658 г. и больше не возрождался. Приводимые некоторыми авторами вехи существования возрожденного каганата — 704—740 гг.— это всего лишь даты выдвижения и гибели очередных танских марионеток. Танское государство, не имея возможности освоить территории бывшего Западнотюркского каганата, стремилось не допустить объединения этих земель под сильной властью. С этой целью и выдвигались марионетки из рода Ашина. Как только возникала опасность объединения Западного края под властью вождя, враждебного Танскому государству, как только усиливалось одно из племенных объединений в Центральной Азии (тюргеши, восточные тюрки), деятельность марионеток сразу активизировалась.

РАЗГРОМ ТАНСКИХ ВОЙСК В БИТВЕ НА р. ТАЛАС В 751 г.

В начале VIII в. арабские завоеватели вышли на подступы к Западному краю. В 712—713 гг. на территории Средней Азии произошло столкновение между арабами и правителем восточных тюрок Капаган-каганом (Мочжо). Первоначально действия Капаган-кагана были успешными, но вскоре восточные тюрки, которым помогали согдийцы, потерпели ряд серьезных неудач и были вынуждены ретироваться. Население Средней Азии оказывало арабам ожесточенное сопротивление, и борьба шла с переменным успехом. Наиболее сильным противником арабов был Тюргешский каганат. Убийство кагана Сулу в 738 г., после его возвращения в Семиречье из успешного похода в Мавераннахр, вызвало в каганате смуты [597а, гл. 251Б, с. 9б]. Этим воспользовались арабы, которые активизировали усилия для захвата Средней Азии.

Вторжение арабов в Мавераннахр и их военные успехи толкнули местных правителей на поиски сильных союзников в

борьбе с захватчиками. Некоторые из них рассматривали в качестве такого союзника империю Тан. Последовавшие за этим контакты интерпретировались танскими дипломатами как изъявление покорности. Именно так было расценено в 642 г. обращение изгнанного из Ирана последнего сасанидского шаха Ирана Йездегерда III (632—651). Тайцзун отказал в помощи, ссылаясь на дальность расстояния. Сын Йездегерда III Пероз также возлагал большие надежды на государство Тан, пытаясь добиться помощи, ездил в Чанъань, но реальной поддержки не получил [788, с. 257—258]. Между тем танское правительство считало, что обстановка на рубежах Восточного Туркестана, сложившаяся к середине VIII в., весьма благоприятна для нового вмешательства в дела народов Западного края. В 748 г на запад была отправлена большая разноплеменная армия под командованием Гао Сяньчжи, корейца по происхождению.

Формальным поводом послужило приглашение ферганского князя помочь в борьбе с князем Шаша. Гао Сяньчжи в 750 г., в союзе с ферганскими отрядами, взял Шаш, разгромил его, захватив там богатую добычу (верблюды, кони, золото, ляпислазурь). Местный правитель был казнен, а его сын обратился за помощью к арабам. В 751 г. 30-тысячное войско Гао Сяньчжи (он, очевидно, отошел к границам Восточного Туркестана) вступило в бой с арабами близ р. Талас. На пятый день битвы восстали входившие в состав китайской армии карлуки, и китайцы попали в западню, оказавшись между арабским войском и карлукскими отрядами. В результате армия Гао Сяньчжи была полностью разгромлена и бежала, причем китайский полководец еле спасся [549, с. 65, 305; 788, с. 142—143, 297—298].

Это событие весьма подробно (с некоторыми вариациями) описывается в арабских источниках, которые собраны и детально исследованы О. Г Большаковым. Так, историк Ибн ал-Асир сообщает, что ферганский ихшид попросил помощи у китайского императора против князя Шаша. Китайский император прислал стотысячное войско. Результатом осады Шаша был захват этого города и пленение шашского правителя. Об этом узнал арабский наместник и направил арабское войско под руководством Зийада бен Салиха. Сражение произошло на р. Тараза (Талас) в месяце зу-л-хиджжа 133 г. хиджры (30 июня—29 июля 751 г.). Потери китайцев составили 50 тыс. убитыми и около 20 тыс. пленными.

Другой автор, ал-Макдиси, писал, что Зийад бен Салих завоевывал Мавераннахр, пока не достиг Тараза и Атлаха. В медине Тараза был поставлен арабский гарнизон. «Тогда обеспокоились китайцы, их пришло больше ста тысяч, и осадили они» арабский гарнизон, которым руководил Саид бен Хумайда. Из Самарканда ему было направлено ополчение добровольцев и рабочие, очевидно, для строительства метательных машин, ведения подкопов и т. д. Саид бен Хумайда «несколько раз всту-

пал с ними [китайцами] в сражение, из них было убито 45 тысяч, взято в плен 25 тысяч, остальные бежали, мусульмане овладели их лагерем». Как полагает О. Г Большаков, очевидно, у Ибн ал-Асира и ал-Макдиси дано описание различных эпизодов одного и того же события. Сначала китайцы осадили Тараз и борьбу с ними вел Саид бен Хумайда. Затем прибыло большое арабское войско под руководством Зийад бен Салиха. Пленные ремесленники из вспомогательных частей китайского войска были поселены в Самарканде, что способствовало дальнейшему развитию бумагоделательного производства. Китайские ремесленники, захваченные в этой битве, попали даже в Месопотамию [138, с. 132—135].

Битва на р. Талас — одно из важнейших событий в истории Центральной Азии. Раз и навсегда был положен конец попыткам танского Китая создать свои форпосты в Средней Азии. То, что с большой простотой и легкостью удавалось деятелям танского Китая на бумаге (введение китайского административного деления), не соответствовало фактическому положению и реальному соотношению сил. Вместе с тем эта битва явилась поворотным моментом и в попытках танского Китая закрепиться в Восточном Туркестане — в дальнейшем сфера влияния Чанъаня в Западном крае все сокращалась, пока не исчезла полностью.

Этот процесс значительно ускорился в 755 г., когда на севере Срединного государства разразился мятеж Ань Лушаня и Ши Сымина (755—763), до основания потрясший империю. Можно утверждать, что в это время были ликвидированы последние остатки военного и политического влияния Танского государства в Центральной Азии. В Восточном Туркестане сохранились лишь два гарнизона в Аньси (Куча) и Бэйтине (Бешбалык), лишенные связей с метрополией. В период наивысшего расширения танского влияния в Восточном Туркестане эти города были важнейшими центрами, из которых осуществлялось руководство различными мероприятиями имперской политики [365, с. 9, 10, 199, 303]. Порой сравнительно непродолжительное существование этих гарнизонов после разрыва контактов с метрополией рассматривается как сохранение здесь власти Танской империи. Такое мнение, на наш взгляд, ошибочно. В то время Тибет оказывал сильный нажим на Уйгурский каганат; время от времени происходили вооруженные столкновения. Оба танских гарнизона перешли под уйгурский протекторат и стали заслоном против тибетского натиска. Когда в 787 г. уйгурский каганат потерпел серьезное поражение, то гарнизоны в Куче и Бешбалыке были ликвидированы тибетцами [816, с. 83—104].

Таким образом, упорная борьба народов Западного края за свою независимость, агрессивные поползновения других соседних государств (Тибет, Уйгурский каганат), существенно ослаблявшие усилия империи Тан в попытках упрочить свое влияние, привели к тому, что Срединное государство потеряло свои по-

зиции на Великом шелковом пути. Наступил почти тысячелетний период, в течение которого государства Восточного Туркестана развивались без всякого вмешательства в их внутренние дела со стороны Срединного государства.

ПОЛИТИКА ТИБЕТА В ЗАПАДНОМ КРАЕ

Процесс объединения Тибета завершился во время правления цэнпо (царя) Сонгцэн-гампо (629—649). Уже при этом цэнпо определились основные цели внешней экспансии нового централизованного государства — район оз. Кукунор, нынешняя пров. Юньнань, Кашмир; развертывалась тибетская экспансия также и в южном направлении. Первый серьезный конфликт Тибета с Танским государством произошел в связи с войной тибетцев против тогонов, но в 641 г. был заключен мир на условиях «мира и родства» [137, с. 35—43]. Однако начавшиеся вскоре пограничные столкновения переросли в затяжные войны между Тибетом и Танской империей, продолжавшиеся с перерывами до IX в. Исход этих войн в целом был благоприятен для Тибета, которому удалось значительно расширить свою территорию как на востоке, так и на севере.

В 663 г. тибетцы начали войну против Тогона, которая очень быстро закончилась полной победой и оккупацией этого княжества в Западном крае. Почти одновременно тибетцы заняли 12 округов, населенных цянами. Такие успехи Тибета вызвали замешательство при чанъаньском дворе. Дело в том, что после захвата района оз. Кукунор тибетцы оказались по соседству с важнейшими торговыми путями, проходившими через Ганьсуский коридор. Командовать пограничными гарнизонами был назначен Су Динфан, прославившийся в годы войны против Ашина Хэлу; однако этот полководец не добился успеха, так как основные и наиболее боеспособные силы империи Тан в то время были заняты в Корее. Бурные дебаты при императорском дворе также не привели к выработке плана, сулящего успех в борьбе с Тибетом [135, с. 135—138; 597а, гл. 216А, с. 3б].

Продолжая наступление, тибетцы нанесли основной удар по оазисным государствам Западного края, прежде всего по танским крепостям вдоль Великого шелкового пути. Как сообщает «Синьтаншу», в 1-м году правления Сяньхэн (27 марта 670—14 февраля 671 г.) вторглись тибетские войска и захватили 18 округов *цзими* [2], затем в союзе с Хотаном взяли крепости Кучу и Бохуань. В результате этой кампании тибетцы ликвидировали все четыре важнейших танских гарнизона [135, с. 138;

---

[2] Округа цзими (округа подавления), создавались на «варварских» территориях [365, с. 149].

597а, гл. 216А, с. 4а][3]. Другими словами, вся Кашгария оказалась под контролем Тибетского государства.

Такое развитие событий ставило под удар все достижения танской экспансионистской политики в Западном крае, так как, выйдя на границы нынешней Джунгарии, тибетцы могли угрожать последним линиям связи Танского государства с Западом. Этого император Гаоцзун и его советники допустить не могли.

Война за Кашгарию продолжалась до 692 г., когда Танскому государству удалось, мобилизовав все силы, восстановить статус-кво, оставить в Западном крае четыре важнейших гарнизона и вновь учредить наместничество Аньси (в Куче). Китайские источники очень скупо сообщают об этой победе, и нам трудно составить представление о составе войск, участвовавших в походе против тибетцев. Известно, что в это время некоторые крупные цянские племена стали переходить на сторону Танской империи. Наряду с командующим экспедиционным корпусом Ван Сяоцзе упоминается и тюргешский вождь Ашина Чжунцзе, однако неясно, были ли под его командованием тюргешские отряды. В 70-х годах VII в. отряды танских войск проникли в Семиречье [284, с. 114; 788, с. 75—77, 114, 123, 281, 308]. Однако танским военачальникам не удалось закрепиться в этом районе, который они вынуждены были эвакуировать в начале VIII в.

Победа танских войск не положила конец тибето-китайской войне; боевые действия продолжались с переменным успехом до 699 г., когда в результате переворота в Тибете был отстранен от власти клан Гар [137, с. 47—51]. Внутренние неурядицы в Тибете серьезно ослабили военную мощь страны, и танским войскам удалось нанести тибетцам ряд серьезных поражений. Тибетские правители стали проявлять желание заключить мир, к миру стремилось и Танское государство, уставшее от изнурительных войн. В 705 г., после длительной междоусобицы на тибетский престол вступил новый цэнпо Тидэцуктэн (705—755). Постепенно положение в стране стабилизировалось, и тибетцы

[3] Н. Я. Бичурин в «Истории Тибета и Хухунора» пишет: «Незадолго перед сим (662 г.) покорились Туфани десять колен Западных Тулгасцев», т. е. западных тюрков. Труд Н. Я. Бичурина представляет собой перевод известий о тибетцах из династийных хроник и «Тунцзянь ганму», сведенных в хронологическом порядке. Приведенная выше фраза ближе всего к тексту «Синьтаншу» [597а, гл. 216А, с. 4а], однако прямая ссылка на источник отсутствует, как и повсюду в «Истории Тибета и Хухунора», что весьма затрудняет его использование исследователями. Информация, содержащаяся в анализируемой фразе Н. Я. Бичурина, не соответствует действительности, поскольку в 60-х годах VII в. не существовало объединения западных тюрок, включавшего все 10 тюркских племен. Все же какие-то контакты между западными тюрками и тибетцами в то время были. Так, в 662 г. по доносу Ашина Бучжэня был казнен Ашина Мишэ, и это произошло перед походом на юг против тибетцев, в котором должны были участвовать оба марионеточных кагана. Вполне возможно, что Ашина Мишэ сносился с тибетцами и готовился перейти на их сторону. Сами тибетцы отрицали существование у Мишэ намерений изменить и обвинили Су Хайчжэна в бессмысленных убийствах [659, гл. 194Б, с. 6б].

получили возможность возобновить борьбу за гегемонию в Восточном Туркестане.

Интересно отметить, что в своих попытках проникнуть в Западный край тибетские правители, как и танские императоры, пытались опереться на влиятельный тюркский род Ашина. Так, в 693 г. тибетцы поддержали Ашина Туйцзы (сын казненного в Чанъане марионеточного кагана Ашина Юаньцина), который провозгласил себя каганом и выступил против танских войск. В 694 г. объединенные войска тибетцев и Ашина Туйцзы потерпели поражение от танского главнокомандующего Ван Сяоцзе [788, с. 184, 281]. В китайских источниках кратко упомянуты еще два марионеточных кагана — Ашина Пуло и [Ашина?] Бабу, — выдвинутых Тибетом, однако никаких других сведений об их деятельности у нас нет [368, с. 150—152].

Тибетские хроники содержат некоторые данные о событиях последней четверти VII и рубежа VII—VIII вв. в Drugu yul «Стране тюрок» [4]. Сообщается, в частности, о походах тибетского войска во главе с высокопоставленными сановниками на север. Иногда — в 676—677 и в 687—689 гг. — такие походы продолжались два-три года. Сообщается также, что зимой 694—695 гг. и зимой 699—700 гг. Ton yabgo khagan (т. е. каган Тон-ябгу) «засвидетельствовал свое уважение [царю Тибета]», а затем, летом 700 г. Тон-ябгу-каган был послан в Drugu yul.

В начале VIII в. цэнпо Тидэцуктэн Мэакцом заключил военный союз с арабами, и уже в 715 г. союзники организовали совместное вторжение в Фергану. В 717 г. тибетцы захватили Аксу и Учтурфан, в 722 г. с территории Восточного Туркестана напали на Гилгит, но потерпели поражение. Очень упорная борьба велась на восточных и северо-восточных границах Тибета с Танским государством за земли цянов и маней. Боевые действия перемежались дипломатическими контактами, затем начались серьезные переговоры, закончившиеся в 730 г. заключением договора о мире. По этому договору, границей между двумя государствами был определен хребет Чилин [5], и на его вершинах поставлены стелы с текстом договора [135, с. 157—160; 137, с. 54—55].

Мирный договор с Китаем стал крупным успехом тибетской дипломатии. Обеспечив спокойствие на восточных границах, Тибет смог еще более расширить свою экспансию в Восточном Туркестане. Дальнейшее развитие событий показало, что тан-

---

[4] Высказывались различные точки зрения относительно значения топонима Drugu yul. Сейчас более распространено мнение, что он относится к стране западных тюрок в целом, иногда даже включая Северо-Западную Индию. Л. Петеч убедительно обосновал гипотезу, согласно которой каган Тон-ябгу идентичен Ашина Туйцзы. После 700 г. Ашина Туйцзы на короткое время захватил власть в Паханна (Фергана). На этом основании Л. Петеч сделал вывод, что в тибетском сообщении 700 г. под Drugu yul имелась в виду именно Фергана [1143, с. 281; *Б. Л.*].

[5] Хребет Чилин находится в восточной части современной пров. Цинхай, к западу от Синина.

ское правительство фактически отказалось от вмешательства в дела Западного края и сопредельных стран, оставило без помощи своих номинальных союзников, например Гилгит, который был захвачен тибетцами в 737 г. В том же году, однако, военные действия между Китаем и Тибетом возобновились в районе оз. Кукунор, что, вероятно, было ответом Танской державы на агрессию Тибета в Кашмире. Война продолжалась с небольшими перерывами до 783 г., когда был заключен новый мирный договор.

Наибольшее развитие внешняя экспансия Тибета получила при следующем цэнпо — Тисонгдэцэне (755—797). Его продолжительное царствование является периодом наивысшего расцвета тибетского государства, расширения и укрепления его внешнеполитического влияния. Успешная внешняя политика Тибета объясняется не только стабильностью внутри страны и ростом военного могущества, но также значительным ослаблением его основного противника — Танской империи и городов-государств Западного края. В 717 и 729 гг., по сведениям китайских хроник, тибетцы вместе с тюргешами предпринимали походы в бассейн Тарима [788, с. 81—82, 284, 291] и атаковали четыре танских гарнизона. По-видимому, в эту область были направлены и тибетские военные экспедиции 729—730 гг. и 736 г., о которых сообщают тибетские летописи [1143, с. 284].

Война Тибета с Танской империей в 737—783 гг. в целом была успешна для Тисонгдэцэна. К 766 г. тибетцам удалось захватить почти всю современную пров. Ганьсу, а также значительную часть пров. Сычуань. В 780 г. начались мирные переговоры, которые завершились в 783 г. заключением нового мирного договора. Этот договор, как и договор 730 г., был выгоден только Тибету, развязав ему руки для расширения экспансии в Восточном Туркестане. В 787 г. тибетцы овладели гарнизонами Аньси и Бэйтин, а к 791 г. почти весь Западный край оказался под властью Тибета [817; 1001]. Однако это был последний крупный успех тибетцев.

В начале IX в. внутриполитическое положение тибетского государства резко ухудшилось, значительно возросло влияние крупнейших аристократических родов, одновременно ослабела центральная власть. В сложившейся обстановке цэнпо был вынужден лавировать, идти на компромиссы, предоставлять различные права и привилегии тем или иным группам аристократов. Борьба за власть самым пагубным образом сказывалась на военном могуществе государства. Ослабление Тибета, однако, не разрушило его территориальную целостность, более того, в первой половине IX в. не произошло значительных изменений в территориальном размежевании Восточного Туркестана. Это объясняется тем, что одновременно с падением мощи Тибета, аналогичный процесс обострился и в Танской империи, Уйгурском каганате [137, с. 68—69; 371, с 20].

Первым серьезным толчком, нарушившим статус-кво, стала

перекочевка населения восточной части Уйгурского каганата, вызванная разгромом каганата кыргызами. В 840 г. значительная часть уйгуров бежала с родных кочевий на юг и юго-восток. Они переселились в основном в район Ордоса и Наньшаня, а также в окрестности Кучи. Два последних района входили в состав тибетского государства. Район Турфанской котловины был занят токуз-огузскими племенами в 866 г. Эти племена кочевали на западных землях рухнувшего Уйгурского каганата, и их переселение не было связано с кыргызским нашествием. Надо отметить, что перекочевки уйгуров и других токуз-огузских племен происходили сравнительно мирно, в источниках нет сообщений о крупных военных столкновениях. Это может свидетельствовать только о том, что власть тибетцев настолько ослабла, что достаточно было самого незначительного толчка, чтобы она пала [367; 371, с. 41, 121, 172; 373, с. 65—82]. Постепенно тибетское государство распалось на ряд независимых владений. В тех районах, где имелось значительное тибетское население, возникли самостоятельные тибетские княжества (в районе оз. Кукунор и в районе Лянчжоу, на востоке современной пров. Ганьсу). Тибетское княжество в Лянчжоу в источниках и в научной литературе, как правило, именуется Силянфу. Из тех же районов, где коренное население удерживалось в повиновении с помощью тибетских гарнизонов, тибетцы были вынуждены уйти. Таким образом, к концу IX в. на территории Восточного Туркестана сформировалось несколько сравнительно крупных государственных образований и ряд мелких княжеств. К числу наиболее крупных следует отнести уйгурское Турфанское княжество и зарождающееся Караханидское государство; среди более мелких упомянем уйгурское Ганьчжоуское княжество, ряд городов-государств Западного края и тибетское княжество в районе оз. Кукунор.

ОБСТАНОВКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.

К середине IX в. на просторах Центральной и Восточной Азии произошли значительные изменения, вызванные ослаблением или гибелью одних государственных образований и возникновением других. Танская империя в результате грандиозного мятежа Ань Лушаня и Ши Сымина (755—763) лишилась всех своих позиций в Восточном Туркестане, приобретенных с таким трудом в VII в. В стране шла непрерывная борьба за власть и влияние между могущественными генерал-губернаторами (*цзедуши*). При этом они мало считались с центральной властью и часто вступали с нею в борьбу. Императоры, не имея в своем распоряжении достаточно сил, были вынуждены лавировать и идти на уступки. Наиболее крупные соседи Китая — Тибет, Уйгурский каганат — к середине IX в. нанесли им-

перии серьезные поражения, а также отторгли от Танской державы значительные территории. Не будучи в состоянии сдержать напор этих государств, правители Танской империи были вынуждены выплачивать им громадные контрибуции. Упадок Танского государства оказался необратимым.

К середине IX в. положение на северных и западных границах танского Китая стабилизировалось. Однако эта стабилизация была достигнута лишь в результате ослабления основного противника Танского государства — Тибета — и гибели Уйгурского каганата. Тангутские и киданьские племена, кочевавшие в районе Ордоса и в верховьях Лалинхэ (южные отроги Большого Хингана), переживали период борьбы за объединение. Этот процесс наибольшее развитие получил среди киданей, которые к первой половине IX в. сумели объединиться в довольно крупный союз племен, причем их вождь принял титул кагана. Государство киданей Ляо (907—1125) и тангутское государство Западное Ся (982—1227) превратились в серьезную силу, способную не только противостоять агрессивным поползновениям своего южного соседа, но и наносить ему чувствительные ответные удары.

Токуз-огузы, бежавшие с территории рухнувшего Уйгурского каганата, создали в Западном крае независимые княжества. Наиболее влиятельным из них было Ганьчжоуское княжество в предгорьях Наньшаня.

Уйгурское Ганьчжоуское княжество

Первоначальные этапы проникновения уйгуров в Приньшанье, их взаимоотношения с тибетцами, господствовавшими в то время здесь, очень плохо отражены в источниках. После распада тибетского государства в предгорьях сложилась очень неспокойная обстановка. За гегемонию здесь боролись *умо* (освободившиеся от тибетской зависимости данники), уйгуры, а также владетели городов-крепостей, расположенных вдоль отрезка Великого шелкового пути. Тщательный анализ немногочисленных имеющихся текстов дает возможность предположить, что к началу X в. уйгуры одержали победу над своими противниками, объединились и создали свое государство. Условной датой образования уйгурского Ганьчжоуского княжества считается 902 г. [367, с. 29—35]. Ганьчжоуское княжество, довольно обширное по территории, простиралось вдоль северных склонов Наньшаня, столицей его была крепость Ганьчжоу (в районе современного уездного города Чжанъе). Уйгурское название этой крепости нам неизвестно. На западе княжество граничило с Дуньхуаном и включало современный уезд Цзюцюань (Сучжоу), на востоке его пределы доходили до современного уезда Лянчжоу, где был тогда центр тибетского княжества Силянфу, на юге — до тибетских княжеств вокруг оз. Кукунор. Таким

образом, под контролем уйгурского Ганьчжоуского княжества находился важнейший участок одной из наиболее удобных транспортных артерий, связывающих Восток и Запад. За обладание торговыми путями, ведущими на Восток через Восточный Туркестан, всегда велась ожесточенная борьба, и существование в Приньшанье в течение 125 лет очень слабого в военном отношении независимого Ганьчжоуского княжества можно объяснить только слабостью его соседей.

Ганьчжоуское княжество не граничило со Срединным государством, где в первой половине X в. шла ожесточенная борьба за власть между различными соперничавшими группировками. Страна была разделена на многочисленные независимые владения; во главе многих владений стояли представители влиятельных фамилий, претендовавшие на власть над всем Китаем. Уйгуры Ганьчжоу стремились поддерживать мирные отношения с китайскими государствами периода Пяти династий. Положение не изменилось и после того, как весь Китай был объединен под властью династии Сун.

Совершенно иное положение сложилось на северных и северо-восточных границах Ганьчжоуского княжества. Здесь на обширных степных пространствах кочевали различные племена, среди которых наиболее многочисленными были тангуты. Тангутские племена постоянно совершали набеги, грабили уйгурские посольские и торговые караваны. Так продолжалось до объединения тангутов и создания ими собственного государства. Это произошло в 982 г., когда вождь тангутов Тоба Цзицянь (982—1004) начал борьбу с Сунской империей. Независимое Тангутское государство сразу же заявило претензии на земли уйгурского Ганьчжоуского княжества и восточнотибетских государств. Эпизодические набеги отдельных тангутских племен сменились затяжными уйгуро-тангутскими войнами, которые завершились гибелью уйгурского государства [321, с. 146—153; 324, с. 48—50; 371, с. 57—70; 1040, с. 81—89].

После основания Западного Ся изменились и мотивы тибето-тангутского и уйгуро-тангутского противоборства. Его целью с тех пор стало установление контроля над плодородными приньшаньскими землями и над восточным участком Великого шелкового пути. При этом естественным союзником ганьчжоуских уйгуров и восточных тибетцев стала Сунская империя. Однако в распоряжении исследователей нет каких-либо сообщений источников о реальной помощи Ганьчжоускому княжеству или княжеству Силянфу со стороны Сунского государва. Уйгуры и восточные тибетцы фактически один на один воевали с более сильным и многочисленным противником — Тангутским государством. Сунский же двор лишь «поощрял» уйгурских и тибетских князей императорскими рескриптами и богатыми подарками.

Уйгуро-тангутские войны продолжались с конца X в. до 1028 г. Как явствует из сравнительно немногочисленных сооб-

щений источников, все упомянутые в них походы тангутов закончились поражением агрессоров. Несколько неудачных нападений на уйгурское Ганьчжоуское княжество совершили и кидани (1008, 1009, 1026 гг.); в 1026 г. союзником киданей были тангуты.

Таким образом, война уйгуров с тангутами развивалась как будто успешно, и поэтому катастрофическое поражение Ганьчжоуского княжества в 1028 г. выглядит неожиданным, не вытекающим из общего развития событий. Возможно, многолетняя борьба настолько ослабила уйгуров, что у них не осталось сил сдержать новый натиск врага. Что же касается сообщений сунских историографов, то, по-видимому, успехи уйгуров сильно преувеличены, поскольку именно такой исход тангуто-уйгурских конфликтов в наибольшей степени отвечал бы интересам Сунского государства.

Дальнейшая судьба уйгуров Принаньшанья весьма плохо освещена источниками. Значительная часть уйгуров бежала на юг, через горы, к тибетцам Кукунора, с которыми они поддерживали дружеские отношения и вместе оказывали сопротивление тангутам. Там уйгуры подверглись ассимиляции тибетцами. Возможно, часть уйгуров бежала в район Дуньхуана, а после оккупации Дуньхуана тангутами — еще дальше на Запад. Некоторые уйгурские кланы укрылись в горных долинах Наньшаня. Что касается плодородных предгорий Принаньшанья, то они, несомненно, были заняты тангутами, а местное уйгурское население было уничтожено или изгнано [324, с. 51; 371, с. 74—77].

Как отмечалось, уйгурское Ганьчжоуское княжество контролировало довольно большой участок Великого шелкового пути. Интенсивность торговли и ассортимент товаров во многом зависели от политической ситуации на территориях, через которые проходил этот торговый тракт. Между тем обстановка в Восточной Азии в X—XI вв. была очень сложной. Период политической смуты в первой половине X в. (Пять династий) завершился объединением Китая в рамках империи Сун, которая, однако, сразу же втянулась в продолжительные войны с воинственными северными соседями—киданями, тангутами, а позднее — чжурчжэнями. Такое развитие событий как будто должно было вызвать застой в торговле, тем более международной, в действительности же этого не произошло. Уйгурское Ганьчжоуское княжество вело оживленную торговлю с государствами периода Пяти династий, а позднее и с Сунской империей. Китайские источники, относящиеся к этому периоду, позволяют установить, в чьих руках находилась международная торговля в этом регионе в X—XIII вв. Значительная часть послов и купцов (около 30%) носила тогда согдийские имена, остальные имена были тюркскими. Конечно, среди многочисленных «послов», зарегистрированных источниками, были и самые настоящие послы, выполнявшие дипломатические поручения каганов Ганьчжоуского княжества, следовательно, они бы-

ли тюрками (уйгурами). Таким образом, доля согдийских имен в общем количестве имен, упомянутых в источниках, была еще выше. Весомее была соответственно и роль согдийского купечества в международной торговле [371, с. 240—251].

Как следует из китайских хроник, согдийцы, занятые транзитной торговлей, жили в уйгурском Ганьчжоуском княжестве и были объединены в особые корпорации. Согдийские колонии в Западном крае существовали с первых веков новой эры; численность их возросла после арабского завоевания Средней Азии благодаря эмиграции согдийцев, не желавших принимать ислам. К числу транзитных товаров западного происхождения относится хотанский нефрит, персидские драгоценные ткани, хлопчатобумажные ткани из Средней Азии, янтарь, лошади, верблюды [371, с. 234—236].

Остается неясным, как был организован этот транзит. Быть может, хотанские купцы привозили нефрит в Срединное государство и хронисты ошибочно регистрировали их как «послов» (купцов), прибывших из уйгурского Ганьчжоуского княжества? Возможно, товар передавался ганьчжоуским купцам, которые везли его в Китай. Нам представляется, что второй вариант более правдоподобен, так как, пользуясь выгодами своего положения, уйгурская правящая верхушка должна была стремиться к сохранению монополии своих купцов.

Уйгуры в низовьях р. Эдзин-гол

Группу токуз-огузов, жившую в низовьях Эдзин-гола, китайские источники именуют хэлочуаньскими уйгурами. Они не были непосредственно связаны с ганьчжоускими уйгурами, хотя и кочевали сравнительно недалеко от них. В китайских источниках имеется всего шесть текстов, касающихся этой орды. Они охватывают период почти в 150 лет, но распределены неравномерно: 842 г. (?) — три текста, 875 г. (?) — один текст, 981 и 988 гг. — два текста. Можно констатировать, что источники содержат отдельные случайные записи, которые недостаточно четки и позволяют высказывать различные, порой противоречивые точки зрения.

Изучение этих текстов, а также общей обстановки в соседних районах дает возможность составить следующую картину развития событий в низовьях р. Эдзин-гол. Территория данного оазиса входила в состав Уйгурского каганата, и здесь проживала значительная группа уйгуров. После гибели каганата уйгурское население должно было возрасти благодаря притоку беженцев. Вскоре кыргызы проникли и в этот район и изгнали уйгуров. Однако кыргызы господствовали в низовьях Эдзин-гола недолго, и, по-видимому, около 875 г. они были вынуждены уйти, что дало возможность уйгурам вновь занять оазис. Сто лет спустя их здесь обнаружил Ван Яньдэ. Начиная с

875 г. и до оккупации низовьев Эдзин-гола тангутами — это произошло вскоре после гибели уйгурского Ганьчжоуского княжества, но не позже 1037 г. — местные уйгуры, по-видимому, пользовались независимостью [371, с. 101—115].

Уйгуры в западных районах Принаньшанья

В состав Ганьчжоуского княжества никогда не входили западные районы современной пров. Ганьсу — Дуньхуан и Гуачжоу. Однако ряд китайских источников свидетельствует о том, что и в этих районах жили уйгуры, поддерживавшие дружественные отношения с Ганьчжоу. Город-государство Дуньхуан с начала X в. и до оккупации Принаньшанья тангутами в 1028—1036 гг. находился под властью выходцев из Согда. Соседний с ним Гуачжоу (примерно в 100 км к северо-востоку от Дуньхуана) подчинялся дуньхуанским князьям. Правителями этого города назначались сыновья или младшие братья дуньхуанского владетеля.

Дуньхуан

К середине IX в. Принаньшанье освободилось от тибетской оккупации. Власть на местах захватили вожди различных племен, а в городах — представители наиболее влиятельных и богатых слоев оседлого населения. В важнейшем религиозном и торговом центре — Дуньхуане (Шачжоу) власть попала в руки влиятельного ханьского клана Чжан. Здесь фактически образовалось независимое княжество. Потомки Чжан Ичао, основателя этого княжества, правили в Дуньхуане с небольшим перерывом до начала X в.

В конце IX в. в княжестве разразилась длительная междоусобица, которая завершилась победой правящего клана. Один из его представителей, Чжан Чэнфэн, вновь стал дуньхуанским князем. В 905 г. он присвоил себе титул «Сын Неба, облаченный в белое», а свое государство назвал «Государство Золотых гор Западная Хань». Чжан Чэнфэн, вероятно, рассчитывал подчинить Дуньхуану Ганьчжоуское княжество, а также Хами и Турфан. В ответ уйгуры Ганьчжоу и начали войну против Дуньхуана. Военные действия развивались неблагоприятно для Чжан Чэнфэна, причем его поражение было ускорено выступлением выходцев из Согда, издавна проживавших в Дуньхуане. При поддержке Ганьчжоу согдийцы свергли династию Чжан и установили свое господство в Дуньхуане и Гуачжоу. К власти пришла династия Цао, предки которой переселились в этот район из Мавераннахра.

Вскоре после прихода к власти в Дуньхуане новой династии положение в этом районе Принаньшанья стабилизировалось.

Китайские источники позволяют утверждать, что отношения нового дуньхуанского режима с уйгурами Ганьчжоу были дружественными. Ганьчжоуское княжество в военном отношении, несомненно, значительно превосходило Дуньхуан, но уйгуры не пытались включить княжество в состав своего государства. Это можно объяснить не только сильным влиянием выходцев из Согда в самом уйгурском Ганьчжоуском княжестве, но и выдающейся ролью Дуньхуана как крупнейшего религиозного буддийского центра, простиравшего свое влияние на необозримые пространства Восточной и Центральной Азии. Исходя из данных китайских источников, можно говорить только об определенной степени зависимости Дуньхуана от Ганьчжоу [371, с. 215—223].

После захвата Принаньшанья тангутами Дуньхуан вошел в состав государства Западное Ся. Нам практически ничего не известно о судьбе согдийцев под властью тангутов. Только отдельные косвенные сообщения позволяют предполагать, что они сохранили свои позиции в торговле. Вместе с тем китайские хроники свидетельствуют о существовании в Тангутском государстве после 1036 г. довольно значительных организованных колоний уйгуров, посылавших якобы «посольства» в Кайфэн [695, с. 332]. По-видимому, *хуэйху* китайских летописей в данном случае нельзя отождествлять с уйгурами. Ведь тангуто-уйгурская вражда не прекратилась и после уничтожения Ганьчжоуского княжества. Уйгуры воевали с тангутами на стороне тибетцев Кукунора, уйгурские наемные отряды были в войсках Сунской империи. Имеются сообщения о нападениях неких уйгуров с запада на Тангутское государство. К тому же судьба собственно уйгуров Принаньшанья в целом известна и не вызывает сомнений. В силу всего сказанного выше, на наш взгляд, невероятно сохранение в Западном Ся сплоченной уйгурской колонии, обменивавшейся будто бы «посольствами» с соседними странами.

Между тем, как отмечают многие авторы, Тангутское государство вело торговлю с Сунской империей, с киданями, а позднее — с чжурчжэнями [324, с. 50, 64, 68, 104]. Для этого требовались купцы, располагавшие давними связями с различными странами. Такими специалистами в этом районе могли быть только выходцы из Согда, чьи колонии тангуты сохранили и использовали для организации внешней торговли. Их-то, по-видимому, китайские хронисты именовали хуэйху. Действительно, в средние века этноним хуэйху (уйгур) употреблялся чрезвычайно широко. Так именовали не только все родственные уйгурам племена, входившие в состав Уйгурского каганата, но и согдийцев, а позднее — мусульман Восточного Туркестана. Можно констатировать, что и после занятия Принаньшанья тангутами китайские хронисты продолжали именовать согдийцев уйгурами и только эти «уйгуры» могли отправлять «посольства», а точнее, торговые караваны в соседние страны [371, с. 223, 254].

Турфанское княжество

Положение в Турфанском оазисе, а также в северных предгорьях Восточного Тянь-Шаня накануне занятия их токуз-огузскими племенами пока не может быть восстановлено с достаточной ясностью. Известно, что Тибет и Уйгурский каганат вели длительные и кровопролитные войны за обладание этим ключевым районом на Великом шелковом пути [817, с. 83—104]. В 790—791 гг. Тибет при поддержке коренного населения добился больших успехов в борьбе с уйгурами и поставил под свой контроль восточнотуркестанские оазисы.

Уйгурский каганат предпринял несколько попыток вернуть стратегически важный район Бешбалыка. К сожалению, нам очень мало известно о событиях, которые развертывались здесь после тибетской оккупации. Некоторые ученые считают, что район Бешбалыка оставался под контролем тибетцев вплоть до крушения Уйгурского каганата в 840 г. [817, с. 83, 85]. По мере же упадка могущества Тибета в первой половине IX в. власть в Турфане постепенно переходит в руки местной аристократии. Этот процесс, по-видимому, протекал без серьезных катаклизмов и не оставил заметных следов в письменных памятниках [371, с. 116—137].

Переселение токуз-огузов, кочевавших в западных районах бывшего Уйгурского каганата, в Турфанский оазис, как уже отмечалось, произошло в 866 г. Нам неизвестны причины, заставившие кочевников во главе с вождем Буку Чином покинуть свои кочевья и занять территории к северу и югу от Восточного Тянь-Шаня. Некоторые авторы, например Абэ Такэо, полагают, что перекочевка произошла несколько ранее, и уже в 851 г. уйгурские вожди контролировали Турфан [683, с. 248—253]. При этом Абэ относит этноним «хуэйху» ко всему населению каганата. Захват Восточного Тянь-Шаня и Турфанского оазиса токуз-огузами произошел очень быстро, что свидетельствует о значительном превосходстве их сил над коренным населением.

Четырехсотлетняя история уйгурского Турфанского княжества очень плохо отражена в источниках, поэтому ее изложение неизбежно будет носить отрывочный характер. Однако сам факт длительного непрерывного существования небольшого, слабого в военном отношении государства Центральной Азии уникален и заслуживает специального изучения.

Три события в истории Центральной и Восточной Азии, разные по значению, непосредственно затронули Турфанское княжество. Во-первых, это посещение сунским послом Ван Яньдэ Турфанского княжества в 981—983 гг. Дипломатическая миссия Ван Яньдэ (прозондировать возможность вовлечения Турфана в союз против киданей) закончилась неудачно, но посол оставил небольшой отчет, который дает массу уникальных сведений о внутреннем положении княжества и жизни его населе-

ния. Во-вторых, в 1125 г., после крушения киданьской империи Ляо, через Турфан проследовал на Запад один из представителей свергнутого императорского дома Елюй Даши с войском. Впоследствии он ушел на запад, создал государство каракитаев (Западное Ляо). Переговоры, которые Елюй Даши вел с государем Турфана, нашли отражение в китайских хрониках, что дало возможность исследователям судить о положении в княжестве в первой половине XII в. Наконец, в-третьих, в 1209 г. Турфанское княжество разорвало вассальные отношения с каракитаями и добровольно подчинилось Чингисхану. Хотя этот акт спас княжество от монгольского разгрома, его долгосрочные последствия были пагубными.

Для рассматриваемой темы особую важность представляет отчет о посольстве Ван Яньдэ. Этот «чиновник, находящийся в распоряжении императорских евнухов», отбыл во главе посольства из Кайфэна в июне или начале июля 981 г. В апреле—мае 982 г. Ван Яньдэ прибыл в Турфан (Гаочан), где находился до весны 983 г.; в мае 984 г. он вернулся в Сунскую империю. В отчете посольства сообщалось: «[Государство] Гаочан — это область Сичжоу. Его территория на юге граничит с Хотаном, на юго-западе —с арабами и Персией, на западе — с Ситяньбулу (Пурушапура. — *А. М.*). От Снежных гор до Лукового хребта несколько тысяч ли. Здесь не бывает ни дождя, ни снега и очень жарко. Когда наступает сильная жара, все люди копают землянки, где и живут. Стаи птиц собираются на берегах рек; если взлетают, то лучи солнца обжигают их, они падают и ранят крылья. Постройки покрывают белой глиной. [Если выпадает] пять цуней дождя, то многим жилищам наносятся повреждения. Ручьи, вытекающие из Золотых гор [6], подводят в окружающие столицу районы для орошения полей и устройства водяных мельниц.

Произрастают различные злаки, но нет гречихи. Знатные люди едят конину, остальные — баранину, а также гусей и уток. Из музыкальных инструментов более всего [известны] пиба [7] и кунхоу [8]. Производят собольи шкурки, белые хлопчатобумажные ткани, узорчатые парчовые ткани.

По обычаю, любят ездить верхом и стрелять из лука. Женщины носят лакированные шапочки, которые называют *сумучжэ* [9]. Пользуются календарем, введенным в 7-м году эры прав-

---

[6] Вероятно, Богдо-Ола, один из восточных отрогов Тянь-Шаня, ограничивающий с севера Турфанскую котловину.

[7] Пиба — четырехструнный щипковый инструмент, по китайским источникам, его родина — «кочевья северных варваров».

[8] Кунхоу — струнный музыкальный инструмент с горизонтально натянутыми струнами. Играют обеими руками или с помощью специальной палочки. Заимствован китайцами из Западного края.

[9] Слово, вероятно, иранского происхождения. Шапочку надевали во время ритуальных игр и представлений, возможно связанных с праздником, однотипным с иранским Наурузом или происходящим от него.

ления Кайюань (26.1.719—12.2.720) [10]. 9-е число третьего месяца считается постным днем. Кроме того, совершают дважды в году (весной и осенью) жертвоприношения духу земли, а также отмечают день зимнего солнцестояния.

Для развлечения делают трубочки из серебра или латуни (бронзы. — *А. М.*), наполняют их водой и брызгают, а то и просто обливают друг друга водой. Это называется „подавлять начало ян", что помогает изгнанию болезней. Любят развлекаться. Во время прогулок обязательно берут с собой музыкальные инструменты.

Здесь более 50 буддийских храмов, и для всех пожалованы наименования во время танской династии. В храмах хранятся буддийские канонические книги, словари „Танъюнь", „Юйбянь" и „Цзиньинь", а также другие книги. Весной многие жители собираются вместе и с радостью и весельем посещают эти храмы. Едущие верхом на лошадях, с луками в руках, стреляют в разные предметы, что называется „отгонять несчастья" Имеется башня с приказами, в которой хранятся послания и приказы с собственноручной надписью танского императора Тайцзуна (627—629, — *А. М.*). [Башня] тщательно опечатана.

Еще есть манихейские храмы, и персидские монахи молятся [в них] по своим законам. Это, как их называют в буддийских книгах, — „иноверцы"

Государство Гаочан управляет южными тюрками, племенами больших и малых чжунъюй, ягма, карлуков, кыргызов, момань гэдо, юйлун и другими многочисленными племенами.

В государстве нет бедных, нуждающимся в пище оказывается помощь. Возраст многих превышает сто лет, и совершенно нет умирающих рано».

По сведениям Ван Яньдэ, правил Турфаном «Львиный князь», т. е., по-тюркски, арслан-каган, который во время прибытия посольства отдыхал в Бешбалыке. Когда посольство посетило Бешбалык, «князь [Гаочана велел] жарить баранину и конину для еды, [яства] были очень обильны; [застолье] чисто. В стране много лошадей. Каган, жена кагана и наследник занимаются разведением лошадей, которые пасутся в долине Пинчуань, протянувшейся на сто с лишним ли. Табуны группируются по масти. Не знают численности лошадей.

Через семь дней посол посетил гаочанского кагана. Каган, наследник и все присутствующие поклонились в сторону востока. При вручении подарков был человек, державший нефритовый гонг. Он ударял в него для указания момента поклона. Каган при звуке гонга кланялся, тогда сыновья, дочери и родственники кагана также кланялись и получали подарки. Вслед за этим состоялись музыкальный концерт и трапеза, развлекались до вечера. На следующий день катались на лодках по озеру, с четырех сторон по берегам играла музыка. Еще через день по-

[10] В параллельном тексте в качестве начала летосчисления указывается 587—588 гг.

сетили буддийские храмы, которые назывались Инъюнсы и Данъинсы, построенные в 14-м году эры правления Чжэньгуань (640—641. — *А. М.*).

В горах к северу от Бешбалыка добывается нашатырь.

В городе много дворцовых зданий, арок. Люди светлокожие, понятливые, характер у них прямой. Искусные мастера, изготовляют прекрасную утварь из золота, серебра, меди и железа. Умеют обрабатывать нефрит. Хорошая лошадь стоит один кусок шелка. Плохие лошади употребляются в пищу и стоят только один чжан шелка. Все бедные употребляют в пищу мясо.

На западе граница Гаочана достигает Кучи, которая была западной границей Танского государства» [369, с. 88—91].

Как видим, в отчете посольства Ван Яньдэ положение в уйгурском Турфанском княжестве освещено весьма детально и всесторонне. Княжество предстает пред нами обширным, процветающим государством с крупными городами, развитым ремеслом, сельским хозяйством, многочисленными стадами и высокой культурой. Обратимся к вопросу о границах Гаочана. Китайские источники очень редко приводят данные о точных рубежах того или иного государства, поэтому попытки реконструировать их всегда сталкиваются с большими трудностями. Очень часто исследователь может лишь назвать соседей средневекового государства Центральной и Восточной Азии.

Довольно противоречивы и соответствующие сведения Ван Яньдэ. В начале отчета говорится, что на юго-западе границы княжества достигают Персии, на западе — Пурушапуры в Индии; в конце же отчета указано, что рубежи Турфана достигают на западе Кучи. На это противоречие обратил внимание еще В. В. Григорьев, который писал: «К западу от Гаочана сам [Ван] Янь-дэ, как видно из „реляции", не ездил, и понятия его о странах, лежащих в этом направлении, были, естественно, весьма смутны. Положительного о западной грани владений Арслан-хана он не мог сказать ничего» [205, с. 272].

Анализируя это сообщение, а также другие данные источников, японский ученый Абэ Такэо выдвинул предположение, что в начальный период существования Турфанское княжество занимало громадную территорию [683, с. 389—396]. В пользу этого предположения свидетельствует и этнический состав населения княжества, охарактеризованный в отчете Ван Яньдэ. Сообщения Ван Яньдэ перекликаются с надписью на деревянной табличке из Кучи, в которой говорится, что власть уйгурского кагана простирается «от Шачио на востоке до Нуч-Барсхана на западе» [841, с. 56—58; 1005], т. е. от Дуньхуана до Семиречья. В надписи назван правитель Кучи Али-тутук-бёге и каган Кюль-бильге. Согласно О. Прицаку, тронное имя этого кагана Илтутмиш. Он был близко связан с Кучой и бывал там вместе со своим двором. Надпись, согласно его мнению, датируется 767 г. [841, с. 56—57]. При этом О. Прицак полагает, что речь идет о реальных размерах владений кагана.

В «Худуд ал-алам», составленном в 982 г., т. е. одновременно с отчетом Ван Яньдэ, «страна токуз-огузов», т. е. уйгуров, характеризуется следующим образом: «Эта страна — наиболее крупная из стран тюрок и первоначально токуз-огузы были многочисленным племенем» [906а, с. 94]. Из этого сочинения и других арабо-персидских источников явствует, что в страну токуз-огузов, может быть, на каком-то этапе включалось и Семиречье [906а, с. 263—277; 986, с. 80—90]. Более того, согласно арабскому историку ат-Табари, вскоре после 820 г. токуз-огузы вторглись в Уструшану, т. е. в область Средней Азии, лежащую южнее р. Сырдарья [117, с. 54]. Возможно, рассказы об этом и других походах токуз-огузов на запад, о вассальных отношениях многих племен Притяньшанья по отношению к уйгурским каганам в VIII в. [285, с. 93] породили утверждения Ван Яньдэ о далеких западных границах Турфанского княжества. Разное истолкование получило соотношение этнонимов «токуз-огуз» и «уйгур». Большинство зарубежных и советских востоковедов полагает, что термин «токуз-огуз» арабо-персидских авторов относится к уйгурам Восточного Туркестана [113, с. 569; 371, с. 169—173; 869, 994]. Таким образом, сведения арабо-персидских источников о токуз-огузах и их стране имеют серьезное значение, несмотря на содержащиеся в них неясности.

Вопреки мнению Абэ Такэо и некоторых других ученых, изложенному выше, автор настоящей главы полагает, что территория Турфанского княжества не была столь большой, какой ее можно представить на основе сообщения Ван Яньдэ. Княжество, по-видимому, на севере и северо-востоке граничило с киданьской империей Ляо, на востоке — с Западным Ся, на юге владения Турфанского княжества не простирались далее оз. Лобнор и Тарима. На западе в состав княжества первоначально входил г. Куча, но вскоре он был потерян, и граница прошла восточнее. К концу X в. Караханидское государство, окрепнув, поглотило мелкие города-государства и стало единственным соседом Турфанского княжества на западе и северо-западе. Таким образом, во время посольства Ван Яньдэ Турфанское княжество охватывало значительные территории по обе стороны от восточных отрогов Тянь-Шаня. Есть прямые сведения о численности населения княжества. В 1073 г. императору Шэньцзуну (1068—1085) в ответ на его вопрос придворные сообщили, что население Турфана превышает 300 тыс. человек, из них «пригодных для использования» 200 тыс. человек. Последнее выражение означает, вероятно, «пригодных к воинской службе». Судя по всему, общее число жителей княжества превышало 600 тыс. человек. Турфан был достаточно сильным государством и успешно отражал попытки Караханидов расширить свои владения в восточном направлении.

После захвата Турфанского оазиса токуз-огузами здесь образовалось новое государство, характерной особенностью которого являлось сосуществование оседлого и кочевого укладов.

При этом оседлое население, тюркизированные восточноиранские племена, в основном проживало к югу от отрогов Тянь-Шаня, в многочисленных плодородных оазисах, а кочевники токуз-огузы со своими стадами кочевали к северу от горного хребта. Столицей государства был г. Бешбалык. Оседлое население с глубокой древности вело интенсивное сельское хозяйство, основанное на орошении полей. В городах и других населенных пунктах высокого уровня достигли различные ремесла, живопись, архитектура. Все это не могло не оказать определенное влияние на кочевников и до некоторой степени стимулировало переход их к оседлости. Однако ошибаются, на наш взгляд, исследователи, считающие, что процесс оседания кочевников протекал очень быстро [557, с. 423; 640, с. 42]. Процесс оседания токуз-огузов, по-видимому, шел более интенсивно на юге княжества, где возможности для ведения кочевого хозяйства были ограничены. Однако у нас нет никаких оснований утверждать, что здесь уйгуры стали земледельцами или приобрели другие профессии, связанные с оседлостью [371, с. 187—194]. Исследователи, занимающиеся историей кочевого хозяйства, неоднократно отмечали необычайную стойкость кочевнических традиций, способность номадов преодолевать все невзгоды и сохранять привычный образ жизни.

Необходимо отметить, что Ван Яньдэ, западные путешественники, а также географы, писавшие о землях Турфанского княжества, основное внимание обращали на южную половину страны. И это вполне естественно. Богатые города, высокая материальная и духовная культура, многочисленные памятники которой до сих пор восхищают исследователей, не могли оставить равнодушными и средневековых путешественников. Поэтому в отчетах, а вслед за отчетами и в географических трактатах все внимание уделялось оседлому населению и культуре, созданной им. Только отдельные замечания, не всегда четкие, свидетельствуют о существовании кочевников. Заметим, что самый факт сунского посольства может свидетельствовать о том, что Турфанское княжество в то время было сильным в военном отношении. В противном случае вряд ли сунские императоры вознамерились бы установить с Турфаном контакты с целью вовлечь его в антикиданьский союз.

Отчет Ван Яньдэ — последний авторитетный письменный памятник сунской эпохи, содержащий вполне достоверные сведения о Восточном Туркестане. Сунская держава, отрезанная от Центральной Азии враждебными государствами, была лишена информации о Западном крае. Отдельные, случайные контакты не оставили следа в истории. Вместе с тем Турфанское княжество поддерживало оживленные отношения с киданьской империей Ляо, что очень хорошо отражено в династийной хронике «Ляоши». В ней содержится большое количество кратких записей о посольских и торговых связях между Киданьской империей и Турфанским княжеством [369, с. 64—74]. Эти сообщения,

к сожалению, практически ничего не дают для понимания процессов, происходивших внутри княжества, о его связях с другими государствами в XI в. Так, сообщение «Ляоши» о контактах Елюй Даши с идикутом (князем) Бильге очень лаконично, касается только политических проблем. Оно свидетельствует о том, что Турфанское княжество вступило в XII в. сильно ослабленным, не смогло оказать сопротивления каракитаям, признало свою зависимость от Западного Ляо, отправило заложников ко двору Елюй Даши и вынуждено было уплачивать ежегодную дань. Что способствовало падению военной мощи Турфана? У нас нет сведений ни о войнах княжества с другими государствами, ни о внутренних потрясениях, которые могли ослабить государство. Военная мощь княжества в течение начального периода существования опиралась на кочевую конницу; не исключено, что сосуществование кочевого и оседлого укладов в одном государстве вызвало быстрое разложение господствующей верхушки кочевников. В этом случае должны были возникнуть серьезные противоречия ее с рядовыми уйгурами, эксплуатация которых правящей прослойкой должна была усилиться.

После установления сюзеренитета над Турфаном каракитаи назначили уполномоченных для надзора за своевременностью поступления дани. Впрочем, Западное Ляо, по-видимому, мало вмешивалось во внутренние дела княжества. После 1125 г. в истории Турфана наступил длительный период спокойного существования. В источниках практически нет сообщений о развитии княжества в XII в.

Новый этап в истории Турфанского княжества наступил в 1209 г. Разорвав вассальные отношения с каракитаями, токуз-огузы добровольно подчинились Чингисхану и были включены в орбиту агрессивной политики монголов. Уйгуров принудили участвовать в завоевательных походах и нести гарнизонную службу в покоренных странах; позднее уйгурские отряды принимали участие в междоусобной борьбе Хубилая с враждебными ему чингизидами. Выступив на стороне Хубилая, Турфанское княжество понесло очень большие потери. Области княжества, расположенные к северу от Восточного Тянь-Шаня, были захвачены соперничавшими с Хубилаем нойонами, а токуз-огузы откочевали в район Турфанской котловины. Столицей княжества впервые стал г. Куча. Это событие произошло в 1270 или 1271 г. Токуз-огузы не смогли удержаться и в южных районах своего государства. Несколько лет спустя они ушли в Кумул (Хами), а в 1283—1284 гг. бежали в Ганьсу, где в районе г. Юнчана им были предоставлены земли. Так закончилось 400-летнее существование Турфанского княжества, созданного выходцами с территории Уйгурского каганата [372, с. 61, 67].

Этнические процессы, хозяйство и социально-экономические отношения в Турфанском княжестве

Некоторые исследователи, например Б. Л. Литвинский, придерживаются взглядов, не совпадающих с мнениями автора настоящей главы, в частности, по проблемам этнического и социально-экономического развития Турфана.

Тщательное изучение разнообразных материалов (рукописи, произведения материальной и духовной культуры), поступивших в музеи и научные учреждения стран Европы, Америки и Азии, показало, что в древности и в раннем средневековье Турфанский оазис, как и вся Кашгария, был населен народами, говорившими на индоевропейских языках [1086, с. 45]. А. фон Габэн, перечисляя народы и племена, которые в разное время жили в бассейне Тарима или имели к нему непосредственное отношение, называют сюнну, выходцев из Индии, кушанов, эфталитов, тохаров (по-видимому, основное население Турфанского оазиса в древности и раннем средневековье), саков, согдийцев [176, с. 61—98, 840, с. 18—25].

В такой ситуации неудивительно, что в Турфане очень рано начался процесс сложения этнолингвистических общностей, причем этническим субстратом стал именно индоевропейский пласт. Как удалось показать С. Г. Кляшторному, первый этап генезиса племени ашина (*тӱрк*), который он именует ганьсуско-гаочанским, протекал на территории Восточного Туркестана и Западного Китая в самом тесном контакте с местным индоевропейским населением. Само название племени *ашина* находит возможные прототипы в хотано-сакском и тохарском языках. Титулы первых вождей племени ашина имеют юэчжийско-кушанские и эфталитские прототипы. Этот ганьсуско-гаочанский период продолжался с III в. н. э. до 460 г. (до откочевки прототюрок на Алтай). Следовательно, северо-западная часть современной пров. Ганьсу и Восточный Туркестан стали в первой половине I тыс. н. э. одним из центров тюркского этногенеза [284, с. 112—114]. Этот процесс и еще более интенсивно протекавшие в середине и второй половине I тыс. н. э. процессы тюркизации местного населения Западного края должны были оказать влияние на разные слои турфанского этноса — скотоводов, земледельцев, горожан. При этом определенная часть кочевников-тюрок переходила к оседлости. Этот процесс протекал неодинаково у различных социальных групп пришельцев. К тому же некоторые группы тюрок, возможно, были знакомы с городской жизнью до прихода в Восточный Туркестан. Так, например, как показали археологические работы в Туве, уйгуры, по-видимому, имели там поселения городского типа. Л. Р. Кызласов так пишет о них: «В уйгурское время в Туве впервые появляются монументальные архитектурные сооружения — окруженные стенами городища и крепости. Известно пятнадцать го-

родищ и один наблюдательный опорный пункт, сооруженные уйгурами» [319, с. 59]. Инфильтрация тюркских элементов в состав городского населения, многоэтапные ассимиляционные процессы, экстралингвистические факторы — все это привело к тюркизации индоевропейского городского населения и образованию к VII—VIII вв. значительных массивов тюркоязычного населения. Еще более интенсивно эти процессы протекали в IX—X вв.

В одной надписи на деревянной табличке уже в 760 г. правителем Кочо с титулом Qočo balyq bägi именуется Али-тутук-öге, который признавал себя вассалом уйгурского Сёгю-кагана. Али-тутук-öге оставался князем Кочо и в 767—768 гг. [841, с. 58; 1005, с. 6—7, 12—13, 22]; тюркские правители, как следует из документальных источников, княжили в Кочо вплоть до начала IX в. Города Турфанского оазиса, а также обитающие в окрестных областях тюркские племена находились под протекторатом уйгурских каганов [285, с. 93]. Таким образом, уже до образования уйгурского Турфанского княжества власть в Турфане принадлежала тюркам. Так, по данным колофона «Михрнамаг» (это сочинение было составлено в 808—821 гг.), в это время «огромным городом» Кочо правил Яглакар Инал, а два других тюркских князя правили Карашаром [841, с. 60—61; 1001, с. 198—199; 1005, с. 40]. На территории Турфана и всего Восточного Туркестана найдено огромное количество древнетюркских письменных источников, значительная часть которых написана особой письменностью на языке, который ученые признают древнеуйгурским. Они относятся к IX—XIII вв., среди них есть литературные произведения (большей частью религиозного содержания) и документы, в том числе юридические.

Авторы древнеуйгурских сочинений называют язык, на котором они писали, тюркским (türkčä—türk tilinčä), а для определения своего этнополитического статуса применяют другие термины, в частности on uyγur [528, с. 117—118; 869]. Страна носила название Уйгуристан. Махмуд Кашгарский пишет: «Уйгур — имя страны, где имеется пять городов» [802, с. 141]. Легенда печати, поставленной на одном уйгурском манихейском сочинении, содержит слова о «великом счастливом уйгурском государстве» [522, с. 25; 1163, с. 331]. Согласно данным палеографического анализа, это сочинение относится к X—XI вв. Можно полагать, что к тому времени не только существовало уйгурское государство, но и сложилась и в определенной степени консолидировалась уйгурская народность, которая включала как кочевников, так и оседлых жителей, в том числе тюркизированных аборигенов Турфана. В жизни Турфанского оазиса значительную роль играло и исконное индоевропейское население, особенно тохары. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники тохарской литературы, в том числе деловые документы VI—X вв. Наконец, в Турфане проживало некоторое число китайцев, а также тибетцы и согдийцы.

Соотношение кочевого и оседлого секторов уйгурского об-

щества не оставалось стабильным. Заслуживают внимания соображения А. фон Габэн, одного из лучших знатоков древней истории и культуры тюрков, которая считает, что уйгуры все больше закреплялись в городах, приобщаясь к городской культуре, и благодаря своим одинаково близким отношениям с городом и степью принимали участие в торговых делах, одновременно утрачивая «степную сущность» и становясь чуждыми степи. Так, А. фон Габэн пишет: «Степь становилась все менее важной для уйгуров Кочо; открытые пространства, степь как убежище оставили они кыргызам, уйгуры же целиком сосредоточились в городах. Нетюркское население, очевидно, подчинилось полностью их руководству» [841, с. 62]. Если отбросить излишнюю категоричность (якобы полный переход уйгуров к городской жизни) и вести речь лишь о тенденции, то с этими суждениями фон Габэн можно согласиться. В Турфанском княжестве было много городов и городских поселений. Особое место среди них занимала столица, именовавшаяся на древнетюркском языке Кочо (китайское название — Гаочан). Сейчас это городище Идикутшари [11] (другие наименования — Караходжа [12], Албатта-Султан-шари [13] и Дакианус-шари [14]); городище [15] находится в 50 км к юго-востоку от Турфана.

Климат Турфанской котловины резко континентальный, осадков выпадает очень мало, поверхностный сток незначительный, несколько небольших речек, стекающих с окружающих гор, иссякают в песках. Поэтому развитие земледелия возможно только при условии искусственного орошения. Огромное значение для развития земледелия имеют подземные воды, часто залегающие очень глубоко. Их выводят на поверхность с помощью колодцев и системы кяризов. Китайские источники свидетельствуют, что еще до новой эры в оазисах Восточного Туркестана было распространено земледелие. Сообщения эти хорошо известны исследователям, они приводятся во многих работах. В связи с тем что в используемых переводах есть неточ-

[11] Уйгурский титул *идикут* расшифровывается как ibiq qut — «священное величество», так титуловали верховных правителей [953, с. 4].

[12] Караходжа, согласно традиции, черный (индийский?) правитель.

[13] Албатта-Султан, согласно легенде,— мусульманский завоеватель, обративший жителей в ислам.

[14] Дакианус (Dāqiānūs — по А. фон Лекоку) — один из персонажей сказания о семи спящих отроках, место действия которого население Восточного Туркестана отождествляет с Туюком [654; 953, с. 4]. Это сказание широко распространено в мусульманском мире и зафиксировано во многих средневековых арабоязычных сочинениях. Оно восходит к христианской легенде о семи спящих эфесских отроках, которые оказались замурованными в пещере, когда спасались от гонений на христианство, проводившихся римским императором Децием (249—251) [301]. В Средней Азии местные жители словом «Дакыюнуси» называли древности (в том числе городища) и монеты домусульманского времени [383, с. 282]. В Хорезмской области до сих пор приписывают основание ряда городов мифическому царю Дакы-Юнусу.

[15] Как пишет А. Грюнведель, Идикутшари — «огромный монастырско-храмовый город, внутри которого лишь незначительное число сооружений имело светское назначение» [857, с. 172].

ности, мы решили дать новые переводы некоторых текстов. Бань Гу пишет: «Почти во всех государствах Западного края [население] ведет оседлый образ жизни, есть города, имеют пашни и домашних животных» [563, т. 5, с. 1б]. В более позднем источнике говорится, что в Гаочане «климат умеренный, земля плодородная, хлеба, [в том числе] и пшеница, созревают два раза в год, [природные условия подходят для занятия шелководством, много фруктовых [садов] [568, т. 3, с. 7б].

В танских хрониках сообщается: «Земли плодородные, хлеба, [в том числе] и пшеница, созревают два раза в год, есть виноградное вино, [климат] благоприятен для фруктов. Есть трава, называющаяся *байде* (хлопчатник), жители собирают ее цветы и ткут из них ткани» [659, гл. 198, с. 3б]. Оуян Сю пишет: «Земля плодородная, пшеница и [другие] злаки все созревают два раза в год. Есть трава, называющаяся байде, жители собирают цветы, из которых можно ткать ткани» [597, гл. 221, с. 4а]. Как упоминалось выше, сунский посол Ван Яньдэ также пишет о возделывании различных злаков, отмечая при этом, что в стране нет гречихи [369, с. 89]. О культуре винограда и употреблении виноградного вина сообщает персидский хронист Гардизи [118, с. 52]. Марко Поло, проживший в Центральной и Восточной Азии с 1271 по 1295 г., в своих записках, говоря о сельском хозяйстве Восточного Туркестана, прежде всего упоминает фрукты, виноград и хлопчатник [286, с. 77, 78] [16].

Можно констатировать, что Восточный Туркестан является одним из древнейших сельскохозяйственных районов Центральной Азии. Здесь было развито интенсивное орошаемое земледелие в оазисах. Его продукция полностью удовлетворяла потребности оседлого населения, часть ее, по-видимому, обменивалась на продукцию кочевого хозяйства.

Китайские сочинения, за исключением «Ханьшу», не уделяют внимания скотоводству. Такое отношение хронистов к этому вопросу вполне естественно и легко объяснимо. Земли оазисов использовались для земледелия практически полностью, здесь не оставалось сколько-нибудь обширных пространств, пригодных для пастбищ. Окружавшие оазисы территории большей частью были практически бесплодными. Оседлое население, несомненно, держало различных домашних животных, используя для их откорма главным образом отходы земледелия. Что касается тягловой силы, то в «Удай шицзи» отмечается, что землю обрабатывали при помощи верблюдов [369, с. 45; 635а, гл. 74, с. 6а]. Однако это сообщение относится к уйгурскому Ганьчжоускому, а не Турфанскому княжеству. Между тем природные и политические условия, а также население в обоих владениях существенно различались. В Турфанском оазисе, как явствует из сообщения Гардизи, были развиты промыслы, свя-

[16] Здесь изложены лишь основные моменты, характеризующие сельское хозяйство Турфана. Более подробно этот вопрос разбирается в книге Д. И. Тихонова [522, с. 61—68].

занные со скотоводством: «Простой народ состоит весь из степняков, живущих в шатрах. В качестве штрафа за прелюбодеяние виновный должен был поставить крытый шатер из нового войлока» [118, с. 53].

Таким образом, можно констатировать, что в Турфанском княжестве имелось достаточное количество скота, а объединение в одном государстве двух укладов облегчало обмен между земледельческим югом и скотоводческим севером. Ван Яньдэ сразу же после прибытия в Кочо обратил внимание на обилие мясной пищи в рационе населения и констатировал: «Знатные люди едят конину, остальные баранину, а также гусей и уток» [369, с. 89]. Упоминание об особенностях рациона уйгурской знати, на наш взгляд, свидетельствует о сохранении в ее среде традиций и обычаев, связанных с кочевым бытом.

В Турфанском княжестве было широко распространено производство хлопчатобумажных тканей, которые шли на экспорт, в том числе и в Китай. Э. Шефер подчеркивает, что ткани из Турфана, ввозившиеся в Танскую империю, были самого высокого качества. В хозяйствах кочевников в большом объеме изготовлялись кошмы, войлок, ковры, грубые шерстяные ткани, а также упряжь, седла, обувь.

Страна удовлетворяла свои потребности в изделиях гончарного ремесла. Было развито производство кирпича и различных керамических изделий (часто орнаментированных), которые шли на украшение храмов и других зданий. Все путешественники и исследователи отмечают чрезвычайно высокий уровень строительного искусства в Турфанском княжестве, корни которого уходят в глубокую древность. Для многочисленных великолепных сооружений, особенно культовых, помимо кирпича и керамических изделий требовались в большом количестве и другие материалы: дерево, камень, скрепляющие растворы, краски, железные изделия и многое другое [840, 75—89]. Почти все это производилось на месте.

В Турфанском княжестве была развита обработка металлов. Из железа изготовлялись мечи, латы, конская сбруя. Изготовлялись и украшения из меди, серебра и золота, о чем пишет, например, Ван Яньдэ [369, с. 89, 90]. Существовала также обработка нефрита и других полудрагоценных камней. В многочисленных буддийских храмах устанавливали статуи будд и архатов из глины, на деревянном каркасе. После завершения скульптурной отделки их раскрашивали. Мелкие фигурки и ритуальная утварь из меди или сплавов на медной основе доставлялись из Тибета; возможно, однако, что некоторые изделия производили на месте.

Немаловажное значение в жизни населения Турфанского княжества имели охота, собирание лекарственного сырья растительного, животного и минерального происхождения и другие лесные промыслы. Как свидетельствует «Цидань го чжи», лекарственное сырье и шкуры диких животных вывозились за

пределы страны. Согласно тому же источнику, в Турфанском княжестве добывали соль [244, с. 333].

Глава Турфанского княжества носил титул «идикут» (как уже отмечалось, букв. «священное величество»). Он обладал абсолютной властью [244, с. 333; 369, с. 76]. Е Лунли перечисляет административные чины княжества, применяя, к сожалению, китайские термины, которые почти ничего не дают для понимания государственного устройства княжества. Среди них восемь старших чиновников (чжанши), пять военачальников (цзянцзюнь), а также шиланы, цзяоланы, чжибу, цунши (о служебных обязанностях этих чинов см. [518, с. 333]). Отметим, что эти сведения о чинах заимствованы Е Лунли из «Бэйши» [568, т. 3, с. 7б—11а], другими словами, они хронологически предшествуют времени существования империи Ляо (907—1125). Между тем в «Бэйши» описывается государство Гаочан, существовавшее в IV—VII вв., причем сообщение о чинах относится к началу VI в., когда здесь правила ханьская династия Цзюй. По-видимому, Е Лунли экстраполировал эту информацию на более позднее время. В «Бэйши» указаны административные функции каждого из этих восьми чинов, названы отраслевые управления, обычные для Срединного государства.

Непосредственное отношение к Турфанскому княжеству, по-видимому, имеет сообщение Гардизи. В сочинении «Зайн ал-ахбар» он пишет, что у токуз-огузского хакана было девять визирей [118, с. 52]. Согласно китайским известиям, у кочевников (тюрков и уйгуров) было по девять министров—шесть «внутренних» и три «внешних» [370, с. 118; 597а, с. 2а]. Нам представляется, что это не случайное совпадение, и сообщение Гардизи можно рассматривать как подтверждение сохранения токуз-огузами кочевого образа жизни.

Структура низовой администрации княжества остается неясной. Учитывая наличие в Турфане двух укладов, можно предположить, что и системы управления на севере и на юге резко отличались. На севере, по-видимому, сохранялась традиционная для кочевников организация общества, аналогичная той, что существовала в тюркских и Уйгурском каганатах. К сожалению, у нас нет конкретных указаний на это (кроме приведенного выше сообщения Гардизи о девяти визирях). На юге, вероятно, функционировали органы управления, характерные для всех оазисных государств Восточного Туркестана. Как пережиток могли сохраняться некоторые институты, существовавшие в государстве Гаочан в V—VI вв. Однако и по южной части страны у нас нет соответствующих точных сведений. Что же касается низовых учреждений, регулирующих общественную жизнь и взаимоотношения оседлого населения с властями, то о них мы знаем значительно больше [17].

[17] Вполне вероятно, что на структуру органов власти в Турфанском княжестве оказало влияние длительное тибетское господство в Западном крае [172, с. 55—57, 68].

Отметим, что, невзирая на длительные и разнообразные контакты (мирные, но чаще враждебные) между оазисными государствами и тюркскими племенами Западного края, с одной стороны, и Срединным государством — с другой, народы Восточного Туркестана заимствовали очень мало китайских административных терминов — по мнению И. Эчеди, только четыре. Это *тутук* (кит. *дуду* — уполномоченный по военным делам в области или округе, генерал-губернатор), *чигси* (кит. *цыши* — правитель округа), *санун* (кит. цзянцзюнь — военачальник) и *кунчуй* (кит. *гунчжу* — княгиня крови). Еще десять терминов, встречающихся в тюркских текстах, следует, по-видимому, рассматривать как случайные словоупотребления [865, с. 83—91].

Имеющиеся в распоряжении исследователей документы ничего не говорят об административном делении южной части Турфанского княжества. Вполне естественно предположить, что оно должно было существовать на такой обширной территории, занятой в древности и раннем средневековье несколькими высокоразвитыми государственными образованиями. Факт существования последних в раннем средневековье подтверждается китайскими хрониками. Например, «Цзютаншу» сообщает, что танский военачальник Хоу Цзюньцзи, покорив государство Гаочан, захватил «три округа, пять уездов, 22 укрепленных города, 8 тыс. семей, 37 700 человек, 4300 лошадей» [659, гл. 198, с. 5а]. Эти данные повторены в «Синьтаншу» [597а, гл. 221А, с. 5а] и «Тан хуэйяо» [621, гл. 95, с. 2а] с несущественными изменениями. После захвата Гаочана танскими войсками в VII в. княжество было обращено в округ Сичжоу, разделенный на пять уездов, т. е. танские власти сохранили старую систему районирования. В Турфанском княжестве, на наш взгляд, не было удельных владений. В этом отношении его нельзя сравнивать с государством Караханидов, которое, по словам В. В. Бартольда, «уже в начале XI в. было разделено на уделы, степень зависимости которых от главы империи определялась исключительно личными качествами последнего» [102, с. 42].

Имеющиеся в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что власти Турфанского княжества имели дело с общинными объединениями крестьян, состоявшими из отдельных самостоятельных хозяйств [522, с. 189—196]. Руководство общин следило за уплатой налогов и других сборов, своевременным выполнением различных повинностей (поставка почтовых лошадей, различные отработки), оказанием помощи престарелым и больным членам общин, выполнением религиозных треб. Исследователи отмечают, что община в земледельческих районах Восточного Туркестана существовала с глубокой древности. Захват Турфанского оазиса кочевниками не повлек каких-либо существенных ее изменений. Можно отметить, что общины существовали и в районе Дуньхуана, при буддийских монастырях [548, с. 61—70].

Захватив земледельческие районы, расположенные в предгорьях Восточного Тянь-Шаня, кочевники токуз-огузы не разрушили хозяйственную и общественную жизнь этих территорий, сохранили ее в основном в прежних формах. Господствующий класс нового государства, естественно, формировали прежде всего из кочевой знати, из представителей эксплуататорской верхушки оседлого населения, признавшей сюзеренитет кочевников и сохранившей часть былой власти и некоторые привилегии. Аналогичную картину в целом рисуют и исследователи, занимавшиеся историей Караханидского государства, которое, как и Турфанское княжество, было создано кочевниками, захватившими районы с оседлым населением [268, с. 28—32]. До сих пор никто специально не изучал процесс формирования господствующего класса в Турфане IX—XIII вв. Вместе с тем современные авторы не сомневаются в его феодальной сущности.

Основная масса населения — рядовые кочевники, земледельцы и ремесленники — по своему общественному положению не была однородной. Об общественных отношениях в среде турфанских кочевников нам практически ничего не известно, вместе с тем для нас весьма полезны фундаментальные труды Б. Я. Владимирцова, поскольку многие его тезисы могут быть отнесены и к токуз-огузам, с той лишь поправкой, что последние находились на более ранней стадии классового расслоения, чем монголы [172, с. 87—121].

Классово-сословная стратификация оседлого населения (в том числе земледельческого) известна нам значительно лучше. В Турфанском княжестве существовало несколько категорий крестьян, в том числе и государственные крестьяне, не зависевшие от феодалов. Некоторые авторы полагают, что основная масса крестьян относилась именно к этой категории [522, с. 157]. Остальная часть крестьянства находилась в зависимости от феодалов и формы этой зависимости носили разнообразный характер. В отечественной литературе этот вопрос наиболее полно разбирается в книге Д. И. Тихонова, который выделяет следующие типы зависимых крестьянских хозяйств [522, с. 159—183].

Крестьяне, пользовавшиеся государственной землей и прикреплявшиеся к бекам, чтобы компенсировать их расходы, связанные с несением военной службы. Крестьяне продолжали оставаться государственными, но, работая у беков, не платили государственных налогов. Такая форма зависимости именовалась *кувак*.

Крепостные, обязанные отбывать барщину на землях членов правящей династии или феодалов-землевладельцев. В Турфанском княжестве этому типу зависимости соответствовал термин *инджу*.

Зависимые крестьяне-должники — *тутук*. Гарантией возвращения займа, исчисленного обычно в серебре, был безвозмездный труд должника на кредитора. В случае погашения займа крестьянин вновь обретал свободу.

Лично зависимые — *кадаш*. Некоторые авторы пытаются сопоставить кадаш с римской клиентелой [464, с. 68], однако необходимо помнить, что полного соответствия не было и не могло быть.

Особую группу зависимых составляли *сали*, приписанные к монастырям и несшие трудовые повинности на земельных владениях и при стадах сангхи. Помимо сали у монастырей были прикрепленные к ним крестьянские хозяйства, а также особые объединения мирян, члены которых также находились в определенной зависимости от буддийской церкви [546, с. 159—166; 548, с. 61—70].

Приведенная выше схема, конечно, не отражает в полной мере своеобразия социально-экономических отношений в сфере сельскохозяйственного производства. Отдельные институты еще недостаточно изучены, а при интерпретации ряда письменных памятников существуют спорные вопросы, требующие детального изучения и привлечения новых материалов.

В Турфанском княжестве, по-видимому, как пережиток сохранялось рабство, но оно не играло существенной роли. Мы не знаем всех источников пополнения сравнительно немногочисленного контингента рабов. В немногих юридических и других документах IX—XI вв. имеются сведения о работорговле, прежде всего о торговле невольницами [522, с. 175—181]. Нам неизвестно, превращали ли турфанцы захваченных пленных в рабов и существовала ли в это время межгосударственная торговля рабами. Китайские хронисты, описывая взаимоотношения тангутов и ганьчжоуских уйгуров в X в., пишут, что тангуты грабили уйгурские посольства, захватывали людей и продавали их в рабство [324, с. 15, 19; 659, гл. 138, с. 7б]. Таким путем в Турфанское княжество могли попасть и грамотные рабы [363, с. 203].

Своеобразные физико-географические условия, существовавшие в оазисных государствах Центральной Азии, в том числе в Турфанском княжестве, невозможность занятия земледелием без искусственного орошения наложили определенный отпечаток на землепользование и землевладение. В результате изучения доступных исследователям источников были выделены следующие категории земель [522, с. 115—147].

Земли, находящиеся в непосредственном ведении государства и еще никому не переданные в постоянное или временное владение.

Мелкое крестьянское землевладение. Поскольку основные доходы, поступавшие в государственную казну в виде налогов, давала эта категория землевладельцев, государство было заинтересовано в их сохранении.

Заповедные земли — *кориги*. Эти сравнительно небольшие площади являлись феодальной собственностью идикута, членов правящего рода, а также приближенных (пастбища, охотничьи угодья, ханские кладбища, территории дворцов и парков).

Крупное или мелкое феодальное землевладение — земли инджу. Держатели этой категории угодий, выполнив повинности владельцам инджу, вносили налоги государству.

Земельные угодья буддийских монастырей и храмов, обрабатывавшиеся зависимыми крестьянами.

Частновладельческие земли. Имеющиеся документы и источники свидетельствуют, что купля-продажа земли была в Турфанском княжестве обычным явлением.

Куча

Княжество Куча располагалось на южных склонах Тянь-Шаня, в низовьях рек Музарт и Куча. Помимо ряда крупных оазисов, оседлое население которых с древнейших времен занималось интенсивным земледелием, в предгорьях Тянь-Шаня имелись прекрасные пастбища, привлекавшие кочевников. Горы Тянь-Шаня богаты полезными ископаемыми, в том числе железом; этим металлом Куча снабжала весь Таримский бассейн [711, т. 2, с. 155]. Особенно большое значение для процветания Кучи имела транзитная торговля. Через территорию Кучи проходила северная ветвь Великого шелкового пути.

Наиболее полно средневековая история Кучи изложена в соответствующих главах «Цзютаншу» [659, гл. 198, с. 9б—10б] и «Синьтаншу» [397а, гл. 221А, с. 9а—10б]. Повествование о Куче из «Синьтаншу» было переведено на русский язык Н. Я. Бичуриным [136, т. 2, с. 296—300], а на французский — Э. Шаванном [788, с. 114—121]. Указанные летописи сообщают, что на рубеже VI в. в Куче правила династия Бай. Японский исследователь Хатани Рётай в книге, посвященной буддизму в Западном крае, приводит подборку материалов из древнейших хроник, которая свидетельствует, что дом Бай правил в Куче с 91 г. н. э. [643, с. 266].

Контакты Кучи с империей Тан были установлены сразу после восшествия на престол Тайцзуна, когда к чанъаньскому двору прибыло посольство от кучаского князя Суфа Боцзюэ (Суфа Боши). Этот князь вскоре умер, и на престол вступил его сын Суфа Де. Китайские хроники сообщают, что последний носил титул *шицзянь бага эльтебир*. «Цзютаншу» и «Синьтаншу» утверждают, что Куча находилась в зависимости от Западнотюркского каганата, о чем свидетельствует и тюркский титул, который носил Суфа Де.

В 644 г. западные тюрки и Куча выступили на помощь Карашару, атакованному танским военачальником Го Сяокэ, но потерпели поражение. В 648 г. большая танская армия, ударную силу которой составляли токуз-огузы (теле), восточные тюрки и другие наемники, вторглась в Кучу. После захвата княжества в течение ста лет с небольшими перерывами оно было важнейшей опорной базой империи Тан в Западном крае.

В 726 г. в Куче, как сообщает буддийский паломник Хуэйчао, находилась резиденция наместника Аньси, здесь же пребывал китайский главнокомандующий. В стране функционировали богатые буддийские монастыри [837, с. 456].

После 755 г., когда танские войска были вынуждены эвакуировать все свои гарнизоны из Восточного Туркестана, за Кучу развернулась ожесточенная борьба между Тибетом и Уйгурским каганатом. К 790 г. эта борьба закончилась полной победой Тибета, который установил контроль над Кучой и над всем Западным краем. После же распада тибетского государства Кучаское княжество вновь обрело независимость.

В 840 г. под ударами кыргызов рухнул Уйгурский каганат, что привело в движение значительные массы кочевников, населявших его территорию. Небольшая группа уйгуров во главе со своим вождем из рода Яглакар Пан-тегином откочевала в район Кучи, создав здесь небольшое самостоятельное княжество. Оно немедленно установило связи с империей Тан и было ею признано. По-видимому, вскоре после 866 г. над Кучой был установлен протекторат вновь созданного уйгурского Турфанского княжества [371, с. 196—214].

Дальнейшая история Кучи пока не восстановлена с достаточной полнотой. Так, нам неизвестно, когда Турфанское княжество утратило контроль над ее территорией. Ничего не известно ни о времени подчинения Кучи государству Караханидов, ни о том, как протекала исламизация этого района [18]. Известно, что государство Караханидов состояло из большого числа уделов, находившихся в той или иной степени зависимости от центральной власти. Оно подразделялось также на восточное и западное владения, а позднее распалось на два каганата — Восточный и Западный. В 1042 г. фактический распад государства Караханидов был юридически закреплен [268, т. 2, с. 18—21]. Наши представления о внутренней структуре Караханидского государства находят подтверждение в китайских династийных хрониках. В «Сунши» имеется небольшое повествование, посвященное Куче. Куча описывается как независимое княжество во главе с князем и девятью министрами [568, т. 5, с. 22а, б].

Такое положение в этом районе сохранялось до начала монгольских завоеваний. Восточный Туркестан, в том числе и Куча, был захвачен монголами в 1209—1210 гг. Позднее Куча вошла в состав улуса Чагатая, а после распада Чагатайского государства, в середине XIV в., — в состав Моголистана [268, т. 2, с. 155].

Карашар

Карашарское княжество контролировало очень важный участок Великого шелкового пути. На территории Карашара от

[18] В. В. Бартольд, опираясь на труд Махмуда Кашгарского, полагает, что Куча уже в XI в. была мусульманской [113, с. 81].

этой торговой магистрали шло ответвление через перевалы Тянь-Шаня в долину р. Или. Краткие повествования о Карашаре имеются в «Цзютаншу» [659, гл. 198, с. 8а—9б] и «Синьтаншу» [597а, гл. 221А, с. 8а—9а]. На русский язык текст из «Синьтаншу» перевел Н. Я. Бичурин [130, т. 2, с. 294—296], а на французский — Э. Шаванн [788, с. 110—114].

По сообщениям упомянутых китайских хроник, Карашар до захвата его танскими войсками находился в зависимости от Западнотюркского каганата. В 632 г. князь Лун Туцичжи направил впервые послов ко двору танского императора. В то время вся торговля с Западом осуществлялась по магистральному пути через Гаочан, что создавало для Танской империи определенные трудности. Возможно, Гаочан, используя выгоды своего положения, взимал таможенные пошлины, превышавшие традиционные. Поэтому князь Карашара в согласии с танскими властями пытался открыть дорогу по территории его княжества. Это, естественно, вызвало неудовольствие со стороны Гаочана, и в 638 г. произошли столкновения между Карашаром и Гаочаном. Вскоре Турфанский оазис подвергся танской агрессии. А в ноябре 644 г. наместник Аньси Го Сяокэ ночью неожиданно атаковал столицу Карашарского княжества, занял ее и пленил князя. Эти вероломные действия, направленные против бывшего союзника, вызвали конфликт с западными тюрками и Кучой, направившими свои войска на помощь Карашару. Однако союзники действовали неуверенно, и им пришлось отступить.

После захвата Карашара танскими войсками положение его в целом было аналогично ситуации в Куче. В 726 г. Карашар посетил буддийский пилигрим Хуэйчао. Страна была занята китайскими отрядами, но сохранялась и власть местного князя. Населяли оазис варвары *ху*. Функционировали богатые буддийские монастыри [637, с. 457].

После ликвидации зависимости от Танской империи Карашар был завоеван Караханидами и вскоре подвергся исламизации. В начале XIII в. княжество захватили монголы.

Хотан

Государство Хотан располагалось вдоль северных склонов хребта Куньлунь. Оно занимало значительную территорию, включая и горные, и степные, и пустынные районы. Цепь оазисов, составивших княжество, орошали несколько потоков, самые крупные из них — реки Юрункаш и Каракаш.

По сообщениям китайских источников, контакты Хотана с империей Тан были установлены в 632 г., когда князь Виджая Самграма отправил послов ко двору императора Тайцзуна. В 639 г. для придворной службы (фактически заложником) в Чанъань был отправлен сын Виджая Самграмы [19]. Взятие в

[19] В «Синьтаншу» говорится, что княжич отправился в Китай в 635 г.

646 г. Кучи танскими войсками под командованием тюркского полководца Ашина Шера «привело в трепет весь Западный край» [597а, гл. 221А, с. 11а; 659, гл. 198, с. 11а]. Это сообщение, по-видимому, подтверждается тем, что новый князь Хотана Виджая Симха отправил к танскому двору заложником сына и 300 верблюдов в дар [20]. Несомненно, Виджая Симха, учитывая возросшую угрозу со стороны Танского государства, пытался предотвратить возможное наступление танских войск, сохранив при этом независимость. Однако эта миссия успеха не имела. Наш вывод основывается на том, что Ашина Шер бросил против Хотана отряд легкой конницы под командованием Се Ваньбэя. У нас нет сведений, дошло ли дело до столкновения, или Хотан без сопротивления согласился выполнить все требования танского эмиссара. Последнее предположение более вероятно, так как вскоре Виджая Симха лично явился в Чанъань. Здесь он пробыл несколько месяцев, а затем был отпущен обратно [597а, гл. 221а, с. 11а].

В результате значительного усиления Тибета в царствование цэнпо Сонгцэн-гампо в сферу тибетской экспансии попал весь Западный край. Хотан, по-видимому, без сопротивления признал сюзеренитет Тибета, во всяком случае, источники ничего не сообщают о тибето-хотанских войнах. Наоборот, «Синьтаншу» свидетельствует о совместном выступлении хотанских и тибетских войск в 670 г., когда союзники взяли и разрушили Кучу [597а, гл. 216А, с. 4а]. «Цзютаншу» об этом событии умалчивает.

В 674 г. в Чанъань прибыл новый князь Хотана Виджая Кирти со свитой из 70 родственников и приближенных. «Синьтаншу» утверждает, что данное посольство прибыло в связи с услугами, оказанными хотанцами танским войскам в их борьбе против Тибета. Эта хроника, однако, ничего не говорит о награждениях, обычных при приеме таких посольств, зато сообщает, что в Хотане указом императора были проведены административные преобразования, а Виджая Кирти назначен тутуком [365, с. 45; 205; 597а, гл. 221А, с. 11а]. Какую именно помощь оказали хотанцы танским войскам, исследователям выяснить не удалось.

Судя по ходу тибето-китайских войн, есть основания утверждать, что в конце VII—VIII в. Хотан находился в сфере влияния Тибета. Между тем китайские источники продолжают сообщать о «назначении» представителей правящего дома Хотана на должность тутуков. В «Цзютаншу» говорится даже о получении инвеституры хотанскими князьями от танских императоров. Так, после смерти Виджая Кирти был «назначен» Виджая Грама, а затем получили инвеституру Виджая Викрама и Виджая Самбхава [597а, гл. 22А, с. 11а, б; 659, гл. 198, с. 11а]. Наибо-

[20] «Цзютаншу» сообщает, что танским войскам Хотан предоставил 10 300 верблюдов в качестве провианта.

лее тесно с императорским двором был связан Виджая Самбхава. В 747 г. под командованием наместника Аньси Гао Сяньчжи он во главе 5-тысячного отряда участвовал в походе против мятежного княжества Малый Болюй. Во время отсутствия Виджая Самбхавы регентом Хотана был его сын Виджая Бохан [597а, гл. 5, с. 14а; 659, гл. 144, с. 8б].

После распада тибетского государства, на грани VIII—IX вв. Хотан обрел полную независимость, но, к сожалению, со второй половины VIII в. танские хроники практически не упоминают об этом княжестве. «Удай шицзи», правда, сообщает, что в 938 г. из Хотана прибыл посол с подарками. В связи с этим в этом же году в Хотан был направлен Чжан Куанъе для вручения инвеституры. Сопровождавший его Гао Цзюйхуэй составил краткий дорожник, сведения из которого приводятся в «Удай шицзи» [635а, гл. 74, с. 11а—13б]. Судя по этим цитатам, дорожник содержит много интересных сведений о положении в государствах Западного края, в том числе в Хотане. Например, сообщается, что хотанцы постоянно ведут борьбу с тибетскими племенами, кочевья которых простираются до границ княжества.

Кашгар

Княжество Кашгар зажато между отрогами Тянь-Шаня на севере и Памиром на западе. С окружающих княжество хребтов стекают р. Кашгар и многочисленные мелкие речки — притоки Кашгара и Тарима. В «Бэйши» сообщается, что страна изобилует рисом, просом, овощами. В горах добываются медь, железо и другие полезные ископаемые [568, т. 3, с. 14а]. Кашгар, расположенный на южной ветви Великого шелкового пути, всегда играл важную роль в торговле, в том числе и транзитной. Через Кашгар можно проследовать в долину р. Или, на запад — в Мавераннахр, а через Яркенд и в Индию.

По сообщению «Бэйши», Кашгар был большим государством. На его территории располагались 12 больших и несколько десятков мелких городов. К сожалению, это сообщение не датировано, по-видимому, оно относится к первым векам новой эры, когда власть Кашгара временами простиралась на Яркенд и даже на Кучу. Позднее, после образования Тюркского каганата, Кашгар попал к нему в зависимость и регулярно выплачивал дань [606, гл. 83, с. 11б].

По сообщению «Синьтаншу», первое посольство из Кашгара прибыло к чанъаньскому двору в 635 г. Оно преподнесло в дар знаменитых лошадей из Западного края. В 639 г. прибыло второе посольство, преподнесшее изделия местных ремесленников, которые «Синьтаншу» уже называет данью [597а, гл. 221А, с. 10б]. Данный источник умалчивает о дислокации в Кашгаре танских войск, нет и сообщений о введении в княжестве нового

административного деления. Об этом, правда, свидетельствует «Цзютаньшу», которая относит этот акт к 674—767 гг. [659, гл. 40, с. 39б]. В случае если это сообщение соответствует действительности, «районирование» в Кашгаре и Хотане было проведено одновременно, т. е. фактически накануне тибетского вторжения 676—678 гг. [597а, гл. 221А, с. 10б].

После распада Тибетского государства на рубеже VIII—IX вв. Кашгар восстановил независимость. Дальнейшая судьба княжества не отражена в китайских источниках. В середине X в. на территории Семиречья и части Восточного Туркестана образовалось Караханидское государство, и Кашгар вскоре стал столицей его восточной половины (т. е. Восточного каганата).

Глава 8

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Данные о торговых связях населения Центральной Азии с окружающими его регионами восходят к III—II тыс. до н. э. Возникновению этих связей во многом способствовала разработка залежей полудрагоценных камней: лазурита (ляпис-лазури) в горах Бадахшана и нефрита в верхнем течении р. Яркенд. Письменные и археологические источники свидетельствуют о существовании торгового пути, по которому из района Бадахшана в Иран, Месопотамию и далее в Сирию, Египет и Анатолию доставлялся лазурит — камень, высоко ценившейся на древнем Востоке. Этот путь проходил через Хорасан и северо-восточную Мидию [495, с. 3—9; 558, с. 33]. О значительном объеме перевозок по этому пути свидетельствует тот факт, что ассирийский правитель Тиглатпаласар III (745—727 гг. до н. э.) обложил области, расположенные по ту сторону Заира ежегодной данью в количестве, соответствующем 9 т лазурита [558, с. 33] [1]. В ахеменидский период эти связи значительно расширяются. Кроме лазурита в страны Передней Азии из Согдианы и Бактрии вывозили сердолик, а из Хорезма — бирюзу [213, с. 220] [2].

Наряду с «лазуритовым» путем в древности существовал «нефритовый» путь, связывающий области Хотана и Яркенда с Северным Китаем. Как свидетельствуют материалы экспедиций А. Стейна, П. Пеллио и Ф. Бергмана, местное население освоило изготовление нефритовых изделий (полированных топоров) в неолитический период (время гобийской неолитической культуры) [760, с. 13—37]. Этот факт, а также сходство нефритовых изделий с каменными орудиями луншаньской культуры Северного Китая (III тыс. до н. э.) заставили У Виллетса высказать предположение, что в результате взаимодействия этих культур население Северного Китая заимствовало с запада технику обработки нефрита [1154, с. 44].

К какому времени восходит появление в Китае хотанского нефрита, сейчас сказать невозможно [3]. Вместе с тем можно счи-

[1] Существует, однако, точка зрения, что речь шла о лазурите, добывавшемся в Западном Иране.

[2] Следует также отметить, что в период Чжаньго бадахшанский лазурит проникает в Северный Китай [549, с. 450]. Лазурит также широко применялся в росписях буддийских пещер Восточного Туркестана.

[3] Ся Най считает, что значительная часть изученных им изделий из Аньяна (XII—XI вв. до н. э.) была изготовлена из нефрита, происходившего из

тать доказанным, что в I тыс. до н. э. хотанский нефрит вывозился в Китай в значительных количествах. Находки нефритовых изделий чжоуского и раннеханьского периодов (X в. до н. э. — I в. н. э.) по объему и численности значительно превосходят находки более поздних периодов. Этот любопытный и несколько парадоксальный факт можно отчасти объяснить западным происхождением чжоусцев, по-видимому поддерживавших определенные связи с населением Восточного Туркестана и впоследствии мигрировавших на восток [4].

В древнем Китае из нефрита изготовлялись государственные регалии, нефритовые изделия играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт. Восхищение этим полудрагоценным камнем, привозимым издалека, отражено во многих письменных источниках того времени.

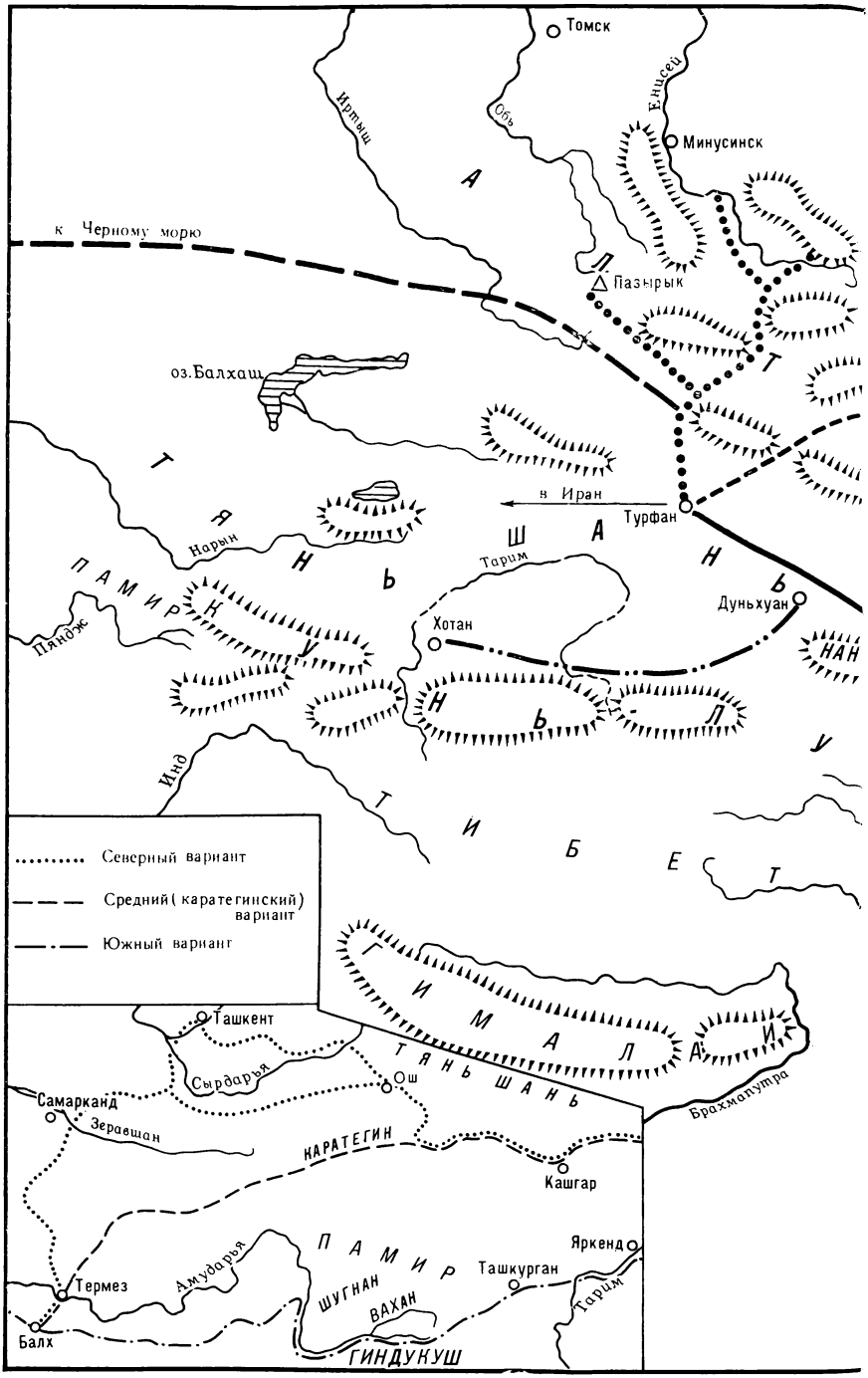
Среди текстов, относящихся к доханьскому времени и говорящих о хотанском нефрите, следует упомянуть доклад Ли Сы императору Цинь Шихуанди (246—209 гг. до н. э.), где говорилось о поступлении в императорскую сокровищницу нефрита с гор Кунь (т. е. Куньлунь) [607, цз. 123, с. 829]. Это свидетельство указывает на то, что западное княжество Цинь (территория современных провинций Шаньси и Ганьсу) играло ключевую роль в торговле хотанским нефритом. Чжан Цянь, посетивший Центральную Азию в 130—115 гг. до н. э., сообщал о добыче нефрита в Хотане для отправки его в Китай. Из его сообщения следует, что торговля нефритом существовала задолго до его поездки [907, с. 224]. Эгами Намио выдвинул гипотезу о том, что в качестве посредников в торговле нефритом выступали юэчжи, по его мнению, занимавшие до III в. до н. э. обширные территории Западной Ганьсу и Восточного Туркестана [720, с. 123—131].

До настоящего времени у нас очень мало данных, как археологических, так и письменных, имеющих отношение к этой торговле. Торговым эквивалентом Китая для торговли в Западном крае был шелк. Кроме того, установившаяся традиция посылать на запад кочевникам шелковые ткани засвидетельствована уже в доханьское время.

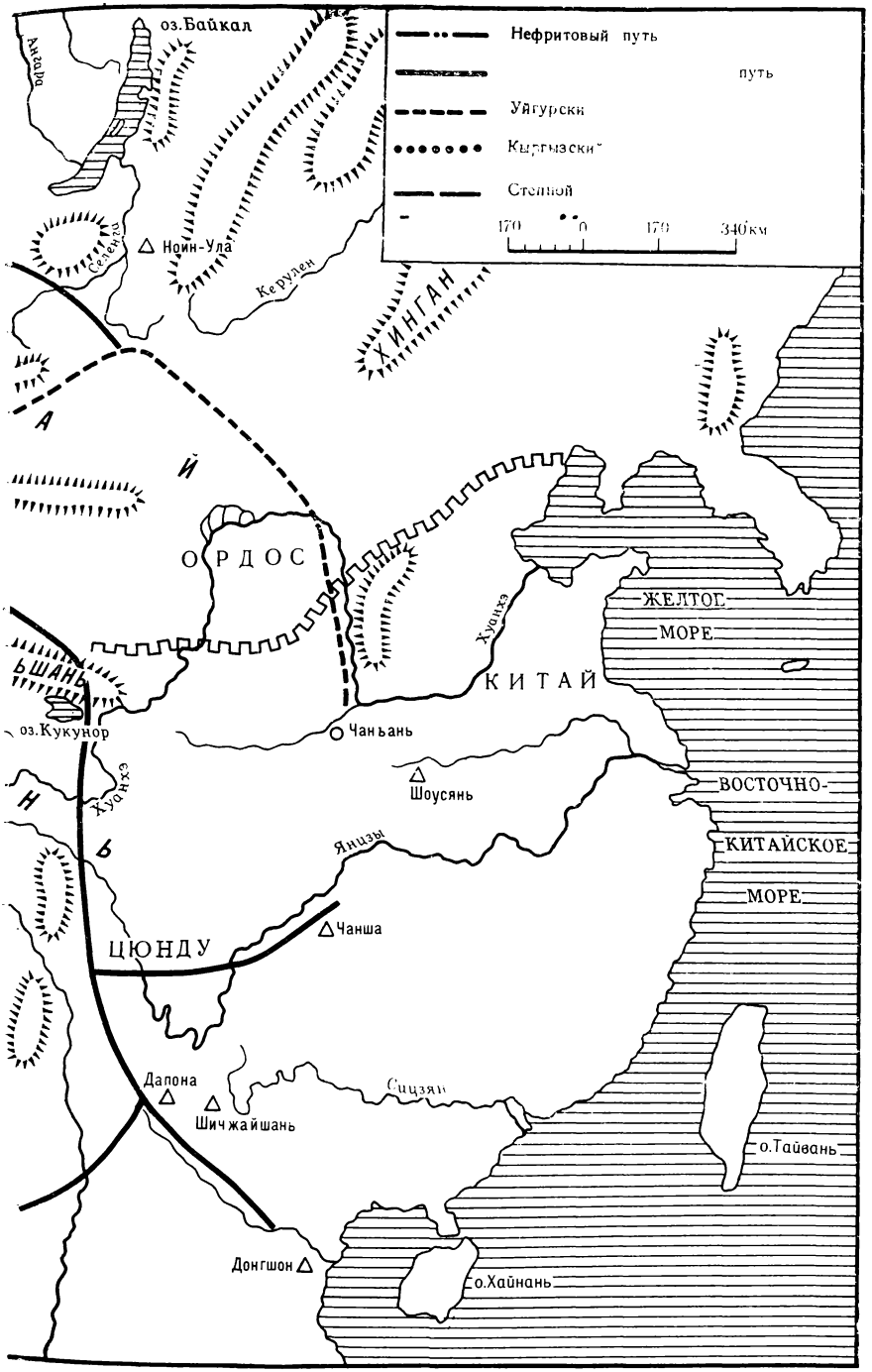
Первые известные нам письменные сведения о торговле шелком китайцев с западными соседями относятся к первой половине III в. до н. э. Так, в «Шицзи» сказано: «Ло из Уши (на территории современной пров. Ганьсу. — *Е. Л.*) разводил скот. Когда скота становилось много, он приобретал редкости и шелковые ткани и посылал их в подарок правителю жунов.

небольших месторождений Ланьтяня и Наньяна, впоследствии истощившихся [612, с. 3—5].

[4] Другое крупное местонахождение нефрита, которое было известно в древнем Китае, находится в Забайкалье. О связях этого региона с государством Инь свидетельствуют находки глиняных треножников типа *ли*, датированных концом II — началом I тыс. до н. э. [410, с. 114—132]. Этот факт отмечает также Ся Най [612, с. 3].

Карта 9. Торговые пути в Центральной и Восточной Азии (I тыс. до н. э.

-I тыс. н. э.); на врезке — трасса Великого шелкового пути в Средней Азии

Тот одаривал его скотом, цена которого вдесятеро превышала цену подарков» [607, цз. 129, с. 1169]. Среди подарков, взятых Чжан Цянем в его дипломатическую миссию на Запад, существенное место занимали шелковые ткани [907, с. 218]. Вероятно, по этому пути в долину Инда попала ткань sericae, о которой упоминает Неарх, один из полководцев Александра Македонского (Strabo XV, 1, 20) [885, с. 251]. По мнению Харада Ёсито, это была гладкая шелковая ткань, изготовленная в Сичуй (Западная граница — район современных провинций Шаньси и Ганьсу), т. е. в той области, где впоследствии Птолемей поместил страну Серика [872, с. 69]. Единственным известным нам археологическим подтверждением бытования шелка в Восточном Туркестане в период Чжаньго является находка фрагментов шелковой газовой ткани с ромбическим узором в богатом погребении в Турфанском оазисе [564, с. 18—22, табл. 8, фиг. 5].

Существует еще одно важное свидетельство существования торговых связей между Востоком и Западом в середине I тыс. до н. э. Это — стеклянные изделия, центром производства которых начиная со II тыс. до н. э. было Восточное Средиземноморье. Ближневосточные бусы, изготовленные из прозрачного стекла, были обнаружены в могильниках сакского времени (середина I тыс. до н. э.) на Южном Памире (могильники Акбеит и Тамда) и Тянь-Шане (могильник Джергетал) [80, с. 78—79]. Следует также отметить находку в могильнике Тамда и Аличур II фрагментов стеклянных браслетов [336, с. 75; 492, с. 50]. Кроме того, стеклянные бусы были обнаружены в Пазырыкских курганах на Алтае.

К сожалению, на территории Восточного Туркестана изучено небольшое число археологических памятников названной эпохи. Что же касается территории собственно Китая, то находки там привозных стеклянных изделий (главным образом бус), датированных периодом Чжаньго и началом Западной Хань, весьма многочисленны. Нанеся на карту эти находки, можно выявить два пути распространения привозных стеклянных изделий: из Восточного Туркестана в Шаньдун и из Хэнани в Гуандун [811, с. 429]. Тем самым подтверждается факт совпадения в древности путей распространения стекла и нефрита. По мнению Харада Ёсито, знаменитые хэшиская регалия (*би*) и суйхоуские бусы (*чжу*), хранившиеся в сокровищнице императора Цинь Шихуанди, так же как и «светящаяся ночью регалия» (*егуан би*), находившаяся в сокровищнице чуских правителей, были изготовлены из привозного стекла [871, с. 58—60]. Импортные стеклянные изделия, будучи по своему качеству значительно выше местных, охотно копировались китайскими мастерами [1091, с. 1—64].

Археологические открытия последнего времени позволяют выявить неизвестную ранее систему связей, игравших значительную роль во второй половине I тыс. до н. э. Речь идет о

«западном меридиональном пути», связывавшем Центральную Азию и Южную Сибирь с юго-западными районами современного Китая, северной Бирмой и северным Вьетнамом. Этот путь шел через Ордос и плоскогорье Ганьсу и Шэньси и далее через степи Сунфаня до верхнего течения рек Миньцзян и Даду. Затем дорога пролегала вдоль течения этих рек на юг в Юньнань через Лусюнь, Чжаотун, Куньмин, Дали и далее шла в Бирму или современную пров. Гуйчжоу [578, с. 165—182]. Северный отрезок этой дороги был, по-видимому, зафиксирован в «Географии» Птолемея. При нанесении на карту пунктов, упомянутых в шестой книге его «Географического руководства», прослеживается путь, идущий в Джунгарию, Западную Монголию и далее в Цайдам [764, с. 251—253].

Этот путь протяженностью в несколько тысяч километров проходил главным образом по степному плоскогорью, что значительно облегчало движение по нему центральноазиатских кочевников. По «западному меридиональному пути» шла активная миграция в обоих направлениях, хотя основным было движение с севера на юг, и прежде всего миграция на юг цянских племен. Как свидетельствует «Цяньханьшу», этот маршрут был знаком древним китайцам, которые называли его «дорога цянов» [907, с. 209].

Самые ранние сведения письменных источников о передвижении центральноазиатских племен по этому пути восходят к первой половине IV в. до н. э. [135, с. 13]. В IV—III вв. до н. э. по «западному меридиональному пути» продвигались юэчжи, оттеснявшиеся на запад хунну. В результате вынужденного переселения юэчжи разделились на две ветви: бóльшая часть их мигрировала в Бактрию и меньшая (малые юэчжи), как установил П. Пеллио, дошла до области Хуанжун, к востоку от оз. Кукунор [1034, с. 371].

В результате частых переселений и многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями. Историческая этнография северного Индокитая и соседних с ним регионов свидетельствует о многочисленных заимствованиях местного населения из культуры скотоводческих районов Центральной Азии [541, с. 133—160]. По «западному меридиональному пути» в княжество Чу попадал хотанский нефрит. Трактаты «Хань Фэйцзы» (IV в. до н. э.) и «Хуай Наньцзы» (III в. до н. э.) сообщают любопытные сведения о знаменитой нефритовой регалии из Хэпо, которая в древности через юэчжей попала в княжество Чу [720, с. 129—130].

С севера далеко на юг проникали изделия, выполненные в традиционном скифо-сибирском «зверином стиле». Значительное число подобных изделий было обнаружено на территории Чу [923, с. 103]. Связи с Центральной Азией отчетливо прослеживаются по археологическим материалам, обнаруженным при раскопках в Лифане и Ганьцзы (пров. Сычуань) и датированным последними веками до новой эры [561, с. 62—63; 801,

с. 63—80], а также в Дапона и Юнчжи (пров. Юньнань), где были найдены статуэтки, выполненные в «зверином стиле», и оружие сибирского типа [666, с. 369—370; 679, с. 244—248].

Для изучения контактов, происходящих по «западному меридиональному пути», большое значение имеют раскопки в Шичжайшане и Тайбайшане (пров. Юньнань), ведущиеся с 1955 г. Значительное число раскопанных могил представляют собой погребения правящей верхушки государства Дянь, существовавшего в IV—II вв. до н. э. в верхнем течении р. Янцзы [680, с. 269—270; 681; 682, с. 459—461].

В смешанной дяньской культуре отчетливо выделяется важный компонент всаднической культуры Центральной Азии [217, с. 62—67]. Многочисленные памятники «звериного стиля», найденные в Шичжайшане, связаны со «звериным стилем» Евразии. По мнению М. Пираццоли, при заимствовании этих мотивов в южных районах важную роль играли сакские племена района р. Или и Памира [1041, с. 121—124].

В орбиту этих связей в IV—III вв. до н. э. были, по-видимому, втянуты районы Восточной Индии. В «Артхашастре», согласно традиционной датировке, относящейся к IV—III вв. до н. э., есть упоминания о шелковых лентах (anapatta), происходящих из «китайской земли» (cinabhamija), т. е. из страны Цинь. Следует отметить, что название Цинь появляется в «Артхашастре» до объединения Китая и относится лишь к западному княжеству Цинь [96, с. 861; 1029, с. 269]. Однако этот вопрос не так прост, как представляется сторонникам традиционного взгляда. Многие ученые сейчас полагают, что «Артхашастра»— разновременный памятник, оформленный в виде единого сочинения в первые века новой эры. Неоднократно анализировался исследователями и приведенный пассаж, причем некоторые ученые предлагают считать слово cina поздней интерполяцией [140, с. 22—24; 1131, с. 218—219].

Материальные свидетельства контактов, происходивших по «западному меридиональному пути», содержатся среди находок в Пазырыкских курганах и в Южной Сибири. Обнаруженные в Пазырыке уникальная шелковая вышивка и полихромная шелковая ткань, судя по аналогиям, были изготовлены в княжестве Чу [610, с. 56, табл. 18; 665, табл. 21, фиг. 3]. Бронзовые зеркала с Т-образным орнаментом, обнаруженные в Пазырыке, Минусинской котловине и Восточном Казахстане, также происходят из Чу [353, с. 37, рис. 1—3]. Находки подобных зеркал на территории других древнекитайских княжеств единичны. Ввиду этого наличие трех зеркал в Южной Сибири является доказательством существования связей между столь отдаленными друг от друга регионами.

Важные сведения о бытовании в Центральной Азии товаров из областей Шу и Цюнду (современная пров. Сычуань) содержатся в гл. 123 «Шицзи», в известиях о путешествии Чжан Цяня на Запад. Сыма Цянь, в частности, пишет: «В бытность мою

в Дася (Бактрии) я (т. е. Чжан Цянь. — *Е. Л.*) видел там бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу и спросил, откуда они получают это? Жители царства Дася сказали мне, что купцы их ходят торговать в Шэньду» [136, с. 153]. Более подробные сведения о путях проникновения этих товаров в Бактрию содержатся в гл. 116 «Шицзи», где отмечается, что цюнские бамбуковые посохи и шуские холсты были приобретены у купцов из Шу [607, цз. 116, с. 1074].

В представлении китайцев эпохи Ранняя Хань страна Шэньду включала северо-восточную Индию, Бирму и часть Юньнани [574, с. 561—566]. Цюнская разновидность бамбука отождествляется с «квадратным бамбуком» (Bambusa или Phyllostachus quadrangularis), произрастающим на северо-востоке пров. Юньнань и в Западной Сычуани [950, с. 535—537].

По мнению Ю Чжуна, выражение «шубу» — «шуские холсты» — в ханьском Китае означало хлопчатобумажные ткани, упомянутые во многих письменных источниках первых веков новой эры [678, с. 25]. Мы склоняемся к точке зрения Жао Чжунъюаня, считавшего выражение «шубу» общим обозначением тканей из растительных волокон, которыми торговали шуские купцы [574, с. 575]. Первые сведения о торговой деятельности шуских купцов в северо-западном Китае восходят к периоду Чуньцю [646, цз. 129, с. 1169], а данные о бытовании там шуских холстов относятся к началу IV в. до н. э. Как сообщает «Хоуханьшу», со времени циньского Хуэй-вана (399—387 гг. до н. э.) племена *чжун* и *чжи* из области Ба (Западная Сычуань) платили подати циньскому двору. Ежегодно каждое хозяйство посылало восемь чжанов и два чи иноземных холстов, изготовленных *южными мань* [646, цз. 116, с. 1063]. По нашему мнению, из шуских холстов (кендыря или хлопка) были пошиты две рубахи, обнаруженные в пятом пазырыкском кургане [492, с. 104, 105, 241, табл. 25, 1].

Таким образом, древние китайские тексты и данные археологических находок (прежде всего в Шичжайшане и Пазырыке) убедительно свидетельствуют, что во второй половине I тыс. до н. э. по «западному меридиональному пути» происходила значительная миграция населения и активная торговля. Южными ее контрагентами были купцы из Шэньду и Шу, северными — бактрийские торговцы. Изменившаяся в последующие века политическая сигуация значительно ограничила связи по «западному меридиональному пути», хотя движение по нему продолжалось [5].

Со временем существования «западного меридионального пу-

[5] Яркой иллюстрацией этому может служить история дансянов-тангутов. В III—II вв. до н. э. их предки переселились из современной Ганьсу на плоскогорье Западной Сычуани, где они жили в течение длительного времени. В начале VII в. дансяны вновь переселяются на север и обосновываются в районе Ордоса, который стал ядром образовавшегося в конце X в. могущественного государства Западное Ся.

ти» совпадает функционирование «степного пути», связывающего побережье Черного и Азовского морей с Центральной Азией. Первые дошедшие до нас сведения о направлении этого пути и живущих вдоль него народах содержит поэма «Аримаспея» Аристея Проконнесского (VII в. до н. э.). Эта поэма сохранилась во фрагментах и последующих кратких пересказах Геродота и других авторов.

В «Истории» Геродота дается достаточно подробное описание этого важного торгового пути. Если вслед за Дж. Хадсоном [906, с. 37; 1038, с. 161—167] нанести описанный Геродотом путь на карту, то становится очевидным, что торговые караваны начинали свой путь в Танаисе и шли вверх по Дону через земли савроматов до современного Волго-Донского канала. Затем путь шел в район Оренбурга, где находились леса, населенные будинами. После этого дорога поворачивала на восток к югу от Уральских гор через засушливые области Большого Иргиза и Общего Сырта, называемые Геродотом пустыней. Далее на восток дорога окаймляла «лесную степь», где по течению Тобола и Ишима жили иирки. Близ современного Семипалатинска мы находим «другие скифские племена». Пройдя их земли, караваны попадали на каменистую равнину, представляющую собой отроги Алтайских гор. Торговый путь заканчивался в стране агриппеев — народа, у которого «как мужчины, так и женщины лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками» (Геродот VII, 23). Наиболее, на наш взгляд, вероятное местопребывание этого народа — в верховьях Иртыша, в районе оз. Зайсан.

Об активности торговых и прочих контактов на этом пути существует важное свидетельство Геродота: «Страны до этих лысых людей и народы, живущие по ту сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь сведения о них можно получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к агриппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках» (Геродот IV, с. 24). За агриппеями находились «высокие неприступные горы», которые можно отождествить с Алтайским хребтом. Используя сведения Аристея, Геродот говорит еще о трех народах: исседонах, до которых доходил Аристей, аримаспах и гипербореях. Многие ученые помещают исседонов Аристея в степи и лесостепи Зауралья. Соответственно земля аримаспов отождествлялась с Монголией.

Связи между Южной Сибирью и древними цивилизациями Передней Азии в середине I тыс. до н. э. осуществлялись по пути, идущем из ахеменидского Ирана через Восточный Туркестан в Туву, на Алтай и Минусинскую котловину. Восточная часть этого пути, от Восточного Туркестана до Южной Сибири, по-видимому, совпадала с «кыргызским путем» средневековых китайских и арабских письменных источников. О связях Юж-

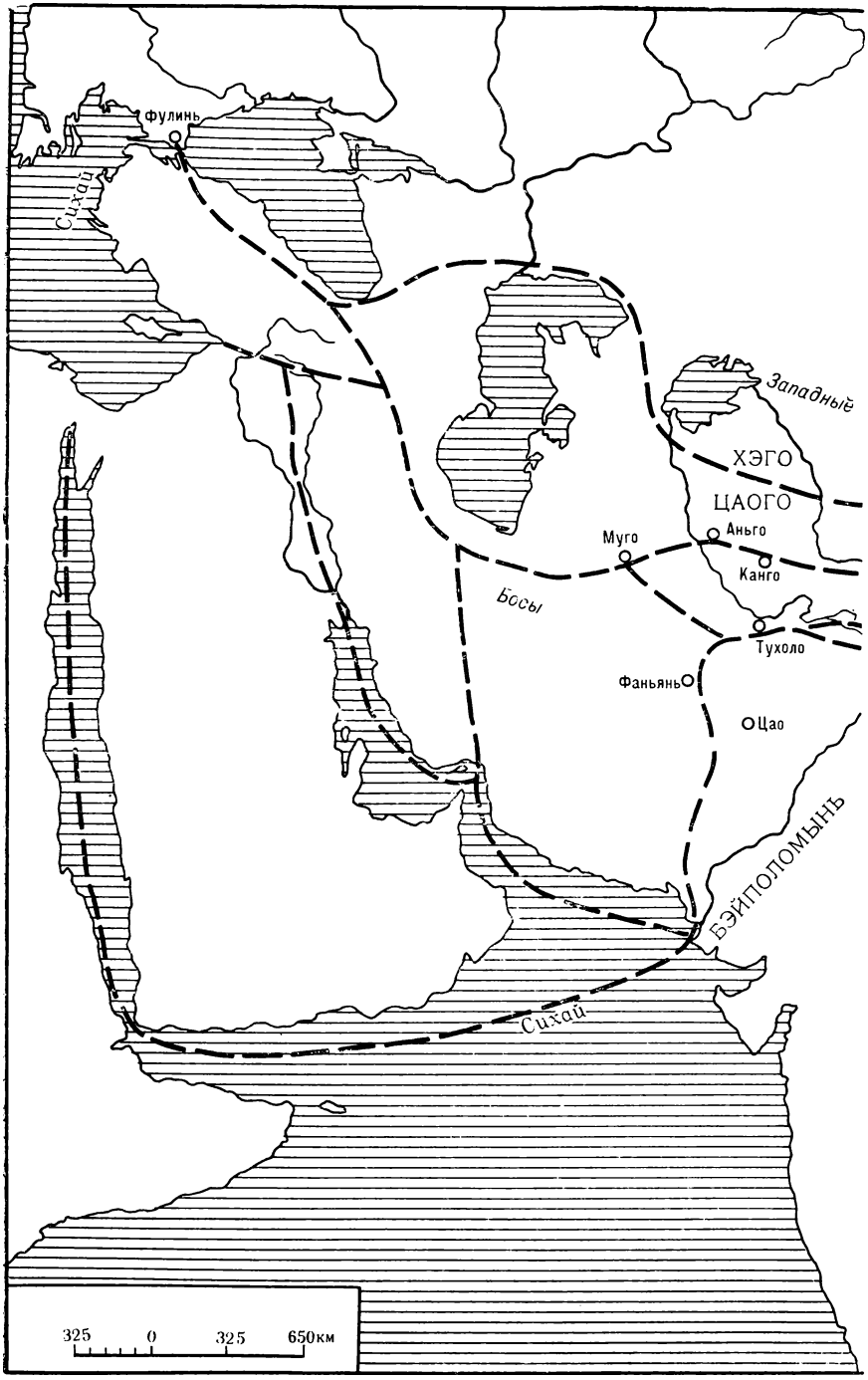
ной Сибири с Ближним Востоком свидетельствуют уникальные находки из Пазырыкских курганов. Упомянем такие шедевры ахеменидского искусства, как ковер и художественная шерстяная ткань с изображением ритуальной сцены [492, с. 246—248, табл. 115—117]. О значительной древности этих связей, восходящих к VIII в. до н. э., говорят и находки в кургане Аржан (Тува) шерстяных тканей ближневосточного происхождения [208, с. 25, рис. 9; 449, с. 199—206]. Восточный отрезок этого пути, вероятно, соприкасался с северной частью «западного меридионального пути», по которому в Центральную Азию поступали изделия из юго-западного Китая. Возможно, что этот путь был как-то связан со «степным путем», описанным Геродотом.

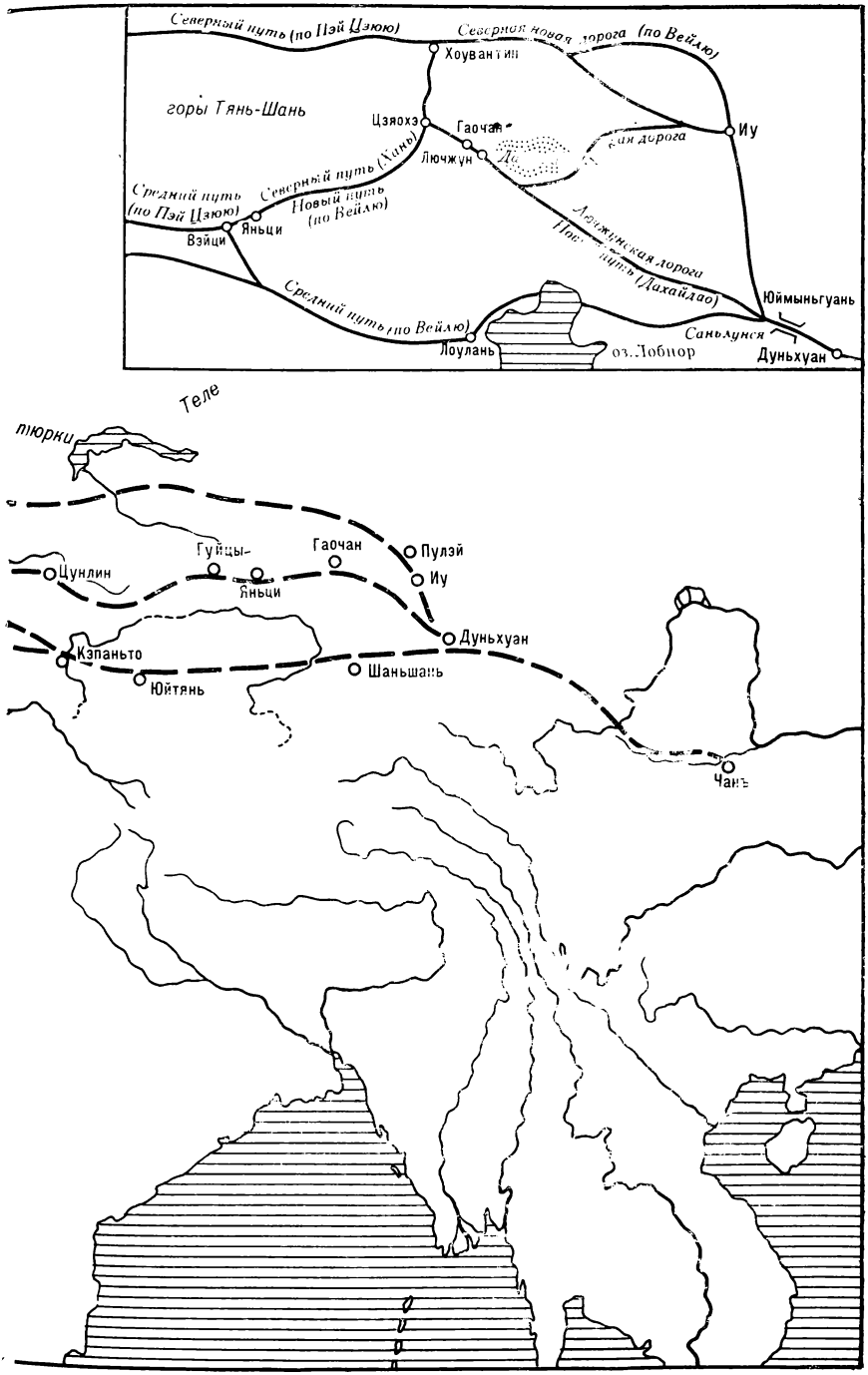
Создание в III в. до н. э. государственного образования сюнну обусловило политическое ослабление племенных союзов Южной Сибири; Тува и Минусинская котловина попали под сюннускую гегемонию. Вершины своего могущества сюнну достигают в первой половине II в. до н. э., подчинив себе обширные территории Центральной Азии, в том числе главные оазисы Восточного Туркестана. После завоевания сюнну западных земель произошло значительное расширение их торговых и прочих контактов со Средней Азией и Ближним Востоком. К этому времени, вероятно, относится начало функционирования пути из Восточного Туркестана в Северную Монголию, по-видимому в общих чертах совпадавшего с «уйгурским путем» раннесредневековых китайских письменных источников. По этой дороге правящей сюннуской верхушке доставлялись художественные изделия эллинистического Ближнего Востока. Об этом наглядно свидетельствуют находки в погребениях сюннуских шаньюев в горах Ноин-ула (Северная Монголия), датированные последними годами до новой эры. В раскопанных экспедицией П. К. Козлова в 1924—1925 гг. восьми курганах были обнаружены высокохудожественные шерстяные ткани, гобелены и вышивки, привезенные в Северную Монголию из Согда, Греко-Бактрии и эллинистической Сирии [491, с. 97—110].

Выход ханьцев во второй половине II в. до н. э. в Ганьсуский коридор, а затем в Восточный Туркестан значительно меняет сложившуюся в Центральной Азии систему путей. Во II—I вв. до н. э. происходит освоение пути, или, точнее, сети дорог, связывающих основные культурные регионы Евразии. В вышедшей в 1877 г. и ставшей классической работе «Китай» К. Рихтгофен назвал эту трассу «Шелковый путь», и с течением времени это название стало общепринятым [1071, с. 454].

Сведения о направлении указанных дорог и о перевозимых по ним товарах содержат две группы письменных источников: китайские и античные. Важные материалы, существенно дополняющие данные текстов, дали археологические раскопки, производившиеся на различных участках Великого Шелкового пути с начала этого столетия.

Как свидетельствуют «Описания Западного края» китайских

Фулинь
Сихай
Западный
ХЭГО
ЦАОГО
Муго
Аньго
Канго
Басы
Тухоло
Фаньянь
Цао
БЭЙПОЛОМЫНЬ
Сихай
325 0 325 650км

Северный путь (по Пэй Цзаюю)
Северная новая дорога (по Вейлю)
Хоуванчин
горы Тянь-Шань
Цзяохэ
Гаочан
Иу
Лючжун
Средний путь (по Пэй Цзаюю)
Северный путь (Ханьский)
Новый путь (по Вейлю)
Вэйци
Яньци
Лоулань
оз. Лобнор
Юймыньгуань
Дуньхуан
Теле
тюркн
Гуйцы-
Цунлин
Яньци
Гаочан
Пулэй
Иу
Дуньхуан
Кэпаньто
Юйтянь
Шаньшань
Чанъ

династийных историй, в первый период существования Великого шелкового пути через Восточный Туркестан проходили две основные дороги: Южная (Наньдао) и Северная (Бэйдао). Начинавшаяся в Юймыне Южная дорога, «выходя из Шаньшаня (район Лобнора), шла вдоль северного склона Южных гор (Куньлунь), вдоль Реки (Яркенд) и далее на запад до Шачэ (Яркенд)» [907, с. 72]. Далее дорога вела в Ташкурган и Вахан. Из Вахана шло два пути: первый из них на запад в Балх и далее в Мерв, Гекатомпил, Экбатану, а затем в Ктесифон. Оттуда путь следовал по древней ахеменидской дороге через Северную Месопотамию в Сирию до Антиохии. После усиления Пальмиры во II—III вв. дорога шла через Сирийскую пустыню, проходя Пальмиру и заканчиваясь в Дамаске [889, с. 137—225; 1026, с. 139—145; 1095, с. 73—163]. Путь из Вахана на юг проходил через Гилгит и Кашмир в Гандхару, заканчиваясь в Барбариконе (устье Инда) и Баригазе (Броч).

Северная дорога, следуя через Лоулань до Карашара, далее «вдоль Северных гор (Тянь-Шань) и по Реке (Тарим) шла на запад до Шулэ (Кашгар)» [907, с. 73]. Узловым пунктом на этом пути был Карашарский оазис (Яньци), куда направлялись караваны, идущие из Лоуланя (Кроранны). Из Кашгара «северный путь» вел через перевал Терекдаван в Ферганскую долину и оттуда в земли Канцзюй (Мавераннахр), Яньцай (район Нижней Волги и Приуралья), оканчиваясь в Северном Причерноморье.

В связи с изменением политической обстановки в Центральной Азии и под влиянием климатических факторов направление путей менялось [904, с. 85—113]. В III—IV вв. н. э. на участке «южного пути» от Черчена до Хотана в древних оазисах Эндере, Ния (Кадота), Дамдан (Нипа) угасает жизнь, и дорога отклоняется к югу, проходя близ северных отрогов Куньлуня.

Важные сведения о направлении путей, связывающих Запад и Восток в первые века новой эры, сообщает труд «Вэйлюэ», составленный в первой половине III в. н. э. Юй Хуаном. [793, с. 519—571; 1018, с. 361—400]. В нем отражены изменения в системе дорог, проходивших через Восточный Туркестан. Так, Юй Хуан подробно описывает отрезок пути от Дуньхуана через «Барханы белого дракона» в Лоулань и далее в Кучу. Эту дорогу, ведущую на запад и совпадавшую со старым Северным путем, Юй Хуан называет Средним путем (Чжундао) [706, с. 429—466]; ее также называли Прямым путем (Цзиндао) [636, с. 117—119]. По данным «Цяньханьшу», в начале I в. н. э. начинает функционировать Новый путь (Синьдао), следующий из Юймыньгуаня через безводную пустыню в Лючжун и далее в Цзяохэ (Турфанский оазис) и Цюцы (Куча), где он сливался со Средним путем. Как свидетельствует «Вэйлюэ», роль Нового пути в торговых контактах между Западом и Востоком к III в. значительно возросла. Большой интерес вызывают сведения «Вэйлюэ» о появлении Северного нового пути (Бэйсинь-

дао), который, выходя из Юймыньгуаня и обходя пустыню с востока, вел в Иу (Хами) и далее шел на запад вдоль северных отрогов Тянь-Шаня [706, с. 467—499].

В античном мире первые сведения о существовании торговых путей, связывающих страну серов (Восточный Туркестан и Северный Китай) с Индией, появляются в сочинении Псевдоарриана «Перипл Эритрейского моря», датированном второй половиной I в. н. э. [457, с. 264—281]. Значительно более подробные данные о Великом шелковом пути содержатся в «Географическом руководстве» Птолемея, написанном в середине II в.

Неточность и неопределенность координат и расстояний, приведенных Птолемеем, затрудняет определение местонахождения Каменной башни (VI, 13, 2) и находившегося близ нее г. Горметериона, которые являлись основными перевалочными пунктами для западных купцов, идущих с караванами в Серу. Говоря о Горметерионе, Птолемей (VI, 15, 3) уточняет, что он находился в Скифии, лежащей по ту сторону горы Имай, близ страны Касия [804, с. 45—46; 1073, с. 38, 50].

На начальном этапе изучения этой проблемы, в первой половине XIX в., Каменную башню помещали в Ташкенте или Оше. Сторонники первой точки зрения (861, с. 123—124; 1060, с. 160; 1079, с. 275] в этом предположении опирались на этимологию топонима Ташкент (Каменный город), а также на данные, содержащиеся в книге Бируни «Индия» [133, с. 271]. Э. Уилфорд [1153, с. 323], а вслед за ним К. Риттер [1072, с. 413], А. фон Гумбольдт [910, с. 134] и К. Лассен [948, с. 534] отождествляли Каменную башню со священной горой Тахти-Сулейман в окрестностях г. Ош. Согласно этой гипотезе, дорога, описанная Птолемеем, вела из Бактры в Самарканд и далее через Ташкент или Ош в Кашгар.

Ввиду своей несостоятельности к 60-м годам XIX в. северный вариант был отвергнут, и на смену ему появляются теории южного и среднего вариантов. Сторонники южных вариантов (Х. Юл в поздних работах [1162, с. 97—98], Х. Роулинсон [1059, с. 469—488; 504], Ж.-Б. Пакье [1013, с. 23—26], В. Томашек [1136, с. 112], И. Маркварт [991, с. 3] и А. Стейн в своих первых работах [1117, с. 67]) помещали Каменную башню в районе Ташкургана и, таким образом, по их мнению, путь, описанный Птолемеем, шел через Вахан до Ташкургана и далее к Яркенду.

В упомянутой выше работе «Китай» известный немецкий географ К. Рихтгофен развил точку зрения, высказанную первоначально Х. Юлом в его ранних работах [1161, с. 149], согласно которой путь из Балха шел на север, пересекая Амударью близ Термеза, по долине Сурхандарьи, вдоль Вахша, через Каратегин, Алайскую долину и далее в Кашгар [1161, с. 496—500]. К этой точке зрения примкнули В. Томашек [1137, с. 496—500] и И. Маркварт [991, с. 737]. Каратегинский

вариант был поддержан исследованиями Н. А. Северцова [1092, с. 438], Гренара [851, с. 17] и многочисленными работами А. Стейна [1109, с. 54—55; 1111, т. 1, с. 848—850; 1113, с. 242]. После длительных изысканий А. Геррманна, посвященных Шелковому пути и исторической географии Центральной Азии [883; 885], эта точка зрения стала господствующей. Важным аргументом в пользу каратегинского варианта были сведения, приведенные Ибн Русте в «Худуд аль-алам» (начало X в.), где он упоминает область Кумид (Кумед) [102, с. 120—121; 376, с. 158; 906а, с. 361—363; 1136, с. 3], расположенную в верховьях Вахша. Сыграли роль и сходные сообщения других арабо-персидских авторов. Эту область сторонники «среднего пути» отождествляли с «горной страной комедов» Птолемея.

Вместе с тем следует указать, что данные китайских источников не свидетельствуют в пользу каратегинского варианта. Так, из текста Птолемея явствует, что описанная им дорога из Бактрии через Комедские горы до Каменной башни и далее в Серу являлась единственным торговым путем, идущим с Запада на Восток. С другой стороны, в тексте «Описаний Западного края» ханьских династийных историй также содержится утверждение, что «южный путь» — единственный сухопутный путь, связывающий Ханьскую империю с Бактрией и далее со страной Дацинь (восточные провинции Римской империи). Как отмечалось выше, этот путь проходил через Хотан, Яркенд, район Вахана и Балх. Что касается пути, идущего через Каратегин и Алайскую долину, то никаких сведений о нем древние и средневековые китайские письменные источники не содержат. Вызывает также недоумение тот факт, что практически не было сделано попыток поиска упоминаний о Каменной башне в китайских письменных источниках.

Для отождествления данных Птолемея и древних китайских текстов японский исследователь Сиратори Куракити провел большую работу [1097, с. 1—34]. Он отверг каратегинский вариант, предложенный К. Рихтгофеном, и настаивает на южном варианте пути: через Балх, Вахан, окрестности Ташкургана в Яркенд. Важным звеном в его утверждении является выяснение местонахождения Комеда, через который проходила дорога к Каменной башне и области Касия с г. Горметерионом. Тщательное изучение письменных источников позволило Сиратори привести аргументы в пользу того, что на территории Памира существовало две области, имеющие название Комед, одна из которых находилась в районе Дарваза, а вторая в Ваханской долине. При этом название дарвазского Комеда появляется лишь в VII в., в то время как топоним Комед для восточной части Ваханской долины восходит к первым векам новой эры, т. е. ко времени составления птолемеевского «Географического руководства» [1097, с. 14—21].

Важным доводом сторонников каратегинского варианта был вопрос о взаимном расположении области Касия и г. Гормете-

риона. На основании «Сиюй цзи» Сюаньцзана утверждалось, что эта область находилась в районе Кашгара. Сравнительное изучение исторических текстов и ранних буддийских сутр дало возможность Сиратори Куракити утверждать, что, как и в случае с наименованием Комед, топоним Каса для Кашгара появляется в VI в. Данные, содержащиеся в сочинениях Суньюня (начало IV в.), Даоаня (конец IV в.) и других буддийских паломников, свидетельствуют, что по меньшей мере с начала II в. н. э. до первой половины V в. район Ташкургана носил название Каса (Kosha) по родовому имени правящей там династии и, следовательно, там находились г. Горметерион и Каменная башня [1097, с. 22—27].

Текст Сюаньцзана свидетельствует, что Каменная башня Птолемея должна соответствовать Большой Каменной скале (или утесу; *дашияй*), расположенной в районе современного Ташкургана. Согласно Сюаньцзану, в 200 ли к северо-востоку от Большой Каменной скалы находилась местность Бэньжаншэло (транслитерация санскритского punyasāla — гостиница для приезжающих). Согласно легенде, пересказанной Сюаньцзаном, в древности на этом месте более 10 тыс. купцов с караванами были застигнуты бурей и погибли. В то время в Копаньто (Ташкургане) жил великий архат. Он собрал товары и драгоценности погибших и на месте их гибели «основал гостиницы и постоялые дворы. Он накапливал деньги, покупал земли в окрестных странах и продавал дома в пограничных городах для того, чтобы помочь путешествующим. Поэтому и сейчас путешественники и купцы повсеместно получают помощь и поддержку» [609, цз. 12, с. 12а, 213а; 776, с. 582—612]. Это скопление гостиниц и постоялых дворов, описанное Сюаньцзаном, вероятно, можно отождествить с Горметерионом Птолемея.

Имеются также общие соображения, говорящие в пользу южного варианта. Они заключаются в следующем. Во-первых, Хотан с глубокой древности был основным поставщиком нефрита в Китай. Ввиду этого дорога через Хотан на восток была хорошо известна. Во-вторых, по сведениям китайских и восточнотуркестанских письменных источников, основные торговые контакты между Востоком и Западом шли по «южному пути». В-третьих, в указанный период Кушанское государство находилось в зените своего могущества, и южная часть Восточного Туркестана попала под политическое влияние империи. Естественно, что связи кушанов с Восточным Туркестаном и Ханьской империей проходили по «южному пути». Кроме того, активным торговым и политическим контактам способствовало усиление государств Кроранна и Хотан, подчинивших себе во II в. н. э. мелкие оазисные государства на южной трассе Великого шелкового пути [698, с. 215—227]. К тому же в начале I в. до н. э. осваивается муссонное мореплавание через Индийский океан и резко возрастает объем торговли Римской империи с Индией через Баригазу, Барбарикон и другие примор-

ские города [161, с. 134—135; 537, с. 219—235; 906, с. 72; 1148, с. 31—32; 1152, с. 144—152]. В связи с этим, как свидетельствует автор «Перипла Эритрейского моря», приток шелка из Восточного Туркестана значительно возрастает [457, с. 264—281].

Объективными свидетельствами, говорящими в пользу южного варианта Великого шелкового пути, служат археологические находки последнего времени. Раскопки в оазисе Ния поселений I—II вв. н. э. дают наглядное представление о важной роли Хотана как основного перевалочного пункта из Восточного Туркестана в Бактрию и Индию. Существенное место среди находок занимают предметы торговли — вывозимые на Запад шелковые ткани и привозимые оттуда шерстяные гобелены, ковры, узорные и набивные хлопчатобумажные ткани, стеклянные изделия [660, с. 278—282; 607, табл. 4—16; 676, с. 20—27]. Тексты на кхарошти, обнаруженные экспедициями С. Гедина и А. Стейна, говорят, что торговля шелком играла значительную роль в экономике оазиса. Так, упоминается торговля шелком в Хотанском оазисе, которую вели «купцы из Сина», есть и свидетельства того, что шелковые ткани широко применялись местным населением [698, с. 133—135].

О развитии торговой деятельности населения Хотанского оазиса свидетельствуют многочисленные находки двуязычных монет сино-кхарошти. Как убедительно доказал Эноки Кадзуо, эти монеты чеканились в районе Хотана, и, по-видимому, в течение продолжительного времени. Хотя начало выпуска монет установить еще не удалось, они находились в обращении, видимо, во II—III вв. [253, с. 109—120; 827, с. 231—276].

Ценные сведения о двустороннем движении по южному отрезку Великого шелкового пути (из Вахана через Каракорумский хребет к Свату) могут доставить многочисленные наскальные надписи и вотивные рисунки, обнаруженные в верховьях Инда в районе Гилгита экспедицией под руководством К. Йеттмара. Эти надписи и рисунки датируются I—VIII вв., и большинство их относится к кушанскому времени (II—III вв.). Они выполнены различными индийскими письменностями (кхарошти, раннее и позднее брахми); имеются бактрийские, парфянские и китайские надписи. Значительная часть их — на согдийском языке. Эти надписи и изображения, оставленные воинами, кушанскими, согдийскими и китайскими купцами, художниками, буддийскими монахами и паломниками, являются как бы «регистрационной книгой проезжающих по Шелковому пути» [909, с. 201—208; 915, с. 151—159].

Движение по бактрийскому участку «южного пути» зафиксировано знаменитыми находками в афганистанских городищах Тилля-тепе (I—II вв.) и Баграме (III в.). Среди находок отчетливо выделяются вещи эллинистического круга (ювелирные изделия, изделия из бронзы и стекла, гипсовые печати, монеты), памятники индийского (резная слоновая кость) и китайского

происхождения (бронзовые зеркала, лаки, ювелирные изделия) [494, с. 369—377; 858, с. 9а].

Что касается «северного пути», то данные «Шицзи» и ханьских династийных историй позволяют проследить его направление вдоль южных склонов Тянь-Шаня, через Ферганскую долину и Мавераннахр до низовьев Волги (одно ответвление этого варианта трассы могло идти от Самарканда на юг в Бактру) [6]. Анализ текста Чжан Цяня показывает, что первые сведения о Восточном Средиземноморье и античных колониях Северного Причерноморья (Лисянь китайских текстов) проникли в Ханьскую империю по «северному пути» [1096, с. 225—226]. Некоторые данные о «северном пути» содержатся в «Естественной истории» Плиния Старшего (VI, 36, 38). Плиний утверждал, что номады и савроматы, живущие на Северном Кавказе, имеют связи через Пролив (Нижняя Волга) с народом абзоев (abzoae) [7] и что абзои, подобно савроматам, состоят из множества племен, носящих различные названия. В свою очередь, почти буквальной передачей этнонима abzoae в китайских текстах является наименование *хэсу* (древнее чтение Нор-so или Нор-suo) [1096, с. 230—232; 1126, с. 200—201].

Детальное описание прикаспийских и закаспийских стран, содержащееся в «Географическом руководстве» Птолемея, предполагает активное функционирование «северного пути» в первые века новой эры. По всей вероятности, в описании этого региона Птолемей в качестве источника использовал итинерарий, аналогичный итинерарию Мая Тициана и содержавший данные о пути, идущем от Азовского моря через степи Нижнего Поволжья, через Хорезм и далее на юго-восток. По мнению Л. А. Ельницкого, предполагать существование такого дорожника заставляет и то обстоятельство, что, при наличии сравнительно точных данных относительно областей к северу от Каспийского моря, данные о самом Каспии и устьях впадающих в него рек и прибрежных пунктов страдают грубыми неточностями [246, с. 200—203]. Из этого источника Птолемей заимствовал свои сведения о р. Ра (Волга), вероятно впервые появившейся в античной географической литературе (V, 8, 12). Хотя Птолемей ничего не знает о волжской дельте, он сообщает точные сведения о направлении ее русла и впадении в нее р. Камы в Рифейских (Южный Урал) и Норосских (Мугоджа-

[6] Другой вариант трассы предложен в гл. 5 настоящего труда. Следует иметь в виду, что любое истолкование сведений Птолемея о направлении (направлениях) Великого шелкового пути на территории Средней Азии является спорным, а вся проблема — дискуссионной. Это касается и южного варианта, обоснованного в данной главе. Может быть, параллельно функционировали наряду с южным также каратегинский и самаркандско-ферганский пути, причем основной поток товаров шел по последнему пути [*Б. Л.*].

[7] Специалисты по античной истории предполагают, что этноним Abzoae (нигде, кроме трудов Плиния, не встречающийся) — искажение Гомеровых абиев. Некоторые рукописи дают чтение Authi. Однако сопоставление с китайскими текстами показывает, что первый этноним abzoae имеет право на существование.

ры) горах (VI, 14, 10—11), о верховьях рек Даикс (Урал) (VI, 14, 2; VI, 14, 4—5) и Иаст (Эмба) (VI, 14, 2).

Подобно тому как для древних греков «степной путь» был главным источником поступления шкур зверей, так и для древних китайцев «северный путь» был «меховым путем». В Ханьской империи особенно ценились соболиные меха из страны Янь, расположенной в Южном Приуралье и в бассейне Камы [674, с. 6; 1096, с. 226—228]. Часть мехов, попадавших в Восточный Туркестан, по свидетельству Псевдоарриана, по «южному пути» перевозилась в Индию и оттуда на кораблях — в Римскую империю [457, с. 275].

Свидетельства китайских и античных письменных источников о торговых связях по «северному пути» существенно дополняются данными археологических находок. Эти находки в основном связаны с двумя регионами: Ферганской долиной (с примыкающими к ней предгорьями Южного Тянь-Шаня, Алая и Ташкентским оазисом) и районом обитания сарматских племен. Как свидетельствуют обнаруженные за последние десятилетия археологические материалы, древняя Давань была важным транзитным центром на «северном пути». В руках местного населения скапливалось большое количество товаров, привозимых из Ханьской империи, прежде всего шелковые ткани, бронзовые зеркала, а также монеты *ушу* ранних выпусков [179, с. 176—177, рис. 8]. К самым ранним типам зеркал относятся зеркала *чжаомин* датированные I в. до н. э. (находки в Пскентском могильнике и на станции Вревская [180, с. 52—53]. Известны также находки зеркал типов *бай жу* I в. до н. э. — I в. н. э. (Фархадстрой) [344, с. 101, табл. 25, рис. 3] и I—II вв. н. э. (могильник Кайрагач) [249, с. 100—103, рис. 51, 1].

Во II—III вв. н. э. эти связи значительно активизируются. Указанным временем датируются находки из могильников долины р. Исфары и прилегающих районов [341, с. 130—133; 344, с. 98—99], а также могильников Карабулака [126, с. 64, рис. 141] и Тураташ (Западная Фергана) [126, с. 36—58, табл. 15]. В их числе зеркала арочного типа, гладкие, камчатые, полихромные шелковые ткани и вышивки. Аналогичные находки были сделаны в долинах Кетмень-тюбе [290, с. 109—123] и Кенкола [129; 289, с. 69, рис. 6; 290, с. 72, рис. 14].

Шелковые ткани и бронзовые зеркала по «северному пути» проникали в район Нижней Волги и Северное Причерноморье. Об этом свидетельствуют находки зеркал типа *итицзы* с надписями, датированные концом II—I в. до н. э., в погребениях у хутора Виноградное (Нижний Дон) [8] и с. Старая Полтавка в Нижнем Поволжье [501, с. 92, рис. 26]. Самое западное местонахождение ханьского зеркала — на Кубани. Зеркало украшено длинной благопожелательной надписью. Как и предыдущие, это зеркало также датируется концом эпохи Ранняя Хань (ко-

[8] Хранится в Ростовском краеведческом музее.

нец II—I в. до н. э.) [712, табл. 17]. Фрагмент камчатной шелковой ткани был обнаружен в погребении I в. близ Керчи [351, с. 29—30, табл. 9], а гладкие шелковые ткани — в погребении позднесарматского времени близ г. Мариенталь (ныне с. Советское) в Нижнем Поволжье [1058, с. 68].

Заслуживает внимания тот факт, что три найденных однотипных зеркала типа итицзы принадлежат к сравнительно раннему типу ханьских зеркал. Они начали изготовляться в современной пров. Шаньдун во второй половине II в. до н. э., и их производство продолжалось в течение I в. до н. э. [778, с. 26—27]. Эти зеркала являются самыми ранними китайскими изделиями, проникшими по «северному пути» далеко на Запад. Находка их может служить косвенным подтверждением того факта, что на раннем этапе связей между Западом и Востоком «северный путь», шедший через степи Евразии, имел более важное значение, чем «южный путь», активное функционирование которого восходит к I в. до н. э.

Несомненный интерес для изучения контактов, происходивших по «северному пути» в первые века новой эры, представляет находка в 1969 г. в Крыму близ г. Бахчисарая стелы сарматского времени (точнее — конца II — начала III в.) [544, с. 135—145]. На стелу нанесено рельефное изображение двух всадников; на нижней части ее по вертикали вырезаны четыре китайских иероглифа *машан эр жэнь* — «два человека [верхом] на лошадях». По характеру начертания иероглифы могут быть датированы первыми веками новой эры [598, с. 1387, рис. 2, 22, 29]. Насколько нам известно, это самая ранняя находка иероглифической надписи в данном регионе. Следует отметить, что она совпадает по времени с упомянутой выше шелковой тканью, обнаруженной в Керчи.

Среди товаров, поступавших по «северному пути» на Восток, важное место занимали изделия из стекла. По-видимому, тем же путем в Северный Таджикистан (в район Ура-Тюбе) проникло большое число (около 300) римских денариев II в. н. э., опубликованных Е. В. Зеймалем [252, с. 141—146].

Важные сведения о прохождении торговых путей в Центральной Азии в V—VII вв. содержатся в жизнеописании Пэй Цзюя в династийной истории «Суйши» [914, с. 81—115, 216—231]. Пэй Цзюй, живший в годы правления династии Суй (589—617), написал работу «Записи и карты Западного края». Эта работа впоследствии была утеряна, от нее сохранились лишь фрагменты. Один из них гласит: «От Дуньхуана к Западному морю идут три дороги, и у каждой дороги имеются ответвления, Северная дорога из Иу (Хами) проходит у озера Пулэй (Баркуль), [через земли] племени теле, ставку тюркского кагана (близ оз. Иссык-Куль), идет через Люхэшуй, доходит до страны Фулинь и достигает Западного моря. Средняя дорога выходит из Гаочана (Турфан) через Яньци (Карашар), Цюцы (Куча), Теле и далее через Цунлин (Памир), проходит через

страны Цао (Уструшана. — *Е. Л.*), Хэ, Большую и Малую Ань, Самарканд, Бухару, Муго [Мерв], доходит до Босы [сасанидский Иран] и достигает Западного моря. Южная дорога из Шаньшаня [р-н оз. Лобнор] идет через Юйтянь (Хотан), Чжуцзюйбо (Каргалык), Хэбаньто (Ташкурган), Цунлин и далее через Хуми (Вахан), Тохоло (Тохаристан), Еда (государство эфталитов), Фанъе (Бамиан), Цао (Газни), ведет в Боломэн (северо-западная Индия) и достигает Западного моря. От каждой страны также отходят дороги, которые, в свою очередь, пересекаются на юге и севере. Таким образом, следуя (по этим дорогам, можно попасть в любое место. Поэтому известно, что Иу, Гаочан и Шаньшань являются воротами в Западные земли» [608, цз. 67, с. 502].

Сравнивая путь, прослеженный Пэй Цзюем, с более ранними сведениями династийных историй, мы видим ряд существенных изменений. Если в первые века новой эры связи с далеким Причерноморьем поддерживались через Кашгар и Ферганскую долину, то к V—VI вв. новая трасса «северного пути» проходила через Хами, мимо оз. Иссык-Куль, по долине Таласа и далее к низовьям Амударьи и Волги. Следует подчеркнуть, что маршрут «северной дороги» Пэй Цзюя полностью совпадает с путем, описанным Менандром. Судя по описаниям Пэй Цзюя, «средний путь» сворачивал от трассы «северного пути» на юго-запад к Мерву и шел через сасанидский Иран и Армению в Константинополь (как и «северный путь» ханьских хроник). «Южный путь» у Пэй Цзюя полностью совпадает с «Южной дорогой» (Наньдао). Новую северную трассу Юй Хуан называет «северным новым путем», а Пэй Цзюй — просто «северным путем» (Бэйдао).

Восточный отрезок «среднего пути» Пэй Цзюя, от Юймыньгуаня до Карашарского оазиса (лючжунская дорога), соответствует «новому пути», описанному в «Вэйлюэ». К суйскому времени движение по нему ослабевает, и караваны стали предпочитать обходную дорогу, названную Пэй Цзюем «иуской (или хамийской. — *Е. Л.*) дорогой». Этот путь вел из Юймыньгуаня на северо-запад в Иу (Хами) и далее на запад в Гаочан (Турфан) [706, с. 467—494].

В описании «северного пути» у Пэй Цзюя нашло отражение возобновление торговых связей по древнему пути, связывавшему восточнотуркестанские и согдийские центры с Черноморским побережьем и Византией. Возобновление движения по этой дороге было связано с изменившейся политической ситуацией на Великом шелковом пути. Блокирование сасанидским Ираном транзитной торговли шелком обусловило поиски обходного пути. Этот путь, проложенный тюрко-согдийскими и византийскими посольствами, по сведениям Менандра, шел из городов Согда и ставки тюркского кагана «через реку Оикс» (Сырдарья — *Е. Л.*) и мимо «известного великого и широкого озера» (Араль-

р. Иаст (р. Эмба), р. Даикс (р. Урал) и топкими местностями до р. Аттилы (р. Волга). Через Аланию («по Даринской дороге») путь продолжался до Фасиса (р. Риони) и оканчивался в Трапезунде [111, с. 37—38; 163, с. 370—384].

Для изучения торговых связей по этому пути исключительно важное значение имеют находки из северокавказского могильника Мощевая балка, изученные А. А. Иерусалимской. Как свидетельствуют материалы могильника, торговля по этому пути, начавшаяся во второй половине VI в., продолжалась и в VIII—IX вв. Значительное место среди находок занимали согдийские шелковые изделия, составлявшие более 60% привозимых тканей. О прямых торговых связях с Танской империей свидетельствуют находки большого числа тканей китайского производства (гладкие, камчатные, полихромные ткани и набойки), составлявших 18—20% привозного текстиля [261, с. 64—72]. Значительный интерес представляет комплекс «документов китайского купца», куда входят китайские тексты (фрагменты художественных произведений, личные приходо-расходные записи) [259, с. 57].

Важным свидетельством торговых связей, осуществлявшихся в начале VIII в. по «средней дороге» (согласно Пэй Цзюю) через Самарканд, являются известные находки на горе Муг. Обладая к тому времени высокоразвитой техникой производства художественных тканей, согдийцы продолжали вывозить шелковые ткани из Танской империи, что подтверждается обнаружением на горе Муг значительного количества разнообразных китайских тканей (гладких, камчатных, полихромных) [170]. Находки в могильнике Астана и в «замурованной» пещере Дуньхуана согдийских тканей «занданичи» свидетельствуют об активной в то время двусторонней торговле по «средней дороге» [260, с. 47—55].

В начале эпохи Тан (VII — середина VIII в.) в системе торговых путей, связывавших оазисы Восточного Туркестана со Средней Азией, происходят некоторые изменения. Так, наряду с «северным путем», описанным Пэй Цзюем, появляется более короткий путь между Восточным Туркестаном и Семиречьем. Как указывает «Синьтаншу», этот путь шел через Аксу, Бедельский перевал и далее к оз. Иссык-Куль (597а, цз. 43б, с. 336]. Интересные сведения о караванной торговле, существовавшей в первой половине VIII в. между Турфанским оазисом и г. Гунъюэ (Алмалык), содержатся в документах, обнаруженных в могильнике Астана [704, с. 508—519].

Результатом активных экономических связей в VII — середине VIII в. явилось значительное влияние дальневосточного монетного обращения на монетную систему Средней Азии. Это воздействие сказалось в многочисленных выпусках бронзовых монет китайского типа с квадратным отверстием, с рамкой в центре и бортиком по краю. Прообразом их (во всяком случае, большинства выпусков) была монета с легендой *кайюань тун-*

бао (ходячая монета начала эры [правления]), впервые чеканенная в 621 г. Эти монеты в течение долгого времени играли ведущую роль в торговле на Великом шелковом пути, будучи международной валютой. Монеты *кайюань тунбао* уже в 30-х годах VII в. копировались в Согде. Затем на короткое время там устанавливается тип двуязычной согдо-китайской монеты с согдийской надписью на реверсе. Со второй четверти VII в. начинают выпускать монеты с именами владетелей (ихшидов) Согда и Самарканда и князей (афшинов) Панча в Панчикате (Пенджикенте) [508, с. 36—50].

Наряду с Согдом бронзовые монеты дальневосточного типа с квадратным отверстием в центре в VII в. выпускали среднеазиатские тюрки в Семиречье и Фергане, а также в районах Отрара и Чача (тюрко-согдийские монеты). В начале VIII в. появляются тюргешские монеты, известные по многочисленным находкам на городищах Семиречья (Краснореченское, Акбешимское и Таразское). На тюргешских монетах помещалась тамга правящего рода иногда вместе с китайским иероглифом *юань* или согдийской надписью на обороте [508, с. 50—53]. Через Согд китайские монеты оказали влияние и на тохаристанский монетный чекан.

Выпуск монет дальневосточного типа в Средней Азии к середине VIII в. прекратился. Это обстоятельство связано с арабским завоеванием Средней Азии, ослабившим экономические и политические связи с Танской империей и обусловившим угасание транзитной торговли на Великом шелковом пути.

О важной роли сасанидского Ирана в международной торговле IV—VII вв. свидетельствуют многочисленные находки серебряных сасанидских монет. Как правило, эти монеты (общее их число — около 1200) были найдены в основных торговых центрах на Великом шелковом пути (Уцзя, Турфан, Куча, Синин, Дуньхуан, Сиань, Лоян) [614, с. 91—110]. Изучение находок Ся Наем позволило сделать ряд важных выводов о системе торговых связей в то время. Обнаружение в Синине 76 сасанидских монет, чеканенных при шахе Перозе (459—484), свидетельствует об усилении роли Синина как важного транзитного центра в торговле между Западом и Востоком. Как установил Ся Най, наряду со старой дорогой через Ганьсуский коридор в V—VI вв. существовал путь из Цзиньюаня через Ланьчжоу и Синин и далее на северо-запад в Чжанъе, где он сливался со старой западной трассой. Детальное изучение письменных источников показывает, что именно по ней шли в Индию знаменитые китайские паломники Фасянь, Уцзе (первая половина V в.) и Суньюнь (первая половина VI в.) [615, с. 129—134].

Указание Пэй Цзюя о том, что Гаочан (Турфанский оазис) является воротами в Западный край, подтверждается нумизматическими находками в могильниках Астана и Караходжа, где было обнаружено 24 серебряных сасанидских и пять золотых

византийских монет [615, с. 129—134; 616, с. 253—254, 488—493]. С торговыми караванами сасанидские и византийские монеты доходили до Чанъаня, где было найдено 12 сасанидских и две византийские монеты. Находки значительного количества монет шаха Шапура II (309—379) и двух его преемников (32 монеты) говорят об активных торговых связях в IV в. между Восточным Туркестаном и Ираном, что существенно дополняет крайне скудные сведения письменных источников.

Ключевая роль Ирана в торговле на Великом шелковом пути, которую он начал играть при Перозе, также засвидетельствована многочисленными находками монет этого государя — всего 122 экз. В свою очередь, поддержка Китаем Сасанидов в период завоевания Ирана арабами и эмиграция значительного числа сторонников павшей династии в Восточный Туркестан и Китай засвидетельствованы находками 593 монет Хосрова II Парвиза (591—628), двумя монетами его дочери Борандухт (630—631) и тремя монетами последнего сасанидского шаха Йездегерда III (632—651) [613, с. 179—182; 616, с. 3—4] [9].

Византийские монеты, найденные в Туркестане, датируются периодом от правления Феодосия II (408—450) до Юстина II (565—578). Весьма вероятно, что значительная часть этих монет попадала на Восток по «северному пути», проложенному Менандром и согдийскими купцами. Подтверждением тому может служить находка золотой византийской монеты в могиле согдийского купца Кан Ада близ Дуньхуана [615, с. 129—134].

Являясь международной валютой, сасанидские и византийские монеты в V—VI вв. имели широкое хождение в Восточном Туркестане и на западе Китая. Как свидетельствует экономический раздел «Суйшу», «в провинциях, расположенных к западу от Хуанхэ, иногда обращаются золотые (т. е. византийские) или серебряные (сасанидские) монеты из Западных земель, что не запрещено правительством» [608, цз. 24, с. 226]. Данные о широком хождении серебряных сасанидских монет в оазисах Кучи и Турфана содержатся в династийных историях Северной Вэй и Северной Чжоу. Многочисленные тексты из Дуньхуана и Гаочана, обнаруженные экспедициями А. Стейна, Отани Сёсин и Хуан Вэньби, также свидетельствуют, что сасанидские золотые монеты широко применялись в то время при различных торговых сделках [701, с. 249—257, 488—494].

Характерная особенность торговых связей на Великом шелковом пути заключалась в том, что они часто осуществлялись в завуалированной форме — под видом приношения даров или подарков при обмене посольствами и дипломатическими миссиями. О процветании подобной завуалированной торговли уже в начале функционирования этой торговой трассы убедительно свидетельствует следующий пассаж из «Жизнеописания Чжан Цяня»: «Вначале был основан округ Цзюцюань для установле-

[9] О влиянии византийских монет на тюрко-согдийские см. [508, с. 56—58].

ния связей с северо-западными странами. Вследствие этого [увеличилось число] посылаемых посольств, которые доходили до стран Аньси (Парфия), Яньцай (район Нижней Волги и Приуралья), Лисянь (Римский Восток), Цзяочжи (север Вьетнама) и Шэньду (Северо-Восточная Индия и Бирма). Посольства на дорогах могли видеть друг друга. Одно большое посольство насчитывало несколько сот человек, а малое — сто с лишним. Дары, которые они брали с собой, были сходны с теми, которые посылались во времена хоу Бо-вана (Чжан Цяня) [10]. Каждый год число ханьских посольств, если их было много, насчитывало до десяти и более, и если мало, то пять-шесть. Те, которые уходили далеко, возвращались лет через восемь-девять, а ближние через несколько лет» [606, цз. 124, с. 1131]. В «Описании Давани» сказано: «Когда посольство возвращалось, неизбежно выяснялось, что посланцы по дороге грабили или разворовывали товары. Посланцы были людьми из бедных семей, которые рассматривали государственные подарки и товары как собственные и искали возможность купить товары в чужеземных странах по дешевой цене, чтобы извлечь выгоду по возвращении [в Китай]» [606, цз. 124, с. 1131].

Аналогичную картину можно наблюдать в описаниях посольств, прибывающих в Китай с Запада. Так, например, в период правления Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.) Цзибинь (Кашмир) прислал посольство с дарами. Император намеревался послать ответное посольство и дать эскорт цзибиньской миссии на обратный путь. Однако сановник Ду Цинь в послании на высочайшее имя предостерег: «Среди тех, кто приносит дары, отсутствуют члены семьи правителя или знать. Это все купцы или люди низкого происхождения. Их намерение — обмениваться товарами и вести торговлю под предлогом представления даров» [563, т. 6, цз. 96а, с. 1275]. Те же самые причины объясняют и приезд в Ханьскую империю дипломатических миссий из государства Кангюй. Как сказано по этому поводу в «Ханьшу», если мы спросим, почему [правитель Кангюя] посылает своих сыновей к ханьскому двору, то обнаружим, что, желая вести торговлю, он прикрывает обман красивыми словами [563, т. 6, цз. 96а, с. 1275].

Эта «дипломатическая торговля» продолжалась и в более позднее время. Так, по данным «Вэйшу», в 507 г. Сулэ (Кашгар) два раза, в 9-м и 10-м месяцах, присылало посольство с дарами. В 511 г. из страны Ганьда приходили одно за другим три посольства с дарами, а из стран Чжан (Удаяна), Цзяшими, Булюша, Побипо — по два посольства. В 517 г. по три посольства послали Дифоло и Кашмир. Как отмечает Фан Хао, под ширмою посольств прибывали обычные торговые караваны [636, с. 114—116].

Впрочем, еще на ранних этапах существования Великого

[10] В «Жизнеописании» читаем, что Чжан Цянь брал с собою «золото, ценности, шелковые ткани, и все это стоило громадные суммы».

шелкового пути «дипломатическая торговля» принимает значительные размеры. Так, еще в I г. до н. э. ханьское правительство послало сюнну 84 тыс. кусков (*пи*) шелковых тканей, в том числе полихромных, газовых, камчатных и вышитых, а также 74 тыс. цзиней [11] шелковой ваты [704, с. 249]. В результате центральноазиатские рынки переполнились китайскими товарами, и уже в конце II в. до н. э. в Давани (Фергана) «был избыток ханьских товаров» [606, цз. 123, с. 1132].

В свою очередь, как явствует из трактата «Яньтелунь», в Ханьской империи «мулы, ослы и верблюды непрерывно идут через границу. Хань становится владельцем обычных лошадей, лошадей в яблоках, гнедых и скакунов. Меха соболей, сурков, барсуков, окрашенные ковры-*цюйсоу* и декоративные покрывала-*дабэй* наполняют императорскую сокровищницу. В то же время нефрит и благородные камни, кораллы и хрусталь становятся государственными сокровищами» [682а, с. 14—15].

Наряду с «дипломатическими» на Великом шелковом пути использовались и другие каналы для ведения торговли. По данным письменных источников и текстов, обнаруженных в Цзюйяне, в Восточном Туркестане и Западном Китае существовали «лагерные» рынки (*цзюньши*) (возникли еще в период Чжаньго), «рынки на заставах» (*гуаньши*), или «иноземные рынки (*хуши*), и обычные городские рынки [1160, с. 94—96].

Вследствие усиления торговых связей в период Восточной Хань «посланцы и проводники двигались непрерывно в обоих направлениях, и иноземные купцы и коробейники приезжали ежедневно к границе для торговли» [646а, цз. 118, с. 1097]. По данным «Хоуханьшу», уже в I в. н. э. иноземные купцы по Великому шелковому пути проникают в столицу империи — Лоян. В 58 г., когда умер император Гуан У-ди, купцы из Западного края возвели храм и совершали жертвоприношения усопшему [1160, 1967, с. 219]. Все возраставший приток купцов из Западных земель в Китай привел к тому, что при династии Западная Вэй губернатор Дуньхуана Цан Цы стал выдавать специальные паспорта-разрешения (*госо*) купцам, направлявшимся в Лоян для торговли [597а, цз. 16, с. 213]. Эту систему разрешений на торговлю унаследовали династии Суй и Тан.

Яркое свидетельство о расцвете международной торговли на Великом шелковом пути в VI в. содержится в «Записках о монастырях Лояна»: «От гор Цинлина и далее на Запад до [страны] Дацинь (Византия. — *Е. Л.*) из сотен стран и тысяч городов не было таких, кто бы не хотел прибыть сюда. Иноземные купцы и приезжие барышники день за днем стремились к заставам. Тех, кто поселялся в столице, счесть было невозможно. Все труднодоступные товары Поднебесной имеются здесь» [686, с. 67].

Нечто подобное наблюдал в 30-х годах VII в. Сюаньцзан, на-

[11] В эпоху Хань цзинь был равен 221 г.

правляясь в Индию: «Нет таких крупных городов, примыкающих к Хэси (область к западу от Хуанхэ. — *Е. Л.*), где безостановочно не двигались бы в разных направлениях западные иноземцы, купцы с подручными, торговые караваны из многих стран» [609, цз. 8, с. 4].

Важную роль в торговле (прежде всего шелком) на Великом шелковом пути играли согдийцы. Их проникновение в Восточный Туркестан относится к IV—III вв. до н. э., значительные согдийские колонии и поселения зафиксированы в главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Западного Китая начиная с первых веков новой эры [882, с. 608]. Письменные сведения о существовании согдийской общины в узловом пункте Великого шелкового пути — Дуньхуане — восходят к IV в. н. э. По данным согдийских «старых писем», она насчитывала не менее тысячи человек [882, с. 606]. Значительные согдийские колонии находились в то время и в других важных торговых центрах Западного Китая — Гуцзане (Лянчжоу) и Цзюцюане (Сучжоу), где жил Нанай-Вандак [721, с. 44; 882, с. 609—612] — один из авторов «писем». По данным китайских письменных источников, эти колонии существовали и вели активную торговую деятельность и в танское время [549, с. 39]. Значительное число согдийских купцов жило и в танской столице Чанъане [549, с. 37].

По «южному пути» согдийские караваны через Памир шли в Северную Индию. Об этом свидетельствуют многочисленные наскальные согдийские надписи, открытые в верховьях Инда К. Йеттмаром. В главном центре «южного пути», Шаньшане, в первой половине VII в. выходцы из Самарканда основали обширную колонию, состоявшую из нескольких поселений [848, с. 827].

Торговля играла значительную роль в экономической деятельности многочисленного согдийского населения «шести хуских округов» в Ордосе в VII—VIII вв. В оазисе Иу (Хами), лежащем на «северном пути», согдийские купцы в первой половине VII в. занимали ведущее положение в транзитной торговле [284, с. 94—98]. Тексты, обнаруженные в могильниках Астана и Караходжа, свидетельствуют, что в период существования государства Гаочан и в годы танской оккупации Турфанского оазиса (VII—VIII вв.) согдийцы составляли заметный процент населения оазиса и играли важную роль в караванной торговле [626, с. 26—27]. Так, в 1973 г. в могильнике № 509 Астаны обнаружен документ, датированный 732—733 гг. В нем упоминается мелкий купец (купец второй категории пятого разряда) Ши Ляньдань с тремя согдийцами (двумя испольщиками и рабом), который торговал на рынках городов Шачжоу, Ичжоу, Сичжоу и Аньси (Куча) [912, с. 78]. В другом документе рассказывается о торговом караване под началом согдийца Синху и некоего китайца. Этот караван шел из Хэси (Ганьсуский коридор) на запад, в Восточный Туркестан, чтобы купить

там лошадей и верблюдов [912, с. 78—79]. Об участии согдийцев в торговле шелком свидетельствует документ из могилы № 161, датированной 673 г. В этом документе, сохранившемся лишь частично, говорится о тяжбе между согдийскими купцами, уроженцами Кабудана, Цао Лушанем и Цао Бисо (один из них не владел китайским языком) и столичными китайскими торговцами Ли Санем и Ли Шаоцзинем. Из текста ясно, что эти согдийские купцы везли из Гунъю (Алмалык, бассейн р. Или) в Кучу 273 куска гладких шелковых тканей и другие товары, в том числе одежду и седла. Их караван состоял из верблюдов, волов и ослов [704, с. 508—509; 912, с. 79—80].

Проникновение буддизма в Китай явилось прямым результатом развития торговых контактов по Шелковому пути. О тесной связи пропаганды буддизма с торговой деятельностью свидетельствует то, что буддийская религия в Китае начала распространяться не в простонародье, а в среде знати, покупавшей предметы роскоши из Западного края и попадавшей под влияние западной культуры [1160, с. 212—215]. Первые буддийские общины появились в Лояне, где зафиксирована главная колония западных купцов в Китае. О непосредственной роли купечества из Западного края в распространении буддизма в Китае говорит биография парфянского купца Ань Сюаня, прибывшего в 181 г. с торговой миссией в Лоян и затем ставшего членом буддийской общины, основанной известным проповедником парфянином Ань Шигао. Сыном согдийского купца был также буддийский проповедник III в. Кан Сэнхуэй [1166, с. 23].

В танское время активизируется движение по труднодоступной дороге, ведущей из Восточного Туркестана через Цайдам, Тибет и Непал в Индию. Этим путем, в частности, в 50—60-х годах VII в. прошел буддийский паломник Сюаньчжао [698, с. 502—505]. В X—XII вв. значение этого пути еще более возросло, и, как свидетельствуют материалы из «мертвого города» Хара-Хото, он стал главным каналом распространения индо-буддийского влияния в Центральной Азии [420].

Интересные данные о путях движения паломников из Китая в Индию дают «Жизнеописания известных монахов Великой Тан, ищущих Закона в Западном крае», составленные во второй половине VII в. Ицзином. Из 65 паломников, упомянутых Ицзином, 14 человек для путешествия в Индию воспользовались путями, идущими через Восточный Туркестан, восемь прошли через Тибет и Непал; 41 паломник путешествовал морским путем через Малаккский пролив и Ланку (данные о двух монахах не сохранились). Что касается обратного пути из Индии в Китай, то, судя по сохранившимся жизнеописаниям 24 монахов, Великим шелковым путем через Восточный Туркестан прошло девять человек, через Непал и Тибет — пять человек и морским путем воспользовались 10 паломников [698, с. 483—496]. Эти данные свидетельствуют о начавшемся повышении роли морских связей в ущерб старым сухопутным путям.

Во второй половине VIII в. в системе международных связей Центральной Азии происходят значительные изменения. В результате тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай за несколько десятилетий (60—90-е годы VIII в.) весь центральный участок Великого шелкового пути, от Ичжоу до Ганьсуского коридора, попадает под тибетский контроль. Все это создало серьезные помехи сухопутной трансконтинентальной торговле и культурным контактам, быстро пошедшим на убыль.

Одним из важнейших последствий этих событий явилось возобновление активных миграций центральноазиатских кочевников по старой дороге, связывавшей Восточный Туркестан с Северной Монголией. В танское время эта дорога получила название «уйгурского пути» (*хуэйху лу*). «Уйгурский путь» шел из Бэйтина к оз. Баркуль и далее на северо-восток к столице Уйгурского каганата Харабалгас. Впервые этот топоним встречается в «Записях о поездке Укуна в Индию» [698, с. 519—539; 798, с. 341—371] Укун (Чэ Фэнчао) в 751 г. во главе посольства побывал в Цзибине (Кашмир). Миновав по «старому северному пути» Ганьсуский коридор, Кучу, Карашар и Памир, он в 753 г. прибыл в Индию. Вскоре после приезда Укун принял монашество и 35 лет провел в различных буддийских монастырях. Решив вернуться на родину со священными текстами, он в 789 г. прибыл в Бэйтин (Бешбалык). Там он обнаружил, что дорога через «песчаную реку» (т. е. Гоби) в результате тибетского вторжения стала непроходимой. Тогда он вместе с группой танских чиновников направился «уйгурской дорогой» из Бэйтина в Китай. В связи с тем, что уйгурский каган исповедовал манихейство и отрицательно относился к буддизму, Укун, не решившись брать с собой вывезенные из Индии сутры, оставил их в местном буддийском монастыре. В 790 г. бывший танский посол благополучно возвратился в Чанъань.

Детальное описание отрезка пути из Харабалгаса через Ордос и северную излучину Хуанхэ в Чанъань содержится в «Записях о сопредельных с Китаем территориях» (Хуанхуа сыда цзи) — комментарии к «Синьтаншу» [597а, цз. 43б, с. 336]. У уйгуров этот путь, по свидетельству «Тан хуэйло», назывался «дорогой кагана Цаньтяня», и по нему «доставлялась дань, а также шкуры соболей в качестве податей» [621, цз. 73, с. 1314]. В танское время по «дороге кагана Цаньтяня» велась активная «торговля шелком и лошадьми».

Южный вариант «уйгурской дороги» — из Бэйтина через Тунчэн (Эдзина, Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай — назывался «дорогой ветров». По данным С. Г. Кляшторного, первые сведения об этой дороге восходят к концу VII в. [284, с. 100—101]. По этому пути шли буддийские паломники, направлявшиеся в Ордос [751, с. 624]. «Дорога ветров» обозначена на тангутской карте XI в., изданной Е. И. Кычановым [323, с. 204—212].

Усиление в IX в. кыргызов-хакасов, ставших на полстолетия главной военной и политической силой в Центральной Азии, оживило движение торговых караванов по древнему пути из северных областей Восточного Туркестана в Южную Сибирь. Основные сведения о «кыргызском пути» приводит Гардизи в «Зайн ал-Ахбар» (середина XI в.) [118, с. 47]. Частичное отождествление приведенных Гардизи названий произвели В. Ф. Минорский [906а, с. 282—284] и Л. Р. Кызласов [319, с. 96]. Этот путь шел из Турфана через Джунгарию в предгорья Монгольского Алтая и далее через Алтай и Саяны в Минусинскую котловину, в ставку кыргызского хакана. По всей вероятности, по этому пути в период кыргызского великодержавия в середине IX в., направлялась военная экспансия кыргызов в Восточный Туркестан.

По кыргызскому пути велась интенсивная торговля древнехакасского государства с Танской империей, оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. Как говорится в «Синьтаншу», «[Кыргызы] всегда имели близкие отношения с Даши (Иран и мусульманские страны Среднего Востока. — *Е. Л.*), тибетцами (*туфань*) и карлуками (*гэлолу*). Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой [большой] караван отправляли раз в три года» [136, с. 355]. Значительную часть привозных вещей составляли шерстяные и шелковые художественные ткани. «Женщины носят (одежду) из плотных шерстяных тканей, а также полихромных, газовых и камчатных шелковых тканей, которые получают из Аньси (Куча), Бэйтина и Даши» [597а, цз. 2778, с. 1661]. В обмен на эти предметы роскоши от кыргызов на юг шел мускус, получаемый из рогов кабарги, меха, а также тополь, дерево *харадж* и высоко ценимые на Ближнем Востоке бивни мамонта и моржовые клыки (рог *хуту*) [386, с. 41].

О внешних связях Южной Сибири в VII—XI вв. свидетельствует громадное количество археологического материала. Большая часть археологических данных иллюстрирует отношения кыргызов с Танской империей. Это прежде всего бронзовые зеркала [350], монеты [353], шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. О связях кыргызов с Восточным Туркестаном и Ближним Востоком свидетельствуют находки в могильнике Ур-Безери (Алтай) шелковых узорных тканей иранского происхождения, датированных X—XI вв. [12]. В могильнике «Над поляной» (Минусинская котловина) был обнаружен изготовленный в Восточном Туркестане серебряный сосуд с уйгурской надписью [162, с. 24—31]. Интересна находка в могильнике Туяхта (VI—VIII вв.) золотой бляшки с изображением головы правителя, привезенной, по мнению

[12] Материалы раскопок хранятся в краеведческом музее г. Прокопьевска.

С. В. Киселева, из Хотана [277, с. 308, табл. 52, рис. 3]. Временем составления Гардизи описания кыргызов можно датировать три иранских зеркала, найденные в различных пунктах Минусинской котловины [353]. Следует упомянуть и о находке в с. Усть-Чересская Пристань (Алтайский край) нескольких византийских монет. Четыре монеты датируются первой половиной VI в., две — первой половиной X в. [277, с. 360—363]. Золотые византийские монеты, впоследствии утерянные, были обнаружены в составе клада, найденного в 1908 г. в с. Терехино (на Алтае) и датированного VI—VIII вв. [277, с. 308].

В дальнейшем в связи с политическим и экономическим упадком хакасских княжеств роль «кыргызского пути» сходит на нет. Что касается «уйгурской дороги», то она продолжала оставаться главным сухопутным транзитным путем между Западом и Востоком. Этот путь процветал в XIII—XIV вв., являясь одной из главных артерий Монгольской империи со столицей в Каракоруме.

Дорога через безбрежные пространства Центральной Азии для торговых караванов была нелегкой. Особую трудность для путников представляла безжизненная пустыня в районе Лобнора (барханы белого дракона). Об этой пустыне в династийной истории «Бэйши» сказано: «[Если ехать по южной дороге, то] к северо-западу от Цзюймо (по течению р. Черчен. — *Е. Л.*) на несколько сот ли — сыпучие пески. В летнее время там дуют горячие ветры, приносящие бедствия путешественникам. Лишь старые верблюды, когда поднимается этот ветер, начинают кричать, собираются вместе и прячут морды в песке. Люди считают это предупреждением и сразу же покрывают рот и нос шерстяными тканями. Этот ветер быстро проходит. Однако тот, кто не закроется, может погибнуть» [993, с. 8].

Безжизненная пустыня находилась и на «новой северной дороге», ведшей от Дуньхуана к Гаочану (Турфан). Как говорится в «Чжоушу»: «[На протяжении] всей дороги от Дуньхуана к этой стране (т. е. Гаочану) — вокруг пески и скалы, и невозможно точно определить дорогу и расстояния. Лишь по скелетам людей и животных и по конскому и верблюжьему помету возможно определить [правильный путь]» [993, с. 8].

После того как пустыни оставались позади, путешественников, отправлявшихся далее на запад, ждал тяжелый полумесячный переход через Памирское нагорье. Эта дорога «очень тяжела для путешествия и со многими опасными ущельями. Скалы вздымаются вверх на громадную высоту. Если человек посмотрит вниз, у него кружится голова, и если захочет идти вперед, то не найдет места, куда поставить ногу» [829, с. 23]. Далее дорога шла по «выемкам в великой скале с тропинкой шириной в один чи и шесть или семь цуней. Так она идет на расстояние в тридцать ли по ущелью неизмеримой глубины. Путешественники, едущие на лошадях или идущие пешком, держатся друг за друга или тащат друг друга при помощи веревок». Лишь

после такого пути длиной более чем двадцать ли они достигают «Висячего перехода» через р. Инд [907, с. 3].

По подсчетам А. Германна, длина пересекающего Восточный Туркестан «среднего пути» («старого северного пути») составляла примерно 1700 км. Для преодоления этого расстояния каравану требовалось семь недель. Примерно столько же времени предстояло потратить каравану, следовавшему по «южному пути» от Яркенда. Расстояние по «новому северному пути», через Турфан, составляло 2100 км, и караваны проходили его за девять недель [883, с. 115].

Несмотря на безводные пустыни и труднопроходимые горы, по Великому шелковому пути в обоих направлениях шли караваны. Переходы по пустынным пространствам Центральной Азии были возможны лишь благодаря наличию многовекового опыта у местного населения — обитателей оазисов Серинди. Местное население с глубокой древности разводило двугорбых верблюдов бактрийской породы. В письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о множестве верблюдов во владениях Шаньшань (Кроранна), Цюцы (Куча) и Канцзюй (Маверанахр) [674, с. 14—15].

О значительной роли верблюдов в жизни местного населения наглядно свидетельствуют настенные росписи буддийских храмов оазисов Восточного Туркестана. Среди погребальных статуэток, обнаруженных в могильниках Астана и Караходжа (Турфанский оазис) и в многочисленных погребениях Северного Китая, а также среди культовых статуэток из Дамако (Хотанский оазис) скульптурные изображения навьюченных верблюдов — один из наиболее часто встречающихся образов. Происходивший из Центральной Азии верблюд стал знаком жителям западнокитайского княжества Цинь лишь в конце периода Чжаньго. В глазах китайцев вплоть до конца танской эпохи он оставался экзотическим животным, связанным с Западным краем. Само название верблюда в китайском языке — *лото* или *тото* — представляет собой заимствование из одного из центральноазиатских языков [1088, с. 165—194, 263—290].

Важная роль в оазисах Восточного Туркестана принадлежала лошадям. В целом в торговле они играли сравнительно небольшую роль и применялись чаще для быстрого передвижения в военных и административных целях. Местное население оазисов разводило также ослов и мулов, которые, как и верблюды, стали известны в Китае в конце III — начале II в. до н. э. [549, с. 110—111].

Организация системы перевозок была одной из центральных проблем в городах-государствах Восточного Туркестана. Чрезвычайно ценные сведения о структуре транспортной службы в лежащем на «южном пути» государстве Кроранна (Лоулань) в III—IV вв. дают тексты на кхарошти, обнаруженные экспедициями С. Гедина и А. Стейна. Согласно этим текстам, в Кроранне существовала четко организованная транспортная

служба. В каждом крупном оазисе были созданы специальные станции для отдыха и смены верблюдов. Для послов и других лиц, выполнявших государственные поручения, держали специально подобранных быстроходных верблюдов [698, с. 215—227]. Подобная система функционировала и на «северном пути».

Ассортимент товаров, перевозимых по Великому шелковому пути, сформировался в начале функционирования трассы и оставался в общих чертах неизменным в течение долгого времени. Главным товаром экспорта в страны Запада, естественно, был шелк — благодаря своей легкости, компактности, громадному спросу и дороговизне. Шелк перевозился в кусках. Длина и ширина кусков регламентировалась законом. Так, для ханьского времени ширина шелковых тканей составляла примерно 0,5 м, длина 9 м. Такого куска хватало для изготовления одеяния. Для изучения торговли шелком в первые века новой эры значительный интерес представляет обнаруженный А. Стейном близ Дуньхуана кусок гладкого шелка с иероглифической надписью. В надписи сообщалось место изготовления, размеры, вес и цена куска шелка [13].

Как отмечалось выше, население Восточного Туркестана познакомилось с шелком еще в эпоху Чжоу, и, видимо, уже в IV—III вв. до н. э. шелковые ткани проникают в Индию. Письменные источники свидетельствуют, что во II в. до н. э. шелк получил широкое распространение в Парфии, в первой половине I в. до н. э. из него изготовлялись боевые знамена [770, с. 11—13]. В I в. до н. э. шелк проникает в Александрию — главный торговый центр Восточного Средиземноморья, где из шелка изготовлялись роскошные одеяния [1124]. В Рим шелк ввозится во второй половине I в. до н. э. [770, с. 11—13]. С этого времени количество шелковых тканей, привозимых в Римскую империю из далекой Серы, непрерывно возрастает. В первые века новой эры в Риме в районе viscus Tuscus существовал специальный рынок для продажи шелка [906, с. 68]. О широком распространении шелка в последние века существования Римской империи достаточно ярко свидетельствуют два примера. В 380 г. Аммиан Марцеллин писал, что «употребление шелка, которое было некогда ограничено знатью, теперь распространилось во всех слоях общества без различия, даже у самых низких» [734, XXIII, 6, 60—68]. В 408 г. король вестготов Аларих при осаде Рима потребовал от жителей города в качестве выкупа 4 тыс. шелковых туник [1165, V, 4].

Согласно данным письменных источников и археологическим находкам, шелковых полихромных тканей (высшее достижение ткацкой техники древности) до Средиземноморья доходило очень мало. Являясь в основном продукцией государственных мастерских, эти ткани производились в ограниченных количе-

[13] Вот эта надпись: «Один пи шелковой ткани-*цзянь* из Каньфу, владение Жэньчэн (современная пров. Шаньдун); ширина два чи и два цуня, длина четыре чжана; вес 25 лянов, цена 618 монет» [704, с. 321—328].

ствах. Они, как правило, употреблялись высшими слоями общества и посылались в качестве даров правителям соседних государств. По этой причине главные находки полихромных тканей первых веков новой эры ограничены Восточным Туркестаном, Монголией и Южной Сибирью. На далекий Запад главным образом поступали гладкие ткани — тафта и репс, тонкая камча и газ. Значительная часть тканей перерабатывалась в ткацких мастерских Сирии и Египта [448, с. 225—228]. Их образцы обнаружены в Пальмире Р. Пфистером [1036, с. 45—46; 1037, с. 20, 29—30]. Как писал автор «Тундянь» Ду Ю, «[Жителей Дацинь] всегда прельщал тонкий редкий шелк-*цзянь* и неокрашенный гладкий шелк-*су*. Они расплетают его и делают варварскую камчатную ткань-*хулин* и пурпурную узорчатую ткань-*ганьвэнь*» [161, с. 157; 629, цз. 1955, с. 193].

Вскоре после появления транзитного торгового обмена на Великом шелковом пути начался процесс распространения шелководства из Китая на Запад. Первые сведения об этом процессе относятся к I—II вв. н. э. и связываются с Иу (Хами) — самым восточным в цепи оазисов Восточного Туркестана. В династийной истории Поздней Хань об этом сказано: «Земля в Иу пригодна для посева злаков, а также для разведения шелковичных червей, коконов и виноградарства» [646, цз. 118, с. 1091]. Косвенные данные о существовании шелководства в государствах Гаочан (Турфанский оазис) и Яньци (Карашарский оазис) содержатся в «Чжоушу», династийной истории Северной Чжоу (557—558).

Находки последних лет в могильниках Астана и Караходжа значительно дополняют краткие сведения династийных историй. Так, в могильнике Караходжа обнаружен интересный документ, подтверждающий существование шелководства в Турфанском оазисе в первой половине V в. (захоронение № 1). Он гласит, что в 48-й день 2-го месяца 14-го года правления Цзяньчу (418 г.) некто взял у некоего Кань Цзяна три корзины для разведения шелковичных червей [647, с. 24].

Для истории шелководства в Центральной Азии большую ценность представляет и документ, обнаруженный в захоронении №88 могильника Караходжа и датированный 456 г. В этом документе, представляющем собой долговую расписку, говорится, что некий Ану (некитаец) взял в долг у некоего Чжай Шаоюаня кусок яньциской (т. е. карашарской) полихромной ткани, произведенной в Гаочане. Этот кусок был выткан основой и утком, изготовленными из шелковой ваты (*мянь*). Длина куска составляла девять чи и пять цуней. Через год заимодавцу следовало вернуть полтора таких куска. Если в указанный срок выплата не будет произведена, то каждый месяц в счет процентов должнику придется отдавать три куска ходового холста [625, с. 6; 626, с. 22].

Очевидно, таким образом, что в Турфанском оазисе уже в середине V в. изготовлялись полихромные шелковые ткани. Они

имели желтый фон, ширина их вдвое превышала ширину шелковых тканей ханьского периода, равняясь примерно 1 м [351, с. 18—20]. Эти ткани, по всей вероятности, были произведены в казенных мастерских, обслуживавших правящую верхушку. О существовании в Гаочане во второй половине V в. таких мастерских свидетельствует один из найденных в могильнике Караходжа документов [626, с. 22].

Как явствует из анализируемой долговой расписки, нити основы и утка́ полихромной ткани были изготовлены из шелковой ваты путем скрутки, а не из нитей, размотанных с шелковичного кокона. Этот факт свидетельствует о том, что в середине V в. технология изготовления шелковых тканей в оазисах Восточного Туркестана еще находилась в процессе становления. Приведенные сведения совпадают с данными «Чжоушу» об употреблении в Карашарском оазисе шелковой ваты.

Найденные тексты позволяют также утверждать, что уже в V в. в Восточном Туркестане помимо Гаочана существовали и другие центры производства художественных шелковых тканей. Так, в захоронении №90 могильника Караходжа, датированном последней четвертью V в., был обнаружен частично сохранившийся документ с упоминанием одной штуки шулэской (т. е. кашгарской) шелковой полихромной ткани [625, с. 5]. В документе из захоронения №99, относящегося к тому же времени, говорится о передаче из рук в руки трех кусков гуйцыской (т. е. кучарской) полихромной шелковой ткани [625, с. 8—9].

Знаменитый буддийский паломник Сюаньцзан, посетивший в 30—40-х годах VII в. оазисы Восточного Туркестана, в «Сиюй цзи» пересказывает легенду о проникновении культуры шелководства в Хотанский оазис. Согласно легенде, жена владетеля Хотана, дочь государя соседнего владения, тайком привезла с собой грену шелковичных червей и ввела в Хотане шелководство [609, цз. 12, с. 20а—б]. Содержащиеся в легенде слова «бабочки улетают, а из сырца приготовляли ткани» свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что на первых этапах существования шелководства в Хотанском оазисе местное население, подобно тому как это имело место в Карашаре и Турфане, изготовляло ткани из скрученных нитей шелка-сырца после того, как бабочки покидали кокон. Как указывает Цзи Сяньлин, события, описанные Сюаньцзаном, имели место в 419 г. [567, с. 23—42]. Таким образом, V в. был временем распространения культуры шелководства в оазисах Восточного Туркестана.

В том же, V в. культура шелководства достигает Мерва и оттуда к концу V—началу VI в. проникает в Восточный Иран (область Горган на юго-восточном побережье Каспийского моря) [384, с. 47—51]. В VI в. происходит быстрое распространение культуры шелководства вдоль западной части трассы Великого шелкового пути. Как показали исследования А. А. Иерусалимской, в VI в. складывается согдийская школа шелководства [260]. Во второй половине VI в. культура шелководства прони-

кает в Византию. Сведения об этом сохранились в трех письменных источниках — «О готских войнах» Прокопия Кесарийского, «Анналах» Зонары и «Выписках» Феофана Византийского. Эти тексты повествуют, что по повелению императора Юстиниана I некие монахи (согласно Феофану — персы) из Серидии тайком привезли в Византию яйца шелковичных червей [163, с. 493; 1161, с. 59—60]. Как убедительно доказал Р. Хеннинг, описанные в византийских источниках события происходили в 50-х годах VI в. [880, с. 309—310].

Таким образом, на основании данных китайских и византийских хроник и вновь обнаруженных материалов вырисовываются общие контуры длительного и сложного процесса распространения шелководства из Китая на Запад. Этот процесс, длившийся около пятисот лет, по праву можно рассматривать как одно из крупнейших явлений в истории культурного обмена народов Евразии. Главную роль в этом сыграло местное население Восточного Туркестана. Следует также отметить, что упомянутый процесс носил двусторонний характер, поскольку новые центры шелководства, в свою очередь, оказали значительное влияние на развитие художественного шелкоткачества в собственно Китае, вызвав значительные изменения как в декоре, так и в технике изготовления тканей [1130, с. 21—23].

С известными оговорками можно отметить, что аналогичные процессы происходили и на северных границах Китая. В результате контактов народов Центральной Азии и Южной Сибири с Ханьской империей в первые века новой эры складывается гибридная форма зеркала с приподнятым бортиком, ободком на оборотной стороне и шишкой-петлей в центре. Эта гибридная форма зеркала (сибиро-китайская) быстро распространяется по «северному пути» на громадной территории сарматского мира, вплоть до нынешних Германии и Франции [344, с. 90—94; 536, с. 67—69]. В этом процессе копирования ханьских зеркал и создания новых гибридных форм существенную роль играло население северных оазисов Восточного Туркестана, а также носители культуры «подбойно-катакомбных могильников».

После установления контактов Китая с Центральной Азией и Восточным Средиземноморьем в страну по Великому шелковому пути стали в большом количестве поступать разнообразные шерстяные изделия, для наименования которых применялись иранские и арабские названия [674, с. 7]. Таковы ковры-*тадэн,* покрывала и завесы-*цюйсоу,* гобеленовые ткани-*цзи* и паласы-*пан.* Эти привозные изделия производили большое впечатление на древних китайцев, незнакомых с техникой обработки шерсти, льна, ковровым производством и гобеленовым плетением. Так, в III в. н. э. У Ваньчжэнь с восторгом писал: «Покрывала-цюйсоу изготовляются из овечьей шерсти, а также из шерсти различных животных. [На них] изображают животных и людей, деревья и облака, а также помещают попугаев. Если смотреть на них издали, то они как будто летают» [619, цз. 708,

с. 3157]. По свидетельству «Яньтелунь», привозные ковры и покрывала были широко распространены среди имущих слоев населения Ханьской империи [848, с. 15].

По данным письменных источников, в древнем Китае высоко ценились парфянские гобеленовые ткани и ковры [619, цз. 816, с. 3631]. Из Северной Индии в Китай «вывозились ковры-*цюйсоу* и покрывала-*дабэн* тонкой выделки, очень красивые» [619, цз. 708, с. 3157]. Интересные данные о стремлении ханьской знати к приобретению кушанских шерстяных изделий сообщают сохранившиеся отрывки письма составителя династийной истории «Хоуханьшу» Бань Гу его брату, полководцу Бань Чао. В одном отрывке говорится о желании военачальника Доу Сяна за 700 кусков шелковых узорных тканей и 300 кусков гладких шелковых тканей приобрести на рынке юэчжийских (т. е кушанских) лошадей, стиракс и ковры-*датэн*, поскольку «юэчжийские ковры-*датэн* (независимо от размера) очень тонкой выделки и высокого качества». В другом отрывке сказано, что упомянутый Доу Сян через посредника за 800 тысяч монет хочет купить более десяти кусков различных шерстяных гобеленовых изделий-*цзи* [619, цз. 708, с. 3157; 873, с. 34—38]. Любопытно сопоставить приведенный выше пассаж с жалобами Сенеки в связи со сверхвысокими ценами на шелк в Риме.

Восторг и изумление на Дальнем Востоке вызывали «пятицветные и девятицветные ковры-*датэн*», изготовляемые в Дацинь, главным образом в Сирии. Как отмечает «Вэйлюэ» (III в.), изготовленные там «ковры-*цюйюй*, ковры-*датэн*, гобелены-*цзи*, покрывала-*чжан* по своей яркости и красочности превосходят все изделия стран к востоку от моря (Персидского залива. — *Е. Л.*)» [597а, цз. 30, с. 367]. Автор «Ечжун цзи» (IV в.) перечисляет пятнистые, желто-красные, пурпурно-синие гобелены и гобелены с изображением голов барса, оленей, цветов.

Находки шерстяных тканых и вышитых покрывал, гобеленовых тканей и паласов в Восточном Туркестане дают наглядное и достаточно полное представление о многообразии и высоких художественных достоинствах центральноазиатских и ближневосточных шерстяных изделий, перевозимых по Великому шелковому пути с Запада на Восток. К VIII в. техника гобеленового плетения под центральноазиатским влиянием получила распространение в Китае. Как свидетельствуют находки в Дуньхуане и сохранившиеся памятники в Японии, в это время стали изготовляться ткани типа *кэсы*, расцвет производства которых относится к более позднему времени [350, с. 53—60].

Широкому распространению стеклянных изделий вдоль трассы Великого шелкового пути в первые века новой эры способствовал значительный прогресс в стеклоделии. В I в. до н. э. (а возможно, и ранее) в Сирии был изобретен метод изготовления сосудов путем выдувания стекла через выдувальную трубку [832, с. 110—196]. Стеклянные изделия часто расписывались золотом и различными красками. Данные археологиче-

ских раскопок, проводившихся в районах, тяготевших к Великому шелковому пути, изобилуют сведениями о находках разнообразных стеклянных изделий, прежде всего бус, подвесок и сосудов. Известные в настоящее время материалы позволяют утверждать, что в I—VIII вв. торговая магистраль, известная жителям Средиземноморья как Шелковый путь, в то же время была Стеклянным путем для Центральной Азии и Китая.

Сводка находок стеклянных изделий на территории Средней Азии сделана авторами упоминавшейся выше работы «Стеклоделие в Средней Азии». Детальное изучение стеклянных бус и украшений, обнаруженных в поселениях древнего и раннесредневекового Хорезма, произведено И. В. Пташниковой [459, с. 105—134], а на материалах могильников Западной Ферганы — Б. А. Литвинским [348а, с. 93—172]. В этих работах приведено много данных, говорящих о значительном объеме экспорта римских ближневосточных стеклянных и египетских фаянсовых изделий в Центральную Азию. Наиболее многочисленные находки привозного стекла зафиксированы в Нисе (последние века до новой эры), Тахти-Сангине, древних поселениях Хорезма, Афрасиабе (I—II вв. н. э.) и в могильниках с катакомбными и подбойными сооружениями (первые века новой эры). Важные находки высокохудожественных стеклянных изделий сирийских мастерских были сделаны в Баграме [858, с. 254—264] и Тиллятепе [494, с. 369—376]. Эти находки свидетельствуют, что стеклянные изделия поступали в Среднюю Азию как традиционным Великим шелковым путем, так и «северным путем» — через греческие колонии Северного Причерноморья, сарматские племенные образования и Хорезм [14].

Материалы экспедиций А. Стейна и Ф. Бергмана, а также коллекции Государственного Эрмитажа содержат большое количество стеклянных изделий, происходящих из оазисов Восточного Туркестана [1057, с. 627—628]. Бóльшая часть находок происходит из районов Хотана, Лоуланя и Кучи [1111, т. 3, с. 813—883] и Турфана [1111, т. 4, с. 597, 608]. В основном это бусы и фрагменты стеклянных сосудов. Многие находки из Хотана и Лоуланя имеют прямые аналогии среди античных стеклянных изделий I—IV вв. Находок целых стеклянных сосудов на территории Восточного Туркестана очень мало. Можно упомянуть сосуд из Иньнаня, обнаруженный А. Стейном в могиле первых веков новой эры [1111, т. 4, с. 756, табл. 63, с. 306], и два небольших сосуда из Хотана и Кучи, хранящиеся в Эрмитаже. Обнаружение в Хотане большого количества привозного стекла, как и других импортных изделий, подтверждает ведущую роль Хотана в транзите с Запада на Восток. О бытовании в Хотане западных стеклянных изделий говорит и упоминание в династийной истории «Ляншу» о преподнесении правителем

[14] Важным свидетельством связей с римским Причерноморьем может служить находка в 1968 г. в могильнике Джаннакдобе античной чаши IV в. [81, с. 33—36].

Хотана в 529 г. лянскому двору стеклянного сосуда [592, цз. 54, с. 43].

Для обозначения непрозрачных и полупрозрачных стеклянных изделий, как привозных, так и местных, в ханьском Китае применялись термины *билюли* и *люли,* происходящие от санскр. vaiḍūrya — «ляпис-лазурь». В VII в. для прозрачных стеклянных сосудов, изготовленных методом дутья, появляется новый термин *боли* (от санскр. sphaṭika — горный хрусталь) [1008, с. 104—106]. По традиции, восходящей к чжоускому времени, в ханьском Китае привозное стекло рассматривалось как заменитель драгоценных камней, и прежде всего нефрита [872, с. 69—79]. О глубоком интересе древних китайцев к стеклянным изделиям из римской Сирии свидетельствует «Вэйлюэ», где в числе товаров, производимых в Дацинь (Восточное Средиземноморье), описывается десять разновидностей цветного стекла (стекло бледно-красное, белое, черное, зеленое, желтое, синее, темно-синее, цвета индиго, розовое и пурпурное) [597а, цз. 30, с. 367].

В результате всемерного поощрения внешней торговли Чжан Цзюнем, правителем княжества Раннее Лян (301—376) [15], в IV в. приток стекла в Китай значительно возрастает. Это подтверждается, в частности, находками стеклянных сосудов в могиле Чжан Цзюня, разграбленной вскоре после его смерти [715, с. 162].

О глубоком впечатлении, которое производили средиземноморские стеклянные сосуды на китайцев IV в., свидетельствует «Ода о загрязненной стеклянной чаше» Фу Сяня. Поэт сравнивает красоту чаши с весенним днем, ее чистоту — с зимним льдом и воспевает свободу и необычность ее формы [715, с. 160]. Другой поэт того же времени, Шань Ни, в оде, посвященной стеклянному сосуду, описывает его долгий путь через опасные пески Люша (пустыня Такла-Макан) и крутые горы Цунлин (Памир) [715, с. 170].

В V в. в Северном Китае происходит процесс освоения технологии изготовления стеклянных изделий. В «Вэйшу» по этому поводу сказано: «В годы правления Тайу (424—425) посланцы из страны Даюэчжи (т. е. территории, ранее входившей в Кушанское государство. — *Е. Л.*) прибыли в столицу [государства] Вэй и сообщили, что, расплавив определенные минералы, они могут изготовлять стекло *люли* пяти цветов. После этого они занимались сбором [сырья], рыли в горах и в столице плавили минералы. Когда они закончили, то полученное стекло имело бóльший блеск, чем привезенное с Запада. После этого стеклянные изделия стали в Китае значительно дешевле, и никто не считал их чрезмерно ценными» [70, цз. 97, с. 872]. Однако в эпоху Суй (581—618) такое стекло уже не изготовлялось, и знаменитому ученому Хэ Чоу пришлось заново восстанавливать потерянную технологию [70, цз. 90, с. 807].

[15] Княжество Раннее Лян располагалось в Ганьсу в районе оз. Лобнор — вдоль главной магистрали Великого шелкового пути.

В результате интенсивных археологических раскопок на территории Китая в последние десятилетия было найдено немалое количество импортных (главным образом сирийских, а также месопотамских и иранских) стеклянных сосудов IV—VIII вв. [597, с. 315—322; 643; 662, с. 1—11; 811, с. 438—440; 1039, с. 63]. Из Китая эти сосуды вывозились в Корею и далее в Японию, о чем свидетельствуют материалы императорской сокровищницы Сёсоин [705].

К числу объектов, указывающих на связи Восточного Туркестана с регионом Восточного Средиземноморья, относятся две терракотовые статуэтки. Одна из них, происходящая из Хотана, изображает греко-египетское божество Сераписа, сидящего на троне с чашей в правой руке и рогом изобилия в левой. Справа от трона представлена фигурка Гарпократа в характерной для него позе — с пальцем у рта. Другая статуэтка, найденная в Турфане, воплощает Гарпократа гарцующим на коне. По мнению М. Майяр, хотя обе статуэтки стилистически близки александрийскому искусству (особенно файюмским терракотам), их следует рассматривать как предметы, изготовленные местными мастерами в подражание западным образцам [975].

Шелк и бронзовые зеркала, которые шли на Запад, шерстяные и стеклянные изделия, поступавшие на Восток, составляли не менее трех четвертей общего объема торговли на Великом шелковом пути. Вместе с тем ассортимент товаров, перевозившихся по Шелковому пути, главным образом с Запада на Восток, по данным многочисленных источников (текстов, изобразительного материала, археологических раскопок), весьма внушителен. Представление об этом можно получить по классическим работам Б. Лауфера [950] и Э. Шефера [549]. Главным итогом торговой активности на Шелковом пути был плодотворный обмен духовными и материальными ценностями, что оказало значительное влияние на всю средневековую историю культуры народов Евразии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ*

Архивные материалы

1. Архив Академии наук СССР (ААН), ф. 208, оп. 1, д. 162. М.
2. ААН, ф. 208, оп. 1, д. 164. М.
3. ААН, ф. 208, оп. 2, д. 459. М.
4. ААН, ф. 208, оп. 3, д. 269. М.
5. ААН, ф. 208, оп. 3, д. 305. М.
6. ААН, ф. 208, оп. 3, д. 459. М.
7. ААН, ф. 208, оп. 3, д. 567. М.
8. Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР(АВ), ф. 32, оп. 2, д. 11. Л.
9. АВ, ф. 43, оп. 1, д. 2. Л.
10. АВ, ф. 43, оп. 2, д. 100. Л.
11. АВ, ф. 59, оп. 1, д. 21. Л.
12. АВ, ф. 59, оп. 1, д. 23. Л.
13. АВ, ф. 59, оп. 1, д. 27. Л.
14. АВ, ф. 208, оп. 2, д. 725. Л.
15. АВ, ф. 208, оп. 3, д. 53. Л.
16. АВ, ф. 208, оп. 3, д. 280. Л.
17. Архив Русского Географического общества (АРГО), ф. 62, оп. 1, д. 10. Л.
18. АРГО, ф. 75, оп. 1, д. 9. Л.
19. Ленинградское отделение ААН, ф. 148, оп. 1. Л.

Литература и источники

на русском языке

77. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.—Л., 1949.
78. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов.— Древний Восток и античный мир. М., 1972.
79. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
80. *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Таш., 1963.
81. *Абетеков А.* Античная чаша на Алтае.— По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
82. *Абетеков А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегерменсай.— КСИА. Вып. 93. М., 1963.
83. *Аванесова Н. М.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы.— Материалы по археологии Узбекистана. Самарканд, 1975.
84. *Айгнер Д.* Биокультурная революция в Китае в эпоху палеолита.— Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
85. *Акишев А. К.* Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). М., 1980.
86. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
87. *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана.— ТИИАЭ. А.-А., 1959. Т. 7.

* Пункты с 20 по 76 в нумерации опущены.

88. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А., 1963.
89. *Алексеев В. М.* Памяти профессора Эдуарда Шаванна.— Наука о Востоке. М., 1982.
90. *Алексеев М. Н.* Антропоген Восточной Азии. М., 1978.
91. *Амосова А. Г* Новый материал каменного века из Бешкентской долины.— Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душ., 1977.
91а. Античная география. М., 1953.
92. *Антонова Е. В.* Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1982.
93. *Антонова Е. В.* Орнаменты на сосудах и «знак» на статуэтках анауской культуры.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
94. *Антонова Е. В., Виноградова Н. М.* О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. 14. Душ., 1979.
95. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973.
96. Артхашастра или Наука политики. М.— Л., 1959.
97. *Аскаров А.* Сапаллитепа. Таш., 1973.
98. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Таш., 1977.
99. *Аскаров А. А.* К передатировке культуры Заманбаба.— Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
100. *Аскаров А., Альбаум И.* Поселение Кучуктепа. Таш., 1979.
101. *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
102. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. I. М., 1963.
103. *Бартольд В. В.* Очерки истории Семиречья.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
104. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского завоевания.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
105. *Бартольд В. В.* Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
106. *Бартольд В. В.* Аксу.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
107. *Бартольд В. В.* Алты-Шехр.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
108. *Бартольд В. В.* Кашгар.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
109. *Бартольд В. В.* Кульджа.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
110. *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
111. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVIII в.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
112. *Бартольд В. В.* Хотан.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965.
113. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.
114. *Бартольд В. В.* Древнетюркские надписи и арабские источники.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.
115. *Бартольд В. В.* К вопросу об уйгурской литературе и ее влияниях на монголов.— *Бартольд В. В.* Сочинения Т. 5. М., 1968.
116. *Бартольд В. В.* Новые исследования об орхонских надписях.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.
117. *Бартольд В. В.* Тюрки.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.
118. *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар».— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 8. М., 1973.
119. *Бартольд В. В.* Исторические и географические труды В. П. Васильева.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
120. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
121. *Бартольд В. В.* Памяти Иосифа Маркварта.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.

122. *Бартольд В. В.* Состояние и задачи изучения истории Туркестана.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
123. *Бартольд В. В.* Фридрих Хирт.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977
124. *Бартольд В. В., Ольденбург С. Ф.* Эдуард Шаванн. Некролог.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
125. *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник.— Известия АН Киргизской ССР Т. 3. Вып. 3. Фрунзе, 1961.
126. *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйлака. Фрунзе, 1967
127. *Бек В. В., Мушкетов И. В.* Нефрит и его местонахождения.— Горный журнал. 1882, № 6.
128. *Березовский М. М.* Дневник путешествий за 1907 г.— АВ, ф. 59, оп. 1, д. 13.
129. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА. 1952, № 26.
130. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1939.
131. *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана.— ВДИ, 1947, № 2.
132. Библиография трудов В. С. Воробьева-Десятовского.— Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1947.
133. *Бируни Абу Рейхан.*— Индия.— *Бируни.* Избранные сочинения. Т. 2. Таш., 1963.
134. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 5. СПб., 1851.
135. *Бичурин Н. Я.* История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. Ч. 1. СПб., 1833.
136. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М.— Л., 1953.
137. *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа (становление классового общества). М., 1962.
138. *Большаков О. Г* К истории Таласской битвы.— СНВ. Вып. 22. М., 1980.
139. Большой китайско-русский словарь. Под руководством и редакцией проф. И. М. Ошанина. Т. 1. М., 1983.
140. *Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
141. *Бонгард-Левин Г. М.* Этнические процессы в Индостане. М., 1981.
142. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
143. *Бонгард-Левин Г. М., Темкин Э. Н.* Работы В. С. Воробьева-Десятовского и исследование буддийских текстов из коллекции Н. Ф. Петровского.— Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
144. *Брук С. И.* Этнический состав и размещение населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.— СЭ. 1956, № 2.
145. *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.— СЭ. 1976, № 4.
146. *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды.— СЭ. 1976, № 3.
147. *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Об облике древних тюрков.— ТС. М., 1966.
148. *Валиханов Ч. Ч.* Западный край Китайской империи и город Кульджа.— *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962.
149. *Валиханов Ч. Ч.* Материалы и исследования о Кашгарии.— *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962.
150. *Валиханов Ч. Ч.* Материалы и исследования о Кульджинском крае.— *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962.
151. *Валиханов Ч. Ч.* О Западном крае Китайской империи.— *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962.
152. *Валиханов Ч. Ч.* Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова СПб., 1904.
153. *Варенов А. В.* Функционировал ли «Шелковый путь» в бронзовом веке? — Бурятский институт общественных наук СО АН СССР. Новосибирск, 1983.

154. *Васильев В. П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 3. История буддизма в Индии, сочинение Дāранāт'ы. СПб., 1869.
155. *Васильев Д. Д.* Географический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского региона (опыт систематизации). М., 1983.
156. *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
157 *Васильев Л. С.* Бань Чао в Западном крае.— ВДИ. 1955, № 1.
158. *Васильев Л. С.* О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации.— НАА. 1964, № 2.
159. *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
160. *Васильев Л. С.* Происхождение древней китайской цивилизации.— Вопросы истории. 1974, № 12.
161. *Вельгус В. А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. М., 1978.
162. *Веселовский Н. И., Клеменц Д. А., Ольденбург С. Ф.* Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима.— ЗВОРАО. Т. 13. Вып. 1. СПб., 1900.
163. Византийские историки. СПб., 1860.
164. *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
165. *Виноградов А. В.* Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 2. Л., 1979.
166. *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
167. *Виноградов А. В., Мамедов Э. М.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
168. *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы.— Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
169. *Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т., Самойлова П. Т., Мельникова Л. Т.* Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана. М., 1979.
170. *Винокурова М. П.* Ткани из замка на горе Муг.— Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. 1957, № 14.
171. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— ТХАЭЭ. Т. 8. 1973.
172. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
173. *Волков В. В.* Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР.— Монгольский археологический сборник. Улан-Батор, 1967.
174. *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век в Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
175. *Воробьев-Десятовский В. С.* Памятники центральноазиатской письменности.— Ученые записки ИВАН СССР. Вып. 16. М.— Л., 1958.
176. *Воробьева-Десятовская М. И.* Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты).— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
177. *Воробьева-Десятовская М. И., Гуревич И. С., Меньшиков Л. Н., Спирин В. С., Школяр С. А.* Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда. Вып. 1. М., 1963.
178. *Воробьева-Десятовская М. И., Зограф И. Т., Мартынов А. С., Меньшиков Л. Н., Смирнов Б. Л.* Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2. М., 1967.
179. *Воронец М. Э.* Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в Узбекской ССР.— Социалистическая наука и техника. 1937, № 10—11.
180. *Воронец М. Э.* Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков новой эры возле ст. Вревская.— ТМИУ Вып. 1. 1951.
181. Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.

182. *Гаврилова А. А.* Новые находки серебряных изделий периода господства киргизов.— КСИА. Вып. 114. 1968.
183. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. 63. М., 1956.
184. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА. 1957, № 3.
185. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным.— ВДИ. 1980, № 3.
186. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии.— ВДИ. 1981, № 2.
187. *Гафуров Б. Г.* Основные этапы историко-культурного развития народов Центральной Азии. М., 1972.
188. *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
189. *Гедин С.* В сердце Азии. Т. 1—2. СПб., 1899.
190. *Гедин С.* Тарим — Лоб-Нор — Тибет. СПб., 1904.
191. *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
192. *Герценберг Л. Г.* Хотано-сакский язык. М., 1965.
193. *Герценберг Л. Г.* Хотано-сакский язык.— Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
194. *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
195. *Гольмстен В. В.* «Серпы» из Сосновой Мазы.— Проблемы истории материальной культуры. 1939, № 5—6.
196. *Горбачева З. И., Петрова Н. А., Смыкалов Г. Ф., Панкратов Б. И.* Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900).— Очерки по истории русского востоковедения. Ч. 2. М., 1956.
197 *Горбунова Н. Г.* Фергана по сведениям античных авторов.— История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
198. *Горячкин В.* Теория ручных орудий.— Вестник металлопромышленности. 1925, № 3—4.
199. *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.
200. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
201. *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
202. *Грантовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала.— ЦАКЭ. Т. 2. 1975.
203. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
204. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
205. *Григорьев В. В.* Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
206. *Григорьев В. В.* Дополнения.— *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных отношениях с Россией. Вып. 1—2. СПб., 1873.
206а. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— Свод археологических источников (САИ). М., 1971.
207. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Вдоль южного Тянь-Шаня. Т. 1. СПб., 1896.
208. *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980.
209. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА. Вып. 154. 1978.
210. *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в пустынях Зеравшана. Таш., 1966.
211. *Гумбах Г.* Птолемей и Центральная Азия в кушанскую эпоху.— ЦАКЭ. Т. 2. 1975.

212. *Дай Эрцзянь, Гай Пэй, Хуан Вэйвэнь.* Оббитые каменные орудия из пустыни Алашань (рус. резюме).— Vertebrata palaeoasiatica. 1964, № 4.
213. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
214. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита.— Русский антропологический журнал. 1930, № 1—2.
215. *Дебец Г. Ф.* Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья.— Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете 1-го МГУ. Т. 3. 1930, № 2а.
216. *Денике Б. П.* О памятниках культуры и искусства Турфана.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (ИОАИЭ). Т. 29. Вып. 4. Казань, 1916.
217. *Деопик Д. В.* Всадническая культура в верхней Янцзы и восточный вариант звериного стиля.— Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
218. *Дитмар А. Б.* Рубежи ойкумены. М., 1979.
219. *Додонов А. Е., Пенькова А. В.* Некоторые данные по стратиграфии водораздельных лёссов Таджикской депрессии (Южный Таджикистан).— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1977, № 47.
220. *Долбежев В. В.* В поисках развалин Башбалыка.— ЗВОРАО. Т. 23. 1915
221. Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
221а. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
222. *Дудин С. М.* Архитектурные памятники китайского Туркестана (из путевых заметок). Пг., 1916.
223. *Дулина Н. А.* Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем.— ТС. 1971.
224. *Думан Л. И.* О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Ч. 2. М., 1977.
225. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М., 1956.
226. *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы»).— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
227. *Дьяконов И. М.* Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». Выступление И. М. Дьяконова.— НАА. 1980, № 6.
228. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов.— ВДИ. 1982, № 3—4.
229. *Дьяконов М. М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии.— Живопись Пянджикента. М., 1954.
230. *Дьяконова Н. В.* Буддийская икона из собрания Петровского.— СГЭ. Вып. 17 1960.
231. *Дьяконова Н. В.* Буддийские памятники Дуньхуана.— Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. 4. 1947
232. *Дьяконова Н. В.* Китайская шелковая набойка из Дуньхуана.— СГЭ. Вып. 6, 1954.
233. *Дьяконова Н. В.* Материалы по культовой иконографии Хотана.— СГЭ. Вып. 17, 1960.
234. *Дьяконова Н. В.* Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода.— Труды Государственного Эрмитажа (ТГЭ). Т. 5. Л., 1961.
235. *Дьяконова Н. В.* Наследие национальных меньшинств Синьцзяна.— ТГЭ. Т. 2, 1958.
236. *Дьяконова Н. В.* Осада Кушинагары.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
237. *Дьяконова Н. В.* «Сакские» печати из Сериндии.— ВДИ. 1967, № 2.
238. *Дьяконова Н. В.* «Сасанидские» ткани.— ТГЭ. Т. 10, 1969.
239. *Дьяконова Н. В.* Фольклорные мотивы и апотропеи в изобразительном искусстве Восточного Туркестана.— Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

240. *Дьяконова Н. В.* Фрагмент степной росписи из Турфанского оазиса с изображением ткацкого станка.— СГЭ. Вып. 14, 1958.
241. *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанская терракотовая ваза.— СГЭ. Т. 9, 1956.
242. *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук. Л., 1960.
243. *Дэвлет М. А.* Д. А. Клеменц как археолог.— СА. 1963, № 4.
244. *Е Лунли.* История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979.
245. *Евтюхова Л. А., Левашова В. П.* Раскопки китайского дома близ Абакана.— КСИИМК. Вып. 12, 1946.
246. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
247. *Желиговский В.* Ручные ударные орудия и работа ими.— Вестник металловедения. 1925, № 3—4.
248. *Желиговский В. А.* Эволюция топора и находки на Метрострое.— По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
249. *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
250. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА. Вып. 118, 1962.
251. Заседание Восточного отделения Русского археологического общества. 26 октября 1900 года.— ЗВОРАО. С. 13. Вып. 1, 1900.
252. *Зеймаль Е. В.* Клад римских денариев из Таджикистана.— НЭ. Т. 3. М., 1962.
253. *Зеймаль Е. В.* «Сино-кхароштийские» монеты (к датировке хотанского двуязычного чекана).— СНВ. Вып. 10, 1971.
254. *Зелинский А. Н.* Древние пути Памира.— СНВ. Вып. 3, 1971.
255. *Зелинский А. Н.* Памир и Великий шелковый путь.— НАА. 1976, № 5.
256. *Зограф Г А.* В. С. Воробьев-Десятовский (некролог).— ЭВ. Вып. 13, 1960.
257. *Зотов О. В.* О политических и культурных контактах между Кашгарией и Китаем во II в. до н. э.— VIII в. н. э.— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. 2. М., 1977.
258. *Иакинф (Бичурин Н. Я.).* Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. 1—3. СПб., 1829.
259. *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
260. *Иерусалимская А. А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
261. *Иерусалимская А. А.* О северо-кавказском «Шелковом пути» в раннем средневековье.— СА. 1967, № 2.
262. *Ильин М. М.* Флора пустынь Центральной Азии. Ее происхождение и этапы развития.— Материалы по истории флоры и растительности СССР. Т. 3. М.— Л., 1958.
263. *Іліньська В. А.* Скіфськи сокири.— Археологія. Т. 12. Київ, 1961.
264. *Исаков А. И.* Раскопки в Саразме.— Археологические открытия (АО). 1978. М., 1979.
265. *Исаков А. И.* Раскопки на поселении Саразм. АО. 1979. М., 1980.
266. *Исламов У.* Обиширская культура. Таш., 1980.
267. История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974.
268. История и культура Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. А.-А., 1979.
269. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
270. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.
271. Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.
272. *Кадырбаев М. К.* Памятники Тасмолинской культуры.— Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966.
273. *Казем-бек М. А.* Исследование об уйгурах.— ЖМНП. Ч. 31. Отд. 2. 1841.

274. *Кашина Т. И.* Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1975.
275. *Кизерицкий Г.* Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 9. 1895.
276. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.— Л., 1949.
277 *Киселев С. В.* Находки античных и византийских монет на Алтае.— ВДИ. 1940, № 3—4.
278. *Киселев С. В.* Неолит и бронзовый век Китая.— СА. 1960, № 4.
279. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. М, 1983.
280. *Клеменц Д. А.* Материалы об учреждении Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии.— АВ, ф. 28, оп. 1, д. 137.
281. *Клочко В. И.* К вопросу о происхождении скифских наконечников стрел.— Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
282. *Клочко В. И.* О литейной форме с Кировского поселения.— Применение методов естественных наук в археологии. Киев, 1980.
283. *Кляшторный С. Г* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.— СТ. 1972.
284. *Кляшторный С. Г* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
285. *Кляшторный С. Г* Терхинская надпись.— СТ. 1980, № 3.
286. Книга Марко Поло. М., 1956.
287. *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии.— Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. 2. Вып. 3. 1960.
288. *Кожин П. М.* Об иньских колесницах.— Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977
289. *Кожомбердиев М.* Катакомбные памятники Таласской долины.— Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
290. *Кожомбердиев М.* Новые данные о Кенкольском могильнике.— КСИИМК. Вып. 80. 1960.
291. *Козлов П. К.* Лоб-Нор.— ИИРГО. Т. 34. Вып. 1. 1898.
292. *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии. М., 1963.
293. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических надписей VII—VIII вв. Л., 1980.
294. *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
295. *Кононов А. Н.* В. В. Радлов и отечественная тюркология.— ТС. 1971.
296. *Кочергина Н. П.* Аурел Стейн и его исследования Восточного Туркестана.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
297. *Краузе В.* Тохарский язык.— Тохарские языки. М., 1958.
298. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Археологический сборник Государственного Исторического музея. Вып. 17. М., 1948.
299. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА. Вып. 46. 1955.
300. Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии».— НАА. 1980, № 5—6.
301. *Крымский А., Аттая М.* Семь спящих отроков эфесских.— Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 41. М., 1914.
302. *Крюков М. В.* Культуры крашеной керамики в бассейнах Хуанхэ и Янцзы.— Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
303. *Крюков М. В.* Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня.— СВ. 1957, № 3.
304. *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). М., 1984.
305. *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
306. *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

307 *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
308. *Кубиш Е. М.* Список печатных трудов С. М. Дудина.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 9. 1930.
309. Кудатку-билик. Факсимиле уйгурской рукописи Императорской и Королевской придворной библиотеки в Вене. Издано В. В. Радловым. СПб., 1890.
310. *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983.
311. *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ. 1966. № 5.
312. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоарийцев в свете новейших археологических данных.— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
313. *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.— Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
314. *Куропаткин А. Н.* Кашгария. СПб., 1879.
315. *Кучера С.* Китайская археология 1965—1974: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.
316. *Кучера С.* Некоторые проблемы истории Китая в свете радиокарбонных датировок.— Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.
317. *Кучера С.* Некоторые проблемы истории Турфана в Ханьскую эпоху (III в. до н. э.— III в. н. э.).— Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. 2. М., 1977.
318. *Кучера С.* Ранняя история Синьцзяна: неолит — начало века металла.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
319. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
320. *Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы.— СА. 1959, № 3.
321. *Кычанов Е. И.* Из истории тангуто-уйгурских войн в первой половине XI в.— ТИИАЭ. Т. 15. 1962.
322. *Кычанов Е. И.* К вопросу о происхождении тангутов.— Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.
323. *Кычанов Е. И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.— СНВ. Вып. 1. 1959.
324. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
325. *Ларичев В. Е.* К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя.— Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 3. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1960.
326. *Ларичев В. Е.* Нижнеплейстоценовый палеолит Китая.— Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.
327. *Ларичев В. Е.* Открытие рубил на территории Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита.— Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
328. *Ларичев В. Е.* Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск, 1976.
329. *Ларичева И. П.* Гобийские нуклеусы и проблема первоначального заселения Северной Америки.— Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.
330. *Ласточкин.* Восточный Туркестан. Кашгария. Таш., 1911.
331. *Левашова В. П.* К вопросу о механических свойствах древних орудий.— КСИИМК. Вып. 75. 1959.
332. *Лелеков Л. А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы.— ВДИ. 1981, № 3.

333. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев, 1970.
334. *Лившиц В. А., Хромов А. Л.* Согдийский язык.— Основы иранского языкознания. Среднеазиатские языки. М., 1981.
335. *Литвинский Б. А.* Бронзовый век.— История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
336. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972.
337. *Литвинский Б. А.* Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели).— Древний Восток. Города и торговля (III—I тысячелетия до н. э.). Ер., 1973.
338. *Литвинский Б. А.* Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии.— НАА. 1983, № 6.
339. *Литвинский Б. А.* [Рец. на:] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— СА. 1965, № 4.
339а. *Литвинский Б. А.* Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке.— НАА. 1982, № 1.
340. *Литвинский Б. А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности).— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
341. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
342. *Литвинский Б. А.* Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». Выступление Б. А. Литвинского.— НАА. 1980, № 6.
343. *Литвинский Б. А.* Настенная живопись Калаи-Кафирнигана.— Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
344. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
345. *Литвинский Б. А.* Памяти Бенджамина Роуленда (1904—1972).— НАА. 1974, № 3.
346. *Литвинский Б. А.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960—1981).— Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1981.
347. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы).— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
348. *Литвинский Б. А.* Труды Альберта фон Лекока по древней культуре Восточного Туркестана.— НАА. 1981, № 4.
348а. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
349. *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайраккумов.— ТИИАН. Т. 33. 1962.
350. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Дальневосточные монеты из Минусинской котловины.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
351. *Лубо-Лесниченко Е.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
352. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Могильник Астана.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
353. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
354. *Лубо-Лесниченко Е.* Тканные узоры.— По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
355. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Чжичэн кэсы.— Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
356. *Лунин Б. В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Таш., 1974.
357. *Лю Дуншэн, Дун Гуанжун, Ань Чжишэ.* Природная обстановка пустынных и лёссовых областей Китая в четвертичное время.— Четвертичная

геология и геоморфология. Т. 3. Доклады. XXVII Международный геологический конгресс. М., 1984.
358. *Мазетти К.* Вопросы лидийской хронологии.— ВДИ. 1978, № 2.
359. *Малов С. Е.* Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.
360. *Малов С. Е.* Отчет о втором путешествии к уйгурам и саларам.— ИРКСА. Сер. 2. 1914, № 3.
361. *Малов С. Е.* Отчет о командировке студента Восточного факультета С. Е. Малова.— ИРКСА. 1909, № 9.
362. *Малов С. Е.* Отчет о путешествии к уйгурам и саларам.— ИРКСА. Сер. 2. 1912, № 1.
363. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.— Л., 1951.
364. *Малов С. Е.* Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга.— Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 1. Л., 1932, № 1.
365. *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
366. *Малявкин А. Г* Источники по истории уйгуров в IX—XII вв. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1971.
367. *Малявкин А. Г.* К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата.— Известия СО АН СССР. Сер. общественных наук. Вып. 1. 1972, № 1.
368. *Малявкин А. Г* Марионетки из рода Ашина.— Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
369. *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
370. *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии.— Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
371. *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.
372. *Малявкин А. Г* Уйгурское Турфанское княжество в XIII в.— ТИИАЭ. Т. 15. 1962.
373. *Малявкин А. Г* Уйгуры и Китай в 840—848 гг.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
374. *Малявкин А. Г* Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX в.— Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.
375. *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
376. *Мандельштам А. М.* [Рец. на:] *Shiratori Kurakiti.* On the Tsungling traffic route described by Ptolemaeus. Tokyo, 1957.— Проблемы востоковедения. 1959, № 2.
377. *Маннергейм К.-Г* Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906—1908 гг.— Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 81. СПб., 1909.
378. *Марков К. К.* Усыхает ли Средняя и Центральная Азия? — Вопросы географии. Сб. 24. 1951.
379. *Мартынов А. И.* Скифо-сибирское единство как историческое явление.— Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979.
380. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. Вып. 73. 1959.
381. *Массон В. М.* Печати протоиндийского типа из Алтын-депе (к проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока).— ВДИ. 1977, № 4.
382. *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ТЮТАКЭ). Т. 8. Ашхабад, 1956.

383. *Массон М. Е.* Монетные находки в Средней Азии в 1917—1927 гг. Средне-азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Известия. Вып. 3. Таш., 1928.
384. *Массон М. Е.* Фрагменты из истории распространения в древности шелкопряда.— Фрунзе, 1946.
385. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 1—5. Улан-Удэ, 1962—1970.
386. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М., 1973.
387. *Матюшин Г. Н.* Динамика гидросети бассейна Каспия по археологическим данным и ее взаимосвязь с колебаниями уровня других крупных водоемов.— Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
388. *Медведева Л. Я.* Хронологический перечень трудов С. Е. Малова и литературы о нем.— ТС. 1978.
389. *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э.— СА. 1980, № 4.
390. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964.
391. *Менон Ш. Ш.* Древнею тропою. М., 1956.
392. *Меньшиков Л. Н.* Жизнеописание наставника в законе при великой династии Тан, [хранителя] трех сокровищ [из обители Дациэнь]. Цзюань пятый.— *Тугушева Л. Ю.* Фрагменты уйгурской версии биографии Сюаньцзана. Приложение. М., 1980.
392а. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА. 1958, № 6.
393. *Миронов Н. Д.* Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу.— ИИАН. Сер. 6. 1909, № 8.
394. *Мурзаев Э. М.* Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
395. *Мушкетов Д.* Английская экспедиция А. Штейна в Центральной Азии.— ИИРГО. Т. 2. Пг., 1917.
396. *Мушкетов И. А.* Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира.— ИИРГО. Вып. 24. 1889.
397. *Мушкетов И. В.* Туркестан. Геологическое и географическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Ч. 1. Пг., 1915.
398. *Назирова Н. Н.* В. В. Бартольд и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.— Письменные памятники Востока (история, филология). М., 1979.
399. *Назирова Н. Н.* Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1984.
400. *Насилов Д. М.* В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников.— ТС. 1972.
401. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
402. *Никонов А. А.* Возраст полизакской свиты Дарваза (Таджикистан). Известия Академии Наук СССР (ИАН СССР). Серия геологическая. 1982, № 11.
403. *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
404. *Окладников А. П.* Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА. 1958, № 66.
405. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 (Глазковское время).— МИА. 1955, № 43.
406. *Окладников А. П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге?).— История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.
407. *Окладников А. П.* Палеолит Монголии в свете новейших исследований.—

Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.
408. *Окладников А. П.* Палеолит Центральной Азии. Новосибирск, 1983.
409. *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.
410. *Окладников А. П.* Триподы за Байкалом.— СА. 1959, № 3.
411. *Окладников А. П., Ларичев В. Е.* Археологические исследования в Монголии в 1961—1963 гг.— Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 1. 1963, № 2.
412. *Ольденбург С. Ф.* Еще по поводу кашгарских буддийских текстов.— ЗВОРАО. Т. 8. Вып. 3—4. 1894.
413. *Ольденбург С. Ф.* Индийская и иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме.— ЗВОРАО. Т. 12. Вып. 4. 1899.
414. *Ольденбург С. Ф.* Искусство в пустыне.— 30 дней. 1925, № 1.
415. *Ольденбург С. Ф.* Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана. Южная часть Китайского Туркестана.— ЖМНП. Ч. 353. Вып. 194. Отд. 1, № 6.
416. *Ольденбург С. Ф.* Карл Германович Залеман. 28 декабря 1849 — 30 ноября 1916. Некролог.— ИАН. Сер. 5. Т. 9. 1917, № 4.
417. *Ольденбург С. Ф.* Кашгарская рукопись Г. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 8. 1893.
418. *Ольденбург С. Ф.* Краткая опись составленного д-ром Кохановским собрания древностей из Турфана.— ИИАН. Сер. 6. 1907, № 18.
419. *Ольденбург С. Ф.* Кульджинские буддийские терракотовые пластинки собрания Н. Н. Кроткова.— ИИАН. 1909, № 8.
420. *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото.— Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.
421. *Ольденбург С. Ф.* О научном значении коллекции Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 19. 1909.
422. *Ольденбург С. Ф.* Отрывки кашгарских буддийских текстов из собрания Н. Ф. Петровского.— ЗВОРАО. Т. 8. 1894.
423. *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева.— ЗВОРАО. Т. 13. Вып. 1. 1900.
424. *Ольденбург С. Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму.— 1818—1918.— ИАН. Сер. 6. 1918, № 7.
425. *Ольденбург С. Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908.— ЗВОРАО. Т. 20. 1911.
426. *Ольденбург С. Ф.* Пещеры тысячи Будд.— Восток. Вып. 1. Пг., 1922.
427. *Ольденбург С. Ф.* Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами. kharosthī СПб., 1897.
428. *Ольденбург С. Ф.* В. В. Радлов (Некролог).— ИАН. Сер. 6. 1918, № 12.
429. *Ольденбург С. Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг.— ЗВОРАО. Т. 21. Вып. 1. 1912.
429а. *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.
430. *Ольденбург С. Ф.* [Рец. на:] Nachrichten über K. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.— ЗВОРАО. Т. 13. 1900.
432. *Ольденбург С. Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане.— Казанский музейный вестник. 1921, № 1—2.
433. *Ольденбург С. Ф.* Русский комитет для изучения Средней Азии.— ЖМНП. Ч. 349. Отд. 4. 1903.
434. *Ольденбург С. Ф.* Сообщение о находке Боэра.— ЗВОРАО. Т. 6. 1902.
435. *Оранский И. М.* Александр Арнольдович Фрейман. Библиография трудов А. А. Фреймана.— Проблемы востоковедения. 1959, № 4.
439. Очерки истории Китая в древности до «опиумных войн». М., 1959.
440. *Ошанин И. М.* Большой китайско-русский словарь. Составлен коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И. М. Ошанина. Т. 1. М., 1983.
441. *Певцов М. В.* Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, се-

верной окраине Тибетского нагория и Чжунгарии в 1889—1890 гг. СПб., 1895.
442. *Периханян А. Г.* Карл Германович Залеман.— Очерки по истории русского востоковедения. Т. 4. М., 1959.
443. *Петров М. П.* Пустыни Центральной Азии. Т. 2. Л., 1967.
444. *Петровский Н. Ф.* Буддийский памятник близ Кашгара.— ЗВОРАО. Т. 7. 1892.
445. *Петровский Н. Ф.* Заметка по поводу сообщения А. Киргофа о находке каменных орудий.— Туркестанские ведомости. 24.11.1906.
446. *Петровский Н. Ф.* Ответ консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга.— ЗВОРАО. Т. 7. 1893.
447 *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. М.— Л., 1951.
448. *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1956.
449. *Пламеневская О. Л.* Некоторые данные о тканях из кургана Аржан.— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 17. Кызыл, 1975.
450. *Плано Карпини Дж., дель.* История монголов. М., 1957.
451. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
452. *Позднеев Д. М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
453. *Попов И. И.* Д. А. Клеменц, его жизнь и деятельность.— *Клеменц Д. А.* Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925.
454. *Пржевальский Н. М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948.
455. *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М., 1947.
456. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.
457. *Псевдоарриан.* Плавание вокруг Эритрейского моря.— ВДИ. 1940, № 2.
458. *Пташникова И. В.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 1. 1952.
459. *Пташникова И. В.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.— ТХАЭЭ. Т. 1. 1952.
460. *Пьянков И. В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душ., 1972.
461. *Пьянков И. В.* «Саки» (содержание понятия).— Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Вып. 53. Душ., 1968.
462. *Рагоза А. Н.* Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения. М., 1980.
463. *Рагоза А. Н.* Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения АН СССР. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1972.
464. *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика).— ЗИАН. Т. 22. 1893.
465. *Радлов В. В.* Памятники уйгурского языка. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова. Л., 1928.
466. *Радлов В. В.* Титулы и имена уйгурских ханов.— ЗВОРАО. Т. 5. 1890.
467. *Радлов В. В.* Титулы и имена уйгурских ханов.— ЗВОРАО. Т. 5. 1891.
468. *Раевский Д. С.* Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства.— Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция. 1969 г. Доклады. М., 1971.
469. *Ранов В. А.* Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика.— Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душ., 1982.
470. *Ранов В. А.* Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана.— Граница неогена и четвертичной системы. М., 1980.
471. *Ранов В. А.* Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г.— Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6. Сталинабад, 1961.

472. *Ранов В. А.* Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958).— МИА. Вып. 124. 1964.
473. *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душ., 1965.
474. *Ранов В. А.* Некоторые аспекты изучения домустьерских культур юга Средней Азии.— Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
475. *Ранов В. А.* Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века.— СНВ. Вып. 16. 1975.
476. *Ранов В. А.* Следы стоянок каменного века на Аксай-Чатыркельских сыртах в Тянь-Шане.— ИВГО. Т. 103. Вып. 2. 1971.
477. *Ранов В. А.* Стоянка на озере Кара-куль.— Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР (ИООН). Вып. 28. Душ., 1962.
478. *Ранов В. А.* Шлифованные топоры из Таджикистана.— СА. 1966, № 4.
479. *Ранов В. А., Кадыров Ш. П.* Находки каменного века у озера Чатыркель.— ИООН. Вып. 1. 1969.
480. *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткпул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане.— СА. 1971, № 2.
481. *Ранов В. А., Сидоров Л. Ф.* Развитие природы Памира как среды существования человека.— СНВ. Вып. 4. 1965.
482. *Ранов В. А., Юнусалиев М. Б.* Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор.— Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе. 1975.
483. *Регель А.* Путешествие в Турфан.— ИИРГО. Т. 17. Вып. 4. 1881.
484. *Рерих Ю. Н.* Тохарская проблема.— НАА. 1963, № 6.
485. *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Отд. 1. СПб., 1873.
486. *Риттер К.* Землеведение Восточного или Китайского Туркестана. Вып. 1. СПб., 1869.
487. *Роборовский В. И.* Отчет начальника экспедиции 1893—1895 гг. В. И. Роборовского. СПб., 1900.
488. *Роборовский В. И.* Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893—1895 гг.— ИИРГО. Т. 34. 1898.
489. *Роборовский В. И.* Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. Ч. 1. Вып. 1—2. СПб., 1900—1901.
490. *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону.— МИА. Вып. 45. 1955.
490а. *Рубрук Г., де.* Путешествие в восточные страны. М., 1957.
491. *Руденко С. И.* Культура гуннов и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962.
492. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953.
493. *Савинов Д. Г.* О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая.— КСИА. Вып. 154. М., 1978.
494. *Сарианиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
495. *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на древнем Востоке.— КСИА. Вып. 114. 1968.
496. *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Вып. 1. М., 1972.
497. *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895. Ч. 1—3. СПб., 1896.
498. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века (История и культура Востока Азии). Т. 3. Новосибирск, 1975.
499. *Синицын В. М.* Центральная Азия. М., 1959.
500. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА. 1960, № 60.
501. *Синицын И. В.* Сарматская культура Нижнего Поволжья.— СА. 1946, № 8.
502. *Скачков П. Е.* Материалы для библиографии трудов С. Ф. Ольденбур-

га.— Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934.
503. *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1947.
504. *Скрайн.* Китайская Центральная Азия. М., 1935.
505. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА. Вып. 101. 1961.
506. *Смирнов К. Ф.* Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
507. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
508. *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
509. *Снесарев Г. П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культур Средней Азии. М., 1983.
510. Список печатных работ Ф. А. Розенберга.— *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 5. М.— Л., 1958.
511. Среднеиранские языки. М., 1981.
511а. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия. Проблемы культуры. М., 1977.
512. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.
513. *Стори Ч.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Ч. 2. М., 1972.
514. *Страбон.* География. Л., 1964.
514а. *Стрелков А. С.* Две росписи из храма К9е в Шикшине.— Труды секции археологии РАНИОН. Т. 4. М., 1928.
515. *Стрелков А. С.* Кассетированные потолки в Кызыле близ Кучи.— Труды секции искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Т. 2. М., 1928.
516 *Ся Най.* Золотая византийская монета, найденная в могиле периода династии Суй.— Византийский временник. Т. 21. М., 1962.
517. *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 1. М., 1962.
518. *Таскин В. С.* Комментарии к переводу «Цидань го чжи».— *Е Лунли.* История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979.
519. *Тихвинский С. Л.* Взаимоотношения Китая с соседними странами в новое и новейшее время и современная китайская историография.— Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
520. *Тихвинский С. Л.* Вступительная статья.— Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
521. *Тихвинский С. Л.* История Китая и современность. М., 1976.
522. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.— Л., 1966.
523. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1968.
524. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
525. *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953.
526. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. Л., 1932.
527 Тохарские языки. М., 1959.
528. *Тугушева Л. Ю.* Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие.— ТС. 1978.
529. *Тугушева Л. Ю.* Уйгурская версия биографии Сюаньцзана.— Письменные памятники Востока. М., 1974.
530. *Умняков И. И.* Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда. М., 1976.
531. *Федорович Б. А.* Происхождение рельефа пустыни Такла-Макан и вопросы ее освоения.— Куньлунь — Тарим. Очерки природных условий. М., 1961.
532. *Федчина В. Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
533. *Флуг К. К.* Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР.— Библиография Востока. Вып. 8—9. М.— Л., 1936.

534. *Формозов А. А.* Микролитические памятники азиатской части СССР.— СА. 1959, № 2.
535. *Фрумкина Р. М.* Библиография избранных работ по тохарским языкам.— Тохарские языки. М., 1959.
536. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА. 1963, № 4.
537. *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
538. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 1. М., 1961.
539. Хрестоматия по истории древнего Востока. Т. 1—2. М., 1980.
540. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА. Вып. 88. 1960.
541. *Чеснов Я. В.* Историческая география стран Индокитая. М., 1976.
542. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
543. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи.— МИА. Вып. 182. 1972.
544. *Чореф М. Я., Шульц П. Н.* Новый рельеф сарматского круга.— СА. 1972, № 1.
545. *Чугуевский Л. И.* Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1 (Памятники письменности Востока). М., 1983.
546. *Чугуевский Л. И.* О крепостных крестьянах при буддийских монастырях в Дуньхуане (VIII—IX вв.).— Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1976.
547. *Чугуевский Л. И.* Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана.— СНВ. 1971.
548. *Чугуевский Л. И.* Общинные объединения мирян при буддийских монастырях в Дуньхуане.— Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1975.
549. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М., 1981.
550. *Шкатова В. К.* Казахстан.— Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Т. 1. Ч. 2. М., 1984.
551. *Шпринцин А. Г* Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках.— СНВ. Вып. 18. 1976.
552. *Штейн В. М.* Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1980.
553. *Щербак А. М.* В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности.— ТС. 1972.
554. *Щербатской Ф. И.* С. Ф. Ольденбург как индианист.— Академик С. Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934.
555. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.).— Труды Международного симпозиума по этническим проблемам Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
556. *Юсупов А. Х.* Изучение неолитических памятников Юго-Западного Таджикистана.— Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972.
557. *Якубовский А. Ю.* Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв.— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 4. Л., 1947.
558. *Янковская Н. Б.* Некоторые вопросы экономики ассирийской державы.— ВДИ. 1956, № 1.
559. *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Заключение. Круглый стол «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии».— НАА. 1980, № 6.

На восточных языках

560. *Ань Цзочжан.* Лян Хань юй Сиюй гуаньси ши (История связей империи Хань с Западным краем). Цзинань, 1959.
561. *Ань Чжимин.* Сычуань Ганьцзы фуцзинь чуту ды ипи тунци (Группа

бронзовых изделий, обнаруженных в окрестностях Ганьцзы в Сычуани).— КГСБ. 1958, № 1.
562. *Бай Фэнци.* Шилунь сюнну юй Сиюй ды гуаньси (О взаимоотношениях сюнну и Западного края).— Нэймэнгу дасюэ сюэбао. 1981, № 2.
563. *Бань Гу.* Ханьшу (История [династии] Хань).— Т. 1—12. Пекин, 1964.
564. *Ван Бинхуа.* Синьцзян Алагоу шусюэ мугому фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках погребений со срубами в Алагоу в Синьцзяне).— ВУ. 1981, № 1.
565. *Ван Говэй.* Гуаньтан цзилинь (Собрание сочинений). Т. 1—4. Пекин, 1961.
566. *Ван Минчжэ.* Лунь Ханьдай усунь цзу дуй Илихэ лююй ды кайфа (Об освоении усунями долины Или в эпоху Хань).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1983, № 1.
567. *Ван Ниншэн.* Хань — Цзинь Сиюй юй цзуго вэньмин (Западный край в эпоху династий Хань и Цзинь и китайская цивилизация).— КГСБ. 1977, № 1, 6
568. *Ван Сяньцянь.* Хоуханьшу цзицзе (Свод комментариев к «Хоуханьшу»). Т. 1—5. Шанхай, 1959.
569. *Ван Яо.* Синьцзян цзанвэнь цзяньду каоши цзи шили (К прочтению тибетских документов из Синьцзяна).— ВУ. 1984, № 9.
570. Вэйшу (История [Северной] Вэй). Т. 1—5. Пекин, 1983.
571. Вэньу каогу гунцзо саньши нянь (30 лет работы по изучению памятников материальной культуры и археологии). Пекин, 1979.
572. *Дай Эрцзянь, Гай Пэй, Хуан Вэйвэнь.* Оббитые каменные орудия из пустыни Алашань (англ. резюме).— Vertebrata palaeoasiatica. 1964, № 4.
573. Дуньхуан Мацюаньвань ханьдай фэнсуй ичжи фацзюэ цзянбао (Предварительный отчет о раскопках пограничных крепостей в Мацюаньване близ Дуньхуана).— ВУ. 1981, № 10.
574. *Жао Чжунъюань.* Шубу юй cinapatta (Шуские холсты и cinapatta).— Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань. 1974. Т. 45. № 4.
575. *Инь Цин.* Юйтянь Вэйчи ванцзя шиси каошу (Исследование генеалогии династии Виджайя в Хотане).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1983, № 2.
576. *Куэрбань Вайли.* Тулуфань чуту гунъюань у шицзи ды гу туцзюэюй мупай (Деревянные таблички с древнетюркскими надписями V в. н. э. из Турфана).— ВУ. 1981, № 1.
577. *Лао Гань.* Сюэшу луньвэньцзи (Сборник статей). Т. 1—2. Тайбэй, 1976.
578. *Ли Шаомин.* Гуаньюй цяницзи гудай лиши ды цзигэ вэньти (Некоторые вопросы по древней истории цянов).— ЛЯ. 1963, № 5.
579. *Ли Юйчунь.* Синьцзян Баликунь сянь синь фасянь Дун Хань Жэнь Шан бэй ды чубу каочжэн (Предварительное исследование стелы Жэнь Шана периода Восточной Хань, найденной в уезде Баркуль в Синьцзяне).— Каогу юй вэньу. 1982, № 4.
580. *Ли Юйчунь.* Синьцзян-Вэйуэр цзычжицюй вэньу каогу гунцзо гайкуан (Краткий обзор археологических работ и работ по изучению памятников материальной культуры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе).— ВУ 1962, № 7—8.
581. *Ли Юйчунь.* Синьцзян Хэтянь сянь Майликэавати ичжи ды дяоча хэ шицзюэ (Разведки и раскопки поселения в Маликавати, уезд Хотан в Синьцзяне).— ВУ 1981, № 1.
582. *Ли Юйчунь, Хань Сян.* Синьцзян Яньци сянь фасянь тохоловэнь А (Яньциюй) бэнь «Милэ хуэйцзяньцзи» цзюйбэнь цаньцзюань (Фрагменты текста пьесы «Встреча с Майтрейей» из шохатского местонахождения А; уезд Яньци в Синьцзяне).— ВУ 1983, № 1.
583. *Линь Гань.* Туцзюэ ды сису юй цзунцзяо (Обычаи и религия древних тюрков).— Миньцзу яньцзю. 1981, № 6.
584. *Линь Гань.* Усунь цзи ци юй Си Хань ванчао ды гуаньси (Усуни и их связи с империей Западная Хань).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1982, № 3.
585. *Линь Гань.* Шилунь хуэйху шичжун ды жогань вэньти (О некоторых вопросах истории древних уйгуров).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1984, № 1.
586. Лоян целань цзи сяошо (Записки о монастырях Лояна с комментариями и объяснениями). Пекин, 1958.

587. *Лу Сысянь.* Сюнну цзумин юаньи шаньюань (О происхождении этнонима «сюнну»).— Нэймэнгу шиюань сюэбао. 1982, № 2.
588. *Лу Хуэй.* Ечжун цзи (Записки о столице Е). Шанхай, 1937
589. *Лю Гуанхуа.* Ю тань ханьдай ды усунь (Еще раз об усунях эпохи Хань).— Синьцзян дасюэ сюэбао. 1981, № 3.
590. *Лю Хунлян.* Тулуфань чуту Шилюго шици вэньшу (Документы эпохи «шестнадцати царств пяти племен» из Турфана).— ВУ. 1963, № 1.
591. *Люй Сымянь.* Суй, Тан, Удай ши (История империй Суй, Тан и периода Пяти династий). Т. 1. Пекин, 1959.
592. Ляншу (История династии Лян). Пекин, 1958.
593. *Ма Юн.* Дун Хань Цао Цюань бэйчжун ды югуань Сиюй ды чжунъяо шиляо (Важные сведения о Западном крае, содержащиеся в позднеханьской стеле Цао Цюаня).— ВШ. 1981, № 12.
594. *Ма Юн.* Синьцзян сочу цюйлу вэньшу ды дуаньдай вэньти (Проблема датировки документов, [написанных на] кхарошти, из Синьцзяна).— ВШ. 1979, № 7
595. *Минь Дин.* Чжунго Чжунъя вэньхуа яньцзю сехуэй шоуцзе сюэшу баогао цзилюэ (О Первой научной конференции Китайского общества по изучению культур Центральной Азии).— Миньцзу яньцзю. 1983, № 6.
596. *Мэн Фаньжэнь.* Ли Бай вэньшу чуту юй LK ичжи шо чжии (Сомнения относительно версии о том, что письмо Ли Бая было найдено в местонахождении LK).— Каогу юй вэньу. 1983, № 3.
597. Наньцзин бэйцзяо Дун Цзинь му фацзюэ цзяньбао (Краткий очерк раскопок могилы периода Восточная Цзинь в северном пригороде Нанкина).— КГ. 1983, № 4.
597а. *Оуян Сю.* Синьтаншу (Новая хроника [династии] Тан). Пекин, 1958.
597б. Саньго чжи (История Троецарствия). Т. 1—5. Пекин, 1982.
598. *Се Цзунъюань.* Чжунго шуфа да цзыдянь (Большой словарь способов написания китайских иероглифов). Тайбэй, 1965.
598а. Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Материальная культура народов Синьцзяна в древности). Пекин, 1985.
599. Синьцзян каогу саньши нянь (Археология Синьцзяна за тридцать лет). Урумчи, 1983.
600. Синьцзян Кээрмуци гуму фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках древнего могильника Кэрмуци в Синьцзяне).— ВУ 1981, № 1.
601. Синьцзян Миньфэн сянь бэй да шамочжун гу ичжи муцзан цюй Дун Хань хэцзан му циньли цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании супружеской могилы периода Восточная Хань в могильнике древней стоянки, находящейся в пустыне севернее Миньфэна в Синьцзяне).— ВУ 1960, № 6.
602. Синьцзян Мулэй Сыдагоу ичжи (Развалины Сыдагоу в уезде Мулэй в Синьцзяне).— КГ 1982, № 2.
603. Синьцзян Тулуфань Айдинху гу муцзан (Древние погребения близ оз. Айдинху в уезде Турфан в Синьцзяне).— КГ. 1982, № 4.
604. Синьцзян чуту вэньу (Памятники материальной культуры Синьцзяна). Пекин, 1975.
605. Синьцзян Шаньшань Субаши гу муцзан (Древние погребения близ Субаши в уезде Шаньшань в Синьцзяне).— КГ. 1984, № 1.
606. Суйшу (История [династии] Суй). Т. 1—10. Пекин, 1958.
607 *Сыма Цянь.* Шицзи (Исторические записки). Т. 1—10. Пекин, 1975.
608. Сычоу чжи лу. Хань — Тан чжиу (Шелковый путь. Тканые изделия эпох Хань и Тан). Пекин, 1972.
609. *Сюаньцзан.* Да Тан Сиюй цзи (Описание Западного края во времена Великой Тан). Пекин, 1955.
610. *Сюн Чжуаньсин.* Чанша синьфасянь ды Чжаньго сычжиу (Вновь обнаруженные в Чанша ткани периода Чжаньго).— ВУ. 1975, № 2.
611. *Сюнь Юэ.* Цяньханьцзи (Анналы Ранней Хань). Т. 1—6. Шанхай, 1929.
612. *Ся Най.* Иньсюй юйци (Нефритовые изделия иньского городища). Пекин, 1981.
613. *Ся Най.* Хэтянь мацянь као (Изучение монет с изображением коня из Хотана).— ВУ. 1962, № 7—8.

614. *Ся Най.* Цзуншу Чжунго чуту ды Босы Сасан чао иньби (Обзор сасанидских монет, найденных в Китае).— КГСБ. 1974, № 1.
615. *Ся Най.* Цинхай Синин чуту ды Босы Сасан чао иньби (Сасанидские серебряные монеты, обнаруженные в Синине, в пров. Цинхай).— Каогусюэ луньвэнь цзи (Сборник статей по археологии). Пекин, 1964.
616. *Ся Най.* Чжуншицзи Чжунго хэ Байчжаньтин ды гуаньси (Связи Китая с Византией в период средневековья).— ШЛ. 1980, № 4.
617. *Сян Да.* Тандай Чанъань юй Сиюй вэньмин (Чанъань в танскую эпоху и культура Западного края). Пекин, 1957.
618. Тайпин хуаньюй цзи (Энциклопедия «Описание вселенной, составленное в годы правления Тайпин синго»). [Б. м., б. г.].
619. Тайпин юйлань (Высочайше утвержденная [энциклопедия] годов Тайпин). Пекин, 1957
620. *Такигава Камэтаро.* «Шицзи» хуэйчжу каочжэн («Шицзи» со сводным комментарием).— Т. 1—10. Пекин, 1955.
621. Тан хуэйяо (Основные сведения о [династии] Тан). Т. 1—3. Пекин, 1955.
621а. *Тан Чанжу.* Цун Тулуфань чуту вэньшучжун соцзянь ды Гаочан цзюньсянь синчжэн чжиду (Административная система Гаочана по данным документов из Турфана).— ВУ. 1978, № 6.
622. Тандай вэньсянь цункао (Сборник статей по источниковедению эпохи Тан). Шанхай, 1957.
623. Тань шисы наньдай цэдин баогао (Отчет об определении датировки методом радиокарбонного анализа).— ВУ 1978, № 5.
624. Тулуфань сянь Асатана — Халахэчжо гу муцюнь фацзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о раскопках древнего могильника Астана-Караходжа в уезде Турфан).— ВУ 1973, № 10.
625. Тулуфань Халахэчжо гу муцюнь фацзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о раскопках древних погребений в Караходжа в уезде Турфан).— ВУ 1978, № 6.
626. Тулуфань Цзинь — Тан муцзан чуту вэньшу гайшу (Краткие данные о документах периодов Цзинь — Тан из уезда Турфан).— ВУ. 1977, № 3.
627. Тулуфань чуту вэньшу (Документы из Турфана). Пекин, 1981.
628. Тулуфань чуту Шилю го шици ды вэньшу (Документы эпохи «шестнадцати царств пяти племен» из Турфана).— ВУ 1983, № 3.
629. Тундянь (Исторический свод). Шанхай, 1935.
630. *Туэрсунь Айша.* Лобуноэр дицюй Дун Хань му фацзюэ цзи чубу яньцзю (Раскопки и предварительное исследование погребений эпохи Восточная Хань в районе Лобнора).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ сюэбао. 1983, № 1.
631. *Тянь Гуанцинь.* Цзиньнянь Нэймэнгу дицюй ды сюнну каогу (Археология сюнну во Внутренней Монголии за последние годы).— КГСБ. 1983, № 1.
632. *У Чжэнь.* Синьцзян дунбу ды цзичу синьшици шидай ичжи (Несколько неолитических памятников в восточной части Синьцзяна).— КГ 1964, № 7.
633. *У Чжэнь.* Тулуфань вэньшучжун ды жогань няньхао цзи сунгуань вэньти (Девизы лет правления в документах из Турфана и связанные с ними проблемы).— ВУ. 1983, № 1.
634. *У Чжэнь.* Цзюй ши Гаочан гоши соинь (Спорные проблемы истории Гаочана при династии Цзюй).— ВУ 1981, № 1.
635. Увэй ханьцзянь (Тексты на деревянных табличках ханьского времени из Увэй). Пекин, 1964.
635а. Удай шицзи (Исторические записки [об эпохе] Пяти династий) Пекин, 1958.
636. *Фан Хао.* Чжун — Си цзяотун ши (История связей Китая с Западом). Т. 1—2. Тайбэй, 1959.
637. *Фань Шиминь, Чжоу Баочжун.* Ловэнь болибэй каолю (Исследование стеклянного сосуда с сеточным орнаментом).— ВУ. 1982, № 8.
638. *Фудзита Тоёхати.* Юэчжи гуди юй ци сии няньдай (Древние земли юэчжей и датировка их миграции на запад).— Сибэй гуди яньцзю (Ис-

следования по древней географии Северо-Запада [Китая]). Шанхай, 1935.
639. *Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь.* Вэйуэр цзу лиши фэньци вэньти (К вопросу о периодизации истории уйгуров).— Чжунго миньцзу вэньти цзикань (Исследования национальных проблем Китая). Пекин, 1962.
640. *Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь.* Вэйуэр цзу лиши шиляо цзяньбянь (Краткий свод материалов по истории уйгуров). Ч. 1—2. Пекин, 1958.
641. *Фэн Чэнцзюнь.* Сиюй, Наньхай шиди каочжэн луньчжу хуэйцзи (Сборник статей по исторической географии Западного края и Южных морей). Сянган, 1976.
642. *Хань Сян.* Яньци году, Яньци дудуфу чжисо юй Яньци чжэньчэн (Столица княжества Яньци, резиденция наместника Яньци и крепость Яньци).— ВУ. 1982, № 4.
643. *Хатани Рётай.* Сиюй чжи фоцзяо (Буддизм в Западном крае). Шанхай, 1956.
644. *Хоу Цань.* Лоулань ицзи каоча цзяньбао (Предварительный отчет об обследовании древних памятников в Лоулане).— Лиши дили. 1981, № 1.
645. *Хоу Цань.* Лунь Лоулань чэн ды фачжань цзи ци цидай фэй (О развитии города Лоулань и его упадке).— Чжунго шэхуэй кэсюэ. 1984, № 2.
646. Хоуханьшу (История [династии] Поздняя Хань). Т. 1—2. Пекин, 1982.
647. *Ху Жулэй.* Цзицзянь Синьцзян чуту вэньшучжун софаньин ды Шилюго шици цзудянь циюэ гуаньси (Об арендных отношениях в эпоху «шестнадцати царств пяти племен» по данным документов из Синьцзяна).— ВУ 1978, № 6.
648. *Хуан Вэньби.* Гаочан таоцзи (Ценные археологические находки из Гаочана). Т. 1—2. Пекин, 1933.
649. *Хуан Вэньби.* Лобуноэр каогу цзи (Отчет об археологических исследованиях на Лобноре). Пекин, 1948.
650. *Хуан Вэньби.* Лобуноэр каогу цзи (Отчет об археологических исследованиях на Лобноре). Пекин, 1949.
651. *Хуан Вэньби.* Люэшо Цзюйцы дучэн вэньти (Коротко о столице государства Цзюйцы).— ВУ. 1962, № 7—8.
652. *Хуан Вэньби.* Синьцзян каогу ды фасянь. Или сянь ды дяоча (Археологические открытия в Синьцзяне. Обследование в уезде Или).— КГ. 1960, № 2.
653. *Хуан Вэньби.* Талиму пэньди каогу цзи (Археологические исследования в бассейне Тарима). Пекин, 1958.
654. *Хуан Вэньби.* Тулуфань каогу цзи (Археологическое обследование Турфана). Пекин, 1954.
655. *Хуан Вэньби.* Тулуфань каогу цзи (Археологическое обследование Турфана). Пекин, 1957
656. *Хуан Ле.* Люэлунь Тулуфань чуту ды даоцзяо фулу (Коротко о даосском тексте из Турфана).— ВУ 1981, № 2.
657. *Хэ Чанцюнь.* Гудай Сиюй цзяотун юй Фасянь Иньду сюньли (Древние связи с Западным краем и паломничество Фасяня в Индию). Ухань, 1956.
657а. *Цао Юннянь.* Жоужань юань юй цзаху (Жужани произошли от цзаху).— ЛЯ. 1981, № 12.
658. Цзюйя ханьцзянь цзябянь (Ханьские документы из Цзюйя. Публикация А). Пекин, 1958.
659. Цзютаншу (Старая хроника [империи] Тан). Пекин, 1958.
660. *Цзя Инъи.* Лютань Ния ичжи чуту ды мочжипинь (Относительно шерстяных изделий, обнаруженных в поселении Ния).— ВУ 1980, № 3.
661. *Цзян Цисян, Чжоу Сицзюань.* Цзю чжи шисань шицзи гу туцзюэ гэбу ды фэньбу юй бяньцянь (Расселение и трансформация древнетюркских племен с IX по начало XIII в.).— Синьцзян шэхуэй кэсюэ. 1983, № 4.
662. Цзянсу Ханцзян Ганьцюань эрхао ханьму (Могила № 2 эпохи Хань в Ганьцюане, уезд Ханцзян, пров. Цзянсу).— ВУ. 1981, № 11.
663. *Цуй Ши.* «Шицзи» таньюань (Исследование первоначального текста «Исторических записок»). Т. 1—2. Пекин, 1924.

664. Цэфу юаньгуй (Энциклопедия «Сокровищница древней мудрости»). Пекин, 1960.
665. Чанша фацзюэ баогао (Отчет о раскопках в Чанша). Пекин, 1957.
666. *Чжан Цзэнци.* Юньнань Сяньюнь Дапона фасянь шуго тунцыгуань му (Могила с бронзовым наружным и деревянным внутренним гробами, обнаруженная в Дапона, уезд Сяньюнь, пров. Юньнань).— КГ. 1964, № 7.
666а. *Чжао Лишэн.* Синьцзян чуту цюйлувэнь цзяньшу нэйжун ды каошн хэ фэньси (Исследование содержания документов на кхарошти, найденных в Синьцзяне).— Ланьчжоу дасюэ сюэбао. 1979, № 1.
667. Чжаосу сянь гудай муцзан шицзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о пробных раскопках древних погребений в уезде Чжаосу).— ВУ. 1962, № 7—8.
668. *Чжу Инжун.* Синьцзян Байчэн Кэцзыэр Цяньфодун синь ихао ку (Пещера № 1 в храме Тысячи будд в Кызыле близ Байчэна в Синьцзяне).— ВУ. 1984, № 12.
669. *Чу Цзюньцзе.* Цянжэнь сицянь юй Хэтянь циюань (Переселение цянов на Запад и происхождение Хотана).— Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао. 1982, № 3.
670. *Чэнь Гэ.* Бамиэр гаоюань гуму (Древние могилы Памирского высокогорья).— КГСБ. 1981, № 2.
671. *Чэнь Мэнцзя.* Ханьцзянь чжуйшу (Заметки о ханьских документах на деревянных табличках). Пекин, 1980.
672. *Чэнь Чжунмянь.* Си туцзюэ шиляо. Буцюэ цзи каочжэн (Материалы по истории западных тюрок. Дополнения и исправления). Пекин, 1958.
673. *Чэнь Чжунмянь.* Туцзюэ цзиши (Материалы по истории тюрок). Т. 1—2. Пекин, 1958.
674. *Чэнь Чжутун.* Лян Хань хэ Сиюй дэнди ды цзиньцзы вэньхуа цзяолю (Экономические и культурные связи Западной и Восточной Хань с Западным краем и другими территориями). Шанхай, 1957.
675. *Ши Шуцин.* Синьцзян вэньу дяоча суйби (Записки об обследовании памятников культуры Синьцзяна).— ВУ 1960, № 6.
676. *Ши Шуцин.* Тань Синьцзян Миньфэн Ния ичжи (О находках в Ния, уезд Миньфэн в Синьцзяне).— ВУ 1962, № 7—8.
677. Эршиу ши (Двадцать пять историй). Т. 1—10. Тайбэй, 1974.
678. *Ю Чжун.* Хань — Цзинь шици ды синань и (Юго-западные «варвары» в эпохи Хань и Цзинь).— ЛЯ. 1957, № 12.
679. Юньнань Дэцин Юнчжи фасянь ды гу муцзан (Древнее захоронение, обнаруженное в Юнчжи, уезд Дэцин, пров. Юньнань).— КГ. 1975, № 4.
680. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гуму дисыцы фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о четвертом сезоне раскопок могильника Шичжайшань, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань).— КГ. 1963, № 9.
681. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гумуцюнь фацзюэ баогао (Отчет о раскопках в Шичжайшане, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань). Пекин, 1959.
682. Юньнань Шичжайшань дисаньцы фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о третьем сезоне раскопок в Шичжайшане, пров. Юньнань).— КГ. 1959, № 9.
682а. Яньтелунь (Трактат о железе и соли). Пекин, 1957.
683. *Абэ Такэо.* Ниси уйгуру кокуси-но кэнкю (Исследования по истории государства западных уйгуров). Киото, 1955.
684. *Иноуэ Ясуси, Окадзаки Такаси.* Мабороси-но Роран, Карахото (Таинственные Лоулань и Хара-Хото). Токио, 1980.
685. *Исэ Сэнтаро.* Вага куни-ни окэру Сэйики си кэнкю (Изучение истории Западного края в Японии).— Рэкиси кёику. 1967, № 9—10.
686. *Исэ Сэнтаро.* Кандай-но Сэйики кэйэй (Управление Западным краем при династии Хань).— Сигаку. Т. 42. 1954, № 1.
687. *Като Сигэру.* Усон-но кёдзюти-ни цуйтэ (О местонахождении усуней).— Сигаку дзасси. 1931, № 7.
688. Кита миндзоку си (История кочевых народов). Т. 1—3. Токио, 1971.
689. *Котани Накао.* Соку то дай гэсси (Сэ и большие юэчжи).— Тоёси кэнкю. Т. 28. 1969, № 3.

690. *Кувада Рокуро.* Уйгуру суйбо ко (Исследование истории упадка и гибели уйгуров).— Тоёгаку хо. Т. 18. 1928.
691. *Мацуда Хисао.* Кодай Тэндзан-но рэкиси тиригаку тэки кэнкю (Исследование по исторической географии древнего Тянь-Шаня). Токио, 1970.
692. *Миядзаки Итисада.* Ханэда хакасю-но Сэйики си (Доктор Ханэда и история Западного края).— Тохогаку. 1955, № 11.
693. *Мори Сикадзо.* Тоёгаку кэнкю (Востоковедные этюды). Киото, 1975.
694. *Мориясу Такао.* Уйгуру то Тибето-но Хокутэй содассэн оёби соно Сэйики дзёсэй-ни цуйтэ (Война уйгуров с Тибетом за Бэйтин и последующее положение в Западном крае).— Тоё гакухо. Т. 55. 1973, № 4.
695. *Мориясу Такао.* Уйгуру то Тонко (Уйгуры и Дуньхуан).— Тонко-но рэкиси (История Дуньхуана). Токио, 1980.
696. *Нагасава Кадзутоси.* Ги — Син Роран тондзю ко (О военных поселениях эпохи Вэй — Цзинь в Лоулане).— Сикан. Т. 92. 1975.
697. *Нагасава Кадзутоси.* Кодай Сэйики нандо ко (Исследования о древнем южном тракте в Западном крае).— Нэйрику Адзиа Ниси Адзиа-но сэкай то бунка (Общества и культуры Внутренней и Западной Азии). Токио, 1983.
698. *Нагасава Кадзутоси.* Сируку родо си кэнкю (Исследования истории [Великого] шелкового пути). Токио, 1979.
699. *Оба Осаму.* Рюкукан (Документы на деревянных табличках). Токио, 1980.
700. *Окадзаки Такаси.* Ги, Син, Намбокутё-но сэкай (Эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Токио, 1977
701. *Окадзаки Такаси.* Тодзай косё-но кокогаку (Культурные связи между Востоком и Западом по данным археологии). Токио, 1973, 1980.
702. *Отани Сёсин.* Косё Кику си ото ко (Исследование генеалогии правителей династии Цзюй в Гаочане).— Кёдзё Тэйдай дзюсюнэн ромбунсю (Сборник статей, посвященный десятилетию Императорского университета в Кэсоне). Кэсон, 1946.
703. *Отани Сёсин.* Тококукон-но мэйсё-ни цуйтэ (Об этнониме «тогон»).— Ямасита кёдзю канрэкикикэн Тоё си ромбунсю (Сборник статей по истории Востока, посвященный шестидесятилетию профессора Ямасита). Токио, 1938.
704. *Сато Гэнъитиро.* Тюгоку кодай кину оримоно си кэнкю (Изучение истории древнекитайского шелкоткачества). Т. 1—2. Токио, 1978.
705. Сёсоин-но гарасу (Стеклянные изделия из хранилища Сёсоин). Токио, 1965.
706. *Симадзаки Акира.* Сирарю тайко (Относительно барханов Белого дракона).— Дзуй-То дзидай-но Тон Турукистан кэнкю (Изучение истории Восточного Туркестана в эпоху Суй — Тан). Токио, 1977.
707 *Симадзаки Акира.* Сэйики коцу сидзё-но синдо то Ива ро («Новый путь» и Хамийский путь в истории путей сообщения в Западном крае). Токио, 1977.
708. *Сиратори Куракити.* Сэйики си кэнкю (Исследования по истории Западного края). Т. 1—2. Токио, 1981.
709. *Судзуки Осаму.* Кинуро ко (Исследование [Великого] шелкового пути).— Тэнри дайгаку гакухо. 1964, № 43.
710. *Судзуки Осаму.* Кинуро хо ко (Дополнение к исследованию [Великого] шелкового пути).— Тэнри дайгаку гакухо. 1965, № 46.
711. Тоё рэкиси дай дзитэн (Большой словарь по истории Восточной Азии). Т. 1—9. Токио, 1938—1940.
712. *Умэхара Сэйити.* Кодай хоппо кэй бумбуцу-но кэнкю (Изучение древних памятников материальной культуры северного происхождения). Киото, 1938.
713. *Утида Гинфу.* Дзюдзэн, авару додзоку рон-ни кансуру сю мондай (Проблемы отождествления жужаней и аваров).— Тоё си кэнкю. Т. 21. 1962, № 1.
714. *Ханэда Тору.* То дай уйгуру си-но кэнкю (Исследование истории уйгуров в танскую эпоху).— Сигаку си. Т. 1. 1957.

715. *Харада Ёсито.* Сисэйки дзэнго-но Тюгоку-ни окэру Рома гарасу ёки-но айко нэцу тосоно юню кэйро (Восхищение римскими стеклянными сосудами в Китае в IV в. н. э. и их импорт).— Тоа кобунка сэцусоно (Сборник по истории культуры Восточной Азии). Токио, 1973.
716. *Хатани Рётай.* Сэйики-но буцугаку (Буддизм в Западном крае). Токио, 1914.
717. *Хоёнага Муцуби.* Сируку родо титай-но сидзэн-но хэнтэн (Изменения природной среды в районе [Великого] шелкового пути). Токио, 1976.
718. *Хори Сигэру.* Юхаки — нидзю сэйки уйгуру дзинко сирон (История уйгурского населения в XVIII—XX вв.).— Сирин. Вып. 60. 1977, № 4.
719. *Эгами Намио.* Гэсси-но миндзоку мэй-ни цуйтэ (Об этнониме «юэчжи»).— Вада хакасэ канрэки кинэн Тоё си ронсон (Сборник по истории Востока в честь 60-летия доктора Вада). Токио, 1951.
720. *Эгами Намио.* Гэсси то гёку (Юэчжи и нефрит).— Адзиа бунка си кэнкю (Изучение истории культуры Азии). Токио, 1967.
721. *Эноки Кадзуо.* Иваюру сина-каросютэ сэн-ни цуйтэ (По поводу монет сино-кхарошти).— Тоёгаку хо. Т. 42. 1959, № 3.
722. *Эноки Кадзуо.* «Кансю» Сэйики тэн-но кэнкю (Исследование главы о Западном крае в «Ханьшу»).— Тоёгаку. Вып. 64. 1982.
723. *Эноки Кадзуо.* Хокэн-но цукасита дзин Дзэнкоку-ни цуйтэ (О Шаньшане, в котором побывал Фасянь).— Тохогаку. Т. 34. 1967.
724. *Эноки Кадзуо.* Эфутару миндзоку-но дзинсюрон-ни цуйтэ (Об этнической принадлежности эфталитов).— Тохогаку. Т. 29. 1965.
725. *Ямадзаки Гэнъити.* Утэн кэнгоку дэнсэцу сэйрицу-но хайкэй (Об исторических условиях возникновения легенды об основании Хотана).— Кокугакуин дзасси. 1972, № 3.

на западных языках

726. *Aalto P.* Oriental studies in Finland. 1820—1918. Helsinki, 1971.
727. Actes du XII Congrès international des orientalistes. T. 1—3. Florence, 1901—1902.
728. *Aigner J.* Archaeological remains in pleistocene China. München, 1981.
729. *Allchin B., Allchin R.* The rise of civilisation in India and Pakistan. Cambr., 1982.
730. *Allchin B., Goudie A., Hedge K.* The prehistory and palaeogeography of the Great Indian Desert. L., 1978.
731. *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. 1. Halle, 1947.
732. *Altheim F., Stiel R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970.
733. *Amiet P.* Bactriane proto-historique.— Syria. T. 54. 1977
734. *Ammiani Marcellini.* Rerum gestarum libri qui supersunt. Vol. 1—2. Lipsiae, 1874—1875.
735. *Andersson G.* Children of the Yellow Earth. Studies in prehistoric China. Cambr., Mass., 1973.
736. *Andersson G.* Preliminary report on archaeological research in Kansu.— Memoirs of the Geological society of China. Ser. A. 1925, № 51.
737. *Andrews F.* Catalogue of wall-paintings from ancient shrines in Central Asia and Sistan recovered by Sir Aurel Stein. Delhi, 1933.
738. *Andrews F.* Wall-paintings from ancient shrines in Central Asia recovered by Sir Aurel Stein. Ox., 1948.
739. *An Zhimin.* Paleoliths and microliths from Shenja and Shunghu, Northern Tibet.— CAn. Vol. 23. 1982, № 5.
740. L'Asie Centrale. Histoire et civilisation. P., 1977.
741. *Asmussen J.* The Hᵘāstvānīft. Studies in Manihaeism. Copenhagen, 1965.
742. *Asmussen J.* The Khotanese Bhadraçaryādeśanā. København, 1961.
743. *Bailey H.* Analecta Indoscythica. T. 1—2. JRAS. 1953, 1954.
744. *Bailey H.* The culture of the Sakas in ancient Iranian Khotan. N. Y., 1982.
745. *Bailey H.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge — London — New York — Melbourn, 1979.

746. *Bailey H.* Saka studies. The ancient Kingdom of Khotan.— Iran. Vol. 8. L., 1970.
747. *Bailey H.* Hvatanica.— BSO(A)S. Vol. 8—10. 1947.
748. *Bailey H.* Khotanese texts. Vol. 1—6. Cambr., 1945—1967.
749. *Bailey H.* Languages of the Saka.— Handbuch der Orientalistik. (HOr). B. 1, H. 4. Leiden — Köln, 1958.
750. *Bailey H.* Saka documents.— Corpus inscriptionum Iranicarum. Vol. 5. L., 1968.
751. *Bailey H.* The Seven Princes.— BSO(A)S. Vol. 12. 1948.
752. *Bailey H.* The Tumshuq Karmavācanā'— BSO(A)S. Vol. 13. 1950.
753. *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pbg., 1897.
754. *Bar Yosef, Mintz E.* Epipaleolithic and neolithic industries.— *Horowitz A.* The quaternary of Israel. L., 1979.
755. *Benveniste E.* Codices Sogdiani. Manuscrits de la Bibliothèque Nationale (Mission Pelliot). Copenhague, 1940.
756. *Benveniste E.* Essai de grammaire sogdienne. P., 1924.
757. *Benveniste E.* Etudes sogdiennes.— Beiträge zur Iranistik. Bd. 9. Wiesbaden, 1979.
758. *Benveniste E.* Noms sogdiens dans un texte pehlévi de Turfan.— JA. T. 217, 1930, fasc. 2.
759. *Benveniste E.* Textes sogdiens. P., 1940.
760. *Bergman F.* Archaeological researches in Sinkiang, especially the Lop-Nor region (Report from the scientific expedition to the North-Western provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish expedition). Stockholm, 1939.
761. *Bergman F.* Lou-Lan woodcarving and small finds discovered by Sven Hedin.— BMFEA. 1935, № 7.
762. *Bergman F.* Travels and archaeological field-work in Mongolia and Sinkiang.— History of the expedition in Asia 1927—1935. Stockholm, 1945.
763. *Bernard P., Francfort H.-P.* Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aï-Khanoum (Afghanistan). P., 1978.
764. *Berthelot A.* L'Asie ancienne Centrale et Sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.
765. *Bhattacharya Ch.* Art of Central Asia (with special reference to wooden objects from the Northern Silk Route). Delhi, 1977.
766. Bibliography of the scholary works and papers of J. Harmatta.— AAn. T. 25. 1977.
767. *Boll F.* Studien über Claudius Prolemäus. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astrologie. Lpz., 1894.
768. *Bongard-Levin G. M., Vorobyova-Desyatovskaya M. I.* Indian texts from Central Asia. Moscow, 1983.
769. *Boule M., Breuil H., Licent E. Teilhard de Chardin P.* Le paléolithique de la Chine.— Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Vol. 4. P., 1928.
770. *Boulnois L.* La Route de la Soie. P., 1963.
771. *Bowles G.* A preliminary report of archaeological investigations on the Sino-Tibetian border of Szechwan.— Bulletin of the Geological society of China. Vol. 13. 1933, № 1.
772. *Boyce M.* A catalogue of the Iranian manuscripts in Manichean script in the German Turfan collection. B., 1960.
773. *Boyer A., Rapson J., Senart E.* Kharoṣṭhī inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. T. 1—3. Ox., 1920—1929.
774. *Bray W., Trump D.* The Penguin dictionary of archaeology. L., 1979.
775. *Bretschneider E.* Mediaeval researches. From Eastern Asiatic sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vol. 1—2. L., 1888.
776. *Brough J.* Comments on third century Shan-Shan and the history of Buddhism.— BSO(A)S. Vol. 28. 1965, p. 3.
777. *Bruce D.* In the footsteps of Marco Polo. Edinburgh — London, 1907.

778. *Bulling A.* The decoration of mirrors of the Han period. A chronology.— Artibus Asiae. Suppl. 20. Ascone, 1960.
779. *Burrow T* Tocharian elements in Kharoṣṭhī documents.— JRAS. Vol. 7. 1935.
780. *Bussagli M.* Die Malerei in Zentralasien. Genève, 1963.
781. *Carruthers D.* Unknown Mongolia. Vol. 2. L., 1914.
782. *Cary M.* Maes, qui est Titianus.— The classical quarterly. Vol. 6. 1956, № 3—4.
783. Central Asian objects brought back by the Otani mission. Tokyo, 1971.
784. *Chang Kwan-chin.* Relative chronology of China to the end of Chou.— Chronologies in Old World archaeology. Chicago — London, 1967.
785. *Chard Ch.* North-East Asia in prehistory. Madison, 1974.
786. *Chavannes E.* Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'après les estampages de M. Ch.-E. Bonin. P., 1902.
787. *Chavannes E.* Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Ox., 1913.
788. *Chavannes E.* Documents sur les Toukiués (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par E. Chavannes.— Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. СПб., 1903.
789. *Chavannes E.* Mémoire composé par I-Tsing à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les réligieux éminents qui allèrent chercher la Loi dans les pays d'Occident. P., 1894.
790. *Chavannes E.* Le Néstorianisme et l'inscription de Kara-balasagoun.— JA. Sér. 9. T. 9. 1897.
791. *Chavannes E.* Notes additionelles sur les Toukiués (Turcs) occidentaux.— T'P. Sér. 2. Vol. 3. 1904, № 1.
792. *Chavannes E.* Les pays l'Occident d'après Heou Han chou.— T'P. Sér. 2. Vol. 8. 1907, № 2.
793. *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Wei-lio.— T'P. Sér. 11. Vol. 6. 1905.
794. *Chavannes E.* Voyage de Son Yun dans l'Udyāna et le Gandhara (518—522, p. C).— BEFEO. T. 3. 1903, № 3.
795. *Chavannes E.* Jinagupta (528—605 après J.-C.),— T'P. Sér. 2. Vol. 6. 1905, № 3.
796. *Chavannes E., Petrucci R.* La peinture chinoise au Musée Cernuschi.— AA. 1912, № 4—5.
797. *Chhabra B. Ch.* Navigation in Ancient India.— March of India. 1961, № 10.
798. *Chavannes E., Lévi S.* Voyages de pélerins bouddhistes.— L'itinéraire d'Ou-K'ong (751—779).— JA. Sér. 9. T. 6. 1895, № 2.
799. *Chavannes E., Pelliot P.* Un traité Manichéen retrouvé en Chine.— JA. Sér. 10. T. 18. 1911; Sér. 11. T. 1. 1913.
800. *Chêng Tê-K'un.* Archaeology in China. Prehistoric China. Vol. 1. Cambr., 1959.
801. *Cheng Tekun.* The State tomb culture of Lifan.— HJAS. Vol. 9. 1945, № 2.
802. *Clauson G.* The name Uygur.— JRAS. 1963, № 3—4.
803. *Conrady A.* Die Chinesischen Handschriften und sonstigen Kleinfunde Sven Hedins im Lou-Lan. Stockholm, 1920.
804. *Coedès G.* Textes d'auteurs grecs et latins relatifs à l'Extrême Orient. P., 1910.
805. *Cordi-, H.* Edouard Chavannes. Nécrologue.— T'P. Vol. 18. 1918, № 1.
806. *Dabbs J.* History of the discovery and exploration of Chinese Turkestan. The Hague, 1963.
807. *Daffinà P.* Le migrazione dei Wu-sun.— Rivista degli studi orientali. Vol. 44. 1969.
807a. *Dahlmann H., Speyer W.* Varronische Studien.— Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz, 1959, № 11.
808. *Davies R.* The Palaeolithic.— The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period. L., 1978.
809. *Deguignes J.* Histoire générale des Huns, der Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. T. 1—5. P., 1756—1758.

810. *Dikshit K. N.* The neolithic cultural frontiers of Kashmir.— Man and environment. 1982, № 6.
811. *Dohrenwend D.* Glass in China.— OA. Vol. 4. 1980—1981.
812. *Donner O.* Resa i Central Asien. Helsingfors, 1901.
813. Douldour-Aqour et Soubachi.— Mission P. Pelliot. T. 4. P., 1982.
814. *Dutreuil de Rhins J.-L.* Mission scientifique dans la Haute Asie 1890—1895. Première partie. Récit du voyage. P., 1897.
815. *Duyvendak J.* Tao tö king, le Livre de la Voie et de la Vertu. P., 1953.
816. *Ecsedy J.* Old Turkic titles of Chinese origin.— AOr. Vol. 18. 1965.
817 *Ecsedy J.* Uigurs and Tibetans in Pei-t'ing (790—791).— AOr. Vol. 17. 1964, fasc. 1.
818. *Edgar J.* Prehistoric remains in Hsikong or Tibet,— Journal of West China border research society. Vol. 6. 1933—1934.
819. *Emmerick R.* A guide to the literature of Khotan. Studia philologica Buddhica. Ser. 3. Tokyo, 1980.
820. *Emmerick R.* The historical importance of the Khotanese manuscripts.— Prolegomena to the sources on the history of pre-islamic Central Asia. Budapest, 1979.
821. *Emmerick R.* Iranian settlement east of the Pamirs.— The Cambridge history of Iran. Vol. 3. Cambr., 1983.
822. *Emmerick R.* Research on Khotanese: a survey (1979—1982).— Middle Iranian studies. Orientalia. Levaniensia analecta. Vol. 16. Lewven, 1984.
823. *Emmerick R.* Saka grammatical studies. L., 1968.
824. *Enoki Kazuo* Dr. G. E. Morrison and the Toyo Bunko. In celebration of the fiftieth anniversary of the transfer of Dr. G. E. Morrison library to baron Hisaya Iwasaki (1917—1967). Tokyo, 1967.
825. *Enoki Kadzuo.* Sogdiana and the Hsiung-nu.— CAJ. 1956, № 1.
826. *Enoki Kadzuo.* The place of the Toyo Bunko in world Asian studies. A retrospect and prospect at the fiftieth anniversary of its foundation (1924—1974.— MRDTB. 1975, № 33.
827. *Enoki Kadzuo.* On the so-called Sino-Kharoṣṭhī coins.— EW. Vol. 15. 1965, № 3—4.
829. *Fa-hsien.* A record of the Buddhist countries. Peking, 1957
830. *Fa-hsien.* A record of Buddhistic kingdoms. N. Y., 1965.
831. *Filliozat J.* Fragments des textes koutchéens de médicine et de magie. P., 1948.
832. *Forbes R.* Studies on ancient technology. Vol. 5. Leiden, 1957.
833. *Forsyth T.* On the buried cities in the shifting sands of the Great Desert of Gobi.— JRAS. T. 47 1877.
835. *Forsyth T.* Report of a mission to Yarkand in 1873. Calcutta, 1875.
836. *Franke O.* Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens.— APAW. B., 1904.
837 *Fuchs W.* Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726.— SPAW. Bd. 52. 1938.
838. *Fuchs W.* Das Turfangebiet: seine äussere Geschichte bis die Tangzeit.— OZ. Bd. 3. 1926.
839. *Gabain A.* Historisches aus den Turfan-Handschriftten.— AO. Vol. 32. 1970.
840. *Gabain A.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250).— Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 6. Wiesbaden, 1973.
841. *Gabain A.* Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken.— Der Islam. Bd. 29. B., 1949.
842. *Gabain A.* Das uigurische Königreich von Chotscho. 850—1250.— SDAW. 1961, № 5.
843. *Gabain A.* Zentralasiatische türkische Literaturen.— HOr. Vol. 1. 1963.
844. *Gabori M.* Beiträge zur Typologie und Verbreitung der Shabarakkultur.— AA. 1962, № 14.
845. *Gauthiot R.* De l'alphabet sogdien.— JA. Sér. 10. T. 17. 1911.
846. *Gauthiot R.* Notes sur la langue et l'écriture inconnues des documents Stein—Cowley.— JRAS. 1911, № 4.

847. *Geiger W.* Geographie von Iran.— Grundriss der iranischen Philologie. Bd. 2. Strassburg, 1896—1904.
848. *Giles L.* A Chinese geographical text of the ninth century.— BSO(A)S. Vol. 6. 1930.
849. *Gisinger F.* Pomponius Mela.— RE. Hlbd. 2. 1952, № 2.
850. *Graham A.* Later Moist treatises on ethics and logic reconstructed from the Ta-Chü chapter of Mo-tzu.— AM. 1972, № 17.
851. *Grenard F.* Archéologie.— *Dutreil de Rhins J.-L.* Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890—1895. T. 3. P., 1898.
852. *Gropp G.* Archaeologische Funde aus Khotan'— Chinesisch Ostturkistan. Die Trinkler-Sammlung in Übersee-Museum. Bremen, 1974.
853. *Grousset R.* L'empire des steppes. P., 1939.
854. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. B., 1912.
855. *Grünwedel A.* Alt-Kutscha. B., 1920.
856. *Grünwedel A.* Die archaeologischen Ergebnisse der dritten Expedition.— ZE. Bd. 41. 1909.
857. *Grünwedel A.* Bericht über archaeologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebang im Winter 1902—1903.— ABAW. Bd. 24. 1905.
858. *Hackin J.* Nouvelles recherches archéologiques à Begram. MDAFA. T. 11. P., 1954.
859. *Hackin J.* Recherches archéologiques en Asie Centrale 1931.— RAA. Vol. 9. 1935.
860. *Hackin J.* Recherches archéologiques en Asie Centrale.— RAA. Vol. 10. 1936.
861. *Hager J.* Description des médailles chinoises du Cabinet Imperial. P., 1805.
862. *Haloun G.* Zur Üe-tsï Frage.— ZDMG. Bd. 91, 1938.
863. *Hambis L.* Asia Central.— Encyclopaedia of world art. Vol. 1. N. Y., 1958.
864. *Hambis L.* La Haute Asie. P., 1953.
865. *Hambis L.* Khotanese art.— Encyclopaedia of world art. Vol. 8. N. Y., 1963.
866. *Hambis L.* Kucha.— Encyclopaedia of world art. Vol. 8. N. Y., 1963.
867 *Hambis L.* A propos des sceaux-amulettes «néstoriens».— AA. T. 3, fasc. 4. P., 1956.
868. *Hamilton J.* Les Ouïghours a l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. P., 1955.
869. *Hamilton J.* Toquz-oγuz et on-uyγur.— JA. T. 250. 1962.
870. *Haneda Akira.* Introduction.— AA. Bulletin of the Institute of Eastern culture. Special issue. Historical studies on Central Asia in Japan. Tokyo, 1978.
871. *Harada Joshito.* Ancient glass in the history of cultural exchange between East and West.— AA. 1963, № 3.
872. *Harada Joshito.* East and West. T. 2.— MRDTB. 1971, № 29.
873. *Harada Joshito.* Of Pan-Ku's letter to his brother Pan Ch'ao.— Toho gakuho. 1940, № 11.
874. *Haussig H.* Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios.— ZDMG. Bd. 109. 1959.
875. *Haussig H.* Die Geschichte Zentralasiens und der Seidenstrasse in vorislamischer Zeit. Darmstadt, 1983.
876. *Hedin S.* Across the Gobi desert. L., 1931.
877 *Hedin S.* Geographisch-wissenschaftlichen Ergebnisse meine Reise in Zentralasien. 1894—1897.— Dr. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes geografischer Anstalt (Pet. Mitt.). Bd. 28. Gotha, 1900.
878. *Hedin S.* History of the expedition in Asia 1927—1935. T. 1—3.— Reports from the scientific expedition to the North-Western provinces of China. Stockholm, 1943—1944.
879. *Hedin S.* Through Asia. T. 2. L., 1899.
880. *Henning R.* Ein Fuhrzund der Seidenraupenzucht im Byzantinische Reich.— BZ. Bd. 33. München, 1933.

881. *Henning W.* Agri and the Tokharians. BSO(A)S. Vol. 9. Pt. 3. 1938.
882. *Henning W.* The date of Sogdian ancient letters.— BSO(A)S. Vol. 12. 1948.
883. *Herrmann A.* Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien — Quellen und Forschungen zu alten Geschichte und Geographie. H. 21. Lpz., 1910.
884. *Herrmann A.* Issedoi.— RE. Vol. 18. 1916.
885. *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike.— Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde. Bd. 1. Lpz., 1938.
886. *Herrmann A.* Lou-lan. China, Indien und Rom in Lichte der Ausgrabungen am Lobnor. Lpz., 1931.
887. *Herrmann A.* Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 100 nach Chr. Geb.— Veröffentlichungen des Forschungsinstituts für vergleichende Religionsgeschichte an der Universität Leipzig. 1922, № 7.
888. *Herrmann A.* Die Westländer in der Chinesischen Kartographie.— *Hedin S.* Southern Tibet. Vol. 8. Stockholm, 1922.
889. *Hirth F.* China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as reported in Old Chinese records. Leipzig — Munich — Shanghai — Hongkong, 1885.
890. *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen.— *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pbg., 1889.
891. *Hirth F.* The story of Chang K'ien, China's pioneer in Western Asia.— JAOS. Vol. 37. New York — New Haven, 1917.
892. Historical studies on Central Asia in Japan.— Bulletin of the Institute of the Eastern culture. Tokyo, 1978.
893. *Hoernle R.* The Bower manuscript. Facsimile leaves, Nagari transcript, romanised transliteration and English translation with notes.— Archaeological survey of India. Vol. 22. Calcutta, 1893—1912.
894. *Hoernle R.* A collection of antiquities from Central Asia.— JASB. Vol. 68. Calcutta, 1899, № 1.
895. *Hoernle R.* A descriptive catalogue of the Central Asiatic coins, collected by captain A.-T. de Laessoe. Calcutta, 1890.
896. *Hoernle R.* Indo-Chinese coins in the British collection of Central Asian antiquities.— Indian antiquary. Vol. 28. Calcutta, 1899.
897. *Hoernle R.* An instalment of the Bower manuscript.— JASB. Vol. 9. Pt. 1. 1891.
899. *Hoernle R.* Manuscript remains of Buddhist literature found in Eastern Turkestan. Facsimiles with transcripts, translations and notes. Vol. 1. Ox., 1916.
900. *Hoernle R.* A note of British collection of Central Asia antiquities, presented to the XII-th international congress of orientalists in Rome. Ox., 1899.
901. *Hoernle R.* A report of British collection of antiquities from Central Asia. Pt. 2.— JASB. 1901—1902.
902. *Hoernle R.* Three further collections of ancient manuscripts from Central Asia. Calcutta, 1879.
903. *Hoernle R.* The unknown languages of Eastern Turkestan. L., 1911.
904. *Hoyanagi Minuyoshi.* Natural changes of the region along the Old Silk Road in the Tarim basin in historical times.— MRDTB. 1975, № 33.
905. *Huang Wen-pi.* The exploration around Lob Nor. Peiping, 1948.
906. *Hudson G.* Europe and China. L., 1930.
906a. Ḥudūd al-'alam. The regions of the world. A Persian geography 372 A. H.— 982 A. D. L., 1970.
907. *Hulsewe A., Loewe M.* China in Central Asia. The early stage: 125 B. C.— A. D. 23. L., 1979.
908. *Humbach H.* Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios.— Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1972.
909. *Humbach H.* Die Sogdischen Inschriftenfunde von oberen Indus (Pakis-

tan).— Allgemeine und vergleichende Archaeologie Beiträge (AVAB). Bd. 2. 1980.
910. *Humboldt A.* L'Asie Centrale. P., 1843.
911. *Huntington E.* The pulse of Asia. L., 1907.
912. *Ikeda On.* Les marchands sogdiens dans les documents de Dunhuang et de Tourfan.— JA. Vol. 269. 1981.
913. *Ishida Mikinosuke.* A brief account of Dr. Shiratori's life and works.— MRDTB. 1956, № 15.
914. *Jäger F.* Die heutige Stand der Schi-Ki-Forsohung.— AM. 1933, № 9.
915. *Jettmar K.* Neuen Felsbilden und Inschriften in der Nordgebirgen Pakistan.— AVAB. Bonn, 1980, Bd. 2.
916. *Johnson W.* Report on his journey to Ilchi, the capital of Khotan, in Chinese Tartary.— JRAS. T. 37. 1867.
917. *Julien S.* Documents historiques des Tou-kioués (Turcs). traduits du Chinois. P., 1877.
918. *Julien S.* Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hoei-Li et Yen-Thsong: suivie de documents et d'éclaircissements géographiques, tirés de la relation originale de Hiouen-Thsang. P., 1853.
919. *Julien S.* Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang T. 1—2. P., 1857—1858.
920. *Julien S.* Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographies et des annales chinoises. Vol. 3. Ouïgours.— JA. Sér. 4. T. 9. 1847.
921. *Junge J.* Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. Lpz., 1939.
922. *Karlgren B.* Etudes sur la phonologie chinoise. Leyde, 1926.
923. *Karlgren B.* New studies on Chinese bronzes.— BMFEA. 1937, № 9.
924. *Karlgren B.* Word families in Chinese.— BMFEA. 1933, № 5.
925. *Keith A.* Human skulls from ancient cemeteries in the Tarim basin.— JRAI. Vol. 59. L., 1929.
926. *Klaproth J.* Abhandlung über die Spräche und Schrift der Uiguren. P., 1820.
927. *Klaproth J.* Asia polyglota. P., 1823.
927a. *Klaproth J.* Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Vol. 1—3. P., 1824—1825.
928. *Klaproth J.* Tableaux historiques de l'Asie depuis la monarchie de Cyros jusqu'à nos jours. P., 1826.
929. *Klementz D.* Turfan und seine Altertümer.— Nachrichten über die von Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899.
930. *Klimkeit H.-J.* Christentum und Buddhismus in der innerasiatischen Religionsbewegung.— Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Bd. 32. Leiden, 1981.
931. *Knaack.* Dionysios.— RE. Bd. 5. 1905.
932. *Kohl Ph.* The Namazga civilization: an overview.— The Bronze Age civilization of Central Asia. Recent Soviet discoveries. N. Y., 1981.
933. *Konow S.* Bemerkungen über die Kharoṣṭhī-Handschrift des Dhamapada. Lpz., 1914.
934. *Konow S.* Khotan Studies by Sten Konow. L., 1914.
935. *Konow S.* Khotansakische Grammatik mit Bibliographie, Lesenstücken und Wörterverzeichnis.— Porta linguarum Orientalium. Lpz., 1941.
936. *Konow S.* A medical text in Khotanese. Oslo, 1941.
937. *Konow S.* Primer of Khotanese Saka. Norsk tidskrift for sprogvidenskap. Bd. XV. Oslo, 1949.
938. *Konow S.* The royal dates in the Niya inscriptions. Lund, 1923.
939. *Konow S.* Zwei Handschriftenblätter in der alten arischen Literaturspräche aus Chinesisch Turkestan. B.. 1912.
940. *Kozlowski J.* Problem kulturu Shabarakhusu i niektóre zagadnienia sporne epochi kamienia w poludniewej Mongolii.— Przegląd Archeologiczny. T. 13. Wrocław, 1968.

941. *Krause W.* Tocharisch.— HOr. Bd. 4. 1955.
942. *Krause W.* Zur Frage nach dem nichtindogermanischen Substrat des Tocharischen.— Zeitschrift für vergleichende Sprächforschung. Bd. 69. H. 3—4. Wien, 1951.
943. *Kroll W.* Plinius.— RE. Bd. 41. 1951.
944. *Kubitschek W.* Lithinos pyrgos.— RE. Bd. 38. Suppl. 1948.
945. *Kwang Chi Chung.* The archaeology of ancient China. New Haven — London, 1977.
946. *Laffranque M.* Poseidonis d'Apamée. P., 1964.
947. *Lamberg-Karlovsky C., Sabloff J.* Ancient civilizations. The Near East and Mesoamerica. L., 1979.
948. *Lassen C.* Indische Altertumkunde. Bd. 3. Lpz., 1859.
949. *Lattimore O.* Inner Asian frontiers of China. N. Y., 1962.
950. *Laufer B.* Sino-Iranica. Chicago, 1919.
951. *Le Coq A.* Auf Hellas Spuren in Ostturkistan. Berichte und Abenteuer der II und III Deutschen Turfan-Expedition. Lpz., 1926.
952. *Le Coq A.* Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Graz, 1977.
953. *Le Coq A.* Chotscho. Graz, 1979.
954. *Le Coq A.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. Bd. 1—7. Graz, 1973—1975 (Nachdruck).
955. *Le Coq A.* A short account of the origin, journey and results of the first Royal Prussian (second German) expedition to Turfan in Chinese Turkistan.— JRAS. 1909, № 4.
956. *Le Coq A.* Türkische Manichäica aus Chotscho. Bd. 1—3. B., 1912—1922.
957. *Le Coq A.* Von Land und Leuten in Ostturkistan. Berichte und Abenteuer der 4. deutschen Turfanexpedition. Lpz., 1928.
958. *Le Fèvre.* La Croisière Janne. (3-e mission Haardt — Audoin — Dubreuil). Expédition Citroën Centre-Asie. P., 1933.
959. *Leroy P.* Dans le sillage des Sinanthropes. Lettres inédites de P. Teilhard de Chardin et G. Andersson. P., 1971.
960. *Lévi S.* Les études des documents tokhariens de la mission Pelliot.— JA. T. 17—18. 1911.
961. *Lévi S.* Fragments de textes koutchéens: Udānavarga, Udānastotra, Udāna laṃkara et Karmavidhaṅga.— Cahiers de la Société Asiatique. Sér. 1. T. 2. P., 1933.
962. *Lévi S.* Notes chinoises sur l'Inde. Quelques documents sur le bouddhisme indien dans l'Asie Centrale.— BEFEO. T. 5. 1905, № 3—4.
963. *Lévi S., Maillet A.* Remarques sur les formes gramaticales de quelques textes en tokharien. B. MSL. T. 18. P., 1912.
964. *Lévi S.* Textes sanscrits de Touen-Houang. P., 1911.
965. *Lévi S.* «Tokharien B», la langue de Koutcha.— JA. Sér. 11. T. 2. 1913, № 2.
966. The life of Hsuan Tsang compiled by monk Hui-li. Peking. 1959.
967. The list of works of K. Shiratory.— MRDTB. 1956, № 15.
968. *Liu Mau-tsai.* Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jahrhundert bis zum 6 Jahrhundert n. Chr. Bd. 1—2.— Asiatische Forschungen (AF). Bd. 27. Wiesbaden, 1969.
969. *Loewe M.* Chinese relations with Central Asia.— BSO(A)S. Vol. 3. 1969.
970. *Loewe M.* Spices and Silk: aspects of world trade in the first seven centuries of the Christian Era.— JRAS. 1971, № 2.
971. *Lüders H.* Die Sakas und die «nordarische» Spräche.— SPAW. Bd. 23—24. 1913.
972. *Lüders H.* Über die literarischen Funde von Ostturkistan.— SPAW. Bd. 6. 1914.
973. *Mackerras C.* Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744—840).— CAJ. Vol. 13. 1969, № 1.
974. *Mackerras C.* The Uighur Empire. According to the T'ang dynastic histories. Canberra, 1972.
975. *Maillard M.* A propos de deux statuettes en terre rapportées par la mis-

sion Otani: Sarapis et Harpocratès en Asie Centrale.— JA. T. 263. Fasc. 3—4. 1975.
976. *Maillard M.* Essai sur la vie matérielle dans l'oasis de Tourfan pendant le Haut Moyen Âge.— Arts Asiatiques. T. 29. P., 1973.
977. *Maillard M.* Grottes et monuments d'Asie Centrale; suivi d'un tableau de concordance des grottes de la région de Kutcha. P., 1983.
978. *Mannerheim C.-G.* Across Asia from West to East in 1906—1908. Vol. 1—2. Travaux éthnographiques de la Société Finno-Ougrienne. T. 8. Helsinki, 1940.
979. Manuscrits et inscriptions de Haute Asie du V-ème au XI-ème siècle.— JA. T. 269. Fasc. 1—2. 1981.
980. *Maringer J.* Contribution to the prehistory of Mongolia.— The Sino-Swedish expedition. Publ. 34. Stockholm, 1950.
981. *Maringer J.* Mongolia before the Mongols.— Arctic anthropology. Vol. 1. 1963, № 2.
982. *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Lpz., 1898.
983. *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie der Ps. Moses. Xorenac'i. B., 1901.
984. *Marquart J.* Ǧuwainis Bericht über die Bekehrung der Uiguren.— SBAW. Bd. 27. 1912.
985. *Marquart J.* Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften.— WZKM. Bd. 12. 1898.
986. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Hildesheim, 1961. (Nachdruck).
987. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhundert (ca. 840—940). Lpz., 1903.
988. *Markwart J. Die* Sogdiana des Ptolemaios.— O. Vol. 15. 1946.
989. *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2. Philologus. Suppl. X, 1. Lpz., 1905.
990. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen.— *Bang W., Marquart J.* Osttürkische Dialektstudien.— AKGWG. Bd. 13. № 1. 1914.
991. *Markwart J.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
992. *Maspéro H.* Les documents chinois de la troisième expédition de sir Aurel Stein en Asie Centrale. L., 1953.
993. *Miller R.* Accounts of Western nations in the history of the Northern Chou dynasty. Berkeley — Los Angeles, 1959.
994. *Minorsky V.* Tamīm ibn Bahr's journey to the Uyghurs.— BSO(A)S. Vol. 12. Pt. 2. 1948.
995. *Mirsky J. Sir* Aurel Stein. Archaeological explorer. Chicago — London, 1977.
996. La Mission Pelliot en Asie Centrale.— Annales de la Société de géographie commerciale. Section Indochinoise. Fasc. 4. Hanoi, 1909.
997. *Montell G.* Sven Hedin's archaeological collections from Khotan. Vol. 1.— BMFEA. 1935, № 7.
998. *Montell G.* Sven Hedin's archaeological collections from Khotan. Vol. 2.— BMFEA. 1938, № 10.
999. *Montgomerie T.* On the geographical position of Yarkund and some other places in Central Asia.— JRGS. T. 36. 1866.
1000. Monumenta Serindica. Vol. 5. The ancient buddhist arts in Central Asia and Tun-Huang. Kyoto, 1962.
1001. *Moriyasu Takao.* Qui des Ouïgours ou des Tibétains ont gagné en 789—792 à Beš-Baliq? — JA. T. 269/1—2. 1981.
1002. *Müller F.-W.-K.* Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrnâmag).— APAW. 1912—1913.
1003. *Müller F.-W.-K.* Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch Turkistan. Bd. 1.— SPAW. Bd. 2. 1904.
1004. *Müller F.-W.-K.* Uigurica. Bd. 1—4. Lpz., 1931.
1005. *Müller F.-W.-K.* Zwei Pfahlinschriften aus den Turfanfunden.— APAW. 1915.
1006. *Müllerus C.* Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. 2. P., 1848.

1006a. *Müllerus C.* Geographi Graeci minores. Vol. 2. P., 1864.
1007. *Narain N. K.* The Indo-Greeks. Ox., 1957.
1008. *Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 4. Cambr., 1962.
1009. *Nelson N.* The dune dwellers of the Gobi.— Natural history. Vol. 26. 1926, № 3.
1010. *Okada Hidehiro.* History of Inner Asia.— Oriental studies in Japan. Tokyo, 1973.
1011. *Oldenbourg S.* Bronzen aus Chotan. Aus der Sammlung N. F. Petrowskijs.— Globus illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. Bd. 77. Braunschweig, 1900, № 5.
1012. *P'ankova L. T.* Bronze Age settlements of Southern Tadjikistan.— The Bronze Age civilisation of Central Asia. Recent Soviet discoveries. N. Y. 1981.
1013. *Paquier J.-B.* Le Pamir. Etude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. P., 1876.
1014. *Pekkanen P.* The ethnic origin of the Δουλόσποροι. Helsinki, 1968.
1015. *Pekkanen P.* The first references to the Silk Road in classical literature. Helsinki, 1985.
1016. *Pelliot P.* A propos du «tokharien».— T'P. Vol. 32. 1936.
1017. *Pelliot P.* Le «Cha-tcheou tou fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob-nor.— JA. Ser. 7. T. 2. 1916.
1018. *Pelliot P.* [Рец. на:] *Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après le Wei-lio.— BEFEO. 1906, № 6.
1019. *Pelliot P.* Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du XIII-ème siècle.— BEFEO. 1904, № 4.
1020. *Pelliot P.* Documents de l'Asie Centrale (Mission Pelliot). P., 1911.
1021. *Pelliot P.* L'édition collective des œuvres de Wang Ko-wei.— T'P. Vol. 26. 1929.
1022. *Pelliot P.* Les influences iraniènnes en Asie Centrale et en Extrême Orient. P., 1911.
1023. *Pelliot P.* L'inscription chinoise d'Idiqut-šahri.— T'P. Vol. 24. 1926.
1024. *Pelliot P.* Kao tch'ang, Qočo, Houo-tcheou et Qara-khodja.— JA. Sér. 10. Vol. 19. 1912.
1025. *Pelliot P.* Mission en Asie Centrale.— CRAIBL. 1910.
1026. *Pelliot P.* Note sur les anciens itinéraires chinois dans l'Orient Romain.— JA. Vol. 16. 1921.
1027. *Pelliot P.* Note sur les anciens noms de Kučā, d'Aqsu et d'Uč-Turfan.— T'P. 1923.
1028. *Pelliot P.* Notes sur l'Asie Centrale. Les Trois Grottes et les ruines de Teğurman au Nord Kachgar.— BEFEO. 1906, № 6.
1029. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. 1—3. P., 1959—1973.
1030. *Pelliot P.* Rapport de M. P. Pelliot sur sa mission au Turkestan chinois (1906—1909).— AIBCR. 1910.
1031. *Pelliot P.* Recherches sur les chrétiens de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient. P., 1975.
1032. *Pelliot P.* Sceaux-amulettes de bronze avec croix et colombes, provenant de la Boucle du Fleuve Jaune.— RAA. T. 7. 1931—1932.
1033. *Pelliot P.* Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinois par M. P. Pelliot.— JA. 1913, № 3—4.
1034. *Pelliot P.* Le Tokharien et le Koutchéen.— JA. Vol. 224. 1934.
1035. *Pelliot P., Haneda Toru.* Tonko-isho (Manuscrits de Touen-houang conservés à la Bibliothèque Nationale de Paris). Kyoto, 1926.
1036. *Pfister R.* Textiles de Palmyre. T. 1. P., 1934.
1037. *Pfister R.* Textiles de Palmyre. T. 3. P., 1940.
1038. *Philips E.* The legend of Aristeas; fact and fancy in Early Greek notions on East Russia, Siberia and Inner Asia.— AA. Vol. 18. 1955, № 2.
1039. *Pinder-Wilson R.* Glass in China during the T'ang period.— Pottery and Metalwork in China. Colloquies on art and archaeology in Asia. L., 1970.
1040. *Pinks E.* Die Uiguren von Kan-chou in den frühen Sung-Zeit (960—1028).— AF. Bd. 24. 1968.

1041. *Pirazzoli M.* La civilisation du Royaûme de Dian à l'époque Han. P., 1974.
1042. *Plini Secundi.* Naturalis historiae. Libri 37. Vol. 1—2. Lipsiae, 1897—1909.
1043. *Pompeius Trogus.* Fragmenta. Lipsiae, 1956.
1043a. *Pomponii Melae* de chorographiae libri tres. Stockholm, 1971.
1044. Prolegomena to the sources on the history of pre-islamic Central Asia. Budapest, 1979.
1046. *Pulleyblank E.* The background of the rebellion of An Lu-shan. London — New York — Toronto, 1955.
1047. *Pulleyblank E.* Chinese and Indo-Europeans.— JRAS. 1966, № 1—2.
1048. *Pulleyblank E.* The Chinese and their neighbours in prehistoric and early historic times.— The origins of Chinese civilization. Berkeley — Los Angeles, 1983.
1049. *Pulleyblank E.* The consonantal system of Old Chinese.— AM. Vol. 9. Pt. 1. 1962, № 5.
1050. *Pulleyblank E.* A Sogdian colony in Inner Mongolia.— T'P. Vol. 41/4—5. 1952.
1051. *Puleyblank E.* The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih migration.— BSO(A)S. Vol. 33. Pt. 1. 1970.
1052. *Radloff W.* Altuigurische Sprächproben aus Turfan.— Nachrichten über die der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Pbg., 1899.
1053. *Radloff W.* Uigurische Sprächdenkmäler Materialen nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Leningrad, 1928.
1054. *Radloff W.* Uigurische Schriftstüke in Text und Übersetzung.— *Grünwedel A.* Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903. München, 1905.
1055. *Ranov V. A., Davis R.* Toward a new outline of the Soviet Central Asia paleolithic.— Current anthropology. Vol. 20. 1979, № 2.
1056. *Raquette G.* Collection of manuscripts from Eastern Turkestan.— *Mannerheim C.-G.* Across Asia from West to East in 1906—1908. Vol. 2. Helsinki, 1940.
1057. *Raschke M.* New studies in Roman commerce with the East.— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. 2. B., 1978.
1058. *Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppeseite des Deutsche Wolgagebiets in Jahre 1926.— Mitteilungen des Zentralmuseums der Autonomen Sozialistischen Räte Republik der Wolgadeutschen. H. 2. Покровск, 1927.
1059. *Rawlinson H.* Monograph on the Oxus.— JRGS. T. 42. 1874.
1060. *Reinaud M.* Relations de voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine. Vol. 1. P., 1845.
1061. *Reinaud M.* Relations politiques de l'Empire Romain avec l'Asie Orientale (l'Hyrcanie, l'Inde, la Bactriane et la Chine). Osnabrück, 1966. (Nachdruck).
1062. *Regel A.* Reisen in Central-Asien. 1876—1879.— Pet. Mit. Bd. 25. 1879.
1063. *Regel A.* Reisen in Central-Asien. 1876—1879.— Pet. Mit. Bd. 26. 1880.
1064. *Regel A.* Meine Expedition nach Turfan, 1879.— Pet. Mit. Bd. 27. 1881.
1065. *Rémusat A.* Histoire de la ville de Khotan tirée des annales de la Chine et traduite du Chinois. P., 1820.
1066. *Rémusat A.* Mélanges asiatiques. T. 1. P., 1825.
1067. *Rémusat A.* Mélanges posthumes d'histoire et de littérature orientales. P., 1843.
1068. *Rémusat A.* Nouveaux mélanges asiatiques. T. 1. P., 1829.
1069. *Rémusat A.* Recherches sur les langues tartares. P., 1820.
1070. *Richthofen F.* Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutnant Przewalski's Reise nach dem Lop-nor und Altyn-tagh. B., 1878.
1071. *Richthofen F.* China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Bd. 1—4. B., 1877—1883.
1072. *Ritter K.* Die Erdkunde von Asien. Bd. 7. 1837.
1073. *Ronca I.* Ptolemaios. Geographie Bd. 6, 9—21. Ostiran und Zentralasien.

T. 1. Griechischer Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von I.Ronca.— IsMEO. Vol. 15. 1975.
1074. *Rosenberg F.* Deux fragments sogdiens bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang. Mission S. d'Oldenburg. 1914—1915. I. Fragment d'un conte.— ИРАН. Т. 12. 1918.
1075. *Rosenberg F.* Deux fragments sogdiens bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang. Mission S. d'Oldenbourg. 1914—1915. Fragment d'un sūtra.— ИРАН. Т. 14. 1920.
1076. *Rosenberg F.* Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique.— ИАН. Сер. 6. Т. 21. 1927, № 15—17.
1077. *Rowland B.* The art of Central Asia. N. Y., 1974.
1078. *Russo F.* Philosophe, paléonthologue, théologien.— Teilhard de Chardin.— Le Courrier de l'UNESCO. 1981, № 11.
1079. *Saint Martin V.* Etude sur la géographie grecque et latine de l'Inde. P., 1860.
1080. *Salemann K.* Ein Bruchstück manichäischen Schrifttums im Asiatischen Museum.— ЗИАН. Т. 6. 1904, № 6.
1081. *Salemann K.* Manichaeica. Вып. 1—2.— ИИАН. Сер. 6. 1907, № 7, 14.
1082. *Salemann K.* Manichaeica. Вып. 5.— ИИАН. Сер. 6. 1913, № 5.
1083. *Salemann K.* Manichaeische Studien. Die Texte im revidierter Transcription, mit Glosser und grammatischen Bemerkungen.— ЗИАН. Т. 8, 1908, № 10.
1084. *Sallmann K. G.* Die Geographie des Älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse. B., 1971.
1085. *Samolin W.* East Turkistan to the twelfth century. A brief political survey.— Central Asiatic studies. Ser. 9. Mouton, 1964.
1086. *Samolin W.* Ethnographic aspects of the archaeology of the Tarim basin.— CAJ. Vol. 4. 1958, № 1.
1087. *Sarre F., Herzfeld E.* Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus alt- und mittelpersischen Zeit. B., 1910.
1088. *Schafer E.* The camel in China down to the Mongol dynasty.— Sinologica. Vol. 7. 1950.
1089. *Schafer E.* The golden peaches of Samarkand. Berkeley — Los Angeles, 1963.
1090. *Schnabel P.* Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparchas und Ptolemaios.— Philologus. Bd. 90. 1935.
1091. *Seligman C., Beck H.* Far Eastern glass; some Western origins.— BMFE. 1938, № 10.
1092. *Severtzov N.* Etudes de géographie historique sur les anciens itinéraires à travers le Pamir.— BSG. Sér. 7. T. 2. 1890, № 13.
1093. *Sharma A. R.* Excavations at Gufkral.— Puratattva. Bulletin of the Indian archaeological society. Delhi, 1979—1980, № 11.
1094. *Sharma G. R., Clark J. D.* Palaeoenvironments and prehistory of the Middle Son valley. Allahabad, 1963.
1095. *Shiratori Kurakiti.* The geography of the Western Region.— MRDTB. 1956, № 15.
1096. *Shiratori Kurakiti.* A new attempt of the solution of the Fu-lin problem.— MRDTB. 1956, № 15.
1097. *Shiratori Kurakiti.* On the Ts'ung-ling traffic route described by C. Ptolemaios.— MRDTB. 1957, № 16.
1098. *Sieg E.* Übersetzungen aus dem Tocharischen. Bd. 1—2. B., 1943—1951.
1099. *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprächreste. Die Texte A. Bd. 1. B., 1921.
1100. *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprächreste. Späche B. H. 1—2. Göttingen, 1949—1953.
1101. *Sieg E., Siegling W.* Tocharisch, die Späche der Indoskythen, vorläufige Bemerkungen über eine unbekannte indogermanische Literaturspräche.— SPAW. 1908.
1102. *Sims-Williams N., Halen H.* The Middle Iranian fragments in Sogdian script from the Mannerheim collection.— Studia Orientalia edited by Finnish Oriental society. Helsinki. 1980.

1103. *Sinor D.* Inner Asia. History—Civilization—Languages. Syllabes. Mouton, 1971.
1104. *Sinor D.* The legendary origin of the Türks.— Folklorica: Festschrift for Felix J. Qinas. Bloomington, 1982.
1105. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World. Vol. 1—2. New Delhi, 1969.
1106. *Smalley T.* The loess deposits and neolithic culture of Northern China.— Man. 1968, № 2.
1107 *Smith R.* Appendix N.— *Stein A.* Innermost Asia. Vol. 2. Ox., 1928.
1108. *Smith R.* The Stone Age of Chinese Turkestan.— Man. 1911, № 6.
1109. *Stein A.* Ancient Khotan. Vol. 1—2. Ox., 1907.
1110. *Stein A.* Explorations in Central Asia. 1906—1908. L., Vol. 34. 1909, № 1.
1111. *Stein A.* Innermost Asia. Detailed report on exploration in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1—4. Ox., 1928.
1112. *Stein A.* Innermost Asia: its geography as a factor in history.— GJ. Vol. 65. 1925, № 5.
1113. *Stein A.* On ancient Central-Asian tracks. Brief narrative of three expeditions in Innermost Asia and North-Western China. Vol. 1—3. L., 1933.
1114. *Stein A.* On ancient Central-Asian tracks. Brief narrative of three expeditions in Innermost Asia and North-Western China. Chicago — London, 1964.
1115. *Stein A.* Preliminary report on a journey of archaeological and topographical explorations in Chinese Turkestan. L., 1901.
1116. *Stein A.* Ruins of desert Cathay. Vol. 1. L., 1912.
1117 *Stein A.* Sand-buried ruins of Khotan. L., 1904.
1118. *Stein A.* Serindia. Detailed report of explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1—5. Ox., 1921.
1119. *Stein A.* A third journey of exploration in Central Asia 1913—1916. GJ. 1918, № 48.
1120. Studies in the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
1121. *Sylwan V.* Woolen textiles of the Lou-Lan people.— Reports from the scientific expedition to the North-Western provinces of China. The Sino-Swedish expedition. Publ. 15. Stockholm, 1941.
1122. *Szemerényi O.* Four old Iranian ethnic names; Scythian-Skudra-Sogdian-Saka.— Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 371. Wien, 1980.
1123. *Tallgren A.* The Mannerheim archaeological collection from Eastern Turkestan.— *Mannerheim C.-G.* Across Asia from West to East in 1906—1908. Vol. 2.— Société Finno-Ougrienne. T. 8.— Travaux éthnographiques. Helsinki, 1940.
1124. *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1951.
1125. *Tarn W.* Hellenistic civilisation. Cambr., 1927.
1126. *Teggart F.* Rome and China. Berkeley, 1939.
1127 *Teilhard de Chardin P., Pei Wen-Chung.* Le néolithique de la Chine. Peking, 1944.
1128. *Teilhard de Chardin P., Young C. C.* On some neolithic (and possibly palaeolithic) finds in Mongolia, Sinkiang and West China.— Bulletin of the Geological society of China. Vol. 12. 1932. № 1.
1129. *Terra H., de., Patterson T.* Studies on the Ice Age in India and associated human cultures. Washington, 1939.
1130. Textiles in the Shasoin. Vol. 2. Tokyo, 1964.
1131. *Thapar R.* Asoka and the decline of the Mauryas. Ox., 1961.
1132. *Thomas F.* The language of ancient Khotan.— AM. Vol. 2. Fasc. 2. 1925.
1133. *Thomas F.* Sino-Kharoṣṭhī coins.— Numismatic chronicles. Ser. 6. Vol. 4. 1944.
1134. *Thomas F.* Tibetan literary texts and documents concerning Chinese Turkestan. Vol. 1—3. L., 1935—1955.
1135. *Thomas F., Konow S.* Two mediaeval documents from Tun-Huang. Oslo, 1929.

1136. *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. Sogdiana.— SKAW. Bd. 87. 1877.
1137. *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. Über das arimaspische Geschichte des Aristeas.— SKAW. Bd. 116. 1888.
1138. *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Persien. Die Strassenzüge der Tabule Peutingerana.— SKAW. Bd. 102. 1883.
1139. *Tong Engzhen.* Unraveling Tibetan prehistory at Karuo.— Archaeology. 1982, № 5.
1140. Toumchouq par M. Paul David, M. Hallade et L. Hambis. P., 1964.
1141. *Trinkler E.* Im Land der Stürme. Mit Pak- und Kamelkarawanen durch Innerasien. Lpz., 1930.
1142. *Trinkler E.* Die Zentralasien-Expedition. 1927—1928. Geographische und archäologische Ergebnisse.— Deutsche Forschung. H. 13. 1930.
1142a. *Trüdinger K.* Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918.
1143. *Uray G.* The old Tibetan sources of the history of Central Asia up to 751 A. D.— Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.
1144. *Utz D.* A survey of Buddhist Sogdian studies.— Bibliographia philologica Buddhica. Series minor. T. 3. Tokyo, 1980.
1145. Verzeichnis der Schriften von Josef Markwart.— *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
1146. *Waldschmidt E.* Beschreibender Text.— *Le Coq A.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. Bd. 2. Graz, 1975.
1147. *Ward L.* The relative chronology of China through the Han period.— Relative chronologies in Old World archaeology. Chicago, 1954.
1148. *Warmington E.* The commerce between the Roman Empire and India. L., 1974.
1149. *Watson W.* Inner Asia and China in the pre-Han period. L., 1969.
1150. *Watters T.* On Yuan Chwang's travels in India (A. D. 629—645). Delhi, 1961.
1151. *Werner J.* Fund bosporichen Münzen in der Dzungarei.— ESA. Bd. 8 1933.
1152. *Wheeler M.* Rome beyond the imperial frontiers. L., 1955.
1153. *Wilford E.* An essay on the Sacred Isles in the West.— Asiatic researches. Vol. 8. 1808.
1154. *Willets W.* Chinese art. L., 1965.
1155. *Worman E.* The «Neolithic» problem in the prehistory of India.— Journal of the Washington Academy of sciences. Vol. 36. 1949, № 6.
1156. *Wylie A.* Notes on the Western Regions.— JAIGB. Vol. 10—11, 1881—1882.
1157. *Yäger F.* Leben und Werk des Pei Kü.— OZ. 1920—1922, № 9—10.
1158. *Yi Senbok, Clark G.* Observation on the lower palaeolithic of Northeast Asia.— CAn. Vol. 24. 1982, № 2.
1159. *Yip C. H.* Fossil man in China. Hong Kong, 1983.
1160. *Yü Ying-shi.* Trade and expansion in Han China. Berkeley — Los Angeles, 1967.
1161. *Yule H.* Cathay and the way thither. L., 1866.
1162. *Yule H.* Notes on Hwen Thsang's account on the principality of Tokharestan.— JRAS. Vol. 6. 1872.
1163. *Zieme P.* Ein uigurischen Text über die Wirtschaft manichäische Klöster in uigurischen Reich.— Researches in Altaic languages. Budapest, 1975.
1164. *Zimmer S.* Tocharische Bibliographie. 1959—1975.— Mit Nachträgen für vorgergehenden Zeitraum. Heidelberg, 1976.
1165. *Zosimi Comitos* et exadvocati fisci historia nova. Lpz., 1887.
1166. *Zürcher E.* The Buddhist conquest of China. Vol. 1—3. Leiden, 1959.

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук. СПб.
ИАН Каз. ССР	— Известия Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск.
ИИАН	— Известия Императорской Академии наук. СПб.
ИРАН	— Известия Российской Академии наук. Пг.
ИРГО	— Известия (Имп.) Русского географического общества. СПб.
ИРКСА	— Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА	— Советская археология. М.
СВ	— Советское востоковедение. М.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СНВ	— Страны и народы Востока. М.
СТ	— Советская тюркология. Баку.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТИИАН	— Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад — Душанбе.
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. А.-А.
ТМИУ	— Труды Музея истории Узбекистана. Таш.
ТС	— Тюркологический сборник. М.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Аш.
ЦАКЭ	— Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.
ВУ	— Вэньу. Пекин.
ВШ	— Вэнь ши. Пекин.
ГЖ	— Гуанмин жибао. Пекин.
КГ	— Каогу. Пекин.
КГСБ	— Каогу сюэбао. Пекин.
КГТС	— Каогу тунсюнь. Пекин.
ЛЯ	— Лиши яньцзю. Пекин.
ШЛ	— Шицзе лиши. Пекин.
AA	— Acta Asiatica. Tokyo.
AAn	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
ABAW	— Abhandlungen der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München.

AKGWG — Abhandlungen der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen.
APAW — Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. B.
AIBCR — Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes-rendues. P.
AM — Asia Major. Lpz.
AO — Acta Orientalia. Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden.
AOr — Archiv Orientálný. Praha.
AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
BEFEO — Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient. Paris—Hanoï.
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern antiquities (Ostasiatiska sammlingarna). Stockholm.
BR — Beijing review. Beijing.
BSG — Bulletin de la Société de géographie. P.
BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) studies, London institution (University of London). L.
BZ — Byzantinische Zeitschrift. Lpz.— B.
CAJ — Central Asiatic journal. The Hague—Wiesbaden.
CAn — Current anthropology. Chicago.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
EW — East and West. Rome.
GJ — Geographical journal. L.
GMS — E. J. W. Gibb memorial series. L.
HJAS — Harvard journal of the Asiatic studies, Cambr., Mass.
IsMEO — Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente Roma.
JA — Journal Asiatique. P.
JAOS — Journal of the American Oriental society. New York—New Haven.
JASB — Journal of the Asiatic society of Bengal. New series. Calcutta.
JRAI — Journal of the Royal Anthropological institute of Great Britain and Ireland. L.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland. L.
JRGS — Journal of the Royal Geographic society. L.
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. P.
MRDTB — Memoirs of the Research department of the Toyo Bunko (Oriental Library). Tokyo.
O — Orientalia. Roma.
OA — Oriental art. L.
OZ — Ostasiatische Zeitschrift. B.— Lpz.
RAA — Revue des arts asiatiques. Annales du Musée Guimet. Paris—Bruxelles.
RE — Pauly's Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, begonnen von G. Wissowa. hrsg von W. Kroll. Stuttgart.
SBAW — Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. München.
SDAW — Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literature und Kunst. B.
SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse. Wien.
SPAW — Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaft. B.
T'P — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'éthnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris — Leyde.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig—Wiesbaden.
ZE — Zeitschrift für Ethnologie.— Berlin — Braunschweig.

Аалто П. 73
Абаев В. И. 160—162
Абэ Такэо 330, 333, 334
Август, Г. Юлий Цезарь Октавиан 197, 198
Авиен 191
Агриппа, М. Випсаний 197, 198, 200, 207
Айгпер Д. 116
Акен Ж. 58
Акишев К. А. 186—188
Ала ад-Дин Тармаширин 17
Аларих 384
Александр Лихн 199
Александр Македонский 202, 356
Али-тутук-оге 333, 338
Алкман 200
Аллан Дж. 74
Альбаум Л. И. 78
Альтхайм Ф. 197, 199, 205
Амбис Л. 57, 73, 75, 81
Амкока 270, 271
Аммиан Марцеллин 191, 384
Амомет 199
Андерссон Г. 113, 133, 134, 149
Андреас Ф.-К. 69, 72
Андреев М. С. 27
Антонова Е. В. 16
Ану 385
Ань 269
Ань Лушань 318, 323
Ань Сюань 379
Ань Шигао 379
Аньго 275, 276, 280
Аньгуй 268
Аньдэ 293
Аполлодор 199, 201, 203, 205—207
Аполлодор Артемитский 202
Арат Р. 73
Аристей Проконнесский 200, 211, 360
Аристобул 205
Арслан-каган 333
Артамонов М. И. 164
Артемидор 199, 201—203
Асмуссен Я. 73
Ашина, династия 307, 315, 321, 337
Ашина Бабу 321
Ашина Бучжэнь 313—315, 320
Ашина Ваньшуан 313
Ашина Мишэ 313—315, 320
Ашина Пуло 321
Ашина Сели 309
Ашина Сымо 309
Ашина Сянь, см. Ши Сянь, сын Ашина Юаньцина 315
Ашина Сянь, сын Ашина Хуайдао 316
Ашина Туйцзы 321
Ашина Тули 309
Ашина Хуайдао 316
Ашина Хусэло 316
Ашина Хэлоху 309
Ашина Хэлу 311—314
Ашина Чеби 312
Ашина Чжунцзе 320
Ашина Шер 310, 311, 349
Ашина Юаньцин 315, 321
Ашшурбанипал 159

Базен Л. 73
Бай, династия 346
Бай Ба 285, 287
Бай Цзянь 285
Бай Шань 285, 289
Бейков Ф. 17
Бако Ж. 81
Банг В. 70, 78
Бань Гу 224—229, 231, 232, 234, 235, 237, 244, 246—250, 254, 274, 287, 289, 290, 293, 340, 388
Бань Чао 257—259, 270, 275, 279, 280, 285, 288, 289, 293, 388
Бань Юн 259, 270, 280, 289
Баррет Р. 55
Барроу Т. 8, 80
Бартольд В. В. 4, 32, 34, 38, 64, 78, 343, 347
Бартус Т. 48, 50, 51, 53
Батманов И. А. 71
Бачжо 311
Бейли Г. 9, 69, 73, 81, 162
Бек В. В. 98
Белинко Л. М. 35
Белов Е. А. 16
Бенвенист Э. 68, 69, 74
Бергман Ф. 58, 74, 89, 96, 100, 104—108, 110—114, 127, 136, 169, 170, 352, 389
Березовский М. М. 32, 33, 276
Березовский Н. М. 32, 33, 56, 91
Бернштам А. Н. 71, 81, 131, 136, 180
Бертело А. 211, 212
Бил С. 67

Бильге 336
Биркенберг Б. С. 42
Бируни 365
Бичурин Н. Я., см. о. Иакинф 3, 62—64, 320, 346, 347
Бо-ван, см. Чжан Цянь
Боголюбов М. Н. 61, 72
Бойс М. 69, 73
Болл Ф. 205
Большаков О. Г. 317, 318
Бонгард-Левин Г. М. 72
Борандухт 375
Босхард В. 55
Боулс Г. 119
Боуэр 23, 26, 43, 67
Браф Дж. 80, 260—262, 271
Бретшнейдер Э. 67
Бубнова М. А. 151
Буку Чин 330
Булатова В. А. 78
Буссальи М. 77
Буцзюсихоу 232
Бушел С. 74

Вайнштейн С. И. 234
Вайян Л. 55
Балиханов Ч. Ч. 17, 19
Вальдшмидт Э. 76
Ван Бихуа 140
Ван Говэй 261, 267
Ван Гуанчжи 80
Ван Ман 255
Ван Сяоцзе 320, 321
Ван Цзе 303
Ван Цзин 260, 275
Ван Чжимай 81
Ван Яньдэ 65, 327, 330—335, 339—341
Ван Яньсунь 230
Варрон, М. Теренций 196—201
Васильев В. П. 64—66
Васильев Д. Д. 71
Васильев Л. С. 149
Ватанабэ Тэсин 57
Вашмана 271
Вертоградова В. В. 73
Веселовский Н. И. 28, 29, 32, 38
Виделу К., де 63
Виджая Бохан 350
Виджая Викрама 349
Виджая Грама 349
Виджая Кирти 349
Виджая Самбхава 349, 350
Виджая Самграма 348
Виджая Симха 278, 349
Виллетс У. 352
Виндекенс А., ван 68
Виноградов А. В. 102, 114
Винтер В. 73
Владимирцов Б. Я. 344
Воробьев-Десятовский В. С. 69, 71, 72
Воробьева-Десятовская М. И. 69, 73
Вэй Ао 240
Вэй Цин 230
Вэйтуци 269
Вэйчи, см. Виджая, династия 279
Вэнь-ди 239

Габэн А., фон 73, 81, 339
Гамильтон Дж. 73, 81
Гамкрелидзе Т. В. 160
Гань Яньшоу 252, 284
Гао Кань 312
Гао Сяньчжи 317, 350
Гао Цзюйхуэй 350
Гаоцзун 312, 320
Гар, династия 320
Гардизи 340, 342, 381
Гедин С. 24—26, 46, 58, 59, 61, 89, 117, 169, 249, 265, 369, 383
Гекатей Абдерский 198, 199, 201
Гекатей Милетский 192, 198—200
Георгиев В. И. 68
Геродот 158, 200, 201, 360
Геррманн А. 31, 78, 162, 197—199, 201, 202, 208, 210, 211, 214, 216, 218—220, 222, 366, 383
Герценберг Л. Г. 69, 161
Гершевич И. 69, 73
Гимли К. 25
Гиппарх 196, 198, 200, 201
Го Пинлян 81
Го Сяокэ 310, 346, 348
Го Шунь 252
Гольдциер И. 31
Гольмстен В. В. 153
Горячкин В. П. 172
Готье Р. 47, 70, 71
Грантовский Э. А. 159, 160, 162
Грач А. Д. 165
Грек Т. В. 73
Гренар Ф. 23, 44, 366
Григорьев В. В. 3, 64, 163, 201, 211, 333
Гропп Г. 55
Грубов В. И. 88
Грумм-Гржимайло Г. Е. 21
Грэхэм Э. 230
Грюнведель А. 31, 40, 41, 48, 51, 52, 54, 70, 74—76, 339
Гуан 270
Гуан У-ди, см. Лю Сю 255, 257, 269, 270, 377
Гуандэ 275, 276
Гугра, династия 278
Гугра Дама 278
Гугра Мада 278
Гугра Майя 278
Гугра Тида 278
Гумбах Г. 162, 212
Гумбольдт А. 365
Гэн Бин 292
Гэн Гун 293

Дань Цинь 252, 255
Даоань 368
Дарий I 226
Даффина П. 233
Дегинь Ж.-Л. 62, 63
Деметрий 203, 205
Демьевиль П. 73, 81
Детлефсен Д. 197
Деций 339
Джонсон У. 23
Дионисий Периэгет 191, 193, 199, 201—205
Долбежев В. В. 36
Доннер О. 28, 31
Доу Гу 292
Доу Сян 388
Доу Юн 240, 255
Доути 279
Дрезден М. 69
Ду Синмань 303
Ду Цинь 376
Ду Ю 385
Дуань Си 259, 285
Дуань Хуэйцзун 252, 284
Дудин С. М. 38, 39, 41, 42, 90
Думан Л. И. 63
Дьяков А. А. 37
Дьяконов И. М. 72
Дьяконов М. М. 72, 77
Дьяконова Н. В. 74, 77, 173—175
Дэвидс Р. 31
Дютрей де Рен Ж.-Л. 23

Е Лисы 46, 47
Е Лунли 300, 342
Егер Ф. 225
Елена 51
Ельницкий Л. А. 367
Елюй Даши 331, 336
Ефремов Ф. С. 17

Ёсикава Коитиро 57, 58

Жао Чжунъюань 359
Желиговский В. А. 172
Жуковский В. В. 32
Жэнь Шан 293
Жэнь Ясян 313
Жюльен С. 64, 65

Заднепровский Ю. А. 153
Залеман К. Г. 27, 32, 48, 69—71, 196, 197
Зарре Ф. 158
Захау Э. 70
Зеймаль Е. В. 277, 278, 371
Зеймаль Т. И. 78
Зиг Э. 68, 73, 288
Зиглинг В. 68, 73
Зийад бен Салих 317, 318
Зонара 387
Зундерман В. 70, 73

И Сенбок 129
о. Иакинф, см. Бичурин Н. Я.
Ибн ал-Асир 317, 318
Ибн Русте 366
Иванов В. В. 68, 160
Ивановский А. О. 27
Иерусалимская А. А. 386
Илтутмиш 333
Ильин М. М. 88
Инань 308, 310, 311
Исидор 215
Исэ Сэнтаро 79
Ифу 280
Ицзин 65, 379

Йездегерд III 317, 375
Йеттмар К. 378

Кадфиз I 44
Кадфиз II 258
Казем-бек М. А. 63
Каменский В. И. 38
Кан 255
Кан Сэнхуэй 379
Канишка 44
Кань Бочжоу 294
Кань Цзян 385
Капаган-каган, см. Мочжо 316
Капелла 191
Карабачек Д. 31
Караханиды, династия 334
Като Сигэру 235
Керн Г. 31
Киселев С. В. 149, 152, 153, 382
Китс А. 274
Клавдий 206
Клапрот Ю. 62, 63
Кларк Дж. 129
Клеменц Д. А. 26—30, 32, 48, 52, 53, 70
Клотц А. 197
Кляшторный С. Г. 71, 73, 81, 337, 380
Козлов П. К. 20, 22, 26, 27, 361
Колоколов С. А. 35
Конов С. 9, 69
Кононов А. Н. 71, 74
Кордье Г. 31
Котани Накао 227
Котвич В. Л. 36
Краузе В. 68
Кривцова-Гракова О. А. 153
Кротков Н. Н. 35, 36, 39, 40
Крюков М. В. 16
Кузьмина Е. Е. 153
Кувахара 239
Кумараджива 236
Кун Э. 31
Куньмо 227, 228, 232, 234, 235
Кучера С. 89, 119—127, 130

Кызласов Л. Р. 337, 381
Кычанов Е. И. 81, 380
Кюль-бильге 333

Лавров И. П. 37
Лайдань 283
Лал Сингх Р. Б. 47
Лалу М. 73
Лаошан 228, 237, 238
Ларичев В. Е. 88, 109, 115, 116
Лассен К. 365
Лауфер Б. 391
Лебашова В. П. 172
Леви С. 66—68, 74
Легг Дж. 67
Лейман Э. 31, 69
Лекок А., фон 39, 49—54, 68—70, 74—76, 339
Ленц В. 74
Ли Бай 262, 263, 265, 267, 289, 293
Ли Гуанли 229, 279, 283
Ли Лин 283
Ли Сань 379
Ли Сы 46, 47, 353
Ли Хао 263
Ли Цзин 306
Ли Цзифу 302
Ли Чун 252, 255, 284
Ли Шаоцзинь 379
Ли Шицзи 306
Ли Юйчунь 120, 291
Ли Яньшоу 301
Лившиц В. А. 69, 71—73
Лигдамис, см. Тугдамме 159
Литвинский Б. А. 16, 78, 158, 172, 180
Ло 353
Ло Хунъи 313
Лоуи М. 5, 81, 229, 230, 235
Лубо-Лесниченко Е. И. 16
Лун, династия 290
Лун Ань 288
Лун Си 289, 290
Лун Туцичжи 348
Лун Хуэй 289
Лун Цзюхубина 390
Лю Маоцзай 81, 284
Лю Сю, см. Гуан У-ди
Людерс Г. 69
Люй Гуан 263, 282, 286, 290, 294
Лютш Я. Я. 35
Лянь Бао 252

Ма Дуаньлин 300
Ма Сюйлунь 230
Ма Сюэлян 80
Ма Юн 61, 80
Мазетти К. 159
Мани 49
Май Тициан 200—202, 207, 209, 212, 214—217, 219, 220
Майяр М. 75, 391
аль-Макдиси 317
Малов С. Е. 32, 42, 43, 70, 71
Малявкин А. Г. 16, 82
Маннергейм К.-Г. 37
Маодунь 237, 238, 240, 250
Марголиус Д. 79
Марин Тирский 162, 199—201, 207—209, 211—218, 220, 222
Маринтер Дж. 133
Маркварт Й. 78, 204, 209, 219, 365
Марко Поло 66, 98, 340
Мартынов А. С. 165
Маршак Б. И. 78
Масперо А. 74, 295
Масперо Г 74
Массон В. М. 8, 154
Матюхин А. Е. 91
Махири 271
Махмуд Кашгарский 338, 347
Мацуда Хисао 79, 243, 267, 277
Мейе А. 70
Мейендорф Е. К. 3
Мела Помпоний 191, 196—198, 200—202, 206
Мелиоранский П. М. 32
Менандр 203, 205, 372, 375
Менгин О. 114
Меньшиков Л. Н. 42, 72
Миан Афразгул-хан 47
Мори Масао 80
Мори Сикадзо 266
Мочжо, см. Капаган-каган
Му Шуньин 267
Мунк К. 28
Мурзаев Э. М. 12, 83
Мухаммад Хайдар 19
Мушкетов И. В. 98
Мэн Фаньэнь 266, 267
Мюллер К. 199
Мюллер Ф.-В. 68—70

Нагасава Кадзутоси 79, 80, 250, 270
Нанай-вандак 378
Наньдоумо 227, 232, 234
Насилов Д. М. 71
Неарх 356
Нисидзима Садао 74
Нисимура Гэнъю 74
Нобору Ниида 74
Номура Эйдзабуро 57
Норин Е. 105
Нуэт Ш. 55

Окладников А. П. 91
Ольденбург С. Ф. 4, 7, 26, 27, 42, 66, 68, 71, 74, 77, 173
Отани Сёсин 57, 58, 296, 375
Оуян Сю 340

Пакье Ж.-Б. 365
Пан-тегин, см. Яглакар Пан-тегин 347

Панча, династия 374
Пань Чэнь 280
Певцов М. В. 20—22
Педерсен Х. 68
Пейтингер К. 200
Пеллио П. 33, 37, 55—57, 66, 75, 90, 112, 162, 229, 273, 290, 352, 357
Пепийа 270
Пероз, царевич 317
Пероз, царь Персии 374—375
Петеч Л. 321
Петлин И. 17
Петренко С. П. 38
Петровский Н. Ф. 7, 26, 29, 34, 35, 46, 56, 69, 91, 276
Пираццоли М. 358
Пишель Р. 31
Плано Карпини Дж., дель 201
Плиний, Г. Секунд Старший 64, 162, 191, 196—207, 367
Плутарх 224
Пожун 313
Позднеев Д. М. 67
Поляков А. С. 72
Помпей Трог 233, 281
Попов М. Г. 88
Попова Т. А. 91
Порт А. 51
Посидоний 196, 199, 201, 202, 205
Потяо 262
Пржевальский Н. М. 19, 20, 242
Присциан 191
Прицак О. 333
Прокопий Кесарийский 387
Псевдоарриан 210
Птолемеи, династия 64, 162, 198, 201, 367, 368
Птолемей, Клавдий 163, 191, 193, 203, 205, 207—209, 211—215, 217, 222, 356, 365, 366
Пуллиблэнк Э. 8, 80, 229, 233, 278
Пфистер Р. 385
Пьянков И. В. 16, 158, 159, 162
Пэй Вэньчжун 130
Пэй Цзюй 371—374

Равеннский географ 205
Радлов В. В. 4, 27, 30—32, 48, 70, 71
Раевский Д. С. 161
Райхельт Г. 69
Рам Сингх 45
Рам Чанд 22
Рамстед Г. 38
Рапов В. А. 115, 118
Рапопорт Ю. А. 78
Рапсон Э. 74
Рахия 206, 207
Регель А. Э. 20
Рей, лорд 31
Рейтер Дж. 38
Ремезов С. 3
Ремюза А. 62—64
Репин И. Е. 38
Рерих Ю. Н. 236
Рис-Дэвидс Т. 31
Риттер К. 211, 265
Ритц Т. 110
Рихтгофен К. 361, 365, 366
Рихтгофен Ф. 235, 249
Роборовский В. И. 20—22, 26, 27
Розен В. Р. 27, 35
Розенберг Ф. А. 71
Рокхилл 67
Ромберг Б. Ф. 42
Ромул 233
Ронка И. 163
Роуленд Б. 77
Роулинсон Х. 365
Рубрук Г., де 201
Руденко С. И. 174

Саид бен Хумайда 317, 318
Самолин У 81
Сан Хунъян 254
Сарианиди В. И. 154
Сасаниды, династия 261, 375
Светоний Транквилл, Г. 197
Се Ваньбэй 349
Северцов Н. А. 366
Сёгю-каган 338
Седов А. В. 16
Семенов-Тян-Шанский П. П. 17
Сенар Э. 28, 31, 55
Симс-Уильямс Н. 70, 73
Синицын В. М. 12, 84, 85, 87
Синор Д. 232, 233
Сиратори Куракити 78, 226, 233, 239, 273, 366, 368
Скибин Ф. 3
Смирнов Д. А. 38—40, 42
Смирнов К. Ф. 167—169, 176
Смирнова О. А. 72
Смит Р. 96, 102—104
Соколов С. В. 42
Солин 191
Сонгцэн-гампо 319, 348
Сорокин С. С. 77
Сталь-Гольстейн А. 68, 71
Стеблева И. В. 71
Стейн А. 31, 39, 43—48, 57, 61, 66, 67, 74, 75, 89—93
Стейн Р. 73
Страбон 203—205
Стрелков А. С. 77
Строковский В. А. 36
Су Динфан 313, 314, 319
Су Хайчжэн 320
Сулу 316
Сунъюнь 368, 374
Суфа Боцзюэ 346
Суфа Боши 346
Суфа Де 346

Сыма Гуан 302
Сыма Сянжу 224
Сыма Цянь 223—225, 227—235, 237, 238, 358
Сыма Янь 271
Сюань-ди 263
Сюаньцзан 65, 67, 364, 368, 377, 386
Сюаньчжао 378
Сювен В. 74
Сюй Су 287
Сюмоба 275, 276
Сюнь Юэ 225, 230
Сян Най 352, 353
Сянь 256
Сянь-ди 225
Сянь Цзянь 252
Сяо Сые 313

ат-Табари 317, 334
Таджака 271
Тай У-ди 290, 390
Тайцзун, сунский император 65, 307, 308
Тайцзун, танский император 312, 317, 348
Такубо Сюё 69
Тальгрен А. 37
Тарн В. 207
Таскин В. С. 300
Татибана Дзуйтё 57, 265, 266, 294
Тедеско П. 69
Тейяр де Шарден П. 59, 89, 109, 114, 115, 117—119, 126, 127, 130, 135
Темкин Э. Н. 72
Тенишев Э. Р. 71
Терра Г., де 55
Терентьев-Катанский А. П. 16
Тиглатпаласар III 352
Тидэцуктэн Мэакцом 320, 321
Тило Р. 73
Тисонгдэцэн 322
Тихонов Д. И. 71, 82, 340, 344
Тоба Цзицянь 325
Толстов С. П. 132, 236
Томас В. 73, 74
Томас Ф. 276
Томашек В. 204, 209, 211, 365
Томсен У. 70
Томсон Дж. 206
Тон-ябгу 321
Тринклер Э. 55, 273
Трюдингер К. 205
Тугдамме, см. Лигдамис
Тугушева Л. Ю. 71
Тюменец В. И. 17

У Ваньчжэнь 387
У Цзэтянь, см. У-хоу 315
У Чжэнь 120—123
У-ди 223, 240, 252, 254, 268
Уайли Дж. 67
Угуй 291
Удыма Т. П. 16
Уилфорд Э. 365
Укун, см. Чэ Фэнчао 380
Уорд У 150
Уорман У. 103
Урай Г. 73
Утида Гимпу 79
У-хоу, см. У Цзэтянь
Уцзе 373

Фан Хао 376
Фанцянь 275, 276
Фань Е 225, 238, 240, 275, 286
Фасянь 271, 272, 290, 374
Феодосий II 375
Феофан Византийский 387
Феофраст 224
Флуг К. К. 72
Формозов А. А. 130
Форсайт Т. 22, 23, 276
Франке О. 54, 55, 67, 233, 239
Франц Г 59
Фрейман А. А. 71
Фу Сянь 390
Фу Тай 273
Фу Цзянь 273
Фудзита Тоёхати 237, 239, 240
Фудзиэда Акира 79
Фуше М. 31
Фэн Чэнцзюнь 258

Хадсон Дж. 360
Хазаи Г 73
Хальмухамед 35
Хансен О. 69
Хантингтон Э. 55
Хань Ли 252
Хань Сюань 252, 292
Хань Сян 287
Ханэда Акира 8
Ханэда Тору 79, 267
Харада Ёсито 356
Харматта Я. 73
Хатани Рётай 274, 376
Хауссиг Г. 209, 212
Хеннинг Р. 206
Хеннинг В. 69, 209, 387
Херцфельд Э. 158
Хёрнле Р. 31, 43, 69
Хирт Ф. 31, 67
Хо Цюйбин 240
Хоёнага Муцуби 80, 250
Хоментовский М. М. 17
Хори Кэндзо 57
Хорнер Э. 108, 110
Хосров II Парвиз 375
Хото Б. Т. 38
Хоу Цань 267, 268, 272
Хоу Цзюньцзи 310, 343
Хоянаги Минуёси 272

Хромов А. Л. 71
Хуан Вэньби 58—61, 74, 149, 249, 266, 276, 282, 285—287, 375
Хуан Шэнчжан 267
Хуань-ди 275
Хубилай 336
Хувишка 24
Хулсве А. 229, 230, 235
Хун 284
Хунье 228, 235
Хут Г. 31, 48
Хуцзе 250
Хуэй-ван 289, 359
Хуэйчао 347
Хэ Чоу 390

Цан Цы 377
Цаньтянь 380
Цао, династия 328
Цао Бисо 379
Цао Лушань 379
Цегледи К. 73
Цзи Сяньлин 386
Цзиюй 239
Цзэло 284
Цзюй, династия 295, 309
Цзюй Баомао 295
Цзюй Боя 295, 296
Цзюй Вэньтай 295
Цзюй Ганьгу 295
Цзюй Гуан 295
Цзюй Сюаньси 295
Цзюй Цзя 295
Цзюй Цзянь 295
Цзюй Чжишэн 295
Цзюйцюй Аньчжоу 264, 294
Цзюйцюй Муцзянь 264
Цзюйцюй Мэнсунь 264
Цзюйцюй Ухуэй 268, 294
Цзюньчэнь 239
Цзянбинь 283, 284, 287
Цзянь 276
Циме П. 73
Цин Хуа 81
Цинь Шихуанди 353, 354
Цуй Ши 224, 229
Цюнфуло 263

Чард Ч. 130
Чебоксаров Н. Н. 274
Чжан, династия 328
Чжан Гунь 290
Чжан Ичао 328
Чжан Куанъе 350
Чжан Цзюнь 271, 283, 286, 290, 293, 294, 390
Чжан Цянь, см. Бо-ван 223, 227, 229, 230, 233, 235, 239, 249, 251, 289, 353, 356, 358, 359, 367, 375, 376
Чжан Чэнфэн 328
Чжан Шоуцзе 237
Чжан Янь 260, 280
Чжан-ди 258, 280
Чжао Лишэн 80
Чжао Пин 275
Чжао Пону 268
Чжао Цзюнь 283
Чжао Чжэнь 293
Чжао-ди 254, 269
Чжун 280
Чжэн Дэкунь 108, 110, 111
Чжэн Цзи 252, 284, 291, 292
Чингисхан 19, 336
Чугуевский Л. И. 42, 72, 74, 81
Чэн 279
Чэн Чжицзе 313
Чэн-ди 269
Чэнь Гэ 180
Чэнь Му 285, 288
Чэньпань 280

Шавеннн Э. 55, 65, 66, 74, 239, 240, 346, 348
Шамохань 262
Шань Ни 390
Шапур II 375
Шеркова Т. А. 16
Шефер Э. 341, 391
Ши Ляньдань 378
Ши Сымин 318, 324
Ши Сянь, см. Ашина Сянь
Ши Шуцин 121
Шнабель П. 198
Шредер Л. 31
Штернберг Л. Я. 32
Шунь-ди 275, 280
Шэньду 284
Шэньцзун 335

Щербак А. М. 71
Щербатской Ф. И. 29, 32

Эгами Намио 79, 236, 353
Эммерик Р. 9, 69, 73, 81
Эндрюс Ф. 74
Эноки Кадзуо 79, 80, 230, 231, 254, 266, 277, 279, 369
Эратосфен Киренский 196—199
Эчеди И. 73, 343

Ю Чжун 359
Юань, династия 271
Юань Ли 271
Юань Мэн 271, 288
Юй Даоцюань 80
Юй Хуан 364, 372
Юйлинь 276
Юл Х. 365
Юннатов А. А. 88
Юстин II 375
Юстиниан I 387

Яглакар Инал 338
Яглакар Пан-тегин, см. Пан-тегин
Ямада Нобуо 80
Ямадзаки Гэнъити 274
Ян Сюань 286, 289
Ян Сюн 224
Ян Чжунцзянь 109, 115, 117, 118, 126, 127, 135
Ян-ди 302
Янь Шигу 229, 233, 237

Абакан, г. 283
Абдал, урочище 104
Абрагана, г. 195
Авзакийские горы 194, 195, 219
Авзакитида, обл. 194
Авзакия, г. 194, 195, 208
Австрия 32
Аджик-илек, древний памятник 53
Азовское море, см. Меотийское озеро 360, 367
Акбеит, могильник 356
Акбешим, городище 374
Акбура, р. 220
Аксай-Чатыркельский сырт, плато 133
Аксипил, древний памятник 23, 45, 55
Аксу, г. 18, 19, 32, 36, 92, 114—119, 242, 304
Аксу, оазис 39, 114, 321, 373
Аксу, р. 13, 18, 92, 117
Акэтала, г. 145, 147
Акэтала, стоянка 139, 148
Алагоу, могильник 61, 139, 175, 181—189, 226
Алай, хребет 219, 370
Алайская долина 216, 219—221, 365, 366
Алания, обл. 373
Алашань, пустыня 129, 130
Албатта-Султаншари, г. 339
Александрия, г. 195—196, 208, 384
Алексеевское, местонахождение 153
Аличур II, стоянка 356
Алма-Ата, г. 18, 187, 226
Алмалык, см. Гунъюэ, г. 373, 379
Алмалык, местонахождение 17
Алтай, см. Шара-Сумэ
Алтай, горы 13, 83, 188, 337, 356, 360, 381
Алтай, уезд 11, 128, 129, 137, 148, 151, 165, 173, 174, 182, 359, 382
Алтмыш, источник 105
Алтынтаг, горы 83, 134
Америка 337
Амударья, р. 238, 353
Анатолия, обл. 352
Анау, стоянка 153
Ангара, р. 361
Англия 67, 72
Андераб, г. 301
Андижан, г. 36
Аннибские горы 194
Антиохия, г. 213, 216, 364
Антиохия Маргианская, г. 213, 215, 216
Аньси, см. Парфия 42, 238, 310, 318, 320, 322, 347, 348, 363, 376, 378, 381
Аньян, г. 352
Аравия 211
Аральское море 372
Аржан, могильник 361
Ария, обл. 213, 215, 216
Армения 372
Арпа, р. 151
Артемита, г. 205
Артыш, сел. 35
Аксанимия, гора 214
Аскатанка, гора 208, 214
Асмирейские горы 194
Асмирея, г. 195, 208
Асмирея, обл. 195
Аспакара, г. 195, 208
Ассашар, городище 21
Ассирия 213, 215
Астана, могильник 18, 58, 120, 122—126, 142—144, 146, 150, 298, 374, 383, 385
Астана, сел. 22, 48, 59, 61, 121, 123, 294, 298, 373, 375, 378
Астинтаг, горы 104
Астрахань, г. 3
Атиан, р. 192
Аталах, р-н 317
Аттила, см. Волга
Афганистан 13, 103, 128, 152—154, 176
Афрасиаб, г. 389
Африка, 191
Ахаса, обл. 194
Аэ, обл. 250

Ба, обл. 359
Баглан, г. 217
Баграм, г. 369, 389
Баграшкёль, оз. 92, 137, 241
Байкал, оз. 361
Байлундуй, см. «Бархат белого дракона», пустыня 265, 272, 292
Бактриана, обл. 64, 163, 202, 205, 206, 211, 212, 215, 217, 222
Бактрия, см. Дася, обл. 11, 77, 203, 205, 206, 209, 215, 217, 238—240, 250,

352, 357, 359, 366, 367, 369
Бактры, г. 210, 213, 216—219, 221, 365
Балавасте, местонахождение 18
Балх, г. 216, 217, 219, 221, 303, 353, 364—366
Балхаб, р. 217
Балхаш, оз. 18, 353
Бамбика, обл. 215
Бамиан, см. Фанъе, г. 54
Барбарикон, г. 364, 368
Баригазы, см. Броч, г. 210, 364, 368
Баркуль, г. 12, 91, 137, 235, 293, 380
Баркуль, оз. 138, 292, 371
Баркуль, уезд 139, 146
Баркультаг, хребет 115, 121
«Бархат белого дракона», см. Байлундуй
Баскатис, р. 220
Баутис, р. 194, 211
Бахчисарай, г. 371
Башиягу, г. 139
Бедель, перевал 282, 373
Безеклык, см. Муртук, древний памятник 18, **27, 41, 51, 52, 59**
Бесшатыр, могильник 182
Бешбалык, см. Бэйтин, г. 36, 318, 330, 332, 333, 335, 380
Бешбалык, стоянка 102, 318, 330
Билу, государство 243, 244, 255, 261
Бирма 357, 359, 376
Ближнее Цзюйми, государство 241
Ближнее Цзюйши, государство 243, 254, 259, 291, 292
Ближний Восток 88, 158, 361
Богдо-Ула, хребет 104, 231
Богдошань, хребет 121
Богодаби, городище 287
Боломэн, обл. 372
Большая Ань, обл. 372
Большой Иргиз, р. 360
Большой Хинган, хребет 324
Борисфен, г. 360
Борисфен, р. 208
Борохоро, горы 313
Бостан-Нор, оз. 286—288
Бостан-тограк, р. 25
Босы, см. Персия
Бохай, государство 302
Бохуань, г. 319
Брахмапутра, р. 353
Бремен, г. 55
Британия 281
Броч, см. Баригазы
Булюша, государство 376
Бурзахан, р-н 23
Бурзахом, стоянка 103
Бурмачап, могильник 151
Бурунту, источник 105
Бухара, г. 77, 372
Бухария Большая 3
Бухария Малая 3, 63
Бухарский Туркестан 3
Бэйполомынь, обл. 362
Бэйтин, см. Бешбалык
Бэйшань, горы 83, 129, 244
Бэньжаншэло, обл. 368

Вахан, обл. 221, 353, 364—366, 369, 372
Вахан, р. 366
Вашшари, г. 241
Великая Китайская равнина 222
Великий шелковый путь 11, 212, 361
Великобритания 31
Венгрия 43, 72, 169
Византий, г. 213
Византия 207, 208, 221, 372, 377, 387
Виноградное, сел. 370
Внутренняя Монголия 113, 126, 155
Волга, см. Аттила, р. 364, 367, 370, 373
Волго-Донской канал 360
Восточная Азия 28, 30—32, 35, 66, 326
Восточное Вэй, государство 303
Восточное Цеми, государство 243, 247
Восточно-Китайское море 361
Восточнотюркский каганат 297, 306—309, 314, 351
Восточный каганат (караханидский) 347, 351
Восточный Казахстан 151, 153, 167, 188, 358
Восточный Памир 86, 101, 129, 131, 151, 180
Восточный Тибет 134
Восточный Туркестан, см. Западный край 21—29, 32—34, 36—38, 42, 43, 45, 116, 119, 168—171, 173—175, 353, 365
Восточный Тянь-Шань, горы 36, 86, 330
Второй Тюркский каганат 314
Вьетнам 357, 376
Вэй, государство 390
Вэйли, государство 241, 244, 245, 250, 252, 259, 260, 287—289
Вэйтоу, государство 261
Вэйсюй, государство 245, 246, 250, 252, 259, 261, 287—289
Вэйхэ, р. 150
Вэйци, г. 363
Вэньгулокэ, стоянка 139, 147—148
Вэньсу, оазис 242, 245, 247, 261, 285

Газни, г. 372
Гамбург, г. 31
Ганг, р. 128, 129, 163, 194, 204, 210
Гандхара, обл. 364
Ганжи-шахр, г. 117
Ганьда, обл. 376

Ганьсу, пров. 43, 61, 129, 151, 235—237, 239, 240, 251, 263, 264, 286, 323, 328, 336, 337, 353—355, 357, 390
Ганьсуский коридор 361, 374, 378, 380
Ганьцзы, г. 357
Ганьчжоу, г. 237, 324, 325, 329
Ганьчжоуское княжество 302, 323—329
Гаосянь, уезд 294
Гаочан, см. Турфан, г. 61, 274, 292, 295, 296, 331—333, 339, 340, 342, 343, 363, 372, 374, 375, 382, 285, 386
Гаочан, государство 263, 264, 274, 290, 292—294, 300—302, 305, 309, 310, 348, 363, 371, 378, 385
Гарм, г. 220
ГДР 54, 72
Гекатомпил, г. 213, 215, 364
Геллеспонт, море 206, 208, 213, 216, 221
Гемодские горы 204, 206
Герат, г. 215
Германия 51, 386
Гиераполь, г. 206, 212—213, 215
Гилгит, г. 232, 321—322, 364, 369
Гималаи, горы 353
Гиндукуш, горы 158, 353
Гипанис, р. 162, 203, 205
Гиркания, обл. 202, 213, 215
Гирканское море 213
Гиссарская долина 218
Гоби, пустыня 132, 308, 309, 311
Горган, обл. 386
Горметерион, г. 194, 208, 365, 366, 368
Горный Алтай 174
Гота, г. 212
Греко-Бактрийское государство, см. Греко-Бактрия 203, 217, 361
Гуандун, пров. 315, 356
Гуачжоу, г. 328
Гуйчжоу, пров. 328, 357
Гуйшуан, г. 238
Гуйшуй, р. 238
Гульча, г. 220
Гума, см. Пишань
Гума, уезд, 146
Гумо, государство 242, 245, 249, 257, 258, 275, 283, 285
Гунлю, 151
Гунъю, обл. 379
Гунъюэ, см. Алмалык
Гуцан, см. Увэй
Гуцзан, см. Лянчжоу
Гуши, г. 250, 252

Даванкум, городище 32, 91, 285
Даванчин, сел. 104
Даванчин, хребет 104
Давань, обл. 226, 231, 232, 238, 269, 370, 376—377
Даду, р. 357
Даикс, см. Урал
Дай, государство 301
Дакианус-шари, г. 339
Даксата, г. 195, 208
Дали, государство 247, 357
Дальнее Билу, государство 247
Дальнее Пулэй, государство 247
Дальнее Цзюйми, государство 241, 254
Дальнее Цзюйши, государство 243, 244, 259, 260, 262, 291—293
Дальний Восток 30, 388
Дамаск, г. 364
Дамдан, см. Нипа
Дамна, г. 195, 208
Дананьху, сел. 138
Дандан-уйлык, древний памятник 18, 44, 55, 250
Дания 32, 72
Даньхуань, государство 238, 261, 268
Дапона, стоянка 357
Дарауткурган, г. 215, 218, 220, 221
Дарваз, обл. 366
Даргойд, р. 217
Дарел, г. 232
Дася, см. Бактрия
Дахэянь, сел. 138
Дацинь, см. Восточное Средиземноморье 366, 377, 385, 390
Дашахай, пустыня 363
Даши, см. Иран
Дели, г. 48, 276, 278
Дензиль, сел. 39
Джаннакдобе, могильник 389
Джаргетал, могильник 356
Джимсар, см. Цзиньмань, г. 36, 291—293
Джунгария, обл. 13, 14, 20, 62, 86—88, 121, 235, 238—240, 357
Джунгарская впадина 13, 83, 226
Джунгарский массив 84—86
Джунгарские ворота, горный проход 13, 155
Дим, р. 220
Дингири, г. 129
Дифоло, государство 376
Дияла, р. 215
Долдур-Охур, древний памятник 18, 32, 56, 57
Домоко, г. 46
Домоко, древний памятник 46, 383
Дон, р. 360
Донгшон, стоянка 361
Дрепса, г. 219—221
Дросаха, обл. 195, 208
Думи, обл. 238
Дунбэй, см. Северо-Восточный Китай 130
Дуньхуан, г. 4, 18, 32, 42, 46—48, 57,

68, 72, 79, 81, 211, 227, 232, 234—237, 239, 241, 259, 263, 269, 273—276, 280, 282, 292, 294, 297, 298, 324, 326, 328, 329, 333, 363, 364, 371, 373—375, 377, 378, 382, 384, 388
Дуньхуан, государство 32, 57, 254, 256, 259, 263—265, 271, 333, 343, 353
Дусян, волость 294
Душанбе, г. 90
Дэволэкэ, стоянка 139, 147, 148
Дянь, государство 358

Евразия 6, 156, 159, 166, 167, 170, 186, 189, 232, 234, 358, 361, 386, 391
Европа 3, 30, 159, 160, 191, 337
Евфрат, р. 206, 209, 212, 213, 215, 217
Египет 209, 215, 281, 352, 385
Еда, обл. 372
Енисей, р. 297, 353

Желтое море 361
Жунлу, обл. 242, 243, 245, 250, 270, 278
Жэньчэн, обл. 384

Заалтайская Гоби, пустыня 84
Забайкалье 152, 353
Заволжье 153
Заимайская Скифия 163, 200, 208, 209, 211
Заир, обл. 352
Зайсан, оз. 360
Закавказье 13
Заманбаба, могильник 102
Западная Германия, см. ФРГ 73
Западная Сибирь 165
Западное Вэй, государство 303, 376
Западное Лян, государство 294, 303
Западное Ляо, см. Каракитаев государство 331, 336
Западное Ся, см. Тангутское государство 324, 325, 329, 334, 359
Западное Цеми, государство 243
Западнотюркский каганат 305, 312, 316, 348
Западный Берлин, г. 54
Западный каганат (караханидский) 347
Западный край, см. Восточный Туркестан, Сериндия
Западный Пенджаб 129
Западный Туркестан 3
Зариасп, см. Ох, р. 217
Зариаспа, г. 217
Зауралье 360
Зевгма, г. 215
Зеравшан, р. 72, 102, 153, 219, 353
Золотой Херсонес, обл. 211
Золотые горы 331
Зхоб, стоянка 138

Иаст, р. 370, 373
Идикутшари, г. 22, 27, 28, 36, 41, 47—50, 59, 339
Или, р. 13, 14, 60, 137, 155, 235, 238, 240, 348, 350, 358, 379
Имай, гора 193—195, 200, 201, 208, 213, 214, 220, 365
Инай, государство 261
Инд, р. 356, 364, 369, 378, 383
Индийское море 191
Индия 4, 6, 8, 10, 13, 15, 18, 23, 43, 47—49, 103, 104, 130, 161, 193—195, 198, 203, 206, 209, 211, 215, 271, 273, 281, 284, 285, 290, 302, 304, 305, 333, 337, 350, 358, 359, 365, 368—370, 374, 376, 378—380, 387
Инин, см. Кульджа
Ино, государство 261
Инь, государство 353
Иньнань, местонахождение 389
Иньшань, хребет 307
Иран 13, 53, 154, 158, 317, 352, 360, 372, 374, 375, 381
Иранское нагорье 130
Иркештам, г. 220, 221
Ирландия 104
Иртыш, р. 360
Исам, г. 203, 204
Искишахр, древний памятник 56
Испания 191
Исседон Серийский, г. 195, 208
Исседон Скифский, г. 194, 195, 208
Иссык, древний памятник 182, 186—188
Иссык-Куль, оз. 17, 18, 92, 151, 371—373
Исфара, р. 370
Исюнь, г. 255, 265, 266, 269
Италия, римская провинция 192
Италия 32
Иу, г. 365, 371, 372, 378, 385
Иу, уезд 137, 146, 259, 292, 363
Их, см. Эмба
Ичжоу, г. 378, 380
Ишим, р. 360
Ишкашим, р. 219

Йоткан, г. 18, 23, 24, 37, 44, 46, 61, 273

Кабудан, г. 379
Кабул, г. 232
Кавказская гора 204
Кавказский хребет 204, 205
Казахстан 7, 13, 14, 61, 85, 86, 128, 129, 132, 133, 175, 226
Каинна, р. 204
Кайрагач, могильник 370

Кайраккум, пустыня 151
Кайфэн, г. 331
Калаюйэргун, стоянка 147
Калпын, г. 39
Кама, р. 367, 370
Камбары, р. 192
Каменная Башня, г. 207—209, 211—218, 220—222, 365, 366, 368
Кангюй (Канцзюй), государство 226, 257, 285, 362, 364, 376
Каньфу, обл. 384
Каптархона, древний памятник 56
Карабулак, могильник 370
Карадонг, древний памятник 47
Каракаш, р. 98, 348
Каракитаев государство, см. Западное Ляо
Каракорум, г. 382
Каракорумский хребет 369
Карамудэн, г. 286
Каратаг, горы 219
Каратегин, обл. 215, 216, 218, 219, 221, 353, 365, 366
Караханидское государство 10, 323, 334, 343, 344, 347, 348, 351
Караходжа, могильник 53, 57, 59, 290, 294, 298, 375, 378, 383, 385, 386
Караходжа, р. 18
Караходжа, сел. 18, 21, 36, 43, 61, 138, 146, 339, 373
Карашар, г. 7, 18, 21, 39, 92, 346, 348, 381
Карашар, государство 36, 39, 286—288, 301, 304, 309, 310, 338, 348, 364, 380
Карашарский оазис 364, 372, 385, 386
Карашахр, древний памятник 47, 53
Каргалык, г. 372
Карлыктаг, горы 21
Каро, местонахождение 103, 134
Карсана, стоянка 141, 142
Каса, см. Касия, обл. 163, 194, 217, 365, 366, 368
Касийские горы 194, 195, 217
Каспийские Ворота, горный проход 213, 215
Каспида, обл. 193
Каспийское море 192, 210, 211, 367, 386
Каспирия, обл. 205
Каттигары, г. 211
Кашгар, см. Кэпаньто, Шулэ, г. 24, 351, 353, 365
Кашгар, государство 9, 17—19, 23, 34, 35, 37, 42, 46—48, 51, 53, 55—57, 59, 91, 94, 121, 131, 133, 137, 139, 157, 163, 217, 279, 304, 350, 364, 372, 376
Кашгар, р. 350
Кашгария, обл. 17, 26, 85, 86, 320, 337, 368
Кашмир, обл. 43, 103, 133, 264, 303, 319, 322, 364, 376, 380
Кенкола, р. 370
Керия, г. 19, 22, 23, 29, 137, 242, 276
Кериядарья, р. 20
Керулен, р. 361
Керченский п-ов 168
Керчь, г. 371
Кетмень-Тюбе, г. 370
Кеш, г. 303
Киданьское государство, см. Ляо
Кингтау, горы 85
Киото, г. 58
Киргизия 226
Кириш, городище 32, 33
Кирнаба, зал. 192
Кировское, стоянка 168
Кирэсхата, г. 219—221
Китайский Туркестан 33, 34
Китай (Китайская Народная Республика, КНР) 3—6, 12—15, 58, 60, 63, 66, 74, 80, 81, 89, 92, 104, 116, 119, 120, 125, 127—129, 135, 136, 139, 149, 150, 152, 154, 161, 167, 171, 176, 190, 215, 224, 229, 246, 252, 255—257, 258, 259—263, 267, 273, 275, 280, 281, 283—286, 290, 291, 293—297, 299, 302—305, 307, 309, 316, 318, 321—327, 341, 348, 352, 353—359, 361, 368, 375, 378—380, 383, 385, 387—391
Кок-муна, городище 22
Коксу, р. 219
Комед, г. 214, 366, 368
Комул, см. Хами
Конётатар, городище 20
Кончедарья, см. Курукдарья р. 92, 96, 97, 110, 111, 113, 265
Коняшар, городище 41
Корея 58, 202, 319, 391
Корё, государство 296
Кочо, г. 18, 290, 309, 341
Краснореченское городище 374
Крорайна, см. Лоулань, государство 79, 80, 265—273, 278, 281, 284, 289, 290, 293, 364, 368, 383
Крым, п-ов 371
Ктесифон, г. 364
Куба, р. 220
Кубань, р. 370
Кукунор, оз. 319, 322—324, 326, 329, 357
Кулукэтала, стоянка 139, 147, 148
Кульджа, см. Инин, г. 20, 35, 37, 92, 121
Кумари, древний памятник 24
Кум-Арык, древний памятник 54
Кумид, обл. 366
Кумкудук, местонахождение 166, 168, 170
Кумтаг, горы 94

Кумтур, пустыня 94
Кумтура, местонахождение 18, 33, 41, 52, 58, 59, 89
Кундуз, г. 217, 219
Куньлунь, горы 13, 20, 23, 55, 83, 84, 86, 87, 98, 134, 244, 250, 273, 348, 353, 354, 364
Куньмин, г. 357
Курля, г. 34, 39
Курукдарья, см. Кончедарья
Куруктаг, горы 96, 104, 105, 110
Куруктаг, р. 25
Куршаб, р. 218, 220
Кустанайская обл. 153
Куча, см. Цюцы, г. 18, 19, 32—35, 39, 57, 58, 61, 91, 364, 371, 374, 379
Куча, государство 5, 67, 112, 346—350, 389
Куча, р. 53, 346
Куча, уезд 7, 23, 26, 29, 48, 53, 56, 90, 137, 139, 146, 149, 173, 264, 281—286, 288—290, 294, 301, 302, 304, 310—312, 318—320, 323, 333, 334, 336, 338, 339, 375, 378, 380, 381
Кучук I, стоянка 153
Кучуктепа, древний памятник 153
Кушанское государство 10, 250, 259, 261, 278, 368, 390
Кхема, обл. 278
Кызыл, г. 18, 32, 33, 53, 57
Кызылский минг-уй, древний памятник 52
Кэпаньто, см. Кашгар
Кыргызский каганат 323
Кээрмуци, коммуна 148
Кээрмуци, могильник 148

Лалинхэ, р. 324
Ланка, см. Тапробана
Лан, р. 192
Ланьтянь, р-н 353
Ланьчжоу, г. 222, 374
Лапчук, древний памятник 47
Ленинабадская обл. 71
Лёссовое плато 128, 135
Ли, см. Хотан, обл. 298, 390
Лимирика, г. 210
Линчжоу, г. 307
Линьу, уезд 307
Лисе, г. 23
Лисянь (Римский Восток) 376
Лифань, обл. 357
Лобнор, оз. 58, 61, 90, 92, 93, 96—98, 103, 136, 137, 149, 334, 363, 364, 372, 390
Лобнор, пустыня 13, 18, 19, 25, 29, 37, 55, 89, 96, 98, 99, 100, 104, 107, 110—113, 127, 131, 222, 235, 236, 241—243, 249, 265—267, 272, 382
Лондон, г. 57
Лоулань, см. Кроранна
Лоян, г. 222, 256, 288, 374, 376, 379
Луковый хребет 331
Лукэцинь, сел. 138
Лунси, котловина 237
Луньтай, г. 241, 252, 254, 255
Лусюнь, г. 357
Люкчун, см. Лючжун
Люкчунская котловина 292
Люша, см. Такла-Макан
Лючжун, г. 22, 258, 259, 285, 288, 292, 363, 364
Лянчжоу, см. Гуцзан, г. 263, 323, 324, 378
Ляо, см. Киданьское государство 324, 331, 334, 335, 342
Ляодунь, сел. 138

Мавераннахр, см. Трансоксания, обл. 316, 317, 328, 350, 364, 367, 383
Малаккский прол. 379
Малая Азия 281
Малая Ань, обл. 372
Маликавати, древний памятник 61
Малый Болюй, государство 350
Манас, р. 13
Маннай, г. 92
Мараканда, см. Самарканд
Маралбаши, г. 9, 37, 39, 47, 51, 56, 57, 94
Мариенталь, г., см. Советское, сел. 371
Мауритим, древний памятник 44
Меотийское озеро, см. Азовское море
Мерв, см. Муго, г. 215, 216, 364, 372, 386
Месопотамия, обл. 159, 213, 318, 352, 364
Мидия, обл. 213, 215, 352
Минг-тен-Ата, древний памятник 41, 54
Минг-уй, древний памятник 57
Минусинск, г. 26, 353
Минусинская котловина 152, 165, 172, 173, 358, 360, 361, 381, 382
Миньфэн, см. Ния
Миньфэн, уезд 137, 176
Миньцзян, р. 357
Миран, древний памятник 18, 46, 47, 62, 80, 92, 96, 265, 273
Моголистан 347
Мойлтын-Ам, стоянка 130
Монголия, см. МНР. 13, 15, 17, 18, 48, 73, 81, 83, 89, 92, 114, 116, 126, 128—130, 132, 133, 135, 152, 167—171, 297, 357, 360, 382, 385
Монгольский Алтай, горы 13, 381
Мощевая балка, могильник 373
Муг, гора 367, 373
Муго, см. Мерв
Музарт, р. 54, 346
Муксу, р. 220
Мултук, р. 9

Мулэй, г. 92
Мулэй, уезд 119—122, 126, 137—142
Мулэй-Казахский автономный уезд 146
Мулэйхэ, р. 121, 146
Муртук, см. Безеклык, древний памятник
Мюнхен, г. 54
Мяоэрцзи, стоянка 100

Набупо, см. Ноб
«Над Поляной», могильник 381
Наньшань, горы 130, 237, 240, 244, 323, 324, 326
Наньшанькоу, сел. 138
Наньян, р-н 353
Наомаоху, сел. 138
Нарын, р. 353
Непал 379
Нидерланды 31
Нижнее Поволжье 367, 370, 371, 376
Нижний Дон 370
Нинся-Хуэйский автономный р-н, НХАР 129
Нипа, см. Дамдан, г. 364
Ниса, г. 389
Ния, см. Миньфэн, Чадота, Цзинцзюэ, г. 4, 18, 46, 55, 61, 80, 137, 249, 278, 284, 285, 364
Ния, оазис 7, 19, 23, 44, 45, 57, 68, 80, 249, 250, 261, 262, 267, 271
Ноб, см. Набупо, г. 273
Ново-Петровское, местонахождение 151
Ноин-ула, горы 361
Норвегия 31
Нороссские горы 362
Нуч-Барсхан, р-н 333

Обигарм, обл. 215, 218
Обихингоу, р. 220
Общий Сырт, возвышенность 360
Обь, р. 353
Ойхард, р. 194, 195
Окс, р. 193, 204, 216, 372
Опал, см. Упаэр, г. 139
Ордос, обл. 129, 132, 154, 155, 307, 323, 324, 357, 359, 361, 378, 380
Оренбург, г. 360
Оросана, г. 195
Отрар, г. 63, 374
Оттокорора, г. 194, 195, 200
Ох, см. Зариасп
Ош, г. 23, 365
Ош, р. 220

Пазырык, древний памятник 182, 186—188, 353, 356, 358, 359, 361
Пакистан 128, 138
Палиана, г. 195, 211
Палимбофры, г. 208, 211, 213
Пальмира, г. 364, 385
Памир, горы 48, 83, 131, 135, 144, 155, 171, 173, 180—182, 216, 219, 221, 232, 257, 258, 260, 264, 279, 282, 350, 353, 355, 358, 366, 371, 378, 380, 382
Паньто, г. 279
Париж, г. 57, 62, 91
Парфия, см. Аньси
Паттахисар, переправа 219
Паханна, см. Фергана
Пекин 60, 65, 152
Пенджикент, см. Пачикат, г. 73, 77, 153, 374
Персидский зал. 132, 388
Петра Первого хребет 220
Пешавар, г. 232
Пиада, г. 195, 208
Пилан, городище 282, 283
Пишань, см. Гума, г. 137, 261, 278
Пишань, государство 278
Поволжье 167, 168
Пограничная Джунгария 83
Поднебесная, см. Китай
Польша 36
Понт, море 208, 210
Приаралье 132
Прибайкалье 126
Прина, р. 204
Приналшанье 251, 324—329
Притяньшанье 61, 231, 232, 258, 259, 264, 292
Приуралье 364
Причерноморье 175, 372
Пржевальск, г. 92
Прокопьевск, г. 381
Псифара, р. 192, 198, 199
Пскентский могильник 370
Пули, государство 261
Пулу, государство 261
Пулэй, государство 251, 363, 371
Пурушапура, см. Ситяньбулу, обл. 331, 333

Ра, р. 367
Равак, древний памятник 18, 45, 55
Раннее Ляо, государство 390
Раннее Хань, государство 225
Раннее Цинь, государство 263
Раскемдарья, р. 98
Рим, г. 31, 191, 192, 197, 206, 207, 384
Римская империя 368, 370
Рионн, см. Фасис, р. 373
Рифейские горы 367
Родос, о-в 208, 209, 213, 215
Россия 3, 17, 57
Русская Джунгария 17

Садовое, сел. 151
Самарканд, см. Мараканда, г. 23, 38,

216, 220, 221, 317, 318, 353, 365, 367, 372—374, 378
Санкт-Петербург, г. 31, 34, 36, 38, 49
Саньбайхаоцзы, сел. 138
Саньбао, см. Янбулакэ
Саньдаолиньцзы, сел. 92, 109, 115, 116
Саньлунся, перевал 363
Сапаллитепа, местонахождение 153
Саразм, стоянка 153
Сарыкол, местонахождение 43
Сарыкольский хребет 218
Сахара, пустыня 88
Саяны, горы 381
Сват, г. 369
Северная Индия 10, 43, 116, 135, 150, 157, 205, 388
Северная Монголия 361
Северное Вэй, см. Тоба Вэй, Юань Вэй, государство 286, 294, 301, 375
Северное Лян, государство 286, 294
Северное Причерноморье 167, 364, 367, 370
Северное Ци, государство 301, 303
Северное Чжоу, государство 301, 303, 375, 385
Северный Кавказ 368
Северный Китай 83, 130, 133, 134, 263, 264, 294, 352, 369, 383
Северный Таджикистан 371
Северо-Восточная Индия 338
Северо-Восточный Китай, см. Дунбэй
Северо-Западная Индия 321, 372
Северо-Западный Китай 85, 87, 130, 153
Селенга, р. 361
Селевкия-на-Тигре, г. 205
Семипалатинск, г. 360
Семиречье, обл. 28, 175, 182, 188, 226, 316, 320, 333, 351, 373, 374
Сенгим, г. 49—51
Сенгим, местонахождение 49
Сенгим, р. 50, 51
Сенгим-Огуз, древний памятник 41, 49, 138
Сен-Жермен-ан-Ле, г. 91
Сер, р. 178, 213
Сера, см. Чанъань
Серийские горы 195
Серика, 163, 193—195, 200, 201, 205, 207—209, 211—214, 222, 356
Сериндия, см. Западный край, Восточный Туркестан
Сиань, г. 282, 374
Сибирь 11, 126, 167, 169, 357
Сидунь, обл. 238
Сие, государство 261
Силянфу, г. 323—325
Синин, г. 321, 374
Синьхэ, г. 139
Сирия 207, 252, 361, 364 385, 388, 390
Сирийская пустыня 364
Ситяньбулу, см. Пурушапура
Сицзян, р. 361
Сичжоу, округ 331, 378
Сичуй 356
Сияньчи, сел. 138
Скифия 163, 168, 172, 193—195, 200, 201, 365
Скифия за Имаем, см. Занмайская Скифия
Скифский Берег 191
Скифский Мыс 191, 192, 197
Скифский океан 191, 192, 197
Смирна, г. 208, 213
Снежные горы 331
Советское, сел., см. Мариенталь
Согд (Согдиана), обл. 77, 78, 157, 163, 202, 205, 212, 216, 218, 219, 251, 301, 328, 329, 352, 361, 372, 374
Соита, г. 194, 208
Солана, г. 195, 211
Соцзюй, государство 245, 255—257, 261, 262, 276, 279, 280, 284, 285
Средиземное море 191
Средиземноморье 150, 355, 384, 387—389, 391
Срединное государство, см. Китай
Средняя Азия 30, 34, 38, 129, 169, 223, 242, 373, 378, 389, 390
СССР, см. Советский Союз 13, 18, 92, 149, 151
Старая Полтавка, сел. 370
Средний Восток 381
Стоянка Торговцев, г. 216—222
Субаши, древний памятник 18, 32, 41, 53, 56—59
Суй, государство 303, 306, 309
Сукулук, стоянка 151
Сулэ, государство 46, 231, 244, 245, 247, 258—262, 271, 275, 279—281, 285, 289, 376
Сун, государство 302, 325, 326, 331, 335
Сунфань, обл. 357
Сурхандарья, р. 219, 365
Сурх-Котал, р. 216
Сутрушана, см. Уструшана, г. 313
Сучжоу, см. Цзюнцюань, г. 114, 211, 324
Сучжоу, древний памятник 114, 378
Счастливые Острова 208, 213
США 32, 67
Сыдагоу, местонахождение 140, 144
Сымсым, древний памятник 41, 53
Сынгыр, местонахождение 92, 100, 104—106, 110, 112, 113, 138
Сырдарья, см. Куршаб, Яксарт, р. 167, 220, 334, 353
Сычуань, пров. 60, 119, 322, 357—359
Сышичэцюань, сел. 139
Сышили, г. 287

Сюаньду, г. 231, 232
Сюйпан, сел. 51
Сюми, обл. 238
Сюсюнь, государство 231, 261
Сяньбяобао, урочище 176
Сяньду, горы 226
Сяовань, государство 241, 243, 245, 250, 261, 270, 278
Сяоцзинли, сел. 138

Табис, гора 192, 197
Табу, р. 369
Тавр, хребет 192, 202, 205
Таджикистан 84, 102, 154, 371
Таджикская ССР 71
Таджит, древний памятник 32
Тайвань, о-в 361
Тайбайшань, гора 358
Тай, г. 303
Такла-Макан, пустыня 8, 13, 24, 86, 92—95, 104, 113, 131, 132, 176, 249, 390
Талас, р. 151, 284, 305, 316—318, 372
Тамда, могильник 356
Тан, государство 301, 303, 305—312, 314—322, 324, 341, 346—348, 373, 374, 379, 381
Танаис, г. 360
Тангутское государство, см. Западное Ся
Тапробана, см. Ланка, о-в 206, 207
Тар, пустыня 96
Тараз, стоянка 317, 374
Тарим, р. 13, 18, 19, 28, 48, 57, 60, 61, 86, 92, 96, 104, 112, 113, 119, 137, 222, 226, 236, 241, 242, 249—251, 253, 255—258, 261, 263—266, 268, 272, 274, 279, 281, 282, 285, 286, 292, 322, 334, 337, 350, 353, 364
Таримская впадина 13, 14, 59, 83, 86
Таримская пустыня 96, 98, 127
Таримская равнина 87
Таримский бассейн 8, 95, 346
Таримский массив 84, 85
Тахти-Сангин, перевал 389
Тахти-Сулейман, перевал 365
Ташкент, г. 23, 353, 365
Ташкентский оазис 7, 153, 370
Ташкурган, г. 57, 182, 218, 281, 353, 364—366, 368, 372
Ташкурган, могильник 43, 57, 177—182
Ташкурган, р. 139, 178, 365
Ташкурган-Таджикский автономный уезд 139, 176, 365
Тегермансу I, могильник 172
Тегермансу II, могильник 172
Теджурман, древний памятник 56
Терекдаван, перевал 219, 220, 364
Теле, обл. 371
Терехино, сел. 382
Термез, г. 219, 353, 365
Терсагар, горный проход 220
Тибельгу, сел. 39
Тибет 13, 15, 17, 23, 48, 55, 76, 81, 103, 119, 128, 161, 229, 264, 297, 302, 318—324, 330, 341, 347, 349, 379
Тибетский авт. р-н (ТАР) 103, 134
Тибетское нагорье 20
Тигр, р. 213, 215
Тиллятепе, древнее поселение 153, 369, 389
Тингентера, г. 191
Тоба Вэй, см. Северное Вэй, см. Юань Вэй, государство
Тобол, р. 153, 360
Тобольск, г. 3
Тогань, г. 285, 301
Токио, г. 53
Токкуз-Сарай, древний памятник 56
Токсун, г. 138, 139, 182
Томск, г. 353
Топатим, древний памятник 56
Топашахр, древний памятник 56
Топрак-кала, древний памятник 11
Тосор, стоянка 129
Тохаристан (Тохоло) 77, 372
Трансоксания, см. Мавераннахр
Трапезунд, г. 373
Тува 174, 175, 337, 360, 361
Туйок, древний памятник 52
Тумшук, г. 18, 47, 53, 54, 157
Тумшук, местонахождение 9, 51, 53, 54, 56, 57
Тунчэн, см. Хара-Хото, см. Эдзина
Тураташ, могильник 370
Туркестан 34, 375, 378, 386
Туркмения 152
Турция 73
Турфан, г. 7, 18, 20, 22, 29, 30, 37, 39, 41, 42, 47, 58, 59, 61, 62, 72, 73, 80, 92, 104, 114, 116, 121, 123, 138, 139, 146, 150, 335, 336, 338, 340, 341, 344, 353, 371, 372, 374, 382, 383, 386, 389, 391
Турфан-Хамийская впадина 88, 291, 282
Турфанская котловина 13, 182, 323, 336, 339
Турфанский оазис 14, 27, 47, 48, 57, 58, 60, 75, 77, 234, 297, 309, 328, 330—332, 337, 338, 340, 356, 364, 373—375, 378, 381, 383, 385
Турфанское княжество 5, 81, 82, 146, 290, 294, 298, 328, 330—337, 339—347
Тухоло, г. 362
Туюк, древний памятник 18, 37, 47
Туюк-Мазар, древний памятник 20, 27, 41, 50
Туюк-Мазар, сел. 50
Туяхта, могильник 381

Тюргешский каганат 316
Тюркский каганат 10, 11, 303, 350
Тянь-Шань, горы 13, 14, 83—85, 87, 104, 127, 133, 134, 155, 188, 226, 237, 244, 281, 282, 312, 313, 330, 331, 334—336, 344, 346, 348, 350, 353, 356, 363—365, 367, 370

Убао, сел. 138, 145
Убулатэ, стоянка 139
Увэй, см. Гуцан, г. 263
Удаяна, см. Чжан
Узбекистан 153, 154
Узунташ, р. 249
Уйгарак, сел. 167
Уйгуристан 338
Уйгурский каганат 318, 322—324, 327, 330, 336, 342, 347, 380
Уланбай, г. 38, 39
Улэй, г. 243—246, 253, 263
Улюнгур, оз. 137
Упаэр, см. Опал
Урал, см. Даикс, р. 359, 360, 373
Ур-Безери, могильник 381
Ура-Тюбе, г. 371
Уреста, р. 220
Урумчи, г. 12, 18, 28, 35, 36, 38, 42, 43, 56, 61, 80, 81, 92, 114, 121, 137, 139, 146, 182, 226
Урунгу, р. 137
Уструшана, см. Сутрушана
Усть-Чересская Пристань, стоянка 382
Утаньцзыли (Утань), государство 244, 246, 261
Уту, р. 291
Учмерван, г. 46
Учмерван, древний памятник 46, 56
Учтурфан, г. 39, 321
Ушактал, сел. 39
Уши, р-н 353
Ушу, г. 242
Уцзи, г. 280
Уцзя, г. 374

Фагурская гора 194
Фанъе, см. Бамиан
Фанъянь, г. 362
Фапсак, г. 215
Фархад-бек-яйлаки, местонахождение 47
Фасис, см. Риони
Фаяз-тепе, древний памятник II
Фергана, см. Паханна, г. 7, 131, 167, 216, 219, 221, 226, 238, 244, 251, 252, 257, 268, 279, 367, 370, 372, 374, 377, 389
Ферганская долина 8, 151, 152, 364, 367, 370, 372
Финляндия 32, 73
Фины, г. 210
Фогара, г. 195, 208
Франция 23, 31, 56, 103, 387
ФРГ, см. Западная Германия
Фроана 195, 208, 211
Фрунзе, г. 18
Фула, обл. 194
Фулинь, см. Византия

Хадалык, древний памятник 46
Хайдык-Гол, р. 137, 241
Хайнань, о-в 361
Хайтоу, местонахождение 262, 263, 265—268
Хаканнаит-шахри, г. 46
Хакасия 283
Хами, древний памятник 18
Хами, см. Комул, г. 37, 42, 43, 47, 56, 59, 63, 92, 114, 116, 136—139, 146, 152, 309, 328, 336, 371, 372
Хами, уезд 63
Хамийский оазис 13, 14, 378
Хан-уй, древний памятник 56
Хань, государство 222, 223, 283, 367, 368, 370, 376, 388
Харабалгас, г. 380
Хара-Хото, см. Тунчэн, Эдзина, г. 379, 380
Хаурана, г. 184
Хельсинки, г. 37
Хива, г. 3
Хинган, горы 361
Хоана-на-Оксе, г. 219, 221
Хорасан, обл. 352
Хорезм, г. 11, 102, 352, 389
Хорезм, государство 77, 102, 114, 367
Хорезмская область 339
Хотан, см. Хэтянь, Юйтянь, г. 9, 14, 18, 19, 21, 23, 29, 34, 35, 43, 44, 46, 47, 55, 57, 61, 91, 92, 98, 137, 139, 157, 161, 241, 242, 249, 273—278, 289, 298, 301, 302, 304, 319, 348, 364, 366, 383
Хотан, государство 54, 62, 80, 92, 94, 157, 274, 275, 279—281, 353, 368, 369, 382, 389—391
Хотан, р. 13, 20, 37, 86, 241, 273
Хоувантин, г. 363
Хочжу, г. 290
Хриса, м. 192, 210
Хуанжун, обл. 240, 357
Хуанхэ, р. 128, 129, 150, 222, 240, 261
Хуаюань, коммуна 152
Хуми, обл. 372
Хупуцзы, сел. 36, 37
Хуху, государство 243
Хэ, обл. 362, 372
Хэбаньто, г. 372
Хэнань, пров. 150, 304, 356, 365
Хэпо, обл. 357
Хэси, обл. 378
Хэсу, г. 378
Хэтянь, см. Хотан, г.

Хэцзин, г. 182
Цайдам, р-н 357, 379
Цао, обл. 362, 372
Це, государство 243
Цегу, государство 248
Цемо, Чалмадана, г. 243—245, 249, 261, 270, 272, 273, 278, 282
Цемо, государство 137
Центральная Азия 22—24, 28—32, 35, 37, 43, 188, 201, 353, 357, 366, 380—383, 385, 387, 389
Центральный Тянь-Шань 17
Цинлин, горы 377
Цзеши, государство 261
Цзибинь, см. Кашмир
Цзинцзюэ, см. Ния, Чадота, г.
Цзинь, государство 289
Цзинцзюэ, государство 241, 245, 249, 261, 270, 278, 283
Цзиньмань, см. Джимсар
Цзиньцюань, г. 374
Цзиюй, государство 239
Цзыхэ, государство 257
Цзюаньду, государство 231, 232
Цзюйлуцан (Цзюйлуцзыцан), государство 265, 266, 269
Цзюйлэ, государство 245, 249, 261, 278
Цзюйми, 257, 258, 275—278, 283, 285, 292
Цзюймо, р. 382
Цзюйцзы, государство 241, 244, 245, 246, 247, 249, 258, 259, 261—263, 279—281
Цзюйши, государство 251, 254, 255, 258, 261, 262, 291—294
Цзюйянь, г. 269, 272, 377
Цзюнцюань, см. Сучжоу
Цзюцюань, г. 240, 251, 254, 324
Цзяохэ, г. 291, 292, 363, 364
Цзяшими, государство 376
Цигуцзинцзы, сел. 92, 109, 116
Цигэтай, сел. 136
Циляньшань, горы 227, 232, 234, 235, 237
Цинская империя 12, 15
Цинхай, пров. 321
Цинь, государство 343, 356
Цитай, г. 137, 138
Цицзяоцзин, стоянка 92, 121, 138
Цунлин, см. Памир
Цунлэй, обл. 243
Цюаньду, государство 261
Цюйми, государство 241, 245, 257, 259, 269, 271, 286
Цюймо, государство 241
Цюйша, государство 261, 304
Цюйсаданьна, г. 304
Цюн, обл. 358, 359
Цюнду, обл. 357, 361
Цюцы, см. Куча
Чагатайское государство 347
Чадир, г. 284
Чадота, см. Ния
Чайвопу, местонахождение 92, 278
Чалмадана, см. Цемо
Чанъань, см. Сера, г. 231, 243—246, 252, 268, 270, 283, 292, 312—317, 321, 348, 349, 361, 363, 375, 378, 380
Чанъухэ, канал 152
Чанша, г. 361
Чарклык, древний памятник 46, 92, 96
Чархалык, г. 35
Чархан, местонахождение 46
Чач, см. Шаш
Черное море 353, 360
Черный Иртыш, р. 13, 137
Черчен, г. 19, 23, 25, 92, 249, 364
Черчен, р. 96, 97, 104, 113, 241, 382
Черченский оазис 21, 29, 250
Чжан, см. Удаяна, обл. 376
Чжанъе, г. 324, 374
Чжанъи, окр. 240, 251, 254, 263
Чжаосу, г. 176
Чжаосу, уезд 139, 236
Чжаотун, г. 357
Чжоу, государство 301, 375, 385
Чжуцзюйбо, г. 372
Чжэнчжун, государство 261
Чиканкол, древний памятник 51
Чикинсай, р. 92, 113
Чили 104
Чилин, хребет 321
Чокур, сел. 239
Чолькуль, оз. 92, 94
Чонтагаш, возвышенность 94
Чу, государство 357, 358
Чугучак, г. 38, 42, 43
Чулу, г. 241
Чун, сел. 151
Чуст, стоянка 153
Шакья, государство 229
Шань, государство 261, 289
Шаньдун, пров. 356, 371, 384
Шаньси, пров. 353, 354
Шаньшань, г. 137, 146, 259, 261, 269, 271, 301, 363, 364, 383
Шаньшань, государство 280, 372
Шара-Сумэ, см. Алтай, г. 137
Шацзюй, г. 241
Шачжоу, г. 237, 328, 378
Шачио, г. 333
Шачэ, см. Яркенд
Шаш, см. Чач, г. 313, 317
Шаяр, г. 285
Швейцария 32
Швеция 32

Ши, см. Шаш
Шижэньцзы, местонахождение 138, 141, 142, 144—146
Шикшин, см. Шорчук, древний памятник 18, 39—41, 47, 53, 77
Шичжайшань, местонахождение 358, 359
Шорчук, см. Шикшин
Шоусянь, стоянка 361
Шу, государство 358, 359
Шуанми, обл. 238
Шугнан, р. 71, 353
Шулэ, см. Кашгар, Кэпаньто
Шулэ, уезд. 46 304, 364
Шуфу, уезд 137, 139, 147, 153
Шэнцзинькоу, сел. 138
Шэньду (Индия) 359, 376
Шэньси, пров. 150, 357
Шэньчжа, стоянка 129

Эби-Нур, оз. 137
Эдзина, см. Тунчэн, Хара-Хото
Эдзина, оазис 380
Эдзин-гол, р. 328
Экбатаны, г. 213, 215, 364
Эмба, см. Их, р. 373
Эмодские горы 193—195, 204, 205
Эндере, древний памятник 25, 46, 249, 278, 279, 364
Эсйское море 191, 192, 197
Эритрейское море 210, 211, 214
Эфталитов государство 372

Юань Вэй, см. Северное Вэй, Тоба Вэй
Юаньцюй, г. 286
Юго-Восточная Азия 48
Юго-Восточная Европа 168
Юго-Западный Китай 360
Южная Сибирь 15, 26, 27, 81, 151—153, 167, 169, 256, 357, 358, 359, 360, 381, 385, 387
Южная Туркмения 149, 154
Южное Приуралье 170, 370
Южный Таджикистан 87, 103, 115, 126, 133, 135
Юйлин, государство 261
Юйми, государство 241, 249
Юймынь, г. 18, 241, 364
Юймыньгуань, г. 243, 245, 249, 252, 255, 292, 363—365, 372
Юйни, г. 251, 265, 266, 283
Юйтянь, см. Хотан
Юйэргоу, стоянка 145
Юлдустаг, горы
Юлиши, государство 255
Юнчан, г. 336
Юнчжи, стоянка 358
Юньнань, пров. 254, 319, 357—359
Юрункаш, р. 98, 348

Ява, о-в 76
Ягноб, р. 71
Ягодное, могильник 168
Яда, государство 301
Яз I, стоянка 152, 154
Якинлык-Куль, оз. 112
Яксарт, см. Куршаб, Сырдарья
Янбулакэ, см. Саньбао, стоянка 145
Янгузкум, урочище 20
Янгуань, г. 243
Янцзы, р. 119, 150, 246, 358
Янь, г. 92, 282, 285, 370
Яньдунь, сел. 138
Яньцай, р-н 364
Яньци, см. Карашар
Япония 4, 30, 57, 58, 60, 73, 78, 79, 104, 388, 391
Ярданг-булак, р. 110
Яркенд, см. Шачэ, г. 18, 37, 46, 54, 57, 91, 92, 131, 279, 350, 352, 353, 366, 383
Яркенд-дарья, р. 13, 86, 94, 95, 178, 181, 241, 364
Яр-Хото, стоянка 18, 22, 37, 41, 57, 59, 121

SUMMARY

Eastern Turkestan: Essay of Ancient and Early Medieval History. The monograph is a comprehensive study of the ethnic, socio-political and cultural history of this Central Asian region that played a remarkable role in the ancient and Medieval history of Eurasia. For many millennia it maintained close ties with Central Asia, actually making a single ethno-cultural whole with it. The authors synthesize data of numerous sources which largely differ both in origin and chronologically to recreate an integral picture of the East Turkestan history, its ethnic and cultural links.

The Introduction gives a definition of Eastern Turkestan, specifies its boundaries and the key goals of research. The authors argue against the invalid attempts to show Eastern Turkestan as a part of ancient and medieval Chinese empires.

Chapter 1 summarizes data about expeditions to Eastern Turkestan and the materials they retrieved. Related studies and publications are analysed. The authors stress the important role of Russian travellers in the study of the region. Detailed information is given about major national and foreign studies of the region's culture. Much space is reserved for an elaborate analysis of the academic publications of written sources and studies.

Chapters 2, 3 and 4 deal with the early history of the region now known to us mostly through archaeological data. Data about all known monuments of region's Stone Age are collected together and brought into a system. Many monuments are described and dated for the first time. The earliest ties between Eastern Turkestan and India, Central Asia and Mongolia are examined. Monuments of the Bronze Age indicate to the ties with the steppe bronze cultures of the tribes known for the painted ceramics, in particular from Central Asia. The late 2 and early 1 millenia A. D. may be regarded as the epoch of the expansion in the region of the Iranian tribes whose early Medieval written monuments have been found there. In the early Iron Age Eastern Turkestan was integrated in the area of the Sakas — the Iranian people of the Scythian type culture.

Chapter 5 offers a detailed analysis of ancient sources relating to the region. On this basis we may only approximately establish the location of peoples and places but even so it is very important for reconstructing the ethno-cultural image of ancient Eastern Turkestan. The data essentially supplement and correct information of the Chinese sources.

Chapters 6 and 7 are concerned with the region's political history in the 2nd-6th centuries (Chapter 6) and the 7th-10th centuries (Chapter 7).

The struggle between the Kushan Kingdom, Hiung-nu, Han Empire, etc., for control in the region is described. The authors analyse the administrative and economic systems and the historical developments in the states of the region. The final chapter summarizes data of the Chinese and ancient Graeco-Roman sources, data on archaeology and numismatics relating to the Great Silk Road. Domestic and external trade and economic relations of the local states are analysed in detail.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . 3
Глава 1. История изучения 17
Глава 2. Каменный век 83
Глава 3. Бронзовый век 136
Глава 4. Ранний железный век 156
Глава 5. Восточный Туркестан в свете античных источников 190
Глава 6. Восточный Туркестан в III в. до н. э.— VI в. н. э. 223
Глава 7. История Восточного Туркестана в VII—X вв. 297
Глава 8. Великий шелковый путь 352
Список использованных источников и литературы 392
Список сокращений 429
Указатель имен . 431
Указатель географических названий 439
Summary 451

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Очерки истории

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *А. А. Пименов*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *Е. Н. Волков*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректоры *Е. В. Карюкина*
и *Г. П. Каткова*

ИБ № 15839

Сдано в набор 10.12.87. Подписано к печати 20.06.88. Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 28.5. Усл. кр.-отт. 28,5. Уч.-изд. л. 34,11. Тираж 2000 экз. Изд. № 6166. Зак. № 941. Цена 5 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51,
Цветной бульвар, д. 21, строение 2

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Готовится к изданию книга

Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э.— VII в. н. э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). **12 л.**

В книге дано обоснование локализации государств, существовавших в разное время в Восточном Туркестане и Средней Азии, а также в Припамирье со II в. до н. э. до VII в. н. э., описанных в древних китайских историях от «Шицзи» до «Синьтаншу». В работе использованы географические и исторические методы исследований, результаты которых отражены на картах-схемах.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ»), «АКАДЕМКНИГА»

Книги
Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);